

121
18

арш $\frac{20-84}{103}$

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ VIII.

Книга 2 (37).

Подъ редакціей Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго.

МАРТЪ-АПРѢЛЬ 1897 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко.
Цяменовская улица, собствен. домъ.

1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Объ атеизмъ въ философіи Спинозы.— А. И. Введенскаго.	157
Существо и методы идеализма.— Б. Н. Чичерина	185
Понятіе о душѣ и психической энергіи въ психологіи.— Н. Я. Грота	239
Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи.— А. Н. Гилярова	301
Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія. I. Міросозерпаніе Франческо Петрарки.— М. С. Корелина	329
—	
Основанія макиавеллизма.— В. Э. Вальденберга	219
Что такое введеніе въ философію?— М. В. Безобразовой.	240
Факты и теорія «цвѣтнаго слуха».— П. П. Соколова	252
—	
Къ вопросу о воспріятіи пространства.— Г. И. Челпанова.	276
Въ защиту идеализма. Отвѣтъ Б. Н. Чичерину. — Кн. С. Н. Трубецкого	288

Критика и библіографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Oswald Külpe. Einleitung in die Philosophie.— К. П. Зандевича	328
Gustave Le Bon. Psychologie des foules.— Осеипа Лурье	331
Raoul Pietet. Etude critique du matérialisme et du spiritualisme par la physique experimentale.— Ю. В. Каянабиха	334

II

	<i>Стр.</i>
Felix Le Dantes. Théorie nouvelle de la vie.—Н. Д. Виноградова	343
Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Этюды о творчествѣ Тургенева.—В. Ф. Саводника	349
В. Ф. Залѣескій. Власть и право.—В. Э. Вальденберга.	354
<hr/>	
Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей	358
Психологическое Общество	361
<hr/>	

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Объ атеизмъ въ философіи Спинозы.

Въ большинствѣ случаевъ не соглашаются признавать ученіе Спинозы, какъ оно окончательно изложено въ его „Этикѣ“, атеистическимъ; напротивъ, такъ какъ онъ тамъ безпрестанно говоритъ о Богѣ, думаютъ, что это одно изъ тѣхъ ученій, которыя вполнѣ чужды атеизма. Даже всѣми принято называть его философію *пантеизмомъ, ученіемъ объ имманентности Бога міру*. А пантеизмъ, разумѣется, не то же самое, что атеизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ послѣдовательно не хотятъ часто видѣть атеизма и въ нѣкоторыхъ другихъ ученіяхъ, которыя, подобно спинозовскому, уничтоживъ *понятіе* Бога, сохраняютъ его *названіе, какъ терминъ*. Конечно, не всѣ такъ поступаютъ. Напримѣръ, Ибервегъ, говоря о Спинозѣ, выражается слѣдующимъ образомъ: „ни въ коемъ случаѣ нельзя перетолковывать словъ *Богъ*, и тѣмъ менѣе въ нѣчто столь совершенно инородное, какъ субстанція... Если есть личное существо, какъ творецъ міра, съ безусловнымъ могуществомъ, мудростью и благостью, то оправданъ теизмъ. Если такого существа нѣтъ, то долгъ чести—или исповѣдовать атеизмъ, допускать представленіе Бога, какъ выдумку, и замѣнять его научно, напримѣръ, понятіемъ вѣчнаго мірового порядка, или входить въ богословскіе вопросы не иначе, какъ исторически“. (Ист. Нов. Филос., русск. пер. стр. 88).

Но въ этой статьѣ я имѣю въ виду главнымъ образомъ взгляды, распространенные въ нашемъ обществѣ, и поста-

раюсь показать, что учение Спинозы во имя требованій логики должно быть признано атеистическимъ (хотя это не означаетъ, будто бы самъ Спиноза былъ атеистомъ), и объяснить, почему оно приняло такой характеръ и почему Спиноза не могъ замѣтить свой собственный атеизмъ. По поводу же разсужденій о Спинозѣ сами собою выяснятся и тѣ условія, при которыхъ любое философское учение должно быть признано атеистическимъ; а мимоходомъ будетъ исправлена ошибка Ибервега, заключающаяся въ только что приведенной цитатѣ.

I.

Вспомнимъ, какъ характеризуетъ Спиноза того Бога, единственно котораго онъ допускаетъ. Этотъ Богъ представляетъ собой „существо абсолютно безконечное, т.-е. субстанцію, состоящую изъ безконечно многихъ атрибутовъ, каждый изъ которыхъ выражаетъ собою вѣчную и безконечную сущность“. Таково устанавливаемое Спинозой понятіе Бога. А къ этому опредѣленію прибавляется еще рядъ другихъ признаковъ, выводимыхъ въ первой части Этики. Изъ нихъ остановимся только на двухъ слѣдующихъ: 1) Спиноза отрицаетъ у Бога дѣятельность по цѣлямъ, 2) а въ связи съ этимъ и волю. Но если у той сущности, которую Спиноза *называетъ* Богомъ, нѣтъ ни воли, ни дѣятельности по цѣлямъ, то что же это за Богъ? Не значить ли это, что *понятіе* Бога у него исчезло, а сохранилось только *слово*, или *названіе*, или *терминъ* Богъ,—слово, которое у него, дѣйствительно, фигурируетъ чуть не на каждой строкѣ?

Но вотъ это-то обстоятельство и сбиваетъ многихъ съ толку; и противъ обвиненія Спинозы въ атеизмъ возражаютъ, будто бы изъ того, что Спиноза постоянно говоритъ о Богѣ, ясно, что въ его учении нѣтъ атеизма, но что онъ только понимаетъ Бога иначе, чѣмъ другіе, иначе, чѣмъ господствующая религія. Нельзя же требовать, прибавляютъ къ этому, чтобы всѣ понимали Бога одинаково съ господствующей религіей: вѣдь при такихъ условіяхъ при-

дется называть атеистами и послѣдователей всѣхъ другихъ религій; а это—явная нелѣпость. Словомъ, защитники Спинозы, охраняя его противъ обвиненія въ атеизмъ, ссылаются на то, что *всякій вправѣ мыслить или понимать Бога по своему.*

Но они при этомъ не доглядываютъ одного обстоятельства: несомнѣнно, что всякій вправѣ понимать Бога по своему, но только не иначе, какъ до извѣстнаго предѣла, именно до тѣхъ поръ, пока мы не противорѣчимъ тѣмъ признакамъ, которые оказываются присущими Богу *вообще*, т.-е. *всякому* Богу. Вѣдь пониманіе Бога должно быть подчинено тѣмъ же требованіямъ логики, какъ и пониманіе любой вещи: о всякой вещи мы вправѣ мыслить только то, что не противорѣчитъ содержанію ея понятія. И что право мыслить Бога по своему тоже ограничено подобнымъ предѣломъ, видно изъ того, что въ противномъ случаѣ ничто не мѣшало бы намъ условиться понимать подъ словомъ „Богъ“ любую вещь, на примѣръ, матерію, и отрицать существованіе всякаго другого Бога, и при отсутствіи всякаго ограниченія въ правѣ мыслить Бога по своему насъ все-таки нельзя было бы обвинять въ атеизмѣ. Но вѣдь это явная нелѣпость.

Итакъ, очевидно, что въ правѣ мыслить или понимать Бога по своему дѣйствительно существуетъ указанный предѣлъ. Поэтому для рѣшенія вопроса объ атеизмѣ Спинозы, необходимо убѣдиться, перешелъ ли онъ за этотъ предѣлъ или нѣтъ. А для этой цѣли надо выяснить признаки, присущіе Богу вообще, т.-е. *всякому* Богу, несмотря на различіе религій; ибо отступать отъ этихъ признаковъ, говоря о Богѣ (вообще), будетъ значить—играть словами. Разсмотримъ же признаки, которые были бы общими и для Зевса, и для Перуна, и для Бога магометанскаго, и для Бога христіанскаго, и для Бога фетишистовъ и т. д. Они-то и будутъ признаками, образующими понятіе Бога *вообще*, т.-е. такими признаками, которымъ, не вдаваясь въ логически непозволительную игру словъ, уже никто не вправѣ противорѣчить, какъ бы ни понималъ онъ Бога въ остальныхъ отношеніяхъ.

И первымъ общимъ признакомъ любого Бога служить то, что онъ всегда въ большей или меньшей степени превосходитъ человѣка. Христіанскій Богъ бесконечно превосходитъ человѣка; Зевсъ превосходитъ лишь значительно, а не бесконечно; боги же фетишистовъ еще менѣ превосходятъ его, чѣмъ даже Зевсъ, — но всякій богъ мыслится, какъ болѣе или менѣ превосходящій человѣка. Къ этому превосходству мы можемъ отнести и приписываемое богамъ безсмертіе. Вторымъ же признакомъ Бога вообще служить то, что Богъ всегда мыслится какъ личность (имѣющая или одно лицо, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, или же три лица, какъ Богъ христіанскій), дѣйствующая по цѣлямъ, а слѣдовательно и имѣющая волю. Одни боги дѣйствуютъ по цѣлямъ нравственнаго закона, каковъ, на примѣръ, Богъ христіанскій; другіе же, какъ Зевсъ, — болѣе или менѣ по цѣлямъ, возбуждаемымъ ихъ капризами; но всякій богъ непремѣнно мыслится въ любой религіи, какъ дѣйствующій по цѣлямъ. Даже фетишисты приписываютъ своимъ фетишамъ дѣятельность по цѣлямъ. Таковы два признака, которые мыслятся въ понятіи любого Бога, независимо отъ всѣхъ религіозныхъ различій. Отбросить одинъ изъ этихъ признаковъ — значитъ уничтожить понятіе Бога вообще. Въ самомъ дѣлѣ, если отбросить признакъ превосходства, то понятіе Бога не будетъ отличаться отъ понятія выдающагося человѣка или даже любого животнаго, если допустить у послѣдняго личность, дѣйствующую по цѣлямъ. Отбросивъ же личность, дѣйствующую по цѣлямъ, мы увидимъ, что понятіе Бога перестанетъ отличаться отъ понятія матеріи или же отъ понятія какой-нибудь огромной, замѣтно превосходящей человѣка силы природы, на примѣръ, отъ урагана.

Игнорировать, т.-е. уничтожить эти существенные признаки, составляющіе понятіе Бога вообще, и въ то же время употреблять слово „Богъ“ — значитъ играть словами; между тѣмъ Спиноза поступаетъ именно такъ. Въ понятіи Бога у него фигурируетъ лишь одинъ изъ названныхъ признаковъ, —

превосходство, такъ какъ по его опредѣленію Богъ есть существо абсолютно-безконечное. Но онъ упорно старается устранить второй признакъ—личность, дѣйствующую по цѣлямъ, а равно и обладаніе волей, и тѣмъ разрушаетъ понятіе Бога, въ то самое время, когда оперируетъ надъ нимъ. Слѣдовательно, возраженіе противъ его обвиненія въ атеизмъ, сводящееся къ тому, что онъ не отрицаетъ Бога, а лишь понимаетъ его по своему, оказывается позволительнымъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ правѣ понимать Бога по своему не было никакого предѣла. Но такъ какъ подобный предѣлъ существуетъ, а Спиноза его перешель, то онъ и не вправѣ называть своего Бога Богомъ, не впадая въ игру словъ.

Повидимому, противъ этого заключенія можно сдѣлать такое возраженіе: подъ Богомъ—скажутъ намъ— всегда мыслится прежде всего причина міра; а у Спинозы его Богъ дѣйствительно служитъ причиной міра; слѣдовательно, онъ вправѣ называть его Богомъ, нисколько не играя при этомъ словами. Но вѣдь Зевсъ не есть ни творецъ, ни вообще причина міра. Слѣдовательно, быть причиной міра не входитъ въ составъ обязательныхъ признаковъ Бога вообще. Это именно такой признакъ, относительно котораго мы вправѣ понимать Бога по своему*). Спиноза же сохранилъ именно этотъ несущественный признакъ, а взамѣнъ того отбросилъ одинъ изъ существенныхъ, и такимъ образомъ отъ Бога сохранилъ одно лишь названіе, но не понятіе.

Наконецъ, намъ могутъ сдѣлать еще послѣднее возраженіе: въ составъ понятій Бога,—скажутъ намъ,—дѣйствительно

*) Въ самомъ началѣ этой статьи была приведена цитата изъ Ист. Нов. Филос. Ибервега и упомянуто, что онъ въ ней допустилъ ошибочное разсужденіе. Оно состоитъ въ предположеніи, будто бы подъ Богомъ непременно надо подразумѣвать творца міра, существо съ безусловнымъ могуществомъ, мудростью и благостью. Но тогда нѣ Зевса, ни Перуна, ни Марса нельзя называть богами, и всѣхъ язычниковъ надо считать атеистами. Да, пожалуй, и евреевъ тоже, ибо ихъ Богъ далеко не безусловно благъ. Ошибка Ибервега сводится къ тому, что, говоря о Богѣ вообще, онъ имѣетъ въ виду только Бога христіанскаго, т.-е. къ *quaternio terminorum*.

входятъ указанные признаки; но это будетъ только въ томъ случаѣ, если мы обращаемъ вниманіе на то, какъ представляется Богъ религіозному воззрѣнію, будетъ ли оно христіанскимъ, еврейскимъ или языческимъ,—это безразлично, лишь бы оно было религіознымъ. Но развѣ философія не вправѣ перестроить это понятіе, т.-е. исправить его опредѣленіе, замѣнивъ его другимъ—лучшимъ? А понятіе Бога, скажутъ намъ, нуждается въ усовершенствованіи, ибо религіозное понятіе Бога всегда отличается антропоморфизмомъ; вѣдь приписывать Богу волю и дѣятельность по дѣлямъ значить мыслить Его до нѣкоторой степени антропоморфически. Если же философія очиститъ это понятіе отъ антропоморфизма, то, можетъ быть, оно станетъ такимъ, что въ немъ уже не окажется никакого противорѣчія со спинозовскимъ понятіемъ Бога.

Въ сущности это возраженіе опять—таки сводится къ утвержденію, что всякій имѣетъ *ничѣмъ не ограниченное* право понимать Бога по своему. Все различіе его отъ того возраженія, о которомъ мы сейчасъ говорили, состоитъ только въ томъ, что теперь это безграничное право приписывается не Спинозѣ, не отдѣльнымъ лицамъ, а всей философіи. Но это значить приписывать подобное право не тому или другому опредѣленному философу, а всѣмъ философамъ вообще: вѣдь философія не существуетъ же сама по себѣ, помимо философовъ. И вотъ, имъ-то, взятымъ всѣмъ вмѣстѣ, приписывается то право, которое отрицается у каждаго изъ нихъ порознь. Какъ будто бы то, что логически непозволительно или незаконно, если это дѣлается немногими отдѣльными лицами, станетъ логически позволительнымъ или логически законнымъ, если это дѣлается всѣми! Нѣтъ ужъ, очевидно, коль скоро всякій философъ вправѣ понимать Бога по своему не безгранично, а не иначе, какъ только до извѣстнаго предѣла, перейдя за который онъ для избѣжанія логически непозволительной игры словъ долженъ отбросить и самое слово „Богъ“, замѣнивъ его какимъ-нибудь другимъ,—такъ точно и философія, т.-е. всѣ философы, взя-

тыя вмѣстѣ, вправѣ перестраивать понятіе или опредѣленіе Бога только до извѣстнаго предѣла. Если же она перейдетъ за него и отброситъ отъ понятія Бога такой признакъ, который принадлежитъ Богу вообще, независимо отъ религіозныхъ различій, то она логически обязана понятіе, которое она получить путемъ подобной перестройки, называть не Богомъ, а какимъ-нибудь другимъ именемъ. Пусть построенное ею понятіе будетъ неизмѣримо выше, чѣмъ понятіе Бога вообще, какъ оно мыслится въ различныхъ религіяхъ; но для его обозначенія нельзя употреблять терминъ „Богъ“, а надо называть его или Первоначаломъ, или Абсолютномъ, или Единымъ, или еще какъ-нибудь иначе, только не Богомъ. Уклоняться же отъ этого правила значить играть словами: вѣдь слово „Богъ“ уже раньше всякой философіи имѣетъ опредѣленное установившееся значеніе, и философія, если она не желаетъ играть словами, обязана употреблять его въ томъ же значеніи, въ какомъ оно употребляется и до нея.

Конечно, философія, какъ и всякая наука, зачастую имѣетъ полное право не обращать ни малѣйшаго вниманія на то, какъ понимается та или другая вещь помимо нея, т.-е. въ обыденной или въ религіозной жизни, и опредѣлять эти понятія вполне по-своему. Напримѣръ, она вправѣ такъ поступать относительно тѣхъ понятій, которыя впервые построены ею же самой и послѣ того пущены ею во всеобщее обращеніе, каковы понятія субстанціи, силлогизма, дедукціи, индукціи и т. д. Коль скоро они впервые построены философіей, то, разумѣется, она должна не *справляться*, но *предписывать*, что именно слѣдуетъ въ этихъ понятіяхъ считать существенными признаками. Но понятіе Бога не таково: оно не построено, не найдено ею впервые, а усвоено, заимствовано изъ религіозной жизни. И усвоивая его, философія, если она не желаетъ играть словами, должна ограничиться относительно него только слѣдующею ролью: во-первыхъ, она должна показать, реально ли это понятіе или нѣтъ, т.-е. существуетъ ли Богъ или нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, разрѣшимъ

ли этотъ вопросъ; и, во-вторыхъ, если это понятіе окажется реальнымъ (т.-е. если Богъ существуетъ), то показать, какіе еще признаки должны быть приписаны ему, кромѣ тѣхъ, которые уже приписываются ему всякой религіей. Если же она будетъ говорить о томъ, существуетъ ли Богъ, или нѣтъ, и какъ надо ближайшимъ образомъ мыслить Его, если Онъ существуетъ (наприм., каковы его отношенія къ вещамъ, оказывается ли Онъ по отношенію къ нимъ имманентнымъ или трансцендентнымъ и т. п.), подразумѣвая подъ Богомъ не то, что подразумѣвается тамъ, откуда она заимствовала это понятіе, а нѣчто совершенно непохожее на него, то она явнымъ образомъ будетъ играть словами: религіозная жизнь спрашиваетъ ее о Богѣ (существуетъ ли Онъ, или нѣтъ, и какъ надо мыслить Его), подразумѣвая подъ Богомъ *одну* вещь, а философія будетъ давать отвѣты на *эти же самые* вопросы относительно *совсѣмъ другой* вещи, называя ее однако именемъ *первой*. Развѣ это не явная игра словъ, будетъ ли она умышленной или неумышленной, — безразлично? *)

Правда, философія бываетъ вправѣ вполне перестроить опредѣленіе понятія даже и въ томъ случаѣ, когда оно ею усвоено извнѣ, и не измѣнять при этомъ его прежняго названія. Такъ будетъ во всѣхъ тѣхъ понятіяхъ, объекты которыхъ намъ даны въ опытѣ, если эти понятія въ обыденной жизни были неправильно опредѣлены. Напримѣръ, мы уже и въ обыденной жизни имѣемъ понятіе животнаго, такъ что философія не строить его впервые, а усваиваетъ

*) Можетъ быть, намъ возразятъ: зачѣмъ мы разсуждаемъ такъ, какъ будто бы философія обязана прислушиваться къ вопросамъ религіознаго сознанія? Развѣ не въ правѣ она развиваться сама по себѣ, независимо отъ этихъ вопросовъ? Вотъ нашъ отвѣтъ: *raison d'être* философіи состоитъ въ томъ, что она берется помочь намъ выработать критически провѣренное міросозерцаніе; а въ составъ послѣдняго должно войти и строго опредѣленное отношеніе къ религіи. Къ тому же замѣтимъ, если бы даже философія и могла не выяснять своихъ отношеній къ религіи, то все-таки для избѣжанія всякой сбивчивости въ ея словахъ ей не слѣдовало бы называть Богомъ, что попало.

или заимствуетъ его у обыденной жизни. И еслибы о́казалось, что въ обыденной жизни мы, опредѣляя понятіе животныхъ, вводимъ въ его составъ такіе признаки, какихъ въ немъ не должно быть, то философія, руководясь опытомъ, вправѣ была бы отбросить ихъ и замѣнить другими, сохраняя тѣмъ не менѣе за этимъ понятіемъ прежнее названіе; и въ этомъ не было бы никакой игры словъ. Здѣсь право философіи сохранить старое названіе за перестроеннымъ понятіемъ обуславливается тѣмъ, что, несмотря на эту перемѣну въ опредѣленіи понятія, его названіе обозначаетъ *тѣ же самыя объекты, тѣ же самыя данныя опыта*, какъ и прежде. Оттого-то и не выходитъ никакой игры словъ; ибо въ обоихъ случаяхъ—и до перестройки, и послѣ перестройки понятія животнаго—назаніе „животное“ обозначаетъ *одны и тѣ же вещи*, а не такія, которыя противорѣчатъ другъ другу, т. е. *сохраняетъ одинаковое значеніе, несмотря на перестройку* нашего понятія о животномъ.

Но понятіе Бога не относится къ объекту, данному въ опытѣ. Еслибы оно относилось къ подобному объекту, то, конечно, оно должно было бы соотвѣтствовать своему объекту, и въ случаѣ отсутствія соотвѣтствія между ними философія имѣла бы право измѣнить это понятіе, не перемѣняя его названія. Но въ понятіи Бога мыслится не то, что дано въ опытѣ, а то, что удовлетворяло бы нашимъ религіознымъ потребностямъ и во что мы вслѣдствіе этого всего только вѣримъ, какъ въ существующее. Сталкиваясь же послѣ этого съ философіей, мы, разумѣется, обращаемся къ ней съ вопросомъ, правы ли мы въ своей вѣрѣ, т. е. существуетъ ли то, во что мы вѣримъ. Философія же, отвѣчая на этотъ вопросъ, очевидно, должна употреблять слово „Богъ“ въ томъ же значеніи, въ какомъ оно употреблено и въ предложенномъ ей вопросѣ: иначе получается та игра словъ, о которой мы только-что говорили. А такъ какъ этотъ вопросъ предлагается философіи со стороны различныхъ религій, и она должна отвѣчать имъ всѣмъ сразу, то она должна выяснить то общее, что связывается въ различныхъ религіяхъ съ

именемъ Бога, и употреблять слово „Богъ“ именно для означенія этого общаго: иначе опять-таки получится игра словъ, состоящая въ томъ, что въ отвѣтъ философіи терминъ „Богъ“ будетъ обозначать совсѣмъ не то, что въ предлагаемыхъ ей вопросахъ. Такимъ образомъ, философія, заимствуя понятіе Бога изъ религіозной жизни, должна или сохранить всѣ его существенные, т.-е. общіе для боговъ различныхъ, религій, признаки, или же, устраняя ихъ изъ него и замѣняя такимъ образомъ прежнее понятіе новымъ, она должна и обозначать послѣднее новымъ названіемъ. Въ противномъ случаѣ слово „Богъ“ будетъ обозначать два такихъ понятія, которыя въ вопросѣ и отвѣтъ не совпадаютъ другъ съ другомъ; а въ то же время оно не будетъ относиться ни къ какой данной въ опытѣ вещи такъ, чтобы, обозначая постоянно *одну и ту же* вещь, оно сохраняло *одинаковое* значеніе; слѣдовательно, слово „Богъ“ получить теперь *двойственное* значеніе, т.-е. употребляя его, мы допустимъ ошибку, называемую въ логикѣ *quaternio terminorum*, а въ общежитіи—игрой словъ.

Право философіи измѣнять опредѣленіе понятія Бога ограничено столь же сильно, какъ и во многихъ другихъ понятіяхъ, усвоенныхъ ею извнѣ. Напримѣръ, она заимствовала изъ религіозной жизни еще понятіе безсмертія или загробнаго существованія. Подъ загробнымъ же существованіемъ во всѣхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ подразумѣвается всегда существованіе индивидуальное. Въ чемъ именно оно состоитъ относительно этого разныя религіи могутъ смотрѣть и дѣйствительно смотреть различно; но каково бы оно ни было, оно всегда считается индивидуальнымъ. И развѣкто-нибудь признаетъ у философіи право, говоря о загробномъ существованіи, подразумѣвать подъ нимъ неиндивидуальное существованіе? Разумѣется—нѣтъ. Напримѣръ, еслибы кто-нибудь, опираясь на то обстоятельство, что матерія, образующая людей, неразрушима, такъ что матеріальная субстанція всякаго человѣка сохраняется и послѣ его смерти, сталъ утверждать, будто матеріализмъ не содержитъ въ себѣ

отрицанія загробнаго существованія, будто онъ нисколько не противорѣчитъ вѣрѣ въ безсмертіе, то никто не усомнился бы, что подобная защита матеріализма опирается на *quaternio terminorum*, на игру словъ, на употребленіе одного и того же названія (загробное существованіе) въ двухъ значеніяхъ, не совпадающихъ другъ съ другомъ.

А когда защищаютъ философію Спинозы противъ обвиненія въ атеизмѣ, то поступаютъ точь-въ-точь такъ, какъ и въ этомъ случаѣ. Вѣдь когда обвиняютъ это ученіе въ атеизмѣ, то вовсе не хотятъ этимъ сказать, будто бы при его изложеніи не употребляется слово „Богъ“: оно, напротивъ, тамъ безпрерывно попадается. Но, обвиняя Спинозу въ атеистической философіи, хотятъ этимъ сказать, что при ея изложеніи онъ *не вправъ* употребляетъ слово „Богъ“, ибо у него исчезло то *понятіе*, которое обыкновенно обозначается этимъ словомъ. Если же на это возражаютъ, что его философія не атеистическая, что въ ней есть понятіе, обозначаемое словомъ „Богъ“, то, явное дѣло, употребляютъ это слово въ двухъ смыслахъ: съ одной стороны, подъ нимъ подразумѣваютъ то же самое, что и порицатели Спинозы (т.-е. понятіе Бога, общее для всѣхъ религій, понятіе личности, дѣйствующей по цѣлямъ),—вѣдь иначе не было бы опроверженія его порицателей,—а съ другой—то, что подразумѣвалъ подъ этимъ словомъ самъ Спиноза (субстанцію, чуждую воли и дѣятельности по цѣлямъ). Другими словами, защитники философіи Спинозы противъ обвиненія ея въ атеизмѣ, допускаютъ такую же игру словъ, какъ и тѣ, кто сталъ бы защищать матеріализмъ противъ обвиненія его въ отрицаніи загробнаго существованія, или какъ тѣ, кто сталъ бы защищать матеріализмъ Бюхнера противъ обвиненія въ атеизмѣ, опираясь на то, что Бюхнеръ, подсмѣиваясь надъ вѣрой въ Бога, рекомендовалъ словомъ „Богъ“ называть матерію, такъ какъ она и вѣчна какъ Богъ, и обусловливаетъ собой всю совокупность вещей, какъ это дѣлаетъ Богъ. И если говорятъ, что нѣтъ атеизма въ философіи Спинозы, то почему же не сказать того же самаго и про матеріа-

лизмъ? Въ томъ-то и дѣло, что мы не имѣемъ логическаго права употреблять слово „Богъ“ иначе, какъ для обозначенія того понятія, которое оказывается общимъ для всѣхъ религій. А это понятіе столь же мало совпадаетъ съ тѣмъ, что называлъ Богомъ Спиноза, какъ и съ матеріей, которую рекомендовалъ называть Богомъ Бюхнеръ.

II.

И въ томъ, что Спиноза при изложеніи своей философіи не имѣлъ логическаго права употреблять слово „Богъ“, можно убѣдиться еще другимъ путемъ. Всякій терминъ, въ томъ числѣ и терминъ *Богъ*, долженъ быть употребляемъ не иначе, какъ для выраженія какой-нибудь мысли, и при томъ такой мысли, которая остается не выраженной другими терминами: въ противномъ случаѣ, его употребленіе будетъ пустословіемъ, употребленіемъ особаго слова, не обозначающимъ никакого особаго понятія, т.-е. употребленіемъ пустого слова. Посмотримъ же теперь, нужно ли для Спинозы слово *Богъ*, выражаетъ ли оно у него какое-нибудь особое понятіе, которое безъ этого термина осталось бы невыраженнымъ.

Какъ извѣстно, онъ начинаетъ свою Этику, представляющую изложеніе его философіи въ вполнѣ разработанномъ видѣ, съ ученія о субстанціи. Онъ доказываетъ сначала, что ни одна субстанція не можетъ производиться другой субстанціей, т.-е. что каждая субстанція есть причина самой себя (*causa sui*); что природѣ субстанціи присуще существованіе; что каждая субстанція необходимо безконечна (т.-е. состоитъ изъ безконечно многихъ атрибутовъ). Все это, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ самаго понятія субстанціи, сопоставленнаго съ столь очевидными истинами, которыя, вслѣдствіе ихъ очевидности, должны быть признаны какъ аксіомы, такъ что все это, по его мнѣнію, уже логически подразумѣвается въ понятіи субстанціи, и должно быть мыслимо нами всякій разъ, какъ только мы произносимъ это слово. А послѣ того, сначала

въ теоремѣ II-й, а потомъ другимъ способомъ, еще въ теоремѣ I4-й, онъ отождествляетъ субстанцію вообще съ тѣмъ, что онъ условился въ своихъ опредѣленіяхъ называть Богомъ *).

Какую же новую мысль выразилъ Спиноза тѣмъ, что сталъ въ своемъ изложеніи называть субстанцію не просто суб-

*) Хотя положеніе, гласящее, что „кромѣ Бога никакая другая субстанція не можетъ ни существовать, ни быть представляема“ составляетъ предметъ доказательства 14-ой теоремы, гдѣ, такимъ образомъ, понятіе субстанціи явно отождествляется съ понятіемъ Бога, но доказательство единства субстанціи, а чрезъ это самое и доказательство совпаденія понятія субстанціи съ понятіемъ Бога, кромѣ того дается Спинозой еще раньше и независимо отъ 14-ой теоремы. Именно во второй половинѣ схоли къ 8-й теоремѣ онъ доказываетъ, независимо отъ 14-й теоремы, что субстанція одной и той же природы можетъ быть только одна. А такъ какъ сама-то 8-я теорема посвящена доказательству того, что „всякая субстанція необходимо безконечна“, то и выходитъ, что субстанція вообще можетъ быть только одна: вѣдь всякая субстанція должна по природѣ своей быть безконечной; а двухъ субстанцій одной природы не можетъ быть. Правда, раньше 14-й теоремы, Спиноза явно еще не высказываетъ того, что субстанція вообще можетъ быть только одна; но онъ уже очевиднымъ образомъ руководствуется этимъ положеніемъ въ одномъ изъ своихъ доказательствъ существованія Бога, чему онъ посвящаетъ 11-ую теорему. Первое излагаемое въ ней доказательство таково: если кто не согласенъ, что Богъ необходимо существуетъ, то пусть онъ,—говоритъ Спиноза,—представитъ, если это возможно, что Бога нѣтъ, т. е. что сущность Его не заключаетъ въ себѣ существованія. „Но,—заканчиваетъ Спиноза,— по теоремѣ 7-й это невозможно“. А посмотримъ, что говоритъ теорема 7-ая. Оказывается, что тамъ рѣчь идетъ не о Богѣ, но о субстанціи: „природѣ субстанціи, говорится тамъ, присуще существованіе“. Отсюда ясно, что Спиноза уже при разсматриваемомъ доказательствѣ руководствуется тою мыслью, что есть только одна субстанція. Слѣдовательно отождествленіе субстанціи съ Богомъ производится имъ не только въ 14-й теоремѣ, но еще раньше: оно имѣется въ виду уже въ первомъ доказательствѣ 11-ой теоремы. Что же касается до 14-ой теоремы, то про нее сдѣлаемъ кстати два замѣчанія: 1) Она представляетъ собой ничто иное какъ второе добавочное доказательство единства субстанціи; Спиноза, какъ извѣстно, очень любитъ одну и ту же мысль доказывать различными путями. 2) Ея доказательство опирается, между прочимъ, на то, что Богъ существуетъ, что въ свою очередь доказывается въ 11-ой теоремѣ. Но такъ какъ при первомъ доказательствѣ 11-ой теоремы Спиноза, какъ мы сейчасъ видѣли, уже допускаетъ единство субстанціи, то, значить, въ 14-ой теоремѣ онъ ссылается, хотя самъ и не высказываетъ этого, не на 1-ое, а только на 2-е и 3-е доказательства 11-й теоремы: въ противномъ случаѣ, т. е. опираясь при выводѣ 14-ой теоремы на 1-е доказательство 11-ой теоремы, онъ допустить *circulum in demonstrando*.

станціей, а Богомъ, и такимъ путемъ сталъ утверждать о Богѣ все то, что ему слѣдовало бы говорить о міровой субстанціи? Конечно, если бы онъ подъ словомъ „Богъ“ подразумѣвалъ то самое, что, какъ мы сейчасъ видѣли, обязанъ подразумѣвать всякій философъ, т. е. понятіе, общее всѣмъ религіямъ, то, называя субстанцію Богомъ, онъ высказалъ бы о ней нѣчто новое, не подразумѣвающееся въ понятіи субстанціи; ибо словомъ „Богъ“ въ религіозной жизни обозначается не только то, что уже подразумѣвается въ понятіи субстанціи, но еще нѣчто такое, чѣмъ субстанція можетъ и не быть. Но Спиноза, называя субстанцію Богомъ, подъ терминомъ „Богъ“ условливается подразумѣвать не что другое, какъ только безконечную субстанцію: «подъ Богомъ, говоритъ онъ самъ въ 6-омъ опредѣленіи, я разумѣю существо абсолютно безконечное, т. е. *субстанцію, состоящую изъ безконечно многихъ атрибутовъ*». Слѣдовательно, называя субстанцію Богомъ, онъ высказываетъ о ней *то самое*, что, по его мнѣнію, уже подразумѣвается въ понятіи субстанціи и что онъ *уже высказалъ о ней еще раньше*, чѣмъ отождествилъ ее съ Богомъ,—онъ имѣетъ въ виду ея безконечность, т. е., другими словами, называя субстанцію Богомъ, онъ не высказываетъ о ней ровно ничего новаго *).

Вслѣдствіе того, что субстанція стала называться Богомъ, она не получаетъ у Спинозы никакого новаго признака, а пріобрѣтаетъ только новое названіе. Можетъ быть, при упорномъ желаніи защищать Спинозу, попробуютъ возразить намъ, будто бы, пока онъ не отождествитъ ея съ Богомъ, онъ можетъ о ней утверждать только то, что она есть *causa sui*, безконечна и т. д., но не то, что она существуетъ; а послѣ этого отождествленія рѣшается и вопросъ объ ея существованіи; ибо, по мнѣнію Спинозы, Богъ необходимо существуетъ. И вотъ, существованіе-то субстанціи и со-

*) Отождествленіе субстанціи съ Богомъ явно высказывается Спинозой, какъ мы сейчасъ упомянули, впервые въ 14-ой теоремѣ; но онъ имѣетъ его въ виду, хотя и не высказываетъ явно, уже въ 11-ой теоремѣ; безконечность же всякой субстанціи доказывается имъ еще въ 8-ой теоремѣ.

ставляетъ то новое, что мы высказываемъ о ней, когда называемъ ее Богомъ. Но такое возраженіе можно сдѣлать только вслѣдствіе желанія защищать Спинозу во что бы то ни стало. Дѣло въ томъ, что въ теоремѣ 7-й, т.-е. раньше явнаго или подразумѣваемаго отождествленія субстанціи съ Богомъ, онъ уже доказываетъ, что „природѣ субстанціи присуще существованіе“ (*ad naturam substantiae pertinet existere* *). Словомъ, назвавъ субстанцію Богомъ, Спиноза не высказалъ о ней ровно ничего такого, чего онъ не высказалъ о ней и что не могло бы быть имъ высказано о ней еще раньше, чѣмъ онъ употребилъ это названіе.

А отсюда ясно, что слово „Богъ“ при изложеніи философіи Спинозы оказывается совершенно излишнимъ. И онъ

*) Мало того: и всѣ тѣ доказательства, при помощи которыхъ Спиноза въ 11-й теоремѣ доказываетъ, что Богъ необходимо существуетъ, останутся во всей своей силѣ, если ихъ примѣнять не къ Богу, а прямо къ субстанціи. Ихъ всего три. Первое изъ нихъ, какъ мы уже упоминали въ предпоследнемъ подстрочномъ примѣчаніи, уже само опирается на то, что природѣ субстанціи присуще существованіе. Второе же ссылается на то, что ни въ понятіи Бога, ни внѣ Бога не можетъ быть никакой причины, которая мѣшала бы ему существовать. Въ самомъ Богѣ ея не можетъ быть, потому что въ понятіи Бога нѣтъ никакого противорѣчія. Внѣ Бога ея не можетъ быть, ибо для того, чтобы она существовала, нужна субстанція, которая была бы такой же, какъ Богъ, т.-е. такой же природы, такъ какъ иначе она не могла бы дѣйствовать на Бога и этимъ путемъ уничтожить Его существованіе. Но еслибы такая субстанція была, то это значило бы, что Богъ существуетъ. Ясно, что это разсужденіе можетъ быть цѣликомъ примѣнимо и къ субстанціи вообще. Въ ея понятіи нѣтъ никакого противорѣчія; а чтобы ея существованіе уничтожалось извнѣ, надо, чтобы уже существовала субстанція такой же природы, какъ и та, о которой у насъ идетъ рѣчь; а это значило бы, что она существуетъ. Третье же и послѣднее доказательство опирается на то, что мы сами существуемъ; но мы существа конечныя, а было бы нелѣпо, еслибы конечное обладало силой существовать, а безконечное (т.-е. Богъ) не обладало такою силой. Но такъ какъ раньше отождествленія субстанціи съ Богомъ уже доказано, что всякая субстанція безконечна, то это разсужденіе цѣликомъ примѣнимо къ субстанціи даже и въ томъ случаѣ, если мы ея не называемъ Богомъ. Изъ всего этого ясно видно, что всѣ положенія Спинозы уцѣлѣли бы сполна, еслибы онъ отбросилъ слово «Богъ» и говорилъ бы повсюду только о субстанціи, нигдѣ не называя ея Богомъ. Это и понятно: отъ того, что онъ отождествилъ ее съ Богомъ, она не могла получить никакихъ новыхъ предикатовъ, такъ какъ подъ Богомъ онъ не подразумѣваетъ ничего новаго сравнительно съ субстанціей.

могъ бы повсюду вмѣсто этого слова употреблять только слово „субстанція“; вѣдь въ субстанціи, по его собственному мнѣнію, уже слѣдуетъ подразумѣвать все то, что мы скажемъ о ней, когда назовемъ ее Богомъ; и въ то же время онъ самъ не высказалъ о ней ничего новаго, когда назвалъ ее этимъ словомъ. Такимъ образомъ слово „Богъ“ не только употребляется у него для обозначенія такого понятія, которое не совпадаетъ съ тѣмъ, что весь міръ подразумѣваетъ подъ словомъ „Богъ“, но еще, сверхъ того, оказывается такимъ словомъ, которое обозначаетъ не *свое особое* понятіе, но понятіе *уже обозначенное* другимъ словомъ (словомъ „субстанція“), т.-е. оказывается словомъ безъ особаго понятія, пустымъ словомъ.

Поэтому, когда характеризуютъ философію Спинозы, то напрасно называютъ ее *пантеизмомъ, ученіемъ объ имманентности Бога вещамъ*. Въ ней, если разсматривать не слова, которыя употребляетъ Спиноза при ея изложеніи, а понятія, надъ которыми онъ оперируетъ, совсѣмъ нѣтъ ученія о Богѣ. Взамѣнъ того его философію слѣдуетъ характеризовать какъ *атеистическій монизмъ субстанціи*, т.-е. какъ такое ученіе объ единствѣ субстанціи, въ которомъ послѣдняя описывается какъ неподходящая подъ понятіе Бога, хотя, правда, она непрерывно *называется* въ то же время и Богомъ. Но вѣдь это дѣлается совершенно напрасно, логически непозволительнымъ образомъ, ибо она не получаетъ чрезъ это названіе ни одного новаго предиката, такъ что и само-то это названіе остается пустымъ словомъ. Другими словами: при развитіи философіи Спинозы совсѣмъ не появляется *понятіе* Бога, а фигурируетъ только его *названіе*, которое употребляется Спинозой наряду съ терминомъ „субстанція“ для обозначенія субстанціи, но безъ котораго онъ могъ бы смѣло обойтись.

III.

Однако по поводу всего сказаннаго невольно возникаетъ такой вопросъ: почему же Спиноза не *называетъ* субстан-

ціи только субстанціей, но также и Богомъ, коль скоро послѣднее названіе не высказываетъ о ней ничего новаго? Неужели это дѣлается только для того, чтобы обмануть читателя, по крайней мѣрѣ, не вникающаго въ суть дѣла, и замаскировать атеизмъ излагаемаго въ Этикѣ ученія? Конечно, надо сознаться, что еслибы Спиноза имѣлъ въ виду подобную цѣль, то онъ не могъ бы придумать лучшее средство для ея достиженія. Религіозное сознание спрашиваетъ его (вѣрнѣе не одного его, а всю философію, — вѣдь причины, по которымъ существуетъ вся философія, состоятъ въ томъ, что мы хотимъ критически разобраться во всемъ нашемъ міровоззрѣніи): „существуетъ ли Богъ?“ — причемъ подъ Богомъ подразумѣвается непременно личность, дѣйствующая по цѣлямъ, но превосходящая человѣка. И Спиноза, если онъ хочетъ и можетъ быть вполне открытымъ и не играть словами, долженъ бы такъ отвѣтить на этотъ вопросъ: „нѣтъ, не существуетъ; ибо можетъ существовать только одна субстанція; а она, не имѣя ни воли, ни дѣятельности по цѣлямъ, не подходитъ подъ то понятіе, о реальности котораго меня спрашиваютъ“. Но если бы онъ захотѣлъ покривить душой и обмануть своихъ читателей въ этомъ вопросѣ, т.-е. захотѣлъ бы замаскировать передъ ними свой атеизмъ, то онъ можетъ дать слѣдующій отвѣтъ: „конечно, Богъ существуетъ; ибо когда спрашиваютъ о существованіи Бога, то имѣютъ въ виду существо, *превосходящее* человѣка, такъ что я могу смѣло опредѣлить его какъ существо абсолютно безконечное; а міровая субстанція безконечна. Поэтому, какъ только я докажу, что она безконечна, я начну ее съ той поры называть Богомъ; и такимъ образомъ вся моя философія будетъ ученіемъ о Богѣ“. Конечно, когда спрашиваютъ о существованіи Бога, то имѣютъ въ виду такое существо, которое не только превосходитъ человѣка, но имѣетъ и еще кое-какіе существенные признаки: въ томъ, что есть нѣчто превосходящее человѣка, не можетъ сомнѣваться даже и завзятый материалистъ; ибо матерія, взятая въ ея цѣломъ, несомнѣнно пре-

восходить человѣка, такъ какъ онъ составляетъ всего только ея часть. Но мы говоримъ о томъ, какъ долженъ былъ бы поступить Спиноза, если бы онъ захотѣлъ обмануть читателя, лицемѣрить передъ нимъ. Какъ видимъ, для этой цѣли ему пришлось бы употребить какъ разъ то самое средство, какое онъ и употребляетъ въ дѣйствительности.

Но въ нравственномъ отношеніи Спиноза стоитъ такъ высоко, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права подозрѣвать его въ лицемѣрїи, въ умышленномъ обманѣ читателей. Всѣ наши свѣдѣнія объ его жизни и характерѣ противорѣчатъ такому предположенію. Да и вообще: слишкомъ рискованно не только въ нравственномъ, а даже въ логическомъ смыслѣ этого слова, объяснять поступки людей дурными побужденіями. Вѣдь дѣло извѣстное, что въ дурную сторону можно перетолковать все, что угодно, даже всю дѣятельность Христа: стоитъ только предположить въ Немъ лицемѣріе да чудовищное тщеславіе, и можно будетъ объяснить съ этой точки зрѣнія всѣ Его поступки. Добро не имѣетъ никакого внѣшняго знака, который отличалъ бы его отъ скрытнаго и лицемѣрящаго зла. Поэтому, кто вѣруетъ въ существованіе и силу добра, тотъ не долженъ предполагать дурныя побужденія въ комъ бы то ни было до тѣхъ поръ, пока обратное предположеніе не сдѣлается явно нелѣпымъ. Если же мы откажемся отъ этого принципа, то ровно нигдѣ, даже и предъ Христомъ, нельзя будетъ остановиться въ своихъ обвиненіяхъ и подозрѣніяхъ *). Но какъ же въ такомъ случаѣ объяснить поведеніе Спинозы?

Если его поведеніе (т.-е. то обстоятельство, что, вступивъ на путь атеистическаго ученія объ единствѣ міровой субстанции, онъ тѣмъ не менѣе сохраняетъ названіе Бога, употребляя его для обозначенія той же субстанции и этимъ

*) Не по разуму усердные ревнители благочестія, надѣюсь, и безъ длинныхъ объясненій поймутъ, что я упоминаю о Христѣ не для того, чтобы приравнять къ Нему Спинозу, а для того, чтобы напомнить о томъ принципѣ, которому мы не только нравственно, но даже логически, обязаны подчинять свою подозрительность, коль скоро сами-то мы вѣримъ въ добро.

самымъ прикрывая атеизмъ своего ученія) оказывается наилучшимъ средствомъ, чтобы умышленно обмануть читателя, то оно же, очевидно, служить также наилучшимъ средствомъ и для того, чтобы обмануть самого себя. Разумѣется, обманывая самого себя, Спиноза будетъ обманывать и своихъ читателей; но этотъ обманъ будетъ неумышленнымъ, незаслуживающимъ упрека въ лицемеріи. Вопросъ только въ томъ: нуждался ли онъ въ подобномъ самообманѣ? Несомнѣнно, коль скоро самъ-то онъ не былъ атеистомъ. При такихъ условіяхъ, если Спиноза, развивая свою философію, пришелъ почему-нибудь къ атеистическимъ воззрѣніямъ, то онъ долженъ былъ спасти, по крайней мѣрѣ, видимость понятія Бога, спасти ее не въ чужихъ глазахъ, а въ своихъ собственныхъ: въ противномъ случаѣ онъ отвернулся бы отъ своей собственной системы. А всѣ наши свѣдѣнія, касающіяся его личности, показываютъ, что онъ не только никогда не былъ атеистомъ, но напротивъ — его душа была всегда наполнена стремленіемъ къ Богу, къ богопознанію и къ богопочитанію. Не вдаваясь здѣсь въ излишнее описаніе его жизни и изложеніе его писемъ и сочиненій, предшествовавшихъ составленію Этики, отмѣтимъ для подтвержденія сказаннаго только слѣдующія данныя. Спиноза происходилъ изъ еврейскаго семейства, покинувшаго свою родину *вслѣдствіе релігіозныхъ преслѣдованій, которыя велись и огнемъ, и мечомъ*. По его собственнымъ словамъ, онъ самъ зналъ одного еврея, прозваннаго Іудой Вѣрнымъ, который, стоя на кострѣ, когда всѣ присутствующіе думали, что онъ уже умеръ, вдругъ запѣлъ гимнъ: „Тебѣ, Господи, предаю душу мою“. Авторъ же „Исторіи евреевъ“ Гретцъ, опираясь на тѣ выраженія, какія употребляетъ Спиноза, сообщая объ этомъ фактѣ, который дѣйствительно произошелъ въ Испаніи, когда Спинозѣ было 14 лѣтъ, дѣлаетъ даже заключеніе, что Спиноза самъ присутствовалъ при этой сценѣ и что поэтому онъ, можетъ-быть, родился не въ Амстердамѣ, а еще задолго до переселенія его семейства въ Голландію, такъ что, сообразно съ этой догадкой, ему самому, можетъ

быть, пришлось быть въ числѣ тѣхъ, кто спасался отъ религиозныхъ преслѣдованій. Но, какъ бы то ни было, извѣстно, что религиозное чувство сильнѣе всего разгарается въ той средѣ, которая подвергается гоненіямъ за свои религиозныя убѣжденія. Въ еврейской же школѣ, въ которой обучался Спиноза, его чувство религиозности никоимъ образомъ не могло разсѣяться, хотя, вслѣдствіе умственного превосходства Спинозы надъ его учителями, онъ и дошелъ до рѣзкаго столкновенія съ ихъ ученіемъ. А *Tractatus de intellectus emendatione* ясно показываетъ, какъ сильны были религиозныя стремленія Спинозы уже и въ то время, когда онъ углубился въ философію. При такихъ условіяхъ вполне понятно, что Спиноза долженъ былъ въ своей философіи спасти хотя бы видимость признанія Бога. У насъ, въ Россіи, нерѣдко считаютъ распространеніе свѣдѣній о философіи Спинозы опаснымъ въ религиозномъ отношеніи. Не будемъ говорить о томъ, могутъ ли быть опасны истина и знаніе; несомнѣнно, что это мнѣніе нелѣпо до смѣшного. Анализъ философіи Спинозы ясно показываетъ, что человѣкъ обыкновенно не въ силахъ обойтись безъ вѣры въ Бога, хотя бы все, даже исповѣдуемая имъ философія,—благопріятствовало тому, чтобы отвлечь его отъ этой вѣры, и хотя бы онъ видѣлъ, что тѣ же люди, которые только что испытали всю тягость религиозныхъ преслѣдованій, тотчасъ же какъ только избавились отъ нихъ, обратились въ преслѣдователей.

А какимъ путемъ Спиноза могъ достигъ того, чтобы въ своемъ ученіи сохранить видимость признанія существованія Бога? Какъ еврей, онъ еще съ дѣтства привыкъ разсматривать Бога, какъ могущественную причину существованія міра. При изученіи же еврейскаго богословія и еврейскихъ схоластовъ признакъ безконечности и ничѣмъ ненарушимаго единства въ еврейскомъ понятіи Бога долженъ былъ все болѣе и болѣе бросаться ему въ глаза. Прибавимъ сюда, что свою философію онъ выработалъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Декарта; а послѣдній въ своей коротенькой статейкѣ, которую онъ составилъ, чтобы наглядно показать примѣни-

мость геометрическаго метода къ изложенію философскихъ разсужденій, и которыя, вѣроятно, служили Спинозѣ образцомъ для изложенія его Этики, такъ опредѣлили понятіе Бога, что признакъ безконечности, можно сказать, заслонилъ собой здѣсь всѣ остальные признаки: „Богомъ называется,—говоритъ онъ въ этомъ опредѣленіи,—та субстанція, про которую мы думаемъ, что она вполнѣ совершенна и въ которой мы не мыслимъ ровно ничего такого, что подразумѣвало бы въ себѣ какой-нибудь недостатокъ или ограниченіе совершенства“ *). Такимъ образомъ, все благопріятствовало тому, чтобы Спиноза, дѣйствуя вполнѣ по совѣсти, сталъ подразумѣвать подъ Богомъ всего только безконечную субстанцію, служащую причиной существованія міра. А какъ еврей, онъ, разумѣется, ни мало не сомнѣвался въ единствѣ Бога. Когда же онъ развивалъ свое ученіе о міровой субстанціи, то въ ней оказались всѣ эти признаки: единство, безконечность и причинное отношеніе ко всѣмъ вещамъ. И вотъ Спиноза воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и проглядѣвъ, что какъ въ Богѣ еврейскомъ, такъ и во всякомъ другомъ Богѣ есть еще одинъ признакъ личности, дѣйствующей по цѣлямъ, сталъ эту субстанцію называть Богомъ, чѣмъ и замаскировалъ *предъ самимъ собою* атеизмъ своей философіи **).

*) Rationes Dei existentiam etc. probantes. Def. VІІ. Substantia, quam summe perfectam esse intelligimus, et in qua nihil plane concipimus quod aliquem defectum sive perfectionis limitationem involvat, Deus vocatur.

*) Ибервегъ, упомянувъ, хотя и безъ надлежащихъ доказательствъ, о томъ, что Спиноза не имѣлъ права приписывать слову «Богъ» свое произвольное значеніе, объясняетъ поведеніе Спинозы очень страннымъ образомъ: „перетолковываніе Спинозой религиозныхъ терминовъ,—говоритъ онъ,—объяснимо и извинительно частью *вслѣдствіе господствовавшей тогда нетерпимости, находившей въ атеизмъ преступленіе* и защищавшей догматы карательными законами, частью—и главнымъ образомъ—*вслѣдствіе власти, которую имѣло надъ самимъ Спинозой укренившееся представленіе*“ (Русск. перев. Ист. Нов. Фил. стр. 88). Но не значитъ ли это сказать такую фразу: „это перетолковываніе объяснимо и извинительно частью *вслѣдствіе того, что онъ лицемѣрилъ*, частью же и главнымъ образомъ *вслѣдствіе того, что онъ не лицемѣрилъ*“? Если Спиноза понималъ атеизмъ своего ученія и тѣмъ не менѣе не хотѣлъ его уничтожить, то уже

IV.

Но по поводу этого возникает новое недоумѣніе: почему же Спиноза, не будучи въ душѣ атеистомъ, пришелъ къ атеистическому ученію о міровой субстанціи? Это легко объяснить тѣмъ вліяніемъ декартовской философіи, которому подчинилась его собственная система. Какъ бы ни старались различные комментаторы вывести ученіе Спинозы сполна изъ какого-нибудь другаго источника, всѣ ихъ неудачныя попытки выяснили, что если даже философія Спинозы и не можетъ быть сполна выведена изъ декартовской, то во всякомъ случаѣ она развилась подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ послѣдней. Вліяніе это сказалось прежде всего въ томъ, что, какъ и Декартъ, Спиноза стремится мыслить всѣ реальныя связи и взаимоотношенія, какъ логическія, съ тою только разницею, что у Спинозы это стремленіе дѣйствуетъ гораздо сильнѣй и съ большей отчетливостью, сознательностью, чѣмъ у Декарта. Поэтому оба они отождествляютъ связь причинную со связью логической, со связью между основаніемъ и слѣдствіемъ, а независимость реальную съ независимостью логической и т. д. *). Въ связи

нельзя говорить о той власти, которую сохранило надъ нимъ укоренившееся представленіе о Богѣ. Если же оно сохранило надъ нимъ свою власть, то онъ долженъ былъ втянуть въ изложеніе своего ученія слово „Богъ“ и перетолковать это понятіе не ради того, чтобы избѣгнуть чужихъ обвиненій, а ради своей собственной совѣсти. Когда нѣкоторые современники Спинозы подозревали его только въ лицемеріи, то они ошибались, противорѣчили его нравственному характеру, но за то не противорѣчили самимъ себѣ; а Ибервегъ къ ихъ ошибкѣ прибавляетъ еще и противорѣчіе съ самимъ собой.

*) У Декарта это отождествленіе реальныхъ отношеній съ логическими сказалось, какъ извѣстно, въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Въ увѣренности, что въ дѣйствіи не можетъ быть реальности больше, чѣмъ въ причинѣ, увѣренности, возникновеніе которой вполне неизбежно, если дѣйствіе понимается какъ слѣдствіе, а причина какъ основаніе: вѣдь въ слѣдствіи не можетъ быть того, чего нѣтъ въ основаніи. 2) Въ увѣренности, что если двѣ вещи (напримѣръ, матерія и духъ) *мыслятся* независимо другъ отъ друга, то эти вещи и *существуютъ* независимо или раздѣльно другъ отъ друга. 3) Въ увѣренности, что безконечное бытіе *существуетъ* первѣе конечнаго, мотивированной тѣмъ, что конечное *мыслится*, какъ ограниченіе безконечнаго. 4) Въ

съ такимъ отождествленіемъ реальныхъ отношеній съ логическими стоитъ механическое міросозерданіе, т.-е. уничтоженіе во вселенной дѣйствій по цѣлямъ и объясненіе всѣхъ фактовъ, какъ логически незбѣжныхъ *слѣдствій* изъ природы поражающихъ ихъ субстанцій, причемъ, опять-таки, это объясненіе проведено у Спинозы съ большею строгостью и послѣдовательностью, вслѣдствіе чего изъ понятія субстанціи онъ исключилъ всякую дѣятельность по цѣлямъ, такъ что коль скоро онъ дойдетъ до утвержденія единства суб-

томъ, что иногда (напримѣръ, въ аксіомѣ 1-ой *Rationes, Dei existensiam etc. probantes, more geometrico*) употребляется выраженіе „*causa sive ratio*“, явно отождествляющее причину съ основаніемъ. У Спинозы же подобное отождествленіе реальныхъ отношеній съ логическими сказалось еще замѣтнѣе въ слѣдующемъ: 1) выраженіе „*causa sive ratio*“ попадаетъ гораздо чаще, чѣмъ у Декарта; напримѣръ, въ одной лишь 11-ой теор. 1-ой части „*Этики*“, даже въ одномъ лишь второмъ доказательствѣ этой теоремы оно попадаетъ восемь разъ. 2) Въ теоремѣ 8-ой 1-ой ч. „*Этики*“, онъ ссылается на то, что конечное *бытіе* должно быть разсматриваемо какъ отрицаніе. 3) Первые же два пункта, въ которыхъ отождествленіе реальныхъ отношеній съ логическими, высказались у Декарта, бросаются въ глаза у Спинозы еще съ большей ясностью, чѣмъ у Декарта. Именно въ аксіомѣ 4-ой 1-ой ч. говорится: „знаніе дѣйствія *зависитъ* отъ знанія причины и *заключаетъ* въ себѣ послѣднее“. Здѣсь явно дѣйствіе понимается, какъ *логически* связанное со своей причиной: иначе въ знаніи дѣйствія могло бы не быть ни малѣйшаго намека на знаніе причины. Въ 4-ой жѣ аксіомѣ той же части говорится: „вещи, не имѣющія между собой ничего общаго, не могутъ быть и познаваемы одна черезъ другую; иными словами, представленіе одной не заключаетъ представленія другой“. Это-то самое положеніе, которымъ руководствовался и Декартъ, когда онъ утверждалъ раздѣльность и независимость существованія духа и матеріи. А изъ сопоставленія этихъ двухъ аксіомъ Спиноза выводитъ 3-ю теор. 1-ой части, гласящую: „вещи, не имѣющія между собой ничего общаго, не могутъ быть причиной одна другой“, въ которой вполнѣ ясно высказано, что причинная связь тождественна съ логической. И любопытно, что въ первоначальной редакціи „*Этики*“, какъ это видно изъ переписки Спинозы съ Ольденбургомъ, эта теорема фигурировала, какъ аксіома; но она не показалась достаточно очевидной Ольденбургу, и Спиноза сталъ, доказывать ее, какъ теорему. А это показываетъ, до какой степени ему самому казалось очевиднымъ совпаденіе реальныхъ отношеній съ логическими. Часто жалуются, будто бы трудно понимать ходъ разсужденій спинозовской „*Этики*“. Но если постоянно имѣть въ виду, что въ ней повсюду и явно и втихомолку реальныя отношенія отождествляются съ логическими, то слѣдить за ней становится едва ли не легче, чѣмъ даже за любымъ хорошимъ курсомъ геометріи.

станціи, то его ученіе тотчасъ же станетъ атеистическимъ. Подъ вліяніемъ же Декарта онъ и долженъ былъ дойти до такого утвержденія, ибо онъ, какъ извѣстно, сполна усвоилъ декартовское понятіе субстанціи, по которому субстанція характеризуется независимостью, что при послѣдовательномъ проведеніи отождествленія реальныхъ отношеній съ логическими, дѣлаетъ ее безконечной, а вслѣдствіе безконечности и единой *).

Но это объясненіе въ свою очередь возбуждаетъ новое недоумѣніе, устраненіемъ котораго мы должны заняться, прежде чѣмъ окончить свою работу. По нашимъ словамъ какъ будто бы выходитъ, что атеизмъ былъ и въ ученіи Декарта; но развѣ это справедливо? Этого мало: всѣми принято смотрѣть на философію Декарта, какъ на предшественницу пантеизма, т. е. обыкновенно признаютъ, что она своимъ ученіемъ о субстанціи подготовляла ученіе

*) „Подъ субстанціей,—говоритъ Спиноза,—я разумѣю то, что существуетъ въ себѣ и мыслится чрезъ себя, т. е. то, понятіе чего не нуждается въ понятіи другой вещи, чрезъ которое оно должно было бы образоваться“. Декартъ же опредѣляетъ субстанцію, „какъ вещь, которая существуетъ такимъ образомъ, что для своего существованія не нуждается ни въ какой другой вещи“. А такъ какъ и у Декарта, и у Спинозы зависимость въ вещахъ (реальная) отождествляется съ зависимостью въ понятіяхъ (съ логической зависимостью), то ясно, что Спиноза цѣликомъ повторяетъ опредѣленіе Декарта. Вся разница между этими опредѣленіями только въ томъ, что отождествленіе реальныхъ отношеній съ логическими, которое у Декарта чаще всего только подразумѣвается, и здѣсь у Спинозы высказано настолько же явно, какъ и въ другихъ случаяхъ: оттого-то онъ и отождествляетъ въ своемъ опредѣленіи „быть въ себѣ“ и „мыслится чрезъ себя“. А въ то же время, исходя изъ этого уже принятаго Декартомъ отождествленія реальныхъ отношеній съ логическими, Спиноза, какъ мы уже прежде упоминали объ этомъ, выводитъ безконечность и единство субстанціи (которую, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ опредѣляетъ совершенно по-декартовски) еще раньше, чѣмъ называетъ ее Богомъ. И надо сознаться, что если прослѣдить за его доказательствами, то они оказываются вполнѣ убѣдительными, коль скоро мы допустимъ вмѣстѣ съ нимъ и Декартомъ отождествленіе реальныхъ отношеній съ логическими. Такимъ образомъ, ясно, что атеизмъ философіи Спинозы возникъ отъ того, что онъ оперируетъ надъ чисто-декартовскимъ понятіемъ субстанціи, и притомъ оперируетъ надъ нимъ въ духѣ декартовскаго отождествленія реальныхъ отношеній съ логическими.

объ имманентности Бога вещамъ. Да и самъ Декартъ, повидимому, подтверждаетъ этотъ взглядъ той знаменитой оговоркой, которой онъ снабдилъ свое опредѣленіе субстанціи. Опредѣливъ ее, какъ вещь, которая для своего существованія не нуждается въ существованіи никакой другой вещи, онъ прибавляетъ такія слова: „и можно представить одну только субстанцію, которая совсѣмъ не нуждается ни въ какой другой вещи, именно—Бога; всѣ же прочія по нашему представленію могутъ существовать не иначе, какъ съ помощью божественнаго содѣйствія“. А по нашимъ словамъ выходитъ, что философія Декарта подготовляла атеизмъ.

Конечно, у Декарта было не только названіе, но и понятіе Бога; ибо его Богъ, какъ бы онъ ни опредѣлялъ его въ своемъ образчикѣ геометрическаго изложенія, дѣйствуетъ по цѣлямъ, наприм.,—избѣгаетъ обмана, а не образуетъ только слѣпую, хотя и безконечную, субстанцію. Но какъ извѣстно, этотъ Богъ игралъ у Декарта всего только вспомогательную роль: при помощи этого понятія онъ связывалъ между собой то, что онъ не умѣлъ связать другимъ путемъ, въ родѣ того, какъ Анаксагоръ пользовался помощью понятія разума, только тогда, когда не умѣлъ объяснить что-либо механически. По справедливому замѣчанію Виндельбанда „Декартъ такъ же относился бы къ понятію матеріи, какъ и къ понятію Бога, если бы первое могло оказать такія же услуги, какъ и послѣднее“ *). А не странно ли, что философія, въ которой понятіе Бога играетъ всего только вспомогательную роль и которая охотно обошлась бы безъ него, подготовить непременно пантеистическое, а не какое другое направленіе? Не ясно ли, что съ одинаковою легкостью она можетъ подготовить и атеизмъ? Не забудемъ, что Ламетри при развитіи своего матеріализма ссылался на Декарта охотнѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ писателей.

*) Gesch. d. n. Philos. B. I, 171.

Что же касается до знаменитой, только что цитированной оговорки Декарта по поводу опредѣленія субстанціи, то напрасно видятъ въ ней готовность Декарта вступить на путь одного лишь пантеизма. Эта оговорка имѣетъ болѣе общее значеніе, и, нисколько не отказываясь отъ нея, Декартъ могъ признать и атеизмъ. Вѣдь ея смыслъ сводится къ тому, что субстанція, сообразно съ ея опредѣленіемъ, должна быть *несотворенною* (causa sui, какъ выражался Спиноза), а не къ тому, что она непременно будетъ Богомъ (существомъ совершеннымъ и избѣгающимъ обмана, т.-е. подходящимъ подъ понятіе Бога, насколько Богъ Декарта подходитъ подъ это понятіе). Другими словами: когда Декартъ оговаривается, что субстанція въ строгомъ смыслѣ этого термина можетъ быть только Богомъ, то при помощи слова „Богъ“ онъ хочетъ въ субстанціи отмѣтить *только* то, что въ ея понятіе входитъ *несотворенность*, а отнюдь не какіе-нибудь другіе признаки, мыслимые имъ или къмъ другимъ въ понятіи Бога. Доказательство же такого толкованія этой оговорки двоякое: во-первыхъ, изъ декартовскаго опредѣленія субстанціи (какъ вещи, не нуждающейся для своего существованія ни въ какой другой вещи) и нельзя вывести про нее ничего другого, кромѣ ея несотворенности; наприм., изъ него никакъ нельзя вывести, что она будетъ совершенною, избѣгающею обмана и т. п. Во-вторыхъ, во всей этой оговоркѣ Декартъ противопоставляетъ Бога другимъ вещамъ, рассматривая и Бога, и вещи только съ точки зрѣнія сотворенности и несотворенности. Такимъ образомъ, въ своей оговоркѣ Декартъ высказываетъ готовность признать не только пантеизмъ, но и любое другое ученіе, а слѣдовательно, и атеистическое, лишь бы оно рассматривало субстанцію, какъ несотворенную. Если же насъ спросятъ: почему же онъ, поясняя свою мысль, приравнялъ субстанцію именно къ Богу, а не ограничился однимъ лишь упоминаніемъ о ея несотворенности, то отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ уже самимъ Декартомъ въ этой же самой оговоркѣ. Это зависитъ отъ того, что „по нашему представленію“, какъ

говорить онъ, другія вещи нуждаются для своего существованія въ содѣйствіи Бога. Другими словами: Декартъ привыкъ представлять себѣ душу и матерію сотворенными; а сверхъ того, чтобы оправдать прирожденные идеи и увѣренность въ существованіи внѣшняго міра, ему надо было представлять ихъ, какъ сотворенныя Богомъ; поэтому, *по его представленію*, Богъ оказывался единственно возможнымъ примѣромъ для поясненія несотворенности субстанціи.

Итакъ, декартовское ученіе о субстанціи еще не обязывало его послѣдователей переработать его въ пантеизмъ. Единственно, къ чему они обязывались въ томъ случаѣ, если бы они стали вполне послѣдовательно проводить уже допущенное имъ отождествленіе реальныхъ отношеній съ логическими, такъ это къ выводу единства субстанціи. А будетъ ли эта единая субстанція мыслиться теистически или атеистически, объ этомъ установленный Декартомъ взглядъ на субстанцію еще не говоритъ ни слова.

Но если кто вполне послѣдовательно проводить отождествленіе реальныхъ отношеній съ логическими и всѣ дѣйствія и состоянія вмѣстѣ съ Декартомъ разсматриваетъ какъ слѣдствія, а причины—какъ основанія, тотъ долженъ сполна усвоить и вытекающее изъ этого отождествленія чисто-механическое міросозерцаніе и долженъ провести его еще съ большею послѣдовательностью, чѣмъ это сдѣлалъ самъ Декартъ. А тогда субстанція, которая сдѣлается единой, утратитъ всякую дѣятельность по цѣлямъ и у нея все обратится въ логически неизбѣжныя слѣдствія ея природы, т.-е. она уже не подойдетъ подъ понятіе Бога. Вотъ такими-то путями декартовская философія и подготовила атеизмъ въ ученіи Спинозы. Это зависѣло отъ того, что начатое Декартомъ и послѣдовательно проводимое Спинозой отождествленіе реальныхъ отношеній съ логическими вело къ чисто-механическому міросозерцанію, сполна усвоенному Спинозой.

Но, спросятъ меня, почему же другія системы, возникшія подъ вліяніемъ Декарта, системы Гейлинкса, Мальбранша и

Лейбница,—не приняли атеистическаго характера? Это зависѣло именно отъ того, что ни одна изъ нихъ не была чистымъ механизмомъ: въ окказіонализмѣ Богъ приноравливаетъ свою дѣятельность къ нашимъ хотѣніямъ, ибо дѣйствуетъ *по поводу* нихъ; и они еще разсматриваются при этомъ не какъ логически неизбѣжныя. Кромѣ того, у Мальбранша Богъ творитъ міръ, руководясь идеями, т.-е. цѣлями. У Лейбница же все мірозданіе въ концѣ концовъ объясняется телеологически. Такимъ образомъ, въ ихъ системѣ не было чистаго механизма, т.-е. не было причинъ, породившихъ атеизмъ въ системѣ Спинозы, а потому не было и атеизма.

Александръ Введенскій.

Существо и методы идеализма.

Основанія идеализма. Кн. С. Н. Трубецкого—«Вопросы Философіи и Психологіи», кн. 31—35.

Одинъ изъ выдающихся молодыхъ русскихъ философовъ, кн. С. Н. Трубецкой, въ рядѣ статей, которыхъ заглавіе выписано выше, пытался опредѣлить тѣ положительные результаты, которые внесъ въ философскую науку нѣмецкій идеализмъ первой половины нынѣшняго столѣтія. Задача широкая и въ высшей степени важная. Вопросы, которые обсуждаетъ авторъ, касаются коренныхъ основъ человеческого мышленія. Они обнимаютъ и методы познанія, и самое содержаніе мысли. Поэтому они не могутъ не обратить на себя вниманія всѣхъ серьезно занимающихся философіей. Только обмѣномъ мыслей и совокупною работой людей, ищущихъ истины, философская наука можетъ быть поставлена на твердую почву, а это составляетъ для нея первую потребность. Дальнѣйшее развитіе возможно лишь тогда, когда главные основы стоятъ непоколебимо, когда относительно ихъ установилось полное единомысліе среди людей, изучающихъ эту область. Пока каждый философъ строитъ свою собственную систему, на основаніи своихъ личныхъ взглядовъ и предположеній, о философіи, какъ объективной наукѣ, не можетъ быть рѣчи.

Освѣщеніе съ разныхъ сторонъ затронутыхъ авторомъ вопросовъ тѣмъ необходимѣе, что собственные его взгляды далеко не всегда выражаются съ достаточною ясностью.

Отчасти это происходитъ отъ краткости изложенія, не допускающей полного развитія мысли, но въ значительной степени тутъ есть и вина самого автора. Чѣмъ короче изложеніе, тѣмъ точнѣе должна быть выражена мысль. Философія, также какъ математика, требуетъ величайшей точности понятій и выраженій, ибо только при этомъ условіи логическая связь получаетъ неотразимую силу для человѣческаго ума. Именно въ этомъ слишкомъ часто грѣшатъ даже недюжинные мыслители: они употребляютъ слова и выраженія, которыя подаютъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Авторъ разбираемыхъ статей не избѣгнулъ этого недостатка.

Неясность обнаруживается въ самомъ первомъ положеніи, которое онъ приписываетъ идеалистической философіи: „сущее есть то, что является“.

Во-первыхъ, авторъ не потрудился объяснить, что онъ разумѣетъ подъ именемъ сущаго: постоянно пребывающее или также измѣняющееся? Если первое, то явленіе не есть сущее, ибо оно непрерывно измѣняется; если второе, то здѣсь сущее и не сущее постоянно переходятъ одно въ другое. Такое опредѣленіе не можетъ служить точкою отпавленія.

Авторъ говоритъ, что философія издревле искала опредѣленія сущаго. Но, начиная отъ Фалеса, который говорилъ, что сущность вещей есть вода, это было исканіе пребывающаго среди измѣнчиваго потока явленій. Точно также и въ новой философіи первое, что старалась опредѣлить картезіанская школа, составляющая исходную точку философскаго развитія новаго времени, было понятіе о *субстанціи*, то-есть о томъ, что пребываетъ въ измѣняющихся явленіяхъ. Это весьма далеко отъ признанія сущимъ самихъ явленій.

Во-вторыхъ, когда авторъ говоритъ, что сущее есть то, что является, мы не знаемъ даже, разумѣетъ ли онъ подъ этимъ самое явленіе, то-есть, вѣчно измѣняющійся процессъ, или ту сущность, которая скрывается за явленіями и про-

изводить этотъ процессъ, дѣйствуя на внѣшнія или на внутреннее чувства субъекта. Такъ какъ авторъ исходитъ отъ положенія, что „мїръ есть явленіе“, то надобно полагать, что онъ говоритъ не о вещахъ, которыя являются субъекту, а о самомъ явленіи; но какой смыслъ можно придать понятію о сущемъ, какъ о чистомъ процессѣ? Мысль можетъ логически до этого дойти, признавши, какъ Гераклитъ, что сущее ничѣмъ не лучше не-сущаго, но во всякомъ случаѣ она съ этого не начинается.

Въ-третьихъ, авторъ не указалъ, кто именно изъ идеалистическихъ философовъ новѣйшаго времени высказалъ это положеніе. Конечно, не Кантъ. Основатель новаго идеализма, правда, утверждалъ, что весь матеріаль нашего познанія дается намъ явленіями; но затѣмъ онъ признавалъ, что вещь сама въ себѣ, какъ она существуетъ въ дѣйствительности, вовсе даже недоступна нашей познавательной способности. Не только онъ не признавалъ явленій сущимъ, но онъ утверждалъ, что о дѣйствительно сущемъ явленія не даютъ намъ никакого понятія. Столь же мало повиненъ въ приведенномъ авторомъ положеніи Фихте. Въ его системѣ вещь сама въ себѣ превращается въ *преткновеніе*, которое субъектъ встрѣчаетъ на своемъ пути; оно заставляетъ его вернуться къ себѣ и, такимъ образомъ, положить *я* и *не-я*, изъ отношенія которыхъ строится затѣмъ весь умственный мїръ. О томъ, чтобы сущимъ признавались явленія, нѣтъ и помину. Съ Шеллингомъ идеалистическая философія выходитъ изъ чисто субъективной области и становится объективной; но и у него сущее опредѣляется не какъ явленіе, а какъ абсолютное тожество съ собою, какъ субъектъ-объектъ. Наконецъ, и Гегель, исходя отъ понятія о бытіи, утверждаетъ, что чистое бытіе и небытіе одно и тоже; для него истинно сущее есть Духъ, развивающійся въ противоположныхъ опредѣленіяхъ. Явленіе въ его Логикѣ представляетъ не начало и не конецъ, а посредствующій моментъ логическаго развитія.

Изъ одного мѣста въ разбираемой статьѣ (стр. 78—79)

можно заключить, что авторъ имѣлъ въ виду *Феноменологію Духа* Гегеля, которая дѣйствительно начинается съ этого положенія. Но *Феноменологія* не есть изложеніе идеалистической философіи, а описаніе послѣдовательнаго развитія человѣческаго мышленія отъ самаго грубаго эмпиризма до самыхъ отвлеченныхъ понятій. Первое положеніе выражаетъ взглядъ субъекта, который вовсе еще не мыслить, а считаетъ сущимъ то, что ему кажется. Но Гегель тутъ же показываетъ, что самый простой опытъ обличаетъ несостоятельность этого взгляда: въ извѣстную минуту явленіе есть, а въ слѣдующую минуту его нѣтъ. Гегель говоритъ, что животныя пожираютъ являющуюся имъ пищу и тѣмъ самымъ доказываютъ, что явленіе не есть сущее. Невозможно, слѣдовательно, выдавать это положеніе за первое, элементарное, *метафизическое* опредѣленіе сущаго, какъ дѣлаетъ авторъ (стр. 77). Это вовсе не метафизическое опредѣленіе, а выраженіе самаго грубаго эмпиризма, въ которомъ мысль еще не шевелилась.

Авторъ увѣряетъ, однако, что и утонченный научный эмпиризмъ въ этомъ отношеніи сходится съ метафизикой. Въ этомъ совпаденіи онъ видитъ указаніе на заключающуюся въ означенномъ положеніи непоколебимую истину. Она состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что все, что есть, непременно кому-нибудь является, а что не является, того мы даже и предполагать не можемъ. Въ дѣйствительности, научный эмпиризмъ утверждаетъ совсѣмъ другое. Онъ говоритъ, что мы познаемъ только явленія, а то, что за этими явленіями скрывается, внутреннія причины, или сущности, ихъ производящія, — остается внѣ области нашего знанія. Познавательная способность человѣка ограничена; за предѣлами доступныхъ ему явленій остается цѣлая громадная область *непознаваемого*. Относительно этихъ скрывающихся за явленіями сущностей естествоиспытатели восклицаютъ: „*ignoramus et semper ignorabimus*“. Это совсѣмъ не то, что признавать сущимъ только то, что дѣйствуетъ на наши внѣшніе органы или открывается внутреннему ощущенію.

Для насъ совершенно даже непонятно, на какомъ основаніи авторъ признаетъ, что мы не можемъ даже *предполагать* сущимъ то, что намъ не является, по крайней мѣрѣ въ возможности. Мы знаемъ, что необъятная вселенная заключаетъ въ себѣ миллионы міровъ. Изъ нихъ намъ *являются* только блестящіе центры, въ видѣ неподвижныхъ звѣздъ. Но совершенно рationally можно предположить, что около этихъ центровъ вращается множество свѣтилъ, совершенно недоступныхъ нашимъ чувствамъ, что на этихъ свѣтилахъ существуютъ такого же рода разумныя существа, какъ мы сами, хотя мы не имѣемъ и не можемъ даже предположить возможности удостовѣриться въ этомъ путемъ опыта. Скажемъ ли мы, что эти міры могутъ являться находящимся тамъ разумнымъ существамъ? Но такъ какъ эти существа намъ не являются, то, по теоріи автора, мы и ихъ предположить не можемъ. Въ самомъ окружающемъ насъ маленькомъ мірѣ есть множество вещей, недоступныхъ нашимъ чувствамъ. Никакой микроскопъ никогда не откроетъ намъ строенія атомовъ. Эфиръ, отъ котораго зависятъ явленія свѣта, есть научная гипотеза, но никакъ не явленіе. Не разъ было высказано предположеніе, что еслибы у насъ было шестое чувство, намъ открылся бы цѣлый новый міръ. нынѣ намъ недоступный, и въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Животныя обладаютъ такими способностями воспріятія впечатлѣній, которыя для насъ даже совершенно непостижимы. Почтовый голубь, увезенный за тысячи верстъ, возвращается къ родному мѣсту, и мы рѣшительно не въ состояніи понять, какими ощущеніями онъ руководится въ своемъ полетѣ. Наконецъ, признавши сущимъ только то, что является, мы должны отвергнуть существованіе всего невидимаго міра, и Бога, и безсмертія души. Это и дѣлаютъ матеріалисты; но авторъ весьма далекъ отъ подобнаго вывода, который, однако, неминуемо слѣдуетъ изъ его положенія.

Всего непонятнѣе взглядъ автора на пространство и время, какъ условія явленій. Онъ считаетъ идеалистическое

ученіе о пространствѣ и времени безсмертною заслугой Канта, но замѣчаетъ, что это ученіе должно быть строго отличаемо отъ субъективнаго иллюзіонизма (стр. 81). И съ тѣмъ и съ другимъ нельзя не согласиться; но въ такомъ случаѣ ученіе Канта должно быть дополнено изслѣдованіемъ объективнаго значенія пространства и времени. Заслуга великаго нѣмецкаго мыслителя дѣйствительно состоитъ въ томъ, что онъ указалъ на пространство и время, какъ на необходимыя апріорныя формы воспринятія внѣшнихъ и внутреннихъ впечатлѣній. Свойства этихъ формъ таковы, что онѣ изъ опыта выведены быть не могутъ, а потому слѣдуетъ признать ихъ неотъемлемою принадлежностью воспринимающаго субъекта. Такъ какъ, по теоріи Канта, все наше знаніе имѣетъ характеръ субъективный, а вещи сами въ себѣ намъ совершенно недоступны, то и необходимыя формы этого знанія остаются субъективными: это не болѣе какъ схемы, посредствомъ которыхъ въ представленіи связывается разнообразіе явленій; объ объективномъ ихъ значеніи, съ этой точки зрѣнія, не можетъ быть рѣчи. Но авторъ отвергаетъ существованіе вещей, независимое отъ явленій; для него объективный міръ не есть субъективная иллюзія, а нѣчто реальное. Слѣдовательно, онъ долженъ опредѣлить, какое объективное значеніе имѣютъ пространство и время. Какъ же онъ ихъ понимаетъ? „Явленія, говоритъ онъ, предполагаютъ чувственность; и *по-скольку* (курсивъ автора) они существуютъ въ универсальномъ, всеобъемлющемъ пространствѣ и времени, мы можемъ условно предположить универсальную, всеобъемлющую чувственность. Сущее, какъ являющееся, предполагать такую чувственность, которая есть субъектъ чувственныхъ явленій во времени и пространствѣ, субъектъ времени и пространства“ (стр. 84).

Признаемся, мы совершенно не въ состояніи понять, что такое универсальная, всеобъемлющая чувственность, и какъ она можетъ быть субъектомъ пространства и времени. Чувственность, въ самомъ обширномъ значеніи, есть спо-

способность единичнаго, ограниченнаго существа воспринимать впечатлѣнія матеріальнаго міра посредствомъ физическихъ же органовъ. Какимъ образомъ такая способность можетъ быть универсальной и всеобъемлющей, для насъ непонятно. Для этого нужно имѣть универсальные и всеобъемлющіе физическіе органы, что нелѣпо. Ограниченное единичное существо такой способности имѣть не можетъ, именно потому, что оно ограничено; приписать же физическіе органы и чувственныя способности міровому субъекту, то-есть Божеству, было бы совсѣмъ несообразно. Можно, вмѣстѣ съ Кантомъ, говорить объ общихъ формахъ чувственности, въ томъ смыслѣ, что всякое существо, одаренное чувственностью, то-есть, способностью воспринимать физическія впечатлѣнія, можетъ дѣлать это только подъ условіями пространства и времени; но нельзя говорить объ универсальной и всеобъемлющей чувственности: это—злоупотребленіе терминовъ, лишшающее ихъ всякаго понятнаго значенія. Во всякомъ случаѣ, если пространство и время суть только формы чувственнаго воспріятія, то они остаются чисто субъективными опредѣленіями; это не болѣе какъ представленія. А между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ реальное значеніе, совершенно независимое отъ нашихъ впечатлѣній. Что земля вертится около солнца въ 365 дней, то-есть, совершая одинъ круговоротъ, пока она 365 разъ вращается около своей оси, это не субъективное опредѣленіе нашего сознанія, а совершенно достовѣрный фактъ, существовавшій задолго до появленія человѣка на землѣ. Между тѣмъ, этотъ фактъ предполагаетъ реальное существованіе пространства и времени, и притомъ именно въ такомъ видѣ, какой мы себѣ представляемъ. Еслибы между субъективными формами нашего познанія и реальными формами самихъ вещей не существовало полнаго соотвѣтствія, мы не могли бы предсказывать, напримѣръ, солнечныя затмѣнія. Ученый, сидя въ своемъ кабинетѣ, дѣлаетъ математическія вычисленія, основанія которыхъ лежитъ въ априорныхъ законахъ его разума и въ умозрительныхъ пред-

ставленіяхъ пространства и времени, а между тѣмъ солнечное затмѣніе наступаетъ именно въ ту самую минуту, въ которую онъ заранѣе его опредѣлилъ. Это доказываетъ, что субъективныя формы чувственнаго воспріятія соотвѣтствуютъ законамъ реального міра, и это вполне естественно для существа, призваннаго жить и дѣйствовать въ этомъ мірѣ. Но это отнюдь не доказываетъ того, что весь реальный міръ существуетъ только по отношенію къ субъекту и немислимъ внѣ этого отношенія, какъ полагаетъ авторъ.

Въ этомъ положеніи, составляющемъ логическое слѣдствіе предыдущаго, мы опять встрѣчаемъ нѣкоторую неточность выраженій, которую необходимо устранить. Авторъ говоритъ, что нѣтъ объекта безъ субъекта (стр. 89). Если подъ именемъ объекта разумѣть *представленіе* какого-либо предмета, то, конечно, оно безъ субъекта немислимо, ибо представленіе есть принадлежность субъекта. Но если мы объектомъ называемъ самый познаваемый предметъ, то для послѣдняго совершенно безразлично, познается ли онъ кѣмъ-нибудь или нѣтъ. Люди могутъ имѣть самыя превратныя понятія о вещахъ,—отъ этого существо вещей и управляющіе ими законы нисколько не измѣняются. Древніе думали, что солнце есть божество, которое, сидя на колесницѣ, ежедневно совершаетъ свой объѣздъ около земли. Это не мѣшало тому, что тогда, также какъ и теперь, земля совершала около солнца свое закономѣрное круговращеніе. Мы достовѣрно знаемъ, что было время, когда на землѣ еще не было человѣка, когда даже на всей планетной системѣ не было органической жизни, а между тѣмъ и тогда планеты двигались вокругъ солнца по тѣмъ же законамъ, какъ и нынѣ. Кому же въ то время являлся этотъ несозрѣвшій еще міръ? Сказать, что гдѣ-нибудь на неподвижныхъ звѣздахъ могли быть существа, одаренныя невѣдомыми намъ способностями воспріятія, значитъ пускаться въ путь чистыхъ фантазій, и притомъ такихъ, которыя ровно ничего не доказываютъ, ибо были ли такія существа или нѣтъ, для солнечной системы это было со-

вершено безразлично. Сказать, что въ то время нашъ маленькій міръ являлся Божеству, значить опять принять нелѣпое предположеніе, что Божество одарено органами внѣшнихъ чувствъ.

Авторъ возразить, можетъ быть, что солнечная система, даже прежде появленія въ ней разумныхъ существъ, заключала въ себѣ *возможность* когда-нибудь имъ явиться. Но что существуетъ только въ возможности, того нѣтъ въ дѣйствительности. Стало-быть, въ дѣйствительности міръ могъ существовать помимо всякаго отношенія къ субъекту. И точно, законы тяготѣнія всегда существовали и существуютъ независимо отъ того, познаются ли они кѣмъ-нибудь или нѣтъ. Отношеніе ихъ къ субъекту касается не ихъ, а единственно субъекта; для самихъ вещей оно постороннее.

Авторъ увѣряетъ однако, что признавъ существованіе вещей, независимое отъ сознающаго ихъ субъекта, мы увлекаемся въ неразрѣшимую сѣть противорѣчій. Онъ представляетъ этому цѣлый рядъ доказательствъ, которыя, однако, вовсе не убѣдительны. По его мнѣнію, пространство и время, никому не являющіяся и не наполненныя никакими явленіями, суть чистые призраки. Но тутъ смѣшиваются явленія и вещи. Явленіе есть отношеніе вещи къ субъекту; гдѣ нѣтъ субъекта, тамъ нѣтъ и явленія. Но это не мѣшаетъ вещамъ наполнять пространство и двигаться во времени. Земля, какъ сказано, совершала свое круговращеніе около солнца, когда не было еще никакого воспринимающаго субъекта. Какое въ этомъ заключается противорѣчіе, совершенно непонятно. Діалектическія ухищренія Зенона Элейскаго, на которыя ссылается авторъ, тутъ ровно ни при чемъ. Зенонъ могъ самымъ остроумнымъ образомъ доказывать, что Ахиллесъ никогда не догонитъ черепахи; въ дѣйствительности, Ахиллесъ всегда догонялъ черепаху. Противорѣчія касаются только нашихъ способовъ пониманія, а не самихъ вещей.

Тоже самое относится и къ понятію о причинности. Мы

можемъ понимать причинность, какъ намъ угодно: какъ послѣдовательность явленій, какъ дѣйствующую силу или какъ логическую связь; для вѣчныхъ законовъ природы это совершенно безразлично. Они дѣйствуютъ всегда одинакимъ способомъ, въ одномъ и томъ же порядкѣ, по собственнымъ, присущимъ имъ началамъ. Земля двигалась около солнца по законамъ всемірнаго тяготѣнія, даже когда люди воображали себѣ, что солнце есть божество, объѣзжающее небо на колесницѣ. Изъ сѣмени всегда вырастаетъ дерево, а дерево опять производитъ сѣмя. Дѣло науки—стараться раскрыть эти законы, именно какъ независимые отъ субъективныхъ воспріятій.

Авторъ увѣряетъ, что и количественныя опредѣленія не существуютъ помимо сравнивающей мысли: самъ по себѣ, никакой предметъ ни великъ, ни малъ. Но если одна и та же сила прилагается къ двумъ, рядомъ находящимся массамъ, изъ которыхъ одна вдвое больше другой, то послѣдняя будетъ двигаться съ вдвое большею скоростью и разстояніе будетъ быстро увеличиваться, тѣмъ самымъ доказывая, что количественныя опредѣленія не суть только умственные представленія, а нѣчто реальное.

Самое тожество и различіе, по мнѣнію автора, „суть чисто-логическія опредѣленія мысли; въ вѣчно текущемъ процессѣ чувственного воспріятія, помимо нашей мысли, мы не имѣемъ ничего тожественнаго, какъ это сознали еще древніе, а слѣдовательно въ немъ нѣтъ и различія, поскольку различіе опредѣляется логически лишь по отношенію къ тожеству“ (стр. 95). Между тѣмъ, земля вертится и вертѣлась вокругъ солнца, тѣмъ самымъ полагая себя тожественной съ собою и отличною отъ солнца, помимо всякаго чувственного воспріятія и всякихъ логическихъ опредѣленій.

Ошибка автора состоитъ въ томъ, что онъ постоянно смѣшиваетъ способы познанія съ свойствами самихъ вещей. Для насъ объекты познанія всегда существуютъ только вслѣдствіе того, что они намъ являются, или что мы дѣлаемъ о

нихъ умозаключенія, исходя отъ явленій; но сами по себѣ, они существуютъ совершенно независимо отъ того, познаемъ ли мы ихъ или нѣтъ. Если понятіе о „вещи самой въ себѣ“, принятое Кантомъ, было отвергнуто послѣдующей идеалистической философіей, то это вовсе не значило, что вещь сама по себѣ, помимо нашего познанія, не существуетъ, а лишь то, что истинная сущность вещей не есть нѣчто недоступное нашему пониманію. По теоріи Канта, логическія категоріи суть чисто субъективныя опредѣленія нашего разума, посредствомъ которыхъ онъ сводитъ къ единству безконечное разнообразіе измѣняющихся явленій; но это мыслимое единство вовсе не раскрываетъ намъ истинной природы вещей, какъ онѣ существуютъ сами въ себѣ: о послѣдней мы не имѣемъ никакого понятія. Позднѣйшіе же философы, исходя отъ положенныхъ Кантомъ началъ, пришли къ заключенію, что логическими категоріями именно и опредѣляется вещь, какъ она есть сама въ себѣ, то-есть, та постоянно пребывающая сущность, которая лежитъ въ основаніи вѣчно измѣняющагося потока явленій. Эта сущность недоступна нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, она *не является*, а постигается разумомъ. Въ этомъ состоитъ смыслъ второго положенія идеалистической философіи, какъ оно выражается авторомъ: „сущее есть мыслимое“.

Замѣтимъ, что этимъ вторымъ положеніемъ опровергается предыдущее, которое авторъ считаетъ неоспоримую истинной: если истинно сущее есть мыслимое, то нельзя признавать, что сущее есть только то, что является. Какъ измѣняющееся бытіе, въ которомъ субъективное перемѣшивается съ объективнымъ, явленіе служитъ только *указаніемъ* на истинно сущее. Указаніе будетъ вѣрно, если мы сумѣемъ разнять субъективный элементъ и объективный, откинуть первый и свести послѣдній къ тому, что въ измѣняющихся отношеніяхъ есть прочнаго и постояннаго. Это и составляетъ задачу науки. Такъ, на примѣръ, явленіе даетъ намъ субъективное впечатлѣніе краски; наука же раскрываетъ

за этимъ впечатлѣніемъ невидимыя волненія недоступнаго чувствамъ ээира, изъ которыхъ математически выводятся всѣ явленія свѣта; опредѣляются самая длина волнъ и способности ихъ колебанія. Точно также чувства даютъ намъ явленія воды, пара и льда; человѣческій же разумъ, не только изощренный наукой, но и самый обыденный, видитъ за этими явленіями единое вещество, принимающее различныя формы. Наука подтверждаетъ въ этомъ отношеніи обыденный взглядъ; она взвѣшиваетъ вещество и находитъ его тождественнымъ въ различныхъ его состояніяхъ; она разлагаетъ его и находитъ его составленнымъ изъ болѣе простыхъ веществъ, которыя, въ свою очередь, принимаютъ разныя формы и входятъ въ различныя состоянія, оставаясь постоянно тождественными съ собою. Вытекающія отсюда понятія о матеріи и силѣ суть логическія опредѣленія нашего разума; они не *являются*, а *постигаются* умомъ. Но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, суть реальныя опредѣленія самихъ вещей. Взвѣшиваніе вещества доказываетъ, что количество его остается неизмѣннымъ, при всѣхъ измѣненіяхъ формы. Поэтому наука провозглашаетъ, какъ основной законъ природы, что ни единая частица матеріи не возникаетъ и не уничтожается, а пребываетъ постоянно, мѣняя только свои состоянія и отношенія. Этимъ самымъ доказывается, что понятіе о *субстанціи* не есть только пустое слово или логическое опредѣленіе, посредствомъ котораго мы связываемъ разнообразіе явленій, а нѣчто соответствующее истинной сущности вещей. Точно также и сила остается вѣчно себѣ тождественною, переходя изъ одного состоянія въ другое, изъ возможности въ дѣйствительность, изъ состоянія способности къ работѣ въ состояніе движенія, и обратно.

Все это не доказываетъ однако, что вещи не существуютъ помимо опредѣленій нашего разума, а доказываетъ только, что законы человѣческаго разума суть вмѣстѣ и законы внѣшняго міра. Оно и понятно, ибо законы логики суть законы чистой необходимости; необходимость же есть то, что не можетъ быть иначе. Слѣдовательно, къ какому

бы бытію мы ихъ ни примѣняли, они всегда будутъ одни и тѣже. Для этого не нужно, чтобы внѣшнее бытіе находилось въ какомъ-либо реальномъ отношеніи къ сознанию; оно подчиняется логическимъ законамъ просто потому, что иначе быть не можетъ. Наглядный тому примѣръ представляетъ математика. Дважды два — четыре есть одинаково законъ человѣческаго ума и внѣшней природы, имѣющій силу всегда и вездѣ. Предполагать, что на Сиріусѣ дважды два могутъ составлять пять, есть чистый абсурдъ. Конечно, возможно предположить, что наши понятія о необходимости суть чистыя иллюзіи; но тогда мы не могли бы ни познавать объективный міръ, ни дѣйствовать въ немъ. Между тѣмъ, мы на основаніи чисто логическихъ вычислений предсказываемъ солнечныя затмѣнія и находимъ никому не вѣдомыя планеты. Передъ этими фактами всякія сомнѣнія должны исчезнуть.

Однако, для того чтобы мы во внѣшнемъ намъ бытіи могли раскрыть собственные законы нашего разума, надобно, чтобы оно не было намъ совершенно чуждымъ. Авторъ справедливо указываетъ на то, что *абсолютно* чуждое мысли не можетъ быть воспринято ею. Онъ указываетъ и на то, что всякое взаимодействіе предполагаетъ нѣчто общее обѣимъ дѣйствующимъ силамъ. Взаимодействіе необходимо совершается на почвѣ общей обѣимъ. Субъектъ, съ одной стороны, воспринимаетъ впечатлѣнія внѣшняго міра, съ другой стороны осуществляетъ въ немъ собственные свои цѣли. Это указываетъ на лежащее въ основаніи ихъ тождественное начало. Какое же это начало?

Если истинно сущее есть не чувственное, а мыслимое, если логическія опредѣленія разума суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, собственные опредѣленія этой объективной сущности, то отсюда естественно заключить, что послѣдняя есть разумъ, присущій вещамъ. Это заключеніе и дѣлаетъ идеализмъ, не только новый, но и древній. Аристотель прямо говорить, что сущность есть разумъ, присущій вещамъ (*ἡ οὐσία ἐστὶν ὁ λόγος τῶ ἐνόν*). Возникающую отсюда теорію авторъ

называетъ „панлогизмомъ“; онъ подвергаетъ ее критикѣ въ томъ видѣ, какъ она явилась у новѣйшаго и самаго полнаго ея представителя—Гегеля.

Существенное возраженіе противъ этой теоріи состоитъ въ томъ, что „сущее не покрывается логическою идеей“. Кромѣ отвлеченныхъ понятій, которыя даютъ только общія начала, существуютъ единичныя, конкретныя существа и вещи, которыя составляютъ предметъ чувственного воспріятія, но не могутъ быть выведены логически. Они-то и составляютъ *реально-сущее*, въ отличіе отъ логическихъ опредѣленій. „Реальное существо, говоритъ авторъ, есть нѣчто большее, чѣмъ простая мыслимая возможность, и настолько оно не покрывается никакимъ понятіемъ, точно также какъ оно не исчерпывается никакимъ представленіемъ“. Отсюда несостоятельность попытки Гегеля вывести весь міръ чисто логическимъ путемъ, изъ умозрительныхъ опредѣленій. Философія его рушилась, потому что оказалась несогласною съ дѣйствительностью.

Эта критика въ основаніи своемъ вѣрна, однако односторонняя и, что замѣчательно, противорѣчитъ собственной точкѣ зрѣнія автора. Односторонность ея заключается въ томъ, что ученіе Гегеля представлено не въ надлежащемъ видѣ. Авторъ, въ изложеніи системы великаго германскаго мыслителя, постоянно отождествляетъ *отвлеченное понятіе* и *идею* (стр. 102, 237). Вся его полемика обращена противъ идеи, именно какъ отвлеченнаго понятія. Между тѣмъ, ему должно быть хорошо извѣстно, что у Гегеля эти два термина не однозначущіе. Отвлеченное понятіе есть *субъективное* понятіе. Въ *Лошкѣ* Гегеля это опредѣленіе прямо признается одностороннимъ, а потому недостаточнымъ. Ему противопоставляется *объективное* понятіе; *идея* же есть сочетаніе обѣихъ этихъ формъ. Именно какъ сочетаніе противоположностей, идея сама полагается въ двухъ противоположныхъ опредѣленіяхъ: въ непосредственной, объективной формѣ, какъ *жизнь*, и въ рефлексированной, субъективной, какъ *познаніе*. Абсолютная идея есть соче-

таніе того и другого. Гегель буквально говоритъ, что логическая форма идеи есть только одна ея сторона, хотя и высшая; это та форма, которая представляетъ идею въ ея чистотѣ (см. въ *Логикѣ* развитіе абсолютной идеи). Въ этомъ признаніи недостаточности одностороннихъ опредѣленій заключается главная сущность мысли Гегеля; въ обнаруженіи этой недостаточности состоитъ вся его діалектическая метода, которая, путемъ внутренняго анализа, отъ самыхъ отвлеченныхъ опредѣленій ведетъ къ болѣе и болѣе конкретнымъ. Въ *Логикѣ* этотъ процессъ завершается идеей, представляющей сочетаніе противоположностей; затѣмъ, въ силу того же начала, идея осуществляется въ реальномъ мірѣ природы и, наконецъ, возвращается къ себѣ въ сознающемъ себя Духѣ. Абсолютный Духъ есть завершеніе всего процесса, представляющее всю полноту бытія.

Таково истинное ученіе Гегеля. Можно противъ него возражать, но нельзя подъ именемъ его ученія опровергать то, что онъ самъ опровергаетъ, нельзя доказывать, что отвлеченное понятіе не покрываетъ всякаго бытія, такъ какъ самъ Гегель не только вполне это признаетъ, но на этомъ основываетъ все дальнѣйшее развитіе своей системы. Невѣрно, поэтому, утвержденіе автора, что у Гегеля переходъ отъ идеи къ природѣ представляется „непостижимымъ скачкомъ, какимъ-то совершенно ирраціональнымъ и непонятнымъ отпаденіемъ идеи отъ самой себя“. Какъ единство противоположностей, идея содержитъ въ себѣ оба противоположныя начала: осуществленіе ихъ, какъ міръ природы и міръ духа, составляетъ изложеніе, или развитіе собственныхъ ея внутреннихъ опредѣленій; это—присущее ей логическое и вмѣстѣ реальное требованіе.

Противъ такой постановки вопроса не имѣютъ силы реалистическія теоріи, опирающіяся на указанный авторомъ элементъ безсознательнаго, на которомъ Шопенгауэръ строилъ свою систему. По теоріи Гегеля, безсознательное есть лишь низшій моментъ сознательнаго, нераскрывшееся сознательное. Всего менѣе противъ такого взгляда могъ рато-

вать Шопенгауэръ, который самъ исходитъ отъ сознательнаго начала—отъ той воли, которую мы въ себѣ самихъ сознаемъ. У него дѣйствительно есть непозволительный логическій скачокъ отъ сознательнаго къ безсознательному. Стоя на почвѣ опыта, невозможно по аналогіи съ сознательнымъ судить о томъ, въ чемъ не замѣчается ни малѣйшихъ признаковъ сознанія и воли. Поэтому вся система Шопенгауэра есть зданіе, висящее на воздухъ и обнаруживающее полное отсутствіе логической связи.

Противъ правильно понятаго ученія Гегеля трудно возражать и съ той точки зрѣнія, которую развиваетъ самъ авторъ. Если, какъ онъ старался доказать, весь объективный міръ существуетъ только по отношенію къ субъекту и не имѣетъ независимаго отъ послѣдняго существованія, то съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ и его критика, которая вся сводится къ тому, что дѣйствительность отличается отъ идеи „своею независимой отъ нея самобытною реальностью“ (стр. 235). Одно противорѣчитъ другому: или прежнее утвержденіе автора невѣрно или настоящая его критика неосновательна. Далѣе мы увидимъ, что въ концѣ концовъ авторъ становится на точку зрѣнія чистаго гегелизма, которое отвергается имъ лишь вслѣдствіе неправильнаго освѣщенія мыслей великаго германскаго философа.

Возражать противъ точки зрѣнія Гегеля можно, только признавши независимое отъ субъекта существованіе матеріальнаго міра. Надобно видѣть въ немъ не *моментъ* въ развитіи идеи, а самостоятельный *элементъ* міроваго бытія. Это мы и старались установить выше, критикуя положенія автора. Въ этомъ заключается вся сила матеріализма, въ противоположность чисто идеалистической точкѣ зрѣнія. Только этимъ объясняется реальное существованіе единичныхъ вещей и невозможность вывести ихъ логическимъ путемъ изъ общихъ началъ. Оттого и древніе идеалисты, рядомъ съ идеями, признавали существованіе независимой отъ нихъ матеріи, хотя въ послѣдней они видѣли только не-сущее ($\tau\acute{o} \mu\grave{\eta} \delta\upsilon$), или возможность ($\delta\acute{o}\upsilon\lambda\alpha\iota\varsigma$). Признаніемъ самостоя-

тельного существованія матеріальнаго міра не устраняетъ, однако, возможность осуществленія въ немъ идеи; напротивъ, именно этимъ полагается эта возможность: для идеи готовится необходимый матеріалъ. Фактически эта возможность доказывается дѣйствительнымъ осуществленіемъ человѣческихъ цѣлей во внѣшнемъ мірѣ; но надобно знать, при какихъ условіяхъ это совершается. Недостатокъ теоріи Гегеля состоитъ въ томъ, что онъ не анализировалъ этихъ условій, а призналъ только необходимость осуществленія идеи и понялъ природу какъ чистое выраженіе разума. Между тѣмъ, собственная его *Логика* могла указать ему необходимыя предположенія этого процесса. У него идея, осуществляющаяся во внѣшнемъ мірѣ, полагается какъ *жизнь*. Но въ развитіи категоріи *понятія* (der Begriff) опредѣленію жизни предшествуютъ опредѣленія механизма и химизма, которыя понимаются какъ выраженія объективнаго понятія. Если они предшествуютъ логически, то они должны предшествовать и реально. Стало-быть, осуществленіе идеи въ видѣ жизни предполагаетъ реальное существованіе механическихъ и химическихъ силъ, которыя служатъ ей матеріаломъ и средствомъ. Идея есть цѣлесообразно дѣйствующая сила; но цѣль нуждается въ матеріалѣ и средствахъ, которые и даются ей механическою причинностью. Причинѣ конечной необходимо предшествуетъ причина производящая. Отъ послѣдней происходитъ все разнообразіе реального бытія; первая же сводитъ это разнообразіе къ высшему конечному единству, не уничтожая самостоятельности частей, а устанавливая между ними высшее согласіе. Надъ міромъ механической причинности воздвигается высшій міръ идеальныхъ цѣлей; надъ областью природы возникаетъ область духа.

Съ этой точки зрѣнія, существенный недостатокъ системы Гегеля состоитъ въ томъ, что у него идеализмъ получаетъ значеніе исключительнаго начала, между тѣмъ какъ это только высшее и конечное. Существо идеализма состоитъ въ сочетаніи противоположностей. По ученію Ге-

геля, сама идея развиваетъ изъ себя противоположности и опять ихъ снимаетъ; такимъ образомъ, онѣ являются только ея моментами, чѣмъ самымъ уничтожается ихъ самостоятельность. Недостаточность этой точки зрѣнія именно и повела къ дальнѣйшему развитію философіи, которая естественно распалась на двѣ противоположныя отрасли, матеріалистическую и нравственную: одна утверждала самостоятельность матеріальнаго міра, другая отстаивала самобытное существованіе духовно-нравственной личности, которая не улетучивается въ процессѣ общаго духа, а остается самобытнымъ центромъ высшей духовной жизни. При такомъ распаденіи взглядовъ затмилось самое коренное начало идеализма, идея, какъ сочетаніе противоположностей. Но чѣмъ болѣе выясняется несостоятельность одностороннихъ точекъ зрѣнія, чѣмъ болѣе чувствуется потребность связать ихъ въ одно цѣльное міросозерцаніе, тѣмъ болѣе возвращеніе къ идеализму представляется и логически, и реально необходимымъ; однако уже не къ идеализму въ прежней исключительной его формѣ, а къ идеализму, признающему самостоятельность общихъ предшествующихъ ему міровъ: матеріальнаго и разумно-нравственнаго. Идеальное начало возвышается надъ обоими, какъ высшее ихъ соглашеніе. Это соглашеніе исключаящихся другъ друга противоположностей, очевидно, возможно только въ третьемъ началѣ, имѣющемъ свойства обѣихъ. Это третье начало и есть идея, какъ реальная сила, или разумъ, присущій вещамъ. Это—то, что мы называемъ *душою*, и что, въ различныхъ ступеняхъ, проявляется въ органическомъ мірѣ и въ духовномъ развитіи. Естествознаніе, ограничивающееся механическими и физическими силами, отвергаетъ существованіе души, какъ чистую фикцію; но именно поэтому оно не способно понять органической жизни. Какъ оно ни старается свести ее къ чисто механическимъ и химическимъ силамъ, тутъ остаются явленія, и притомъ самыя существенныя, которыхъ оно не въ состояніи объяснить. Никому еще не удавалось, хотя сколько-нибудь прав-

доподобнымъ путемъ, объяснить механическими законами строеніе и самодѣятельность организма. Еще менѣ этому міросозерцанію доступна духовная жизнь. Право, нравственность, государство, исторія—все это остается для нея закрытою книгой. Самая логика сводится къ теоріи чистаго эмпиризма, которая, въ сущности, есть отрицаніе логики, а потому отрицаніе самой себя.

Съ своей стороны, духовно-нравственный реализмъ, въ своемъ одностороннемъ развитіи, оказывается столь же несостоятельнымъ. Онъ основное начало бытія видитъ не въ матеріи, а въ субъектѣ, но сущностью послѣдняго онъ признаетъ не логическое начало, разумъ, а реальное начало—волю, которой онъ всецѣло подчиняетъ разумъ. Въ послѣднемъ онъ видитъ только отраженіе и орудіе воли; а такъ какъ воля по теоріи предшествуетъ разуму, то она опредѣляется какъ начало безсознательное. Черезъ это, безсознательное становится основнымъ началомъ всего сущаго; таково послѣднее слово этого воззрѣнія. Но, съ этимъ вмѣстѣ, оно приходитъ къ самоотрицанію. Исходная точка его есть субъектъ, а въ результатъ субъектъ исчезаетъ въ общей безсознательной стихіи: онъ становится страдательнымъ орудіемъ слѣпыхъ силъ, что приводитъ его въ отчаяніе. Безвыходный пессимизмъ составляетъ естественный и необходимый плодъ этого направленія, которое въ Гартманѣ нашло окончательное свое выраженіе.

Такой самоотрицающійся результатъ указываетъ уже на невѣрную точку исхода. И точно, имѣемъ ли мы право считать волю истинною сущностью субъекта и самую эту волю сводить къ безсознательному началу? То, что непосредственно дается намъ внутреннимъ опытомъ и что составляетъ главную точку опоры всей этой системы, есть сознательное состояніе, ибо оно одно подлежитъ сознанию: о безсознательномъ мы можемъ судить лишь путемъ умозаключенія отъ сознательнаго. Это сознаніе своего внутренняго состоянія заключаетъ въ себѣ двоякое отношеніе: къ себѣ и къ другому, причемъ послѣднее предшествуетъ пер-

вону. Субъектъ, какъ онъ дается намъ самосознаніемъ и опытомъ, не есть чистый субъектъ: онъ связанъ съ органическимъ тѣломъ, которое находится въ постоянномъ взаимодействіи съ окружающимъ міромъ. Потребности этого тѣла въ отношеніи къ окружающимъ вещамъ суть первое, что субъектъ ощущаетъ въ себѣ, какъ хотѣніе. Это — область *влеченій*, составляющая низшую, животную ступень субъективнаго существованія. Здѣсь разумъ является чисто страдательнымъ орудіемъ цѣлей, полагаемыхъ потребностями организма: человѣкъ хочетъ ѣсть, и разумъ указываетъ ему для этого средства; субъектъ видитъ пищу и овладѣваетъ ею. Но человѣкъ не остается на этой ступени; высшая, истинно человѣческая его сторона, та, которая дѣлаетъ его субъектомъ, состоитъ въ способности отрѣшиться отъ этой низшей области и подчинять ее себѣ. Человѣкъ не только повинуется влеченіямъ, но воздерживаетъ ихъ и направляетъ къ цѣлямъ, указаннымъ самимъ разумомъ. Если естественныя влеченія суть явленія слѣпыхъ инстинктовъ, которые, путемъ умозаключенія, можно свести къ бессознательному началу, то способность воздерживать влеченія и направлять ихъ къ разумнымъ цѣлямъ, есть уже явленіе разумнаго начала, и оно-то составляетъ истинное существо субъекта, какъ такового. Въ немъ кроется источникъ *свободы*, составляющей коренное отличіе субъекта отъ всего физическаго міра и полагающей его какъ самостоятельное начало жизни и дѣятельности. Человѣкъ есть *свободное* существо, потому что онъ *разумное* существо; свободнымъ онъ можетъ быть, только если его разумъ есть самостоятельное начало, имѣющее въ себѣ самомъ источникъ своей дѣятельности. Выраженіе этой свободы есть *воля*, въ истинномъ, высшемъ значеніи этого слова, какъ хотѣніе, направляемое разумомъ, въ отличіе отъ слѣпыхъ инстинктовъ, составляющихъ принадлежность животнаго естества. Поэтому никакой аналогіи съ волею мы не находимъ въ физическомъ мірѣ. Воля человѣка, какъ свободнаго существа, есть выраженіе разума, какъ самостоятельнаго начала, ко-

торое и составляет истинное существо субъекта, въ отличіе отъ физическаго міра. Но и самыя слѣпыя инстинкты не могутъ служить намъ прототипомъ всѣхъ поражающихъ насъ матеріальныхъ явленій. И тутъ аналогія совершенно ложная. Въ слѣпыхъ инстинктахъ, такъ же какъ и во всемъ органическомъ строеніи, выражается начало *цѣлесообразности* чуждое механическимъ и химическимъ силамъ, дѣйствующимъ на необъятномъ пространствѣ вселенной. Эта цѣлесообразно дѣйствующая сила, которую, какъ уже было сказано выше, можно назвать *душою*, связываетъ разумный субъектъ съ чисто матеріальнымъ міромъ, подчиняя послѣдній первому и тѣмъ самымъ давая субъекту возможность осуществить свои разумно сознанныя цѣли вовнѣшней природѣ. Коренное научное требованіе, какъ въ области чистаго опыта, такъ и въ области философіи, состоитъ въ томъ, чтобы разнородныя явленія и начала строго отличались другъ отъ друга и изучались каждое въ своемъ существѣ и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ. Но именно противъ этого грѣшитъ воззрѣніе, которое аналогію воли распространяетъ на всѣ міровыя явленія, сливая въ одну хаотическую массу и разумный субъектъ, и чисто механическія силы. Черезъ это, первый лишается своего самостоятельнаго значенія, а за послѣдними виднѣтся фиктивный субъектъ. Въ концѣ концовъ, все сливается въ бессознательную стихію, одержимую какими-то слѣпыми влеченіями, которыя непонятнымъ образомъ ее приводятъ наконецъ къ сознанію; но пробудившаяся мысль служить только освѣщеніемъ безконечнаго зла, проистекающаго изъ борьбы слѣпыхъ силъ, почему окончательною, вождельною цѣлью всѣхъ разумныхъ существъ, а вмѣстѣ и всего процесса, является возвращеніе къ бессознательному безразличію.

Авторъ разбираемыхъ статей весьма далекъ отъ подобнаго вывода. Однако, породившее этотъ выводъ міросозерцаніе наложило на него свою печать и опредѣлило многія изъ его воззрѣній. Это выражается въ томъ, что и онъ, какъ увидимъ ниже, считаетъ волю такимъ началомъ, по

аналогіи съ которымъ мы должны судить о всѣхъ явленіяхъ міра. И ему, какъ мы видѣли уже выше и какъ увидимъ еще далѣе, за всякимъ явленіемъ мерещится субъектъ. Но всего болѣе это выражается въ его отрицательномъ отношеніи къ чисто логическому развитію мысли. Это отрицательное отношеніе проявилось уже въ Шопенгауэрѣ, у котораго однако отрицаніе логики повело лишь къ необузданному полету фантазіи. Съ бѣльшимъ кажущимся научнымъ аппаратомъ это направленіе выразилось у настоящаго основателя философскаго реализма въ Германіи, Тренделенбурга. Авторъ, между прочимъ, ссылается на изслѣдованія послѣдняго, утверждая, что онъ блистательно раскрылъ софистическую подтасовку въ развитіи логическихъ понятій у Гегеля (стр. 242, примѣч.). Я имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ показать всю неосновательность критики Тренделенбурга *). Здѣсь было бы излишне къ этому возвращаться, такъ какъ авторъ не счелъ нужнымъ опровергнуть сдѣланныя противъ нея возраженія и на Тренделенбурга указываетъ лишь мимоходомъ. Остановимся на собственной аргументаціи автора, которая, надо полагать, заключаетъ себѣ все, что было до него высказано противъ чисто логическаго развитія мысли. Обстоятельно разобрать его доводы тѣмъ необходимо, что здѣсь дѣло идетъ о самыхъ основныхъ вопросахъ философскаго мышленія, о теоріи познанія, безъ которой нельзя сдѣлать ни единого шага въ пониманіи явленій. Только утвердивши на непреложныхъ началахъ способности дѣйствія разума въ изслѣдованіи явленій, только согласившись на счетъ того, что именно человѣкъ можетъ знать и какъ онъ можетъ знать, возможно приступить къ обсужденію самаго содержанія человѣческаго знанія. Въ недостаткахъ теоріи познанія коренится сущность всѣхъ ошибокъ, какъ односторонняго эмпиризма, такъ и философствующей мысли.

Основное положеніе автора состоитъ въ томъ, что чисто

*) См. „Наука и Религія“, кн. I, гл. 4.

логическое развитіе мысли потому несостоятельно, что логика всегда *предполагаетъ* нѣчто реальное, внѣ ея сущее, къ которому она относится; иначе она остается чистою фантазіей, зданіемъ висящимъ на воздухѣ, каковою и является *Логика* Гегеля. Выше мы видѣли, что авторъ возставалъ противъ эмпиризма на томъ основаніи, что всякое явленіе *предполагаетъ* субъектъ, которому оно является. Здѣсь предположеніе выходитъ обратное. Между тѣмъ одно противорѣчитъ другому: или внѣшнее бытіе предполагаетъ субъектъ, или субъектъ предполагаетъ внѣшнее бытіе. Которое-нибудь изъ двухъ должно быть первое. Если оба самостоятельны, то они могутъ, такъ или иначе, *относиться* другъ къ другу; но они не *предполагаютъ* другъ друга; каждое, въ такомъ случаѣ, имѣетъ свою собственную сущность, хотя и устанавливается взаимное отношеніе. Слѣдовательно, мы должны признать или то, или другое. Выше мы старались доказать, что первое положеніе несостоятельно; можетъ быть, второе болѣе истинно. На чемъ же авторъ основываетъ свои утвержденія?

Доказательства, которыя онъ приводитъ, двоякаго рода, хотя и связанныя одно съ другимъ. Первое состоитъ въ томъ, что всякое отвлеченное понятіе само себѣ противорѣчитъ, именно потому, что оно оторвано отъ того бытія, къ которому оно относится. Это — доказательство Тренделенбурга. Второе принадлежитъ самому автору; оно состоитъ въ томъ, что всякая логическая мысль должна быть *обоснована*; основаніемъ же можетъ служить только нѣчто дѣйствительно сущее: „мысль логична, поскольку она положительна, то - есть обоснована сущимъ“. Этимъ, кажется, исчерпываются всѣ доводы; по крайней мѣрѣ, ничего другаго мы во всей аргументаціи не могли найти. Между тѣмъ, оба эти доказательства не выдерживаютъ критики.

Какъ примѣръ противорѣчія, присущаго отвлеченнымъ понятіямъ, авторъ приводитъ то, что „человѣкъ, какъ отвлеченное понятіе, не есть *никакой* опредѣленный человѣкъ, слѣдовательно — есть *не человѣкъ*“ (стр. 238). Признаемся, подобное заключеніе представляется намъ развѣ только

примѣромъ того „фокусничанья“ съ отвлеченными понятіями, о которомъ тутъ же говоритъ авторъ. Непонятно, почему никакой *опредѣленный* человѣкъ значить *никакой* человѣкъ. Что понятіе человѣка не тоже самое, что дѣйствительный человѣкъ, это — очевидная истина, но не видно, почему оно само себѣ противорѣчитъ. Понятіе человѣка заключаетъ въ себѣ всѣ общія свойства человѣка, чего не могло бы быть, еслибы оно означало не-человѣка. Вѣрно только то, что это понятіе, со всѣми заключающимися въ немъ свойствами, предполагаетъ существованіе реальныхъ людей, съ которыхъ и взяты какъ понятіе, такъ и свойства. Но это происходитъ отъ того, что это понятіе чисто-эмпирическое, отвлекаемое отъ впечатлѣній, полученныхъ путемъ внѣшнихъ чувствъ. Если же мы возьмемъ другаго рода отвлеченное понятіе, напримѣръ, понятіе о треугольникѣ или о кругѣ, то мы придемъ къ другому выводу. Треугольникъ опредѣляется въ геометріи какъ фигура, ограниченная тремя прямыми линиями, кругъ какъ фигура, которой окружность вездѣ отстоитъ на равномъ разстояніи отъ одной точки. Такъ какъ мы произвольно можемъ чертить какія намъ угодно фигуры, даже такія, которыхъ никто никогда не видалъ, то мы можемъ начертить и эти, мысленно или на бумагѣ, не справляясь о томъ, существуютъ ли онѣ въ дѣйствительности или нѣтъ. Спрашивается: какое же противорѣчіе заключается въ понятіи треугольника? Треугольниковъ, какъ мыслимыхъ, такъ и дѣйствительныхъ, можетъ быть безчисленное множество: и большихъ, и малыхъ, и равностороннихъ, и равнобедренныхъ, и прямоугольныхъ и т. п. Еслибы это было само себѣ противорѣчащее понятіе, еслибы, какъ утверждаетъ авторъ, это былъ *ни-треугольникъ*, то мы не могли бы ровно ничего изъ него вывести; а между тѣмъ, мы самымъ достовѣрнымъ образомъ выводимъ, что сумма угловъ треугольника, лежащаго въ плоскости, равняется двумъ прямымъ. И это относится ко всякому треугольнику, а не къ не-треугольнику. Точно также изъ опредѣленія круга мы выводимъ, что діаметръ

вдвое больше радіуса, что вписанный треугольникъ, построенный на діаметрѣ, имѣеть прямой уголъ, и т. п. Что же во всемъ этомъ противорѣчащаго? Мы можемъ взять еще болѣе отвлеченныя, слѣдовательно, по теоріи автора, еще болѣе противорѣчащія понятія, напримѣръ, понятіе о величинѣ вообще; а между тѣмъ, алгебра, которая есть вполнѣ точная и достовѣрная наука. оперируетъ съ этими отвлеченными понятіями, какъ съ совершенно положительными данными, не заключающими въ себѣ никакого противорѣчія. Она учитъ, напримѣръ, какимъ образомъ въ уравненіяхъ второй степени опредѣляется неизвѣстная величина, и это рѣшеніе, основанное на чисто логическихъ ничалахъ, помимо всякихъ опытныхъ данныхъ, не только не противорѣчитъ конкретной дѣйствительности, а, напротивъ, имѣеть силу для всякаго рода конкретныхъ величинъ, каковы бы онѣ ни были: нужно только построить правильное уравненіе.

Авторъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что „основныя начала математики заключаются въ отвлеченномъ обобщеніи нѣкоторыхъ данныхъ чувственнаго опыта, и находятъ себѣ провѣрку въ наглядномъ воспріятіи величинъ и ихъ отношеній“ (стр. 261). Чистые эмпирики дѣйствительно это утверждаютъ; но у философа, признающаго великія заслуги Канта, странно встрѣтить такое положеніе. Онъ долженъ знать, что изъ опытныхъ данныхъ нельзя сдѣлать никакого логическаго вывода иначе, какъ по аналогіи, а именно заключеній по аналогіи математика вовсе не допускаетъ. Основныя понятія чистой математики: единство, множество, величина, равенство, какъ весьма хорошо извѣстно автору, суть опредѣленія логической категоріи количества, апріорно связывающія опытные данныя, а не почерпнутыя изъ послѣднихъ. Если признать пространство и время апріорными формами чувственнаго воспріятія, какъ дѣлаетъ авторъ, то и геометрію слѣдуетъ признать умозрительною наукой. Математика именно потому имѣеть неоцѣненное достоинство для изслѣдователя человѣческаго мышленія, что она дѣйствуетъ чисто логическимъ путемъ, а между

тѣмъ представляетъ полнѣйшую достовѣрность. Никакого противорѣчія ни съ конкретными явленіями, ни съ логическими началами въ ней не замѣчается.

Но и въ метафизикѣ, которая есть ничто иное какъ приложеніе логики, или выводъ логическихъ категорій въ ихъ необходимой связи, внутреннее противорѣчіе отвлеченныхъ опредѣленій имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, которое придаетъ ей авторъ. Это противорѣчіе проистекаетъ вовсе не отъ того, что они оторваны отъ конкретного сущаго, а потому, что они оторваны отъ своей связи съ другими логическими опредѣленіями. Такъ, напримѣръ, бытіе немислимо безъ отрицанія, ибо всякое опредѣленное бытіе есть отрицаніе другого, а чистое бытіе есть отрицаніе всякаго опредѣленія. Точно также единое немислимо безъ многаго, и многое безъ единаго. Это задолго еще до Гегеля доказывалъ Платонъ. Авторъ дѣлаетъ какое-то непонятное для насъ различіе между *логическими* и *діалектическими* понятіями (стр. 238). Діалектика, какъ ее всегда понимали, есть раскрытіе внутренней связи логическихъ опредѣленій, то есть категорій. Бытіе, единое, многое и т. д. суть чисто логическія, а потому и діалектическія опредѣленія. Всѣ они составляютъ цѣльную, связную систему, въ которой каждый членъ указываетъ на другіе и требуетъ восполненія другими. Это и обнаруживается въ тѣхъ внутреннихъ, логическихъ противорѣчійхъ, которыя оказываются, когда мы хотимъ отдѣльный членъ разсматривать внѣ системы, съ которою онъ связанъ. Такъ, напримѣръ, если мы хотимъ взять чистое бытіе безъ всякаго опредѣленія, то мы въ немъ ровно ничего не находимъ, и оно само является небытіемъ, отрицаніемъ всякаго опредѣленія. Если же мы возьмемъ ограниченное бытіе, то съ нимъ связано уже отрицаніе въ видѣ границы. Но граница одного есть вмѣстѣ граница другого; въ ней, поэтому, отрицается не только другое, но и самое ограниченное опредѣленіе: въ границѣ оба отрицаются и оба совпадаютъ, чѣмъ самымъ полагается ихъ связь. Такимъ образомъ, силою внутренней логики,

или діалектики, мы идемъ отъ одного логическаго опредѣленія къ другому, отъ отвлеченныхъ къ болѣе конкретнымъ, восполняющимъ первыя, пока наконецъ не будетъ достигнута полнота системы. Авторъ, слѣдуя Тренделенбургу, говоритъ, что „какъ изъ пустой шляпы нельзя вынуть того, что туда предварительно не положено, такъ изъ отвлеченныхъ понятій нельзя получить ничего конкретного, безъ того, чтобы не вносить конкретныхъ представленій въ сферу отвлеченія путемъ тайной, постоянной подтасовки“ (стр. 242). Какъ будто разумъ есть пустая шляпа, въ которую влагается чуждое ей содержаніе, а не живая, дѣятельная сила, сама въ себѣ носящая свой законъ и сама изъ себя развивающая свои опредѣленія! Такое сравненіе, подъ перомъ философа, нѣсколько насъ удивляетъ.

Изъ этого очевидна совершенная несостоятельность и другого доказательства автора противъ самостоятельнаго значенія логическихъ опредѣленій. Онъ утверждаетъ, что „логическая мысль есть мысль *обоснованная*“; основаніемъ же можетъ служить только реальное, внѣ ея находящееся бытіе. Авторъ не потрудился объяснить, что онъ понимаетъ подъ именемъ основанія, а между тѣмъ, это опущеніе ведетъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Основаніе можетъ быть логическое и реальное. Совершенное отрицаніе перваго, притомъ безъ всякихъ доказательствъ, весьма странно со стороны философа. Казалось бы, что мысль тогда только логична, когда она имѣетъ логическое основаніе. Если же основаніемъ всѣхъ нашихъ понятій должно быть реальное, находящееся внѣ насъ бытіе, то мы стоимъ на точкѣ зрѣнія чистаго эмпиризма, противъ котораго возстаеъ самъ авторъ, и притомъ эмпиризма, ограничивающагося данными внѣшнихъ чувствъ, по примѣру Огюста Конта, между тѣмъ какъ авторъ справедливо ставитъ внутренній опытъ наряду съ внѣшнимъ. Почему же внутреннее самосознаніе разума не можетъ служить основаніемъ для понятій, сужденій и даже умозаключеній? Положеніе „я думаю, слѣдовательно я есмь“ представляетъ совершенно правильное умозаключеніе, кото-

рое однако не имѣть основанія въ какомъ-либо внѣшнемъ бытіи. Мысль сама есть сущее, и притомъ дѣятельное и себя сознающее, а потому способное служить основаніемъ и для понятій, и для сужденій. Если мы на этомъ основаніи воздвигнемъ цѣлый чисто логическій міръ, то, конечно, онъ будетъ имѣть значеніе исключительно для мысли, но тѣмъ не менѣе онъ будетъ имѣть свою цѣну, если раскроетъ намъ истинное ея существо.

Авторъ возразить, вѣроятно, что самосознаніе разума невозможно безъ противоположенія ему внѣшняго бытія. Я предполагаю *не-я*. Безъ сомнѣнія, всякое опредѣленіе есть вмѣстѣ отрицаніе другого. Но *отрицать* другое не значитъ имѣть *основаніе* въ другомъ. Напротивъ, если основаніемъ мысли полагается одно, то этимъ самымъ отрицается, что основаніемъ ея служитъ другое. Если, напримѣръ, основаніемъ моего понятія о человѣкѣ служатъ реальные люди, то этимъ самымъ отрицается, что основаніемъ его служатъ не-люди. Между тѣмъ, авторъ ставитъ оба отношенія, положительное и отрицательное, на одну доску: „самое отвлечение, говоритъ онъ, все - таки предполагаетъ извѣстное, хотя бы отрицательное отношеніе къ тому, отъ чего мысль отвлекается“ (стр. 242). Это неопредѣленное *хотя бы* показываетъ смѣшеніе противоположныхъ отношеній. Въ дѣйствительности, отвлечение можетъ быть большее или меньшее, смотря по тому, отрицается ли большее или меньшее количество содержанія. Такъ, напримѣръ, общее понятіе о человѣкѣ несомнѣнно есть отвлеченное, но тѣмъ не менѣе оно остается эмпирическимъ, имѣющимъ основаніе въ реальныхъ существахъ, ибо въ немъ отрицаются только случайные признаки, а сохраняются одни существенные. Очевидно, основаніемъ понятія служатъ тѣ признаки, которые сохраняются, а не тѣ, которые откидываются въ сторону. Но отвлечение можетъ быть такое, которымъ отрицается всякое содержаніе и остается одна логическая форма. И тутъ основаніемъ понятія не можетъ быть отрицаемое содержаніе. Всякое реальное основаніе

тутъ отвергается; но это не значить, что понятіе черезъ это лишается всякаго основанія, какъ полагаетъ авторъ: остается логическое основаніе, которое не только не мѣнѣе прочно, но которое одно даетъ логическое значеніе мысли. Это всего лучше можно выяснитъ примѣромъ. Возьмемъ положеніе, на которомъ основана вся математика: двѣ величины, равныя третьей, равны между собою. Понятіе величины, то-есть того, что можетъ быть больше или меньше, есть чисто логическое опредѣленіе, вытекающее изъ категоріи количества: величина есть опредѣленное количество. Точно также понятіе равенства есть чисто логическое отношеніе величинъ. Спрашивается: на чемъ основано означенное положеніе? Чистые эмпирики, какъ Дж.-С. Милль, которые единственнымъ основаніемъ мысли признаютъ нѣчто реальное, внѣ ея сущее, утверждаютъ, что мы означенное положеніе признаемъ правильнымъ потому, что всякій разъ какъ производилось подобное измѣреніе, оно оказывалось соотвѣтствующимъ предположенію. Этимъ отрицается всякая логика; привычка видѣть вещи такъ или иначе становится единственнымъ руководящимъ началомъ мышленія. На другой планетѣ отношеніе можетъ, пожалуй, быть иное. Между тѣмъ, это положеніе совершенно очевидно даже для ребенка, который начинаетъ учиться математикѣ и никогда не производилъ подобныхъ измѣреній. Основаніе его лежитъ въ чисто-логической связи понятій. Равенство есть тожество количества. Если двѣ величины равны третьей, то количество тожественно во всѣхъ трехъ; слѣдовательно, оно тожественно и въ тѣхъ двухъ, которыя сравниваются съ третьей, а потому онѣ равны между собой. Для того чтобы понять эту истину, не нужно никакого иного основанія, кромѣ чистой логики. Именно поэтому оно не терпитъ исключенія, и мы не можемъ предположить, что на Сиріусѣ оно не имѣетъ силы: это—абсурдъ.

Самъ авторъ, когда онъ пытается сдѣлать выводъ логическихъ категорій или, по крайней мѣрѣ, указать, какимъ

способомъ дѣлается этотъ выводъ, въ концѣ концовъ не находитъ иного основанія, кромѣ чисто логическихъ опредѣленій. Его критика мыслимаго сущаго заключалась, какъ мы видѣли, въ томъ, что оно не покрываетъ всего бытія: кромѣ мыслимаго бытія, есть чувственное, отличающееся отъ перваго своею конкретною индивидуальностью (стр. 234). Эту критику мы признали правильною. Но авторъ не ограничивается вытекающимъ отсюда признаніемъ двухъ видовъ сущаго: мыслимаго и чувственного. Увлекаясь своимъ желаніемъ найти для мысли реальное основаніе, онъ сущимъ признаетъ единственно то, что противоположно мысли (стр. 236, 237, 241); какъ будто мышленіе само не есть нѣчто сущее! Сообразно съ этимъ, онъ требуетъ, чтобы мысль имѣла свое основаніе въ бытіи, внѣ ея сущемъ. Нѣсколько разъ повторяется, что это предполагаемое мыслью бытіе есть *конкретное* (стр. 237, 242). Но когда дѣло доходить до вывода категорій, мы неожиданно узнаемъ, что занимающаяся этимъ выводомъ научная метафизика исходить не изъ какихъ-либо конкретныхъ явленій, а „изъ самаго общаго, чисто формальнаго опредѣленія сущаго, какъ мыслимаго вообще“ (стр. 243). „Совокупность чисто идеальныхъ отвлеченныхъ опредѣленій сущаго“, говоритъ онъ далѣе, можетъ быть логически развита изъ основнаго отношенія мысли къ предполагаемому сущему, то-есть, изъ основнаго понятія сущаго“ (стр. 248). Такимъ образомъ, исходной точкою мысли, основаніемъ всѣхъ ея опредѣленій, служить вовсе не конкретное, внѣ ея находящееся сущее, а чисто логическое опредѣленіе, подъ которое одинаково могутъ быть подведены какъ внѣшняя реальность, такъ и собственное существованіе мысли. И точно, первое положеніе научной метафизики, очеркъ которой представляетъ авторъ, есть сущее, какъ само себѣ тождественное, „все равно—будь то реальность тождественная съ мыслящимъ духомъ или отличная отъ него матерія, сила или другой объектъ мысли“ (стр. 249). Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь сущее, не какъ противоположаемое мысли, не внѣ ея сущее, а тождествен-

ное съ нею. Это— общее логическое опредѣленіе, одинаково прилагающееся и къ мышленію, и къ внѣшнему бытію. Затѣмъ уже, по теоріи автора, идетъ второе опредѣленіе, *отрицательное*, которымъ сущее противопоставляется мысли, какъ отличная отъ нея реальность, послѣ чего слѣдуетъ третье опредѣленіе, которымъ оно полагается, какъ ограниченное, или относительное сущее, и, наконецъ, четвертое, какъ абсолютная реальность, заключающая въ себѣ всю полноту бытія (тамъ же).

Смѣемъ думать, что еслибы авторъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать краткій очеркъ, въ которомъ только указывается выводъ, приступилъ къ самому выводу, результаты у него получились бы совсѣмъ иные. Изъ чистаго понятія сущаго, какъ себѣ тождественнаго, безразличнаго, никакъ нельзя вывести противоположенія мысли реальному бытію, что требуетъ гораздо болѣе конкретных опредѣленій. На этой второй ступени у автора предполагается приложеніе категоріи отрицанія; но отрицаніе можетъ относиться ко всему на свѣтѣ; почему же берется именно отношеніе мысли къ внѣшнему бытію? Мы даже недоумѣваемъ, что именно тутъ отрицается: не реальность, ибо она полагается сущею; слѣдовательно, мысль, которая признается не-сущею. Но почему же мысль, положивши сущее, какъ чисто себѣ тождественное, одинаково приложимое ко всему, вдругъ начинаетъ сама себя отрицать и считать сущимъ именно то, что находится внѣ ея? Если она можетъ что-нибудь положить сущимъ, то именно себя: „я думаю, слѣдовательно я есмь“. Если можно что-нибудь отрицать съ этой точки зрѣнія, то развѣ только внѣшнюю реальность; но и на это требуются какія-нибудь основанія. Наконецъ, самое противоположеніе мысли реальному бытію есть вовсе не чистое отрицаніе, а положеніе двухъ разныхъ, слѣдовательно ограниченныхъ сущихъ; между тѣмъ, понятіе объ ограниченіи стоитъ у автора на третьемъ мѣстѣ, уже послѣ противоположенія мысли и реального бытія. Однимъ словомъ, при такомъ краткомъ очеркѣ трудно уяснить себѣ мысль автора. Поэтому мы и не ста-

немъ слѣдовать за дальнѣйшимъ развитіемъ отдѣльныхъ категорій, а перейдемъ къ общему результату.

Онъ состоитъ въ томъ, что метафизика, представляющая развитіе чисто логическихъ опредѣленій, „необходима какъ сама чистая мысль; въ то же время въ своей сферѣ она вполне достовѣрна, предполагая лишь самое общее условіе мышленія вообще“. Это условіе состоитъ „въ предположеніи конкретнаго *сушаго*, къ которому существенно относится всякая мысль“ (стр. 262). Но поэтому самому она имѣетъ *гипотетическій* характеръ, точно также впрочемъ, какъ и математика. Всякая отвлеченная мысль, по мнѣнію автора, условна, ибо она заключаетъ въ себѣ *предположеніе* сушаго, къ которому она относится (стр. 261).

Замѣтимъ, что здѣсь слова *гипотетическій* и *условный* принимаются не въ томъ смыслѣ, какой придаютъ имъ обыкновенно. Когда говорятъ, что математика есть условное мышленіе, то это означаетъ, что она вовсе не утверждаетъ дѣйствительнаго существованія вещей, къ которымъ могутъ прилагаться ея опредѣленія, а утверждаетъ только, что *если* вещи существуютъ, то онѣ должны подчиняться ея опредѣленіямъ. Это значить, что математическія теоремы истинны, независимо отъ существованія вещей. Авторъ же говоритъ, наоборотъ, что и математика, и метафизика въ томъ только случаѣ истинны, если существуютъ вещи, къ которымъ онѣ прилагаются. Первое положеніе совершенно вѣрно. Оно утверждаетъ независимость логическихъ законовъ отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ данныхъ. Когда я говорю, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собой, мнѣ рѣшительно нѣтъ дѣла, существуютъ ли въ реальномъ мірѣ какія-нибудь величины и какія именно: я утверждаю необходимое отношеніе логическихъ опредѣленій, которое, какъ чистое выраженіе необходимости, или того, что не можетъ быть иначе, прилагается ко всякимъ возможнымъ величинамъ. Поэтому положеніе, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою, будетъ имѣть одинаковое при-

ложение на землѣ и на Сириусѣ. въ отношеніи къ реальнымъ и къ мыслимымъ величинамъ. Точно также, когда я утверждаю, что чистое бытіе равно небытію, что ограниченное бытіе, то-есть бытіе съ отрицаніемъ, указываетъ на другое, что въ границѣ оба опредѣленія отрицаются и совпадаютъ, что по этому самому между ними полагается необходимая связь, я не имѣю нужды предполагать нѣчто внѣ меня сущее: достаточно существованія самой мысли; она заключаетъ въ себѣ всѣ категоріи, которыхъ связь есть собственный ея законъ. Но нося въ себѣ этотъ законъ, она можетъ правильно или неправильно прилагать его къ явленіямъ. Правильное приложеніе даетъ достовѣрное знаніе; изъ неправильнаго рождаются ложныя понятія о вещахъ.

Вслѣдствіе этой возможности приложенія къ реальному бытію можно назвать категоріи „способами пониманія явленій“, однако, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ это опредѣленіе авторъ, который видитъ въ этомъ доказательство, что категоріи *предполагаютъ* явленія, а въ томъ, что для пониманія явленій нужно *подвести* ихъ подъ категоріи, какъ математика подводитъ данныя опыта подъ математическія формулы. Мы имѣемъ здѣсь два способа познанія, которые, путемъ взаимной провѣрки, даютъ намъ достовѣрное знаніе, насколько оно доступно человѣку. Опытное знаніе, основанное на свидѣтельствѣ внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ, даетъ намъ разнообразіе явленій; умозрительное знаніе, заключающее въ себѣ математику и метафизику, даетъ намъ общія формы, которыя указываютъ намъ на связь явленій. Приложеніемъ ихъ къ разнообразію явленій послѣднія слагаются въ цѣльную и связную систему, которая и есть наука.

Все это, кажется, весьма просто и ясно; но авторъ становится на совершенно иную точку зрѣнія. По его теоріи, чувственное или являющееся сущее *предполагаетъ* категоріи, то-есть мыслимое сущее; мыслимое же сущее, въ свою очередь, *предполагаетъ* какое-то третье сущее, котораго „ни чувство, ни мысль сами по себѣ дать не могутъ“ (стр. 262).

Правда, такъ какъ оно предполагается мыслью, то это—*мыслимое* сущее (подчеркнуто самимъ авторомъ); но все-таки мысль его намъ не даетъ: для постиженія его нуженъ еще третій путь познанія—*въра*.

Такой выводъ повергаетъ насъ въ полное недоумѣнiе: что это за третье сущее? Откуда оно вдругъ явилось? И зачѣмъ нужно? Если авторъ хотѣлъ этимъ сказать, что реальное бытiе вещей есть нѣчто отличное отъ нашего субъективнаго чувства, а равно и отъ субъективной мысли, то это—совершенно очевидная истина, въ которой никто не сомнѣвается. И для чувства, и для мысли реальное бытiе есть *объектъ* познанія, и именно потому, что и чувства, и мысль указываютъ на этотъ объектъ и даютъ намъ возможность его изслѣдовать, они составляютъ источники познанія: Никакого третьяго источника тутъ не требуется. Собственная предшествующая аргументація автора вовсе не вела насъ къ такому заключенiю. Метафизика, по его признанiю, содержитъ въ себѣ совершенно достовѣрное знанiе, „предполагая лишь самое общее условiе мышленія вообще“ (стр. 264), то-есть надобно, чтобы существовало что-нибудь, къ чему бы категории могли прилагаться. Такое сущее дается намъ уже самымъ существованiемъ мысли; категории суть ея собственные опредѣленiя, а потому вполне къ ней прилагаются. Если, по неизвѣстной намъ причинѣ, требуется и нѣчто сущее внѣ мысли, то оно дается намъ внѣшними чувствами: они раскрываютъ намъ конкретное, чувственное и индивидуальное бытiе, которое чисто логическимъ началомъ не покрывается. Зачѣмъ же нужно еще что-то третье? И въ особенности зачѣмъ нуженъ третiй способъ познанія?

Авторъ увѣряетъ, что внѣшнiя чувства не раскрываютъ намъ реальнаго бытiя, ибо чувственные формы не существуютъ сами по себѣ, помимо нашего воспрiятiя: это—не болѣе какъ психическiе факты, не имѣющiе реальнаго существованiя (стр. 426). Относительно красокъ и звуковъ это вѣрно: то, что мнѣ представляется краскою, въ дѣйствительности

есть колебаніе ээира; то, что мнѣ представляется звукомъ, есть колебаніе воздуха. Но если форма воспріятія субъективна, то все же этому соотвѣтствуетъ нѣчто реальное. Относительно же того, что въ точномъ смыслѣ называется формой, а равно и относительно массы, субъективное ощущение вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Биллиардный шаръ, который я вижу, есть дѣйствительно шаръ; иначе онъ не катался бы свободно по биллиарду. Сопротивляющаяся масса, которую я осязаю, есть дѣйствительно сопротивляющаяся масса, а не только субъективное мое ощущение. Наши внѣшнія чувства потому именно суть *внѣшнія*, что они даютъ намъ ощущение того, что находится *внѣ* насъ. И это непременно должно быть такъ, ибо въ границѣ, какъ замѣчено выше, совпадаютъ оба ограничивающія другъ друга опредѣленія или вещи. Если эта граница ощущается, то въ ней ощущается и *другое*. Поэтому мы видимъ, слышимъ, осязаемъ предметы, какъ *внѣ* насъ сушіе. Для этого не нужно никакой особенной *тѣры*; нужно только свидѣтельство нашихъ чувствъ, одинаково присущее человѣку и животнымъ и служащее имъ руководящимъ началомъ въ ихъ дѣятельности. Животныя, также какъ и человѣкъ, видятъ пищу внѣ себя, бросаются на нее и съѣдаютъ, чѣмъ самымъ доказывается, что внѣшнія чувства представляютъ намъ не только психическія ощущенія, но нѣчто совершенно реальное.

Однако, это свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ можетъ быть и обманчиво. Оно можетъ показать намъ призракъ, вмѣсто предмета. Я вижу себя въ зеркалѣ, и мнѣ кажется, что это—другой человѣкъ, между тѣмъ какъ это—отраженіе моего собственнаго облика. Но и противъ этого есть средства, именно, *проѣрка* другими чувствами. Мы стараемся уловить призракъ рукою и видимъ, что это совсѣмъ не то, что мы ожидали. То же самое дѣлаютъ и животныя: собака, которая видитъ въ зеркалѣ свой образъ, подходитъ къ нему, обнюхиваетъ, посмотреть, нѣтъ ли чего сзади и убѣждается, что никакой другой собаки тутъ нѣтъ. Но че-

ловѣкъ на этомъ не останавливается: онъ изслѣдуетъ причины и законы явленій. Обманчивое свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ замѣняется у него *знаніемъ*. Видя свой образъ въ зеркалѣ, онъ *знаетъ*, что это не болѣе какъ отраженіе, и знаетъ, по какимъ законамъ оно происходитъ. Для этого опять не требуется никакой вѣры, а нужно только руководимое разумомъ опытное изслѣдованіе вещей, которое раскрываетъ ихъ намъ не такъ, какъ онѣ кажутся, а такъ, какъ онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ. Вѣра, въ обычномъ и совершенно точномъ значеніи слова, есть „вещей обличеніе невидимыхъ“. Называть вѣрою свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ относительно вещей видимыхъ значитъ смѣшивать совершенно разнородныя понятія, что можетъ вести лишь къ полной туманности выводовъ. Въ этомъ смѣшеніи повиненъ былъ уже Якоби, и авторъ въ этомъ случаѣ только повторяетъ мысль герамнскаго философа; но зачѣмъ нужно было воскрешать давно опровергнутую теорію, которая имѣла смыслъ въ свое время, какъ стремленіе выйти изъ господствующаго скептицизма, но которая нынѣ потеряла всякое значеніе?

Также какъ свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ, авторъ хочетъ основать на вѣрѣ и внутреннее самосознаніе мыслящаго субъекта. Онъ утверждаетъ, что мыслью дается я только какъ объектъ, то-есть, какъ представленіе или понятіе; я, какъ реально существующій субъектъ, раскрывается намъ непосредственнымъ актомъ вѣры. Но если эти два опредѣленія даются намъ двумя разными путями познанія, то какъ я могу положить ихъ тожество, и притомъ не въ силу какого-либо изслѣдованія или умозаключенія, а какъ очевидную истину: „я есмь я?“ Съ тѣмъ вмѣстѣ полагается и реальное бытіе этого я. „Я думаю, слѣдовательно я есмь“, также самоочевидно, какъ „я есмь я“. Существо разума состоитъ именно въ томъ, что онъ мыслить не только другое, но и себя. Полагая себя, какъ источникъ мышленія, онъ полагаетъ себя какъ субъектъ, или я; а такъ какъ мышленіе реально, то и субъектъ реаленъ. Ни-

какой тутъ особенной вѣры не требуется; опредѣленіе дается самымъ существованіемъ сознающаго себя разума. Это не мѣшаетъ, однако, тому, что сознающій себя разумъ можетъ поставить себѣ вопросъ: не есть ли это иллюзія? также какъ онъ ставитъ себѣ этотъ вопросъ относительно внѣшняго міра. И точно, есть мыслители, которые, послѣдовательно проводя начала чистаго эмпиризма, утверждаютъ, что въ дѣйствительности существуетъ только рядъ состояній, которыя и суть объекты мысли; лежащій же въ основѣ этихъ состояній субъектъ есть не болѣе какъ логическое опредѣленіе, которымъ мы связываемъ эти состоянія. Но поставивъ этотъ вопросъ, мысль сама его должна разрѣшить. Если сомнѣніе имѣетъ основаніе, то съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ и самая непосредственная вѣра въ существованіе субъекта; если же сомнѣніе будетъ опровергнуто, то признаніе субъекта существующимъ будетъ уже не указаніемъ вѣры, а результатомъ мысли, изслѣдующей объектъ и не предполагающей, а доказывающей его существованіе. Здѣсь, какъ начало, такъ и конецъ полагаются мыслью, первое непосредственно, второй какъ результатъ изслѣдованія.

Та же аргументація прилагается и къ тѣмъ логическимъ опредѣленіямъ, посредствомъ которыхъ мысль связываетъ внѣшнія явленія. Авторъ утверждаетъ, что только посредствомъ вѣры „я понимаю эту связь, какъ существенную, реальную, независимую отъ моего сознанія. Мои воспріятія, сужденія, убѣжденія могутъ обманывать меня эмпирически, то-есть, въ отдѣльныхъ случаяхъ; но я вѣрю въ ихъ непреложную истинность, поскольку они свидѣтельствуютъ о реальномъ мірѣ дѣйствующихъ силъ и существъ, являющихся въ пространствѣ и времени“ (стр. 411). Въ дѣйствительности, я вѣрю въ непреложную истинность лишь того, что я *знаю*. Я считаю астрономическіе законы совершенно достовѣрными, потому что они оправдываются всѣми явленіями: на основаніи ихъ я могу предсказывать затмѣнія, вычислять пути кометъ, находить планеты никому неизвѣстныя. Точно такъ

же мы *знаемъ* реальное существованіе вещества, которое, вопреки мнѣнію автора, не есть *явленіе*, а логическое опредѣленіе, которымъ мы связываемъ явленія. Не вѣра, а мысль утверждаетъ существованіе пребывающей основы измѣняющихся явленій. Когда я вижу, что вода превращается въ ледъ или паръ, а ледъ и паръ опять превращаются въ воду, я убѣжденъ, что тутъ есть единая субстанція, принимающая различныя формы, и когда, взвѣсивая ихъ, я вижу, что количественное опредѣленіе во всѣхъ видахъ одно и тоже, то мое убѣжденіе становится для меня непреложною истиной. На изслѣдованіи вещества во всѣхъ его видахъ основана вся химія, которая есть предметъ знанія, а не вѣры. Таково же значеніе всѣхъ естественныхъ наукъ. Въ нихъ нѣтъ ни единого атома вѣры, а есть лишь то, что можетъ быть добыто опытомъ, руководимымъ мыслью. Отсюда ихъ достовѣрность.

Совершенно иное мы находимъ въ области религіи. Здѣсь дѣйствительно есть нѣчто иное, нежели свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ или указанія разума. Религія есть фактъ человѣческаго сознанія, и притомъ фактъ міровой; онъ является съ самаго перваго пробужденія сознанія, въ самыхъ грубыхъ формахъ, и сопровождаетъ его до высшихъ ступеней развитія разума. Человѣческой душѣ присуще стремленіе къ живому общенію съ Высшимъ Существомъ, владычествующимъ въ мірѣ. Онъ *вприты* въ его существованіе, даже когда его разумъ настолько не развитъ, что не даетъ ему подходящихъ къ этому стремленію понятій. Эта вѣра коренится во всемъ его существѣ: она связана со всѣми его нравственными требованіями, со всѣми его человѣческими отношеніями. Она является въ видѣ религіознаго чувства, которое побуждаетъ его возносить къ Богу свои молитвы, приносить ему жертвы. На первыхъ ступеняхъ, пока разумъ его неспособенъ еще отвлекаться отъ внѣшнихъ явленій, человѣкъ ищетъ этого Бога въ поражающихъ его явленіяхъ природы: въ камняхъ, въ деревьяхъ, въ горахъ, въ небесныхъ свѣтилахъ. Конечно, внѣшнія чувства не даютъ ему ни

малѣйшаго понятія о томъ, что въ неподвижномъ камнѣ присутствуетъ Божество. Столь же мало можно къ этому прійти логическимъ путемъ. Если это плодъ воображенія, то нужна причина, почему человѣкъ можетъ вѣрить въ созданія своего воображенія. Очевидно, тутъ есть нѣчто иное, что не покрывается ни свидѣтельствомъ чувствъ, ни логикой, ни воображеніемъ. Съ развитіемъ разума эта вѣра очищается отъ неподходящихъ къ ней формъ. Отъ поклоненія камню человѣкъ возвышается къ Абсолютному началу вселенной, которое становится предметомъ его почитанія. Разумъ старается, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, опредѣлить это начало; но вѣра не покрывается этими опредѣленіями. Она по-прежнему охватываетъ все существо человѣка, возбуждаетъ его чувства и направляетъ его волю; она составляетъ непоколебимое убѣжденіе массъ, которымъ логическое развитіе мысли совершенно недоступно; она тѣмъ неотразимѣе дѣйствуетъ даже на вполне просвѣщеннаго человѣка, чѣмъ болѣе его разумъ чувствуетъ себя безсильнымъ постигнуть верховныя начала бытія. Человѣку присуще стремленіе привести къ гармоническому единству всѣ явленія и области своего духовнаго естества, согласить разумъ и вѣру; но это стремленіе въ значительномъ большинствѣ случаевъ остается неудовлетвореннымъ. Это—цѣль, къ которой онъ стремится, но которой достиженіе представляется лишь идеаломъ. Знаніе и вѣра образуютъ двѣ разныя области, которыя часто приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ.

Все это автору весьма хорошо извѣстно и, казалось бы, должно привести его къ убѣжденію, что нельзя смѣшивать вѣру въ невидимаго Духа, владычествующаго въ мірѣ, съ свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ и съ тѣмъ, что намъ дается внутреннимъ самосознаніемъ. Однако, по примѣру Якоби, онъ пытается всѣ эти разнородныя начала свести къ одному. При этомъ онъ опирается на теорію, которая была еще неизвѣстна германскому филсофу. Якоби восполняется Шопенгауэромъ. Подобно послѣднему, авторъ ут-

верждаетъ, что первое, что мы въ себѣ сознаемъ, единственное, что дается намъ непосредственно, это—воля, и что по аналогіи съ волей мы должны судить обо всемъ остальномъ мірѣ. Согласно съ этимъ, хотя всѣ чувственныя формы объявляются лишь психологическими фактами, хотя вѣра въ явленія признается ошибочною, мы все-таки, неизвѣстно на какомъ основаніи, должны считать безусловною истиною существованіе реальныхъ живыхъ существъ внѣ насъ (стр. 423). Если, напримѣръ, мнѣ представляется камень, столъ, подушка, или что-либо подобное, я, по аналогіи съ собственнымъ существомъ, долженъ признать въ нихъ субъектъ (стр. 424—5). Авторъ ссылается при этомъ на стремленіе дикихъ народовъ олицетворять всѣ предметы, утверждая, что и развитой человѣкъ никогда не можетъ обойтись безъ олицетворенія, все равно, фиктивного или безсознательнаго. „Какъ дикарь и ребенокъ принимаютъ вещь за существо, такъ и мы обыкновенно придаемъ вещамъ какъ бы прозрачную индивидуальность въ нашемъ воображеніи... И даже тамъ, гдѣ мы силимся возможно яснѣе провести границу между существомъ и вещью, мы совершенно не въ силахъ обойтись безъ индивидуализаціи, олицетворенія, какъ только мы признаемъ данную вещь реальною. Все то, что не есть простой объектъ, который существуетъ только для какого-нибудь субъекта,—поясняетъ авторъ,—или ни для кого не существуетъ, или, существуя для другихъ, существуетъ и *для себя*, то-есть, будучи объектомъ, есть въ то же время *субъектъ*“ (стр. 426). Изъ этого авторъ выводитъ, что основной фактъ вѣры, единственное несомнѣнное ея содержаніе, есть „сознаніе существа, какъ дѣйствующаго субъекта, понимаемаго и чувствуемаго въ его явленіи“ (стр. 427).

Вся эта аргументація остается для насъ совершенно непонятною. Ссылка на то, что первобытные люди склонны къ олицетвореніямъ, ровно ничего не доказываетъ. Если древніе воображали себѣ солнце въ видѣ божества, разбѣзжающаго по небу на колесницѣ, то это не мѣшаетъ намъ

знать самымъ достовѣрнымъ образомъ, что солнце есть находящійся въ расплавленномъ состоянїи шаръ, занимающій центральное мѣсто въ солнечной системѣ. Дѣтскія фантазіи народовъ никакъ не могутъ служить основаніемъ для нашихъ понятій о вещахъ. Наука не прибѣгаетъ ни какимъ олицетвореніямъ, и когда авторъ утверждаетъ, что мы безъ нихъ обойтись не можемъ, то подобное утвержденіе поражаетъ своею странностью. Передо мною столъ или кусокъ жаренаго мяса; ни я, ни кто-либо другой никогда не замѣчалъ въ нихъ ни малѣйшаго признака сознанія или внутренняго стремленія къ чему-нибудь; почему же я долженъ принимать ихъ за субъекты? Тѣ дѣйствительные субъекты, которыхъ я встрѣчаю во внѣшнемъ мірѣ, я весьма хорошо умѣю отличать отъ камня и отъ стола. Субъекту подобаешь уваженіе, и я оказываю ему уваженіе; а кусокъ мяса я просто съѣдаю, чѣмъ самымъ доказываю, что я вовсе не считаю его за субъектъ. Если же философъ скажетъ мнѣ, что физически столъ есть столъ, который дѣйствуетъ на мои внѣшнія чувства, а метафизически это—субъектъ, который метафизически обосновываетъ мою вѣру въ его реальное существованіе, то не буду ли я имѣть сильнѣйшее побужденіе присоединиться къ тѣмъ, которые видятъ въ метафизикѣ чистый бредъ воображенія? Всего менѣе понятно, почему, если предметъ не есть простой объектъ, то есть, представленіе субъекта, то онъ или вовсе не существуетъ, или, существуя для другихъ, существуетъ и для себя. Существовать *для себя*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ, повидимому, принимаетъ этотъ терминъ авторъ, значить обладать самосознаніемъ; почему же всѣ вещи, которыя не суть простыя представленія, должны непременно обладать самосознаніемъ? Мы совершенно теряемся въ догадкахъ. Авторъ, къ сожалѣнію, увлекся фантастическою логикой Шопенгауэра, которая попутала его, вопреки очевидности, видѣть субъекты въ столахъ и подушкахъ. Такія понятія, конечно, выходятъ изъ предѣловъ, какъ опыта, такъ и логики; они могутъ быть только результатомъ слѣпой вѣры,

но не такой, которая даетъ намъ истинное познаніе вещей, а такой, которая представляетъ ихъ въ совершенно превратномъ видѣ.

Этимъ путемъ можно уйти далеко. Такъ какъ всѣ различія уничтожаются и вездѣ представляется субъектъ, не какъ мыслящій, а какъ хотящій, то-есть, повинующійся темному влеченію, то въ концѣ концовъ все сливается въ единый субъектъ, который, въ сущности, не есть субъектъ, а лежащая въ основаніи его слѣпая сила. Вслѣдствіе присущаго ей безотчетнаго хотѣнія, она выходитъ изъ своего безразличія и приходитъ къ самосознанію, которое однако нужно ей лишь затѣмъ, чтобы показать ей всю тщету ея стремленій и все зло, изъ нихъ проистекающее. Поэтому конечная, высшая ея цѣль состоитъ въ томъ, чтобы снова возвратиться въ свое первобытное безразличное состояніе. Въ этомъ состоитъ и высшая цѣль человѣка. Онъ долженъ отрѣшиться отъ всякихъ личныхъ стремленій и прежде всего отъ мысли, представляющей ему міражъ разнообразнаго и измѣнчиваго бытія. Только погрузившись всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ въ единое безразличное бытіе, онъ можетъ обрѣсти то внутреннее спокойствіе, которое равносильно самоуничтоженію. Не даромъ Шопенгауэръ увлекался буддизмомъ.

Авторъ не считаетъ однако возможнымъ слѣдовать за нимъ въ этихъ выводахъ. Взявши у него то, что не логично, онъ откидываетъ то, что послѣдовательно, и въ этомъ онъ правъ, ибо такой результатъ не выдерживаетъ критики и самъ себя обличаетъ. Авторъ весьма хорошо показываетъ, что, мистически погружаясь въ единое бытіе, въ которомъ исчезаютъ всякія различія, мы обрѣтаемъ только совершенную пустоту, представляющую обширное поле для всякихъ фантазій. Вѣра, составлявшая первоначальное и необходимое предложеніе всякой мысли, въ свою очередь оказывается несостоятельною: вмѣсто реальнаго бытія, она даетъ только ничтожество. Объ этомъ можно было догадаться съ самаго начала. Въ результатѣ выходитъ, что не вѣра слу-

жить основаніемъ мысли, а мысль, какъ признаеть и самъ авторъ, служить мѣриломъ вѣры. Только мысль можетъ испытать, что въ вѣрѣ есть истиннаго и что ложнаго. Но если такъ, то мысль должна имѣть свое самостоятельное начало. Мѣриломъ можетъ быть только нѣчто независимое отъ измѣряемаго. Мѣриломъ истины и лжи служить то основаніе, на которомъ покоится мысль. Въ предшествующей критикѣ выводилось, что вѣра служить основаніемъ мысли: теперь же выходитъ, что мысль служить мѣриломъ вѣры. Мы, повидимому, находимся въ безвыходномъ лабиринтѣ противорѣчій.

Но именно къ этому и стремится авторъ. Онъ хочетъ доказать, что каждый отдѣльный факторъ, односторонне взятый, самъ себѣ противорѣчитъ, и только совокупность ихъ даетъ знанію настоящія основанія и полноту. Приемъ, какъ видно, чисто гегельянскій. Но приемы, приложимые къ отвлеченнымъ категоріямъ, какъ бытіе и небытіе, единое и многое, которыхъ вся сила заключается въ ихъ взаимной связи, получаютъ совершенно иной характеръ, когда они примѣняются къ конкретнымъ явленіямъ, каковы методы познанія. Тутъ отношенія совсѣмъ другого рода. Односторонняя метода можетъ требовать восполненія другими, но если она не имѣетъ самостоятельнаго значенія, и твердыхъ точекъ опоры въ себѣ самой, то она не можетъ служить основаніемъ знанія. Такое именно значеніе имѣютъ двѣ противоположныя методы, на которыхъ покоится всякое знаніе: индукція и дедукція. На первой зиждется опытъ, на второй—умозрѣніе. Безъ сомнѣнія, опытъ не можетъ обойтись безъ приложенія логическихъ категорій, слѣдовательно безъ умозрѣнія. Но онъ имѣетъ содержаніе, независимое отъ логическихъ категорій, и именно это дѣлаетъ его самостоятельнымъ источникомъ знанія. Тѣ чувственныя явленія, которыя становятся объектами знанія, совершенно не зависятъ отъ нашихъ понятій и представленій. Мы связываемъ ихъ, подводя ихъ подъ логическія категоріи или подъ математическія формулы и законы, но это

подведеніе тогда только правильно, когда оно представляет вещи такъ, какъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, а не такъ, какъ мы ихъ себѣ воображаемъ. Наблюдая, напримѣръ, планеты въ тѣхъ положеніяхъ, какъ онѣ намъ представляются на небѣ, мы заключаемъ, что ихъ орбиты вокругъ солнца образуютъ эллипсы. При менѣе точномъ наблюденіи мы полагаемъ, что это — круги. Исправленіе ошибки не есть дѣло логики, а результатъ наблюденія, то-есть чувственнаго воспріятія, независимаго отъ нашихъ субъективныхъ представлений. Поэтому опытъ можетъ служить провѣркою всякой дедукціи. Если я, исходя отъ опытныхъ же данныхъ, дѣлаю математическое вычисленіе и на этомъ основаніи предсказываю, напримѣръ, солнечное затмѣніе, то дѣйствительное наступленіе этого событія въ назначенный день и часъ покажетъ, правильно я сдѣлалъ вычисленіе или нѣтъ. Если въ него вкралась ошибка, дѣйствительное явленіе ее обнаружить. Поэтому самъ авторъ, критикуя чисто логическое развитіе мысли, совершенно вѣрно указываетъ на то, что имъ не покрывается индивидуальное, чувственное бытіе. Именно это бытіе дается намъ опытомъ, который вслѣдствіе того долженъ быть признанъ самостоятельнымъ источникомъ знанія, имѣющимъ свои, независимые отъ логики элементы. А съ тѣмъ вмѣстѣ должно быть признано независимое существованіе чувственнаго, то-есть, матеріальнаго міра.

Съ своей стороны, логика, если она должна служить руководящимъ началомъ опыта, должна имѣть основаніе въ самой себѣ. Она представляетъ законы разума, какъ дѣятельнаго начала, въ ихъ чистотѣ. Въ выясненіи этихъ законовъ состоитъ задача логической науки, которая получаетъ значеніе и названіе метафизики черезъ то, что она представляетъ самую необходимую связь вещей, подъ которую подводятся наблюдаемая нами явленія. Но подведеніе явленій подъ умозрительные законы не значитъ, что эти законы имѣютъ основаніе въ явленіяхъ. Основаніе въ явленіяхъ имѣютъ не логическія опредѣленія, которія опытомъ не даются, а сами служатъ ему руководя-

щими началами и идутъ за предѣлы всякаго опыта, а лишь способы приложенія этихъ началъ къ явленіямъ. Вѣрно ли мы ихъ прилагаемъ или нѣтъ, это обнаруживается изслѣдованіемъ самихъ явленій, какъ самостоятельнаго источника знанія. Но приложеніе умозрительныхъ категорій не ограничивается чувственными явленіями. Именно ихъ сверхчувственное происхожденіе и существо дѣлаютъ то, что, какъ общіе законы бытія, они приложимы къ тому, что не дается никакимъ опытомъ. Послѣдній раскрываетъ намъ только частное, ограниченное, относительное; между тѣмъ, по законамъ логики, все относительное имѣетъ основаніе въ абсолютномъ: то, что зависитъ отъ другаго, предполагаетъ бытіе, которое зависитъ только отъ себя. Существованіе абсолютнаго есть, слѣдовательно, требованіе разума; а такъ какъ законы разума приложимы ко всякому бытію, то они приложимы и къ абсолютному. На этомъ основаніи философія пытается опредѣлить абсолютное, насколько оно доступно человѣческому пониманію. Но, разумѣется, фактической провѣрки тутъ нѣтъ, а потому всѣ эти опредѣленія подвергаются безконечнымъ спорамъ.

Скажемъ ли мы, что тутъ вѣра должна прійти на помощь человѣческому разуму? Это можно было бы признать, еслибы вѣра была такою неоспоримою истиной, которая одинаково принималась бы всѣми людьми, или еслибы она могла быть провѣрена, какъ провѣряются данныя опыта. Но ни того, ни другаго нѣтъ въ дѣйствительности, а потому, волею или неволею, мы должны признать разумъ мѣриломъ вѣры, а не наоборотъ, къ чему въ концѣ концовъ приходитъ и самъ авторъ. Если же въ области абсолютнаго вѣра не составляетъ самостоятельнаго источника знанія, то еще мѣнѣе такое значеніе принадлежитъ ей въ области относительнаго. Тутъ она не прибавляетъ ровно ничего къ тому, что дается опытомъ и логикой. Вѣра составляетъ объектъ, а не источникъ знанія. Источникомъ же знанія остаются умозрѣніе и опытъ, одно идущее сверху, другой снизу, и такимъ образомъ восполняющіе другъ друга. Только ихъ сочетаніе можетъ прибли-

жать человѣка къ той полнотѣ знанія, которая доступна его разуму.

Изъ соотнесенности источниковъ знанія авторъ выводитъ соотнесенность всего сущаго. Если подъ этимъ разумѣть, что всякое ограниченное сущее, черезъ то самое, что оно имѣетъ границу, относится къ другому, и что безотносительнымъ можетъ быть только то, что заключаетъ въ себѣ всю полноту бытія, то это—очевидная истина. Но соотнесенность можетъ быть разная: вещи могутъ относиться другъ къ другу, или какъ независимыя субстанціи, находящіяся во взаимодействіи, или какъ части единой системы, связанныя общимъ закономъ, или какъ члены одного тѣла, которые не могутъ быть отъ него оторваны, не потерявъ своего существеннаго назначенія, или какъ произведенія совокупнаго процесса, въ которомъ общая сущность постепенно излагаетъ свои опредѣленія. Какого же рода соотнесенность связываетъ все сущее? При безконечномъ разнообразіи бытія, надобно думать, что въ немъ должны встрѣтиться всѣ возможныя формы отношеній. Только изслѣдованіе каждаго разряда явленій можетъ показать, въ какомъ отношеніи они находятся къ другимъ. Въ краткомъ философскомъ очеркѣ авторъ, конечно, не могъ исполнить этой задачи. Къ сожалѣнію, то немногое, что онъ намъ даетъ, остается весьма неяснымъ.

Первое соотношеніе, которое намъ представляется, это—взаимное отношеніе матеріальныхъ вещей между собою. Разлагая матерію на единичныя самостоятельныя субстанціи, мы приходимъ къ представленію атомовъ, движущихся въ пространствѣ и времени и вступающихъ въ разнообразныя отношенія другъ къ другу, подъ управленіемъ общихъ законовъ. Ссылаясь на свое предыдущее изслѣдованіе, авторъ увѣряетъ, что всѣ эти предположенія прямо ведутъ насъ къ идеализму. „Ибо, говоритъ онъ, если только мы признаемъ, что атомы существуютъ о себѣ и для себя и что для нихъ существуетъ нѣчто сущее внѣ ихъ и притомъ въ формахъ явленія—пространства и времени—мы превра-

щаемъ атомы въ субъекты, въ монады, внутренно соотносящіяся другъ къ другу, причемъ ихъ универсальное соотношение очевидно получаетъ идеальный характеръ, подчиняясь общимъ логическимъ законамъ. Короче, мы приходимъ къ теоріи *метафизическаго социализма*, если не хотимъ отказаться отъ реалистической гипотезы и отрицать реальную основу явленій. Физическое взаимодействіе вещей, если только мы видимъ въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ чисто субъективное явленіе или представленіе, необходимо предполагаетъ метафизическое соотношеніе между ними“ (стр. 744).

Мы видѣли, что не только нѣтъ ни малѣйшаго повода признавать атомы субъектами, но что подобное предположеніе представляетъ только чистый плодъ фантазіи. Физическое ихъ взаимодействіе не предполагаетъ ничего, кромѣ существованія однородныхъ единичныхъ субстанцій, способныхъ воспринимать и сообщать движеніе, и находящихся въ общей средѣ. Дальнѣйшій вопросъ состоитъ въ томъ: почему и какъ изъ общей разсѣянной матеріи образовались единичныя субстанціи и какого рода среда, ихъ въ себѣ заключающая? Это вопросъ аналогическій съ тѣмъ, какъ изъ туманной массы образовались солнце и планеты и почему онѣ, образуя общую систему, сохраняютъ свою индивидуальность? Но подобные вопросы нерѣшаются простою ссылкою на то, что отношенія матеріальныхъ единицъ подчиняются общимъ логическимъ законамъ. Надобно показать, въ силу какихъ механическихъ законовъ могутъ образоваться единичныя системы равновѣсія, сохраняющіяся неразрушимыми даже при столкновенияхъ съ другими подобными системами. До рѣшенія подобныхъ вопросовъ современной наукѣ еще далеко. Когда отвлеченная философія пытается ихъ разрѣшить чисто умозрительными ображеніями, безъ всякаго вниманія къ достовѣрно извѣстнымъ законамъ матеріальнаго міра, то она показываетъ лишь весьма поверхностное отношеніе къ предмету изученія. Во всякомъ случаѣ непонятно, почему предполагаемое взаимо-

дѣйствіе атомовъ непремѣнно должно привести насъ къ теоріи какого-то метафизическаго социализма. Неясно даже, что авторъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ. Можетъ быть, это—просто опечатка.

Совершенно иначе ставится вопросъ объ отношеніи „нематеріальнаго, чувствующаго субъекта къ его матеріальному объекту“. Тутъ является уже взаимодействіе двухъ разнородныхъ субстанцій, мыслящей и матеріальной. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что такое взаимное отношеніе мыслимо только подъ условіемъ внутренняго соотвѣтствія объекта субъекту. Прежде всего, для того, чтобы быть чувственно воспринятымъ нами, объектъ долженъ заключаться въ пространствѣ и времени; но какъ могутъ реальныя существа заключаться въ пространствѣ и времени, если пространство и время суть лишь субъективныя формы чувственности? „Пусть такая чувственность опредѣляется какъ универсальная, говоритъ авторъ; проблема еще не рѣшается, она только усложняется такимъ опредѣленіемъ, ибо требуется объяснить, какъ возможна такая чувственность, каково ея отношеніе къ индивидуальнымъ чувствующимъ субъектамъ и къ тѣмъ вещамъ, которыя въ ней воспринимаются“. По увѣренію автора, „ученіе о внутренней соотносительности вещей даетъ намъ ключъ къ разрѣшенію этой проблемы. Бытіе вещей въ пространствѣ и времени возможно лишь подъ условіемъ внутренняго соотношенія вещей, ихъ идеальнаго единства въ ихъ реальномъ различіи. И это внутреннее единство вещей въ ихъ различіи обусловливаетъ собою самую организацию универсальной чувственности. Время и пространство суть чувственные формы внутренней соотносительности вещей въ ихъ являющемся различіи. И такимъ образомъ, внѣшнее отношеніе вещей и ихъ измѣненій во времени и пространствѣ обусловливаются ихъ внутреннею соотносительностью“ (стр. 747).

Признаемся, мы не только не видимъ въ этомъ выводѣ рѣшенія поставленнаго вопроса, но мы даже не въ состоя-

ниі понять смыслъ этого рѣшенія. Мы продолжаемъ думать, что организація универсальной чувственности ничто иное какъ созданіе воображенія, о которомъ нельзя имѣть ни представленія, ни понятія. Нѣтъ сомнѣнія, что взаимное отношеніе нематеріальнаго чувствующаго субъекта къ матеріальному объекту предполагаютъ нѣчто общее обоимъ, равно какъ и совокупную среду, ихъ заключающую. Но именно потому мы не можемъ считать пространство и время лишь субъективными формами чувственности, а должны признать за ними объективное бытіе. Мы должны признать и нѣчто посредствующее между отвлеченною мыслью и матеріальнымъ бытіемъ. Этотъ посредствующій элементъ намъ извѣстенъ изъ опыта. Мы знаемъ мыслящій субъектъ только въ связи съ органическимъ, матеріальнымъ тѣломъ, чрезъ которое онъ воспринимаетъ впечатлѣнія матеріальнаго міра и, въ свою очередь, дѣйствуетъ на послѣдній. Это живое, органическое начало не есть мыслящій субъектъ, но оно не есть и чистая матерія, а имѣетъ свойства обоихъ: съ субъектомъ у него обще то, что это — цѣлесообразно дѣйствующая сила, съ матеріей то, что послѣдняя есть самый матеріаль, изъ котораго строится органическое тѣло. Послѣднее становится орудіемъ, посредствомъ котораго субъектъ вступаетъ въ сношенія съ матеріальнымъ міромъ, съ одной стороны, воспринимая отъ него впечатлѣнія, съ другой стороны, воздѣйствуя на него и осуществляя въ немъ свои цѣли. Какимъ образомъ это совершается, какими законами управляются эти отношенія, это составляетъ задачу дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, которыя далеко еще не привели къ сколько-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Во всякомъ случаѣ, взаимодѣйствіе субъекта съ матеріальнымъ міромъ посредствомъ органическаго тѣла есть фактъ, котораго нельзя устранить. Между тѣмъ, авторъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на это посредствующее звено. Въ своемъ рѣшеніи вопроса онъ ограничивается общими соображеніями о необходимости внутренняго соотношенія; когда же мы хотимъ узнать, ка-

кое это соотношеніе, то мы находимъ лишь фантастическія представленія объ организаціи какой-то универсальной чувственности и столь же фантастическія представленія о томъ, что подъ всякой матеріальною вещью скрывается субъектъ. Такое рѣшеніе, очевидно, не есть рѣшеніе.

Наконецъ, законъ соотносительности всѣхъ вещей прилагается и къ абсолютному. Тутъ авторъ, несмотря на свою полемику противъ нѣмецкаго идеализма, становится вполне на точку зрѣнія Гегеля. Въмѣстѣ съ Гегелемъ онъ признаетъ, что „чистое, или безотносительное бытіе равняется небытію“ (стр. 739). Также, какъ Гегель, онъ доказываетъ, что отвлеченное абсолютное не есть истинно абсолютное, ибо оно имѣетъ противоположное себѣ относительное, слѣдовательно представляетъ одностороннее опредѣленіе бытія; истинно же абсолютное есть то, которое въ себѣ самомъ заключаетъ начала относительнаго. Эти начала оно само противопоставляетъ себѣ, какъ *другое*, или *инобытіе*, которое оно затѣмъ само опять сводитъ къ себѣ, какъ абсолютному, чѣмъ самымъ полагается тожество и различіе обоихъ, въ отличіе отъ пантеизма, который оба опредѣленія сливаетъ во едино. Этимъ процессомъ достигается полнота бытія, или всеединство. Абсолютное становится истинно абсолютнымъ, ибо оно не имѣетъ ничего внѣ себя; относительное изъ него исходитъ, въ немъ пребываетъ и къ нему возвращается. То *конкретное* абсолютное, на которомъ стоитъ авторъ, есть именно то самое понятіе, которое развивали Шеллингъ и Гегель. Въмѣстѣ съ ними онъ признаетъ *имманентное* отношеніе мысли къ существу (стр. 758).

Но именно тутъ обнаруживается недостаточность, какъ исключительно идеализма вообще, такъ въ особенности того, къ которому окончательно приходитъ авторъ. Великая и неоспоримая заслуга идеализма состоитъ въ томъ, что онъ раскрылъ діалектическій законъ развитія мірового бытія, выдѣленіе противоположностей изъ первоначальнаго, безразличнаго единства и затѣмъ сведеніе этихъ противо-

положностей къ новому, высшему единству. Но тутъ возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи состоятъ эти вышедшія изъ безразличія противоположности къ связывающему ихъ высшему единству? Основная реальная противоположности суть, съ одной стороны, матеріальный міръ, представляющій область частныхъ и безсознательныхъ силъ, съ другой стороны—міръ мыслящихъ субъектовъ, связанныхъ верховнымъ разумомъ. Начало, связывающее эти два міра и представляющее, такимъ образомъ, сочетаніе противоположностей, есть *Духъ*, который на низшей ступени является въ видѣ цѣлесообразно дѣйствующей органической силы, а на высшей ступени развивается какъ міръ связанныхъ съ органическою жизнью субъектовъ, которые, осуществляя идеальныя цѣли въ матеріальномъ мірѣ, приводятъ противоположности къ высшему соглашенію. Конечная цѣль этого процесса лежитъ въ самой конечной причинѣ всего сущаго, въ абсолютномъ Духѣ, который руководитъ всѣмъ этимъ поступательнымъ движеніемъ и окончательно приводитъ міровое бытіе къ идеальному совершенству. При такомъ опредѣленіи основныхъ началъ бытія возникаетъ поставленный выше вопросъ: въ какомъ отношеніи состоятъ противоположные міры, матеріальный и разумный, къ конечной причинѣ всего сущаго? Суть ли это только *моменты* развитія Духа или вѣчные *элементы* мірового бытія, надъ которыми область Духа возвышается только какъ высшее, согласующее начало? Въ связи съ этимъ находится вопросъ о самостоятельномъ существованіи единичныхъ силъ, какъ матеріальныхъ, такъ и мыслящихъ: суть ли это только преходящія явленія міровой жизни и абсолютнаго Духа, или же самостоятельные, пребывающіе центры мысли и силы, вступающіе въ общій процессъ, но сохраняющіе въ немъ свое самостоятельное значеніе, съ своими законами и требованіями? Исключительный идеализмъ какъ древняго, такъ и новаго міра стоитъ на первой точкѣ зрѣнія. Въ немъ идеальное, или конечное начало поглощаетъ собою все остальное. Самостоятельность противоположныхъ міровъ исчезаетъ. Но именно въ

этомъ состоитъ его недостатокъ. Съ одной стороны, матеріальный міръ, съ его механическими законами, находитъ въ опытномъ знаніи непоколебимую опору своего самостоятельнаго значенія; съ другой стороны, человѣческая личность представляетъ свои нравственныя требованія и протестуетъ противъ своего поглощенія общимъ процессомъ. Отсюда паденіе идеалистической философіи, которая нѣкогда безгранично царствовала надъ умами. На ея развалинахъ выдвинулись опять противоположныя ученія, матеріалистическое и нравственное, которыя опираются каждое на одинъ изъ двухъ противоположныхъ элементовъ бытія. Однако, именно по своей односторонности, они еще менѣе, нежели исключительный идеализмъ, способны постигнуть совокупность міровыхъ явленій. Матеріализмъ, отрицая самостоятельное существованіе духовнаго міра, послѣдовательно приходитъ къ отрицанію всѣхъ нравственныхъ законовъ и требованій, къ отрицанію человѣческой свободы и, наконецъ, самой логики. Спиритуализмъ, съ своей стороны, не въ состояніи понять явленія матеріальнаго міра; за матеріальнымъ движеніемъ ему чудится фантастическій субъектъ. Волею или неволею приходится возвращаться къ отвергнутому идеализму, но уже не въ исключительной формѣ, а какъ къ высшему сочетанію противоположныхъ элементовъ, сохраняющихъ свою самостоятельность. Только этимъ путемъ возможно постиженіе всего разнообразія и всей полноты бытія.

Такая задача, требующая сочетанія умозрѣнія съ опытомъ, несравненно сложнѣе и труднѣе, нежели чисто умозрительное построеніе одностороннихъ системъ. Нельзя поэтому упрекнуть автора разбираемаго сочиненія въ томъ, что онъ ея не исполнилъ. Въ краткомъ очеркѣ это всего менѣе было возможно. Но его нельзя не упрекнуть въ томъ, что онъ, повидимому, самъ для себя недостаточно ее выяснилъ. Онъ, очевидно, колеблется между различными точками зрѣнія. Критикуя Гегеля, онъ, какъ мы видѣли, въ концѣ концовъ самъ становится на точку зрѣнія чистаго

гегелизма. Къ этому клонится и его полемика противъ самостоятельнаго существованія матеріальнаго міра, а равно и отрицаніе самостоятельнаго развитія логической мысли, какъ односторонняго, а потому недостаточнаго начала. Въ этомъ его идеализмъ идетъ даже далѣе Гегеля. Но пока онъ стремится все возвести къ высшему идеалу, на немъ висятъ вериги реалистическаго міросозерцанія, и именно въ спиритуалистической его формѣ. И ему за матеріей мерещится субъектъ, но субъектъ лишенный самостоятельности. Изъ реалистическихъ философовъ на немъ болѣе всего отражаются слѣды Шопенгауэра и Гартмана, то-есть именно тѣхъ, которые погружаютъ субъектъ въ бездонную пучину безсознательнаго бытія. Однако и это безсознательное бытіе его не удовлетворяетъ. Онъ ищетъ исхода въ вѣрѣ; но и вѣра, въ свою очередь, оказывается несостоятельной. Такимъ образомъ, мы видимъ постоянные переходы отъ одной точки зрѣнія къ другой, но не видимъ яснаго и цѣльнаго міросозерцанія, которое связывало бы во едино всѣ эти разобщенные элементы мысли. Объ этомъ свидѣтельствуется самое признаніе безотчетной вѣры, какъ источника знанія. Оно составляетъ обыкновенное прибѣжище людей, которымъ не удается справиться съ философскою задачею. Даже такіе великіе умы, какъ Паскаль, искали въ ней успокоенія отъ бушевавшаго ихъ скептицизма. Что мудренаго, что при нынѣшнемъ смутномъ состояніи философской мысли, при сложности и трудности поставляемыхъ наукою задачъ, приходится пользоваться этимъ убѣжищемъ. Къ сожалѣнію, если оно можетъ дать успокоеніе душѣ человеческой, то оно не въ состояніи удовлетворить требованіямъ науки, которая прежде всего ищетъ ясности мысли и точности выводовъ.

Мы имѣемъ, однако, полное основаніе думать, что авторъ на этомъ не остановится. Его обширныя свѣдѣнія, его трудолюбіе, его живой и серьезный интересъ къ философскому мышленію, его способность не останавливаться на мелочныхъ изслѣдованіяхъ психологическихъ явленій, а ста-

вить вопросы во всей ихъ широтѣ, ручаются намъ за то, что онъ сумѣетъ, если не разрѣшить задачу, что не представляется даже возможнымъ для отдѣльнаго мыслителя, то по крайней мѣрѣ ближе подойти къ ея разрѣшенію и освѣтить тотъ путь, который къ нему ведетъ. Задача критики, съ своей стороны, стараться освѣтить вопросы съ разныхъ точекъ зрѣнія и указать на тѣ неясности и неточности, которыя составляютъ главный камень преткновенія философскаго мышленія. Это мы старались сдѣлать въ настоящей статьѣ, въ убѣжденіи, что только совокупною работою многихъ философская наука можетъ достигнуть твердыхъ основаній, въ которыхъ она такъ нуждается. Мы увѣрены, что авторъ за это на насъ не посѣтуетъ.

Б. Чичеринъ.

Понятія души и психической энергіи въ психологіи.

I.

Современные психологи, чуждые самодовольства и враждебные духу рутины, сознають отлично, что ихъ наука еще не настоящая *точная наука*, а только система наблюдений и конкретныхъ опытныхъ понятій, еще несвязанныхъ въ одно органическое цѣлое общими законами и единообразнымъ принципомъ. Поэтому они искренно радуются всякому новому шагу въ разработкѣ фактовъ и задачъ своей науки, привѣтствуя отъ души и новыя попытки распространить на эту область знанія точные, *экспериментальные* методы изученія. Безъ сомнѣнія, психологія можетъ достигнуть идеала точности и строгой законмѣрности въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ—только какъ наука экспериментальная *). Но въ то же время надо сознаться, что и современная экспериментальная психологія не обладаетъ такимъ основнымъ научнымъ понятіемъ и методологическимъ принципомъ, которые бы неразрывно связали ее съ другими точными науками, дали ей руководящую точку зрѣнія во всѣхъ ея дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, дозволили ей подвести всѣ формы и измѣненія психического содержанія и всѣ факты психического развитія подъ одинъ законъ, въ родѣ

*) См. нашу статью „Основанія экспериментальной психологіи“, предпосланную русскому переводу «Очерка психологіи» Вундта. Москва, 1897. (Изданіе Московскаго Психологическаго Общества).

законовъ сохраненія вещества и сохраненія энергiи въ наукахъ физическихъ. А при такихъ условiяхъ экспериментальная психологiя не можетъ претендовать ни на какiя широкiя обобщенiя и обречена довольствоваться совершенно частными и специальными, иногда мелкими задачами: у нея нѣтъ широкаго опорнаго базиса для отчетливой постановки тѣхъ вопросовъ и проблемъ, которые требовали бы экспериментальнаго изслѣдованiя и провѣрки.

Потребность отысканiя такого базиса, установленiя такого основнаго научнаго понятiя и хотя бы гипотетическаго принципа, который бы вывелъ психологiю на путь широкихъ экспериментальныхъ и строго-научныхъ изысканiй, стала особенно ясно сознаваться въ послѣднее время. Конечно, вся исторiя психологiи, начиная отъ Платона и Аристотеля, является рядомъ попытокъ установленiя такихъ основныхъ понятiй и общихъ принциповъ, отправляясь отъ которыхъ эта наука могла бы связать всѣ явленiя и факты душевной жизни и дѣятельности въ одну цѣльную и стройную систему, подвести ихъ подъ однообразныя начала. Такими основными понятiями для „древней и средневѣковой“ психологiи были понятiя *души*, душевныхъ *способностей* и *силъ* и ихъ взаимодействiй; для новой „метафизической“ психологiи Декарта и его гениальныхъ преемниковъ, Мальбранша, Лейбница, Беркли и ихъ послѣдователей, — то же значенiе имѣли понятiя *духовной субстанци*, ея *атттрибутовъ* и *модусовъ* (измѣненiй); для новой „эмпирической“ школы психологовъ, т.-е. Локка, Юма, Гертли и ихъ продолжателей — понятiя *сознанiя*, *психическаго явленiя* и *законовъ ассоциаци* этихъ явленiй. Въ этой школѣ, между прочимъ, впервые была сдѣлана попытка точнаго опредѣленiя понятiя *закона* въ примѣненiи къ анализу психической дѣятельности, а также — формулировки нѣкоторыхъ эмпирическихъ законовъ соотношенiя и развитiя психическихъ явленiй. Въ нынѣшнемъ столѣтiи направленiя психологiи все болѣе раздроблялись, вслѣдствiе сознанiя неудовлетворенной прежними попытками потребности открытiя еще болѣе точныхъ и отчетливыхъ научныхъ по-

нѣтъ и пріемовъ, чѣмъ какіе дала психологія эмпирической ассоціативной школы. Понятія сознанія и психическаго явленія оказались слишкомъ расплывчатыми и недостаточно широкими для того, чтобы ими можно было объять всѣ стороны и факты психической жизни и психическаго развитія. Такъ называемые законы ассоціаціи оказались настолько поверхностными и неточными обобщеніями психической механики, что сама ассоціативная психологія стала искать новыхъ, болѣе широкихъ принциповъ для научнаго анализа психическихъ „явленій“. Ученіе Спенсера о психической *эволюціи*, о процессахъ *интеграціи* и *дифференціаціи* и т. п. стремилось дать новыя основанія для переработки ассоціативной теоріи. Съ другой стороны, и въ Германіи (подъ вліяніемъ Канта), и въ Англіи, и во Франціи упорно продолжалась, подъ знаменемъ критицизма и эмпиризма, борьба противъ старыхъ понятій метафизической психологіи — понятій *силъ* и *способностей субстанціи души* (Гербартъ, Бэли, Рибо и др.). Наряду съ этимъ, нѣмецкимъ физикамъ и физиологамъ (Юг. Миллеру, Веберу, Фехнеру, Вундту) принадлежитъ заслуга перенесенія психологическихъ изслѣдованій и понятій на новую почву *экспериментальнаго* изученія соотношеній и взаимной зависимости между физическими и психическими фактами. Психофизика и психофизиологія пытались найти новыя точки зрѣнія и новыя понятія, пригодныя для точнаго изученія психическихъ фактовъ: понятіе психическаго *явленія* постепенно было вытѣснено понятіемъ психическаго *процесса*, понятіе *ассоціаціи* въ этой нѣмецкой школѣ эмпириковъ было отодвинуто на задній планъ понятіемъ *анперцепціи*. Параллельно съ этимъ, благодаря новѣйшимъ нѣмецкимъ метафизикамъ (Шопенгауэру, Гартману и др.), значительно выдвинулось впередъ изученіе фактовъ *безсознательной* душевной дѣятельности, впервые отмѣченныхъ еще Лейбницемъ, и старое ученіе о сознаніи и мысли, какъ о господствующихъ основахъ душевнаго бытія, было поколеблено ученіемъ о *воли* и *безсознательной активности*, какъ основныхъ принципахъ психическаго развитія и даже

всѣхъ конкретныхъ измѣненій психическаго содержанія. Принципъ „волютаризма“, т.-е. господствующей *психической активности*, проникъ и въ нѣкоторые кружки психофизиологовъ и своеобразно сочетался съ учениемъ объ „апперцепціи“—въ школѣ Вундта. Но вся эта модификація понятій, направленная къ одной цѣли—къ установленію основнаго психологическаго понятія и принципа изслѣдованія, все-таки не привела пока къ желаемому результату. Понятіе апперцепціи встрѣтило вскорѣ возраженія со стороны самихъ учениковъ Вундта и оказалось столь же бесплоднымъ, неточнымъ и искусственнымъ обобщеніемъ, какъ и всѣ прежнія понятія. Одно признается нынѣ вѣрнымъ психологами всѣхъ школъ,—именно, что психическая жизнь есть весьма сложный *процессъ*, тѣсно связанный съ физическими процессами среды и физиологическими процессами организма, въ особенности же съ нервно-мозговыми. Но каковъ основной законъ этого процесса и подъ какое основное понятіе можно подвести природу этого процесса, никто еще не опредѣлилъ. Слѣдуетъ ли его считать чисто физиологическимъ, или онъ представляетъ собою нѣчто несоизмѣримое съ понятіемъ чисто физиологическаго процесса, подчиненъ ли онъ *одному закону* со всѣми прочими процессами въ природѣ, или нѣтъ? На эти вопросы психологи разныхъ школъ и міросозерцаній отвѣчаютъ различно, начиная отъ только что указанныхъ прямо противоположныхъ рѣшеній и кончая всякими компромиссами и примирительными формулами.

По нашему мнѣнію, вся проблема сводится къ отвѣту на вопросъ: подчиненъ ли психическій процессъ, какъ и всѣ остальные процессы природы, *закону сохранения энергіи*, или не подчиненъ? Если подчиненъ, то психологія, по нашему глубокому убѣжденію, которое мы надѣямы оправдать впоследствии, пріобрѣтаетъ основной принципъ для болѣе точной и строго научной разработки психическихъ фактовъ, и съ этой точки зрѣнія распространеніе „экспериментальныхъ методовъ“ на изученіе

всѣхъ психологическихъ проблемъ станетъ дѣломъ ближайшаго будущаго. Если же упомянутаго подчиненія нельзя даже гипотетически обосновать, то всѣ мечты о превращеніи психологіи въ науку точную, экспериментальную, должны быть пока оставлены, и ея участію можетъ быть еще на долго, если не на всегда (какъ думалъ Кантъ), будетъ—довольствоваться классификаціями душевныхъ явленій, данныхъ во внутреннемъ опытѣ, и такими приблизительными обобщеніями ихъ отношеній, которыя никакъ не заслуживаютъ громкаго названія „законовъ“ психической жизни и дѣятельности. Останется еще за психологіей старая область отвлеченныхъ метафизическихъ разсужденій и мечтаній о субстанціи души и ея отношеніи къ веществу. Что же касается до экспериментальной психологіи, какъ ее теперь понимаютъ, то она по-прежнему будетъ обречена на примѣненіе эксперимента къ изученію фізіологическихъ коррелятовъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ группъ психическихъ явленій и процессовъ съ цѣлью опредѣленія интенсивности и скорости реакцій, и другихъ подобныхъ второстепенныхъ психофизическихъ отношеній.

Поэтому, поставленный выше вопросъ мы считаемъ самымъ основнымъ для опредѣленія будущихъ судебъ психологіи, какъ науки. Его можно формулировать такъ: „есть ли основаніе говорить объ особой *психической энергіи* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ естествознаніе говоритъ о прочихъ энергіяхъ природы, т.-е. при условіи допущенія, что и психическая дѣятельность или работа подчинена *закону сохраненія энергіи*, наравнѣ съ прочими процессами, и что психическая энергія входитъ въ систему энергіи природы, какъ естественное звено?“ Конечно, этотъ вопросъ, если искать его научнаго теоретическаго рѣшенія, долженъ быть поставленъ внѣ всякихъ соображеній метафизическаго, этическаго и вообще практическаго характера. Для мыслителя, ищущаго истины и одной только истины, должно быть совершенно безразлично, какая новая метафизическая или этическая система можетъ современемъ

возникнуть на почвѣ того или другого рѣшенія этой теоретической проблемы. Нѣкоторымъ людямъ, знакомымъ съ исторіей философскихъ проблемъ и съ основными ученіями естествознанія, можетъ а ргіогі показаться, что утвердительное рѣшеніе вопроса о подчиненіи психической дѣятельности закону сохранения энергіи можетъ окончательно погубить идеализмъ и спиритуализмъ, ученіе о свободѣ челоуѣческой воли и о безсмертіи челоуѣческаго духа, т.-е. привести насъ къ новой формѣ матеріализма. Это предположеніе заставитъ ихъ заранѣе съ предубѣжденіемъ отнестись къ самому изслѣдованію поставленной нами задачи. Мы надѣемся показать въ концѣ своей статьи, что такія опасенія преждевременны и напрасны, что признаніе существованія „психической энергіи“, какъ одной изъ природныхъ энергій, подчиненныхъ, наравнѣ съ прочими, всеобщему міровому закону сохранения энергіи, оставляетъ въ прежней силѣ и проблему о свободѣ воли и даже проблему о безсмертіи личнаго сознанія, хотя и ставитъ метафизическое изслѣдованіе этихъ задачъ на совершенно новую, и можетъ быть, болѣе плодотворную почву. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не о неосторожномъ и поспѣшномъ предрѣшеніи вопросовъ морали и метафизики, предъ важностью которыхъ мы склоняемся, а о простомъ теоретическомъ вопросѣ знанія, который сводится, какъ мы показали выше, къ открытію *того понятія и того основнаго принципа*, который бы могъ дать психологій возможность на самомъ дѣлѣ перейти изъ разряда наукъ *субъективныхъ* въ разрядъ наукъ *объективныхъ*, который бы дозволилъ ей превратиться изъ суммы личныхъ наблюденій и эмпирическихъ обобщеній психологовъ въ науку точную и экспериментальную. Мы намѣрены подвергнуть анализу понятіе *психической энергіи* въ его отношеніи къ понятію *души* и къ понятію *энергій физическихъ* и разсмотрѣть теоретически вопросъ о возможности примѣненія къ изслѣдованію душевной жизни „закона сохранения энергіи“. Задачу статьи будетъ не окончательно рѣшить вопросъ, а обосновать гипотезу, которая, по нашему убѣжденію, можетъ

быть чрезвычайно плодотворна для дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій *).

II.

Вопросъ, поставленный нами выше, можно, безъ сомнѣнія, считать вполне своевременнымъ и умѣстнымъ въ виду слѣдующихъ главнѣйшихъ соображеній.

Въ области естествознанія уже нѣсколько лѣтъ назадъ появилось и быстро разрастается движеніе, которое склонно дать понятію *энергии*, какъ „методологическому принципу“ точныхъ научныхъ изслѣдованій, еще болѣе широкое, всеобъемлющее и такъ сказать философское значеніе, чѣмъ какое оно имѣло до сихъ поръ. Преобразование, въ послѣднія десятилѣтія, цѣлаго ряда естественно-научныхъ понятій и теорій, физическихъ, химическихъ и біологиче-

*) Считаемо необходимымъ замѣтить здѣсь, что мысли, излагаемая нами въ настоящей статьѣ, были подготовлены всѣми нашими изслѣдованіями въ теченіе 20-лѣтн. періода учено-литерат. дѣятельности. См. особ. «Essai sur les princ. d'une nouvelle classif. des sentiments», Revue Philos. 1878 и «Психологию чувствованій» 1880, гдѣ мы употребляемъ впервые понятіе «*психической энергии*»; далѣе—«Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса» и «Прогрессъ и наука», Одесса 1883—84, гдѣ мы даемъ объективное опредѣленіе прогресса, какъ *экономизаціи энергій* личности, общества, человѣчества и міра въ связи съ ученіемъ о ихъ *постоянствѣ* (сохраненіи); затѣмъ книжку—«О душѣ въ связи съ соврем. ученіемъ о силѣ», Одесса 1886, гдѣ мы проводимъ мысль о *единствѣ и внутреннемъ тождествѣ физическихъ и психическихъ силъ* (энергій); наконецъ, статью «La causalité et la conservation de l'énergie dans le domaine de l'activité psychique». Congrès de psychol., Paris, 1889, Compte rendu, гдѣ мы отстаиваемъ мысль о *превращеніи* психическихъ энергій въ физическія и о *реальномъ дѣйстви* первыхъ на вторыя, а также положеніе, что *законъ сохраненія психической энергии* не противорѣчитъ идеѣ свободы воли, и другія под. Въ этой статьѣ мы писали между прочимъ: «Il est plus aisé de croire que les forces de la nature inorganique se transforment par la voie de l'évolution en *énergies psychiques et volontaires*, en tant qu'elles sont déjà des énergies psychiques *latentes*, que d'admettre qu'il y a un saut dans le dévelopecment de la nature et que les énergies *psychiques* des organismes animaux n'ont rien de commun avec les énergies purement *physiques* de la matière inorganique».—«*La loi de causalité et la loi de la conservation de l'énergie* sont deux expressions différentes pour cette loi intime qui régit avant tout les rapports de nos volitions à nos actions et qu'ensuite nous retrouvons dans les rapports des phénomènes du monde extérieur». (стр: 121).

скихъ, поколебало старыя понятія *матеріи*, подвижныхъ *атомовъ*, какъ ея элементовъ, и *силъ*, дѣйствующихъ между этими атомами. Естественнаучное міросозерцаніе, сводившееся къ *механикѣ атомовъ* и справедливо обозначаемое иногда именемъ „*научнаго матеріализма*“, сильно пошатнулось. Рядъ ученыхъ натуралистовъ, среди которыхъ въ самое послѣднее время особенно выдвинулся лейпцигскій профессоръ химіи Вильгельмъ Оствальдъ, энергически выступили съ философскою критикою этого стараго научно-матеріалистическаго міросозерцанія и старались показать совершенную призрачность понятія матеріи, какъ неизмѣнной, покоящейся среды и основы явленій *). Понятіе „матеріи“ есть наше *измышленіе* (*Gedankending*), говоритъ Оствальдъ. *Предикатъ реальности* возможно приписать только *энергіи*—это единственная неизмѣнная величина (*Invariante*), найденная пока въ природѣ. На это могутъ возразить, что энергія должна же имѣть своего носителя (а именно матерію). „Я спрашиваю почему?“ отвѣчаетъ Оствальдъ: „если все, что мы узнаемъ о внѣшнемъ мірѣ, сводится къ отношеніямъ энергій, то почему мы должны допустить въ немъ что-либо такое, о чемъ никогда ничего не можемъ узнать?“ (стр. 26). Всѣ свойства такъ называемаго вещества можно разсматривать какъ проявленія энергіи: такъ *масса* есть въ сущности *энергія движенія* (*Capazität für Bewegungsenergie*), способность наполненія пространства есть *энергія объема* (*Volumenenergie*), тяжесть—*энергія положенія* (*Lagenenergie*), наконецъ—химическія свойства сводятся къ *химической энергіи*. „Вездѣ рѣчь идетъ только объ энергіяхъ, и если мы отвлечемся отъ понятія различныхъ родовъ матеріи, то не останется *ничего*, даже пространства, которое она занимала, такъ какъ и это послѣднее познается лишь чрезъ трату энергіи, необходимую для проникновенія въ него, т.-е. для движенія. Такимъ образомъ, матерія есть не что иное, какъ про-

*) См. рѣчь и статью В. Оствальда «Побѣда надъ научнымъ матеріализмомъ» (*Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus*. Leipzig. 1895).

странственный распорядокъ различныхъ энергій и все, что мы хотимъ о ней сказать, мы въ сущности высказываемъ объ этихъ энергiяхъ^а. Поясняя свою мысль „драстическимъ“ примѣромъ, Оствальдъ говоритъ: „Представьте себѣ, что вы получили ударъ палкою! Что вы ощущали: палку или ея энергiю? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: *энергiю*, ибо палка—самая невинная вещь на свѣтѣ, пока ею не размахнулись. Правда, мы можемъ натолкнуться на покоящуюся палку! Совершенно вѣрно: но при этомъ мы будемъ ощущать только *различiя* состоянiй энергiи въ отношенiи къ нашимъ чувствующимъ аппаратамъ, причемъ будетъ безразлично, движется ли палка къ намъ, или мы къ ней. При отсутствiи соприкосновенiя и встрѣчи, палки для насъ не будетъ больше существовать“... (стр. 28—29). „Всѣ наши органы чувствъ (слѣдовательно и органъ зрѣнiя, которымъ мы видимъ палку) реагируютъ только на различiя энергiй между ними и окружающею средой (стр. 26)“.

Сводя, такимъ образомъ, всю *реальность* къ совокупности воспринимаемыхъ нами *энергiй*, т.-е. различныхъ *формъ* и *количествъ энергiи*, воспринимаемыхъ нашими органами чувствъ, благодаря *ихъ* энергiямъ, В. Оствальдъ является самымъ типическимъ представителемъ новаго ученiя—*энергетизма*, стремящагося вытѣснить собою старый научный „атомистическiй материализмъ“.

Талантливая и смѣлая рѣчь Оствальда, произнесенная на конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Любекѣ (20 сентября 1895 г.), вызвала большой шумъ въ мiрѣ ученыхъ натуралистовъ и породила обширную полемику во всѣхъ иностранныхъ журналахъ. Въ споръ стали вмѣшиваться и философы. Оставляя здѣсь въ сторонѣ специальную полемику натуралистовъ, укажемъ на интересную статью-лекцiю нашего русскаго философа, профес. Александра Введенскаго, появившуюся осенью 1896 г. въ С.-Петербургѣ подъ заглавiемъ „Атомизмъ и энергетизмъ“. Разбирая ученiе Оствальда, нашъ философъ отчасти справедливо указываетъ на нѣкоторые его недостатки, изъ ко-

торыхъ главнѣйшій тотъ, что Оствальдъ *ипостазируетъ понятие энергіи*, т.-е. приписываетъ самостоятельную реальность содержанию этого общаго, отвлеченнаго понятія, подъ которымъ физика разумѣтъ только способность къ работѣ, т.-е. къ движенію вопреки препятствіямъ. „Каждое тѣло, находящееся въ движеніи имѣетъ нѣкоторое количество энергіи, а именно (по формулѣ механики) количество, пропорціональное половинѣ произведенія его массы на квадратъ скорости его движенія. Такъ какъ подъ энергіей подразумѣвается не сама работа, а способность къ ней, то мы въ правѣ приписать энергію и тѣлу, которое еще не движется, но должно или можетъ двигаться при всѣхъ или части тѣхъ условій, въ которыхъ оно находится... Поэтому говорятъ, что камень, привязанный къ потолку, тоже имѣетъ энергію“... Такая энергія, пока она не обнаружилась, называется, какъ извѣстно, *потенціальной*. Законъ сохранения утверждаетъ, что общее количество энергіи, сложенное изъ суммы *дѣйствительныхъ* (кинетическихъ) энергіи и *потенціальныхъ*, остается въ природѣ тождественнымъ или постояннымъ, хотя энергія и перемѣщается изъ одного тѣла въ другое. По мнѣнію проф. Введенскаго, понятие потенциальной энергіи совершенно условно (мы *условились* называть энергіей то, чего можетъ быть никогда не будетъ, наприм., паденіе камня, если его не отвязнуть). Слѣдовательно, мы не вправѣ заключать отъ факта существованія закона сохранения энергіи къ *реальности энергіи* (стр. 9). Окончательное заключеніе г. Введенскаго то, что энергетизмъ столь же мало можетъ претендовать на то, чтобы служить *свободной отъ всякой метафизики картиной дѣйствительности*, какъ и атомизмъ. Оствальдъ „*объабсолютилъ* то, что имѣетъ мѣсто только въ зависимости отъ нашей искусственно созданной точки зрѣнія“ (стр. 10).

Мы не будемъ пока касаться вопроса о томъ, насколько вѣрны и цѣнны обобщенія Оствальда и въ какой мѣрѣ правильны возраженія проф. А. И. Введенскаго. Для насъ существенно важно было отмѣтить то выдающееся мѣсто,

какое приобрѣтаетъ въ настоящее время *понятіе энергии* среди понятій точной науки, и то новое ученіе энергетизма, которое въ послѣднее время возникло въ связи съ разработкою этого понятія. Большое значеніе имѣетъ также и то обстоятельство, что новое ученіе объ *энергии* носить совершенно идеалистическую окраску. Собственно въ теоріи Оствальда особенно интереснымъ является пунктъ, на который не обратилъ достаточнаго вниманія философъ А. И. Введенскій, а именно, что энергии внѣшняго міра по этой теоріи познаются нами только чрезъ реакціи нашихъ собственныхъ энергій—энергій *психофизическихъ*—на движенія или раздраженія среды. Всѣ, что мы знаемъ объ энергіяхъ міра, познается нами только въ качествѣ условій проявленія, или сопротивленій дѣйствию, нашей собственной энергіи. Поэтому, оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о существованіи *спеціально-психической* энергіи, спросимъ себя прежде всего, въ правѣ ли мы говорить о *психофизической энергии* нашихъ органовъ чувствъ, мозга и вообще нервной системы?

На этотъ второй вопросъ мы находимъ обстоятельный отвѣтъ въ талантливой статьѣ извѣстнаго нѣмецкаго философа К. Лассвица, „О психофизической энергіи и ея факторахъ“, которая появилась въ томъ же году, какъ и статья Оствальда, въ „Архивѣ систематической философіи“ *) и въ которой своеобразно дополняются мнѣнія и мысли означеннаго химика.

„Если,—говоритъ Лассвицъ въ началѣ своей статьи,—всѣ физическія измѣненія состоятъ изъ обмѣна энергій, и если всѣ психическія перемѣны, которыя сознаются нами, связаны съ физическими измѣненіями въ нашей центральной нервной системѣ,—все равно какъ бы мы ни представляли себѣ характера этой связи—то мы въ правѣ координировать со всѣми измѣненіями индивидуальнаго сознанія извѣстныя

*) К. Lasswitz. Ueber psychophysische Energie u. ihre Factoren. Arch. f. system. Philos., herausgeg. v. P. Natorp. Berlin 1895. I B., I Heft. Лассвицъ—авторъ замѣчательнаго ученаго труда «Geschichte der Atomistik vom Mittelalter bis Newton», Hamb. u. Leipz. 1890. 2 тома (569+609).

измѣненія въ состоянїи энергіи въ соответствующемъ нервномъ аппаратѣ“... „Конечно, бесплодность прежнихъ попытокъ найти физиологическіе корреляты психическихъ процессовъ порождаетъ разочарованія; но до сихъ поръ всѣ взгляды на психическія движенія вытекали изъ молекулярной (т. е. атомистической) теорїи матерїи. Должна быть по крайней мѣрѣ сдѣлана *попытка*,—говоритъ Лассвицъ,—разсмотрѣть, куда могутъ привести въ области психологическаго анализа *методы энергетики*. Въдъ преимуществомъ энергетики является то, что признаніемъ новыхъ формъ энергіи она открываетъ для себя все новыя области, въ которыхъ процессы слишкомъ сложны и мало извѣстны, чтобы быть доступны объясненію съ точки зрѣнія молекулярно-механической теорїи. Задачею должно быть: изслѣдовать, насколько факты психической жизни могутъ быть координированы съ общимъ состояніемъ мозговой энергіи, которое должно подчиняться общимъ законамъ энергіи“.

Выполняя поставленную задачу, Лассвицъ прежде всего опредѣляетъ „*психофизическую энергію*, какъ ту часть энергіи даннаго образованія (нервно-анатомическаго), измѣненія которой вызываютъ измѣненія въ состоянїи сознанія этого образованія“. Другими словами: „психофизическая энергія есть та часть энергіи нервной клѣтки, колебанія которой свойственно непосредственно испытывать въ формѣ индивидуальнаго состоянїя сознанія“. Психофизическая энергія есть „подвижная энергія мозга и процессъ ея превращенія есть физиологическій коррелятъ психическихъ феноменовъ“. „Если между образованіями, къ системѣ которыхъ принадлежитъ въ данное время нашъ мозгъ, происходитъ обмѣнъ энергій, то мы воспринимаемъ *ощущенія* или ихъ комплексы“. Конечно, „объективная и субъективная оцѣнка раздраженія (въ нервномъ образованїи) не одно и то же“. Конечно также, данное психическое состояніе соответствуетъ такому состоянїю мозговой энергіи, которое „невозможно еще достаточно выдѣлить изъ общаго комплекса обмѣна энергій (въ организмѣ), но именно потому,

что комплексъ тѣхъ формъ энергіи, которыя проявляются въ мозговой системѣ, является своеобразнымъ условіемъ психологическаго процесса и полное превращеніе его (Auslösung) въ другія извѣстныя формы энергіи еще не является возможнымъ (nicht in Aussicht steht), энергетика имѣетъ методологическое право—эту часть энергіи, являющуюся физиологическимъ корреллатомъ психическихъ процессовъ, обозначить особымъ именемъ психофизической энергіи“. Таковы общія основанія для введенія въ науку понятія психофизической энергіи у Лассвица.

Развивая свою основную мысль въ подробностяхъ, Лассвицъ вводитъ въ теорію энергіи своеобразную терминологию. „Потенціаломъ“ энергіи онъ вездѣ называетъ то, что нѣкоторые физики, наприм., Гельмъ и Оствальдъ, иногда называютъ *интенсивностью* ея, „для избѣжанія неудобства послѣдняго выраженія тамъ, гдѣ дѣло идетъ отчасти о психологическихъ терминахъ“, и опредѣляетъ „потенціалъ“ какъ тотъ факторъ данной формы энергіи, отъ котораго зависитъ ея переходъ,—причемъ энергія можетъ переходить изъ высшаго потенціала въ низшій при условіи разницы въ потенціалахъ отдѣльныхъ частей мозга. Измѣненіе потенціала психофизической энергіи и есть коррелятъ даннаго психическаго состоянія, т.-е. ощущенія. „Особенностью психофизической энергіи является, конечно, то, продолжаетъ Лассвицъ,—что ея факторы еще *недоступны измѣренію*, между тѣмъ какъ для потенціаловъ прочихъ формъ энергіи существуютъ масштабы“. „Но отсюда только вытекаетъ, что математическое обращеніе съ ними (rechnerische Behandlung) пока невозможно, но никакъ не то, что эти факторы не могутъ быть *теоретически допущены*“. „Я ставлю гипотезу, говоритъ Лассвицъ,— что факторъ способности (Capacitätsfactor) психофизической энергіи къ работѣ есть физическій коррелятъ *чувства*“. Замѣняя далѣе длинное выраженіе „Capacitätsfactor der psychophysischen Energie“ терминомъ эмпатіи (Empathie), Лассвицъ пытается въ остальной части статьи,

при помощи установленныхъ имъ понятій, *ориентироваться* въ области психофизическихъ фактовъ. При этомъ онъ дѣлаетъ важныя ограниченія въ томъ смыслѣ, что обычныя психологическія понятія сознанія, чувства, ощущенія и т. п. не имѣютъ, по его мнѣнію, никакой функціональной связи, такъ какъ суть не величины, а отвлеченныя понятія (*abstracta*), на которыя мы разлагаемъ при анализѣ внутренно переживаемое содержаніе"; но „для того, чтобы поставить эти *психологическія даты* въ связь съ доступными для физики *величинами*, будемъ искать ихъ физическихъ коррелятовъ и для этого единственный путь—методъ энергетики“. Для доказательства плодотворности этого метода и пути, авторъ касается подробно зависимости природы чувствованій удовольствія и страданія отъ повышенія или пониженія возбужденія и возбудимости мозга (т.-е. отъ его эмпатіи). Позволимъ себя напомнить по этому поводу, что мы еще въ 1880 г. въ своемъ обширномъ сочин. „Психологія чувствованія“ и ранѣе въ статьѣ „*Essai sur les principes d'une classification nouvelle des sentiments*“ (*Revue philosoph.* 1878, Т. VI) пытались обосновать всю теорію чувствованій и ихъ классификацію на теоріи „соотношенія работы какой-нибудь ткани организма къ ея энергіи“ (см. Психол. чувств. стр. 457 и слѣд.).

Мы не будемъ здѣсь подробнѣе излагать и разбирать интересную теорію „психофизической энергіи“ Лассвица, такъ какъ въ общемъ наши исходныя точки въ ученіи о „*психической энергіи*“ другія: пришли мы къ нему самостоятельно и раньше, не будучи знакомы со статьей этого почтеннаго ученаго, и думаемъ, что наши основанія для выставленія теоріи „психической энергіи“ шире тѣхъ, которыя даетъ Л. для понятія „психофизической энергіи“.

Изложеніе теоріи Лассвица было для насъ важно для того, чтобы показать, что не только общее понятіе энергіи, въ связи съ закономъ сохраненія ея, въ настоящее время служитъ предметомъ оживленныхъ дебатовъ между учеными натуралистами, но что на встрѣчу этому движенію

со стороны философовъ и, въ особенности психофизиковъ, идетъ теченіе, сочувственно относящееся къ расширенію и обобщенію понятія энергіи и къ перенесенію его въ область науки о психическихъ процессахъ чловѣка.

Тѣмъ не менѣе надо сказать, что въ примѣненіи къ этой области понятіе „энергіи“ употребляется еще съ разными оговорками и ограниченіями. Остальдъ спрашиваетъ себя: „Есть ли явленія, которыя не вполне объяснимы извѣстными до сихъ поръ законами энергіи? Или, другими словами, достаточно ли „понятія энергіи“ и „энергетическаго міросозерцанія“ для объясненія всѣхъ областей явленій природы или недостаточно?“ Онъ думаетъ, что „нѣтъ“, и что есть принципы, выходящіе за предѣлы этого понятія и этого міросозерцанія (стр. 34—35). Лассвицъ, какъ мы видѣли, говоря „о психофизической энергіи“, тоже дѣлаетъ ограниченія относительно распространенія этого понятія на область фактовъ и явленій чисто психическихъ. Наконецъ, укажемъ еще на Вундта, который вскользь говоритъ о психической энергіи въ своей новой книгѣ „Очеркъ психологіи“ въ главѣ о психической причинности и о психофизическомъ параллелизмѣ *). Наставляя на мысли, что „физическое опредѣленіе величины имѣетъ своимъ предметомъ объективныя массы, силы и энергіи, а психическое опредѣленіе величины имѣетъ предметомъ субъективныя цѣнности и цѣли“, онъ продолжаютъ: „Движенія мускуловъ при внѣшнемъ волевои дѣйствіи и физическіе процессы, сопровождающіе чувственныя воспріятія, ассоціаціи и функціи апперцепціи, неизмѣнно слѣдуютъ принципу сохраненія энергіи; но, при одинаковой величинѣ этой энергіи, выраженный въ ней духовныя цѣнности и цѣли могутъ быть различны по своей величинѣ“. „Физическое измѣненіе имѣетъ дѣло съ количественными величинами, которыя допускаютъ градацію только по количественнымъ отношеніямъ измѣря-

*) Очеркъ психологіи. В. Вундта. Пер. Д. В. Викторова. М. 1897, § 22, 23, особ. стр: 374—375.

емыхъ явленій; напротивъ того, *психическое измѣненіе имѣетъ предметомъ, въ своемъ итогѣ, всегда качественно-цѣнные величины.* Поэтому способности производить чисто *количественное дѣйствіе*, которую мы опредѣляемъ какъ величину *физической энергіи*, можно противопоставлять величину *психической энергіи*, какъ способности производить качественно-различныя цѣнности. *Приростъ* психической энергіи не только совмѣстимъ, при такомъ предположеніи, съ обязательнымъ для естествонаучнаго разсмотрѣнія *постоянствомъ* физической энергіи, но оба эти положенія служатъ даже взаимно дополняющими другъ друга масштабами при обсужденіи нашего опыта въ его цѣломъ. Въдѣ *приростъ психической энергіи* является въ надлежащемъ освѣщеніи лишь постольку, поскольку онъ составляетъ обратную сторону *физическаго постоянства...* *Непрерывности физическихъ процессовъ* противостоятъ, съ другой стороны, какъ ея психологическій коррелятъ, фактъ *исчезновенія психическихъ цѣнностей*, безъ сомнѣнія данный въ опытѣ“. Мы будемъ ниже опровергать нѣкоторыя изъ этихъ утвержденій Вундта, но они все-таки чрезвычайно характерны для современнаго положенія *понятія психической энергіи* въ наукѣ. Если это понятіе и употребляется философами, то съ разными оговорками и какъ нѣчто совершенно противоположное понятію физической энергіи.

Но характернѣе всего, что установленію единообразія между физической и психической энергіями въ ихъ дѣйствіи не менѣе враждебны и нѣкоторые естествоиспытатели-физики, хотя и съ другой точки зрѣнія. Вотъ по этому поводу любопытныя мысли покойнаго знаменитаго физика Кларка Максвелла: „Поверхностное знакомство съ психическою дѣятельностью человѣка доказываетъ, что подъ вліяніемъ идеи онъ развиваетъ измѣримыя количества энергіи. Наука показываетъ, однако, что мы не присутствуемъ здѣсь при созданіи энергіи, а только при ея перемѣщеніи... Психическіе дѣятели не представляютъ силъ въ механическомъ смыслѣ этого слова: еслибы это было такъ, то человѣкъ могъ бы производить энергію,

не уменьшая на соотвѣтствующую часть энергію своего организма или окружающей природы; поэтому эти дѣятели не представляютъ энергіи... *)". Вспоминается намъ по этому поводу одна иллюстрація нашего русскаго философа Н. Н. Страхова въ его книгѣ „О вѣчныхъ истинахъ“ (Споръ о спиритизмѣ), гдѣ Н. Н. возражаетъ химику Бутлерову, доказывая, что духъ не есть *физическая сила*: „если живой чловѣкъ оборвется съ вышины и будетъ падать, или если мы его подбросимъ вверхъ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ центръ тяжести его тѣла будетъ съ математическою точностью совершать тѣ самыя движенія, проходить тѣ самыя линіи и въ тѣ самыя времена, какъ и центръ тяжести падающаго или подброшеннаго камня... Еслибы духъ былъ физическою силой, то вотъ случай, гдѣ кстати было бы все напряженіе этой силы. Но никакія духовныя напряженія не могутъ нисколько, ни на какую малѣйшую величину измѣнить движенія чловѣческаго тѣла въ этихъ случаяхъ, и оно разбивается съ ударомъ, пропорціональнымъ вѣсу и паденію... Духъ и физическая сила суть понятія несоизмѣримыя; не имѣющія ничего общаго“ **).

Итакъ, нѣкоторые физики и философы сходятся въ мысли, что между *физической* и настоящей *психической* энергіей нѣтъ ничего общаго, что законъ сохраненія энергіи не приложимъ къ анализу душевной жизни. „Знаніе закона сохраненія энергіи, — говоритъ Н. Н. Страховъ, — безмѣрно увеличиваетъ нашу возможность распоряжаться вещественными явленіями. Но чѣмъ выше значеніе этого закона въ указанныхъ областяхъ, тѣмъ меньше онъ отвѣчаетъ на другіе наши запросы“ ***).

И однако тотъ же Н. Н. Страховъ говоритъ въ книгѣ „Объ основныхъ понятіяхъ физиологии и психологии“: „Душев-

*) См. это изложеніе мыслей М. въ актовомъ рѣчи проф. Н. А. Умова „Памяти Кларка Максуэля“. Одесса, 1888.

**) См. наше подробное изложеніе воззрѣній Н. Н. Страхова на отношеніе духовныхъ и физическихъ явленій и силъ въ статьѣ „Памяти Н. Н. Страхова“, Вопр. Филос. и Психол., кн. 32 (№ 2, 1897 г.).

***) См. статью Страхова: „О законѣ сохраненія энергіи“ (Вопр. филос. и психол., 1891, кн. 6).

ная жизнь, подобно свѣту, можетъ имѣть безчисленныя степени, отъ яркаго солнечнаго сіянія до сумерокъ, граничащихъ съ тьмою. Истинная ея природа обнаруживается, конечно, *при полномъ ея раскрытіи*, слѣдовательно въ челоуѣкѣ, — и въ тѣ минуты *полной душевной энергіи*, которыя иногда испытываетъ челоуѣкъ. Разсматривая эту полную душевную жизнь, мы видимъ, что признаніе истины, блага и свободы, т.-е. признаніе за нашею душевною жизнью реальнаго значенія, дѣйствительнаго содержанія, составляетъ необходимое условіе, при которомъ и можемъ мы жить "...

Значить и Н. Н. Страховъ признаетъ *степени и количества душевной или психической энергіи* въ челоуѣкѣ, какъ ихъ признаютъ впрочемъ и всѣ химики, физики и біологи, не говоря о философахъ, историкахъ, соціологахъ, моралистахъ. Поставимъ же снова ребромъ вопросъ: что такое *психическая или душевная энергія*, чѣмъ она отличается отъ энергій физическихъ, и что общаго у нея съ ними, — можно ли считать вѣроятною гипотезу, что и психическая энергія подчинена общему закону сохраненія энергіи, и какое значеніе это понятіе и этотъ законъ могутъ имѣть въ *науцъ психологій*?

Прежде, однакоже, чѣмъ приступить къ обсужденію этого вопроса, слѣлаемъ одно существенное разъясненіе.

Дѣло будетъ идти въ послѣдующемъ анализѣ *исключительно* о томъ, существуетъ ли особая психическая энергія въ основѣ психическихъ процессовъ и психической дѣятельности, и подчинена ли она закону сохраненія энергіи наравнѣ съ физическими энергіями, входя въ общую систему энергій природы, которая, со включеніемъ въ нее энергіи психической, уже не могутъ называться (ни одна) чисто-физическими, а окажутся всѣ, такъ сказать, психо-физическими энергіями (т. е. способными превращаться въ психическую форму), или просто — формами единой міровой энергіи. Вопросъ же о возможности иной „не энергетической“ оцѣнки психическихъ процессовъ мы до послѣдней главы своей статьи оставимъ въ сторонѣ. Для насъ эта возможность,

основанная на существованіи *внутренняго опыта и самосозна- нія*, и связаннаго съ ними метода *самонаблюденія*, конечно, не подлежитъ сомнѣнію *).

Въ настоящей статьѣ дѣло идетъ вовсе не объ отрица- ніи внутреннихъ, психическихъ и этическихъ цѣнностей и оцѣнокъ, отвергать которыя было бы смѣшно и бесполезно, а о томъ: не существуетъ ли другой возможной, *энергети- ческой* точки зрѣнія для научнаго анализа психическихъ явленій, процессовъ и дѣятельности, въ которой указанная внутренняя качественныя цѣнности (и даже цѣли) получаютъ новое освѣщеніе, какъ субъективные кор- релаты количественныхъ отношеній и формъ психической энергіи. Другими словами, дѣло идетъ о томъ, исключаетъ ли ученіе о „субъективныхъ пси- хическихъ цѣностяхъ“ ученіе о „психической энергіи, подчиненной закону сохраненія“, какъ факторъ психи- ческой работы и дѣятельности,—или же не ис- ключаетъ?

Вундтъ думаетъ, повидимому, что одна точка зрѣнія ис- ключаетъ другую и ей противорѣчить,—мы думаемъ, что онѣ вполне согласимы между собою и естественно другъ друга дополняютъ.

III.

Наша дальнѣйшая задача распадается на три частныя: во- I) намъ надо показать, почему именно понятіе психиче- ской энергіи въ томъ значеніи, въ какомъ мы говоримъ и о „физическихъ энергіяхъ“, а не какое-либо другое понятіе могло бы сослужить психологіи ту службу, о которой мы говорили въ началѣ статьи, т.-е. дать ей устойчивый об- щій принципъ для строгаго научнаго и въ частности экспе-

*) Мы достаточно подробно развивали и обосновывали эту точку зрѣнія въ прежнихъ своихъ изслѣдованіяхъ «О свободѣ воли, О значеніи чувства въ познаніи, О жизненныхъ задачахъ психологіи», въ статьѣ «Объ основаніяхъ экспериментальной психологіи» и въ особенности въ статьяхъ «О времени» и въ этическихъ статьяхъ своихъ (О нравств. долгѣ, о нравств. идеалахъ и о объ устояхъ нравственной жизни).

отстраненіе основного вопроса знанія,—вопроса о соотношеніи внутренней (психической) и внѣшней (физической) жизни организма и природы,—не могло удовлетворить болѣе пытливые умы: новыя философскія и метафизическія системы съ окраскою идеально-дуалистической (т.-е. декартовской: Кантъ и др.), чисто-идеалистической (Фихте и Шопенгауэръ), пантеистической (Шеллингъ и Гегель) и матеріалистической (Гольбахъ и новѣйшіе нѣмецкіе матеріалисты) продолжали возникать и въ концѣ прошлаго и даже въ нашемъ столѣтіи вплоть до второй его половины, на-ряду съ мирнымъ прогрессомъ опытныхъ и точныхъ знаній.

Ошибочно было бы думать, однако, чтобы въ послѣднюю половину нашего вѣка проблема *взаимодѣйствія* внутренняго міра и внѣшняго совершенно заглохла. Мы уже старались показать въ другомъ мѣстѣ (въ статьѣ „Объ идеѣ параллелизма“), что эта глубоко жизненная проблема науки не можетъ быть оставлена безъ разрѣшенія, и что старыя *метафизическія* формулы дуализма и монизма смѣнились новыми *эмпирическими* формулами этихъ ученій. Теорія параллелизма психическихъ и физическихъ „явленій“ то принимаетъ форму скрытаго *дуализма*, то является прикрытымъ *монизмомъ* (весьма напоминающимъ пантеистическое ученіе Спинозы); теорія панпсихизма (всѣ явленія въ мірѣ суть модификаціи психическаго начала) является своеобразнымъ эмпирическимъ перифразомъ стараго спиритуалистическаго монизма (чистаго идеализма); теорія эпифеноменизма (душевыя явленія только второстепенныя и не существенныя отраженія физическихъ) должна быть признана новѣйшею эмпирическою формулою матеріализма. Новые болѣе сложные термины, новыя комбинаціи словъ, а основныя понятія и ученія остаются все тѣ же! И все-таки есть одна существенная перемѣна въ новѣйшей постановкѣ вопроса о *взаимодѣйствіи* психическихъ и физическихъ факторовъ дѣйствительности.

Перемѣна эта заключается въ томъ, что въ прежнюю метафизическую эпоху это *взаимодѣйствіе* было *проблемой*, а те-

перь единодушно признается *фактомъ*. Прежде спрашивали себя: да существуетъ ли еще взаимодействие между духомъ и матеріей, душой и тѣломъ, нужно ли утверждать, что оно существуетъ, нельзя ли вовсе обойти это предположеніе, отрицая матерію или духъ, или опираясь на вѣру во всемогущество Божіе? Теорія *процессовъ* *двоякаго* *порядка* не позволяетъ такъ ставить вопросъ. Внутреннее и внѣшнее—двѣ разныя области фактовъ (т. е. явленій) и даже опыта, но *тѣмъ* *важнѣе* опредѣлить соотношеніе, связь, взаимную зависимость того и другого. Въ этой взаимной связи и зависимости принципиально уже никто не сомнѣвается; взаимодействие сознанія и физической среды есть фактъ. Разница современныхъ ученій между собою вся сводится къ тому, что зависимость явленій обоюго порядка признается *обоюдной* и соотношеніе *равноправнымъ* (параллелизмъ), или зависимость эта считается *односторонней* и отношеніе *не равноправнымъ*, а именно: или 1) вся активность переносится въ міръ *внѣшній*, *физическій*, а сознаніе (міръ психическій) считается только пассивнымъ отраженіемъ физической жизни природы (эпифеноменизмъ), или 2) вся активность переносится въ міръ *внутренній*, *психическій*, а физическій міръ считается отображеніемъ духовнаго, т. е. представленіемъ духа (панпсихизмъ).

Но эти два послѣднія одностороннія толкованія взаимной связи психическаго и физическаго міра имѣютъ такъ мало представителей (большею частью среди старыхъ эпигоновъ метафизическаго матеріализма и спиритуализма), что наука можетъ съ ними не считаться. Наука должна считаться съ фактами, а фактами являются: съ одной стороны, зависимость психическихъ процессовъ и явленій въ мірѣ и челоѣкѣ отъ физиологическихъ и вообще физическихъ, и съ другой стороны: зависимость нѣкоторыхъ природныхъ процессовъ въ средѣ и организмѣ отъ сознанія, отъ идей. „Идеи суть силы“, перерабатывающія и организмъ челоѣка, и міръ, среду, конечно „съ соблюденіемъ и безъ на-

рушенія“ законовъ сохраненія вещества и энергіи. Такъ думаютъ и современные философы, между которыми Альфредъ Фулье всего талантливѣе обобщилъ указанную сумму фактовъ,—такъ думаютъ и историки, и социологи, стремящіеся внести свѣтъ идей въ жизнь личностей и народовъ,—такъ должны думать и мыслящіе натуралисты, непрестанно перерабатывающіе окружающую природу и организмъ человѣка *по своимъ идеямъ*,—натуралисты, изобрѣтающіе новыя комбинаціи веществъ и энергіи природы,—натуралисты, борющіеся съ вредными для человѣка организмами, микробами, и истребляющіе ихъ, и поддерживающіе въ человѣческомъ организмѣ и въ высшихъ животныхъ жизнетворные элементы. Не въ нашъ вѣкъ великихъ міровыхъ открытій и творческихъ идей, общественныхъ реформъ и переворотовъ, отрицать фактъ дѣйствія духовныхъ энергіи, каковы бы онѣ ни были, на міръ и его существованіе,—не въ эпоху открытія гипнотизма и признанія всевозможныхъ психическихъ вліяній (даже въ области поддержанія здоровья и энергіи тѣла)—отрицать дѣйствіе идей и вообще психической энергіи на организмъ.

Такимъ образомъ, взаимная зависимость между психическимъ и физическимъ міромъ, между сознаніемъ и средою, между идеями и элементами природнаго процесса, перешла изъ области проблемъ въ область фактовъ. *Непрерывное взаимодействіе между эмпирически данными факторами внутренняго, психическаго, и внѣшняго, физическаго, существованія несомнѣнно.* Требуется его объяснить, объяснить *научно*, на почвѣ анализа процессовъ того и другого порядка, а не помощью туманныхъ метафизическихъ построеній,—требуется смѣло и до конца искать этого объясненія, а не уклоняться отъ него путемъ логическихъ изворотовъ, въ родѣ вопросовъ: „а что такое *взаимодействіе* между двумя предметами, что такое *причина и дѣйствіе*, что такое *субъектъ и объектъ*?“ и т. д.

Всѣ эти вопросы совершенно умѣстны въ „теоріи познанія“, но для выясненія *эмпирическаго факта* взаимной зави-

симости между процессами психическими и физическими они излишни: то или другое рѣшеніе ихъ не дастъ никакого освѣщенія этому факту.

Разъ признана постоянная связь и зависимость между процессами двоякаго порядка, то основнымъ научнымъ требованіемъ, для объясненія ея, является отысканіе такого общаго переходнаго понятія, которое бы обнимало процессы того и другого рода и объединяло ихъ какъ моменты или звенья одного и того же связнаго цѣлага. Это требованіе есть элементарное логическое требованіе для всякаго анализа, начиная съ математическаго: привести къ одному знаменателю или къ одному множителю нужно всякія сложныя величины, которыя подлежатъ сравненію и отношенія которыхъ необходимо опредѣлить. Это понимали и первые психологи эмпирической школы, которые ввели въ область психологическаго анализа понятіе психическаго *явленія*, въ параллель явленію физическому. Но, конечно, современемъ оказалось, что въ понятіи „явленій“ нѣтъ еще никакихъ признаковъ для опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній и зависимостей: явленія могутъ быть разнородны и, какъ таковыя, не имѣтъ между собою никакой прямой связи. Психофизиологія ввела въ нашу науку понятіе *психическаго процесса*, и это понятіе уже ближе къ цѣли, такъ какъ съ представленіемъ о „процессѣ“—въ области *физической*—уже соединенъ рядъ представленій о законахъ, которымъ онъ подчиненъ, и прежде всего представленіе о *законѣ сохраненія энергіи*, лежащемъ въ основѣ всѣхъ природныхъ процессовъ. Но совершенно очевидно, что если мы остановимся на понятіи „психическаго процесса“ и не постараемся выяснитъ себѣ, какимъ законамъ *этотъ* процессъ подчиненъ и подчиненъ ли онъ закону сохраненія энергіи, или нѣтъ, то понятіе „психическаго процесса“ останется пустымъ звукомъ или, можетъ быть, совершенно неумѣстной аналогіей.

Законы психическаго процесса современные психологи безъ сомнѣнія стараются выяснитъ, но одно изъ

двухъ: или они намѣренно, или же незамѣтно для себя, подставляютъ подъ понятіе „психическаго“ процесса понятіе *процесса нервно-физиологическаго*—такъ дѣлають чистые психофизиологи,—или въ попыткахъ опредѣленія природы и законовъ психическаго процесса они приходятъ къ такимъ субъективнымъ понятіямъ и формуламъ, какъ понятіе *интерцепціи* Вундта,—какъ знаменитые законы *ассоціаціи* идей, констатирующіе только фактъ, что идеи ассоціируются, т.-е. связываются между собою,—какъ, наконецъ, „законы отношенія“ Вундта, точно сформулированные въ его „Очеркъ психологіи“ (§ 23) и состоящіе 1) въ законѣ равнодѣйствующихъ, 2) въ законѣ взаимоотношенія психическихъ процессовъ и 3) въ законѣ контраста. Такъ какъ есть равнодѣйствующія, взаимоотношенія и контрасты и въ явленіяхъ и процессахъ физическихъ, то само собою понятно, что эти формулы ровно ничего не разясняютъ—не только не разясняютъ взаимной зависимости психическихъ и физическихъ процессовъ, но даже и *особенной связи и отношеній* процессовъ психическихъ между собою.

Всѣ эти мнимые законы—не научныя объясненія фактовъ, а „суррогаты научныхъ объясненій“. Что же касается до пріема смѣшенія и отождествленія понятій психическаго и физиологическаго процесса (иногда подъ именемъ психофизическаго), то этимъ пріемомъ нисколько не достигается дѣйствительнаго объединенія областей анализа психическаго и физиологическаго процесса, а просто *устраняется* вопросъ о законахъ собственно психической жизни и дѣятельности, и анализъ ихъ подмѣняется анализомъ анатомической структуры и физиологическихъ функций мозга и нервной системы. Психологія тутъ не причемъ.

Необходимо, слѣдовательно, найти такое научное понятіе и такой принципъ, которые, не нарушая и не устраняя самобытности и своеобразности психическаго процесса, въ сравненіи съ физиологическимъ и вообще физическимъ, тѣмъ не менѣе установили бы общую почву для ихъ сопоставленія, т.-е. для точнаго опредѣленія ихъ взаимной связи и зависимости.

Мы совершенно согласны съ Лассвицемъ, что если нельзя было найти этой общей почвы при посредствѣ *молекулярной теории матеріи*, которая не приложима къ анализу психологическому, иначе какъ развѣ въ формѣ уродливой и грубой метафоры Карла Фохта, что „мысль выдѣляется изъ мозга, какъ желчь изъ печени,“ — то ее можно и должно искать при помощи *методовъ энергетики*. Дѣйствительно, мы въ правѣ себѣ задать такой вопросъ: если всякій физическій, и въ частности физиологическій, процессъ подчиненъ закону сохранения энергии и объясняется теоріею энергій и ихъ превращеній, и если живою потребностью науки является отчетливое установленіе соотношенія и взаимной зависимости физическихъ и психическихъ процессовъ, то нельзя ли надѣяться, что именно при посредствѣ понятія энергии и закона сохранения энергии удастся выполнить поставленную выше задачу?

Вѣдь понятіе энергии очень общее и отвлеченное понятіе. Если мы говоримъ теперь о *физическихъ* энергіяхъ, то потому, что гораздо ранѣе привыкли говорить о *психической* энергіи и самое основное понятіе „энергіи“ безъ сомнѣнія взяли изъ области психологическаго опыта (внутренняго опыта нашей жизни, работы, усилій и напряженія)*). Вопросъ о примѣнимости закона сохранения энергии въ физическомъ смыслѣ къ психической работѣ, въ которой проявляется психическая энергія, конечно, особый вопросъ, и мы подробно его разберемъ въ слѣдующихъ главахъ.

Здѣсь мы хотѣли только показать, что въ ближайшее время не предвидится никакой иной почвы, кромѣ ученій энергетики, для научнаго сопоставленія понятій психическаго и физическаго процесса, т.-е. для рѣшенія вопроса о характерѣ взаимной зависимости между психическою дѣятельностью и физическою работой. Энергетическое ученіе дѣйствительно способно внести единообразный прин-

*) Вспомнимъ исторію его возникновенія и значенія хотя бы въ системѣ Аристотеля.

ципъ въ анализъ психическихъ и физиологическихъ процессовъ. Всѣ же прочія quasi-научные принципы, понятія и точки зрѣнія психологій устарѣли, и само понятіе *души*, какъ основы своеобразныхъ явленій сознанія, можетъ получить новый смыслъ и научное освѣщеніе только на почвѣ разработки понятія психической энергіи и закона ея сохраненія и превращеній.

Теперь намъ предстоитъ выполнить труднѣйшую часть задачи, а именно подвергнуть анализу понятіе психической энергіи въ связи съ понятіемъ *энергіи вообще* и съ ученіемъ о ней наукъ „физическихъ“. Эта часть задачи строго критическая, такъ какъ общее физическое ученіе объ энергіи, въ его настоящемъ видѣ, еще не вполне можетъ удовлетворить логически-мыслящаго философа, да не удовлетворяетъ безусловно, какъ мы видѣли, и самихъ натуралистовъ, такъ какъ ученіе Оствальда, наприм., предъявляетъ къ теоріи энергіи новыя требованія, которыя до сихъ поръ не выполнены естествознаніемъ.

IV.

Послѣдующимъ анализомъ намъ предстоитъ обосновать слѣдующія четыре положенія:

1. Понятіе психической энергіи столь же законно въ наукѣ, какъ и понятіе энергіи физической, и психическая энергія имѣетъ такія же количественныя мѣры и разнообразныя формы, какъ и физическая.

2. Въ организмѣ чловѣка происходитъ постоянная трансформация физическихъ энергій въ психическія и психическихъ въ физическія, т.-е. постоянный обмѣнъ тѣхъ и другихъ.

3. Психическія энергіи, какъ и физическія, постоянно переходятъ изъ потенциальнаго состоянія въ кинетическое и изъ кинетическаго въ потенциальное, причемъ понятіе „психической потенциальности“ граничитъ съ понятіемъ „физической (физиологической) потенциальности“.

4. Хотя не выработаны и не изобрѣтены еще точныя

мѣры для измѣренія психическихъ энергій при ихъ превращеніи въ физическія или изъ физическихъ, но нѣтъ никакихъ, — ни логическихъ, ни фактическихъ — основанийъ для отрицанія приложимости общаго природнаго или мірового закона сохраненія энергии къ душевнымъ процессамъ и работѣ чисто психической, а также къ анализу интенсивности и качественного содержанія психической работы въ ея соотношеніи съ интенсивностью и формами физической работы.

Мы не будемъ излагать здѣсь въ подробностяхъ всего ученія объ энергій въ наукахъ физическихъ, а также исторіи ученія о законѣ сохраненія энергии — этого знаменитаго и истинно плодотворнаго ученаго открытія 40-хъ годовъ, — роли въ немъ Роб. Ю. Майера, Джоуля и Гельмгольца, а въ дальнѣйшей его разработкѣ — знаменитыхъ физиковъ Клаузіуса, Томсона, Максвелла, Рэнкина, Тэта, Тиндала, Гирна, и др. *) Однако мы считаемъ необходимымъ, ради ясности послѣдующаго анализа, формулировать физическое ученіе объ энергій и о законѣ сохраненія энергии въ тѣхъ немногихъ общихъ положеніяхъ, къ которымъ оно въ сущности сводится и которыя мы заимствуемъ изъ ряда физическихъ руководствъ и монографій **):

*) Прекрасное и отчетливое изложеніе ученія объ энергій и о законѣ сохраненія энергии, въ его исторіи и основахъ, съ философской точки зрѣнія, читатель найдетъ въ упомянутой уже нами статьѣ Н. Н. Страхова «О законѣ сохраненія энергии» въ «Вопрос. филос. и псих.», кн. 6 (1891 г.), перепечатанной во 2-мъ изд. его «Міра какъ цѣлое» (С.-Пб. 1892). Укажемъ также читателю на популярный очеркъ М. Ю. Гольдштейна «Ученіе объ энергій и его роль въ философіи», напечатанный недавно въ журналѣ «Міръ Божій», С.-Пб. 1896, авг. и сент., кн. 8 и 9. Въ этой статьѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ наглядное и удобопонятное изложеніе постепеннаго хода открытій, приведшихъ къ обобщенію закона сохраненія, а также развитія ученія объ энергій въ новѣйшей физикѣ. Въ статьѣ же Страхова особенно любопытенъ анализъ логическаго хода мыслей, приведшаго Майера и Гельмгольца, «безъ помощи новыхъ опытовъ и новыхъ фактовъ», къ обобщенію закона сохраненія энергии и распространенію его на всѣ области физики.

**) См. особ. Максвелл, «Матерія и движеніе»; Ed. Riecke, Lehrbuch der experim. Physik. Leipz., 1896; Lasswicz, Die moderne Energetik u. die kinetische Atomistik, во II ч. Gesch. der Atomistik, 1890, и др. Его же. Die moderne Energetik in ihrer Bedeutung für die Erkenntniskritik, Philosophische Monatshefte, XXIX Band, 1893, Heft 1—2, 3—4.

1. Энергія есть *способность тѣла совершать*, при извѣстныхъ условіяхъ, *работу*, т.-е. движеніе вопреки препятствіямъ. Каждое тѣло имѣетъ или обнаруживаетъ опредѣленное количество энергіи.

2. Энергія можетъ быть въ каждомъ тѣлѣ *кинетическою* (или энергіею движенія) или же *потенціальною*, т.-е. могущею обнаружиться при устраненіи непобѣдимыхъ для работы препятствій.

3. Энергія каждаго тѣла (или матеріальной системы) не можетъ быть ни увеличена, ни уменьшена никакимъ дѣйствіемъ между частями этого тѣла или системы, хотя можетъ быть превращена въ любую изъ формъ, къ какимъ она вообще способна, не исключая и потенциальной (общая формула закона сохраненія энергіи по Максвеллу).

4. *Работа* есть *перенесеніе энергіи* отъ одного тѣла или системы на другое: *количество энергіи, отданной* однимъ тѣломъ, *всегда въ точности равно количеству энергіи, принятому* вторымъ. Поэтому если включить оба тѣла въ болѣшую систему, то *энергія всей системы отъ работы не увеличится и не уменьшится* (вторая дополнительная формула закона сохраненія энергіи).

5. Всякія *перенесенія и превращенія энергіи другъ въ друга* могутъ наступать лишь тогда, когда въ мѣстахъ соприкосновенія источниковъ энергіи *напряженность ея различна*.

6. *Потенціальная энергія*, по ученію механики, связана съ *пространственной конфигураціей тѣла или системы, кинетическая* выражается въ *скорости движущихся массъ*.

7. Каждое тѣло, находящееся въ движеніи, имѣетъ *количество энергіи, пропорціональное половинѣ произведенія массы этого тѣла на квадратъ скорости его движенія*.

8. Всякое *измѣненіе потенциальной энергіи въ системѣ, уединенной отъ дѣйствія другихъ, связано съ равнымъ (по количеству), но противоположнымъ измѣненіемъ кинетической, и на оборотъ* (Ed. Riecke, I, § 98).

Изъ такой формулировки основныхъ положеній *физической энергетик* обыкновенно дѣлаютъ заключеніе, что это уче-

ніе никакъ не можетъ найти себѣ никакого приложенія въ области *чисто-психической работы*, гдѣ, повидимому, не можетъ быть рѣчи ни о „тѣлахъ“, какъ носителяхъ энергій, ни о „конфигураціи“, ни о „массѣ“, ни о „квадратѣ скорости движенія“. Но провѣримъ это слишкомъ поспѣшное заключеніе и вдумаемся глубже въ приведенныя только что общія положенія энергетики.

Прежде всего напомнимъ уже изложенное ученіе новѣйшихъ энергетистовъ съ Оствальдомъ во главѣ.

Что такое *тѣло*?—Пространственно очерченная часть матеріи.—А *матерія*?—Это *неизвѣстный* носитель или источникъ *энергій*.—По мнѣнію Оствальда, его можетъ даже вовсе *не существовать*. Матерія есть „ein Gedankending“, предметъ нашего измышленія — во всякомъ случаѣ не болѣе реальный, чѣмъ духъ,—также какъ тѣло не болѣе реально, чѣмъ душа. Оствальдъ думаетъ, что предикатъ „реальности“ приложимъ только къ энергій, что энергія или сумма энергій и есть то, что мы называемъ тѣломъ и веществомъ, т.-е. тѣмъ нѣчто, что дѣйствительно *существуетъ* въ физическомъ смыслѣ (съ этой точки зрѣнія, законъ сохраненія энергій оказался бы, можетъ быть, полною замѣной закона сохраненія вещества?). Такъ думаетъ уже достигшій славы химикъ-натуралистъ, наука котораго, по обыкновенному опредѣленію, есть „наука о веществахъ“ (или веществахъ). Правъ или не правъ этотъ химикъ, покажетъ будущее, но во всякомъ случаѣ онъ ясно обнаружилъ, что ученіе объ энергій можетъ обходиться безъ понятія „тѣла“, такъ какъ *тѣло* есть лишь агрегатъ или, если такъ можно выразиться, *конфигурація энергій*, т.-е. извѣстное *проявленіе для нашихъ чувствъ* — нашей воспринимающей способности—нѣкоторой ихъ комбинаціи или суммы. Слѣдовательно, ни понятіе тѣла, ни понятіе конфигураціи для идеи „психической энергій“ не опасны. *Масса* (т. наз. тѣла), по убѣжденію Оствальда, есть только „способность проявлять энергію движенія *), т.-е. по просту говоря,

*) Оствальдъ, между прочимъ, ясно показываешь, какъ строго-научное понятіе „массы“, какъ *инварианты*, расширившись въ понятіе „матерія“ или

извѣстный запасъ энергіи движенія и ея единство *). Остаются, слѣдовательно, *способность движенія въ пространствѣ и ея скорость*, какъ такія понятія, къ которымъ, повидимому, несводимы представленія о психическихъ процессахъ, и при помощи которыхъ въ механикѣ математически формулируется законъ энергіи. Но по этому поводу замѣтимъ, что приведенное нами седьмое основное положеніе ученія объ энергіи имѣетъ даже въ физической энергетикѣ условное значеніе. Во 1-хъ, оно является только формулою для измѣренія кинетической энергіи, такъ какъ о „квadratъ скорости движенія“ въ примѣненіи къ потенциальной энергіи покоящагося тѣла не можетъ быть рѣчи **); во-2-хъ, какъ формула теоретической механики или энергетики движенія тѣлъ въ пространствѣ, она не представляетъ собою *прямого* критерія и нормы для измѣренія энергій теплоты, электричества, химизма, лучистой энергіи и т. д., а является лишь *косвеннымъ*, такъ сказать переводнымъ и иносказательнымъ выраженіемъ мѣръ этихъ энергій, при реальномъ или предположительномъ превращеніи ихъ въ энергію механическаго движенія***). Такъ

„матеріальной массы“, постепенно вобрало въ себя чуждые ему признаки матеріальнаго тѣла—признаки объема, тяжести и химическихъ свойствъ. См. I. с., стр. 10—11, 27 и слѣд.

*) По словамъ Лассвица: «Ostwald vollzog den bedeutungsvollen Schritt die Masse ausdrücklich als dritte allgemeine Einheit der Physik fallen zu lassen und dieselbe durch die Einheit der Energie zu ersetzen. An Stelle des Gramms tritt der Erg...» (Die moderne Energetik, I, стр. 2).

***) Ср. статью А. И. Введенскаго: „Атомизмъ и энергетизмъ“.

***) Лассвицъ въ упом. нами статьѣ «Die moderne Energetik и проч.» говоритъ по этому поводу еще въ 1893 году слѣдующее: «Es war das Bestreben der mathematischen Naturwissenschaft die Erscheinungen als Grössen auszudrücken vermöge der Einheiten von Raum, Zeit u. Masse (Centimeter, Secunde, Gramm). Je weiter indessen Wärme, Chemismus, Magnetismus, Strahlung, als Gebiete selbständiger Forschung sich entwickelten, um so künstlicher erschien die versuchte Zurückführung der in ihnen auftretenden specifischen Energien auf die Masse. Denn diejenige Grösse, durch welche Aequivalenz zwischen den Wirkungen dieser verschiedenen «Naturkräfte» besteht, ist nicht die Masse, sondern die Energie. Die Energetik, welche in den letzten Jahren als eine allgemeine Theorie der Energie sich herausgebildet hat, liess die Masse immerher als eine speciell auf die Mechanik beschränkte Maasbeziehung hervortreten» (Einleit., стр. 1: Monatsh. XXIX, 1 Heft).

какъ и психическая энергія, при превращеніи ея въ физиологическую и физическую, въ концѣ концовъ принимаетъ форму движенія извѣстной массы съ извѣстной скоростью, то „косвенное“ измѣреніе психической энергіи *въ ея кинетическомъ состояніи* этимъ механическимъ способомъ (т.е. путемъ ея механическаго эквивалента) такъ же мало исключено, какъ таковое же измѣреніе энергій теплоты, электричества, химизма и пр.,—тѣмъ болѣе, что фактъ распространенія психической энергіи въ пространствѣ съ извѣстнымъ ускореніемъ, при переходѣ ея въ физическія формы (а затѣмъ обратно въ психическія), не подлежитъ сомнѣнію. Если идеи извѣстной личности, чрезъ посредство ея сочиненій, болѣе или менѣе *быстро* распространяются *по свѣту*, при чемъ ими проникаются сотни тысячъ личностей въ разныхъ странахъ, или на нихъ реагируютъ,—такой случай происходитъ на нашихъ глазахъ съ ученіемъ Л. Н. Толстого, — и если эти идеи, чрезъ посредство физическихъ буквенныхъ знаковъ, воспринимаемыхъ глазомъ при помощи свѣтовыхъ лучей, увеличиваютъ или ослабляютъ психическую энергію множества человѣческихъ организмовъ, или же видоизмѣняютъ ея проявленіе и формы ея разряженія, — то развѣ это не *фактъ*, доказывающій, что и психическая энергія должна имѣть эквиваленты въ движеніи пространственномъ, совершающемся съ извѣстною скоростью и имѣющемъ извѣстное ускореніе во времени?

Вообще же, если искать дѣйствительно общихъ или общеобязательныхъ формулъ ученія объ энергіи и о законѣ ея сохраненія, то всѣ приведенныя нами выше положенія получатъ болѣе отвлеченный, простой и менѣе страшный для психологовъ-спиритуалистовъ характеръ.

Мы лично не думаемъ, чтобы Оствальду и другимъ химикамъ и физикамъ когда-либо удалось совершенно разложить вещество на энергіи и превратить матерію и тѣла въ чистѣйшія фикціи человѣческаго воображенія, хотя бы уже потому, что наше собственное тѣло мы непосредственно ошущаемъ, какъ *реальность*, не переводя-

мую всецѣло — ни абсолютно, ни относительно — на реальности его энергій. Во всякомъ случаѣ ученіе Оствальда есть только физическая гипотеза, и матерія еще не уничтожена. „Палка есть палка“, и за энергіей ея удара, повидимому, остается еще нѣчто, не разложимое на сумму чистыхъ энергій, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнихъ средствахъ науки. Если даже палка сгорѣла въ огнѣ, не оставивъ пепла, то и тогда нельзя допустить, чтобы изъ нея, кромѣ энергій, не выдѣлилось какихъ-нибудь веществъ, а именно газообразныхъ. Итакъ, допустимъ, что матерія есть, и тѣла есть, хотя бы только газы или, даже, въ концѣ концовъ эфиръ, какъ единственный и послѣдній носитель энергій. Несомнѣнно все-таки, что понятіе „тѣла“ — *относительное* и что если даже механика предпочитаетъ замѣнять это понятіе отвлеченнымъ понятіемъ „системы“, то философія для того *x*, который является носителемъ и источникомъ энергій, въ правѣ подыскивать *не менѣе отвлеченное* выраженіе, которое не было бы только терминомъ механики и физической динамики. Пусть такимъ выраженіемъ будетъ безобидный терминъ „дѣятеля“, въ эмпирическомъ смыслѣ двигателя или источника всякихъ перемѣнъ и всякаго движенія, который, однако же, можетъ находиться и въ состояніи покоя (какъ готовый къ движенію паровозъ, стоящій у станціи, или какъ спящій въ своей постели геній) *).

При такомъ условіи всѣ приведенныя выше положенія примутъ слѣдующую болѣе общую форму:

1. *Энергія* есть способность дѣятеля совершать при извѣстныхъ условіяхъ работу, т.-е. движеніе вопреки препятствіямъ. Каждый дѣятель представляетъ собою определенное количество энергій.

2. Энергія въ каждомъ дѣятелѣ можетъ быть *кинетической* или *потенціальной*.

3. Энергія каждаго дѣятеля не можетъ быть *ни увеличена, ни уменьшена* никакимъ дѣйствіемъ между его элементами,

*) Въдѣ и тѣло, какъ вмѣстилище и источникъ энергій, есть дѣятель.

хотя можетъ быть превращена въ любую изъ формъ, на какія вообще энергія способна.

4. Работа есть перенесеніе энергіи одного дѣятеля на другой: количество энергіи, отданной однимъ дѣятелемъ, всегда въ точности равно количеству энергіи, принятому вторымъ. Но если оба дѣятеля (или болѣе) разсматривать какъ замкнутую въ себѣ систему или какъ одного дѣятеля высшаго порядка, то энергія всей этой системы отъ работы не увеличится и не уменьшится *).

5. Всякое перенесеніе или перемѣщеніе, или превращеніе энергіи другъ въ друга можетъ наступить лишь тогда, когда при соприкосновеніи дѣятелей напряженность ихъ энергіи различна.

6. Количества потенциальной и кинетической энергіи даннаго дѣятеля, независимо отъ дѣйствія на него другихъ дѣятелей, взаимно другъ друга дополняютъ и составляютъ вмѣстѣ величину постоянную.

Седьмое положеніе, какъ мы видѣли, равно какъ и вторая часть шестого, выражали собою лишь методическій приемъ и критерій измѣренія отдѣльныхъ кинетическихъ энергіи путемъ переведенія ихъ въ простѣйшую форму энергіи механическаго движенія или механической работы.

Спрашивается: при такой отвлеченной, но въ существѣ правильной формулировкѣ физическаго ученія объ энергіи и закона сохраненія энергіи, можно ли говорить о психической энергіи въ томъ же строго-научномъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ объ энергіи физической?

Мы настаиваемъ на понятіи психической энергіи, а не психофизической энергіи Лассвица, теорію котораго мы изложили выше. Разница существенная, и вотъ въ чемъ она состоитъ.

*) «Die Energie eines Gebildes kann ihre Gesamtgrösse nur dadurch ändern, dass sie an andere Gebilde durch die Begrenzung des Gebildes Energie abgibt oder von ihnen aufnimmt. Bei allen Veränderungen bleibt die Gesamtsumme der Energie constant. Dies ist der Satz der Erhaltung der Energie». (Lasswitz, Die moderne Energetik..., I, стр. 11).

Понятіе „психофизической энергіи“ представляется намъ двусмысленнымъ и внутренне-противорѣчивымъ. Одно изъ двухъ: или всякая энергія можетъ быть разсматриваема, какъ психофизическая энергія (о чемъ мы говорили выше), или специальная психофизическая энергія Лассвица есть не что иное, какъ физиологическая энергія нервной ткани. Но тогда понятіе это слѣдуетъ дифференцировать на два частныхъ понятія: 1) чисто-физической или просто нервно-мозговой энергіи и 2) психической энергіи. Если мы въ правѣ говорить о „психофизикѣ“, какъ наукѣ, изучающей соотношеніе и взаимную зависимость *физическихъ* и *психическихъ* процессовъ, и о „психофизиологіи“, какъ наукѣ, изучающей связь и отношеніе *физиологическихъ* и *психическихъ* процессовъ, то именно потому мы и не въ правѣ вводить въ психологію понятія „психофизической“ или „психофизиологической“ энергіи, какъ такого понятія, въ которомъ слились бы факторы двоякаго рода процессовъ, различаемыхъ нами въ самыхъ терминахъ „психо-физики“ и „психо-физиологіи“. Нервно-физическая или нервно-мозговая энергія есть несомнѣнная реальность, признанная наукой и составляющая необходимый постулатъ энергетики и „органической физики“, которая, впрочемъ, какъ особая наука, находится еще только въ зародышѣ. Но на-ряду съ нервно-мозговой энергіей столь же несомнѣнно существуетъ *психическая* энергія, какъ особая форма природныхъ энергій, проявляющаяся при своемъ дѣйствіи для самосознанія (или внутренняго опыта) особыми признаками или явленіями: сознанія, ощущенія, чувствованія, стремленія и т. п.,—подобно тому, какъ и физическія энергіи и движенія проявляются для нашего сознанія различными и своеобразными признаками, которые опредѣляются ихъ *воспріятіемъ* (во внѣшнемъ опытѣ), т.-е. нашими *ощущеніями* (свѣта, цвѣта, звука, тона, давленія, вкуса, запаха и проч.). Какъ уже ясно видно изъ всего предшествующаго изложенія, мы допускаемъ превращенія этой психической энергіи во всѣ другія формы энергій природы—въ энергію нервную, химическую, электрическую, термическую и двигательную, какъ

и этихъ послѣднихъ въ психическую, но это не значитъ, что понятіе *психической* энергіи менѣе законно и менѣе реально, чѣмъ понятія прочихъ энергій природы.

Мы постоянно говоримъ о психической или душевной энергіи и работѣ людей, объ ихъ умственной, волевой, нравственной, творческой, дѣятельной энергіи, употребляемъ выраженія—энергичный, не энергичный, мало энергичный человѣкъ, разумѣя большую или меньшую силу воли, инициативы, настойчивости и постоянства въ преслѣдованіи цѣлей,—говоримъ, что душевная энергія у человѣка ослабѣла или возросла, сосредоточилась на томъ или другомъ предметѣ и т. п. Всѣ эти выраженія намъ всѣмъ понятны, и мы едва ли нашли бы иной, лучшій способъ обозначенія для фактовъ, которые этими терминами обнимаются. Что мы собственно подъ всѣми этими выраженіями подразумѣваемъ? То, что человѣкъ, при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, можетъ проявить большую или меньшую способность психической дѣятельности, усилій и напряженія, или, что то же, способности болѣе или менѣе интенсивной, экстенсивной и быстрой психической работы—работы умственной, творческой, внутренне-волевой (когда онъ справляется съ своими чувствами, желаніями и аффектами) или внѣшне-волевой, когда онъ настойчиво осуществляетъ свои цѣли вовнѣ, въ окружающей средѣ. Психическая или душевная энергія есть *фактъ*, а не „измышленіе“; различіе частныхъ формъ психической энергіи есть тоже фактъ:—энергія воли, энергія мысли, энергія чувства, энергіи воспріятія, памяти, воображенія, творчества, — все это различныя формы психической энергіи, давно отмѣченныя психологами сначала въ ученіи о *способностяхъ* (или силахъ) души, затѣмъ въ ученіи о различныхъ классахъ психическихъ *явленій*. Но понятія „способностей“ и „явленій“ не удовлетворяютъ нынѣ психологовъ. „Способности“ души являлись какими-то отдѣльными „существами“, между собою взаимодействующими и борющимися, но не имѣющими функціональной связи, отчего на почвѣ этого ученія и могла возникнуть только без-

плодная метафизика и мистика. „Явленія“ сознанія, какъ справедливо указываетъ Лассвицъ, конечно, тоже не могутъ имѣть между собою функціональной связи, ибо они суть *только* явленія, проявленія, признаки какихъ-то болѣе глубокихъ функціональныхъ отношеній. Только понятіе психической энергіи, какъ единой и однородной природной формы „способности къ работѣ“, которая можетъ принимать то или другое направленіе и потому такъ или иначе проявляется въ моментахъ и фазахъ *единого психическаго процесса*, можетъ вполне удовлетворять глубокой потребности функціональнаго *объединенія* всего психическаго содержанія, всей психической жизни и дѣятельности. И если въ современной психологіи господствуетъ направленіе „волюнтаризма“, т.-е. признаніе коренной *активности* психическаго бытія, то это ученіе о психической активности можетъ найти на почвѣ ученія о „психической“ энергіи рядъ такихъ *научныхъ формулъ*, какими психологія до сихъ поръ не обладала при своемъ чисто-субъективномъ или интроспективномъ методѣ анализа. Но, само собою, для этого необходимо связать ученіе о психической энергіи съ ученіемъ о прочихъ энергіяхъ природы, оправдать мысль, что психическая энергія только *одна изъ формъ* — конечно, высшая форма—общей и единой энергіи природы и что она подчинена въ своихъ обнаруженіяхъ и превращеніяхъ,— какъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ, всеобщему природному или міровому *закону сохраненія энергіи* *).

Для этого необходимо показать, что психическая энергія

*) Вопросъ о *квалификаціи* энергій какъ *высшихъ* и *нижнихъ*, т.-е. болѣе сложныхъ и болѣе простыхъ, мы не считаемъ празднымъ вопросомъ. Если энергія движенія всецѣло превратима въ энергію теплоты, а энергія теплоты не превратима вполне въ энергію механическаго движенія (на чемъ основано извѣстное ученіе объ энтропіи Томсона и Клаузіуса), то это указываетъ на разный порядокъ этихъ энергій въ природѣ. Энергія электричества выше и сложнѣе энергій теплоты, энергія жизненная (физиологическая или органическая), конечно, еще сложнѣе и выше, а энергія психическая (энергія сознанія), конечно, высшая и самая сложная. Вѣроятно, наука современемъ точно установитъ порядокъ энергій, по степени ихъ сложности и простоты, выразивъ его мате-

подлежитъ количественной оцѣнкѣ, представляетъ собою известную форму превращенія другихъ энергій природы и сама въ нихъ *непрестанно превращается*, что ей свойственны тѣ же переходы изъ *потенціальною* состоянія въ *дѣятельное*, или кинетическое, и обратно,—съ вѣроятностью сохраненія общей ея мѣры,—какъ и такъ называемымъ физическимъ энергіямъ, т.-е. что законъ сохраненія энергій *нисколько не нарушится*, если мы допустимъ, что въ общую сумму энергій природы входитъ, какъ слагаемое, особая „психическая энергія“. Эти тезисы мы и постараемся оправдать въ слѣдующихъ двухъ главахъ.

V.

Истина, что психическая энергія, говоря вообще, подлежитъ количественной оцѣнкѣ, представляется безспорною. Мы уже указывали на то, что популярное сознаніе, въ сужденіяхъ о различной душевной энергіи личностей, давно признало возможность такой количественной оцѣнки,—какъ всей душевной энергіи челоуѣка въ ея совокупности,—такъ и отдѣльныхъ частныхъ ея формъ. Во всѣхъ сужденіяхъ нашихъ о душевныхъ качествахъ людей подразумевается сама собою такая количественная оцѣнка: въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о большихъ или меньшихъ способностяхъ людей, о ихъ талантливости, даровитости, геніальности, о слабыхъ и сильныхъ характерахъ, о большей или меньшей чувствительности, воспримчивости, внимательности, о каче-

матическими формулами подобно тому, какъ найдены химіей рядъ элементовъ вещества. Можетъ быть, въ противоположность взглядамъ современной физики, будетъ признано, что энергія теплоты выше энергіи движенія, какъ не вполне превратимая въ нее, и что каждая высшая энергія, какъ болѣе устойчивая, все менѣе и менѣе превратима въ энергію механическаго движенія, а психическая—*наименѣе превратима* (въ общей ея суммѣ). Тогда теорія физической энтропій, т.-е. разсѣянія энергіи, весьма пессимистическая по отношенію къ судьбѣ матеріальнаго міра, окажется основаніемъ для оптимизма въ отношеніи къ психической энергіи и ея судьбамъ: всѣ энергіи природы могутъ быть современемъ превратятся въ непревратимыя ни во что болѣе, устойчивыя психическія энергіи... Регрессъ въ матеріальной сферѣ окажется условіемъ прогресса въ психической или духовной.

ствахъ памяти, воображенія, эстетическаго и нравственнаго развитія и т. д. Можно сказать, что *всякая квалификація* душевныхъ свойствъ человѣка, т. е. опредѣленіе его умственныхъ, нравственныхъ и другихъ качествъ и достоинствъ, есть въ то же самое время и *квантификація* его психической энергіи, той или другой ея формы, а общая квалификація *личности* въ такихъ выраженіяхъ, какъ умный, способный, даровитый, глупый, ограниченный человѣкъ и т. п., есть такъ или иначе и общая квантификація *всей* ея душевной энергіи.

Но само собою разумѣется, что отъ возможности общей количественной оцѣнки еще далеко до точнаго измѣренія. И общее популярное сознаніе всегда искало *математическихъ* и *физическихъ* мѣръ для этой оцѣнки: самымъ нагляднымъ образчикомъ этого исканія является изобрѣтеніе бальной системы для оцѣнки умственныхъ способностей, прилежанія и дѣйствительной работы учащихся. Общественная оцѣнка духовныхъ заслугъ,—умственныхъ, нравственныхъ, художественныхъ и иныхъ,—путемъ постановки памятниковъ, бюстовъ, портретовъ, путемъ поднесенія дипломовъ и адресовъ, разныхъ подарковъ и вѣнковъ, путемъ апплодисментовъ и шиканій—развѣ все это не любопытные, хотя и примитивные, образчики неотразимаго стремленія людей *физическими мѣрами и знаками* возможно точно выразить *психическую мѣру* оцѣниваемой въ данной личности *душевной* энергіи и проявленной ею психической *работы*? И не такого же ли рода, хотя весьма несовершенную попытку представляютъ изобрѣтенныя правительства табель о рангахъ, іерархія должностей, система оплаты и награжденія государственныхъ заслугъ? Ученныя степени и художественные ранги, призы во всякихъ умственныхъ спортахъ, въ родѣ шахматныхъ состязаній, все это—попытки квантификаціи различныхъ формъ психической энергіи и ея проявленій въ работѣ. Языческія религіи пытались даже установить систему квантификаціи *духовной* энергіи своихъ боговъ путемъ различныхъ знаковъ и приемовъ ихъ почитанія. Аналогію съ этимъ представляютъ *народные* приемы почитанія святыхъ различнаго ранга.

Итакъ, когда мы говоримъ о душевныхъ „достоинствахъ“ и о „степени развитія“ духовныхъ существъ, то въ этихъ понятіяхъ подразумѣвается оцѣнка мѣры душевной энергии, какъ потенциальной, такъ и кинетической, а также часто ихъ взаимныхъ отношеній.

Само собою разумѣется, что отмѣченная нами популярная ариѳметика и алгебра не имѣютъ ничего общаго съ приемами точной науки. Но изъ забавъ дѣтей можно вывести заключеніе о будущихъ стремленіяхъ и задачахъ взрослыхъ. У всѣхъ приемовъ и методовъ науки было свое дѣтство, свое младенческое прошлое. Астрологія предшествовала астрономіи, алхимія—химіи, ученіе о жизненныхъ силахъ и жизненныхъ духахъ — современной научной физиологіи и біологіи, знахарство—медицинѣ. Нужно ли умножать примѣры? Давно ли изобрѣтены „точные мѣры и формулы“ для измѣренія и опредѣленія физическихъ энергій и ихъ отношеній? Давно ли возникла, наприм., термодинамика съ ея формулами? Чтобы найти точныя мѣры какой-либо энергии, нужно прежде всего поставить задачу ея измѣренія. Задача измѣренія психической энергии отчасти поставлена психофизикой уже около 50 лѣтъ тому назадъ, и всѣ работы Вебера, Фехнера, Вундта, вся современная экспериментальная психологія есть не что иное, какъ рядъ попытокъ измѣренія психической работы и психическихъ движеній въ ихъ интенсивности, скорости и экстенсивномъ распространеніи точными, научными методами. Но можетъ быть для нахожденія вполнѣ точныхъ и общихъ мѣръ и приемовъ измѣренія не доставало въ этой области именно принциповъ и методовъ энергетики; можетъ быть, медленность успѣховъ зависѣла отъ недостаточно ясно поставленной задачи „отысканія механическихъ или физическихъ эквивалентовъ психической энергии“, такъ какъ никому не приходило въ голову допустить *безъ окомочности*, превратимость, психической энергии въ физическія формы и обратно. Въ этой превратимости именно все дѣло: она и должна рѣшить вопросъ о законмѣрности задачи—исканія физическаго и механическаго эквивалента пси-

лической энергіи. Во всякомъ случаѣ, пока эта превратимость не будетъ допущена, до тѣхъ поръ и методовъ научнаго измѣренія психической энергіи не можетъ быть найдено: можно сказать словами Лассвица, что „слѣдуетъ предоставить будущему найти законъ эквивалентности между психической (онъ говоритъ психо-физической) и другими энергіями“ (стр. 61 упом. статьи). Вѣдь и нервно-физиологическая энергія, какъ посредствующая между психической и чисто-физическими, еще не доступна измѣренію (на что въ сущности и указываетъ Лассвиць). „Но отъ отсутствія масштабовъ для измѣренія нельзя, однако, заключать къ абсолютной невозможности измѣренія“. Лассвиць справедливо говоритъ, что „прежде чѣмъ могли найти эквивалентъ механической энергіи для другихъ энергій, явленія этихъ другихъ энергій (теплоты, электричества) должны были быть приведены къ количественнымъ формуламъ (mussten auf eine quantitative Ausdrucksweise gebracht werden); температурную скалу вывели не изъ эквивалента тепловой работы, а обратно — этотъ послѣдній при помощи первой“ (тамъ же).

Итакъ, главнѣйшая и ближайшая задача—рѣшить вопросъ, превратимы ли психическія энергіи въ физическія и физическія въ психическія? Или проще: превратима ли психическая работа въ физическую и обратно? Напомнимъ, что рѣчь идетъ здѣсь не о разнородности, однородности и взаимодействіи „субстанцій духа и тѣла“, а только о вопросѣ превращеніи энергій въ научно-эмпирическомъ значеніи этого термина.

Существуетъ ли „психическая способность производить работу“ и въ этомъ смыслѣ „психическая энергія“? Безъ сомнѣнія, существуетъ. Вся наша психическая жизнь и психическая дѣятельность есть непрерывная работа. Терминъ работы соотвѣтствуетъ столько же физическимъ, сколько и психологическимъ представленіямъ и понятіямъ. Мы говоримъ: работа мысли, работа воображенія, работа чувства, работа воли,—и это не переносныя выраженія, такъ какъ мы

ощущаемъ въ этихъ работахъ свои духовныя усилія и напряженія, ощущаемъ препятствія, которыя эти различныя работы встрѣчаютъ, устаемъ отъ нихъ, исчерпавъ извѣстный запасъ психической энергии, и отдыхаемъ *). Откуда вновь берутся исчерпанныя психическія силы? Изъ организма, даже изъ среды, путемъ питанія и дыханія, а также отъ дѣйствія свѣта, теплоты, электричества и даже отъ механическихъ толчковъ. Вліяніе питанія и дыханія, особенно во время сна, на возстановленіе исчерпанной психической энергии слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ стоило распространяться. Необходимо только замѣтить, что чрезъ питаніе и дыханіе не вещества превращаются въ силы духовныя, а физическія энергии веществъ сложнымъ фізіологическимъ процессомъ превращаются въ нервно-мозговыя и, уже чрезъ ихъ посредство, въ психическія энергии: возстановленіе нервныхъ тканей есть возстановленіе ихъ энергій, а эти энергии превращаются въ психическія. Еще нагляднѣе совершается превращеніе физическихъ энергій въ психическія, чрезъ посредство нервныхъ, при дѣйствіи на организмъ свѣта, теплоты, электричества. Въ темную, сырую погоду душевная дѣятельность человѣка подавлена, настроеніе мрачно и уныло: что-то мѣшаетъ развернуться психической энергии, или же въ ней ощущается недостатокъ. Яркое солнце, яркое освѣщеніе театральнаго или бальнаго зала повышаютъ тонъ всей психической дѣятельности. Вліянія дневнаго свѣта и ночной темноты выражаются въ смѣнѣ бодрственнаго душевнаго состоянія и сна. „Свѣтовая энергія“, безъ сомнѣнія, прямой физической агентъ, превращающійся въ энергію и работу психическую—въ томъ самомъ механическомъ смыслѣ, въ какомъ ударъ заставляетъ двигаться шаръ по плоскости. Теплота или тепловая энер-

*) Понятіе «психическаго усилія» играло и играетъ у многихъ психологовъ-спиритуалистовъ, наприм., Менъ де-Бирана, а у насъ у П. Е. Астафьева, роль регулятивнаго принципа и основоположенія для ихъ спиритуалистическихъ выводовъ. См. статью Астафьева «О свободѣ воли». (Труды Моск. Психол. Общ., вып. III).

гія, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ (какъ впрочемъ и свѣтъ) повышаетъ тонъ психической энергіи и работы. Холодъ—снотворное начало, ослабляющее душевную бодрость. Войдя съ холода въ теплую комнату, мы чувствуемъ повышение душевной энергіи. Лѣтомъ мы воспріимчивѣе и живѣе, чѣмъ зимою. Въ теплыхъ климатахъ люди,—какъ личности, такъ и народы,—психически оживленнѣе, чѣмъ въ холодныхъ: интенсивнѣе и быстрѣе воспринимаютъ, чувствуютъ, воображаютъ и мыслятъ, и обыкновенно раньше, физически и духовно, развиваются и созрѣваютъ. Нужно ли подтверждать эти факты исторіей древней и новой культуры особенно въ эпоху „возрожденія искусствъ и наукъ“? Объ энергическихъ личностяхъ мы говоримъ, что онѣ обладаютъ *тожнимъ темпераментомъ*.

Электрическая энергія, еще не вполнѣ изслѣдованными путями, тоже дѣйствуетъ на душевную энергію человѣка. Передъ грозой и во время ея человѣкъ чувствуетъ себя въ особенномъ душевномъ возбужденіи. Примѣненіе электрическаго лѣченія отражается столько же на „физикъ“, сколько и на „психикъ“ человѣка.

Даже механическое движеніе отражается на состояніяхъ психической энергіи. Встряхнувъ спящаго человѣка, мы даемъ толчокъ къ пробужденію его душевной работы. Движеніе собственнаго тѣла и членовъ возбуждаетъ умственную энергію: Дж.-Ст. Милль и Фридрихъ Ницше считали продолжительную ходьбу стимуломъ къ интенсивной умственной дѣятельности.

Подобно тому, какъ всѣ *физическія* энергіи непрерывно переходятъ чрезъ посредство нашего организма въ *психическія*, обновляя ихъ, такъ и обратно—*психическія* истощаются при переходѣ въ *физическія*. Мы уже не говоримъ о томъ, что вся психическая работа выражается въ концѣ концовъ въ физическихъ, мышечныхъ движеніяхъ и дѣятельности, которыя въ свою очередь многообразно приводятъ въ движеніе физическія тѣла въ окружающей средѣ: психическая работа есть непрерывное преодоленіе сопротивленій физиологическихъ тканей и передача имъ энергій, чѣмъ и объ-

ясняется всякое душевное утомленіе и истощеніе душевныхъ силъ, а также тотъ фактъ, что чрезмѣрное преобладеніе мускульной, физической работы, и душевно и умственно притупляетъ челоуѣка, ослабляетъ его духовныя энергіи и превращаетъ его въ рабочее животное.

Но, съ другой стороны, если психическія энергіи истощаются путемъ превращенія въ физическія, то физическія энергіи нашего организма повышаются отъ передачи психическихъ. Мы знаемъ, какъ благотворно вліяетъ на всѣ физиологическія отправленія—питанія, дыханія, кровообращенія и проч., бодрое, жизнерадостное душевное настроеніе, связанное съ интенсивностью психической работы и возбужденія. Хорошая мысль, вдохновеніе, творчество, пріятное чтеніе, бесѣда, веселая пьеса усиливаютъ всѣ тѣлесныя энергіи и функціи. Даже въ болѣзненныхъ процессахъ, въ борьбѣ съ микробами энергія организма увеличивается отъ повышенія психической энергіи (изъ ея запасовъ) вслѣдствіе надежды на выздоровленіе, неожиданной радости и т. д. Участіе, дружба, любовь и забота близкихъ, повышая тонъ психической энергіи (переводя ее изъ потенціального, скрытаго состоянія въ кинетическое), повышаютъ и тонъ физиологическихъ процессовъ и чрезъ то поддерживаютъ организмъ въ борьбѣ съ болѣзною. О психическихъ вліяніяхъ на физиологическія функціи достаточно писано *), а въ послѣднее время опыты съ гипнотизмомъ еще болѣе укрѣпили убѣжденіе въ силѣ этихъ вліяній. Для подтвержденія факта перехода психической энергіи въ физическія слѣдуетъ указать еще на одно явленіе—мимику аффектовъ и страстей, которая состоитъ въ переходѣ сильнаго душевнаго возбужденія въ сильную и часто бессмысленную жестикуляцію: такое возбужденіе иногда заставляетъ челоуѣка для ослабленія чрезмѣрно напряженной психической энергіи ломать и разрушать окружающіе предметы, кричать и шумѣть, и т. п.

*) См. особ. книжку проф. Манассеина „О значеніи психическихъ вліяній“. С.-П. 1877 (1-е изд.)

Сказаннаго достаточно для оправданія нашего общаго положенія о непрерывной трансформациі психическихъ энергій въ физическія (прежде всего въ физиологическія) и обратно. Дѣло идетъ пока очевидно о *фактахъ*, а не о *ипотезѣ*. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть самую трудную часть проблемы, а именно о балансѣ психическихъ и физическихъ энергій и о приложимости къ оцѣнкѣ психической работы и отношеній ея къ физической работѣ—закона сохранения энергій. Но прежде всего отстранимъ рядъ совершенно несостоятельныхъ апріорныхъ возраженій противъ приложимости закона сохранения къ области оцѣнки психической работы.

Эти возраженія состоятъ въ слѣдующемъ:

Если допустить, что и психическая энергія должна быть включена въ сумму энергій природы, подчиненныхъ закону сохранения энергій, то—говорятъ намъ—законъ сохранения энергій будетъ нарушенъ, потому что психическая энергія есть факторъ, никогда не входящій въ расчетъ при вычисленіи эквивалентовъ физическихъ энергій, и однако законъ сохранения энергій, именно при этомъ условіи, и оказывается вѣрнымъ. Напомнимъ приведенное уже мнѣніе Максвелла: „Психическіе дѣятели не представляютъ силъ въ механическомъ смыслѣ этого слова: еслибы это было такъ, человѣкъ могъ бы производить энергію, не уменьшая на соотвѣтствующую часть энергію своего организма или окружающей природы; по этой причинѣ эти дѣятели не представляютъ энергій“. Разберемся въ этой мысли, которая представляетъ собою несомнѣнное *petitio principii*. Конечно, еслибы кто-нибудь утверждалъ, что душевная дѣятельность предполагаетъ совершенно особенную силу и субстанцію,—что, обновляясь, психическая энергія не уменьшаетъ запаса энергій организма и не заимствуетъ никакихъ энергій изъ среды, то психическая энергія не была бы подчинена, въ измѣненіяхъ своихъ, закону сохранения энергій. И именно Максвеллъ самъ очевидно стоитъ на этой точкѣ зрѣнія и думаетъ, что психическіе дѣятели суть силы *sui generis*, откуда и выво-

дуть заключеніе, что они не суть энергии и не подчинены закону сохраненія наравнѣ съ другими энергіями. Но тутъ явное *petitio principii*, такъ какъ въ основаніи признается уже доказаннымъ то, что затѣмъ выводится въ заключеніи, а именно, что психическія силы не суть энергии и не подлежатъ дѣйствию закона сохраненія энергии. Мы утверждаемъ именно, что психическая энергія развивается *на счетъ энергій организма и среды* и уменьшаетъ другія энергіи организма.

Точно такого же рода ошибка лежитъ въ приведенномъ нами выше разсужденіи Вундта о томъ, что „прирость психической энергии совмѣстимъ съ постоянствомъ физической энергии“ и что „непрерывности физическихъ процессовъ противостоитъ фактъ исчезновенія психическихъ цѣнностей“. Совершенно не доказано, что прирость психической энергии совершается не на счетъ уменьшенія количества физическихъ энергій организма и что исчезновеніе психическихъ цѣнностей, т.-е. перерывъ психической работы, не представляетъ собою перехода психической энергии въ какую-либо физическую форму. Мы старались, въ предшествующемъ анализѣ, доказать какъ разъ обратное, а именно, что прирость психическихъ энергій происходитъ всегда на счетъ физическихъ и что психическая энергія истощается только вслѣдствіе превращенія ея въ физическую. Очевидно, и въ основаніи утвержденій Вундта лежитъ *petitio principii*, т.-е. допущеніе, требующее само доказательства, а именно, что психическая энергія есть такая энергія, которая во всѣхъ свойствахъ своихъ противоположна физической, а потому существуетъ и пополняется сама изъ себя.

Аргументъ Н. Н. Стрехова противъ предположенія о единствѣ физической и психической энергии, заключающійся въ томъ, что, падая съ высоты, мы не можемъ напряженіемъ душевной энергии измѣнить ни направленія, ни силы паденія, опровергается, во-первыхъ, тѣмъ, что ловкіе акробаты, привыкшіе владѣть мышцами во время полетовъ въ воздухѣ, при нечаянномъ паденіи иногда очень ловко, усиленіемъ воли и напря-

женіемъ извѣстныхъ мышцъ, на подобіе кошекъ, измѣняютъ положеніе тѣлесныхъ органовъ и падаютъ на ноги, не разбиваясь (мы сами однажды видѣли въ циркѣ такой случай). Если же для большинства людей невозможно произвольно измѣнять направленіе паденія своего тѣла и для всѣхъ во обще—*силу тяжести* тѣла, то это не аргументъ противъ допущенія превратимости психической энергіи въ физическія формы, такъ какъ первый фактъ объясняется неприспособленностью нервномышечнаго аппарата къ упомянутымъ эволюціямъ, а второй вытекаетъ именно изъ закона сохранения энергіи: переходъ психической энергіи въ физическія формы или, наоборотъ, не можетъ ни уменьшить, ни увеличить общей суммы энергій организма, а слѣдовательно массы и вѣса его. Обратный фактъ былъ бы чудомъ. Совершенно ясно, что и Н. Н. Страховъ для того, чтобы считать свой аргументъ значительнымъ, долженъ былъ заранѣе уже допускать, что психическая сила не есть энергія и что она не входитъ въ сложеніе или въ одну общую сумму съ физическими энергіями организма. Вообще, всѣ извѣстные намъ аргументы противъ подчиненія психической работы закону сохранения энергіи построены по типу слѣдующаго разсужденія: „психическія силы суть особыя силы въ природѣ, эти особыя силы не суть энергіи въ смыслѣ физики,—слѣдовательно, эти силы не подчинены закону сохранения энергіи, какъ элементы единой энергіи природы“. Но именно въ основѣ этого разсужденія и лежитъ *petitio principii*, ибо первая посылка не доказана, и все наше предшествующее и послѣдующее разсужденіе направлено на доказательство ея невѣрности и произвольности.

Можно еще предвидѣть одно апріорное возраженіе противъ приложимости закона сохранения энергіи къ области соотношенія энергій психической и физическихъ, которое тоже полезно заранѣе устранить, чтобы расчистить себѣ путь для дальнѣйшихъ разсужденій. Это возраженіе могло бы исходить отъ Лассвица и вообще физиологовъ, допускающихъ существованіе нервно-мозговой или, какъ выра-

жается Лассвицъ, „психофизической“ энергіи. Если существуютъ нервно-мозговая энергія и вообще особыя физиологическія энергіи въ нашихъ органическихъ тканяхъ, подчиненныя общему закону сохраненія энергіи, наравнѣ съ прочими энергіями природы, то какая же еще можетъ быть особая психическая энергія въ природѣ, входящая въ систему энергій, какъ *реальный* факторъ, и подчиненная вмѣстѣ съ нимъ закону сохраненія энергіи? Нужно ли это допущеніе, нужно ли это *удвоеніе* энергій, участвующихъ въ психофизиологическомъ процессѣ? Если мозгъ есть среда и носитель нервно-мозговой энергіи, то какая же еще среда можетъ и должна быть признана носителемъ спеціально психической энергіи? На эти вопросы отвѣтимъ кратко: нервно-физиологическая работа не есть еще работа психическая, работа непремѣнно сопровождающаяся психическими состояніями и сознаниемъ. Не говоря объ органахъ чувствъ, нервныхъ проводникахъ, о спинномъ мозгѣ и о нѣкоторыхъ частяхъ головного, собственная физиологическая работа которыхъ повидимому происходитъ совершенно за порогомъ сознанія и психической дѣятельности,— даже высшіе элементы коркового вещества большого мозга, какъ признаютъ сами физиологи, производятъ значительную часть своей работы независимо отъ всякой сознательной психической дѣятельности: „безсознательная церебрація“, по выраженію Карпентера и другихъ психо-физиологовъ, есть фактъ несомнѣнный, существующій параллельно факту сознательной психической дѣятельности. Психофизики, устанавливающіе понятіе „психофизической энергіи“, должны противопоставлять его — понятію просто-физиологической или „физической энергіи мозговыхъ и нервныхъ тканей“. Мы дѣлаемъ то же самое противопоставленіе, но въ другихъ терминахъ, противопоставляя не „психофизическую“ энергію „нервно-физиологической“, а „психическую“ — „нервно-мозговой“ (конечно, физиологической), при чемъ не отрицаемъ возможности различія этой послѣдней еще отъ растительно-физиологической энергіи тѣхъ же тканей. Эта терминологія

точнѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному отношенію понятій. Подъ психической энергіей мы разумѣемъ, слѣдовательно, ту часть энергіи нашего организма, которая выражается въ чисто психической работѣ—сознательно-волевой.

Что касается до вопроса о носителѣ или средѣ этой энергіи, то мы лично склоняемся въ этомъ отношеніи въ сторону неоднократно высказанной въ наукѣ гипотезы *невъсомой, эфирной среды*, какъ *механическаю субстрата* психическихъ явленій, а мы скажемъ,— „психической энергіи“. Особенно тонко и остроумно изложилъ эту „динамическую“ гипотезу, въ главнѣйшихъ ея основаніяхъ, членъ Московскаго Психологическаго Общества физикъ Н. И. Шишкинъ въ статьѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ *). Конечно, дѣло идетъ пока только о гипотезѣ, но несомнѣнно также, что единство сознанія и субъекта въ психической дѣятельности болѣе объясняется динамическою гипотезой эфирной среды въ мозгу и нервной системѣ, съ ея особой „психической“ энергіей, потенциальной и кинетической, чѣмъ обычными, нисколько не болѣе достовѣрными анатомо-физиологическими гипотезами, основанными на „молекулярной теоріи матеріи“ и локализуемыми всѣ психическія отправления въ отдѣльныхъ частяхъ и клѣткахъ мозга. Послѣдовательнымъ выводомъ изъ посылокъ анатомо-физиологической гипотезы было бы предположеніе, что и наше „центральное, объединяющее сознаніе“, — сознаніе *я, личности*, локализуется въ какой-нибудь центральной нервной *клеткѣ* какой-либо доли мозга. Но это напомнило бы наивное ученіе Декарта о „*glandula pinealis*“, какъ мѣстѣ пребыванія души. Динамическая гипотеза эфирной среды не можетъ впасть въ такой абсурдъ, въ какой неизбежно должна впасть материалистическая гипотеза, построенная исключительно на анатомо-физиологическихъ данныхъ.

Итакъ, есть основаніе для разграниченія понятій

*) См. „Вопр. филос.“, 1889—1890, кн. 1, 2 и 3, статью Шишкина „О психофизическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи“.

„психической“ энергии и „нервно-мозговой“—не меньше, чѣмъ для разграниченія „тепловой“ и „свѣтовой“, или „свѣтовой“ и „электрической“—въ физикѣ, и нѣтъ основаній для апріорныхъ отрицаній гипотезы, что въ нервно-мозговомъ аппаратѣ есть особая невѣсомая, эфирная среда, являющаяся носителемъ этой энергии. Послѣднюю проблему разрѣшить такъ или иначе будущая наука. Для насъ же ближайшимъ образомъ существенно то, что, вводя въ психологию понятіе „психической энергии“, мы выдѣляемъ въ это понятіе лишь часть той энергии, психо-нервно-мозговой или физиологической (органической), которая уже признается реально существующей и входящей въ сумму энергій природы физиологами-динамистами и энергетистами. Слѣдовательно, предполагая, что психическая энергія подчинена общему „закону сохраненія энергии“ при своихъ превращеніяхъ въ другія формы энергии, и прежде всего въ нервно-мозговую, мы а priori не входимъ ни въ какое противорѣчіе съ ученіями физики о законѣ сохраненія энергии. Намъ скажутъ, что мы проповѣдуемъ новую форму матеріализма, такъ сказать—„динамическій матеріализмъ“. На это предположеніе мы отвѣтимъ въ заключительной части статьи *), а теперь возвратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ фактическихъ данныхъ наблюденія и опыта, которыя привели насъ къ убѣжденію, что существуетъ количественный балансъ между психическими и физическими энергіями въ организмѣ, и что психическая работа подчинена, наравнѣ съ физической, закону сохраненія энергии.

VI.

Прежде всего отмѣтимъ нѣкоторыя категоріи фактовъ, указывающихъ на то, что въ каждомъ человѣкѣ (о животныхъ уже и не говоримъ) существуетъ несомнѣнно коли-

*) Лица, знакомыя съ нашими прежними статьями и работами въ области психологии и философіи, едва ли въ правѣ заподозрить насъ въ сочувствіи къ матеріализму въ какой бы ни было формѣ.

чественный баланс его психическихъ энергій, которыя принимаютъ различныя формы, но въ общемъ и въ совокупности своей составляютъ извѣстную, болѣе или менѣе постоянную величину, вслѣдствіе чего развитіе однѣхъ формъ энергій идетъ въ ущербъ другимъ.

Мы уже указывали на то, что у однихъ людей мы признаемъ больше психической энергій, у другихъ меньше, что, говоря о талантахъ, геніальности, способностяхъ, развитіи мы всегда совершаемъ извѣстнаго рода к в а н т и ф и к а ц і и психическихъ энергій человѣка. Мы до такой степени убѣждены въ опредѣленной о г р а н и ч е н н о с т и душевныхъ энергій человѣка, что ищемъ признаковъ этой ограниченности у самыхъ геніальныхъ людей и убѣждаемся на основаніи фактовъ, что эта ограниченность всегда подтверждается, что развитіе однѣхъ душевныхъ энергій всегда идетъ отчасти въ ущербъ другимъ. Такъ, наприм., сильное напряженіе и развитіе психической энергій въ сторону умственной дѣятельности и впечатлительности ума сказывается часто ослабленіемъ чувствительности и воли: очень умные люди бываютъ часто или слабохарактерными, или черство-разсудочными натурами. Наоборотъ, сильное развитіе чувства и аффективности, требующее большой затраты душевныхъ энергій, часто сопровождается ослабленіемъ умственныхъ интересовъ и способностей и также сопровождается слабостью волевой и дѣятельной энергій, т.-е. общей активности. Сильное развитіе воли и дѣятельной энергій обыкновенно происходитъ въ ущербъ чувствительности и умственной производительности. Развитіе памяти части идетъ на счетъ развитія воображенія или сообразительности, и на оборотъ. Всѣ эти положенія, основанныя на общеизвѣстныхъ фактахъ, можно было бы иллюстрировать тысячью примѣровъ изъ біографій извѣстныхъ личностей— ученыхъ, писателей, художниковъ, администраторовъ, общественныхъ дѣятелей, религіозныхъ борцовъ, а также путемъ правдивыхъ образовъ, созданныхъ художниками слова, не говоря объ иллюстраціяхъ, даваемыхъ повседневною жизнью, т.-е. примѣрами окружающихъ —

друзей, родныхъ, знакомыхъ, учителей, учениковъ, и пр. Количественный балансъ душевныхъ энергій неизмѣнно сказывается не только въ общихъ душевныхъ типахъ, темпераментахъ, характерахъ и проч., но и въ различномъ распредѣленіи этихъ энергій въ каждой личности въ разные періоды развитія, при разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ жизни. То, что мы называемъ личностью, постоянствомъ характера (Шопенгауэръ), темперамента, типа, конечно, остается болѣе или менѣе стойкимъ только количественно и въ самыхъ общихъ качественныхъ отношеніяхъ, а въ частности и подробностяхъ происходятъ постоянныя превращенія однѣхъ формъ психической энергіи въ другія, причемъ общая ихъ сумма стремится удержаться въ извѣстномъ равновѣсіи. Когда же она сильно измѣняется, количественно или качественно, то мы увѣрены, что имѣемъ дѣло съ случаемъ патологическимъ. Такъ, наприм., когда въ человѣкѣ замѣтно ослабѣваетъ общая интенсивность его душевной энергіи или исчезаетъ какая-либо специальная форма ея, мы увѣрены, что онъ боленъ, что въ немъ происходитъ серьезный патологическій процессъ. Когда такъ сильно измѣняется распредѣленіе и соотношеніе психическихъ энергій, что общій душевный складъ субъекта дѣлается неузнаваемымъ, мы иногда предполагаемъ наступленіе той формы душевнаго расстройства, которая называется двойственностью личности или множественностью личностей. Конечно, объясненіе многихъ изъ этихъ фактовъ возможно только на почвѣ анатомо-физиологическихъ расстройствъ. Но и психологическая энергетика могла бы пролить на нихъ много свѣта, особенно если связать ее съ нервно-мозговой энергетикой: многія функціональныя нервныя расстройства пришлось бы выводить изъ соотношенія психическихъ факторовъ, а именно изъ отклоненія отъ нормы въ равновѣсіи психическихъ энергій, а не наоборотъ — это послѣднее изъ первыхъ. То же самое можно сказать и относительно научнаго объясненія обыкновенныхъ душевныхъ расстройствъ, вызванныхъ причинами нравственными и другими чисто-психическими,

когда люди сходятъ съ ума отъ горя, неудачъ, разочарованій и т. п.

До сихъ поръ мы говорили о балансѣ дѣятельныхъ (кинетическихъ) психическихъ энергій, обнаруживающемся въ психической работѣ. Но надо сказать, что въ общей суммѣ психическихъ энергій важная роль принадлежитъ и энергіямъ потенциальнымъ. Ежедневно въ томъ явленіи, которое мы называемъ сномъ, вся сумма нашихъ душевныхъ энергій на болѣе или менѣе продолжительное время переходитъ изъ состоянія дѣятельнаго въ потенциальное: сознание исчезаетъ, душевная дѣятельность прекращается или же слабо мерцаетъ—какъ тусклый свѣтъ лампадки—въ нашихъ сновидѣніяхъ и грезахъ *). Но и помимо этого обычнаго ежедневнаго перехода всѣхъ нашихъ душевныхъ энергій въ состояніе потенциальное, къ которому мы такъ приглядѣлись, что не останавливаемся въ достаточной мѣрѣ на его *загадочности*, исчезающей только съ точки зрѣнія энергетической теоріи **), можно указать еще рядъ фактовъ, подтверждающихъ все значеніе понятія потенциальности въ примѣненіи къ душевнымъ энергіямъ. Память наша, какъ складъ всѣхъ нашихъ опытовъ, знаній, идей, чувствъ, стремленій, есть непрерывная потенциальность наибольшаго запаса нашихъ психическихъ рабочихъ энергій. Родовая память, выражающаяся въ психической наслѣдственности, обнаруживающейся постепенно въ процессѣ духовнаго развитія ребенка, юноши и зрѣлаго человѣка, точно также является формою потенциальнаго состоянія нашихъ душевныхъ энергій. Да и то, что мы называемъ способностями и талантами человѣка, несомнѣнно является въ наибольшей мѣрѣ суммою энергій потенциальныхъ, а не кинетическихъ. Про соотношеніе

*) См. нашъ подробный анализъ и классификацію сновидѣній въ статьѣ „Сновидѣнія какъ предметъ научнаго анализа“. Кіевъ, 1878 г.

**) Вѣдь нельзя же *обяснять* явленіе сна утверженіемъ, что „душа засыпаетъ“ (это тождество), или тѣмъ, что „душа на время выходитъ изъ тѣла“ (взглядъ нѣкоторыхъ мистиковъ), или тѣмъ, что только мозгъ погружается въ оцпенѣніе, а душа „продолжаетъ бодрствовать“ (въ немъ).

потенціальныхъ и кинетическихъ психическихъ энергій можно сказать то же, что и относительно физическихъ, т.-е. что сумма ихъ опредѣленная (хотя и не абсолютно постоянная) и что онѣ другъ въ друга переходять, причемъ общее количество ихъ не измѣняется—иначе какъ въ смыслѣ затраты психическихъ энергій въ работѣ—на преодоленіе препятствій, т.-е. при переходѣ психическихъ энергій въ нервныя и мышечныя, равно какъ и обратно—при работѣ организма, которая вновь возстановляетъ потраченныя формы психической энергіи. Вотъ объ этой-то двойкой работѣ намъ и предстоитъ теперь сказать. До сихъ поръ мы говорили только о балансѣ чисто-психическихъ энергій, признавая ихъ величиною или суммою болѣе или менѣе постоянною, въ предѣлахъ внутренняго психическаго взаимодействія. Теперь намъ предстоитъ вернуться вновь къ вопросу о соотношеніи и балансѣ энергій психическихъ и физическихъ (нервно-мозговыхъ и вообще физиологическихъ) въ организмѣ, ибо—само собою—съ нашей точки зрѣнія это важнѣйшій пунктъ въ вопросѣ о приложимости закона сохраненія къ измѣренію работы душевной.

Если мы должны были признать, что въ общемъ сумма душевныхъ энергій въ каждой личности остается болѣе или менѣе постоянною, испытывая превращенія изъ однѣхъ формъ въ другія, кинетическихъ—въ кинетическія, потенциальныхъ—въ кинетическія, и обратно, то это постоянство, какъ продуктъ общей организаціи, несомнѣнно дано только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Психическія энергіи каждой личности все-таки непрерывно колеблются, убываютъ и прибываютъ—въ предѣлахъ между извѣстнымъ максимумомъ и минимумомъ (для каждой данной психической организаціи). Колебанія эти можно объяснить только постоянными переходами въ организмѣ психическихъ энергій въ физическія и на оборотъ.

Если мы отвлечемся на время отъ всякихъ метафизическихъ гипотезъ дуализма или монизма, спиритуализма или матеріализма, то встрѣтимся съ слѣдующими несомнѣнными

фактами, о которыхъ мы уже говорили выше въ общихъ чертахъ:

1. Душевные энергии нами тратятся, расходуются въ работѣ,^{*)} которую мы производимъ надъ организмомъ и его тканями, что и выражается въ колебаніяхъ нашихъ чувствованій—состояній удовольствія, неудовольствія, страданія, радости, печали и т. д.—при испытываемыхъ уменьшеніяхъ и увеличеніяхъ въ соотношеніи запасовъ душевныхъ энергій сравнительно съ ихъ тратою. Теорія этихъ колебаній и ихъ психическаго значенія, а также классификація съ этой точки зрѣнія, различныхъ чувствованій и чувствъ была подробно разработана нами въ „Психологіи чувствованій“ *). Мы упоминали также, что эта теорія вновь проводится Лассвицемъ—какъ основаніе его ученія о психофизической энергіи.

2. Расходованіе и уменьшеніе дѣятельныхъ психическихъ энергій, также какъ ихъ возстановленіе и усиленіе, можно объяснить *только* переходомъ душевныхъ энергій въ физическія энергіи организма и обратно. Когда мы говоримъ о переходѣ психическихъ энергій изъ кинетическаго состоянія въ *потенціальное*—въ явленіяхъ сна, въ явленіяхъ родовой и индивидуальной памяти, то мы должны помнить, что понятіе „психической“ потенціальности тѣсно граничитъ съ понятіемъ потенціальности „физической“ или „нервнофизиологической“. Только при допущеніи *невѣсомой* среды и ея *особой* энергіи (психической), какъ это дѣлаетъ Н. И. Шишкинъ**), мы избѣгнемъ въ этомъ случаѣ необходимости полного отождествленія психической и нервно-физической потенціальности, но и тогда должны будемъ признать, конечно, что есть эквивалентное отношеніе между количествомъ потенціальной психической и потенціальной нервно-физиологической энергіи.

*) См. отдѣлъ III. Ср. также прекрасную монографію L. Dumont. Théorie de la sensibilité, Paris, 1875.

**) См. упом. статью «О психо-физическихъ явленіяхъ», особенно главы XI—XV.

3. Ежечасно мы убѣждаемся, что преобладаніе въ человѣкѣ душевныхъ и умственныхъ энергій и психической работы сказывается ослабленіемъ физическихъ, особенно мышечныхъ, силъ и что, наоборотъ, преобладаніе растительныхъ и животныхъ энергій и физическихъ отправленій сказывается ослабленіемъ умственныхъ и духовныхъ энергій. Эти факты можно объяснить *только* балансомъ и взаимною превратимостью психическихъ и физическихъ энергій другъ въ друга на точномъ основаніи закона сохраненія энергіи.

Прямымъ доказательствомъ этихъ превращеній являются: сопровождающіе сонъ растительные процессы, какъ условія возстановленія душевныхъ энергій, особенно творческихъ, и, съ другой стороны, тѣ физическія послѣдствія, которыя сопровождаютъ въ человѣкѣ сильное развитіе психической энергии, наприм., въ умственной работѣ (усиленіе мочевыхъ выдѣленій и пр.) или, еще болѣе, въ аффектахъ и волненіяхъ, когда душевное напряженіе разрѣшается въ сильной жестикуляціи, о чемъ мы уже говорили.

Необходимо здѣсь вспомнить и о дѣйствиі наркотическихъ ядовъ на психическія отправленія. Дѣйствуя непосредственно на нервную систему, они въ то же время усиливаютъ или ослабляютъ психическую энергію. Если мы признаемъ, напр., что виновъ умѣренныхъ количествахъ усиливаетъ умственную дѣятельность, пробуждаетъ творчество, увеличиваетъ остроуміе и игривость мысли, возбуждаетъ чувства, усиливаетъ волненія и аффекты, пробуждаетъ страсти, вызываетъ на откровенность и правдивость, дѣлаетъ однихъ добрѣе, другихъ злѣе и проч., и проч., то неужели эти факты можно толковать иначе, какъ не прямымъ превращеніемъ нервно-физическихъ энергій въ психическія? То же самое можно сказать и относительно дѣйствиі на психическую сферу человѣка другихъ ядовъ—никотина, ээира, морфія, опія, гашиша и проч. Всѣ эти яды тѣмъ и привлекательны для человѣка, что они обладаютъ способностью временно усиливать или ослаблять разряженія психической энергии, или измѣ-

нять направленіе и характеръ этихъ разряженій, послѣ чего, конечно, наступають соотвѣтствующія реакціи, какъ въ нервной системѣ и ея работѣ, такъ и въ распредѣленіи психической энергіи, отъ чего зависятъ извѣстныя всѣмъ перемѣны въ душевномъ настроеніи.

Вообще, мнѣніе многихъ людей, что психическія и физическія энергіи не имѣють ничего между собою общаго и не подчинены въ своемъ соотношеніи закону сохраненія энергіи, представляетъ собою печальное заблужденіе. Это мнѣніе, между прочимъ, опровергается тѣмъ фактомъ, что животная чувственность и развратъ убиваютъ душевныя энергіи человѣка, ослабляютъ память, воображеніе, творческія способности и проч., а физическое воздержаніе и умѣренность, напротивъ, въ общемъ увеличиваютъ душевныя энергіи и сберегаютъ ихъ. Всякое физическое наслажденіе есть отчасти трата психической энергіи, а воздержаніе отъ него является часто сбереженіемъ не только физическихъ, но и психическихъ силъ. Среди интеллигентовъ иногда встрѣчаются люди эпикурейскаго образа мыслей, безъ разчета трапящіе физическія энергіи организма и нервной системы на наслажденія, совершая при этомъ одновременно усиленную трату энергій и на умственную работу, творчество и т. п. Они думаютъ, что физическія и духовныя силы ихъ не имѣють ничего общаго между собою и что послѣднія неистощимы. Но такіе люди тратятъ несомнѣнно капиталъ энергій всего своего организма (безразлично — физическихъ и психическихъ), и, въ концѣ концовъ, такое мотовство приводитъ ихъ къ тѣлесному и душевному банкротству: иногда они сходятъ съ ума, а иногда превращаются къ концу жизни въ физическія и умственные или нравственные руины. Другіе люди, наоборотъ, экономно трапящіе всѣ свои энергіи, живутъ до конца здоровыми, растутъ духовно и умирають идеально. Есть, однако, и въ области душевной работы скупцы и скряги, которые слишкомъ берегутъ всѣ энергіи своего организма и „зарываютъ свои таланты въ землю“, не тратя энергій и на прожиганіе жизни. Этихъ

„Обломовыхъ - Плюшкиныхъ“ особенно много въ нашемъ отечествѣ.

Не можемъ не привести по поводу всѣхъ этихъ разсужденій совершенно *этической* экскурсъ изъ новой книги Вл. Соловьева „Оправданіе добра“ (С.-Пб. 1897), который вполне соотвѣтствуетъ нашимъ мыслямъ: „Разумъ,—говоритъ Соловьевъ,—открываетъ человѣку, что всякое реальное явленіе и отношеніе въ мірѣ подчинено *непреложному закону сохранения энергіи*. Плотскія влеченія стремятся связать душу съ поверхностью природы, съ матеріальными вещами и процессами, и превратитъ внутреннюю потенціальную безконечность человѣческаго существа въ дурную внѣшнюю безмѣрность страстей и похотей. Совѣсть, уже въ основной, элементарной своей формѣ, стыдѣ, осуждаетъ этотъ путь какъ недостойный, а разумъ показываетъ, что онъ пагубенъ, и почему онъ пагубенъ: по закону сохранения энергіи, чѣмъ болѣе душа *расточается* наружу, на поверхность вещей, тѣмъ менѣе у нея остается внутренней свободной силы, чтобы проникнуть до существа природы и овладѣть имъ. Ясно, что человѣкъ можетъ дѣйствительно одухотворить природу, или возбудить и поднять въ ней внутреннюю жизнь, только отъ избытка собственнаго одухотворенія, и столь же ясно, что это собственное одухотвореніе человѣка можетъ совершаться только на счетъ его внѣшнихъ, наружу обращенныхъ душевныхъ силъ и стремленій. Силы и стремленія души должны *вбираться внутрь*... Требуется вовсе не отреченіе человѣка отъ внутренняго воздѣйствія на природу и отъ культурнаго труда, а только перестановка жизненныхъ цѣлей и волевого центра тяжести. Внѣшніе предметы, за которыми большинство людей страстно гоняется какъ за цѣлями, тратя на нихъ свои внутреннія душевныя силы — чувства и воли, должны всецѣло стать средствами и орудіями, а внутреннія силы, собранныя и сосредоточенныя въ себѣ, должны быть приложены какъ могучій *рычагъ*, чтобы поднять тяжесть вещественнаго бытія, подавляющаго

и разсѣянную душу человѣка и раздробленную душу природы“.

„Нормальный принципъ экономической дѣятельности есть экономія, сбереженіе, скопленіе психическихъ силъ чрезъ превращеніе одного вида душевной энергіи (внѣшней или экстенсивной) въ другой видъ энергіи (внутренней или интенсивной). Человѣкъ или расточаетъ свою чувственную душу, или собираетъ ее“ (стр. 629—631).

Приведенныя слова чистѣйшаго спиритуалиста и метафизика настолько соотвѣтствуютъ существу и нашего ученія о психическихъ энергіяхъ и о законѣ сохраненія энергіи, которому онѣ подчинены, наравнѣ съ прочими энергіями природы, что мы не можемъ прибавить къ нимъ никакихъ оговорокъ, кромѣ замѣчанія, что „душа“, по терминологіи Вл. С. Соловьева, и есть въ данномъ случаѣ наша психическая энергія и что говорить о расточеніи, тратѣ и собираніи „психической энергіи“ удобнѣе для научной психологіи, чѣмъ о расточеніи и скопленіи души. Во всякомъ случаѣ мысли Соловьева послужатъ намъ поддержкою и въ проведеніи тѣхъ идеалистическихъ тезисовъ, которые мы выскажемъ въ концѣ своего разсужденія.

Теперь, возвращаясь къ ходу нашего изложенія, мы должны сказать, въ заключеніе, что если всѣ извѣстные намъ факты жизни и дѣятельности психическихъ существъ, съ человѣкомъ включительно, ясно подтверждаютъ тѣ положенія, что 1) психическія энергіи суть такія же количества и величины, какъ и физическія, 2) что онѣ взаимно превратимы другъ въ друга, какъ различныя формы психической работы и психической потенціальности, 3) что точно также онѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, превратимы въ физическія энергіи и обратно (чрезъ посредство организма), то очевидно нельзя а priori отвергать 4) приложимость закона сохраненія энергіи въ сферѣ душевной дѣятельности, а слѣдуетъ искать его оправданія и про-

вѣрки путемъ изобрѣтенія особыхъ критеріевъ и мѣръ или масштабовъ для измѣренія количествъ психическихъ энергій. Общій путь для этого нами уже указанъ: а именно тезисъ о „превратимости“ психическихъ энергій въ физическія и намѣчаетъ этотъ путь, который долженъ состоять въ отысканіи механическихъ эквивалентовъ психической работы, прежде всего въ связи съ измѣреніемъ *физиологической работы нервныхъ тканей*, а затѣмъ и ихъ чисто-физическихъ проявленій. Первые шаги въ этомъ направленіи уже сдѣланы въ измѣреніи термо- и электро-динамическихъ условій работы мозга, нервовъ и мышечной системы *). Не намъ, психологамъ, разрѣшить эту техническую задачу до конца. Мы должны ожидать ея разрѣшенія отъ физиковъ-физиологовъ. Вѣдь и вся современная психометрія, въ духѣ работъ Вундта и его учениковъ, задаваясь цѣлью найти „методы измѣренія“ и „измѣрители“ для *интенсивностей* и *скоростей* психическихъ процессовъ есть путь къ установленію пріемовъ для рѣшенія упомянутой задачи. Но пусть же всѣ эти работы проникнутся духомъ энергической методы и тогда онѣ быстрѣ приведутъ къ цѣли. Во всякомъ случаѣ напомнимъ вѣрную мысль Лассвица, что отсутствіе въ наукѣ точныхъ мѣръ для приведенія той или другой энергій къ механическому эквиваленту, какъ совершенно *временный* фактъ, не служить аргументомъ ни противъ *идеи данной энергій*, ни противъ *возможности подчиненія ея закону сохраненія*.

Мы думаемъ, на основаніи вышесказаннаго, что *onus probandi* лежитъ на тѣхъ, кто отрицаетъ приложимость закона сохраненія энергій къ психологій, а не на тѣхъ, кто ее признаетъ. Дѣло, какъ мы сказали, идетъ о гипотезѣ, но столь вѣроятной, что отвергать ее а priori никто не имѣетъ права, а искать ея провѣрки—ближайшая задача точной науки.

*) См. Вильямъ Джемсъ: «Психологія». Русс. пер. С.-Пб. 1896. Глава девятая «О нѣкоторыхъ общихъ условіяхъ нервной дѣятельности», (стр. 86 и 95). Интересны и для психолога методы работъ Маттейчи, Моссо, Ломбарда, Шиффа, Амидона, Гирна и друг.

Теперь намъ предстоитъ еще коснуться важныхъ психологическихъ, метафизическихъ и общефилософскихъ слѣдствій изложенной нами гипотезы *психической энергiи и ея сохраненiя*, чтобы, съ одной стороны, предотвратить подозрѣнiя и упреки *критическихъ идеалистовъ*, къ школѣ которыхъ мы и себя причисляемъ, а съ другой—показать различiе нашего ученiя отъ ученiя *материалистовъ*, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ вывести заключенiе, что принятiе нашей теорiи равносильно полному торжеству материализма, хотя бы энергетическаго, и что съ душою, свободною волей и безсмертiемъ личнаго сознанiя этимъ путемъ будетъ навсегда покончено.

Н. Я. Гротъ.

(*Окончанiе слѣдуетъ*).

Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи.

I.

Франція всегда чутко отзывалась на всѣ просвѣтительныя движенія, а послѣдніе два вѣка неизмѣнно стояла въ ихъ главѣ. Всѣмъ извѣстно, съ какой горячей вѣрой въ могущество разума и благородство человѣческой природы выступилъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка французскій народъ на просвѣтительное поприще. Эта горячая вѣра сказалась не въ одной только тревожной и богатой событіями политической исторіи, но и въ плодотворной научной и литературной жизни. И настолько близки выдвинутыя вѣкъ тому назадъ французскимъ народомъ просвѣтительныя идеи всѣмъ и каждому, что нашли всюду, куда проникли, сочувственный отзывъ и принесли обильную жатву. Духовная культура нынѣшняго вѣка въ ея наиболѣе цѣнныхъ элементахъ есть по преимуществу созданіе великихъ движеній во Франціи въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ. Теперь, когда нашъ вѣкъ приходитъ къ концу, любопытно посмотрѣть, что стало съ этой вѣрой, которая столь бодро подвигала на просвѣтительную борьбу лучшіе умы во Франціи,—окрѣпла ли она и созрѣла, или, слѣдуя за отходящимъ вѣкомъ, одряхлѣла и готовится смѣниться новой?

За отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы обратимся къ литературѣ, которая издавна признается отраженіемъ жизни, но не къ такимъ мыслителямъ, къ которымъ прислушиваются лишь немногіе, а къ авторамъ, увлекающимъ за собою ты-

сячи, такъ какъ, насколько вообще можно судить объ общественномъ настроеніи по литературнымъ произведеніямъ, только произведенія такихъ авторовъ могутъ служить камертономъ настроенія современной Франціи.

Уловить основную ноту этого камертона не трудно. Она звучитъ ясно и отчетливо: *отходящій въкъ во Франціи утратилъ всякую вѣру, жаждетъ ея, ищетъ и нигдѣ не находитъ.*

Великія идеи, руководившія просвѣтительнымъ движеніемъ нашего вѣка, общеизвѣстны: свобода, равенство, братство. Нигдѣ онѣ не принесли такого благодарнаго плода, какъ въ ихъ главномъ очагѣ—Франціи. Нигдѣ мысли и слову не дана такая свобода, какъ въ этой странѣ. Говоря словами французскаго національнаго поэта, французскій народъ гнѣвной рукой развязалъ слово, зная, что кто развязываетъ слово, тотъ освобождаетъ мысль *). Современная разнохарактерная, разнузданная до непристойности французская литература, столь часто поносимая, является на дѣлѣ показателемъ великихъ принциповъ. Гдѣ люди свободны другъ отъ друга и отъ предразсудковъ, тамъ незачѣмъ стѣсняться въ словѣ; гдѣ всѣ равны, тамъ равноправенъ всякій языкъ, аристократическій не менѣе, чѣмъ демократическій; да и какая можетъ быть принужденность въ бесѣдѣ между братьями? По мысли политическаго строя современной Франціи, весь великій французскій народъ составляетъ одно тѣло и одну душу. Различныя партіи лишь различные органы этого политическаго существа, различныя мнѣнія — различныя его мысли. И если свобода дорога всякому организму, какъ необходимое условіе правильнаго его развитія, то тѣмъ дороже она для Франціи, купившей ее цѣною такихъ жестокихъ бурь и тяжелыхъ жертвъ.

Эту свободу можно прослѣдить во всѣхъ областяхъ французской духовной жизни.

„Революція (говоритъ В. Гюго) **) звучитъ теперь въ воздухѣ, въ голосѣ, въ книгѣ. Читатель чувствуетъ ея жизнь

*) V. Hugo. Réponse à un acte d'accusation (Contemplations).

**) Тамъ же.

въ трепетномъ словѣ. Она кричитъ, она поетъ, она поучаетъ, она смѣется; ея языкъ такъ же развязенъ, какъ и мысль. Въ романѣ она тихо бесѣдуетъ съ женщинами. Она зорко смотритъ своими огненными глазами, однимъ на гражданина, другимъ—на мыслителя. Она беретъ за руку свою сестру, свободу, и заставляетъ ее проникать въ каждого человѣка чрезъ всѣ его поры. Предразсудки, выросшіе подобно коралламъ, изъ темной груди вѣковыхъ злоупотребленій, распадаются подъ ударомъ волнующихся словъ, полныхъ ея воли, ея цѣли, ея души. Она въ прозѣ, она въ стихахъ, она въ театрѣ; она—выраженіе, она—чувство, фонарь на улицѣ и звѣзда на небѣ. Она проникаетъ въ неизмѣримыя глубины языка. Она заявляетъ о себѣ въ искусствѣ, этомъ громогласномъ рупорѣ. Волею Божіей она, наполнивъ свою гордостью народъ, сгладивъ старыя морщины на его челѣ, поднявъ униженную толпу и сдѣлавшись правомъ, теперь стала идеей!“

Но ни въ одной области французской духовной жизни революціонные отзвуки не сказались столь отчетливо, какъ въ такъ называемой изящной литературѣ. Историкъ французской литературы могъ бы нарисовать живую и разнообразную картину этихъ отзвуковъ отъ первыхъ проблесковъ революціоннаго сознанія и до нашихъ дней. И еслибы онъ былъ объективенъ, то долженъ былъ бы признать, что настоящее время—время перелома, когда старые идеалы продолжаютъ еще дѣйствовать силою сообщеннаго имъ великаго толчка, но уже утратили животворящее значеніе. Ясно чувствуется, что они исполнили свою задачу, такъ сильно завладѣли почвой, что старое терніе на-ряду съ ними прорасти не можетъ. Но тогда какъ въ разгаръ борьбы со старымъ началомъ они настолько наполняли собой духовное существо французскаго народа, что подавили всѣ остальныя его духовныя силы, съ тѣхъ поръ какъ опасность со стороны противодѣйствующаго начала ослабла или миновала, эти идеалы стали общимъ мѣстомъ, а подавленные ими силы тревожно рвутся къ жизни.

Великія идеи свободы, равенства, братства были, какъ всѣмъ извѣстно, подсказаны разуму главнымъ образомъ *внѣшними* социальными и политическими условіями и имѣли въ виду *внѣшнее* благоденствіе человѣка, основанное на принципахъ разума. *Человѣкъ внѣшній* со всѣми своими чувствами, вѣрованіями, мечтами, чаяніями и желаніями не только не былъ удовлетворенъ, но былъ отвергнутъ, какъ опора старого, неразумнаго начала. Теперь этотъ *внѣшній* *человѣкъ* пробуждается и проситъ пищи, и тѣмъ настоятельно, что слишкомъ долго оставался безъ нея. Но гдѣ взять этой пищи, когда старое потоптано и уничтожено, а новое еще не создано?

„Мы теперь присутствуемъ (говоритъ одинъ французскій авторъ) *) при образованіи какого-то новаго духа, то-есть новаго общаго способа разсматривать человѣка и міръ, новой логической совокупности идей, вѣрованій, чувствъ, и этотъ духъ, еще далеко не принявшій своей окончательной формы, повидимому, значительно отличается отъ того, который ему предшествовалъ, и даже, какъ и можно было ожидать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ему прямо противоположенъ“.

Когда начался этотъ переломъ, прослѣдить трудно, но въ настоящее время новыя вѣянія настолько сильны, что колеблютъ даже самыхъ крупныхъ представителей еще недавно господствовавшаго міровоззрѣнія.

Выразительнымъ образцомъ такихъ колебаній могутъ служить произведенія одного изъ наиболѣе типичныхъ французскихъ писателей, самаго популярнаго какъ во Франціи, такъ и во всемъ вообще образованномъ мірѣ, Эмиля Зола.

Для большинства читателей значеніе этого автора въ томъ, что онъ — непристойный писатель, потворствующій дурнымъ страстямъ съ цѣлью найти для своихъ романовъ широкое распространеніе. На дѣлѣ онъ писатель вполне искренній и добросовѣстный, а его своеобразности кроют-

*) Paulhan, Le nouveau Mysticisme, 1891, начало.

ся въ томъ, что онъ яркій выразитель революціоннаго духа. Въ противоположность „гнилымъ романтикамъ“, онъ вполне сознательно, во имя науки и разума, отвращается отъ внутренняго человѣка къ человѣку внѣшнему и рассматриваетъ его въ холодномъ свѣтѣ разума. Онъ говоритъ непристойности, такъ какъ убѣжденъ, что „все должно говорить, что существуютъ ужасныя слова, необходимыя какъ жестокія оковы, и что языкъ выходитъ обогащеннымъ изъ этой каторги“ *). Этимъ „смѣлымъ“ языкомъ онъ громитъ всю наличную дѣйствительность. Въ новое время не было другого писателя, который бы такъ безпошадно разоблачалъ нравственное ничтожество всѣхъ слоевъ общества. Никто еще не дѣлалъ такого дерзкаго вызова христіанской религіи, какъ Зола въ своей *Terre* **). Пророчество близкой социальной революціи никѣмъ не было высказано съ такимъ жаромъ, убѣжденіемъ и такъ картинно, какъ Зола въ *Germinal*’ѣ:

„Да, въ одинъ прекрасный вечеръ, освобожденный, разнузданный народъ пронесется по дорогамъ; онъ будетъ обгаренъ кровью горожанъ, будетъ носить ихъ головы, будетъ сѣять золото изъ выпотрошенныхъ сундуковъ. Женщины будутъ выть, мужчины будутъ словно волки съ разверзстой пастью, готовой кусать. Да, это будутъ лохмотья, топотъ грубыхъ сапогъ, ужасная, нестройная толпа, грязная, съ отвратительнымъ дыханіемъ, и она смететъ старый міръ своимъ варварскимъ напоромъ. Заполыхаютъ пожары, въ городахъ не останется камня на камнѣ, и люди возвратятся къ дикой жизни въ лѣсахъ, послѣ великаго разврата, великаго грабежа, когда бѣдныя въ одну ночь измучаютъ женъ богачей и опустошаютъ ихъ кладовыя. Тогда не останется больше ничего, ни одного благопріобрѣтеннаго гроша, ни одного преимущества, до тѣхъ поръ, пока не прорастетъ быть можетъ новая земля“ ***). Уже слышатся подземные

*) L’Oeuvre, p. 250

***) Hyacinthe—Jesus Christ.

***) Рр. 393—394.

удары: „Вырастаютъ люди: черная мстительная рать, долго прораставшая въ бороздахъ, созрѣла для жатвы грядущаго вѣка, и ея ростъ вскорѣ взорветъ землю“ *).

Если мы спросимъ, во имя чего столь рѣшительно отрицается весь современный строй, то сколько-нибудь раздѣльный отвѣтъ на этотъ вопросъ для Зола невозможенъ. Подобно большинству своихъ соотечественниковъ, онъ утратилъ вѣру въ идеаль. Въ революціонные идеалы, несмотря на радикальную окраску своего міровоззрѣнія, онъ не вѣритъ, такъ какъ не вѣритъ въ благородство человѣческой природы. Для него человѣкъ не то отвлеченное разумное существо, которое строили теоретики великой революціи, но „кровожадная и смрадная гадина, позорящая и пожирающая землю“ **). Что съ такой „гадиной“ невозможно никакое обновленіе жизни, доказываетъ современный строй, который хотя и выросъ на революціонной почвѣ, тѣмъ не менѣ отвратителенъ. Такъ называемые общечеловѣческіе идеалы добра, красоты, въ глазахъ Зола—пустая романтика. „Рукоплескать реторикѣ, восторгаться идеаломъ—все это только красивыя нервныя волненія... Намъ нужно мужество въ истинѣ, чтобы мы могли быть славными въ будущемъ, какъ были славными въ прошедшемъ“ ***). „Идеаль пораждаетъ всякія опасныя мечтанія; идеаль бросаетъ молодую дѣвушку въ объятія прохожему; идеаль побуждаетъ женщину къ нарушенію вѣрности. Какъ скоро покидаютъ твердую почву истины, открывается широкій просторъ для всякихъ безобразій“ ****). Словомъ, идеалисты—лгуны и растлѣватели *****). Мы должны брать дѣйствительность, какъ она есть, и изображать ее безъ всякаго вымысла, по руководству той науки, которая всего меньше считается съ идеализмомъ,— физиологіи. Пусть такая дѣй-

*) Тамъ же, 591.

**) Terre, p. 518.

***) Roman experimental, p. 60.

****) Тамъ же, p. 102.

*****) Тамъ же.

ствительность внушаетъ намъ отвращеніе. Зато „какъ далеки мы отъ тирадъ въ пользу добродѣтели, которыя никого не обязываютъ! Наша добродѣтель не на словахъ, а на дѣлѣ. Мы—дѣятельные работники, указывающіе на гнилыя балки, внутреннія трещины, разваливающіеся камни... Не болѣе ли полезная, серьезная и достойная эта работа, чѣмъ стоять на скалѣ съ лирой въ рукахъ и поощрять людей звонкимъ бречаніемъ?“ *) Единственное божество, которое мы можемъ признавать, „обширная природа, вѣчно производящая жизнь, жизнь цѣлая, всеобщая, проходящая отъ одного края животнаго міра до другого, чуждая высокаго и низменнаго, красоты и безобразія“ **). Единственная достойная этого божества молитва—признаніе, что человекъ—земля и въ землю превращается. „О, добрая земля, прими меня, ты, общая мать, единственный источникъ жизни! Ты, вѣчная, бессмертная, гдѣ круговращается душа міра, этотъ жизненный сокъ, разлитый до самыхъ камней и дѣлающей деревья нашими неподвижными братьями!... Да, я желаю потеряться въ тебѣ, тебя чувствую я подъ своими членами, какъ ты меня обнимаешь и воспаляешь; ты одна будешь въ моихъ твореніяхъ первичной силой, средствомъ и цѣлью, безконечнымъ ковчегомъ, въ которомъ всѣ вещи воодушевляются дуновеніемъ всѣхъ существъ“ ***). Единственный двигатель и возродитель жизни—„половой актъ, начало и непрерывное завершеніе міра“ **). Наконецъ, единственное средство найти себѣ благополучіе „при всемогуществѣ среды“ ****) — наука и разумъ. „Ты хочешь знать мое *въ-рью*?... Я вѣрю, что будущее человечества—въ прогрессъ разума чрезъ науку. Я вѣрю, что исканіе истины наукой—божественный идеаль, который долженъ человекъ себѣ поставить. Я вѣрю, что все—иллюзія и суета, за исключеніемъ

*) Тамъ же, р. 101.

**) L'Oeuvre, р. 250.

***) Тамъ же, р. 271.

****) Тамъ же, р. 250.

* ***) Тамъ же, р. 248.

сокровища истинъ, медленно прибрѣтенныхъ и которыя никогда не погибнуть. Я вѣрую, что сумма этихъ истинъ, вѣчно умножаемыхъ, дастъ въ концѣ человѣку неисчислимую силу и спокойствіе, если только не счастье... Да, я вѣрую въ конечное торжество жизни *)). „Сумма истинъ“, насколько онѣ касаются пониманія человѣческой жизни, сводится къ тремъ: всемогущество среды, роковая сила наслѣдственности, успокоеніе на сознаниі, что зло, быть можетъ, необходимо. „Подобно тому, какъ изморозь, уничтожающая посѣвы, градъ ихъ побивающій и пожигающая ихъ молнія, быть можетъ, необходимы, возможно, что кровь и слезы нужны для того, чтобы шла жизнь нашего міра“. Только легкомысленные могутъ думать, будто мы—центръ міра. Наше счастье и несчастье ничего не значатъ „въ великой механикѣ солнца и звѣздъ“. Богу мы вовсе не нужны. Доказательство на лицо: „хлѣбъ намъ дается не иначе, какъ жестокой ежедневной борьбой“ **).

Однако, пессимистическое успокоеніе на сознаниі необходимости зла для большинства людей можетъ быть только минутнымъ настроеніемъ; обыкновенно же люди живутъ надеждой на лучшее, и безъ этой надежды для многихъ жизнь была бы невыносимой. Но наука, какъ понимаетъ ее Зола, то есть какъ систематическій сводъ заключеній изъ наблюдений и экспериментовъ, безъ всякаго отношенія къ нравственному идеалу, не только не питаетъ такой надежды, а напротивъ—ее убиваетъ, свидѣтельствуя о ничтожествѣ и суетѣ всего человѣческаго въ сравненіи съ „великой механикой вселенной“. Если она и можетъ дать удовлетвореніе уму и способствуетъ внѣшнему нашему благосостоянію, то она не можетъ избавить отъ сердечной нищеты, которая переносится культурными людьми столь же тяжело, какъ матеріальная бѣдность. Сознаніе это живо въ современномъ французскомъ обществѣ, и потому Зола, какъ наблюдатель жизни, счелъ себя вынужденнымъ въ послѣд-

*) Docteur Pascal, p. 47.

**) Terre, p. 518.

нихъ двухъ романахъ измѣнить точку зрѣнія и заставляетъ своихъ героевъ искать смысла и значенія жизни не во внѣшней дѣйствительности, а въ субъективномъ мірѣ чувства, въ чаяніи того идеала, противъ котораго онъ раньше такъ ревностно боролся.

„Если рабочая масса (такъ рисуется онъ въ „Римѣ“ картину умственной и нравственной болѣзни, которой мучится этотъ конецъ вѣка *), страдаетъ отъ плохого надѣла и требуетъ, чтобы при новомъ раздѣлѣ за ней былъ обезпеченъ по крайней мѣрѣ насущный хлѣбъ, то, повидимому, не болѣе довольно и избранное общество, жалующееся на пустоту, въ которой его оставляютъ освобожденный разумъ и расширенный умственный кругозоръ. Таково знаменитое банкротство рационализма, позитивизма и самой науки. Умы, которыхъ снѣдаетъ потребность безусловнаго, утомляются осторожными попытками, медленностью науки, допускающей однѣ только доказанныя истины; ими овладѣла томительная жажда сокровеннаго, имъ необходимъ полный и непосредственный синтезъ, чтобы можно было спать покойно; и разбитые, они падаютъ на пути на колѣни, растерянные отъ мысли, что никогда не познаютъ всего, и предпочитаютъ Бога, откровенное неизвѣстное, удостовѣренное однимъ актомъ вѣры. И дѣйствительно, наука теперь не успокаиваетъ ни нашей жажды справедливости, ни нашего желанія быть обезпеченнымъ, ни той вѣковой идеи, которую мы составили себѣ о блаженствѣ, какъ не прекращающейся жизни, вѣчности наслажденій. Она только обнажаетъ міръ, она приноситъ каждому только суровую солидарность долга жизни, какъ простому фактору во всеобщей работѣ; и какъ понятенъ поворотъ сердецъ, сожалѣніе о томъ христіанскомъ небѣ, которое населено прекрасными ангелами, полно свѣта, музыки и благоуханія! Ахъ! цѣловать дорогихъ сердцу мертвыхъ, говорить себѣ, что съ ними вновь встрѣтишься, будешь жить среди

*) pp. 31—32.

лучезарнаго безсмертія и быть увѣреннымъ въ верховной справедливости, чтобы выносить проклятiе земного существованiя, и убивать такимъ образомъ ужасную мысль объ уничтоженiи, и ускользать отъ страха передъ исчезновенiемъ моего я, и успокоиваться, наконецъ, въ непоколебимой вѣрѣ, которая отлагаетъ на другой день послѣ смерти счастливое рѣшенiе всѣхъ загадокъ судьбы! Это—мечта, но народы будутъ мечтать ее еще долго. Здѣсь объясненiе того, какимъ образомъ въ концѣ этого вѣка, вслѣдствiе переутомленiя умовъ, а также вслѣдствiе глубокаго потрясенiя, въ которомъ находится человѣчество, чреватое грядущимъ міромъ, пробудилось религіозное чувство, безпокойное, мучимое идеаломъ и безконечностью, требующее нравственнаго закона и увѣренности въ высшей справедливости. Религіи могутъ исчезать, религіозное чувство создастъ новыя, даже и при наукѣ“.

„Ахъ, печальные люди,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ *), бѣдное, больное человѣчество, жаждущее иллюзіи!.. Но какъ оплодотворить всеобщее сомнѣнiе, чтобы оно породило новую вѣру, и какого рода иллюзія, какой божественный обманъ можетъ еще дать ростокъ въ современной землѣ, опустошенной со всѣхъ сторонъ, истощенной цѣлымъ вѣкомъ знанiя?“

Зола не даромъ считаетъ себя протоколистомъ современной жизни. Эта жалоба на утрату идеала и эта жажда идеала, о которыхъ онъ говоритъ, общее мѣсто въ современной французской литературѣ.

„Передо мною,—говоритъ Буржэ **),—въ настоящее время два типа молодыхъ людей—двѣ формы соблазна, одинаково страшныя и гибельныя. Одинъ—пиникъ, всегда готовый посмѣиваться. Онъ въ двадцать лѣтъ уже окончилъ счеты съ жизнью, и его религія сводится къ одному слову: „наслажденiе“, которое переводится также и другимъ: „успѣхъ“. Занимается ли онъ политикой или судебными дѣлами, ли-

*) Lourdes, pp. 595—598.

**) Disciple, préf., pp. VI—X.

тературой или искусствомъ, спортомъ или промышленностью, будетъ ли онъ офицеромъ, дипломатомъ, адвокатомъ,—повсюду онъ для себя богъ, начало и конецъ. Онъ заимствовалъ отъ современной естественной философіи великій законъ жизненной конкуренціи, и онъ примѣняетъ его къ дѣлу своего благоустройства съ жаромъ позитивизма, дѣлающимъ изъ него цивилизованнаго варвара, опаснѣйшаго изъ всѣхъ въ этомъ родѣ. Альфонсъ Додэ, съумѣвшій удивительно хорошо распознать и опредѣлить современнаго молодого человѣка, окрестилъ его именемъ *struggle for life'r*, а самъ онъ, сама эта личность охотно называетъ себя *fin de siècle*. Онъ цѣнитъ только успѣхъ, а въ успѣхѣ только деньги. Онъ убѣжденъ, читая то, что я здѣсь пишу,—а онъ читаетъ все, хотя бы для того, чтобы быть *dans le train*,—что я смѣюсь надъ публикой, обрисовывая этотъ портретъ, такъ я самъ на него похожъ. Онъ по-своему такой глубокой нигилистъ, что идеаль кажется ему комедіей у всякаго человѣка...

Такой молодой человѣкъ чудовищень, но онъ менѣе страшенъ, чѣмъ „другой, который обладаетъ всей аристократіей нервовъ, всей аристократіей ума, и можетъ быть названъ интеллектуальнымъ и утонченнымъ эпикурейцемъ, тогда какъ первый—эпикуреецъ грубый и научный. Этотъ тонкій нигилистъ—какъ страшно съ нимъ встрѣтиться и какъ онъ изобилуетъ! Въ двадцать лѣтъ онъ замкнулъ кругъ своихъ идей. Его критическій умъ, преждевременно развитый, постигъ послѣдніе результаты самыхъ тонкихъ философіи его времени. Не говори ему о нечестіи, о матеріализмѣ. Онъ знаетъ, что слово матерія не имѣетъ точнаго смысла, а съ другой стороны, онъ слишкомъ уменъ, чтобы не допускать, что всѣ религіи могутъ быть законными въ свое время. Впрочемъ, онъ никогда не вѣровалъ и никогда не будетъ вѣровать ни въ какую, точно такъ же, какъ онъ никогда не будетъ вѣровать ни во что, за исключеніемъ забавной игры своего ума, изъ котораго онъ сдѣлалъ орудіе элегантной испорченности. Добро и зло, красота и безо-

бразіе, пороки и добродѣтели ему кажутся предметами простого любопытства. Вся человѣческая душа для него лишь ученый механизмъ, котораго разборъ его интересуесть, какъ объектъ опыта. Для него нѣтъ ничего истиннаго, ничего ложнаго, ничего нравственнаго, ничего безнравственнаго. Это тонкій и образованный эгоистъ, котораго вся амбиція состоитъ въ обожаніи своего я, въ украшеніи его еще новыми ощущеніями. Религіозная жизнь человѣчества для него только предлогъ къ такимъ ощущеніямъ, точно такъ же, какъ жизнь умственная и жизнь чувства. Его развращенность гораздо глубже, чѣмъ варварскаго искателя наслажденій, она гораздо сложнѣе, и красивое имя диллетантизма, въ которое онъ наряжается, прикрываетъ его холодную жестокость, ужасную сухость. Ахъ, мы его очень хорошо знаемъ, этого молодого человѣка; мы всѣ едва не сдѣлались имъ,—мы, которыхъ слишкомъ очаровали парадоксы слишкомъ краснорѣчивыхъ учителей *); мы всѣ были имъ одинъ день, одинъ часъ. Не будь ни тѣмъ, ни другимъ изъ этихъ молодыхъ людей, мой юный братъ! Не будь ни грубымъ позитивистомъ, который злоупотребляетъ чувственнымъ міромъ, ни презрительнымъ и преждевременно избалованнымъ софистомъ, который злоупотребляетъ міромъ ума и чувства“.

„Глаза нашего поколѣнія не горятъ огнемъ,—заставляетъ говорить Альфонсъ Додэ одного изъ своихъ героев **). У насъ нѣтъ пыла ни къ любви, ни къ отечеству. Кто въ этомъ виноватъ? Ты, философъ, мыслитель, изслѣдователь, пожиратель книгъ, ты думаешь, что потерялъ свой пылъ и свѣтъ въ туманахъ нѣмецкой метафизики, ты обвиняешь книги за то, что они тебя слишкомъ рано научили и иссушили. Но мы, всѣ остальные, мы, лѣнтяи, мы, которые не читаемъ, мы должны были бы хранить въ себѣ огонь чистыхъ вѣрованій, а на дѣлѣ прямо наоборотъ. Повидимому, чтобы знать тѣ грузныя книги, которыя тебя разочаровали,

*) Намекъ на Ренана.

***) Petite Paroisse, pp. 348—349.

нѣтъ нужды ихъ раскрывать: безнадежныя идеи, которыя въ нихъ содержатся какъ въ зернѣ, формулировались и разсѣялись, и мы ихъ вдыхаемъ съ воздухомъ и жизнью, мы ихъ поглощаемъ всѣми нашими порами. Не было случая, чтобы, когда ты мнѣ приводилъ какую-нибудь изъ красивыхъ и безутѣшныхъ аксіомъ твоихъ философовъ, я бы не сказалъ себѣ: „Да, я это знаю!“ Здѣсь одно изъ тѣхъ необъяснимыхъ явленій, когда передается въ одинъ день съ одного конца пустыни въ другой, распространяясь неизвѣстно какимъ способомъ, извѣстіе о великомъ событіи. Вотъ почему мы всѣ, люди послѣдняго чекана, невѣжественные, какъ я, или ученые, какъ ты, мы всѣ поражены скукой и истощеніемъ, побѣждены до начала дѣйствія, у всѣхъ у насъ души анархистовъ, которымъ не достаетъ храбрости для дѣйствія“.

II.

Тѣмъ внушительнѣе подобныя сѣтованія (которыми безъ труда можно было бы наполнить длинный рядъ страницъ), что оплакиваемое ими явленіе не случайность, а необходимое слѣдствіе характерныхъ свойствъ французскаго народа, обусловившихъ всю его исторію. Свойствъ этихъ два: чрезвычайная подвижность чувства и вызванная этой подвижностью склонность разума усматривать въ чисто-теоретической мысли единственную норму жизни, а потому и стремленіе подчинять этой нормѣ всю вообще жизнь. Оба эти свойства, какъ сейчасъ увидимъ, различными путями повели къ одному и тому же—къ общему разочарованію и утратѣ идеала.

„Наша раса,—говоритъ Мопассанъ *),—чрезвычайно забавна по отличительнымъ свойствамъ, какихъ нельзя встрѣтить нигдѣ больше“.

Сюда принадлежитъ прежде всего „наша подвижность, которая вноситъ такое веселое разнообразіе въ наши нравы и учрежденія. Она дѣлаетъ прошлое нашей страны подоб-

*) Sur l'Eau, pp. 186—187.

нымъ удивительному роману приключеній, котораго „продолженіе завтра“ всегда полно неожиданностей, драмы или комедіи, страшнаго или смѣшнаго. Можно сердиться или негодовать, смотря по личному мнѣнію, но совершенно достовѣрно то, что нѣтъ на свѣтѣ исторіи болѣе забавной и подвижной, чѣмъ наша.

„Съ точки зрѣнія чистаго искусства,—и почему не допустить этой специальной и безпристрастной точки зрѣнія въ политикѣ такъ же, какъ литературѣ?—она не знаетъ соперницъ. Есть ли что-либо любопытнѣе и удивительнѣе событій, совершившихся вѣкъ тому назадъ?

„Что увидимъ мы завтра? Это ожиданіе непредвидѣннаго не пріятно ли въ основаніи? Все возможно у насъ, даже самыя неправдоподобныя глупости и самыя трагическія приключенія.

„Что можетъ удивить насъ? Страна, въ которой были Жанна д'Аркъ и Наполеонъ, можетъ считаться сказочной“.

Подвижность чувства свидѣтельствуетъ объ его неглубинѣ и заставляетъ переходить отъ увлеченія къ увлеченію. Но кругъ увлеченій узокъ, и въ этомъ тѣсномъ кругѣ дѣйствительность рѣдко сходится съ ожиданіемъ. Поэтому тотъ, кто живетъ увлеченіями, въ концѣ неминуемо испытываетъ пресыщеніе, разочарованіе, скуку.

Бодлэръ, самый типичный и наиболѣе читаемый изъ французскихъ поэтовъ, ясно и отчетливо подчеркнулъ эту истину, наложившую тяжелую печать на современное настроеніе Франціи.

„Среди шакаловъ, пантеръ, псовъ, обезьянъ, скорпіоновъ, коршуновъ, змѣй, кричащихъ, воющихъ, рыкающихъ чудовищъ, пресмыкающихся въ омерзительномъ звѣринцѣ нашего духа, одинъ всѣхъ безобразнѣе, злѣе, гаже. Хотя онъ не дѣлаетъ сильныхъ движеній и не издаетъ громкихъ криковъ, онъ охотно бы превратилъ землю въ развалину и своимъ зѣвкомъ проглотилъ міръ. Это—скука* *).

*) Fleurs du Mal, Préface.

Эта скука вызвана не недостаткомъ волненій и разнообразія, а избыткомъ тѣхъ и другого, и не можетъ быть устранена никакими развлеченіями, такъ какъ всѣ вообще развлеченія одинаково наскучили и такъ какъ слишкомъ продолжительная тревожная жизнь повела къ упадку силъ, препятствующему наслаждаться жизнью. Сознавая тотъ фактъ, что подобное настроеніе—обычное явленіе при завершеніи исторической жизни народовъ во время такъ называемаго упадка, представители новѣйшей французской литературы охотно называютъ себя *декадентами* *), а свое *декадентство* объясняютъ слишкомъ широкимъ и разнообразнымъ опытомъ жизни, не оставляющимъ для нихъ ничего новаго. „Я все видѣлъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—все слышалъ, обо всемъ думалъ, все понималъ, все взвѣсилъ, обо всемъ судилъ, все чувствовалъ, все испыталъ—и я ужасный декадентъ“ **). Декадентская литература предполагаетъ „все извѣстнымъ“; ея задача съ субъективной стороны въ томъ, чтобы „положить конецъ притупленію сердца“, удовлетворить „жажду той интенсивной жизни, какую создалъ прогрессъ жизни“, съ объективной—въ томъ, чтобы „анализировать сердце“ и служить „отраженіемъ“ современнаго „міра сплина“ ***). Обыкновенно авторы, частью сознательно, частью бессознательно, по свойственному французамъ духу ироніи, юмора, легкомыслія (*esprit de raillerie, esprit blagueur*), не покидающаго ихъ даже въ трудныя минуты жизни, облакаютъ этотъ сплинъ въ шутовской нарядъ. Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ духъ ихъ оставляетъ, мы слышимъ мучительно тоскливыя сѣтованія на суету суетъ, силою и выразительностью далеко оставляющія позади себя даже типическаго „Экклезіаста“ вслѣдствіе ясности сознанія, что тогда какъ для большинства людей полная радостей жизнь не только возможна, но и естественна, для тѣхъ, кто проникъ въ ея глубь, она становится невыносимой.

*) Подробнѣе о нихъ—ниже.

***) *Lanterne*, 22, 3. 1891 (*Supplément*).

***) *Vajū, L'Ecole decadente*, p. 2.

„Счастливы тѣ—говорить Мопассанъ*),—кого удовлетворяетъ жизнь, кто веселится, кто доволенъ.

„Есть люди, которые любятъ все, которыхъ все восхищаетъ. Они любятъ и солнце и дождь, снѣгъ и туманъ, шумный праздникъ и тихое убѣжище своего очага, все, что видятъ, все, что дѣлаютъ, все, что говорятъ, все, что слышатъ.

„Ведутъ ли они тихое существованіе, спокойное и довольное среди своихъ отпрысковъ, или же бурную жизнь, полную удовольствій и развлеченій, они ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не скучаютъ.

„Жизнь для нихъ родъ забавнаго спектакля, гдѣ они сами актеры, хорошая и измѣнчивая вещь, которая, не удивляя ихъ слишкомъ, восхищаетъ ихъ.

„Но другіе люди, пробѣгающіе молніей своей мысли узкій кругъ возможныхъ удовлетвореній, поражаются ничтожествомъ счастья, однообразіемъ и бѣдностью земныхъ радостей.

„Когда они достигнутъ тридцати лѣтъ, все для нихъ кончено. Чего имъ больше ожидать? Ихъ больше ничто не развлекаетъ, они закончили кругъ свойственныхъ намъ тощихъ удовольствій.

„Счастливы тѣ, кому не знакома отвратительная тошнота однихъ и тѣхъ же дѣйствій, постоянно повторяемыхъ; счастливы тѣ, у кого хватаетъ силъ каждый день вновь начинать одни и тѣ же занятія, съ тѣми же самыми жестами, около той же мебели, предъ тѣмъ же горизонтомъ, подъ тѣмъ же небомъ, ходитъ ежедневно по тѣмъ же улицамъ, гдѣ встрѣчаются тѣ же лица и тѣ же животныя. Счастливы тѣ, которые не замѣчаютъ съ неизмѣримымъ отвращеніемъ, что ничто не измѣняется, ничто не проходитъ и все утомляетъ.

„Нужно по-истинѣ обладать умомъ медленнымъ, замкнутымъ и мало требовательнымъ, чтобы довольствоваться тѣмъ,

) Sur l'Eau, pp. 54—56.

что есть. И какъ это до сихъ поръ публика нашего міра не закричала „Занавѣсь!“, не потребовала слѣдующаго акта съ другими существами, отличными отъ людей, съ другими формами, съ другими праздниками, съ другими растеніями, съ другими звѣздами, съ другими изобрѣженіями, съ другими приключеніями?“

„Возможно ли въ самомъ дѣлѣ не испытывать ненависти къ человѣческому лицу, всегда одинаковому, ненависть къ животнымъ, этимъ живымъ механизмамъ, съ ихъ неизмѣнными инстинктами, ненависть къ вѣчно одинаковымъ пейзажамъ и ненависть къ никогда не обновляемымъ удовольствіямъ?“

Облегчить сколько-нибудь эту муку пресыщенія и скуки можетъ, съ точки зрѣнія современнаго декадентства, лишь тотъ, кто способенъ ловить минуту наслажденій, главнымъ образомъ любовныхъ, мечтать, прожигать жизнь, пока она не погаснетъ.

„Все ложь,—говорить одинъ изъ новѣйшихъ и наиболѣе талантливыхъ поэтовъ *). Все-таки люби, люби, мечтай и вновь желай; предавай твое трепетное сердце тѣмъ раграмъ, которыя оно обожаетъ.

„Все суета. Все-таки вѣрь, люби безъ конца, желай и мечтай, не оставайся никогда безъ любви, помни, что жизнь коротка.

„Добродѣтелю, искусствомъ опьяняй себя; высоко носи свое сердце и голову, люби пышность, какъ царь, и такъ какъ ты не богъ, будь поэтомъ.

„Любить и мечтать—вотъ единственная реальность. Наша жизнь—быстролетная молнія, вспыхнетъ на мгновение въ небѣ и затеряется въ пространствѣ.

„Одна только страсть полна блеска; только она наполняетъ своимъ огнемъ наши смертные глаза, пока не исчезнетъ наша жизнь въ вѣчной ночи.

*) Lahor (псевдонимъ), L'illusion. Toujours (Chants de l'Amour et de la Mort).

„Расточай же себя: свѣточь, горя, разбрасываетъ свѣтъ; сожигай свое сердце, думай о могилѣ, гдѣ ты станешь прахомъ.

„Передъ нами зіяющая пропасть. Прежде чѣмъ погрузиться въ эту пучину, заставляй горѣть твое ничтожество: люби, мечтай, желай и страдай“.

Предаваться мечтамъ—наиболѣе легкое средство умѣрить тошноту пресыщенія. Но чтобы это средство было вѣрнымъ, мечты должны какъ можно меньше походить на дѣйствительность, повсюду и всегда одинаково способную внушать намъ отвращеніе.

Искать утѣшенія въ несбыточныхъ мечтахъ—истинный удѣлъ человѣка. „Истинный странникъ“ по житейскому морю тотъ,

Чьи думы и мечты имѣютъ очертанья
Летучихъ облаковъ, кто грезитъ въ тишинѣ
О наслажденіяхъ, которымъ нѣтъ названья,
О жизни, полной нѣгъ, въ невѣдомой странѣ *).

Чѣмъ воспріимчивѣе современный поэтъ къ потребностямъ времени, тѣмъ усерднѣе пытается онъ, насколько позволяетъ полетъ его фантазіи, слѣдовать этому указанію, и даетъ такимъ образомъ матеріаль для заполнения душевной пустоты тѣмъ изъ своихъ читателей, которые къ самостоятельной мечтѣ неспособны.

Мечты эти, какъ не трудно догадаться, чисто эпикурейскаго свойства.

„Какъ бы я желалъ, —мечтаетъ Мопассанъ *),—не мыслить, не чувствовать; я желалъ бы жить какъ скотъ въ ясной и теплой странѣ, въ странѣ желтой, безъ грубой и яркой зелени, въ одной изъ тѣхъ странъ Востока, гдѣ засыпаютъ безъ печали, гдѣ просыпаются безъ горестей, гдѣ умѣютъ любить безъ страданій, гдѣ едва чувствуютъ свое существованіе.

*) Baudelaire, Fleurs du Mal. Le Voyage, перев. Бальмонта.

**) Sur l'Eau, pp. 133—135.

„Я жилъ бы тамъ въ широкой и четырехугольной обители, словно въ громадномъ ящикѣ, сіяющемъ на солнцѣ.

„Съ террасы открывается видъ на море, гдѣ движутся бѣлые паруса, подобные заостреннымъ крыльямъ, какъ въ греческихъ и мусульманскихъ судахъ. Внѣшнія стѣны почти безъ отверстій. Большой садъ, гдѣ воздухъ тяжелъ подъ зонтикомъ пальмъ, составляетъ средину этого восточнаго дома. Струя воды бьетъ подъ деревьями и разлетается въ брызги, падая въ широкій мраморный бассейнъ, котораго дно усыяно золотымъ пескомъ. Я бы тамъ ежеминутно купался между двумя трубками, двумя мечтами или двумя поцѣлуями.

„У меня были бы красивые черные рабы, задрапированные въ легкія ткани, проворно бѣгающіе босыми ногами по глухимъ коврамъ.

„Стѣны у меня были бы мягкія и упругія, какъ женскія груди, и на диванахъ, расположенныхъ вокругъ комнатъ, всякихъ формъ подушки давали бы мнѣ возможность лежать во всевозможныхъ положеніяхъ.

„Затѣмъ, когда бы я усталъ отъ этого восхитительнаго покоя, отъ этого наслажденія неподвижностью и постоянной мечтой, отъ этого спокойнаго удовольствія благополучія, я бы приказалъ привести къ дверямъ бѣлаго или чернаго коня, стройнаго какъ газель.

„И я бы поскакалъ на немъ, наслаждаясь бьющимъ и опьяняющимъ воздухомъ, свистящимъ воздухомъ бѣшенаго га-лопа.

„И я промчался бы, какъ стрѣла, по той полной красокъ землѣ, которая опьяняетъ взглядъ, которой видъ такъ же вкусенъ, какъ вино.

„Въ тихій вечерній часъ я бѣшено помчался бы къ широкому горизонту, который заходящее солнце окрашиваетъ въ розовый цвѣтъ. Все становится тамъ розовымъ въ сумеркахъ: сожженные солнцемъ горы, одежды арабовъ, драма-деры, лошади и палатки.

„Розовые фламинги поднимаются съ болотъ къ розовому небу; и я сталъ бы издавать неистовые крики, утопая въ безграничномъ заревѣ міра.

„Я больше бы не видалъ, какъ вдоль троттуаровъ, среди оглушительнаго шума катящихся по мостовой фіакровъ, сидятъ на неудобныхъ стульяхъ одѣтые въ черное люди, пьютъ абсентъ и разговариваютъ о дѣлахъ.

„Я бы тамъ не зналъ ни о биржевыхъ курсахъ, ни о политическихъ событіяхъ, ни о перемѣнахъ министерствъ, обо всѣхъ этихъ бесполезныхъ глупостяхъ, на которыя мы расточаемъ наше короткое и обманчивое существованіе. Къ чему всѣ эти непріятности, эти страданія, эта борьба? Я бы отдыхалъ, защищенный отъ вѣтра, въ моемъ свѣтломъ и роскошномъ жилищѣ.

„У меня было бы четыре или пять жёнъ въ скромныхъ и тихихъ покояхъ, пять жёнъ изъ пяти частей свѣта, которыя бы мнѣ принесли усладу женской красоты, разцвѣтшей среди всѣхъ расъ“.

„Жить какъ скотъ“, предаваясь нѣгѣ и лѣни, стряхнувъ съ себя весь ненужный гнетъ европейской культуры—вотъ въ чемъ, за неимѣніемъ лучшаго, смыслъ жизни. Это не возвращеніе къ природѣ, о которомъ грезили мечтатели прошлаго вѣка, измученнаго такъ же, какъ нынѣшній, сомнѣніями, но призывъ къ скотской жизни. У мечтателей конца прошлаго вѣка человѣкъ не только не превращался въ скота, а наоборотъ, былъ человѣкомъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, какъ носитель высшихъ идеаловъ разума. Мечта о возвращеніи къ природѣ была тогда подсказана сильнымъ чувствомъ, рвавшимся изъ оковъ, въ которыя его заковала созданная культурой условность; современныя грезы о нѣгѣ и лѣни свидѣтельствуютъ, напротивъ, объ усталости и поэтому слабости чувства, такъ какъ бодрое и сильное чувство мечтаетъ не о лѣни, а о дѣятельности. Изысканность и болѣзненность чувства свойственны одинаково концу прошлаго и нынѣшняго вѣковъ, но какая громадная разница между зноемъ страсти, палящимъ въ

„Новой Элоизѣ“ или въ „Полѣ и Виржини“ и истомой чувства у Мопассана!

Разумѣтся, каковы бы ни были мечты, пусть даже самыя сладостныя, въ родѣ только-что приведенныхъ, онѣ намъ такъ же надоѣдаютъ, какъ и все остальное, и въ лучшемъ случаѣ могутъ доставить лишь мимолетную отраду. Но и за эту мимолетную отраду мы должны дорого расплачиваться, такъ какъ чѣмъ фантастичнѣе мечты, тѣмъ жесточе столкновение съ дѣйствительностью:

Душа людей—корабль, бѣгущій величаво
 Къ Икаріи своей, на встрѣчу бурь и грозъ.
 Чу! Съ Марса слышенъ крикъ: «Любовь, Богатство, Слава!...»

О, адъ! Корабль попалъ на каменный утесъ.
 Намъ въ каждомъ островкѣ ужъ снится Эльдorado,
 Едва лишь вахтенный про землю возвѣститъ,
 И тамъ, гдѣ пиръ создать воображенье радо,
 Съ разсвѣтомъ дня нагой представится гранитъ! *)

Вполнѣ освободиться отъ жизненной тоски невозможно ни въ предѣлахъ наличной дѣйствительности, ни въ царствѣ грёзъ. Міръ великъ лишь для дѣтскаго воображенія на географической картѣ; въ дѣйствительности и глазахъ зрѣлаго воспоминанія онъ ничтоженъ **). Кругъ нашихъ мечтаній точно такъ же ограниченъ, какъ и дѣйствительность. Безконечность существа нашего не можетъ быть удовлетворена ничѣмъ въ жизни; мы можемъ только временно убаюкивать „нашу безконечность на конечномъ морѣ“ ***). Уединимся ли мы, вмѣстѣ съ Мопассанномъ, на яхту ****), предоставивъ ее произволу волнъ и вѣтровъ, предпримемъ ли съ нимъ путешествіе по культурнымъ странамъ или уда-

*) Бодлеръ, тамъ же.

***) Тамъ же.

****) Прекрасныя слова Бодлера: Et nous allons suivant le rythme de la lamé
 bercant notre infini sur le fini des mers (Тамъ же).

*****) Sur l'Eau.

лимся въ жгучіе пески Сахары *), замкнемся ли, какъ одинъ изъ героевъ Гюисманса **), въ пустынномъ фантастическомъ замкѣ,—ни наши желанія, ни наше пресыщеніе жизнью насъ не покинуть:

О, знанье горькое! Вотъ для какой науки
Должны мы странствовать и лѣтомъ и зимой,
И завтра, какъ вчера, встрѣчать лишь образъ свой,
Оазисъ ужаса въ пустынѣ мертвой скуки ***).

Утолить навсегда жестокою скуку жизни можетъ одна только смерть:

О, старый капитанъ! О, смерть! Стряхнемъ же лѣнь!
Наскучилъ этотъ край, пора поднять вѣтрила.
Пусть небо и земля чернѣютъ какъ чернила,—
У насъ въ сердцахъ восторгъ и лучезарный день.
Пролей же въ нихъ струю таинственного яда
И въ двери вѣчности насъ, жаждущихъ, впусти.
О, все равно—въ эдемъ или подъ своды ада!
Въ міръ неизвѣстности, чтобъ *нового* найти! ****)

III.

Такое настроеніе—непосредственный плодъ подвижнаго чувства, не руководимаго никакимъ опредѣленнымъ принципомъ. Было бы однако крупной ошибкой считать французскій народъ народомъ безъ принциповъ; вѣрно совершенно обратное: онъ по преимуществу народъ принциповъ. Не находя для своей духовной жизни устоевъ въ глубинѣ чувства, онъ издавна привыкъ искать ихъ въ теоретическихъ принципахъ разума. Но эти принципы своимъ формализмомъ отрицаютъ сложную жизнь чувства и потому не могутъ руководить ею.

Исторія умственной жизни французскаго народа прежде всего исторія рационализма. Не безызвѣстно, что средне-

* *) La vie errante. Au Soleil.

***) A rebours.

****) Бодлэръ, тамъ же.

*****) Тамъ же.

вѣковыя рационалистическія движенія исходили главнымъ образомъ изъ Франціи; общеизвѣстно и то, что отецъ новѣйшаго рационализма, Декартъ, вышелъ изъ нѣдръ французскаго народа. Было бы излишнимъ также доказывать, что все просвѣтительное и революціонное движеніе XVIII и XIX вв. было по существу рационалистическимъ: воздвигнутый во дни великихъ бурь культъ разума служить нагляднымъ и выразительнымъ олицетвореніемъ этого существа.

Принципъ французскаго рационализма—прямая противоположность смутнымъ внушеніямъ чувства. Для французскаго рационализма истинно то, что ясно и раздѣльно. Эта, предложенная впервые Декартомъ, формула выражаетъ идеаль всей вообще французской мысли. Убѣдиться въ этомъ не трудно на ея непосредственномъ обнаруженіи—французскомъ языкѣ, а затѣмъ всей вообще французской литературѣ. Французскій языкъ справедливо считается самымъ удобопонятнымъ и яснымъ изъ культурныхъ языковъ, а французскій литературный стиль по своей раздѣльности и отчетливости не знаетъ себѣ равнаго ни въ какой другой литературѣ. Но этотъ принципъ, обусловившій собою столько дивныхъ твореній въ философіи, поэзіи, наукахъ, долженъ былъ, по своей односторонности, неминуемо повести къ скептицизму и утратѣ идеала. Какъ скоро мы примѣнимъ его къ наличной дѣйствительности, оказывается, что въ ней для нашего разума весьма небольшое ясно и раздѣльно, а самоочевидные, созданные самимъ разумомъ, идеалы не соотвѣтствуютъ наличной дѣйствительности. Нагляднымъ доказательствомъ недостаточности этого принципа даже при чисто-теоретическихъ построеніяхъ служить то, что Декартъ при его помощи не могъ доказать ясно и раздѣльно ни одного изъ своихъ положеній, ни даже основнаго *Cogito ergo sum*, какъ свидѣтельствуя многочисленныя и вѣскія возраженія противъ этихъ положеній; а наиболѣе полное и выразительное его примѣненіе въ „Этикѣ“ Спинозы есть его *reductio ad absurdum*, такъ какъ въ этомъ великолѣпномъ и глубокомысленномъ философскомъ твореніи, при всемъ его аппаратѣ аксіомъ,

опредѣлений, положеній, доказательствъ, леммъ, схолий и проч. и при всей раздѣльности его содержанія, все-таки яснѣ всего то, что въ немъ весьма небольшое ясно.

Изъ всего, для нашей мысли неяснаго, самое неясное—сокровенная природа вещей, ихъ сущности или ихъ идеальное начало. Къ отрицанію этихъ сущностей, или этого идеальнаго начала, и долженъ былъ необходимо прійти французскій рационализмъ, руководимый своимъ принципомъ, и притомъ тѣмъ болѣе, что сущности представлялись завѣтомъ средневѣковой старины, а разрушить ее въ корнѣ было задачей французскаго просвѣтительнаго движенія. Отвергая сокровенную природу, какъ не ясную для разума, французская мысль сосредоточилась на томъ, что *явно* для нашихъ чувствъ, и признала единственнымъ объектомъ знанія *явленія*, которыя затѣмъ были признаны и единственнымъ бытіемъ. Основатель французскаго сенсуализма, Кондильякъ, не рѣшался еще отвергнуть душу, какъ отличное отъ тѣла начало, но уже его современники сдѣлали этотъ шагъ, отождествивъ ее со способностью чувствовать (*faculté de sentir*) и признавъ матеріальной. Рационализмъ такимъ образомъ привелъ къ сенсуализму, а этотъ послѣдній—къ матеріализму. Современный французскій позитивизмъ есть синтезъ того и другого. Позитивизмъ не признаетъ никакихъ сущностей, а одни только явленія. Его задача въ томъ чтобы находить связь между явленіями. Для него явленіе все—и воспринимаемый объектъ, и воспринимающей субъектъ, и самая связь между явленіями. Отрицать сущности—значитъ отрицать безусловное и безотносительное. Поэтому для позитивизма существуетъ только относительное, и въ этомъ признаніи всеобщей соотносительности онъ усматриваетъ свой основной принципъ *). Съ другой стороны, какъ скоро нѣтъ ничего безусловнаго, нѣтъ и никакой безусловной истины, а слѣдовательно и никакого безусловнаго критерія истины.

*) Cours etc. IV, p. 216.

„Всякое изученіе внутренней природы существъ (говорить Контъ) *), ихъ первыхъ и конечныхъ причинъ и пр., очевидно, должно быть всегда безусловнымъ, тогда какъ всякое изслѣдованіе однихъ только законовъ явленій есть вполнѣ относительное, такъ какъ непосредственно предполагаетъ непрерывный прогрессъ спекуляціи, подлежащей постепенному усовершенствованію, такъ однако, что *подлинная реальность не можетъ быть никогда и ни въ какомъ родѣ совершенно разоблачена*“ и т. д.

Это значитъ: ничего достовѣрнаго не только нѣтъ, но и *быть не можетъ*; то, что намъ кажется достовѣрнымъ, *быть-можетъ*, покажется въ послѣдствіи ложнымъ, и, обратно, то, что намъ теперь кажется ошибочнымъ, *быть можетъ*, въ послѣдствіи будетъ намъ представляться достовѣрнымъ.

Подобный выводъ мы напрасно стали бы искать у профессиональных представителей философіи, хорошо понимающихъ, что онъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе и потому нелѣпъ. (Если все можетъ быть, то можетъ быть и то, что не все можетъ быть.) Но противорѣчіями нисколько не стѣсняются талантливые диллетанты философіи, считающіе свое міровоззрѣніе выше системы и логики. Во главѣ такихъ диллетантовъ стоитъ Ренанъ, изъ всѣхъ французскихъ писателей оказавшій и оказывающій на французское молодое поколѣніе наибольшее воздѣйствіе **). Его міровоззрѣніе есть не что иное какъ культъ (говоря словами одного стараго французскаго поэта) великаго „Можетъ быть“ (Grand Peut-être).

„*In utrumque paratus!* Быть готовымъ ко всему (говоритъ онъ) вотъ, быть можетъ, въ чемъ состоитъ мудрость. Предаваться, смотря по времени, увѣренности, скептицизму, оптимизму, ироніи—вотъ средство быть убѣжденнымъ, что по крайней мѣрѣ въ какое-нибудь мгновеніе обрѣтаешься въ истинѣ. Вы мнѣ скажете, что и такимъ образомъ нельзя

*) Тамъ же.

***) Bourget, Essais de psychologie contemporaine (Renan).

вполнѣ выйти изъ затрудненія. Несомнѣнно; но такъ какъ не существуетъ ни малѣйшей вѣроятности, чтобы этотъ жребій былъ предназначенъ для кого бы то ни было, то благоразумно успокоиться на болѣе скромныхъ притязаніяхъ^{*)}).

Декартъ, устанавливая принципъ своего рационализма, принимая, какъ извѣстно, за исходную точку сомнѣніе, и для французскаго рационализма характерно, что онъ кончилъ тѣмъ, съ чего началъ — сомнѣніемъ. Но тогда какъ Декартъ, сомнѣваясь во всѣхъ теоретическихъ вопросахъ, оставилъ неприкосновенными, какъ руководительныя правила жизни, религіозныя истины и общепринятая нравственныя воззрѣнія, — современная французская мысль отвергла всякія религіозныя истины и не выработала никакихъ твердыхъ нравственныхъ правилъ.

Дѣйствовать по внушенію минуты, плыть по теченію личнаго чувства, „suivant le rythme de la lame“ — говоря словами Бодлэра, — таковъ единственный, внушаемый современнымъ скептицизмомъ, принципъ, который, примѣнительно къ установившейся во французской политикѣ терминологіи, можетъ быть названъ принципомъ *оппортюнизма*.

Такой исходъ для французскаго рационализма былъ бы въ теоретической области невозможенъ, еслибы онъ, подобно рационализму германскому, давалъ волю чувству, фантазіи, обнаруживалъ склонность къ мистицизму. Въ такомъ случаѣ онъ, несомнѣнно, не былъ бы вѣренъ своему основному принципу. Но наша духовная жизнь — сложный и связанный организмъ, гдѣ всѣ элементы другъ на друга указываютъ и взаимно себя предполагаютъ. Вслѣдствіе этого одностороннее пользованіе какою-нибудь способностью ведетъ къ одностороннимъ и потому ненормальнымъ результатамъ. Поставленный единственнымъ принципомъ, разумъ приводитъ къ скептицизму точно такъ же, какъ и поставленное единственнымъ критеріемъ чувство. Рационализмъ здѣсь въ конечномъ результатѣ совпадаетъ съ сенсуализмомъ.

*) Feuilles détachées, ed. 1892, p. 396.

Впрочемъ, французскій народъ былъ приведенъ къ уtratѣ идеала не одной лишь теоріей, но главнымъ образомъ и практикой. Если критическая мысль, руководимая единственнымъ принципомъ ясности и раздѣльности, неминуемо приходитъ къ скептицизму, то съ такою же необходимостью приводитъ къ разочарованію мысль догматическая, руководимая тѣмъ же принципомъ, какъ скоро отъ теоріи приступаетъ къ практикѣ. Для такой мысли положенія тѣмъ очевиднѣе и истиннѣе, чѣмъ формальнѣе, то-есть чѣмъ бѣднѣе содержаніемъ. Во Франціи представителями такого догматическаго раціонализма были такъ называемые идеологи, которые вмѣстѣ вдохновляли революціонное движеніе и имъ вдохновлялись *).

Всѣ они вѣрили въ безусловное могущество разума и несокрушимую истину и силу универсальныхъ принциповъ свободы, равенства, братства. Этотъ раціоналистическій догматизмъ составляетъ характерную черту того „якобинскаго духа“, на которомъ зиждился весь общественный строй революціонной Франціи. Идеаль этого духа, говоря словами Тэна—„аксіома политической геометріи“, составленная изъ самоочевидныхъ идей и заключающая поэтому сама въ себѣ доказательства своей истины. Человѣкъ вообще, права человѣка, общественный договоръ, свобода, равенство, разумъ, природа, народъ, тираны—таковы элементарные термины этой аксіомы. Они представлялись самоочевидными, такъ какъ были лишены реального содержанія. Объ этой совершенной отвлеченности свидѣтельствуютъ всѣ подлинныя документы того времени—парламентскія рѣчи, отчеты, адресы, газеты и журналы и т. д. „Никогда еще,—замѣчаетъ Тэнь *),—не говорили такъ много, чтобы сказать такъ мало... На этотъ счетъ опытъ даетъ рѣшительный отвѣтъ: въ этомъ безконечномъ трескѣ фразъ историкъ, ищущій точныхъ свѣдѣній, не находитъ почти ничего; пусть онъ прочтетъ цѣлые километры, онъ едва встрѣтитъ какой-нибудь фактъ, поучительную подробность, документъ, который бы вызвалъ пе-

*) Picavet, Les Ideologues, 1891.

**) Révolution, p. 19

***) p. 21.

редь его глазами индивидуальную физиономію, показали бы истинныя чувства горожанина или дворянина“. Къ переходу, во имя общихъ идей, отъ теоріи къ практикѣ разумъ побуждался тѣмъ настоятельнѣе, что наличная дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала теоріи, представлялась поэтому не разумной и требовала коренного преобразованія. Къ чему привели попытки подчинить дѣйствительность отвлеченнымъ категоріямъ разума,—фактъ общеизвѣстный. Чѣмъ настойчивѣе разумъ пытался согласовать общественный строй съ самоочевидными принципами, тѣмъ сложнѣе и запутаннѣе становились отношенія. Чтобы внести въ нихъ соотвѣтствующую теоріи ясность и раздѣльность, теоретики вынуждены были прибѣгнуть къ грубой силѣ и „ужасу“; но ни грубая сила, ни „ужасъ“ не могли заставить сложную дѣйствительность уложиться въ простыя формы и доказали лишь несостоятельность попытки, а потому и разума.

Но если дѣйствительность, несмотря на всѣ усилія ее преобразовать, никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ разуму, то либо дѣйствительность въ самомъ корнѣ не разумна, либо разумъ не совершенно познаетъ дѣйствительность, либо, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ, т.-е. дѣйствительность неразумна и разумъ не можетъ ее познать. Всѣ эти выводы и были сдѣланы общественнымъ французскимъ сознаниемъ, и въ настоящее время нельзя найти ни одного руководящаго писателя, который бы не былъ въ большей или меньшей мѣрѣ пессимистомъ и скептикомъ. То и другое, впрочемъ, неразрывно связано: пессимизмъ есть слѣдствіе того, что разумъ призналъ дѣйствительность неразумной, скептицизмъ—слѣдствіе того, что разумъ призналъ себя неспособнымъ постичь дѣйствительность и потому неразумнымъ.

Изъ этого скептицизма и пессимизма современное французское сознаніе не видитъ выхода ни въ чемъ: ни въ чувствѣ, ни въ разумѣ, ни въ наукѣ, ни въ философіи, ни въ искусствѣ, ни въ политическихъ и соціальныхъ идеалахъ, ни въ религіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Гиляровъ.

Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія *).

I. Міросозерцаніе Франческо Петрарки.

V.

Этическія воззрѣнія Петрарки и его отношеніе къ аскетизму.—Взглядъ Петрарки на природу и на жизнь.—Характеръ его пессимизма и стремленія къ уединенію.—Отношеніе Петрарки къ физической и духовной природѣ чело-
вѣка и его взглядъ на семью, государство и собственность.

Средніе вѣка выработали систематическую мораль и создали для нея прочную основу и авторитетную санкцію. Церковь и церковные философы опредѣленно учили, что такое добро, въ чемъ заключается зло и что долженъ дѣлать человекъ, чтобы избѣжать грѣха и достигнуть вѣчнаго спасенія. Въ основѣ этихъ моральныхъ предписаній лежало ученіе о первородномъ грѣхѣ, который, исказивъ все мірозданіе, сдѣлалъ человекъ безсильнымъ спастись безъ содѣйствія благодати, а міръ и человѣческую природу наряду съ дьяволомъ—его злѣйшими врагами, главнымъ источникомъ его гибели. Отсюда вытекали, съ одной стороны, аскетизмъ, съ другой—абсолютное подчиненіе человекъ церкви. Петрарка не подвергалъ систематическому пересмотру церковной этики; богословско-метафизическіе вопросы, лежавшіе въ ея основаніи, его совѣмъ не интересовали; загробное блаженство онъ вмѣстѣ съ церковью признавалъ цѣлью моральной дѣя-

*) См. 36-ую книгу «Вопр. Филос. и Психол.».

тельности челоѣка и не только не нападалъ на аскетизмъ, какъ на средство для достиженія этой цѣли, но нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ его, хотя и несправедливо, къ аскетическимъ писателямъ *) Тѣмъ не менѣ первый гуманистъ почти незамѣтно для себя рѣшительно порвалъ съ аскетической моралью во всѣхъ существенныхъ пунктахъ ея ученія. Прежде всего этотъ разрывъ проявляется въ его воззрѣнiяхъ на природу.

Новое время унаслѣдовало отъ предыдущихъ эпохъ два диаметрально противоположныхъ воззрѣнiя на природу. Античное язычество или поклонялось ей, какъ богу, или видѣло въ ней проявленiе божественной сущности, или считало ее идеаломъ красоты и порядка. Средневѣковый аскетизмъ, исходя изъ ученiя о первородномъ грѣхѣ, признавалъ природу царствомъ „князя власти воздушныхъ“, однимъ изъ источниковъ зла и гибели для челоѣка. Но позже и въ аскетизмѣ возникли теченiя, болѣе благопрiятно относившiяся къ природѣ. Съ одной стороны, земледѣльческая культура, процвѣтавшая во многихъ монастыряхъ, смягчала отношенiе къ этому наименѣ опасному врагу челоѣческаго спасенiя; съ другой — крайнiе аскеты съ мистическимъ направлениемъ, какъ Бонавентура, поэтизировали пустыню, прославляя ее, какъ средство уединенiя, какъ убѣжище отъ соблазновъ населеннаго мiра, отъ челоѣческаго общегитiя. Первый гуманистъ до извѣстной степени примыкаетъ къ этому послѣднему направлению, но идетъ дальше его и приближается къ античнымъ воззрѣнiямъ, причемъ исходнымъ пунктомъ его взглядовъ является не какая-либо философская доктрина, а личная и непосредственная любовь къ природѣ.

Петрарка страстно любитъ природу и восхваляетъ ее какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, какъ въ итальянскихъ, такъ и въ латинскихъ своихъ произведенiяхъ, и съ этою любовью къ природѣ тѣсно связано его стремленiе къ уеди-

*) См. объ этомъ «Раннiй итальянск. гуман.», I, стр. 189 и слѣд.

ненію. „Я наслаждаюсь,—говорить онъ въ одномъ письмѣ,— не городскимъ шумомъ, а лѣснымъ безмолвіемъ, я рожденъ не для заботъ о законахъ или объ оружіи, а для уединенія и покоя“ *), и это превосходство уединенной жизни передъ городской сутолокой составляетъ одну изъ наиболѣ любимыхъ темъ для разсужденій Петрарки. Доказательству этого положенія посвящаетъ онъ всю первую книгу своего трактата *De vita solitaria*, много писемъ въ своей дружеской и старческой перепискѣ **), и не разъ возвращается къ этому вопросу почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Но такимъ болѣ внѣшнимъ сходствомъ и ограничивается связь перваго гуманиста съ аскетическими поклонниками пустыни. Уже въ самой любви Петрарки къ природѣ есть черты, совершенно чуждыя не только монашеству, но и среднимъ вѣкамъ вообще: онъ не только любитъ природу, но и стремится ознакомиться съ возможно большимъ количествомъ ея явленій, онъ чувствуетъ къ ней тотъ интересъ, который одушевляетъ современнаго путешественника и естествоиспытателя. Правда, натуралиста изъ Петрарки не вышло; но его по справедливости можно назвать первымъ туристомъ, какъ это доказываетъ его переписка. Такъ, покинувъ Италію, онъ пишетъ одному изъ своихъ друзей: „недавно я съ какимъ-то юношескимъ жаромъ объѣхалъ Галлію безо всякаго дѣла, какъ ты знаешь, а только изъ желанія посмотрѣть (*visendi studio*), и, наконецъ, достигъ Германіи и береговъ Рейна, старательно наблюдая нравы и наслаждаясь видомъ чужой земли“ ***). Описывая въ другомъ письмѣ свое восхожденіе на *Mont Ventoux*, онъ говоритъ, что поднялся туда, „повинуясь только страстному желанію видѣть значительную высоту“ ****). Въ письмѣ по другому адресу Петрарка заявляетъ, что „пламенное желаніе (*ardor*) видѣть многое влечетъ его по землямъ и по мо-

*) *Fracass.* I, 220.

**) См., наприм., *Epist. famil.* III, 5; IX, 14; XI, 4; XIII, 4.

***) *Fracass.* I, 40.

****) *Ibid.*, p. 193.

рямъ“ и что это же „наслажденіе (voluptas) увлекаетъ его на край земли (ad extrema terrarum)“ *), и такихъ заявленій можно привести сколько угодно. Какъ истый туристъ, Петрарка интересуется не только красотой пейзажа, не только необычными и грандіозными явленіями природы **), но и городами и нравами. „Я вступилъ,—пишетъ онъ,—въ городъ Парижъ, въ столицу королевства, которая претендуетъ считать своимъ основателемъ Юлія Цезаря, съ такимъ же настроеніемъ, съ какимъ нѣкогда Апулей Эссалийскій осматривалъ городъ Гипату. Пораженный до оцѣпенѣнія, осматриваясь на все вокругъ, страстно желая посмотрѣть и разузнать, вѣрно или выдумка то, что я раньше слышалъ объ этомъ городѣ, я потратилъ на это не мало времени и, когда недоставало дня, отдавалъ часть ночи“ ***). Описывая свои наблюденія и впечатлѣнія, Петрарка останавливается иногда на такихъ сценахъ, открывенный интересъ къ которымъ ясно показываетъ, какъ далеко разошлось съ аскетизмомъ настроеніе перваго гуманиста. Такъ, рассказывая о своемъ пребываніи въ Кёльнѣ, онъ пишетъ: „убѣжденія друзей увлекли меня изъ гостинницы къ рѣкѣ, чтобы посмотрѣть на замѣчательное зрѣлище, и я не былъ обманутъ, потому что весь берегъ покрывала огромная и блестящая толпа женщинъ. Я оцѣпенѣлъ. Благіе боги! Какія формы! Какія лица! Какой общій видъ! Всякій могъ бы влюбиться, кто устремилъ бы туда незанятое сердце“ ****).

Такая любовь къ природѣ въ духѣ новаго времени сближала Петрарку съ античнымъ міросозерцаніемъ, въ которомъ находилъ онъ воззрѣнія на природу, вполне соответствовавшія его настроенію. Пламенный почитатель природы, Петрарка легко усвоилъ тотъ взглядъ, что все, совершающееся по ея законамъ, въ силу одного этого заслуживаетъ одобренія.

*) Ibid., p. 141, 142.

**) Особенно интересно въ этомъ отношеніи его описаніе бури на Неаполитанскомъ заливѣ (Fracass. I, p. 265 и слѣд.).

***) Ibid., p. 41.

****) Ibid., p. 45.

„Мы слишком склонны обвинять природу,—читаемъ мы— въ его перепискѣ: никто не плачется на то, что онъ рождается и живетъ, но всякій жалуется, что онъ терпитъ нужду, переноситъ труды, старѣеть, болѣеть, умираетъ, какъ будто бы это послѣднее менѣе сообразно съ природою, чѣмъ то. И рождаться, и жить, и ѣсть, и пить, и спать, и бодрствовать, и работать, и старѣть, и болѣть, и умирать—все это естественно (*naturalia sunt*), такъ что никто изъ смертныхъ не свободенъ отъ этого, развѣ только ускоренная смерть не избавитъ кого-нибудь отъ необходимости старѣть, отъ тяжести трудовъ, отъ болѣзней. Зачѣмъ изливаемся мы въ бесплодныхъ жалобахъ? Природа въ высшей степени добра (*mitissima est*), но мы сами неблагодарны къ наилучшей родительницѣ (*parentem*) и виновные (*impii*) передъ ней, сами своимъ нетерпѣниемъ ухудшаемъ (*exacerbamus*) ея благодѣянiя“ *). Итакъ, природа— норма; труды и болѣзни, слѣдствiя грѣхопаденiя, даже самая смерть, результатъ нарушенiя челоуѣкомъ воли Божiей, утрачиваютъ въ глазахъ Петрарки характеръ бѣдствiя, наказанiя за грѣхъ, потому что все это законъ природы. Въ трактатѣ *De remediis utriusque fortunae* Петрарка идетъ еще далѣе. Природа представляется ему существомъ одушевленнымъ, разумнымъ, оскорблять которое дурно, почти грѣшно. „Не слѣдуетъ бояться ничего,—говоритъ онъ,—что дано естественной необходимостью (*naturae necessitas*). Кто ненавидитъ или боится естественнаго, тотъ ненавидитъ и долженъ бояться самой природы, если только не принимать и не одобрять одной ея стороны, отвергая и осуждая въ то же время другую, а это величайшая наглость не только въ отношенiяхъ челоуѣка къ Богу но и людей между собою (*quo nihil est insolentius non solum homini cum Deo, sed homines inter se*)“ **). Конечно, Петрарка далекъ былъ отъ сознательнаго паганизма и не обоготворялъ при-

*) Ibid., p. 118.

***) Opera, p. 203.

роды; но онъ видѣлъ въ ней разумное орудіе божественнаго воздѣйствія на человѣка. „Подобно тому, какъ ученый архитекторъ, говоритъ онъ въ своихъ старческихъ письмахъ, устраиваетъ въ одномъ и томъ же домѣ помѣщенія и для лѣта, и для зимы, и для другихъ частей года, такъ и природа, изобрѣтательная и предусмотрительная (solers ac provida), создала въ одномъ и томъ же человѣкѣ различные возрасты и для каждаго изъ нихъ установила свои особенныя свойства“ *). Заботы природы о человѣкѣ, по мнѣнію Петрарки, не ограничиваются доставленіемъ ему всего необходимаго въ этой жизни. Природа не только любящая мать, но и разумная воспитательница, которая ведетъ человѣка къ основной цѣли его существованія—къ вѣчному спасенію. „Все земное,—говоритъ онъ, создано на служеніе человѣку: частію его кормить, частію одѣвать, частію возить, иное, чтобы его защищать, иное, чтобы его упражнять, учить, напоминать ему о его положеніи, иное же для того, чтобы его усладить и облегчать измученную дѣлами душу, иное же, наконецъ, для того, *чтобы сдерживать отъ вредныхъ наслажденій и спасительной тоской внушать презрѣніе къ этому свѣту и въ то же время желаніе лучшей жизни* **“). Языческаго бога Петрарка сдѣлалъ орудіемъ божества христіанскаго и приписалъ ему даже аскетическую миссію, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой.

Восторженное поклоненіе передъ природой, доходящее до ея одушевленія, если не до обоготворенія, не переходило у Петрарки въ суевѣрный мистицизмъ, въ грубую вѣру въ таинственное вліяніе ея явленій на судьбу человѣка. Петрарка убѣжденъ въ благотворности для человѣка законовъ природы и въ разумность спокойнаго имъ подчиненія; но его одушевленіе природы скорѣе поэтической или риторической приѣмъ, чѣмъ религіозное вѣрованіе или даже философская доктрина. Къ явленіямъ природы онъ отно-

*) Opera, p. 897.

***) De remediis. Op., p. 196.

сится вполне разумно, безо всякихъ предразсудковъ. Посвящая въ своемъ сочиненіи „*O достопримѣчательностяхъ*“ (De rebus memorandis) одну главу вопросу о предзнаменованіяхъ и необычныхъ явленіяхъ природы (De ominibus et portentis), онъ начинаетъ ее заявленіемъ: „противъ природы ничего не совершается, хотя иное и кажется противоестественнымъ“. „Я не сомнѣваюсь,—говоритъ онъ въ этомъ же сочиненіи, что все случившееся могло случиться; а разъ что-нибудь могло случиться, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если только рѣдкость не бываетъ матерью удивленія“ *). Особенно характерно отношеніе Петрарки къ астрологіи. Если допустить, что одушевленіе природы, доходящее до ея обоготворенія, было у него не оборотомъ рѣчи, а искреннимъ убѣжденіемъ, то астрологія, какъ видъ божественнаго руководительства человѣка природой, должна была бы получить полное признаніе со стороны Петрарки. Между тѣмъ онъ ее рѣшительно отрицаетъ и прежде всего съ религіозной и моральной точки зрѣнія. По его мнѣнію, ученіе, что наши судьбы зависятъ отъ звѣздъ, есть оскорбленіе божества. „Мудрецъ не господствуетъ надъ звѣздами, ни звѣзды надъ мудрецомъ, но надъ обоими Господь“, говоритъ Петрарка: „не смѣшивайте Творца съ тварью“ **). Но астрологія не только приписываетъ звѣздамъ неподобающую имъ власть, она подрываетъ кромѣ того нравственность, отрицаетъ отвѣтственность человѣка за свои поступки. „Если въ насъ есть что-нибудь хорошее, то это отъ Бога, а все дурное ни отъ кого другого, какъ отъ насъ. Иначе не наказуемо то, что не отъ насъ зависитъ“, говоритъ Петрарка и обращается съ горячимъ упрекомъ къ астрологамъ и къ тѣмъ, кто питаетъ къ нимъ довѣріе. „О, дерзкое безстыдство позволяющихъ себѣ такое ученіе, о глупый страхъ вѣрящихъ ему, и что верхъ дерзости, такъ это то, что они извиняютъ грѣхи людей, обви-

*) De reb. memor. lib. IV. tract. VI, cap. I.

**) Epist. rer. senil. Opera, p. 770 и 748.

няя правосудіе Божіе, говоря, по прекрасному выраженію Августина, что отъ неба исходитъ неизбѣжная причина твоего грѣха, что это сдѣлала Венера или Сатурнъ или Марсъ, т.-е. что человѣкъ не виновенъ“ *).

Но и независимо отъ религіозныхъ соображеній, астрология съ ея предсказаніями опровергается простымъ здравымъ смысломъ и повседневнымъ опытомъ. Относительно вопросовъ, занимающихъ астрологовъ, по мнѣнію Петрарки, можно сдѣлать только два предположенія: либо звѣзды не имѣютъ никакого вліянія на судьбу человѣка, либо если это вліяніе и допустить, то оно недоступно нашему знанію. Въ первомъ случаѣ астрология „глупо трактуетъ о предметѣ несуществующемъ“, во второмъ тщетно пытается проникнуть въ міръ для насъ недоступный. Бесплодность этихъ занятій и справедливость своихъ соображеній Петрарка подтверждаетъ тѣмъ наблюденіемъ, что предсказанія астрологовъ никогда не сбываются **). Вообще, въ такой постановкѣ вопросовъ онъ видитъ уклоненіе отъ истинной науки и объясняетъ его уже съ чисто рационалистической точки зрѣнія шарлатанствомъ. Эти гадатели (*aruspices et mathematici*),—говоритъ онъ,— „удивительные люди, которые знаютъ будущее, не зная прошедшаго и настоящаго; они такъ объясняютъ, что происходитъ на небѣ, какъ будто бы присутствовали въ небесномъ совѣтѣ и только что вернулись оттуда съ свѣжей памятью, а между тѣмъ совѣтъ не знаютъ, что дѣлается на землѣ, на родинѣ, въ домѣ, въ комнатѣ... Я не удивляюсь этимъ обманщикамъ (*impostores*), потому что они, какъ обыкновенно, кормятся своимъ ремес-

*) *Ibidem*.

***) *Sinite, o insani, sinite sidera cursus suos agere; sive enim in nobis nihil agunt astra, sive nihil in nobis judicant, sive horum nihil a nobis intelligitur, e quibus unum saltem verum esse, si nihil aliud, vestra utique mundo judicant mendacia, quodlibet eligite. Eligere enim aliud non licet, stulte de re nulla, frustra de re inaccessiblei disputatur. Quid ergo mendaciorum mole nos obruitis? Fessi sumus audiendo, fessi expectando, cum nihil eveniat omnium, quae velut consopiti ebrii murmuratis, nisi rarum forte aliquid fortuitum verum, qualia etiam aliquando mentiri volentibus elabuntur. Ibid. Op., p. 747. Срав. стр. 768.*

ломъ, но я изумляюсь, что вы подчиняете ихъ желудку свою душу и свой умъ“ *).

Итакъ, во взглядѣ на природу Петрарка далеко разошелся съ средневѣковымъ аскетизмомъ; гораздо ближе, повидимому, подходитъ онъ къ монашеской морали въ своихъ воззрѣніяхъ на міръ, т.-е. на жизнь. Одно изъ его сочиненій, озаглавленное *De otio religioso*, представляетъ собою даже настоящую средневѣковую проповѣдь о средствахъ для борьбы противъ главныхъ враговъ человѣка—дьявола, міра и плоти, и эта проповѣдь написана въ сочувственномъ къ монашеству тонѣ. Тѣмъ не менѣе близость перваго гуманиста съ монашескимъ аскетизмомъ весьма поверхностная, а чаще всего только кажущаяся.

По отношенію къ жизни Петрарка настроенъ пессимистически, и это сближаетъ его съ аскетическимъ настроеніемъ. Какъ и настоящіе аскеты, онъ считаетъ жизнь источникомъ грѣха и вѣчной гибели. „Что иное значить долго жить, какъ не долго мучиться?—говоритъ онъ. И чѣмъ дольше живешь, тѣмъ большее бремя грѣховъ гнететъ и давитъ. Хотя Богъ и обѣщаль прощеніе грѣховъ раскаявшемуся, но онъ не обѣщаль дать ему волю для покаянія точно такъ же, какъ и для грѣха. Дьяволь внушаетъ увѣренность въ большой продолжительности жизни, чтобы погубить человѣка, и нельзя перечислить, сколь многихъ обманула эта фальшивая тѣнь пустой надежды“ **).

Но этотъ мотивъ отрицательнаго отношенія Петрарки къ жизни играетъ весьма второстепенную роль; его пессимизмъ держится на другихъ основахъ, которыя существенно отличаются отъ аскетическаго отрицанія жизни. По монашескимъ воззрѣніямъ, міръ есть зло, но зло въ томъ отношеніи, что онъ препятствуетъ достиженію спасенія; для человѣка же мірскаго, для его плотскаго и грѣховнаго существа міръ, наоборотъ, полонъ соблазновъ и радостей, ложныхъ только

*) *De remediis*. Op., p. 94 и 95.

**) *De vera sapientia*. Opera, p. 326.

въ томъ смыслѣ, что они продолжаютъ лишь до конца земной жизни. Такое представленіе было весьма распространено, потому что оно возвышало монастырь: чѣмъ соблазнительнѣй и привлекательнѣй грѣховный міръ, тѣмъ труднѣе и выше полвигъ человѣка, отъ него отрекающагося. На-ряду съ этимъ, въ средніе вѣка существовало и другое менѣе широкое, но болѣе глубокое пессимистическое теченіе: были аскеты, которые страстно ненавидѣли весь міръ, питали отвращеніе ко всѣмъ его радостямъ и видѣли въ монастырѣ не только надежное средство для достиженія вѣчнаго блаженства, но и вѣрное убѣжище отъ житейскихъ бурь и невзгодъ. Петрарка расходится съ тѣмъ и другимъ направленіемъ: онъ признаетъ въ жизни такія радости, которыхъ не могла признать церковная аскетическая доктрина, но онъ находитъ, что эти радости не прочны и что ихъ подавляютъ безчисленныя бѣдствія. Отсюда проистекаетъ и пессимизмъ Петрарки. „Размышляя о человѣческихъ дѣлахъ и судьбахъ и ихъ неопредѣленныхъ и неожиданныхъ перемѣнахъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ сочиненію *De remediis utriusque fortunae*,—я прихожу къ заключенію, что нѣтъ ничего болѣе непрочнонаго, болѣе безпокойнаго, чѣмъ жизнь смертныхъ“. Человѣческія предосторожности въ такихъ случаяхъ не приносятъ пользы. «На нашемъ пути,—говоритъ Петрарка въ другомъ своемъ сочиненіи,—столь крутомъ и тѣсномъ, столь тернистомъ и скользкомъ, прерываемомъ столькими препятствіями и осаждаемомъ столькими злоумышленниками, всякая осторожность даетъ сомнительную безопасность и составляетъ лишь препятствіе не только для духовныхъ, но и для матеріальныхъ (*temporales*) успѣховъ» *). Вслѣдствіе этого жизнь представляется Петраркѣ сплошнымъ рядомъ мученій. „Измѣняется только видъ мученій,—говоритъ онъ,—самыя же мученія остаются. Разбери все время твоей жизни, и припомни, какой день провелъ ты

*) *De otio religioso*. Оп., р. 3.

безъ мукъ. Ты найдешь, можетъ-быть, кое-что затемненное ложными радостями, въ дѣйствительности же все полно настоящихъ мукъ, и, строго разобравъ все, ты признаешь, что ни одна сторона жизни не свободна отъ нихъ. Вслѣдствіе этого вся жизнь справедливо представлялась нѣкоторымъ однимъ наказаніемъ *). Кромѣ того, человѣкъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, которые тѣснятъ его, какъ внѣшній непріятель. „Однихъ осаждаютъ грѣхи, другихъ болѣзни, иныхъ заботы, тѣхъ дѣла, этихъ бездѣлье, однихъ богатства, другихъ бѣдность, иныхъ безславіе, другихъ тяжелая извѣстность и всѣхъ тѣло, которое вы такъ холите и любите, а оно окружаетъ васъ, какъ тѣснѣйшая тюрьма, и держитъ въ постоянной осадѣ“ **).

Но при этомъ пессимизмъ Петрарка не чувствуетъ отвораченія къ жизни, а наоборотъ относится къ ней съ разностороннимъ интересомъ. Его переписка касается почти всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ тогдашнюю Италію, а его обширный трактатъ „О средствахъ противъ всякой фортуны“ — большую и старательную наблюдательность автора по отношенію ко всѣмъ проявленіямъ индивидуальной жизни ***). Такой интересъ ясно показываетъ, что первый гуманистъ любилъ радости земной жизни, стремился къ нимъ и умѣлъ ихъ находить среди житейскихъ невзгодъ. „Я не отрицаю, — говоритъ онъ, — что бѣдствія человѣческаго существованія велики и многочисленны; но если ты обратишь вниманіе на другую сторону жизни, ты увидишь многое, что дѣлаетъ

*) De remediis. Op., p. 156.

**) Ibid. p. 160. Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Петрарка отмѣчаетъ обманъ, господствующій въ людскихъ отношеніяхъ: quis homo hominem non decipit? Fides exulat, regnat fraus p. 155. Подобныхъ цитатъ можно привести массу: вся первая часть самаго большого діалога Петрарки состоитъ изъ цѣлаго ряда обвиненій противъ различныхъ сторонъ жизни. Но особенно характерно одно довольно длинное письмо Петрарки изъ Epistol. de rebus familiaribus (Fracassetti I 454—456). Оно начинается такъ: Videtur mihi vita dura quaedam area laborum, palaestra discriminum, scena fallaciarum, labyrinthus errorum, circulatorum ludus, desertum horribile, limosa palus v. и т. д.—цѣлыхъ двѣ страницы подобныхъ сравненій.

***) Его анализъ, см. Ранній итальян. гуман. I, p. 177 и слѣд.

ее счастливой и пріятной“ *). Источникъ этихъ радостей—внѣшняя природа, окружающая человѣка, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, его собственныя свойства. Съ восторгомъ описываетъ Петрарка красоту и благодѣянія природы, которая „дала человѣку глаза и лицо, отражающія тайны души, дала разумъ, дала рѣчь, дала слезы, дала смѣхъ“, и все это можетъ быть источникомъ радостей жизни **). Такая точка зрѣнія совершенно непримирима съ аскетизмомъ.

Итакъ, отрицательное отношеніе Петрарки къ жизни обуславливалось не боязнью грѣховнаго соблазна отъ мірскихъ радостей и не отвращеніемъ ко всѣмъ земнымъ благамъ, а противорѣчіемъ между большимъ запросомъ на эти блага и скуднымъ способомъ ихъ удовлетворенія. Такой пессимизмъ существенно отличался отъ аскетическаго воззрѣнія на жизнь. Это чувствовалъ и самъ Петрарка: средства противъ своего пессимизма онъ ищетъ не за монастырскою стѣной и не въ аскетическихъ подвигахъ, а въ древней литературѣ. Указавъ на страданія человѣка, происходящія отъ житейскихъ бѣдствій, онъ говоритъ: „для устраненія болѣзни души (aegritudinem animi),—ибо такъ называютъ это философы,—и для пріобрѣтенія спокойствія полезно знать, что написалъ Цицеронъ въ 3-й книгѣ тускуланскихъ бесѣдъ и Сенека въ своемъ сочиненіи „О спокойствіи духа“ ***). Впрочемъ, кромѣ этого, онъ рекомендуетъ еще другое средство, на первый взглядъ сходное съ аскетическимъ требованіемъ, именно уединеніе. Но въ дѣйствительности удаленіе отъ міра у Петрарки имѣетъ такъ же мало общаго съ монашествомъ, какъ и его воззрѣнія на природу и жизнь.

Петрарка написалъ въ похвалу уединенной жизни специальный трактатъ *De vita solitaria* и во многихъ мѣстахъ другихъ произведеній прославляетъ уединеніе съ самымъ искреннимъ одушевленіемъ. Но какъ по мотивамъ удаленія

*) *De remediis*. Opera, p. 184.

**) *Ibid.*, p. 185.

***) *Ib.* p. 186.

отъ міра, такъ и по возрѣнію на уединенную жизнь онъ стоитъ на почвѣ діаметрально - противоположной аскетизму. Петрарка стремится къ уединенію но не во имя религіознаго долга, а вслѣдствіе своей индивидуальной склонности. „Не дѣлая общихъ опредѣленій,—пишетъ онъ одному изъ своихъ корреспондентовъ—и говоря только о себѣ, я чувствую, что внѣ уединенія мы едва ли можемъ хорошо жить и хорошо умереть. Природа, нашъ вождь, создала насъ для уединенія“ *). Уединеніе для Петрарки не аскетическій подвигъ, а личное наслажденіе. „Я другъ уединенія,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній,—такимъ создала меня природа, а къ ней присоединилась привычка, ея соперница, присоединились также наука и любовь къ свободѣ. Признаюсь, я пустынный; объявляю, что пріятно быть пустыннымъ, и не нахожу никакой прелести въ жизни среди городского шума и треска“ **).

Если жизнь въ уединеніи — одинъ изъ видовъ наслажденія, то само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было подвигахъ монашескаго благочестія, какъ о существенномъ содержаніи такой жизни. Прежде всего уединеніе для Петрарки—удаленіе не отъ людей, а только отъ нѣкоторыхъ неудобствъ и стѣсненій, связанныхъ съ городской жизнью. „Меня улаждаютъ, говоритъ онъ, не столько уединенный просторъ (*vacui recessus*) и не тишина, сколько обитающіе тамъ покой и свобода, и я не до того безчеловѣченъ, чтобы ненавидѣть людей, любить которыхъ предписываетъ намъ божественное повелѣніе; но я ненавижу грѣхи людскіе и преимущественно свои, а также заботы и печальныя тревоги, которыя живутъ среди людей“ ***). „Мы говоримъ не о такомъ уединеніи,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—которое враждебно всѣмъ людямъ, но о спокойномъ и тихомъ, удаляющемся

*) *Fracass.* II, 54.

***) *Contra medicum.* Opera, p. 1110.

***) *De vita solitaria.* Op., p. 227.

отъ человѣческихъ пороковъ, а не отъ человѣчества“ *). Допуская въ свое уединеніе людей, Петрарка требуетъ для него науки, какъ необходимаго условія уединенной жизни. „Уединеніе безъ наукъ,—говоритъ онъ,—изгнаніе, тюрьма, мученіе (aculeus); присоедили науки—родина, свобода, наслажденіе“ **). Наконецъ, весьма существеннымъ условіемъ для настоящаго пользованія уединеніемъ является, по мнѣнію Петрарки, красота пейзажа.

Признавая уединеніе не аскетическимъ подвигомъ, а личнымъ наслажденіемъ, Петрарка чувствовалъ потребность оправдать свою индивидуальную склонность къ тихой жизни внѣ городского шума, и для этой цѣли главнымъ образомъ составилъ обширный трактатъ „De vita solitaria“. Въ первой части этого сочиненія онъ съ мелкою детальною описываетъ прелести уединенной жизни и тягости городской, отъ которой она избавляетъ, а во второй доказываетъ высокое достоинство уединенія авторитетными примѣрами людей, его восхвалявшихъ, и между этими авторитетами на-ряду съ ветхозавѣтными патриархами, отцами церкви, Петромъ пустынноикомъ, Христомъ, Иоанномъ Крестителемъ и Давидомъ фигурируютъ языческіе философы и поэты, полководцы и императоры и вообще различные великіе люди античнаго міра. Очевидно, что рѣчь идетъ не о монашествѣ и не объ аскетическомъ удаленіи отъ міра, и не это хотѣлъ доказать Петрарка, потому что иначе пришлось бы признать иноческія склонности въ Демосенѣ и въ Ахиллесѣ. Правда, онъ касается въ этомъ трактатѣ и религіозной цѣны уединенія, но опредѣляетъ ее весьма своеобразно и далеко не въ аскетическомъ духѣ. „Какъ пріятно, говоритъ онъ,—наслаждаясь настоящимъ, надѣяться на еще лучшее и за краткое удаленіе отъ людей ожидать постояннаго пребыванія среди ангеловъ и созерцанія лица божія“ ***). Возвращаясь къ этому вопросу въ дру-

*) Contra medicum. Op., p. 1111.

**) De vita solit. Op., p. 227.

***) Opera, p. 237.

гихъ сочиненіяхъ, Петрарка приводитъ и другіе аргументы въ защиту уединенія, но никогда не упоминаетъ о монастырскихъ подвигахъ. Такъ, въ трактатѣ *De otio religioso* онъ настаиваетъ на необходимости уединенія для созерцанія, которое доступно только исключительнымъ натурамъ. „Спокойствіемъ,—говоритъ онъ,—душа пріобрѣтаетъ мудрость, и эта величайшая добродѣтель заключается въ созерцаніи, какъ утверждаютъ даже тѣ, которымъ было неизвѣстно и настоящее успокоеніе, и совершенное созерцаніе, и истинный виновникъ того и другого“. Приведя далѣе рассказъ о старикѣ, который, какъ милости, просилъ позволенія работать, Петрарка цитируетъ слова Августина: „друзья міра сего такъ боятся отъ него отдѣлиться, что для нихъ нѣтъ ничего болѣе труднаго, какъ не работать“ *). Въ инвективѣ противъ одного медика, нападавшаго между прочимъ и на уединеніе, Петрарка, указывая на то, что оно доставляетъ наслажденіе красотами природы **), защищается важностью его для научныхъ занятій, которыя полезны и съ политической точки зрѣнія. Приведя изреченіе Аристотеля, что человекъ по природѣ животное общественное, онъ говоритъ: „пусть это вѣрно, пусть слѣдуетъ повиноваться природѣ; однако доказано, что въ уединеніи ученыхъ (*studiosorum*) людей, которыхъ, конечно, немного, нѣтъ ничего вреднаго для политіи, а наоборотъ, оно часто очень полезно“ ***).

Итакъ, уединеніе Петрарки не имѣетъ ничего общаго съ монашескимъ аскетизмомъ, и его мотивы удаленія отъ міра имѣютъ несравненно болѣе родства отчасти съ тѣми, которые заставляютъ поэтовъ убѣгать „на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубравы“, а отчасти съ побужде-

*) *Op.*, p. 295.

***) *Dum auribus tuis irati ventris murmur intonat, meas suavis volucrum cantus; dum naribus tuis inclusus aer ingeritur, meas florum circumfusa diversitas et calcatarum odor mirus herbarum recreat atque recreat. Opera*, p. 1115.

***) *Plusque virum solitarium,—замѣчаетъ онъ,—conferre reipublicae, quam centum, qui latrinis aut tabernis, aut lupanaribus obversentur. Ibid. Op.*, p. 1111.

ніемъ Руссо, глубже и многостороннѣе Петрарки нападавшаго на современную ему дѣйствительность.

На-ряду съ стремленіемъ къ уединенію изъ пессимистическаго настроенія Петрарки вытекало и его требованіе полного равнодушія къ смерти, которое на первый взглядъ точно также сближаетъ перваго гуманиста съ средневѣковыми аскетами. Но тѣ основанія, опираясь на которыя онъ доказываетъ неразумность страха къ смерти, не только не имѣютъ ничего общаго съ монашествомъ, но иногда и прямо противоположны аскетическимъ воззрѣніямъ, причѣмъ вообще религіозная аргументація играетъ въ этомъ вопросѣ весьма незначительную роль. Петрарка отвергаетъ положеніе, что смерть есть зло, исходя, во-первыхъ, изъ своего взгляда на благотворную цѣлесообразность, всѣхъ актовъ природы и, во-вторыхъ, изъ пессимистическаго отношенія къ жизни. „Только слабость смертныхъ создаетъ дурную репутацію смерти,—говоритъ онъ.—Еслибы душа обладала силами, то смерть была бы не болѣе страшна, чѣмъ все то, что дѣлается природою. Почему ты болѣе боишься умереть, чѣмъ родиться, расти, старѣть, голодать, жажжать, бодрствовать, засыпать“ *)? Равнодушіе къ смерти тѣмъ возможнѣе и легче, что жизнь не представляется благомъ ни для разума, ни для чувства. „Вы плачетесь на смерть,—говоритъ Петрарка,—какъ будто бы жизнь была нѣчто великое. Если бы дѣйствительно въ ней было что-либо великое, то это имѣли бы и мухи, и пауки, и воробьи. Если бы жизнь всегда была благодѣяніемъ, то смерть была бы зломъ; но иногда она великое благо, потому что избавляетъ отъ нестерпимыхъ бѣдствій и вырываетъ и спасаетъ душу отъ предстоящихъ грѣховъ, которые составляютъ величайшее зло“ **). Даже христіанское требованіе *temperato mori* Петрарка рекомендуетъ съ чисто практической точки зрѣнія, потому, что не стоитъ привыкать къ кратко-

*) De remediis. Opera, p. 203.

**) Ibid., p. 208.

временной жизни *), и ссылается главнымъ образомъ на авторитетъ древней философіи, отмѣчая только, что въ данномъ случаѣ она согласна „съ новымъ благочестіемъ“ **).

Перечисляя источники грѣха въ своемъ сочиненіи *De otio religioso*, Петрарка вмѣстѣ съ аскетами ставитъ наряду съ міромъ плотъ и своимъ отношеніемъ къ физической природѣ человѣка болѣе всего приближается къ монашескимъ воззрѣніямъ. Тѣло, по взгляду Петрарки, „врагъ“ человѣка, „тюрьма и оковы“ для его духа, и „нѣтъ тюрьмы тѣснѣе и постыднѣе, чѣмъ эта тѣлесная темница“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій ***). Во-второмъ діалогѣ *De remediis utriusque fortunae*, гдѣ собесѣдниками являются Страхъ и Разумъ, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такой разговоръ.

Страхъ. Душа моя смерти боится.

Разумъ. Если для себя — страхъ излишенъ, потому что сама она бессмертна, если для тѣла, то эта забота о своемъ врагѣ—неподобающая добродѣтель (*pietas*). Если она боится его разрушенія и слишкомъ любитъ свою тюрьму и свои оковы, то это глупая любовь... Всѣ глупцы боятся умереть, и я не удивляюсь этому, потому что все ихъ счастье заключается въ тѣлѣ, которое безъ сомнѣнія уничтожается смертью“ ****). Итакъ, тѣло—необходимое зло, съ которымъ надобно уживаться во время земного существованія и избавленіе отъ котораго одна изъ заслугъ смерти, и эта мысль въ разныхъ формахъ довольно послѣдовательно проводится въ сочиненіяхъ Петрарки, вслѣдствіе

*) *Condiscite ab his sponte discedere, quae vobiscum diu esse non possunt et animo illa relinquere, antequam relinquamini. Ibid., p. 2.*

***) *Philosophi mortem neque malum eo quod per se ipsam nec timendam definiunt nec optandam; inter in differentia numerantes, quae pro qualitate fruentium nunc mala nunc bona fieri volunt. De remediis II, Op. 205.* И въ другомъ мѣстѣ: *Si rite doctus vereque est sapiens, vita omnis meditatio mortis est. Quod si philosophiae visum fuit antiquae, quis nunc novae pietati, quae summa Philosophia et vera est sapientia, videatur? Ibid., p. 204.*

***) *Opera, p. 156.*

****) *Opera, p. 204.*

чего онъ расходится и съ античной древностью, и съ своимъ собственнымъ взглядомъ на природу и не имѣеть ничего общаго съ новымъ человѣкомъ. Все, что въ этомъ отношеніи считалось благомъ въ древности и считается теперь,—для Петрарки зло, и наоборотъ. Тѣлесныя силы ни на что ненужны *); онъ называетъ ихъ „бычачьей славой“ (*taurina gloria*), и вопреки изреченію—*mens sana in corpore sano*, утверждаетъ даже, что „въ слабомъ тѣлѣ часто скрывается сильный духъ, какъ желѣзный мечъ въ гнилыхъ ножнахъ“ **). Болѣзнь для него благо: болѣзнь тѣла,—говоритъ онъ,—чрезвычайно полезна для здоровья души“ ***), потому что она воспитываетъ нѣкоторыя добродѣтели и вообще здоровье духа; вслѣдствіе всего этого, „хотя она и кажется зломъ и даже величайшимъ, тѣмъ не менѣе это зло желательно, потому что оно служитъ средствомъ противъ другаго большаго“ ****).

Этотъ взглядъ Петрарки, столь близкій „новому благочестію“, вытекаетъ, однако, не изъ аскетическаго воззрѣнія на человѣческую природу вообще. Его связь съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ чисто-психическая и никоимъ образомъ не логическая. Сильно развитой умственный трудъ, стремленіе къ внутренней свободѣ отъ страстей, страданіе отъ неудовлетворенной любви—словомъ, цѣлый рядъ личныхъ особенностей вызвалъ въ Петраркѣ особенно усиленную борьбу противъ тѣлесныхъ страстей, о которой онъ весьма охотно говоритъ въ своей перепискѣ и которую очень наглядно изображаетъ въ своихъ *Psalmi poenitentiales*. Это личное настроеніе, можетъ быть нѣсколько преувеличенное въ письмахъ и стихотвореніяхъ, Петрарка, какъ всегда, старается санкціонировать авторитетатами, какъ христіанскаго, такъ и языческаго міра, при чемъ и въ этомъ вопросѣ онъ стоитъ несравненно ближе къ по-

*) *Istae (vires) non tuae sunt, sed hospitii, immo carceris tui vires* Op., p. 4.

***) *Opera*, p. 107.

****) *Ibid.*, p. 109.

*****) *Ibid.*, p. 4.

слѣднимъ этико-философскимъ доктринамъ античнаго міра, неоплатонизму и стоицизму, нежели къ аскетизму. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить отношеніе Петрарки къ духовной природѣ человѣка и преимущественно къ разуму. Въ этомъ вопросѣ, самомъ существенномъ для эпохи Возрожденія и чрезвычайно важномъ въ культурно-историческомъ отношеніи вообще, онъ вполне порвалъ съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ и сталъ на совершенно *новую* точку зрѣнія, діаметрально противоположную аскетизму.

Различая двѣ стороны въ человѣческой природѣ, физическую и духовную, Петрарка видитъ антагонизмъ между ними, стремленіе низшей подчинить себѣ высшую. Тѣло—источникъ зла потому, что оно унижаетъ, ослабляетъ духъ. истинную и „благородную“ сущность нашей природы; и во имя и въ интересахъ этой сущности Петрарка враждебно относится къ тѣлу и требуетъ борьбы съ нимъ. „Истинная и благородная сила человѣка заключается въ духѣ,—говоритъ онъ. Тѣло—только какъ бы домъ души... Я сказалъ бы больше, если бы ты могъ больше понять... тѣло не домъ духа, но тюрьма, не другъ его, а домашній врагъ; его брѣнность должна быть для тебя желательна, чтобы тѣмъ скорѣе сдѣлаться свободнымъ и побѣдителемъ“ *) Если тѣло — ненавистная тюрьма, то заключающійся въ немъ узникъ — перлъ созданія, вѣнецъ природы, царь животнаго царства. „У другихъ животныхъ есть такая сила, быстрота, такая ловкость и вообще такія средства, какихъ не достаетъ человѣку, говоритъ Петрарка; но онъ наложилъ ярмо на неукротимыхъ быковъ и узду на дикихъ лошадей и сдѣлалъ страшныхъ когтями медвѣдей, зубами вепрей и рогами оленей украшеніемъ своего стола... У тебя нѣтъ силы быка, но быкъ для тебя пашетъ; у тебя нѣтъ быстроты лошади, но она для тебя бѣгаетъ; у тебя нѣтъ полета цапли, но цапля для тебя летаетъ; у тебя

*) De remediis, Opera, p. 108.

нѣтъ крѣпости слона или верблюда, но онъ для тебя возить цѣлыя башни груза“ *). Выше, удивительнѣе, интереснѣе духовной природы человѣка Петрарка не знаетъ ничего во всей безграничной области мірозданія. „Удивительное сумасбродство человѣка, — говоритъ онъ по поводу восхищенія живописью, который удивляется всему, кромѣ самого себя, тогда какъ между всѣми произведеніями не только искусства, но и природы нѣтъ ничего болѣе удивительнаго“ **). Петрарка глубоко вѣритъ въ высокую нравственную цѣну человѣческаго духа и весьма близко подходитъ къ тому воззрѣнію, по которому человѣкъ своими собственными силами можетъ достигнуть конечной цѣли земного существованія, какъ понимаетъ ее церковь. „Я вѣрю, — говоритъ онъ, — что благородный духъ человѣка ни на чемъ не успокоится, кромѣ какъ на Богѣ, цѣли нашего существованія, кромѣ какъ на себѣ самомъ и на своихъ внутреннихъ стремленіяхъ (arganas curas suas), кромѣ какъ на другой душѣ, близкой ему въ силу большого сходства, ибо хотя удовольствіе намазано самымъ липкимъ клеємъ, однако оно не можетъ слишкомъ долго привязывать къ землѣ его могучія крылья“ ***). Вопреки своему пессимизму и стремленію удалиться отъ заботъ и тревогъ практической жизни, Петрарка высоко цѣнитъ не только идеальныя и теоретическія стремленія человѣческаго духа, но и его практическія способности. „Иные люди, — говоритъ онъ, — весьма способные къ практической дѣятельности (ad res gerendas acutissimi), считаются неспособными къ усвоенію наукъ; ихъ каждый назоветъ проницательными, осмотрительными или ловкими (vel sagaces, vel cautos, vel solertes), и этимъ, по моему мнѣнію, не уклонится ни отъ истины, ни отъ обычнаго способа выраженія“ ****).

*) Ibid., p. 185, 186.

**) Ibid., p. 39.

***) De vita solitaria. Opera, p. 226.

****) Opera, p. 409. Для прославленія всѣхъ сторонъ человѣческаго духа Петрарка составилъ обширное сочиненіе подъ заглавіемъ „О достопримѣчательностяхъ“ (De rebus memorandis) — обширное собраніе фактовъ и анекдо-

Несмотря на полную несомѣстимость такого взгляда на духовную природу человѣка съ аскетическими воззрѣніями на нее, Петрарка не желаетъ отрываться отъ церковной почвы и старается санкціонировать свою точку зрѣнія религиозными соображеніями. Для этой цѣли ученію о перво-родномъ грѣхѣ, изъ католическаго толкованія котораго вытекалъ и аскетизмъ, и господство церкви, онъ придаетъ иной смыслъ, не вдаваясь, впрочемъ, въ богословскія тонкости. По мнѣнію Петрарки, грѣхопаденіе прародителей не исказило въ конецъ человѣческой природы, не уничтожило въ ней способности къ добру, но только прибавило къ ея свѣтлымъ сторонамъ одну темную — именно склонность къ грѣху и вытекающія изъ совершеннаго грѣха страданія*). По существу своему, человѣкъ остался такимъ же образомъ и подобіемъ Бога, какимъ онъ былъ созданъ. Воскресеніе тѣла для загробной жизни и не только для страданія, но и для блаженства, также указываетъ на совершенство нашей природы; правда, то тѣло будетъ иное, не тюрьма и не оковы; но такая оболочка и соотвѣтствуетъ „благородной“ сущности человѣка и его духу. Наконецъ, тотъ фактъ, что Христосъ вочеловѣчился, служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого взгляда. Если сынъ Божій принялъ человѣческую природу, то человѣкъ вправѣ считать себя высшимъ созданіемъ, „отблескомъ Бога на землѣ**).

Рѣзко расходясь съ аскетизмомъ во взглядѣ на природу и на духовныя свойства человѣка и поверхностно сближаясь съ нимъ въ отношеніи къ жизни и къ нашей физической природѣ, Петрарка основывалъ свои воззрѣнія на своемъ личномъ настроеніи и только искалъ санкціи у языческихъ или у христіанскихъ авторитетовъ, или у тѣхъ и дру-

товъ изъ древняго міра и современности для иллюстраціи высокаго развитія различныхъ способностей человѣка. См. о немъ Ранній итальянскій гуманизмъ вып. I, стр. 252 и слѣд. и приведенную тамъ литературу).

*) De remediis, p. 185.

***) Ibid, p. 184.

гихъ одновременно, смотря потому, гдѣ находилъ болѣе подходящее для себя ученіе. При такомъ эклектизмѣ и вообще трудно избѣгать противорѣчій, а для Петрарки эта трудность превращалась въ полную невозможность, такъ какъ его настроеніе было лишено цѣльности. Такъ, пессимизмъ Петрарки, при его отношеніи къ природѣ и къ человѣку, можно объяснить съ психологической точки зрѣнія; но логически онъ стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ его прочими взглядами. Если міръ Божій такъ прекрасенъ, если все въ природѣ такъ цѣлесообразно и мудро, то физическая сторона человѣка съ ея естественными наклонностями, какъ часть этой природы, не можетъ быть признана зломъ по существу. Съ другой стороны, если духъ человѣка такъ благороденъ и такъ могучъ, то жизнь, гдѣ онъ является не послѣднимъ факторомъ, не можетъ быть сплошнымъ бѣдствіемъ. Эти противорѣчія выступаютъ еще рѣзче, когда Петраркѣ приходится прилагать свои основныя воззрѣнія къ важнѣйшимъ сторонамъ индивидуальной и общественной жизни,—къ семьѣ, къ государству и къ собственности. Такъ, въ воззрѣніяхъ на семью онъ внѣшнимъ образомъ сближается съ аскетами, но по существу остается вѣрнымъ своему приему, обобщаетъ личное настроеніе и впадаетъ въ противорѣчіе съ своими общими воззрѣніями.

Петрарка на себѣ испыталъ, что значитъ нераздѣленное чувство къ женщинѣ, и поэтому любовь—основаніе семьи—онъ считаетъ величайшимъ бѣдствіемъ для человѣка, и въ прозѣ опровергаетъ съ большимъ одушевленіемъ то, что съ такою прелестью изображалъ въ поэзіи. Діалогъ *De contemptu mundi*, гдѣ собесѣдниками являются онъ самъ и бл. Августинъ, представляетъ горячую полемику противъ сонетъ и канцонъ. Бл. Августинъ отрицаетъ и счастье любви, и ея благотворное дѣйствіе съ свойственнымъ Петраркѣ глубокимъ знаніемъ этого вопроса.—„Подумай только, какъ развратила твою мысль эта чума, въ какую бездну страданій повергла она тебя,—говоритъ онъ Петраркѣ.—Ты дошелъ до того, что съ печальнымъ наслажденіемъ питаешь-

ся вздохами и слезами, проводя безсонныя ночи, презирая все на свѣтѣ, ненавидя жизнь, желая смерти, любя уединеніе и избѣгая людей. О тебѣ можно сказать то же самое, что оговорится о Беллерофонтѣ у Гомера:

Онъ по Алейскому полю скитался кругомъ, одинокій,
Сердце тоскою круша, убѣгая слѣдовъ чловѣка*).

Отсюда происходитъ блѣдность, худоба и увядшій прежде времени цвѣтъ юности, отсюда постоянныя слезы на печальныхъ глазахъ, отсюда неясность мысли, отсюда безпокойныя сновидѣнія и горькая жалоба во снѣ, отсюда разбитый, хриплый отъ скорби, голосъ, слабая, прерывающаяся рѣчь. Что можно представить себѣ тревожнѣе и безпокойнѣе этого? Ужели все это кажется тебѣ признакомъ здоровья? Развѣ не она (illa) положила конецъ твоимъ праздничнымъ днямъ и начало скорбнымъ? Приходитъ она — солнце засіяло; ея нѣтъ — наступила ночь, отъ измѣненія ея лица измѣняется твое настроеніе, и ты весь зависишь отъ ея произвола“ **). „Любовь — тайный огонь, — говоритъ онъ въ другомъ сочиненіи, — приятная рана, вкусный ядъ, сладкая горечь, услаждающая болѣзнь, привлекательная казнь, пріятная смерть“ ***).

Отрица я любовь вслѣдствіе причиняемыхъ ею страданій, Петрарка этимъ самымъ подрываетъ одно изъ самыхъ существенныхъ побужденій къ семейной жизни. Но онъ на этомъ не останавливается. Семья отталкиваетъ его главнымъ образомъ потому, что характеръ женщины дѣлаетъ совмѣстную жизнь съ ней настоящимъ бѣдствіемъ. Присутствіе въ домѣ женщины дѣлаетъ невозможнымъ спокойствіе, научныя занятія, дружбу и какія бы то ни было привязанности. „Чѣмъ привлекательнѣй женская красота, тѣмъ она страшнѣе и

*) Ibid. VI, 202—3. Петрарка самъ передѣлалъ прозаическій переводъ этого мѣста въ латинскій гекзаметръ.

Qui miser in campis errabat Aleis
Ipse suum cor edens, hominum vestigia vetans.

***) Opera, p. 357, ср. p. 363 и 364.

****) Ibid., p. 62.

гибельнѣе,—пишетъ Петрарка.—Я уже не говорю о женскихъ нравахъ, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе непостояннаго и болѣе враждебнаго для стремящагося къ спокойствію, чѣмъ женскій характеръ. Если ты ищешь покоя, то берегись женщины, этого непрерывнаго источника споровъ и хлопотъ. Покой и женщина рѣдко обитаютъ подъ одною кровлею“ *).

„Свадьба съ женою—это разводъ съ миромъ“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—Я лучше желалъ бы, чтобы у тебя въ домѣ были не только дятлы (picas) и попугаи, но даже совы и филины, чѣмъ женщина; тѣ будутъ пѣть, а она браниться, тѣ будутъ что-нибудь произносить, а она только мучить, тѣхъ можно удалить, а ее нельзя. Ты связанъ огромной цѣпью, отъ которой освободить тебя только смерть... Развѣ мало извѣстенъ нравъ женщины? Учись рабствовать, учись терпѣть, учись терять близкихъ людей, и отдай всего себя одному супружеству“. Выбрать жену, жизнь съ которой не была бы мученіемъ, по мнѣнію Петрарки, невозможно:—„некрасивая легко надоѣсть, красивую трудно охранять въ силу того закона, что между красотой тѣла и чистотой души существуетъ почти постоянная вражда“. Если даже женщина обладаетъ внѣшними и внутренними достоинствами, если она знатнаго происхожденія, богата, красива, талантлива, обладаетъ нѣжными чувствами, пользуется безукоризненною репутаціей, то она непременно горда, и Петрарка согласенъ съ сатирикомъ, который предпочитаетъ жениться на Венузинѣ, чѣмъ на Корнелии, матери Гракховъ и дочери Сципіона Африканскаго. Если жена бѣдна, то семья тягость; если она имѣетъ хорошее приданое, то хуже этого нельзя себѣ ничего представить: тогда она считаетъ все позволительнымъ для себя и смотритъ на бѣднаго мужа, какъ на своего раба **). Даже если жена и любитъ мужа, то для него проистекаютъ изъ этого одни только бѣдствія: неотвѣчая вза-

*) De vita solitaria Op., p. 257. Въ De remediis Петрарка говоритъ—amicitiarum scopulus uxor imperiosa et viri affectuum moderatrix. Op. 60.

**) Ibid., p. 59, 60 и 61.

имностью, мужъ превращаетъ любовь жены въ ненависть; въ противномъ случаѣ еще хуже—онъ становится настоящимъ мученикомъ женскихъ капризовъ и ревности, и его жизнь дѣлается хуже смерти. „Если жена пламенно тебя любить,—говоритъ Петрарка,—и не чувствуетъ себя любимой взаимно, то любовь остываетъ и превращается въ ненависть. Если же и у тебя равная любовь и ты самъ пламенѣешь, то ты по необходимости весь отдашь женѣ. Тогда ты—бессонный мужъ ревливой супруги. Всю ночь будетъ она тревожить и будить тебя то ласками, то жалобами, то ложными обвиненіями. Если ты слишкомъ свободно поворотилъ глазами, если слишкомъ ласково отвѣтилъ на улыбку, если поздоровался съ сосѣдкой или похвалилъ чью-нибудь наружность, если поздно вернулся домой, а въ концѣ концовъ что бы ни сдѣлалъ или ни сказалъ—ты всегда будешь заподозрѣнъ и обвиненъ въ оскорбленіи любви. Если это называется жизнью, то я не знаю, что слѣдуетъ называть смертью“ *). При такомъ отношеніи къ женщинѣ совершенно естественно, что семейная жизнь представляется Петраркѣ настоящимъ земнымъ адомъ. „Какой превратный и тупой умъ у человѣка, который плачетъ на похоронахъ жены и пляшетъ на свадьбѣ!—говоритъ онъ.—Ты побѣдилъ въ большомъ сраженіи, избавился отъ долгой осады“. „Потерять жену“, точно такъ же нельзя сказать, по мнѣнію Петрарки, какъ не говорить „я потерялъ лихорадку или чечотку“. „Потеря бываетъ иногда видомъ выгоды,—заключаетъ онъ,—ты потерялъ жену и приобрѣлъ свободу, холостую жизнь, миръ, сонъ, спокойствіе **),

Но какъ ни рѣзко нападаетъ Петрарка на женщину и на семью, его взгляды и здѣсь только совпадаютъ съ монашескими, а не вытекаютъ изъ аскетическаго идеала. Въ своихъ нападкахъ на семью онъ остается на чисто-свѣтской и практической точкѣ зрѣнія интересовъ земной жизни; обвиняя женщину, онъ никогда не прибѣгаетъ къ аске-

*) Ibid.

***) Opera, p. 125, ср. p. 127.

тической аргументаціи, потому что преслѣдуетъ инныя цѣли: для аскета женщина — зло, потому что она связываетъ человѣка къ міру и этимъ ведетъ его къ вѣчной гибели; для Петrarки — она отравляетъ земное существованіе. Петrarка допускаетъ, что встрѣчаются, хотя и рѣдко, хорошія женщины и образцовыя жены. Онъ самъ перевелъ изъ Декамерона Боккачіо десятую новеллу послѣдняго дня, гдѣ въ яркихъ краскахъ изображена поразительная преданность мужу Гризельды, жены одного князя въ Пьемонтѣ. Но это не измѣняетъ его основныхъ взглядовъ на семью. „Если нравъ женщины, — говоритъ онъ, — и весьма кротокъ, что рѣдко бываетъ, то все-таки вредно самое ея присутствіе, самая ея тѣнь“ *). Но кромѣ жены въ составъ семьи входятъ дѣти, которыя видоизмѣняютъ и осложняютъ характеръ семейной жизни. Для Петrarки, отрицательно относящагося къ семьѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе связанныхъ съ нею заботъ и хлопотъ, дѣти должны были представлять собою новый аргументъ въ пользу холостой жизни. Но личное чувство говорило другое, и онъ колеблется, впадаетъ въ противорѣчіе, касаясь этого вопроса. Въ первой части *De Remediis utrius fortunae* онъ называетъ дѣтей „домашнимъ бременемъ“, „сладчайшей горечью“, „желчью, обливаю медомъ“. „Вѣрь мнѣ, — говоритъ Разумъ Радости, — что у тебя родился источникъ тяжелыхъ домашнихъ заботъ, и ты никогда болѣе не будешь жить безъ страха и огорченій“. Но во второй части того же сочиненія Разумъ говоритъ совсѣмъ другое: „дѣти, если они хороши, не трудъ, а успокоеніе родителей, облегченіе ихъ отъ трудовъ и утѣшеніе при всякой судьбѣ“ **). Но и дѣти только смягчаютъ тягости семейной жизни, но никоимъ образомъ не дѣлаютъ ея желательной, и Петrarка въ концѣ концовъ приходитъ къ тому выводу, что „нѣтъ ничего счастливѣе холостой жизни“ ***).

*) *De vita solitaria*, Op., p. 257.

**) *Opera*, p. 64 и 118.

***) *Opera*, p. 257.

Какъ истый индивидуалистъ, Петрарка вовсе не касается семьи, какъ общественнаго союза, и ни слова не говоритъ о ея значеніи для государства. Судя по этому, можно было бы думать, что онъ относится по меньшей мѣрѣ индифферентно и къ политическому союзу. Но Петрарка былъ горячій патріотъ и въ силу этого личнаго настроенія глубоко интересовался политическими событіями своего времени. Успѣхи Роберта Неаполитанскаго, попытка Кола ди Ріенцо, походъ въ Италію Карла IV, вопросъ о возвращеніи папы изъ Авиньона въ Римъ—все это очень занимало Петрарку и отразилось на его перепискѣ *). Правда, и по отношенію къ политикѣ онъ настроенъ очень пессимистически. „Хотя, конечно, человѣкъ называется животнымъ политическимъ и общественнымъ,—говоритъ Петрарка,—однако, если это и оказывается вѣрнымъ, то справедливы также и слова сатирика, что гораздо болѣе согласія между животными, чѣмъ между людьми“ **). Но изъ печальнаго положенія политической дѣйствительности Петрарка вовсе не дѣлаетъ аскетическаго вывода, что государство, какъ дѣло Каина, есть зло по самому своему существу. Стремясь къ уединенію, онъ, какъ мы видѣли, не только не отрекается отъ человѣческаго общежитія, но пытается даже доказать, что его стремленіе полезно для политіи, а въ одномъ изъ своихъ старческихъ писемъ, представляющемъ цѣлый трактатъ „о наилучшемъ управленіи государствомъ“, Петрарка прямо примыкаетъ къ античному взгляду на государство. Приведа слова Цицерона, что „для верховнаго бога, который управляетъ міромъ, нѣтъ ничего на землѣ болѣе пріятнаго, чѣмъ собранія и соединенія (*consilia coetusque*) людей, объединенныхъ правомъ, которыя называются государствомъ“, онъ прибавляетъ: „хотя тотъ, кто это говоритъ, язычникъ, однако его мнѣніе не противно (*non abohrens*) христіанской истинѣ и религіи“ ***).

*) См. мою статью: Петрарка, какъ политикъ. (Очерки итальянскаго Возрожденія. М. 1896).

**) *De remediis*. Opera, p. 135.

***) *De republica optime administranda*. Opera, p. 374.

Рѣзко расходясь съ аскетизмомъ въ воззрѣнїи на государство, Петрарка снова сближается съ нимъ, хотя, какъ всегда, только чисто-внѣшнимъ образомъ, въ многочисленныхъ выходкахъ противъ собственности. Онъ возстаетъ противъ богатства и восхваляетъ бѣдность, но не съ церковной точки зрѣнїя, а отчасти по индивидуальнымъ, отчасти по политическимъ соображенїямъ: богатство не даетъ личнаго счастья; оно портитъ нравы и ведетъ къ гибели государства. Но мы не находимъ въ сочиненїяхъ Петрарки ни одной выходки противъ самого института собственности, хотя его горячая полемика противъ пороковъ, связанныхъ съ обладанїемъ богатствомъ, естественно наталкивала на такое отрицанїе. Наоборотъ, въ только-что названномъ трактатѣ онъ доказываетъ, что сохраненїе и увеличенїе собственности гражданъ должны составлять одну изъ важнѣйшихъ задачъ хорошаго правителя *), а въ другомъ мѣстѣ старческихъ писемъ онъ заявляетъ, что бѣдность, какъ и богатство, если имъ не злоупотребляютъ, одинаково безразличны съ нравственной точки зрѣнїя **).

Итакъ, первый гуманистъ въ самыхъ основныхъ пунктахъ разошелся съ аскетическимъ міросозерцанїемъ; но, какъ мы видѣли, онъ неизмѣнно держался религіозной этики и продолжалъ считать цѣлью нравственной дѣятельности человѣка достиженїе земною жизнью загробнаго блаженства. Отсюда неизбѣжно возникалъ вопросъ о новыхъ средствахъ для достиженїя этой цѣли, такъ какъ аскетическіе подвиги не находили оправданїя съ той точки зрѣнїя, которой держался Петрарка. Въ его воззрѣнїяхъ на природу и человѣка уже заключались основы для новаго рѣшенїя этого вопроса: если природа, мудрая руководительница человѣка, ведетъ его къ благу, если наши духовныя стремленїя точно также по существу направлены къ добру, то отсюда вытекала новая этика. Но Петрарка не сдѣлалъ моральныхъ вы-

*) Ibid.

**) *Epistolae rerum senilium*. Opera, p. 757—8.

водовъ изъ своего взгляда на природу и человѣка, потому что такіе выводы повели бы къ рѣшительному разрыву съ церковною доктриной, а для этого у перваго гуманиста не было ни достаточной смѣлости мысли, ни достаточно глубокаго религіознаго чувства. Петрарка даже не сознаваль ясно, а только смутно чувствовалъ свой разрывъ съ аскетическою моралью, и въ этомъ слѣдуетъ искать объясненія его сближенія съ мистиками. Но мистицизмъ съ его равнодушіемъ къ жизни и отрицательнымъ отношеніемъ къ разуму и наукѣ противорѣчилъ индивидуальнымъ наклонностямъ и основаннымъ на нихъ воззрѣніямъ Петрарки, и первый гуманистъ не сдѣлался послѣдовательнымъ мистикомъ. Главное препятствіе для этого составляли его интересъ къ жизни и особенно любовь къ наукѣ; поэтому Петрарка, доходившій одно время до отрицанія науки, въ концѣ концовъ объявляетъ ее,— правда, не безъ колебаній и самопротиворѣчій,—моральною силой на-ряду съ евангельскими добродѣтелями.

VI.

Отношеніе Петрарки къ наукѣ.—Ея связь съ религіей и моралью.—Истинный объектъ науки.—Отношеніе Петрарки къ праву, естествознанію и медицинѣ и защита свободы науки.—Взглядъ Петрарки на краснорѣчіе и на поэзію и его отношеніе къ эстетикѣ.

Отношеніе Петрарки къ наукѣ составляетъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ перехода средневѣковой мысли въ новую исторію. По исходному пункту во взглядѣ на науку Петрарка стоитъ на почвѣ средневѣковаго мистицизма. Въ полемикѣ противъ средневѣковой схоластики онъ не разъ высказывалъ мысль, что знанія сами по себѣ не только не имѣютъ никакой цѣны, но даже вредны для спасенія. Но такой выводъ непосильно суровъ для человѣка, для котораго наука—не „трудъ“, а „усллада жизни“, „радость“, „утѣшеніе и защита въ старости“ *), и Петрарка смягчаетъ свой выводъ, допуская, что если науки и затруд-

*¹) Epistolae rerum senilium. Opera, p. 774.

няютъ спасеніе, то не составляютъ для него абсолютнаго препятствія и вслѣдствіе этого возвышаютъ, такъ сказать, цѣну святости. Въ отвѣтъ Боккачіо, подъ влияніемъ грознаго пророчества усумнившемуся въ пользѣ наукъ, Петрарка говоритъ. „Я знаю, что многіе безъ наукъ достигли высокой святости... Даже болѣе, я чувствую, что путь къ добродѣтели посредствомъ невѣжества можетъ быть и ровный, но безславный (*planum forsitan, sed ignavum iter per ignorantiam ad virtutem*); цѣль всѣхъ благъ одна, но пути многочисленны, и къ ней стремятся весьма различные люди: одинъ медленнѣе, другой быстрѣе, тотъ незамѣтнѣе, этотъ славнѣе, одинъ низменнѣе, другой возвышеннѣе. Путь всѣхъ ихъ ведетъ къ блаженству (*beata peregrinatio*), но тотъ, конечно, славнѣе, который блестящѣе (*clarior*), который возвышеннѣй, а отсюда слѣдуетъ, что грубость (*rusticitas*), хотя бы и благочестивая, несравнима съ ученымъ благочестіемъ *).

Такимъ образомъ, наука спасена, за ней признано право на существованіе, хотя нельзя сказать, чтобы аргументація, которой она обязана своей побѣдой надъ добродѣтельнымъ невѣжествомъ, была особенно блестяща и убѣдительна. Но Петрарка не останавливается на такомъ сравнительно слабомъ значеніи науки и старается поднять ея цѣну, опять опираясь на средневѣковую почву. По его мнѣнію, наука бесполезна, только взятая сама по себѣ, индифферентная къ морали человѣка и къ конечной цѣли его земнаго существованія; но ей можно придать и другое направленіе, и тогда она ведетъ къ спасенію. Для этой цѣли науку необходимо подчинить религіи, и Петрарка выражаетъ эту мысль въ формѣ молитвеннаго воззванія, полемизируя противъ аверроистовъ. „О Иисусъ, питатель и спаситель, истинный Богъ всѣхъ наукъ и таланта, податель истины, царь славы и Господь добродѣтелей! Преклоняя колѣна, прошу и умоляю Тебя, если Ты не хочешь дать мнѣ большаго, пусть по крайней мѣрѣ вы-

*) Ibid.

падетъ мнѣ на долю быть хорошимъ человѣкомъ, а не любя Тебя и не служа Тебѣ съ благоговѣніемъ, я не могу достигнуть этого. Для этого, а не для наукъ я рожденъ, которыя, если предаться имъ однимъ, внушаютъ гордость, разрушаютъ, а не созидаютъ; онѣ однѣ—блестящія оковы, тяжелое дѣло, шумная тяжесть (*sonorum pondus*) души. Ты знаешь, Господи, что въ наукахъ, трезво занимаясь ими, я не искалъ ничего больше, какъ средства, чтобы сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, и не потому, что вѣрилъ, что науки или кто-нибудь, кромѣ Тебя, могъ сдѣлать это, хотя бы это обѣщала Аристотель и многіе другіе. Если я и думалъ, что путь науки, который я избралъ, почетнѣе, вѣрнѣе и въ то же время пріятнѣе, то исключительно подъ Твоимъ руководствомъ на этомъ пути⁴ *).

Такое подчиненіе науки религіи не вполне вяжется съ возрѣніемъ Петрарки на свойства духовной природы человѣка и, повидимому, представляетъ собою шагъ назадъ, по направленію къ Томѣ Аквинскому, даже сравнительно съ неонеоминалистами, которые пытались установить независимость науки. Но сходство въ этомъ отношеніи между первымъ гуманистомъ и ортодоксальною схоластикой имѣетъ чисто-внѣшній характеръ, и Петрарка, подчиняя науку религіи, освобождаетъ ее отъ всякой зависимости по отношенію къ теологіи, признаетъ ея самостоятельное значеніе и приписываетъ ей высокій нравственный авторитетъ. Наука, по взгляду Петрарки, служанка не богословія, а религіи,— другими словами, она имѣетъ свой особенный объектъ изученія, можетъ имѣть свои пріемы и только должна приводить къ тѣмъ же результатамъ, что и религія,—къ истинной мудрости, т.-е. къ нравственному совершенству и вѣчному спасенію. Наука и религія имѣютъ или должны имѣть одинаковыя дѣли, причемъ наука подчинена контролю религіи, но зато получаетъ отъ нея моральную⁷ санкцію, которая дѣлаетъ ее самостоятельной учительницей добродѣ-

*) De ignorantia. Opera, p. 1039.

тели, или, говоря точнѣе, самостоятельную добродѣтельную. Самыя обязанности науки по отношенію къ религіи исчерпываются тѣмъ, что она не должна приводить къ безбожію; во всемъ остальномъ ей предоставляется полная свобода. „Есть наука, пишетъ Петрарка брату, которая изслѣдуетъ природу всѣхъ вещей—прекраснѣйшее изученіе, если только не забываетъ господина природы. Есть наука, которая общаетъ какъ излѣченіе тѣла, такъ даже и здоровье души—полезнѣйшая изъ наукъ, если она надѣется для исполненія обѣщаннаго на небесную помощь и понимаетъ, что безъ нея она бессильна. Хотя полезна для больного тѣла сила рождающихся въ землѣ травъ, хотя многіе приготовляютъ словесныя лѣкарства для немощной и усталой души, однако истинное здоровье того и другого человѣка отъ Бога“. Въ томъ же смыслѣ говоритъ онъ и о другихъ наукахъ *).

Въ связи съ моральнымъ значеніемъ науки долженъ стоять, по мнѣнію Петрарки, и объектъ ея, подсказанный глубокимъ интересомъ перваго гуманиста къ человѣку и къ міру, въ которомъ онъ живетъ. Если наука должна вести къ нравственному совершенству, то предметомъ ея изученія долженъ быть человѣкъ и все то, что имѣетъ къ нему отношеніе. Весь міръ, слѣдовательно, подлежитъ изученію, но цѣль этого изученія—самопознаніе. Съ этой и только съ этой точки зрѣнія Петрарка признаетъ науку. „Хотя ты позналъ всѣ гайны,—говоритъ онъ,—позналъ широту земли, глубину моря, высоту неба; но если ты не знаешь самого себя, то ты похожъ на человѣка, воздвигающаго зданіе безъ фундамента: не постройку ты производишь, а разрушеніе. Не мудрецъ тотъ, кто не знаетъ себя (*non est sapiens, qui sibi non est sapiens*), потому что въ снисканіи своего спасенія для тебя нѣтъ никого болѣе роднаго, болѣе близкаго, чѣмъ ты самъ... Нѣкоторые по глупости или по гордости, не зная себя, думаютъ приобрѣсти знаніе бо-

*) Fracass. II, 95—96.

жественныхъ предметовъ; но какимъ образомъ можетъ познать Бога тотъ, кто, несомнѣнно, себя не знаетъ? Незнающему себя самого невозможно познать Бога“ *).

Но если наука стоитъ на вѣрномъ пути, если она ведетъ къ самопознанію, то она имѣетъ огромную нравственную цѣну и ея внѣшнее стѣсненіе не должно имѣть мѣста. Забывая о спасительности невѣжества, Петрарка утверждаетъ, что оно-то именно и составляетъ источникъ всѣхъ пороковъ. Человѣкъ долженъ знать свою природу, свои свойства, свое положеніе въ мірѣ,—знать, „чѣмъ онъ былъ до рожденія, что онъ такое послѣ рожденія, чѣмъ будетъ по смерти?“ Невѣжество въ этомъ отношеніи ведетъ къ порокамъ и къ величайшему изъ нихъ—гордости, а самопознаніе служитъ источникомъ важныхъ добродѣтелей—смиренія и страха Божія **).

Эти два требованія отъ науки—правильно понятый объектъ ея и моральное воздѣйствіе ея на человѣка служатъ для Петрарки критеріемъ, отличающимъ истинную науку отъ ложной, и этотъ критерій онъ прилагаетъ при оцѣнкѣ того научнаго запаса, который находился въ обладаніи человечества въ XIV столѣтіи. Наука, которую знали первые гуманисты, была продуктомъ двухъ историческихъ эпохъ—древняго міра и среднихъ вѣковъ. Въ сущности это была одна наука, но, выработанная при двухъ различныхъ міросозерцаніяхъ, она представлялась раздѣленною на двѣ части, не имѣющія между собою ничего общаго. По своему происхожденію, схоластика была тою же древностью, какую знали гуманисты; она приняла въ себя почти все ея содержаніе, кое-что дополнила, но такъ видоизмѣнила наследство, придала ему такую форму, что гуманисты съ перваго раза не замѣтили родства и, признавъ источникъ схоластики за что-то совершенно новое, отвергли ее, какъ ни на что негодный хламъ, какъ вѣковое заблужденіе. Пер-

*) De vera sapientia. Opera, p. 325.

**) Ibid.

вый примѣръ такого огульнаго отрицанія подалъ Петрарка, который называлъ современную ему учено-литературную дѣятельность общественною болѣзною, заразительной и неизлѣчимой. „Всѣ узурпировали обязанность (*officium*) писать, которая лежитъ только на немногихъ,—говоритъ онъ.—Содня на день возрастаетъ число больныхъ и въ то же время увеличивается сила болѣзни; съ каждымъ днемъ пишетъ все большее количество людей и съ каждымъ днемъ пишутъ все хуже... Ни въ какую эпоху не было такого изобилія пишущихъ и разсуждающихъ и такого недостатка въ краснорѣчивыхъ“ *). Но это огульное отрицаніе современной ложной науки не исключаетъ благотворности науки истинной, которая была въ распоряженіи „отцевъ“, т. е. науки античнаго міра. Если современные ученые—вредные болтуны, то представители старой науки—почтенные и полезные дѣятели, и это общее положеніе Петрарка доказываетъ анализомъ всѣхъ отраслей тогдашняго научнаго знанія.

Единственными представителями свѣтскаго знанія въ средніе вѣка были юристы и натуралисты-медики, и Петрарка не отрицаетъ по существу ихъ спеціальности. Что касается до права, то онъ вполне признаетъ важность и теоретической и практической дѣятельности въ этой сферѣ; онъ допускаетъ, что эта сторона общественной жизни имѣетъ существенное значеніе для человѣка, и ея изученіе, слѣдовательно, входитъ въ составъ признаваемой имъ науки. Но къ современнымъ юристамъ онъ относится отрицательно и прежде всего потому, что они не понимаютъ права. „Законовъ,—говоритъ онъ,—написанныхъ отцами или съ такою великою серьезностью ума или со способностью таланта, они не понимаютъ или искажаютъ ихъ.“ „Кромѣ того, современные юристы не принадлежатъ къ настоящимъ ученымъ и по своимъ личнымъ свойствамъ“. Правосудіе,—продолжаетъ онъ,—столь старательно отправляемое отцами,

*) *Epistolae rerum senilium*. Op., p. 774.

они позорятъ, дѣлая его продажнымъ товаромъ. Языкъ, руки, способности, душа, честь, репутація, время, вѣрность, дружба, наконецъ, — все у нихъ продажно* *). Обвиненіе современной науки за недостатки ея представителей было вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія Петрарки: первый признакъ истинной науки—ея нравственное вліяніе, и, наоборотъ, дурные люди не могутъ разрабатывать истинную науку. Поэтому, неудовлетворенный современностью, онъ обращается назадъ и находитъ тамъ то, чего ей не достаётъ. „Отцы“ написали свои хорошіе законы; кромѣ того, къ нимъ перешли учрежденія Форонея, Ликурга и Солона, которыя они изучили, дополнили, усовершенствовали, которымъ вообще придали „много украшенія и достоинства“ **). Римское право—достойный предметъ изученія, а потому его древніе знатоки не похожи на современныхъ. „Тѣ окружили юстицію строгими законами, эти протитуируютъ ее, безоружную и обнаженную; у тѣхъ стояла въ дѣлѣ истина, у этихъ обманъ; тѣ давали опредѣленные и непреложные отвѣты народамъ, эти хитростями и мелкими обманами поддерживаютъ тяжбы и, подлежа смерти отъ меча правосудія, желаютъ сдѣлаться безсмертными. Зачѣмъ больше останавливаться на этомъ? Кто съ большею ловкостью подчинилъ своей страсти непослушный и противодѣйствующій ей законъ, тотъ и исполнилъ обязанность юриста и заслужилъ имя ученаго мужа“ ***). Очевидно для Петрарки, что такая наука не настоящее знаніе и что истина назади, у „отцевъ“.

Совершенно естественно, что наука о природѣ, передъ которой благоговѣлъ Петрарка, стояла въ его глазахъ очень высоко; но къ средневѣковому естествознанію онъ относится съ крайней суровостью и главнымъ образомъ потому, что въ него введены были постороннія примѣси. Средневѣковое естествознаніе въ обширномъ смыслѣ этого

*) Fracass., III, 19.

***) Ibid., II, 416.

***) Ibid., III, 19.

слова получило суевѣрную окраску, совершенно чуждую его первоисточнику—Аристотелю. Противъ этого-то при-датка и возстаетъ то съ насмѣшкою, то съ негодованіемъ Петрарка. Алхимію онъ просто называетъ „глупымъ суевѣріемъ“ и не обращаетъ на нее особеннаго вниманія. „Какой результатъ отъ алхиміи,—спрашиваетъ онъ,—кромѣ дыма, пепла, плача, вздоховъ, словъ, скорби, безчестья? Выгоды отъ алхиміи заключаются въ томъ, что она бѣдному никогда не доставила богатства, а многихъ отъ богатства привела къ бѣдности—это мы часто видѣли“ *. Главный же предметъ негодованія Петрарки — астрологія, о которой была рѣчь выше. Что же касается до медицины, то и по отношенію къ ней Петрарка держится той же точки зрѣнія, съ какой онъ смотритъ и на юриспруденцію. Съ современной медициной у него были личные счеты: онъ на себѣ испыталъ ея безсиліе, во-первыхъ **), и, во-вторыхъ, одинъ изъ врачей написалъ такъ называемую инвективу противъ него самого и противъ его занятій. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, онъ не только признаетъ медицину, но и считаетъ ее важной наукой. „Я не сомнѣваюсь, что медицина существуетъ,—пишетъ онъ,—и что она нѣчто великое, такъ какъ, по Священному Писанію, она создана Богомъ, а по свѣтскимъ книгамъ ея изобрѣтеніе безсмертными богами дѣлаетъ ее священою“ ***). Кромѣ того, хотя жизнь и не благо, по мнѣнію Петрарки, но всякій человекъ ее любитъ, и Петрарка не считаетъ себя исключеніемъ. „Какимъ же образомъ при такомъ настроеніи я могу ненавидѣть медицину и медиковъ?—говоритъ онъ.—Я люблю ихъ... тѣхъ, которые очень рѣдки“ ****). Къ числу этихъ истинныхъ врачей онъ относитъ Гиппократъ и Галена. „Я вѣрю,—говоритъ онъ,—что Гиппократъ былъ мужъ уче-

*) De remediis. Op., p. 93.

**) Amici mei medici, in quibus quid remedia quidve omnino consilii sit, experti novimus... etc. Epist. rer. senil. Opera, p. 774.

***) Ibid. Op., p. 96.

****) Ibid., p. 779.

нѣйшій, думаю, что Галенъ много прибавилъ къ первымъ изобрѣтеніямъ, не унижаю знаменитыхъ людей“ *). Но другое дѣло современность: въ современную медицину Петрарка не вѣритъ **), „упрекаетъ Боккачіо, приписывавшаго свое выздоровленіе „Богу и медику“, зато, что онъ раздѣляетъ это „вульгарное заблужденіе“ ***), и заявляетъ, что самъ онъ „ненавидитъ современныхъ врачей ****). Причина этой ненависти къ медикамъ, какъ и къ юристамъ, заключается, во-первыхъ, въ ихъ невѣжествѣ, во-вторыхъ, въ ихъ безнравственности. Современные врачи называютъ себя „секретарями природы, но не знаютъ ровно ничего“, называютъ себя „помощниками больныхъ“, оставаясь простыми „зрителями страданій“. Современный врачъ „болтливый діалектикъ, богатый скукой и бѣдный помощью“, и медики „не вооружены тонкой діалектикой, но запутались въ ней, не лѣчатъ, но болтаютъ, и не только наводятъ тоску на здоровыхъ, но и причиняютъ смерть больнымъ“. Вообще, они своимъ невѣжествомъ столько истребили народу, что могли бы подобно древнимъ полководцамъ требовать себѣ триумфа. Наиболее добросовѣстные врачи сами признаютъ свое невѣжество, и Петрарка приводитъ мнѣніе одного изъ нихъ: „Я хорошо знаю, что меня можно назвать неблагодарнымъ, унижающимъ искусство, которымъ я снискалъ себѣ средства и дружбу, но слѣдуетъ предпочесть истину всякимъ чувствамъ. Такъ я думаю и утверждаю, что еслибы сто или тысяча человѣкъ одного возраста и природы, одного образа жизни были поражены въ одно время и одною болѣзнью и еслибы половина изъ нихъ пользовалась совѣтомъ врачей, такихъ, какіе есть въ наше время, а другая—управлялась бы безо всякихъ медиковъ... для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, кто изъ нихъ выздоровѣлъ бы.“

*) *Contra medicum*. Op., p. 1090.

**) *Ego autem neque medicis credo etc.* Ep. rer. sen. Op., p. 775.

***) *Ibid.*, p. 796.

****) *Odi nugatores quosdam... hos odi, fateor, quae innumerabilis turba est.* *Ibid.*, p. 799.

По самому свойству медицинской профессіи невѣжество само по себѣ уже въ высокой степени безнравственно, потому что оно ведетъ къ смерти ближняго. Кромѣ того, врачи обладаютъ специальными пороками, которые въ глазахъ Петрарки окончательно убивали современную медицину. Во-первыхъ, они дурными средствами зарабатываютъ свои деньги, „изъ страданія людей дѣлаютъ себѣ забаву и наживу“; во-вторыхъ, они вѣроломные лицемѣры. Одинъ врачъ говорилъ Петраркѣ: „еслибы жизнь медика походила на его совѣты, или совѣты на жизнь, то онъ потерпѣлъ бы ущербъ или въ здоровьѣ, или въ деньгахъ“, — „въ этихъ словахъ,—замѣчаетъ Петрарка,—заключается не только невѣжество, но и шарлатанство“. Вообще дѣятельность врачей столь неприглядна въ нравственномъ отношеніи, что одинъ изъ нихъ въ силу этого оставилъ практику. „Такъ какъ Богъ видитъ дѣла человѣческія,—говорилъ онъ,—то я боюсь допускать такое нечестіе и вводить легковѣрную чернь въ гибельный обманъ. Еслибы кому-нибудь было извѣстно, какъ мнѣ, какъ скромна и даже ничтожна помощь медика больному и какъ часто онъ причиняетъ ему большой вредъ, то ряды медиковъ были бы не такъ многочисленны и они не пользовались бы такимъ почетомъ. Теперь они дѣйствуютъ, конечно, такъ какъ велико нечестіе дѣятелей и легковѣріе пациентовъ, общаются жизнью и губятъ ее и наживаются; я не имѣю никакого намѣренія ни обманывать, ни убивать и не желаю обогатиться чѣмъ бы то ни было страданіемъ“ *). И такъ, медики, шарлатаны, хотя Петрарка соглашается, что они скромнѣе астрологовъ **).

Но если занятіе средневѣковою наукой не улучшаетъ, а развращаетъ человѣка, тогда какъ наука можетъ и должна имѣть спасительное значеніе, то истиннымъ знаніемъ обла-

*) Приведенныя слова Петрарки взяты главнымъ образомъ изъ его письма къ Боккаччіо (Epist. rer. senil. Op., p. 776 и слѣд.). Но тѣ самые взгляды высказываетъ онъ и въ письмѣ къ грамматіку Донату, которое озаглавлено: *Quantum medicis sit fidendum*. Ibid., p. 801.

***) Ibid., p. 768.

дала классическая древность, столь богатая великими героями во всѣхъ сферахъ жизни. Такимъ образомъ, источникомъ истинной науки, по взгляду Петрарки, являлась языческая литература, занятіе которой запрещалось если не всею церковью, то ея наиболѣе ревностными представителями. Вслѣдствіе этого внутренняя, отчасти скрытая противоположность между церковными доктринами и возрѣніями перваго гуманиста въ этомъ пунктѣ дошла до открытаго столкновенія, и Петрарка рѣшительно нападаетъ на тѣхъ церковниковъ, которые запрещаютъ читать языческія книги, и обвиняетъ ихъ въ зависти и невѣжествѣ. Ихъ запрещенія, по его мнѣнію, „фальшивое сужденіе о незнакомыхъ предметахъ, въ которомъ одинаково проявляются и слѣпота судей и ихъ невѣжество“ *). Мифологическіе рассказы, на которые особенно нападали враги древней литературы, не представляютъ, по мнѣнію Петрарки, никакой опасности для вѣрующаго христіанина. „Ты самъ знаешь,—пишетъ онъ Боккаччіо,—который подъ вліяніемъ благочестиваго пустынника хотѣлъ оставить изученіе древности; ты самъ знаешь, что подобаетъ прелюбодѣю Юпитеру и своднѣ (лепоні) Меркурію, что убійцѣ Марсу и разбойнику Геркулесу, что, наконецъ,—чтобы коснуться и болѣе невинныхъ,—врачу Эскулапу и его отцу, музыканту Аполлону, что кузнецу Вулкану и ткачихѣ Минервѣ и что приличествуетъ Дѣвѣ-Матери Маріи и Ея Сыну, нашему Искупителю, истинному Богу и истинному человѣку“ **). Но польза отъ древней литературы неизмѣрима: она не только даетъ знаніе, но также нравственное назиданіе и даже могущественное средство для защиты религіи. Безъ нея бл. Августинъ „не потрясалъ бы съ такою силой основаній языческихъ суевѣрій и не воздвигъ бы съ такимъ искусствомъ стѣну Града Божія“. Не меньшую пользу извлекъ изъ нея и Вигиланцій“. „Что было бы, еслибы онъ всегда

*) Opera, p. 744.

**) Ibid, p. 743.

устранялся отъ поэтической, философской, ораторской литературы? Онъ не опровергалъ бы съ такою убѣдительною клеветы Ювиніана и прочихъ еретиковъ“ *).

Такимъ образомъ, религіозный контроль, который устанавливалъ Петрарка надъ наукой, не стѣсняетъ пользованія ея источниками, и въ случаѣ столкновенія научныхъ интересовъ, если не съ религіей, то съ ходячими церковными мнѣніями первый гуманистъ рѣшительно сталъ на сторону науки. Но внѣшній контроль могъ представлять для науки другую опасность, могъ стѣснять ея свободу. Петраркѣ не было повода подробно разсматривать этотъ вопросъ: его личная религіозность стояла внѣ всякаго сомнѣнія, а его громкая извѣстность избавляла его отъ мелкихъ придирокъ. Но въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ, — правда, мимоходомъ—высказывается и по этому пункту.

Мысль и слово, по его мнѣнію, должны быть совершенно свободны. „Нѣтъ высшей свободы, чѣмъ свобода сужденія,— говоритъ онъ въ трактатѣ *De vita solitaria*. Я требую ея для себя, чтобы не отказывать ей другимъ“ **). При такой точкѣ зрѣнія связь науки съ религіей сводится къ тому, что свободное изысканіе истины, получая религіозную санкцію, признается нравственною заслугой, однимъ изъ средствъ душевнаго спасенія.

Итакъ, примыкая къ традиціоннымъ воззрѣніямъ на науку и пытаясь опереться на средневѣковую почву, первый гуманистъ руководствуется въ сущности только страстнымъ стремленіемъ къ знанію и потому высказываетъ такіе взгляды на права и значеніе научныхъ занятій, которые вошли въ составъ новаго міросозерцанія. Тяжелыя цѣпи, приковылавшія науку къ теологіи, Петрарка попытался замѣнить мостками, которые должны были соединить ее съ религіей,—задача, оказавшаяся непосильной какъ для него самого, такъ и для его послѣдователей. Но эта неудача нисколько

*) Ibid.

**) Op., p. 236.

не умаляетъ его огромной заслуги, заключающейся въ провозглашеніи свободы науки и ея морализующаго вліянія.

Еще болѣе, чѣмъ науку, любилъ Петрарка краснорѣчіе и поэзію, и потому оба эти искусства играютъ очень важную роль въ его этикѣ. Для выясненія важности краснорѣчія онъ прибѣгаетъ къ тому же приему, посредствомъ котораго защищалъ науку.

Полемизируя противъ медика, который ставилъ медицину выше элоквенціи, Петрарка называетъ его мнѣніе неслыханнымъ кощунствомъ (*sacrilegium inauditum*), потому что оно „подчиняетъ госпожу служанкѣ, свободное знаніе механическому“ *). Главное основаніе такого превосходства краснорѣчія заключается, по мнѣнію Петрарки, въ томъ, что оно представляетъ собою великую нравственную силу, могущественное средство для воспитанія въ себѣ и въ другихъ добродѣтели. Поэтому два требованія предъявляетъ онъ рѣчи: ея содержаніе должно заключать въ себѣ поучительную истину; ея форма должна отличаться стройностью и изяществомъ. Эти свойства, отъ которыхъ зависятъ усвоеніе моральнаго назиданія, даются краснорѣчіемъ, и доказывать его необходимость Петрарка считаетъ излишнимъ, потому что она признана какъ древними авторитетами, такъ и бл. Иеронимомъ **). Но краснорѣчіе не приоб- рѣтается только талантомъ и механической выучкой: для него необходимы высокія нравственныя качества. „Истиннымъ ораторомъ можетъ быть только хорошій человѣкъ, говорить Петрарка.—Поэтому, если ты ищешь имени оратора и истинной славы краснорѣчія, то прежде всего старайся снискать добродѣтель и мудрость“ ***). Вслѣдствіе этого приоб- рѣтеніе краснорѣчія предполагаетъ предварительное достиженіе высокаго нравственнаго совершенства, и Петрарка въ одномъ изъ своихъ писемъ прямо говоритъ, что „краснорѣчіе и спокойствіе духа слѣдуетъ предпочи-

*) *Contra medicum*. Op., p. 1089.

**) *Epistol. rer. senil.* Op., p. 743. Ср. *De ignorantia*. Op., p. 1037.

***) *De remediis*. Op., p. 6—7.

татъ всему“ *). Такимъ образомъ, то, что составляло одинъ изъ источниковъ духовнаго наслажденія и предметъ самыхъ горячихъ стремленій для перваго гуманиста, возведено имъ на степень этического требованія. **).

На-ряду съ краснорѣчіемъ и гораздо выше, по крайней мѣрѣ, многихъ наукъ Петрарка ставитъ поэзію, которой онъ служилъ всю свою жизнь и за которую получилъ лавры на Капитоліи. Критеріемъ при оцѣнкѣ сравнительной важности поэзіи служитъ точно такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, нравственное вліяніе. Значеніе поэзіи, по мнѣнію Петрарки, заключается въ томъ, что ей принадлежитъ „забота о душѣ и о добродѣтеляхъ“ ***). Петрарка не видитъ существенной разницы между поэзіей, съ одной стороны, философіей и наукой, съ другой, и сводитъ все различіе къ формѣ выраженія. Въ этомъ смыслѣ опредѣляетъ онъ поэзію въ рѣчи, произнесенной имъ передъ своимъ

*) Fracass. I, 64.

***) Характерно, что Петрарка въ своей автобіографіи, гдѣ онъ мѣстами совершенно искрененъ, говоритъ о своей любви къ краснорѣчію, какъ о нѣкоторой душевной слабости. „Я спрашиваю тебя,—говоритъ ему тамъ бл. Августинъ,—что можетъ быть болѣе ребяческаго и даже болѣе безумнаго, какъ при такой безопасности ко всему и при такой недѣятельности тратить время на изученіе словъ, никогда не замѣчая слабыми глазами своихъ недостатковъ, получать такое наслажденіе отъ рѣчи и походить на нѣкоторыхъ мелкихъ пташекъ соловьевъ, которые, какъ говорятъ, даже до гибели услаждаются прелестью своего собственнаго пѣнія? Сколько разъ я слышалъ твои распросы, сколько разъ замѣчалъ твое молчаливое негодованіе на то, какимъ образомъ вполне ясное и чрезвычайно-легкое для познанія при размышленіи не выражается достаточно ясно ни языкомъ, ни перомъ! Что же такое это краснорѣчіе, столь хрупкое и столь тѣсное, что оно не охватываетъ всего и сдвливаетъ то, что пытается охватить?... А кромѣ того, насколько же въ этомъ дѣлѣ ты долженъ довѣрять своимъ силамъ, когда ты видишь такую бѣдность краснорѣчія во всей той области, незначительную часть которой составляешь ты самъ? Размысли самъ съ собою, и тебѣ будетъ стыдно, что ты потратилъ столько времени на дѣло, выполнить которое невозможно и выполненіе котораго крайне суетно“ (De contemptu mundi., Op. 341). Но личная склонность одержала верхъ надъ сомнѣніями, и то, что минутами казалось нравственной слабостью, въ концѣ концовъ было признано этическимъ требованіемъ.

**) Contra medicum. Op., p. 1091.

торжественнымъ вѣнчаніемъ въ Римѣ. „Поэты,—говоритъ онъ,—подъ прикрытіемъ вымысла излагаютъ то физическія явленія, то нравственныя правила, то историческія событія. Между дѣломъ поэта и дѣломъ историка и философа-моралиста или натуралиста такая же разница, какъ между облачнымъ и яснымъ небомъ: въ субъектѣ одинаковая ясность, но она различна по воспріятію зрителей“ *). Вслѣдствіе этого аллегорія составляетъ, по его мнѣнію, сущность поэзіи. Одно изъ старческихъ писемъ Петрарки представляетъ обширный комментарий на Энеиду Вергилія, причемъ вся поэма представляется сплошной аллегоріей **), которую онъ истолковываетъ въ тройкомъ смыслѣ: физическомъ, историческомъ и моральномъ. Такъ, вѣтры—братья, потому что они происходятъ отъ одного воздуха, это—значеніе физическое; Эоль былъ нѣкогда царемъ сосѣднихъ съ Сициліей острововъ, гдѣ господствуютъ бури,—объясненіе историческое; что вѣтры буйны и дуютъ въ разныя стороны—это имѣетъ смыслъ философскій: „всякій стремится къ своей цѣли и на нее преимущественно направляетъ свой разумъ“. Кроме того, весь этотъ эпизодъ въ цѣломъ имѣетъ моральное значеніе: вѣтры—„не иное что какъ порывы гнѣва, страсти и душевныхъ движеній, которые, обитая въ душѣ человѣка (*in pectore subterque praecordia habitantes*), смущаютъ покой человѣческой жизни, какъ бури—спокойное море; а Эоль—это самъ правящій разумъ“ и т. д. въ томъ же родѣ ***). Въ своихъ эклогахъ Петрарка далъ собственные образцы такой аллегорической поэзіи, но позже счелъ необходимымъ присоединить къ нимъ прозаическое истолкованіе, благодаря которому только и можно понять хотя общій смыслъ ихъ содержанія ****).

Но если поэзія только способомъ выраженія отличается отъ нравственной философіи и науки, то представляется

*) Hortis. Scritti inediti di Fr. Petrarca. Trieste 1874, p. 320—321.

***) Fere nullus apud hunc poetam versus sine tegmine est. Op., p. 785.

****) Ibid., p. 786.

****) См. о нихъ „Ранній гуманизмъ“ I, p. 266 и слѣд.

вполнѣ возможной и сравнительная оцѣнка ихъ значенія, что Петрарка и производитъ въ своей инвективѣ противъ медика. Исходя изъ того положенія, что поэзіи принадлежитъ забота о душѣ и добродѣтеляхъ, Петрарка доказываетъ, что она выше тѣхъ наукъ, которыя изучаютъ внѣшній міръ или тѣло человѣка, и прежде всего медицины. Поэзія имѣетъ дѣло съ духомъ, медицина—съ тѣломъ *), и насколько душа выше тѣла, настолько поэзія благороднѣй медицины; а если въ практической жизни медицина болѣе необходима, чѣмъ поэзія, то изъ этого нельзя дѣлать никакихъ заключеній. „Осель нужнѣ льва, а курица—орлицы,—значить, они благороднѣе?“—спрашиваетъ Петрарка своего противника**).

Изъ полного сходства поэзіи съ наукой, съ точки зрѣнія Петрарки, вытекала и необходимость для нея религіозной санкціи. Поэтому, защищая отъ нападокъ церковниковъ античную литературу, онъ имѣетъ въ виду, какъ мы видѣли, не только науку, но и поэзію ***). Кромѣ того, въ письмѣ къ брату-монаху онъ приводитъ новыя соображенія религіознаго характера въ доказательство того, что чтеніе поэтическихъ произведеній вполнѣ позволительно духовнымъ лицамъ. „Поэзія менѣе всего противна богословію,—говоритъ онъ.—Ты удивляешься? Я готовъ сказать (*parum abest, quin dicam*), что теологія—поэзія о Богѣ. Христосъ называется то львомъ, то агнцемъ, то червемъ (*vermis*); что же это, какъ не поэзія? Въ Священномъ Писаніи ты найдешь тысячи такихъ примѣровъ, перечислять которые было бы долго“. Притчи въ Евангеліи не иное что, какъ аллегорія, одинъ изъ поэтическихъ приемовъ, а отцы Ветхаго Заветъа часто излагали въ стихахъ свои произведенія: „Моисей, Іовъ, Давидъ, Соломонъ, Іеремія, самый Давидовъ псалтырь, который вы поете день и ночь, по-еврейски написаны стихами“ ****).

*) *De omni materia loqui vultis, vestrae professionis obliti, quae est, si necis, urinas et quae nominare pudor prohibet, contemplari.* Ор., р. 1091.

***) *Ibid.*, р. 1101.

****) См. выше стр.

****) *Fracass.* II, 83, 84.

Итакъ, первый гуманистъ признаетъ поэзію могуще-
ственной силой, требуетъ для нея широкаго простора, но ви-
дитъ сущность ея вліянія совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ за-
ключается оно въ дѣйствительности. Характерно, что одинъ
изъ величайшихъ поэтовъ Италіи, считавшій поэзію источ-
никомъ своей славы и ей дѣйствительно въ значительной
мѣрѣ обязанный своимъ безсмертіемъ, что этотъ творецъ
новой художественной лирики не обмолвился ни единымъ
словомъ объ эстетическомъ значеніи столь высоко цѣнимой
имъ отрасли литературы, и въ этомъ сказалось отношеніе
Петрарки къ искусству вообще. Петрарка обладалъ чув-
ствомъ красоты, умѣлъ находить ее въ природѣ и воспро-
изводить въ поэзіи, какъ это доказываютъ многія мѣста его
Canzoniere; но стремленіе къ красотѣ не овладѣло вполне
его душою, наслажденіе искусствомъ не было для него на-
стоятельною потребностью, а поэтому значеніе эстетиче-
скаго чувства имъ далеко не создано, и эстетика не полу-
чила опредѣленнаго мѣста въ его міросозерпаніи.

Такъ, Петрарка любитъ красоту природы, охотно из-
ображаетъ ее въ своей перепискѣ и даже обнаруживаетъ на-
клонность поставить въ обязанность государямъ искусствен-
но украшать природу въ своихъ владѣніяхъ *); но онъ рѣ-
шительно осуждаетъ красоту во всѣхъ другихъ ея прояв-
леніяхъ—и прежде всего въ человѣкѣ—и видитъ въ ней ис-
точникъ грѣховной привязанности къ міру и даже многихъ
преступленій. „Красота—непостоянный и непрочный даръ
природы,—говоритъ Петрарка,—не многимъ дана она на поль-
зу, многимъ на гибель и никому для спасенія и вѣчной сла-
вы... Еслибы Елена родилась безобразной или, чтобы ска-
зать о мужчинахъ, еслибы безобразнымъ былъ Парисъ, то
Иліонъ, можетъ-быть, стоялъ бы до сихъ поръ“ **). Но

*) Одобряя Франческо Карару за осушеніе болотъ, онъ говоритъ: *utilitas cum decore certabit tuque multiplicem tibi laudem unico labore conflaveris*,— другими словами, въ такой дѣятельности *laus* обуславливается не одною только пользою. *De re publica optime administranda Op.*, 378.

***) *De remediis. Op.*, 107. То же самое высказываетъ онъ въ другомъ мѣ-

особенно губительна красота въ женщинѣ. „Женская красота тѣмъ страшнѣе и губительнѣе, чѣмъ она привлекательнѣе“ *); это „похититель покоя и времени, непрерывный мучитель, обильнѣйшій источникъ труда, причина опасностей, постоянная пытка“ и т. д. **).

Красота опасна и тамъ, гдѣ она проявляется не въ человѣкѣ, а въ звукахъ или краскахъ, потому что, доставляя наслажденіе, она отвлекаетъ отъ главной цѣли жизни—отъ спасенія. Такова точка зрѣнія Петрарки въ отношеніи къ искусству; ее прилагаетъ онъ и къ музыкѣ, и къ живописи. Музыка гибельна даже для животныхъ, тѣмъ опаснѣе она для человѣка: „пѣніемъ обманываютъ птицъ и дикихъ звѣрей... Ахъ, насколько полезнѣе было бы для человѣка наслаждаться слезами и воздыханіями, потому что лучше посредствомъ плача прійти къ радости, чѣмъ черезъ радость—къ воплямъ“ ***). То же самое говоритъ онъ о картинахъ. Наслажденіе живописью—„пустое и суетное наслажденіе“. Всякое земное наслажденіе, говоритъ Петрарка, еслибы оно управлялось разумомъ, возбуждало бы любовь къ небесному и напоминало бы о нашемъ происхожденіи... А вы, отягощенные, приникшіе къ землѣ и пригвожденные къ ней, не осмѣливаетесь взглянуть наверхъ и, забывъ Творца солнца и луны, смотрите съ такимъ удовольствіемъ на тончайшіе рисунки (*tenuissimas picturas*)“ ****). Даже античное искусство не встрѣчаетъ со стороны Петрарки такого благосклоннаго приема, какъ древняя наука. Онъ осуждаетъ его такъ же, какъ музыку и поэзію. „На кого не производятъ впечатлѣнія коринскія вазы?“—спрашиваетъ Радость въ діалогѣ *De remediis utriusque fortunae*. Разумъ отвѣчаетъ: „земное не поражаетъ привыкшаго къ небесному,

стѣ этого трактата: *forma multos tentavit ac tentandos praebuit, quosdam stravit vel in crimen impulit vel in mortem*. *Ibid.*, p. 65.

*) *De vita solitaria*. Оп., p. 257.

**) *De remediis*. Оп., p. 2.

***) *Ibid.*, p. 21.

****) *Ibid.*, p. 39.

потому что первое сравнительно съ послѣднимъ такъ скромно, такъ ничтожно, наводитъ, наконецъ, такую тоску, такое тяжелое отвращеніе. Какимъ образомъ духъ, помнящій о своемъ происхожденіи, будетъ изслѣдовать земныя отверстія и высоко цѣнить то, что изъ нихъ выкапывается, въ то время какъ онъ видитъ небо, солнце, звѣзды, самого себя и созерцаетъ высочайшаго Творца всего этого?⁴ *)).

Относясь отрицательно къ эстетическимъ наслажденіямъ, въ которыхъ никоимъ образомъ нельзя было найти нравственнаго вреда, Петрарка съ тѣмъ большею рѣзкостью нападаетъ на тѣ изъ нихъ, которыя могутъ имѣть дурное вліяніе на мораль. Таковы, по его мнѣнію, театральныя зрѣлища. „Ты, можетъ быть, наслаждаешься циркомъ и театромъ,—говоритъ онъ,—два мѣста, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, всегда были противны доброй нравственности; туда пойдетъ только дурной и вернется еще худшимъ; для хорошихъ людей путь туда неизвѣстенъ, и если они случайно, по незнанью, зайдутъ туда, то не избѣгутъ заразы“⁴).

Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы эстетическія потребности Петрарки отличались такою же глубиной и интенсивностью, какъ его научныя стремленія или какъ его любовь къ поэзіи и краснорѣчію, то онъ безъ особеннаго труда нашель бы возможность примирить эстетическое чувство съ религіей и открыть его благотворное вліяніе на нравственность, какъ онъ сдѣлалъ это по отношенію къ языческой наукѣ и поэзіи. Но искусство не возбуждало въ Петраркѣ значительнаго интереса: о немъ почти совсѣмъ не упоминается ни въ его многочисленныхъ трактатахъ, ни въ обширной перепискѣ, несмотря на все разнообразіе ея содержанія. Правда, въ діалогѣ *De remediis utriusque fortunae*, гдѣ говорится о вліяніи на чловѣка различныхъ сторонъ жизни и различныхъ явленій внѣшняго міра, есть главы „о статуяхъ“, „о картинахъ“, „о вазахъ“; но это потому, что Петрарка старается предусмотрѣть

*) Ibid., p. 40.

въ этомъ трактатѣ всевозможные случаи и разсуждаетъ даже о значеніи для человѣка имѣть хорошаго зятя или сына, который потомъ окажется чужимъ**). Первый гуманистъ еще не сознаетъ важности искусства, быстрое развитіе котораго стояло въ неразрывной связи съ тѣмъ настроеніемъ, которое лежало въ основѣ его собственнаго міросозерцанія. Эта родственная связь гуманистической культуры съ искусствомъ Возрожденія была ясно понята гуманистами только въ XV столѣтіи.

VII.

Общій характеръ и историческое значеніе міросозерцанія Франческо Петрарки.

Несмотря на весь интересъ къ философіи, первый гуманистъ не оставилъ законченной и опредѣленной философской системы. Такая задача была для него не по силамъ, что онъ и самъ признаетъ въ концѣ своей жизни. „Я пренебрегаю сектами,—говоритъ онъ въ старческихъ письмахъ,—и стремлюсь къ истинѣ; но такъ какъ трудно ея достигнуть, а я незначительный и слабый ея искатель, то, часто не довѣряя себѣ, чтобы не запутаться въ заблужденіяхъ, я принимаю за истину самое сомнѣніе. Такимъ образомъ, незаметно я сдѣлался академикомъ, хотя только пришельцемъ изъ числа многихъ и неопытнѣйшимъ среди низкой черни. Я ничего не отрицаю, ничего не утверждаю и сомнѣваюсь въ отдѣльныхъ вещахъ, кромѣ тѣхъ, сомнѣніе въ которыхъ считаю святотатствомъ“***). Но и въ этомъ признаніи философское безсиліе значительно скрашено такимъ объясненіемъ колебаній мысли, которое совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Мы видѣли, какимъ академикомъ былъ Петрарка; что же касается до его скептицизма, то онъ не отличался ни особенною глубиной, ни системати-

*) Ibid., p. 27.

**) Напр., De optimo genere I, p. 75; De filio qui alienus inventus est II, p. 50 etc.

***) Opera, p. 745.

ческой послѣдовательностью. Петрарка рѣшительно отрицалъ религіозную метафизику и натурфилософію, какъ ее тогда понимали; но основы его отрицанія не только не оригинальны, а даже находятся во взаимномъ противорѣчїи. Онъ отвергалъ ортодоксальную схоластику и теологію съ помощью той же аргументаціи, которою пользовались Дунсъ Скоттъ и неоминалисты, и возставалъ противъ натурфилософіи и даже противъ всякой науки, держась точки зрѣнія мистиковъ, что стояло въ противорѣчїи не только съ воззрѣніями Скотта и неоминалистовъ, но и съ его собственной этикой. Этотъ противорѣчивый скептицизмъ прилагается, кромѣ того, не ко всѣмъ отдѣламъ философіи: этику Петрарка не только признавалъ, но и считалъ ее самую существенною для человѣка доктриной.

Но, признавая важное значеніе этики, первый гуманистъ не оставилъ и опредѣленной моральной системы. Этическія системы древняго міра его не удовлетворяли и не могли удовлетворить*), потому что цѣлью земной жизни онъ считалъ подготовленіе къ загробной; но, признавая основную цѣль христіанской морали, онъ незамѣтно для себя разошелся съ аскетизмомъ, который считался тогда наилучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли, и не противопоставилъ ему другой системы практической морали. Правда, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его воззрѣніяхъ,—во взглядѣ на внѣшній міръ и духовную природу человѣка, а также въ его отношеніи къ наукѣ и къ литературѣ,—заключаются существенные элементы новой этики; но Петрарка не только не привелъ ихъ въ систему, но и не примирилъ и даже, повидимому, не замѣтилъ противорѣчїя между этими взглядами и своими же воззрѣніями на физическую природу человѣка, а также на красоту, на любовь, на женщину и на семью. Вслѣдствіе всего этого первый гуманистъ въ исторіи философскихъ ученій не имѣетъ права ни на само-

*) Выше другихъ онъ ставилъ ученіе стоиковъ. „Я не сомнѣваюсь,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—что народнымъ заблужденіямъ слѣдуетъ предпочесть мнѣнія стоиковъ“, но въ то же время онъ находитъ, что и *Stoicorum praeserta veritati propinquiora, quam usui*. Ор., р. 333.

стоятельное положеніе, ни на выдающееся мѣсто среди представителей какого-нибудь опредѣленнаго направленія. Но это не уничтожаетъ важнаго значенія его возрѣній для выясненія исторіи развитія новой философской мысли, причемъ самые ихъ философскіе недостатки—односторонность, отсутствіе оригинальности, крайне неискusstный эклектизмъ и связанныя съ нимъ противорѣчія — получаютъ важный историческій интересъ.

Философское міросозерцаніе Петрарки ясно показываетъ, какое вліяніе оказывала на первые фазисы развитія новой мысли самая жизнь, т. е. духовныя потребности эпохи, и какую роль играли при этомъ философскія ученія предыдущихъ эпохъ — античнаго міра и среднихъ вѣковъ. Самой характерною чертой въ міросозерцаніи Петрарки, красною нитью, которая проходитъ черезъ всѣ его сочиненія, является индивидуализмъ въ смыслѣ глубокаго интереса къ личности, а также къ міру и къ жизни, поскольку они имѣютъ отношеніе къ человѣку. Петрарка чрезвычайно заинтересованъ внутреннею жизнью человѣка и прежде всего своею собственной. Его *Canzoniere*—лѣтопись сердца, замѣчательный образецъ самонаблюденія; его автобіографія представляетъ собою анализъ, по мѣстамъ глубокой и безпощадной, самыхъ интимныхъ сторонъ внутренней жизни. Результатомъ этого интереса къ своей духовной жизни является у Петрарки высокая оцѣнка ея важности. Онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать извѣстной свою автобіографію, хотя и назвалъ ее *secretum suum*, и тщательно собираетъ свою многочисленную переписку съ тою цѣлью, чтобы читатель понялъ изъ нея ходъ развитія автора и теченіе его жизни*). Это повышенное самосознаніе развиваетъ критицизмъ, и Петрарка не только не оставляетъ безъ литературнаго отвѣта нападковъ на свою личность и дѣятельность, но подвергаетъ рѣзкой критикѣ то, что не соотвѣтствовало его возрѣніямъ. Изъ такого отношенія

*) Et progressus mei seriem (si ea forte cura fuerit) vitaeque cursum lector intelliget. *Fracass.* III, p. 306.

къ своему внутреннему міру естественно вытекало желаніе теоретически обосновать и оправдать свои симпатіи, стремленія и воззрѣнія, и міросозерцаніе Петрарки представляетъ собою нечто иное, какъ попытку такого обоснованія и оправданія. Петрарка отвергалъ теологію, метафизику и философію природы, потому что ихъ объектъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ человѣку, причемъ въ этомъ отношеніи онъ не дѣлалъ различія между древней и средневѣковой философіей и если онъ болѣе рѣшительно отвергалъ схоластику, то только за полное отрицаніе ею требованій краснорѣчія. Допуская въ силу такого же отношенія къ личности во всей философіи одну только этику и сводя къ ней въ сущности всю культуру, онъ признаетъ моральную цѣну лишь за тѣми воззрѣніями и стремленіями, которыя соотвѣтствуютъ его симпатіямъ. Словомъ, этика Петрарки—обобщеніе его личныхъ взглядовъ, наклонностей и стремленій. Но эта этика во многихъ пунктахъ расходилась съ тогдашней церковной доктриной и потому требовала авторитетной санкціи, въ поискахъ за которой и обнаружилось вліяніе на Петрарку философскихъ ученій предыдущихъ эпохъ. Прежде всего Петрарка стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ средневѣковой культурой, и самая потребность въ санкціи личныхъ воззрѣній внѣшнимъ авторитетомъ составляетъ уже наглядное проявленіе этой связи. Продолжительная и тяжелая ферула церковной опеки мѣшала развитію самостоятельности мысли, и первый гуманистъ, несмотря на повышенное самосознаніе, обнаруживаетъ на себѣ этотъ результатъ средневѣковаго воспитанія. Далѣе, для Петрарки, какъ и для средневѣковыхъ мыслителей, высшую санкцію философскаго міросозерцанія составляетъ религія. Въ силу этого онъ борется съ общепринятыми церковными воззрѣніями въ союзъ съ оппозиционными теченіями, возникшими на средневѣковой католической почвѣ: отрицаетъ теологію во имя христіанской морали и отвергаетъ схоластику согласно съ воззрѣніями христіанской мистики.

Но съ такими союзниками, какъ средневѣковые схоластики, хотя бы и оппозиціонные, Петрарка не могъ обосновать своихъ воззрѣній, въ особенности же этическихъ и научныхъ. Поэтому, при ихъ защитѣ онъ рѣшительно отвергъ всякую схоластику, какъ ортодоксальную, такъ и оппозиціонную, и противопоставилъ ей болѣе подходящую для его настроенія античную философію, науку и литературу, что и составляло для него вторую санкцію его личныхъ воззрѣній. Но этотъ второй авторитетъ имѣетъ въ его глазахъ только второстепенное и подчиненное значеніе: онъ получаетъ силу только въ томъ случаѣ, если находится въ согласіи съ первымъ авторитетомъ, т.-е. съ католическою религіей. Вслѣдствіе этого Петрарка всякій разъ, когда ему нужно, примиряетъ съ католицизмомъ языческую древность и дѣлаетъ это двоякимъ образомъ: или приписываетъ католицизму совершенно чуждыя ему воззрѣнія, или чисто внѣшнимъ, формальнымъ образомъ подчиняетъ ему языческую науку и литературу. Такъ, классическое воззрѣніе на природу, вполнѣ соотвѣтствовавшее отношенію къ ней Петрарки, онъ примиряетъ съ католицизмомъ, объявивъ ее орудіемъ божественнаго промысла, ведущаго человѣка къ вѣчному спасенію; чуждый церкви и аскетическому христіанству взглядъ на высокое достоинство духовной природы человѣка онъ признаетъ католическимъ, слегка измѣнивъ толкованіе первороднаго грѣха, а классическій взглядъ на государство просто объявляетъ „не противнымъ христіанской истинѣ и религіи“. Еще проще и короче примирялъ Петрарка съ католицизмомъ языческую науку и литературу: если наука не отрицаетъ божества, она не вредна для религіи, а если она занимается человѣкомъ, то имѣетъ морализующее вліяніе и поэтому стремится къ одной цѣли съ религіей. Такими нехитрыми средствами*) примирялись оба авторитета и

*) Даже очень неглубокое ученіе Петрарки объ отношеніи науки къ религіи едва ли оригинально: оно представляется примиреніемъ реализма, все приписывавшаго знанію и считавшаго даже религиозныя догмы доступными человѣческому разуму, съ номинализмомъ, который отрицалъ этическое вліяніе знанія и не умѣлъ найти для него мѣста въ своей системѣ.

предоставлялась широкая возможность обильно черпать изъ античной литературы нужныя обоснованія для индивидуальных стремленій.

Итакъ, историческое значеніе міросозерцанія Фр. Петрарки заключается въ томъ, что оно, иллюстрируя связь новой мысли съ предыдущими эпохами, формулируетъ исходные пункты, приемы и основныя положенія философіи Возрожденія. Индивидуализмъ Петрарки со всѣми его результатами былъ усвоенъ его послѣдователями, которые тоже нѣкоторое время пытались примирить его съ католицизмомъ или оправдать древностью, но мало-по-малу заботы о религиозной санкціи новыхъ стремленій становятся все болѣе и болѣе формальными, а неотъемлемыя права индивидуальных потребностей на полное удовлетвореніе заявляются все рѣшительнѣе и смѣлѣй.

М. Корелинъ.

Основанія макиавеллизма.

Въ исторіи макиавелльскаго вопроса давно уже обратила на себя вниманіе одна сторона, наиболѣе важная для построенія государственной науки. Это именно вопросъ о томъ, какъ объяснить грубую безнравственность, которая поражаетъ насъ во всѣхъ политическихъ сочиненіяхъ Макиавелли. Но какъ разъ въ этомъ пунктѣ мнѣнія больше всего расходятся: одни пытаются объяснить эту «безнравственность» античнымъ міросозерцаніемъ Макиавелли, другіе — условіями и вліяніемъ окружавшей его жизни, третьи — его воззрѣніемъ на политику, какъ на сферу дѣятельности нравственно-безразличной. И ни одно изъ этихъ мнѣній не нашло себѣ до сихъ поръ сколько-нибудь общаго признанія.

Если мы захотимъ спросить себя о причинахъ такого медленнаго движенія науки, то отвѣтъ будетъ очень простой. Причины коренятся въ неопредѣленности и, если угодно, несовершенствѣ научныхъ методовъ.

Очень долго не отдавали себѣ отчета въ томъ, что значитъ объяснить безнравственность политическаго писателя, и какъ возможно подобное объясненіе. Достаточно прочесть любой очеркъ макиавелльскаго писателя, чтобы убѣдиться, что почти никто не пытался дать точную постановку тѣмъ вопросамъ, которые хотѣлъ разрѣшить.

Важная заслуга, въ этомъ отношеніи, принадлежитъ Р. Молю.

Опредѣляя (въ своей Исторіи государственныхъ наукъ) свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ, онъ требуетъ для безнравственности Макиавелли *психологическаго* объясненія; всякое другое онъ считаетъ недостаточнымъ. Но что значитъ: объяснить психологически? Р. Моль разрѣшаетъ поставленный имъ вопросъ настолько точно и опредѣленно, что на этотъ счетъ не можетъ

оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія. Здѣсь, говоритъ онъ, возможно только одно объясненіе: Макиавелли слѣдуетъ понимать въ связи съ эпохой и какъ ея произведеніе. Это было время Людовика XI, Фердинанда Католика, Цезаря Борджіа, когда о правѣ и нравственности, о преслѣдованіи высшихъ государственныхъ задачъ или цѣлей народнаго блага—не было и рѣчи. Макиавелли былъ, кромъ того, итальянецъ, на которомъ отразились всѣ особенности національнаго характера; не слѣдуетъ забывать также и того, что въ его время античная культура вообще и, въ частности, политика римлянъ считались самымъ высокимъ идеаломъ.

Итакъ, объяснить нравственныя воззрѣнія писателя психологически—значитъ, по мнѣнію Моля, поставить ихъ въ связь съ нравственнымъ уровнемъ и культурнымъ развитіемъ современнаго ему общества. Едва ли, однако, съ этимъ можно согласиться.

Какъ бы мы ни понимали психологію, какъ бы ни опредѣляли ея задачу и методъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что психологія есть наука о душѣ. Поэтому въ своихъ *психологическихъ* объясненіяхъ взглядъ челоуѣка (если только мы не хотимъ играть словами) мы обязаны не выходить за предѣлы его духовнаго міра, его понятій и представленій, оставляя на долю историческихъ теорій объяснять происхожденіе этихъ понятій вліяніемъ среды. Разсуждая объ основаніи государства, его жизни и различныхъ задачахъ государственной власти, Макиавелли даетъ носителямъ этой власти такіе совѣты, которые съ нашей точки зрѣнія представляются несомнѣнно безнравственными. Конечно, нельзя утверждать, чтобы всѣ политическіе дѣятели во всѣ времена въ своей дѣятельности руководствовались всегда нравственнымъ закономъ; но одно дѣло—поступать безнравственно, а другое дѣло—возводить безнравственность въ принципъ. Такъ какъ психологически невозможно допустить, чтобы писатель, въ особенности токой умный и образованный, какъ Макиавелли, открыто проповѣдовалъ безнравственность, то надо предположить, что все, способное возмущать современнаго читателя его произведеній, по его понятіямъ, не выходило за предѣлы нравственно-дозволеннаго. Поэтому, *психологическое* объясненіе «безнравственности» Макиавелли должно брать свой матеріалъ изъ содержанія тѣхъ понятій, которыя легли въ основу его трактатовъ или ими предполагаются. При этомъ не слѣдуетъ ссылаться на

нравственныя понятія и культурное развитіе эпохи: это значило бы уже давать поставленному вопросу культурно-историческое объясненіе.

Но это—одна сторона дѣла.

Разумѣется, всякое явленіе можно объяснять различно, и нѣтъ такого простого явленія, которое допускало бы только одно объясненіе. Истины слѣдуетъ искать въ срединѣ, въ соединеніи всѣхъ объясненій, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ долю правды. Въ особенности это относится къ такому сложному и запутанному вопросу, каковъ вопросъ о политикѣ Макиавелли. Но спрашивается, правильно и своевременно ли искать здѣсь историческаго объясненія, рѣшать его «съ точки зрѣнія эпохи»?

«Это было, говорятъ, время Людовика XI, Фердинанда Католика, Цезаря Борджіа, когда о правѣ и нравственности не было и рѣчи».

Но если всѣ эти лица и тысячи другихъ были глубоко испорчены, жили въ грубомъ эгоизмѣ, не останавливались передъ самыми жестокими преступленіями,—значитъ ли это, что Макиавелли долженъ былъ быть имъ подобенъ и (сверхъ того) теоретически оправдывать безнравственность? Конечно, такого вывода сдѣлать нельзя. Но вѣдь никто и не станеть утверждать, чтобы всѣ современники Макиавелли поголовно были людьми безнравственными; вѣдь можно же указать и въ его время людей вполне добродѣтельныхъ: почему же онъ долженъ былъ быть непременно безнравственнымъ? Очевидно, произнести свой приговоръ надъ его произведеніями можно не иначе, какъ изслѣдовавъ его собственныя воззрѣнія, независимо отъ воззрѣній его эпохи. Къ этому присоединяется еще одно соображеніе: понимать писателя «въ связи съ эпохой» можно только тогда, когда сама эта эпоха достаточно уже изучена, когда вполне и окончательно определенъ ея характеръ. Иначе получится логическій кругъ: отдѣльную личность мы будемъ объяснять какъ произведеніе эпохи, а для объясненія эпохи надо изучать отдѣльныя личности. Я не берусь, конечно, судить, насколько изучена эпоха Возрожденія; но если до сихъ поръ еще появляются общія и частныя изслѣдованія о Ренессансѣ, если можно еще поднимать вопросъ о томъ, «какъ изучается эпоха Возрожденія, и какъ она должна изучаться»,—то ясно, что изученія ея нельзя считать законченнымъ.

Въ виду всего этого «безнравственность» Макиавелли, мнѣ думается, необходимо объяснять психологически, но, дѣйствительно психологически, т.-е. изъ содержанія и соотношенія тѣхъ понятій, которыми она обусловливается. Такое объясненіе можетъ идти тремя путями. Такъ какъ намъ представляются безнравственными сужденія, которыя относятся къ политикѣ, то эту безнравственность можно объяснить анализомъ: 1) понятія *политики*, 2) понятія *нравственности* и 3) *взаимоотношенія* политики и нравственности. Всѣ эти объясненія, дѣйствительно, и были даны; но не всѣ изъ нихъ пользуются одинаковой извѣстностью и не всѣ имѣютъ равную цѣну.

1. Больше всего распространено мнѣніе, что Макиавелли принципиально отдѣлялъ политику отъ нравственности, считалъ нравственныя требованія къ ней неприложимыми. Мнѣніе это поддерживаютъ, главнымъ образомъ, Маттеръ, Франкъ и Блунчли. Теорія эта настолько популярна, что П. Жане предлагаетъ даже называть макиавеллизмомъ всякое направленіе, отдѣляющее политику отъ нравственности, а Блунчли склоненъ именно въ этомъ отдѣленіи видѣть заслугу Макиавелли.

Но не трудно замѣтить, что полное раздѣленіе политики и нравственности было не въ духѣ Макиавелли, ибо онъ считалъ нравственную дѣятельность лучшимъ средствомъ для пріобрѣтенія могущества (см., наприм., *Il princ. cap. 19; Disc., lib. III, cap. 20*, и много другихъ мѣстъ). Поэтому, всякая нравственная дѣятельность заслуживаетъ одобренія и съ точки зрѣнія политики. Помимо этого, мы имѣемъ положительныя основанія утверждать, что онъ считалъ возможнымъ и къ оцѣнкѣ политической дѣятельности прилагать нравственный критерій. Такъ, рассматривая способы упроченія власти въ завоеванномъ государствѣ, онъ говоритъ, что всѣ эти способы должны быть признаны «жестокими и противными не только христіанской жизни, но и просто человѣческой, и всякій долженъ избѣгать ихъ и стремиться скорѣе быть частнымъ человѣкомъ, чѣмъ государемъ, который губить людей. Но кто не желаетъ идти путемъ добра, тотъ долженъ, если хочетъ удержаться, вступить на этотъ дурной путь» (*Disc. I, гл. 26*). Макиавелли, правда, очень часто оправдываетъ дурныя поступки и преступленія въ виду той цѣли, которой они служатъ. Но какова должна быть эта цѣль? Рассматривая вопросъ объ убійствѣ Ромуломъ Рема, онъ говоритъ, что многіе считаютъ

это дурнымъ примѣромъ, полагая, «что граждане изъ честолюбія и стремленія къ власти могутъ губить тѣхъ, кто противится ихъ власти», но Макиавелли не раздѣляетъ этихъ опасеній. По его мнѣнію, эгоистическая цѣль никогда не можетъ оправдать преступленія; правило «цѣль оправдываетъ средства» примѣняется только тогда, когда эта цѣль есть *общественное благо* (Disc. I, cap. 9). Но общественное благо есть цѣль безусловно нравственная, и стремиться къ нему есть нравственная обязанность каждаго человѣка; поэтому, когда эта цѣль становится въ противорѣчіе съ другими нравственными цѣлями, мы получаемъ коллизію нравственныхъ нормъ. И если Макиавелли склоненъ разрѣшать эту коллизію всегда въ пользу общественнаго блага, то нельзя еще утверждать, что онъ не предъявляетъ къ политикѣ никакихъ нравственныхъ требованій.

2. Гораздо менѣе популярна другая теорія, которая ищетъ объясненій «безнравственности» Макиавелли въ его воззрѣніяхъ на политику. Такъ, по мнѣнію Раумера, онъ понималъ политику исключительно, и притомъ—въ римскомъ смыслѣ; свободу и благо отдѣльной личности онъ считалъ возможнымъ приносить въ жертву общей цѣли—укрѣпленію государства.

Конечно, нельзя отрицать, что этимъ можно себѣ объяснить значительную долю тѣхъ совѣтовъ, которые намъ представляются безнравственными; большинство преступленій, которыя онъ оправдываетъ, дѣйствительно имѣютъ въ виду расширить власть или обезпечить безопасность государства. Но одного этого мало. Очевидно, судить о томъ, насколько данное преступленіе содѣйствуетъ упроченію государственной власти, можно только тогда, когда преступленіе уже совершено, когда вполне выяснились его результаты; и мы видимъ, что Макиавелли къ однороднымъ поступкамъ относится не всегда одинаково: онъ то хвалитъ ихъ, то порицаетъ—въ зависимости отъ того, насколько они удались; успѣхъ имѣетъ въ его глазахъ рѣшающее значеніе. Поэтому предложенное объясненіе нуждается въ поправкѣ; необходимо прибавить, что государственное могущество, какъ цѣль политической дѣятельности, тогда только покрываетъ собой всѣ стороны этой дѣятельности, когда дѣйствующее лице сумѣло осуществить свой замыселъ и достигнуть тѣхъ результатовъ, къ какимъ оно стремилось. Но такое пониманіе политики сводится, въ сущности, къ оправданію всякаго факта, всякаго положенія вещей, а потому дол-

жно сдѣлать невозможной оцѣнку фактовъ со стороны нравственной. А мы видѣли уже, что Макиавелли допускаетъ такую оцѣнку. Въ виду этого, объясненіе, предложенное Раумеромъ, надо признать недостаточнымъ: оно не говоритъ намъ ничего о тѣхъ мѣстахъ въ сочиненіяхъ Макиавелли, гдѣ мы встрѣчаемъ оцѣнку политическихъ событій съ точки зрѣнія нравственности. Отвѣта на вопросъ слѣдуетъ, повидимому, искать въ этическихъ воззрѣніяхъ Макиавелли.

3. Первый опытъ этого рода принадлежитъ, кажется, Больману (*Vertheidigung des Machiavellismus*, 1858). По его мнѣнію, необходимо дѣлать различіе между нравственностью, имѣющей значеніе въ частной, *гражданской* жизни, и *политической* моралью.

о каковы требованія этой политической морали, не объясняетъ ни Больманъ, ни его послѣдователи. Если разумѣть подъ ней такую мораль, которая признаетъ дозволенными всѣ дѣянія, какія въ частной жизни считаются безнравственными, то мы получимъ, въ сущности, полное отдѣленіе политики отъ нравственности (понимаемой въ обыкновенномъ смыслѣ), а слѣдовательно, эта теорія не можетъ избѣжать тѣхъ же самыхъ возраженій, какія были сдѣланы Маттеру, Франку и проч.

Совершенно иначе рѣшаетъ вопросъ проф. Алексѣевъ въ своемъ изслѣдованіи—«Макиавелли, какъ политической мыслитель». По его мнѣнію, Макиавелли признавалъ существованіе нравственности и не отдѣлялъ ея отъ политики, но понималъ нравственность, какъ явленіе историческое, обусловливающееся потребностями общезжитія. Нравственно то, что вытекаетъ изъ начала общаго блага; но въ чемъ заключается общее благо,—это опредѣляютъ законы. Поэтому, прибѣгать къ суровымъ и жестокимъ мѣрамъ можно (и необходимо) только тогда, когда не существуетъ законнаго порядка, слѣдовательно—въ тиранніи, при основаніи и переустройствѣ государства, при подавленіи мятежей и, наконецъ, на войнѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Макиавелли признавалъ измѣнчивость, относительность нравственныхъ требованій. Съ этой точки зрѣнія многое, представлявшее загадку для старыхъ его критиковъ, становится вполне понятнымъ и естественнымъ, и пресловутая «грубая безнравственность» получаетъ довольно вѣрное освѣщеніе. Но также несомнѣнно и то, что, принявъ теорію проф. Алексѣева, мы все-таки не объяснимъ себѣ многихъ сторонъ ученія Макиа-

вели и даже найдемъ въ немъ много противорѣчій. Если, по возрѣнію Макиавелли, нравственность опредѣляется только закономъ, и для оцѣнки внѣ-законной дѣятельности не существуетъ никакого критерія, то онъ долженъ былъ относиться къ этой дѣятельности совершенно безразлично. Однако, самый горячій протестъ противъ жестокихъ и суровыхъ мѣръ мы встрѣчаемъ у него именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о тиранніи и объ упроченіи власти въ завоеванномъ государствѣ. Такова, наприм., 26 глава Disc. I, гдѣ онъ находитъ извѣстныя дѣйствія противными не только христіанской морали, но и просто *человѣческой*. Съ другой стороны, междоусобія и внутренніе раздоры, во время которыхъ авторитетъ закона, по необходимости, падаетъ, Макиавелли считаетъ не только неизбѣжными, но и желательными, такъ какъ они содѣйствуютъ достиженію величія и могущества (Disc. I, гл. 4 и 6). Такого рода противорѣчія, которыя мы очень часто встрѣчаемъ у Макиавелли, заставляютъ насъ предположить, что эти противорѣчія обусловливаются особенностями его міросозерцанія, что рядомъ съ эмпирическимъ пониманіемъ нравственности у него уживалось и представленіе какого-то нравственнаго идеала. Подобно тому, какъ въ политикѣ онъ не былъ только холоднымъ наблюдателемъ, но имѣлъ и свои идеалы, такъ точно и въ этической сферѣ онъ не довольствовался одной эпикурейскою моралью, но признавалъ и нѣкоторыя абсолютныя начала *).

2.

Такимъ образомъ, ни одна изъ разсмотрѣнныхъ теорій не даетъ полнаго отвѣта на поставленный въ началѣ статьи вопросъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою цѣну; каждая объясняетъ какую-нибудь одну сторону возрѣній Макиавелли, которыя заставляли его высказываться подчасъ въ духѣ «грубой безнравственности»; но ни одна не выдерживаетъ строгой провѣрки на основаніи текста и ни одна не можетъ, поэтому, считаться вполне удовлетворительной.

При внимательномъ изученіи Макиавелли нельзя не замѣтить, что въ своемъ отношеніи къ политической дѣятельности онъ

*) Я опускаю здѣсь тѣ теоріи, которыя не находили у Макиавелли никакихъ нравственныхъ понятій—ложность ихъ слишкомъ очевидна.

является очень часто непослѣдовательнымъ: поставленная цѣль то сама по себѣ оправдываетъ всѣ употребленныя средства, то эти средства подвергаются еще нравственной оцѣнкѣ; иногда критеріемъ при такой оцѣнкѣ служитъ общее благо, иногда — общечеловѣческая мораль. Совершенно однородные, повидимому, поступки то оправдываются, то порицаются. Необходимо, поэтому, найти такую точку зрѣнія, съ которой можно было бы объяснить эту непослѣдовательность и которая въ то же время позволяла бы изъ всѣхъ предложенныхъ теорій удержать то, что въ нихъ есть истиннаго. Эту нелегкую задачу, какъ мнѣ кажется, разрѣшилъ довольно удачно Спиноза.

Было бы слишкомъ смѣло утверждать, что Спиноза создавалъ свою теорію права подъ единственнымъ и непосредственнымъ влияніемъ Макиавелли, или что своимъ политическимъ трактатомъ онъ хотѣлъ защитить его отъ тѣхъ нападковъ, которыя уже въ то время раздавались. Но что онъ внимательно изучалъ Макиавелли и считалъ его компетентнымъ судьей въ вопросахъ государственной жизни, — это доказывается тѣмъ, что въ своемъ трактатѣ онъ не разъ ссылается на него, при чемъ называетъ его не иначе, какъ «остроумнѣйшимъ» — *acutissimus Machiavellus*. Онъ даетъ, кромѣ того, самостоятельное толкованіе «государя» (*Tract. pol. V, 7*), соглашается съ Макиавелли въ вопросахъ о національномъ войскѣ, о значеніи диктатуры (тамъ же VI, 1) и объясняетъ отношеніе его къ политической дѣятельности. Все это наводитъ на мысль о существованіи сходства въ воззрѣніяхъ обоихъ мыслителей.

Спиноза, какъ извѣстно, начинаетъ свой трактатъ методологическимъ разсужденіемъ. Философы, говоритъ онъ, привыкли смотрѣть на аффекты, съ которыми человѣкъ борется, какъ на пороки, достойные порицанія и презрѣнія; поэтому они удостоиваютъ похвалы человѣческую природу, которая нигдѣ не существуетъ, а истинную природу, которая существуетъ на самомъ дѣлѣ, осмѣиваютъ. Представляя себѣ людей не такими, каковы они въ дѣйствительности, а какими они хотѣли бы ихъ видѣть, философы создавали всегда политику, которую нельзя примѣнить къ жизни, которая годилась бы только для утопій или для золотого вѣка. По мнѣнію Спинозы, только *опытъ* можетъ дать матеріалъ для построенія государственной науки; одно размышленіе никогда не дастъ отвѣта на запросы практической жизни,

Поэтому, въ своей политикѣ, онъ ставитъ себѣ задачей только вывести изъ разума то, что оказалось согласнымъ съ практикой (Tract. pol. I, 1, 3, 4).

Это мѣсто удивительно напоминаетъ 15-ю главу «Государя», гдѣ Макиавелли объясняетъ свое отступленіе отъ общепринятаго метода. «Намѣреваясь написать вещь полезную для того, кто меня пойметъ, я счелъ болѣе правильнымъ, — говоритъ онъ, — слѣдовать истинной сущности вещей (*verità effettuale della cosa*), а не ихъ воображаемымъ свойствамъ (*immaginazione di essa*); въдѣ многіе изображали такія республики и княжества, какихъ они въ дѣйствительности никогда не видали и не знали; такая большая разница между тѣмъ, какъ живутъ, и тѣмъ, какъ должны жить, что тотъ, кто упуститъ изъ вниманія существующее и станетъ мечтать о томъ, что должно быть, тотъ изучаетъ скорѣе средства для своей гибели, чѣмъ для своего самосохраненія».

Такимъ образомъ, Спиноза сходится съ Макиавелли въ вопросѣ о методѣ. Оба они въ своемъ изслѣдованіи разсматриваютъ или, по крайней мѣрѣ, хотятъ разсматривать явленія государственной жизни исключительно съ опытной точки зрѣнія, не увлекаясь никакими идеальными представленіями. Но опытъ самъ по себѣ не можетъ дать основанія для оцѣнки явленій, онъ говоритъ лишь о томъ, что есть, а не о томъ, каково оно; всѣ факты, какъ бы ни казались они иногда безобразными въ сравненіи съ нашими идеалами, имѣютъ одинаковую цѣну и требуютъ къ себѣ одинаковаго отношенія. Поэтому, критики очень часто объясняли безнравственность Макиавелли его методомъ. Спиноза, повидимому, предвидитъ это возраженіе. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что государственные люди (Макиавелли?) гораздо лучше писали о политическихъ вопросахъ, чѣмъ философы; но богословы обвиняютъ политиковъ въ противорѣчій съ религіей, полагая, что верховная власть связана тѣми же предписаніями морали (*easdem pietatis regulas*), какія обязательны для частнаго человѣка (Tract. pol. I, 2). Но такое отношеніе къ политикѣ не вѣрно, ибо добродѣтель частная (*privata virtus*) не имѣетъ ничего общаго съ добродѣтелью правительства (*virtus imperii*): первая заключается въ силѣ духа, а вторая — въ безопасности (*securitas*)“.

Этими немногими словами Спиноза какъ бы разрываетъ всякую

связь между (индивидуальной) этикой и политикой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гораздо раньше Больмана толкуетъ ученіе Макиавелли съ точки зрѣнія «общественной морали», причемъ въ противоположность ему указываетъ и содержаніе этой морали. Но остается еще невыясненнымъ, какимъ образомъ положительный методъ можетъ соединиться съ какою-нибудь моралью, хотя бы и общественной; вѣдь если безопасность есть *добродѣтель* политическая, то, очевидно, возможна оцѣнка политической дѣятельности, и съ этой точки зрѣнія нѣкоторые факты и явленія окажутся несоотвѣтствующими понятію добродѣтели. На этотъ вопросъ Спиноза даетъ отвѣтъ въ своей теоріи права.

Существуетъ ли какое-нибудь право до и внѣ государства, или понятіе права однозначуще съ понятіемъ положительнаго права, — этотъ вопросъ заставлялъ Спинозу сильно колебаться. Онъ не разъ говоритъ, что грѣхъ и преступленіе, правда и неправда возможны только въ государствѣ (Tract. pol. II, 18, 19, 23); съ другой стороны, онъ ставилъ себѣ въ особую заслугу то, что въ его теоріи нѣтъ рѣзкаго различія между естественнымъ и государственнымъ состояніемъ, — естественное право продолжаетъ жить и въ государствѣ (письмо 50-е). Очевидно, Спиноза находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся современные юристы, отождествляющіе право съ закономъ: если внѣ закона не существуетъ никакого права, то какъ объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что мы критикуемъ законъ съ юридической точки зрѣнія, признаемъ его несправедливымъ? Теперь отвѣчаютъ на этотъ вопросъ полнымъ отдѣленіемъ права отъ справедливости: право существуетъ въ государствѣ, справедливость есть идеалъ, начертанный въ сердцѣ человѣка. Спиноза ищетъ выхода въ понятіи природы вещей: право есть то, что согласно съ природой; но такъ какъ подъ, природой онъ разумѣетъ все, что существуетъ, то и государство есть часть природы, и право въ государствѣ есть то, что согласно съ его природой. И до государства есть право, потому что есть природа; но природа эта — совсѣмъ не та, что существуетъ въ государствѣ, поэтому и въ своемъ содержаніи естественное право отличается отъ права положительнаго, хотя то и другое одинаково есть право.

Приблизительно тѣхъ же воззрѣній держался, надо полагать, и Макиавелли, насколько объ этомъ можно судить по тѣмъ от-

рывочнымъ даннымъ, которыя находятся въ его «Разсужденіяхъ». «Въ началѣ міра (читаемъ въ Disc. I, 2), когда жителей было мало, они жили разсѣянно; на подобіе животныхъ; когда же поколѣніе умножилось, они соединились вмѣстѣ и, чтобы лучше защищаться, стали уважать (? riguardare) того, кто былъ между ними сильнѣе и храбрѣе, сдѣлали его своимъ главой и стали ему повиноваться. Отсюда возникло понятіе честнаго и добраго (cose honeste e buone) въ отличіе отъ вреднаго и злого (perniciose e ree); ибо видя, что, если кто наноситъ вредъ своему благодѣтелю, между людьми возникаетъ ненависть и состраданіе, они стали порицать неблагодарныхъ и уважать благодарныхъ, и пришли къ мысли, что подобныя же несправедливости могутъ быть совершены и по отношенію къ нимъ; во избѣжаніе этого зла они рѣшили издать законы и установить наказанія для ихъ нарушителей; отсюда явилось понятіе справедливости (justitia)». Изъ этого отрывка видно, что Макиавелли также отождествлялъ право съ закономъ, но рядомъ съ этимъ признавалъ, что и прежде существованія закона былъ нѣкоторый критерій для различія добра и зла. До изданія закона содержаніе права опредѣлялось исключительно силой: люди выбирали сильнѣйшаго, дѣлали его своимъ вождемъ и подчинялись ему; велѣнія его были обязательны только потому, что за ними стояла сила. Затѣмъ, хотячя возрѣнія на справедливость были выражены въ законѣ, который и сталъ опредѣлять собой содержаніе права. Но прекратилось ли вмѣстѣ съ этимъ господство силы, или отдѣльныя личности, благодаря своему превосходству, могутъ нарушать законъ, не выходя при этомъ за предѣлы права? У Макиавелли нельзя найти опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ; но Спиноза рѣшаетъ его въ пользу силы, и надо думать, что Макиавелли согласился бы съ этимъ рѣшеніемъ.

Государство издаетъ законы, опредѣляющіе границу между правдой и неправдой; но законы эти, говоритъ Спиноза, обязательны только потому, что государство сильнѣе каждаго отдѣльнаго подданнаго и можетъ заставить его исполнять свои повелѣнія. Но сила государства есть не что иное какъ совокупная сила его гражданъ; поэтому, если внутри его образуется союзъ, достаточно сильный, чтобы не бояться государственной власти, то онъ можетъ не исполнять законовъ, потому что вмѣстѣ съ возникновеніемъ союзовъ, враждебныхъ государству, уменьшается

его сила, а слѣдовательно — и принадлежащее ему право надъ подданными (Tract. pol. III, 8 и 9). Спиноза не дѣлаетъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ этого положенія, но надо думать, что и отдѣльная личность, благодаря своей духовной силѣ стоящая выше толпы, можетъ вполне правомѣрно нарушать установленные законы. Въдъ государство имѣетъ право лишь на то, къ исполненію чего можно принудить обѣщаніемъ награды или угрозой наказанія; поэтому тотъ, кого не устрашаютъ установленныя для всѣхъ наказанія и не прельщаютъ награды, этимъ самымъ выходитъ изъ подчиненія государственной власти, становится въ сферѣ права совершенно самостоятельнымъ.

Все, что мы называемъ безнравственнымъ, есть проявленіе силы; но если сила, сама по себѣ, признается основаніемъ права, то все безнравственное становится нравственнымъ — тѣмъ болѣе для Макиавелли, который не проводилъ строгаго различія между правомъ и нравственностью. Всякій постольку имѣетъ права и постольку дѣйствуетъ въ границахъ нравственно-дозволеннаго, поскольку онъ имѣетъ силы. Предположивъ, что по воззрѣнію Макиавелли господство силы не прекращается въ государствѣ, но продолжаетъ жить рядомъ съ закономъ, — мы очень хорошо съумѣемъ объяснить себѣ тѣ мѣста въ его произведеніяхъ, которыя послужили основаніемъ для обвиненія его въ безнравственности.

Прежде всего, господство государственной власти представляется, съ этой точки зрѣнія, вполне безграничнымъ; всѣ ея дѣйствія, хотя бы они нарушали самыя основныя требованія закона, должны почитаться дозволенными, потому что она имѣетъ силу ихъ совершить. А доказать свою силу, а слѣдовательно и право на извѣстное дѣйствіе можно только осуществленіемъ своего намѣренія, только доведеніемъ своего предпріятія до конца. Если предпріятіе удалось, оно становится дозволеннымъ. «Въ дѣйствіяхъ всѣхъ людей, а въ особенности государей, надъ которыми не произносятся судебныхъ приговоровъ, — говоритъ Макиавелли, — обращаютъ всегда вниманіе на конецъ (*si guarda al fine*). Поэтому, если государь заботится о сохраненіи своей жизни и государства *), то всѣ средства будутъ всегда считаться честными и похвальными» (II principe, гл. 18). Спиноза также оста-

*) Т.-е. если онъ останется живъ и удержитъ за собой власть.

наливается на этомъ вопросѣ. Очень часто спрашиваютъ, — говоритъ онъ, — связана ли верховная власть (*summa potestas*) законами и, слѣдовательно, можетъ ли она совершить преступленіе? Если подѣ закономъ будемъ разумѣть законъ государственный и подѣ преступленіемъ — то, что запрещается этимъ закономъ, то никоимъ образомъ нельзя сказать, что государство (т. е. власть) связано законами или можетъ преступить ихъ (Траст. пол. IV, 4 и 5). Различіе между Макиавелли и Спинозой заключается только въ постановкѣ вопроса: одинъ разсматриваетъ его съ точки зрѣнія политической, со стороны цѣлей и средствъ, и приходитъ къ признанію неограниченной власти, а другой даетъ для этой неограниченности юридическія основанія.

Въ той же 18-й главѣ «Государя» Макиавелли занимается вопросомъ о томъ, насколько обязательно данное обѣщаніе. Онъ находитъ, что «предусмотрительный государь не можетъ и не долженъ исполнять обѣщаніе, если исполненіе будетъ ему невыгодно, и если устранены обстоятельства, заставившія его дать это обѣщаніе». Это мѣсто производитъ впечатлѣніе именно «грубой безнравственности»; здѣсь всѣ самыя элементарныя требованія морали, повидимому, приносятся въ жертву соображеніямъ пользы, и можно легко понять тѣхъ критиковъ, которые говорили объ отдѣленіи политики отъ морали. Но это же мѣсто получаетъ совсѣмъ другой смыслъ, если за основаніе правды мы согласимся принять силу. И Спиноза, дѣйствительно, говоритъ объ этомъ въ главѣ II, 12 своего трактата, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: «Только на словахъ данное кому-нибудь обѣщаніе слѣдуетъ то или другое... сохраняетъ свою силу лишь до тѣхъ поръ, пока не измѣнится воля того, кто далъ обѣщаніе. Ибо кто имѣетъ силу нарушить договоръ, тотъ въ дѣйствительности не отказался отъ своего права, но далъ только *слова*. Поэтому, если... онъ найдетъ, что данное обѣщаніе принесетъ ему больше вреда, чѣмъ пользы, онъ можетъ нарушить его по естественному праву».

Понятно, что въ области международныхъ отношеній, гдѣ нѣтъ никакого закона, Макиавелли долженъ былъ признать дозволенными всевозможныя дѣйствія. Всѣ преступныя замыслы, дипломатическія ловкости, интриги, заговоры одного правительства противъ другого, теряютъ свой безнравственный и преступный характеръ, если представитель государства имѣетъ силу довести

свой замыселъ до конца; на войнѣ, конечно, дозволены всѣ средства. Международное право въ своемъ существѣ есть право договорное; но если выполнение договора признается обязательнымъ, то ясно, что отношенія между государствами могутъ покоиться только на силѣ (ср. Tract. pol. III, 11 и слѣд.).

остановился здѣсь только на нѣкоторыхъ сторонахъ ученія Макиавелли и старался показать точки соприкосновенія ихъ съ ученіемъ Спинозы. Но легко понять, что съ указанной точки зрѣнія можно объяснить всѣ преступленія, которыя одобряетъ или рекомендуетъ Макиавелли; ибо теорія Спинозы есть, по справедливости, теорія совершившихся фактовъ. Не слѣдуетъ думать, однако, что, принявъ эту теорію, мы должны совершенно отказаться отъ оцѣнки фактовъ и дѣйствій со стороны этической; еслибы это было такъ, то о духовномъ родствѣ между Спинозой и Макиавелли не могло бы быть и рѣчи, потому что Макиавелли, какъ мы знаемъ, очень часто порицаетъ политическихъ дѣятелей, признаетъ ихъ поступки безнравственными. Но опредѣленіе права, какъ силы, не исключаетъ еще существованія нравственнаго критерія. Во-первыхъ, если право дается силой, то о наличности права можно судить только тогда, когда доказано существованіе силы; поэтому, если лицо не имѣло силы довести свой замыселъ до конца, если преступленіе не удалось, принятія мѣры оказались недостаточными, то задуманное предпріятіе слѣдуетъ признать безнравственнымъ и преступнымъ. Вотъ почему Макиавелли такой большой поклонникъ успѣха и такъ горячо порицаетъ неудавшихся политическихъ дѣятелей. У него можно даже найти мѣста, гдѣ руководящимъ принципомъ дѣятельности признается сила, и данное предпріятіе — заслуживающимъ порицанія потому, что оно не удалось; напр. въ 3-ей главѣ «Государя» говорится: «когда люди дѣлаютъ то, что могутъ, ихъ хвалятъ, а не порицаютъ; но когда они хотятъ сдѣлать то, на что у нихъ нѣтъ силы, тогда являются порицанія и ошибки. Еслибы Франція со своими силами могла овладѣть Неаполемъ, она *должна* была бы это сдѣлать; если же она не могла, то не слѣдовало и раздѣлять его» *). Во-вторыхъ, понятіе

*) Se Francia adunque con le sue forze potera assaltare Napoli, dovera farlo: se non potera non doveva dividerlo. Это мѣсто въ русскомъ изданіи Н. Курочкина передано такъ: „Еслибы Франція имѣла достаточно силы для завладѣнія Неаполемъ, она имѣла бы право къ этому стремиться, но не имѣя на это доста-

силы можетъ имѣть различное содержаніе, смотря по тому, будемъ ли мы разумѣть подъ ней силу физическую или духовную. Если признавать, что духовная сила, при прочихъ равныхъ условіяхъ, могущественнѣе и, слѣдовательно, даетъ больше права, чѣмъ сила физическая, то осуществленіе началъ духовной природы человѣка должно считаться похвальнымъ, а пренебреженіе ими—неодобрительнымъ. Такъ именно смотрѣлъ на дѣло Спиноза. По его мнѣнію, человѣкъ и государство тѣмъ могущественнѣе и тѣмъ больше имѣютъ права, чѣмъ больше они руководствуются предписаніями разума (Tract. pol. III, 7). Поэтому хотя верховная власть и не связана государственными законами, но она должна ихъ соблюдать; ибо этимъ она возвышаетъ свой авторитетъ въ глазахъ подданныхъ и, слѣдовательно, пріобрѣтаетъ надъ нимъ больше права (IV, 4). То же самое мы видимъ и у Макиавелли. Онъ также совѣтуетъ правителямъ исполнять законы, ими изданные, не оскорблять гражданъ, потому что это уменьшаетъ силу государства и правительства (Disc. I, 45); хотя на войнѣ и при покореніи государства дозволены всѣ средства, но онъ признаетъ, что одинъ гуманный поступокъ производитъ иногда больше дѣйствія, чѣмъ громадная армія со всѣми своими орудіями (Disc. III, 20).

3.

Предположивъ, что выставленная теорія вообще вѣрна и достаточно объясняетъ безнравственность макиавеллизма, попробуемъ пойти нѣсколько дальше и постараемся выяснитъ себѣ ея болѣе отдаленныя основанія. Если политика Макиавелли согласуется съ юридическимъ ученіемъ Спинозы, съ опредѣленіемъ права, какъ силы,—то можно себѣ задать еще другой вопросъ: какіе философскіе принципы принуждаютъ насъ держаться такого воззрѣнія на право? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны нѣсколько остановиться на правовыхъ воззрѣніяхъ Декарта, какъ предшественника и перваго учителя Спинозы.

Декартъ не оставилъ намъ сочиненія, въ которомъ бы связно излагались его политическія убѣжденія. Основателю новой философіи некогда было заниматься явленіями государственной

точно силь, было неразумно и раздѣлять это королевство“. Такой переводъ никакъ нельзя признать правильнымъ, но онъ показываетъ, что переводчикъ также объяснял себѣ Макиавелли со спинозовской точки зрѣнія.

жизни, и, кромѣ того, въ этой сферѣ онъ считалъ себя недостаточно компетентнымъ; поэтому матеріала для рѣшенія нашего вопроса слѣдуетъ искать только въ его перепискѣ.

Декартъ относился отрицательно къ наукѣ о государствѣ. По его мнѣнію, рациональная политика возможна была бы только въ томъ случаѣ, еслибы всѣ люди обладали одинаково совершеннымъ разумомъ. Тогда изъ одного понятія человѣка, изъ разсмотрѣнія обязанностей, лежащихъ на немъ, можно было бы выяснитъ, какъ всѣ они будутъ поступать въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, и, слѣдовательно, опредѣлитъ характеръ и строй отношеній, въ которыя люди будутъ входить между собою. Но такъ какъ рѣдко можно встрѣтить людей, правильно владѣющихъ своимъ разумомъ, то самые лучшіе, съ логической стороны, совѣты могутъ оказаться на практикѣ самыми дурными. Поэтому только опытъ (и притомъ—только личный опытъ) можетъ дать указанія для государственной дѣятельности и для построения государственной науки (*Epistolae*, 1692, т. I, стр. 28).

На этомъ основаніи Декартъ рѣшительно не считаетъ себя способнымъ говорить вообще о государственной жизни. «Я веду столь уединенную жизнь,—читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ пфальцграфинѣ Елизаветѣ,—я такъ далекъ отъ дѣлъ управленія, что, еслибы захотѣлъ давать правила для государственной жизни, я былъ бы подобенъ тому философу, который въ присутствіи Ганнибала хотѣлъ бы взять на себя обязанности полководца». Однако, когда Елизавета проситъ его высказать свое мнѣніе о сочиненіяхъ Макиавелли, онъ соглашается на ея просьбу.

По мнѣнію Декарта, слабою стороною трактата Макиавелли о «Государѣ» слѣдуетъ считать то, что онъ не дѣлаетъ различія между правителями, имѣющими право на престолъ, и тѣми, которые достигли его незаконными средствами,—тѣмъ и другимъ онъ даетъ одинаковыя наставленія. Такое смѣшеніе представляется Декарту неосновательнымъ. Государь, достигшій власти при помощи преступленія, никогда не можетъ стать честнымъ правителемъ; одно преступленіе ведетъ за собой другое, и онъ, при всемъ своемъ желаніи не имѣетъ силы обратиться на путь добродѣтели. Для добраго правителя, напротивъ, всѣ средства могутъ быть справедливы, если онъ считаетъ ихъ таковыми (*cum a principibus tales reputantur*), ибо справедливость между правителями имѣетъ совсѣмъ инныя границы, чѣмъ справедливость ме-

жду частными людьми, и въ этихъ отношеніяхъ, повидимому, Богъ даетъ право тѣмъ, кому онъ даетъ силу *). Все, что государь дѣлаетъ съ полнымъ сознаниемъ своей силы, что онъ считаетъ справедливымъ, то и справедливо на самомъ дѣлѣ. И наоборотъ: самая справедливая дѣйствія могутъ стать несправедливыми, если они представляются такими въ глазахъ дѣйствующаго лица.

Итакъ, если правитель, обладающій верховной государственною властью, никогда не можетъ поступать несправедливо, то ясно, что въ своей дѣятельности онъ не можетъ и руководствоваться началомъ правды. И дѣйствительно, Декартъ выставляетъ другой принципъ, который можно было бы назвать принципомъ цѣлесообразности.

Между подданными, — говоритъ онъ, — слѣдуетъ различать друзей и враговъ. По отношенію къ врагамъ всѣ средства дозволены; можно поступать съ ними какъ угодно, лишь бы изъ этой дѣятельности вытекала какая-нибудь польза для правителя или для народа. Не должно только, какъ совѣтуетъ Макиавелли, быть львомъ и лисицей въ одно время: ложь и обманъ стоятъ въ противорѣчии съ самой идеей человѣческаго общества и потому никогда не могутъ быть законными. Вообще, договоръ, заключенный даже съ иностранцемъ, нужно признать безусловно обязательнымъ — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе его ведетъ за собой ущербъ. Только въ случаѣ крайней необходимости или опасности договоръ можетъ быть нарушенъ въ силу началъ международнаго права (*jure gentium*).

Справедливость народъ ставитъ выше всего; поэтому правитель долженъ быть вѣренъ своему слову, хотя-бы изъ этого проистекали большія невыгоды: ничего не можетъ быть вреднѣе и невыгоднѣе дурной славы. Министрамъ своимъ государь долженъ предоставить дѣла, возбуждающія наибольшую ненависть; рѣшеніе же остальныхъ дѣлъ оставить за собой. Онъ долженъ остерегаться излишней строгости въ наказаніяхъ и щедрости въ милостяхъ, долженъ скрывать отъ всѣхъ свои дурные поступки, долженъ оставить за народомъ тѣ привилегіи, на которыя тотъ заявляетъ претензію. Если государь будетъ справедливъ, онъ из-

*)*justitia enim inter principes alios habet limites, quam inter privatos; videturque Deus in hisce casibus jus illis tribuere, quibus vim concessit; sed vel justissimae actiones fiunt injustae, cum tales ab autoribus habentur* (l. c. I, стр. 30).

бѣгнеть ненависти своихъ подданныхъ: вѣдь и преступникъ не чувствуетъ ненависти къ судьямъ, если онъ считаетъ себя достойнымъ наказанія. Справедливость состоитъ въ подчиненіи всякаго частнаго блага—благу общественному. Поэтому осуществленіе ея представляется труднымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится удовлетворять одинаково справедливымъ притязаніямъ двухъ сторонъ, какъ римскимъ императорамъ приходилось выбирать между народомъ и солдатами. Здѣсь только одинъ путь: привести народъ къ единству какими бы то ни было способами.

Таковы тѣ отрывочныя мысли о правѣ и государствѣ, которыя мы находимъ въ перепискѣ Декарта. Онъ видѣлъ у Макиавелли много остроумныхъ и мѣткихъ замѣчаній, но въ общемъ онъ его не одобрялъ. По его мнѣнію, въ трактатахъ этого „наставника государей“ (*principum doctor*) столько говорится о разныхъ жестокостяхъ и вѣроломствахъ, что они заставляютъ читателя скорѣе сожалѣть о правителѣ, чѣмъ завидовать ему.

Конечно, Декартъ, какъ неспециалистъ въ этой области, не старался приводить своихъ политическихъ воззрѣній къ единству, и мы встрѣчаемъ въ нихъ много противорѣчій и недомолвокъ. Однако, нельзя не замѣтить, что эти воззрѣнія представляютъ изъ себя самую сущность макиавеллизма. Еслибы мы захотѣли удалить изъ сочиненій Макиавелли весь историческій матеріалъ и оставить въ нихъ одну философскую сторону, мы не могли бы найти болѣе подходящихъ выраженій, чѣмъ тѣ, въ которыхъ Декартъ предлагаетъ намъ свои мысли о государствѣ. Со Спинозой онъ расходится только въ томъ, что силу считаетъ основаніемъ лишь публичнаго (государственнаго) права—въ то время, какъ Спиноза видитъ въ ней основаніе всякаго права. Но въ общемъ они согласны другъ съ другомъ.

Обратимся теперь къ выясненію источниковъ этого воззрѣнія.

Взаимоотношеніе силы и права принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ юридической науки; но разрѣшается онъ большею частью съ точки зрѣнія историческаго развитія права. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство тѣхъ учреждений и институтовъ, которые мы теперь называемъ правовыми, своимъ происхожденіемъ обязаны исключительно силѣ; что осуществленіе, доказательство и защита права очень долго зависѣли отъ той же силы, а отчасти зависятъ отъ нея и до сего времени. Но это

не позволяетъ еще намъ утверждать, что въ силѣ самой по себѣ заключается или когда-либо заключалось все основаніе и содержаніе права. Да и вообще положительная наука не можетъ отвѣтить на вопросъ, что такое право, что слѣдуетъ разумѣть подъ нимъ; ибо, приступая къ изученію извѣстныхъ историческихъ явленій, мы уже заранѣе должны знать, что это суть именно явленія права, а не что-либо другое: иначе мы рискуемъ ввести въ науку права изученіе фактовъ, совѣмъ къ ней не относящихся. Поэтому, каждому положительному изслѣдованію должно предшествовать изслѣдованіе тѣхъ понятій, которыя будутъ положены въ основаніе опыта. Задачу эту беретъ на себя философія, изслѣдующая условія и предпосылки познанія. Определеніе права, какъ силы, давно отошло уже въ область исторіи; теперь рѣдко можно встрѣтить юриста, который безъ всякихъ оговорокъ принималъ бы это определеніе. Но для юридической философіи остается еще задача отыскать причины, обусловливающія собою его принятіе. Фуллье, занимавшійся этимъ вопросомъ, хотѣлъ разрѣшить его на почвѣ народной психологіи. По его мнѣнію, различныя понятія о правѣ, которыя до XIX столѣтія имѣли своихъ представителей у всѣхъ народовъ, начиная съ этого времени становятся принципомъ въ наукѣ и жизни трехъ различныхъ націй; у англичанъ такимъ принципомъ является идея пользы, интереса, у французовъ—идея свободы, у нѣмцевъ—идея силы. Отсюда определеніе права изъ понятія силы возводится, какъ къ своему источнику, къ особенностямъ германскаго національнаго характера. Но чтобы доказать свою мысль, Фуллье принужденъ былъ подъ это определеніе подвести и историческую школу права, и германскій милитаризмъ—явленіе совѣмъ не юридическое.

Правовую теорію Спинозы объясняютъ обыкновенно, какъ необходимый логическій выводъ изъ его пантеизма. Съ этимъ, конечно, спорить нельзя; но нельзя и представлять себѣ дѣло такъ, какъ будто определеніе права силою можетъ быть выведено только изъ пантеизма и ни изъ чего другого. Доказательство—воззрѣнія Декарта на государственную власть. Очевидно, пантеизмъ—только одно изъ возможныхъ основаній для спиновской теоріи права, но вовсе не единственное. Въ теоріи Спинозы право запрещаетъ только то, чего никто не можетъ и никто не хочетъ, то-есть, въ сущности, ничего не запрещаетъ и,

слѣдовательно, не налагаетъ на человѣка никакихъ обязанностей; такое пониманіе права противорѣчитъ нашему понятію о немъ, какъ о нормѣ должнаго. Но самое признаніе долга, обязанности — возможно только тогда, когда признается существованіе нѣкотораго начала, предъявляющаго къ человѣку извѣстныя требованія; такимъ началомъ можетъ быть, конечно, идея божества, но можетъ быть и разумъ, міровая гармонія, общежительная природа человѣка и т. п. Принципіальное отрицаніе долга можетъ, поэтому, покоиться на отрицаніи всѣхъ этихъ началъ (атеизмъ, материализмъ и т. д.), а также на ученіяхъ, по которымъ эти начала тождественны съ тѣмъ, что есть,—что Богъ есть сама природа, что разумно все дѣйствительное, что гармонія уже установлена независимо отъ человѣческой воли и т. д. Слѣдовательно, вполне мыслима теорія права, подобная Спинозовской и въ то же время не принимающая его пантеистическихъ принциповъ; отсюда же становится яснымъ, что поставленный вопросъ нельзя рѣшить въ общемъ смыслѣ, нельзя говорить объ общихъ источникахъ этого воззрѣнія, а лишь объ источникахъ его у того или другого философа. Точно также нельзя объяснять это воззрѣніе на право и изъ существа рационализма; ибо разумъ, понимаемый какъ источникъ познанія, никоимъ образомъ не можетъ привести къ тому, чтобъ основаніе права видѣть не въ немъ, а въ силѣ. Напротивъ, для этого надо отказаться или отъ рационализма вообще, или отъ примѣненія его началъ въ данной сферѣ понятій.

Послѣднее именно мы находимъ и у Спинозы, и у Декарта. Ихъ воззрѣнія на право, какъ не трудно замѣтить, отличаются условнымъ характеромъ. Еслибы люди дѣйствовали всегда по предписаніямъ разума, то въ разумѣ заключалось бы и основаніе права; но такъ какъ люди очень рѣдко пользуются своимъ разумомъ и дѣйствуютъ больше подъ влияніемъ страстей, то разумъ и не можетъ служить началомъ для различія въ ихъ дѣйствіяхъ правды отъ неправды (*Tract. pol. II, 5*). Равнымъ образомъ, и Макіавелли считаетъ всѣхъ людей неблагодарными, лѣнвыми и алчными; но еслибы люди были честными, онъ самъ нашелъ бы многіе свои совѣты безнравственными (см., наприм., *II princ. gl. 18*). Всѣ трое исповѣдуютъ своего рода этической пессимизмъ. Но, конечно, и пессимизмъ еще не достаточенъ для оправданія существующаго порядка, для признанія силы основаніемъ

права. Если люди не дѣйствуютъ по разуму, то отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что они и не должны дѣйствовать иначе, что въ той жизни, которою они живутъ, уже осуществились требованія права. Такой выводъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если не дѣлать принципиальнаго различія между закономъ природы и закономъ правовымъ. И къ этому смѣшенію понятій Декарта, Спинозу и Макиавелли привело желаніе построить государственную науку исключительно на опытныхъ началахъ.

В. Бальденбергъ.

Что такое введение въ философію? *)

Мм. гг.

«Безъ исторіи философіи нѣтъ философіи», — эта аксіома лежитъ въ основаніи всего того, что я могу вамъ сказать, читая свое введеніе, всѣхъ тѣхъ общихъ понятій и положеній, которыя и составляютъ его содержаніе.

Исторія философіи представляетъ тотъ матеріаль, безъ котораго нельзя отдать себѣ отчета въ томъ, что такое философія; это — тѣ цифры, владѣя которыми, мы можемъ приступать къ вычисленіямъ. Слѣдовательно, если долженъ быть элементаренъ курсъ введенія въ философію, то ему долженъ предшествовать курсъ еще болѣе элементарный—исторіи философіи.

Такова историческая или эволюціонная точка зрѣнія, на которой нельзя не стоять въ наше время, разрабатывая науку, и съ которой предметъ охватывается во всѣхъ фазисахъ своего развитія, причѣмъ уясняется, откуда и почему предметъ есть то, что онъ есть.

Только изъ исторіи философіи или съ помощью ея и можно знать, что каждая философская система не стоитъ изолированно отъ другихъ и не составляетъ чего-то только сама по себѣ, а что, напротивъ, всѣ онѣ находятся между собою въ извѣстной связи. Выясненіе этой генетической или внутренней связи между отдѣльными философами, ихъ родства по духу и служить предметомъ той современной исторіи философіи, которая сложилась въ нашъ XIX вѣкъ и еще не существовала въ XVIII-омъ, той исторіи философіи, которая лежитъ въ основаніи введенія въ философію. А это введеніе является второй ступенью къ знанію

*) Изъ лекцій, читанныхъ въ Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ.

философіи, и его задача въ томъ, чтобы выяснитъ основныя положенія, вытекающія изъ указаной связи, какъ можно шире охватить и объединить въ немногихъ словахъ все то, что выработано въ теченіе 26 вѣковъ существованія философской мысли. Введеніе въ философію само уже есть система, извѣстная попытка систематически разобратъся въ ученіяхъ философовъ, и поэтому оно—нѣчто болѣе теоретическое и отвлеченное, чѣмъ исторія философіи, нѣчто болѣе философское, чѣмъ она, хотя и исторія философіи уже есть теорія и теорія тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе она удаляется отъ простаго перечня.

Я намѣрена разсмотрѣть здѣсь нѣкоторыя общія понятія и основныя положенія философіи, выясняющіяся изъ ея исторіи и взять изъ нихъ главное или самое существенное, но, конечно, только то, что кажется главнымъ или существеннымъ мнѣ.

Я считаю, что трудно, даже невозможно написать объективную исторію философіи. Всякій историкъ философіи, который углубляется въ свою область, уже вырабатываетъ себѣ свою собственную философію и не можетъ поэтому не обратиться въ философа. Вѣдь поставить въ связь различныя системы значитъ понимать эту связь, и понимать ее непремѣнно отвлеченнымъ образомъ, внести въ это пониманіе свою умственную личность. Мнѣ кажется, что объективной исторіи философіи не существуетъ, если только не понимать подъ ней простаго, неинтереснаго перечня.

А еще менѣе, чѣмъ исторія философіи, можетъ быть объективно введеніе въ нее.

Я не могу, конечно, въ 10 лекціяхъ объяснить всѣ понятія, встрѣчающіяся въ философіи, и, слѣдовательно, возьму изъ нихъ только тѣ, которыя соотвѣтствуютъ сложившемуся у меня міровоззрѣнію. Если бы захотѣть обобщить весь матеріалъ, который существуетъ по философіи, то пришлось бы написать томы, потому что вѣдь каждому философскому воззрѣнію или философу посвящены цѣлыя бібліотеки; поэтому когда я приступаю къ изложенію того, что мнѣ кажется главнымъ въ философіи, то я по неволѣ буду рѣшать свою задачу узко и односторонне.

Если курсъ мой основывается на аксіомѣ, то онъ имѣетъ и теорему. Теорема эта непосредственно вытекаетъ изъ аксіомы, и все же она не аксіома, или я не хочу признавать ее таковою.

Дѣло въ томъ, что чѣмъ дальше мы подвигаемся по пути знанія,

тѣмъ болѣе дорожимъ своимъ прошедшимъ, гдѣ уже были проблески знанія, и желаемъ связать свое настоящее съ прошедшимъ и понять будущее. Все больше и больше протягиваемъ мы нити между фактами и идеями, и всякая такая нить является отвѣтомъ на вопросъ: откуда и куда. Вопросъ этотъ занялъ въ философіи мѣсто прежняго «что такое», замѣнилъ его если не совсѣмъ, то почти совсѣмъ. Прослѣдить развитіе, узнать генезисъ или происхожденіе, т. е. поставить на первый планъ генетическую связь фактовъ и идей—вотъ стремленіе, которое является самымъ характеристическимъ признакомъ просвѣщенія нашего времени и характеристическимъ признакомъ философіи. И философія идетъ впередъ, и она развивается и совершенствуется въ ширь и въ глубь; она давно перестала быть орудіемъ и обратилась въ стройный механизмъ. Это и есть та теорема, которую мнѣ бы хотѣлось доказать.

Но что такое философія? Нѣтъ, конечно, ничего проще и ничего труднѣе, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Это такъ же просто и трудно, какъ опредѣлить то, что такое жизнь. Можно ли сказать, что она такое? О ней вѣдь можно говорить очень много, а въ сущности никто изъ насъ не знаетъ, что она такое.

Одно только ясно и вѣрно,—именно что всякое опредѣленіе философіи, какъ и всякое опредѣленіе того, что такое жизнь, носить на себѣ личный характеръ. То, что мы понимаемъ подъ философіей, какъ и подъ жизнью, зависитъ отъ нашего отношенія къ философіи и къ жизни.

Можно измѣнить вопросъ такъ, чтобы отвѣтить на него фактически; для этого надо спросить: чѣмъ была до сихъ поръ философія? Отвѣтомъ будетъ тогда то самое, что каждый изъ насъ, по всей вѣроятности, скажетъ о своей жизни: это—рядъ ошибокъ. Какъ философія, такъ и жизнь должны быть стремленіемъ къ истинѣ, а фактически, на самомъ дѣлѣ, и философія и жизнь—только рядъ заблужденій. Тотъ, кто хочетъ вычеркнуть философію потому, что она заблуждается, пусть вычеркнетъ и другое заблужденіе—нашу человѣческую жизнь.

Нѣтъ, въ жизни мы идемъ впередъ,—слышу я возраженія:—наша жизнь совершенствуется, и только философъ, т. е. чловѣкъ, стоящій вдали отъ жизни, можемъ сказать, что все то, что достигнуто нами теперь, то же, что было и 26 вѣковъ тому назадъ.

Но зачѣмъ указывать на успѣхи культуры? Мы слишкомъ

много ими пользуемся, чтобы ихъ не знать. То самое, что можно сказать о жизни, я перенесу на философію. И она ушла впередъ въ теченіе того самаго времени, въ которое шла впередъ жизнь, и ее, эту философію современнаго человѣчества, трудно теперь вложить въ тѣ рамки, въ которыя она укладывалась 26 вѣковъ назадъ, во времена Фалеса, когда всѣ науки отождествлялись съ философіей. Въ наше время вмѣсто одной науки ихъ стали сотни: теперь философія входитъ въ науку, но имѣетъ и свою собственную область. А между тѣмъ въ цѣломъ и большемъ это все тотъ же рядъ заблужденій, все то же незнаніе главное, въ которомъ мы живемъ и благодаря которому мы философствуемъ.

Можно сказать, что философія является знаніемъ общимъ или болѣе отвлеченнымъ въ противоположность наукамъ или знанію специальному, и, слѣдовательно, она вполне заслуживаетъ того, чтобы ее назвать наукою наукъ. Но интересно при томъ то, что наука ли эта наука наукъ, остается вопросомъ открытымъ, — о немъ много спорили, много еще будутъ спорить. Во всякомъ случаѣ, философія еще менѣе можетъ быть названа религіей и искусствомъ, чѣмъ наукою. Лучшее опредѣленіе для нея, чѣмъ то, что она наука наукъ, найти трудно, такъ какъ съ одной стороны оно уясняетъ то, что она выше наукъ, а съ другой, ясно выставляетъ всю неразрѣшимость вопроса—наука ли она, или не наука.

Вѣдь тамъ, гдѣ кончается наука, начинается философія, или все то, что неизвѣстно въ каждой наукѣ—ея основные вопросы и составляютъ область философіи въ обыденномъ смыслѣ. Поэтому и обвиняютъ философію въ туманности. Но туманна не философія, а наши головы. Чѣмъ вопросъ глубже, тѣмъ онъ неразрѣшимѣе, и потому тамъ, гдѣ кончается разрѣшимость вопросовъ или наука, начинается неразрѣшимость ихъ или философія. Чѣмъ болѣе какая-нибудь наука идетъ вглубь, тѣмъ болѣе соприкасается она съ неизвѣстнымъ, тѣмъ яснѣе обозначается то, что она сводитъ извѣстное на неизвѣстное. Самыя глубокія научныя изслѣдованія—это тѣ, которыя подходятъ къ границѣ науки, являются ея обобщеніемъ и составляютъ потому самому уже изслѣдованія философскія.

Философія никогда не утратитъ своего значенія, потому что, если мы убѣдились въ невозможности создать золото, то, напротивъ,

не должны убѣдиться въ неразрѣшимости основныхъ вопросовъ. Глубокое слово Вольтера, что если бы не было Бога, надо было бы его сочинить, можно примѣнить къ философіи и сказать, что если бы не было философіи, ее слѣдовало бы выдумать, и это потому, что все наше знаніе утратило бы свой смыслъ, еслибы въ корнѣ его не лежало незнаніе. Мы никогда бы не стали въ противномъ случаѣ жертвовать жизнью и доискиваться того, что цѣнимъ теперь, благодаря тому, что оно намъ неизвѣстно. Неразрѣшимые вопросы дороги намъ именно тѣмъ, что нѣтъ другихъ сложнѣе ихъ и интереснѣе. Вѣдь то, что кажется неразрѣшимымъ мнѣ, можетъ быть разрѣшено другимъ, благодаря особенностямъ его ума сравнительно съ другими умами. Не существуетъ ни одного человѣка, вполне сходнаго съ другими,—всякій рождается съ своею собственною индивидуальностью и никогда не можетъ идти вполне по дорогѣ, по которой шли другіе; онъ не принимаетъ на вѣру непознаваемости основныхъ философскихъ вопросовъ, а вноситъ въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ свою личность и, внося ее, онъ видоизмѣняетъ, углубляетъ, расширяетъ и развиваетъ эти самые неразрѣшимые вопросы.

Если философія входитъ въ другія области, наприм., въ религію, искусство и науку, именно въ естествовѣдѣніе, право и исторію, то она имѣетъ и свою собственную область. Ее составляютъ психологія, теорія познания или познания, логика, этика и метафизика. Поскольку нельзя создать философскую систему, отбросивши одну изъ нихъ, я и считаю ихъ частями философіи или того цѣлаго, въ которомъ онѣ всѣ объединяются.

Одна изъ этихъ частей желаетъ, впрочемъ, отдѣлиться отъ философіи, чтобы стать самостоятельною: это—психологія. Другую отдѣляютъ иногда отъ философіи, для того чтобы присоединить ее къ праву или къ государственнымъ наукамъ: такова этика. Напротивъ, логика, та часть философіи, которая по своей точности и опредѣленности всего менѣе могла бы, пожалуй, называться философией, никогда не желала быть ничѣмъ инымъ. Не существуетъ до сихъ поръ попытки выдѣлить логику изъ числа философскихъ наукъ. Можно даже сказать, что всѣ философы, какъ бы ни были вообще различны ихъ воззрѣнія, сходятся въ томъ своемъ мнѣніи, что логика не можетъ не быть философией. Есть даже такіе, которые считаютъ всѣ философіи только логикой.

Самыя интересныя отрасли философіи—это метафизика прежде

и теорія познания теперь. Та роль, которая прежде принадлежала метафизикѣ, отошла теперь къ гнозеологии. Насъ интересуетъ уже не сущность міра или что такое міръ,—этотъ коренной вопросъ метафизики—и не сущность человѣка, что такое душа и сознание,—этотъ коренной вопросъ психологии,—а нѣчто другое, именно отношеніе человѣка къ міру,—основной вопросъ теоріи познания; это тотъ третій великій вопросъ въ ходѣ развитія философіи, тотъ сфинксъ, который сталъ на мѣсто прежнихъ, и сфинксъ еще болѣе страшный. Онъ болѣе страшенъ, потому что въ немъ одномъ воплощаются оба прежніе вопроса, вопросы о мірѣ и душѣ; онъ болѣе страшенъ, потому что онъ сложнѣе ихъ.

Мы хотимъ теперь знать, какъ относится человѣкъ къ міру или какъ отражается міръ въ нашимъ сознаниі, и мы спрашиваемъ, что такое дѣйствительность. Спрашивая такъ, мы, слѣдовательно, уже стоимъ на точкѣ зрѣнія теоріи познания, т.е. не довольствуемся тѣмъ, что углубляемся въ то, что такое міръ и что такое человѣкъ, не разбираемъ ихъ въ ихъ отдѣльности, но прямо начинаемъ съ той загадки, что міръ и человѣкъ какъ-то соединены. Но какъ? Когда мы спрашиваемъ, «что такое дѣйствительность?», то ясно, что мы сознаемъ эту связь, всю сложность этой связи, всю неразгаданность этихъ вопросовъ, и вкладываемъ въ нихъ все то, что уже выработано человѣческой мыслью.

Болѣе или менѣе отошли для насъ въ прошедшее вопросы о сущности міра и человѣка; насъ интересуетъ лишь ихъ отношеніе,—тотъ глубокий вопросъ, который явился на почвѣ теоріи познания, этого продукта XVII и XVIII вв.

Мы знаемъ, что для рѣшенія третьяго великаго вопроса философіи, вопроса о томъ, что такое дѣйствительность, нужно поставить рядомъ два фактора философіи. Факторы эти являются элементами всякой новой системы: это—опытъ и мышленіе. Тотъ, кто создаетъ теперь систему, спрашиваетъ себя: предшествуетъ ли опытъ мышленію или мышленіе опыту? Соединеніе міра и человѣка въ вопросѣ о томъ, что такое дѣйствительность, есть преобразование вопроса о сущности внѣшняго и внутренняго міра въ вопросъ объ отношеніи одного фактора къ другому — опыта къ мышленію. Это—тотъ великій поворотъ, уничтожившій всякую мысль о сущности и поставившій на мѣсто

сущности отношенія, поворотъ, подготовленный Локкомъ и Юмомъ, совершенный Кантомъ, создавшимъ теорію познанія и тѣмъ самымъ направившимъ философію на новый путь.

Итакъ, что чему предшествуетъ, опытъ—мышленію или мышленіе—опыту? Узнаемъ ли мы дѣйствительность такую, какая она есть на самомъ дѣлѣ?

Да,—отвѣтятъ на послѣдній вопросъ реализмъ и догматизмъ—тѣ направленія, которыя я бы назвала менѣе философскими.

Нѣтъ, мы незнаемъ дѣйствительности такую, какая она есть,—говорятъ скептицизмъ, позитивизмъ, агностицизмъ, идеализмъ, релятивизмъ, феноменализмъ, критицизмъ и субъективизмъ—всѣ тѣ направленія, которыя я считаю болѣе философскими, потому что они углубляются въ вопросъ и не рѣшаютъ его такъ просто и поверхностно, какъ догматизмъ и реализмъ, которые, говоря «да», уничтожаютъ этимъ вопросъ въ самомъ его корнѣ. Разъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительность представляется такую, какая она есть, то зачѣмъ намъ философія? Кто не допускаетъ такого сомнѣнія и просто и ясно относится къ этому неразрѣшиму вопросу, тотъ уничтожаетъ философію въ ея корнѣ, подкапывается подъ этотъ корень—сомнѣніе. Но то, что направленій, отвѣчающихъ «нѣтъ», гораздо больше, чѣмъ такихъ, которыя говорятъ «да», уже доказываетъ, что въ философіи сила на сторонѣ тѣхъ, кто сомнѣвается, и что вѣрны ея корни сомнѣнія всѣ тѣ направленія, которыя говорятъ «нѣтъ».

Вѣдь мы можемъ познавать дѣйствительность лишь такую, какою себѣ ее представляемъ съ помощью нашихъ внѣшнихъ чувствъ и нашего мышленія, и какъ чувства наши, такъ и мышленія только субъективны или ограниченны, они не совершенны, не абсолютны. Это основное положеніе или аксіома философіи нашего времени,—та самая аксіома, благодаря которой теорія познанія стала на мѣсто, прежде принадлежавшее метафизикѣ, и будетъ сохранять это мѣсто, пока изслѣдованія не углубятся еще болѣе и настоящий вопросъ не уступитъ, въ свою очередь, мѣста другимъ, еще болѣе глубокимъ и новымъ.

Я полагаю, что изъ субъективизма нѣтъ исхода и что чѣмъ болѣе данное направленіе философіи отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что человѣкъ не можетъ выйти изъ своего я, тѣмъ оно глубже и тѣмъ болѣе оно философское.

Субъективны не только наши чувства, но и сужденія, понятія

и умозаключенія. Это, конечно, грустная истина, чтобы не сказать, истина ужасная, но лучше посмотрѣть ей прямо въ глаза, чѣмъ отвернуться. Нельзя опровергнуть субъективизмъ, — онъ останется вѣчною истиною; всѣ возраженія противъ него могутъ быть только формальными и будутъ всегда менѣе глубоки, чѣмъ то, что хотятъ опровергнуть. Система тѣмъ выше, чѣмъ болѣе мыслитель отдаетъ себѣ отчетъ въ коренномъ свойствѣ нашего духа, чѣмъ болѣе онъ сознаетъ смыслъ философіи или ея сущность. А это коренное свойство нашего духа есть пытливость. Она коренится въ томъ, что мы люди, а не животныя, и этой пытливости поставленъ предѣлъ въ томъ, что мы люди, а не высшія, чѣмъ люди, существа.

Въ пытливости или стремленіи къ истинѣ заключается наше несовершенство, но оно же является вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительнымъ нашимъ совершенствомъ. Мы не стремились бы къ истинѣ, еслибы были не людьми, а животными, и мы бы владѣли истиною, а не стремились къ ней, еслибы были существами высшими, чѣмъ люди. Наша жизнь ограничена этими двумя предѣлами, — это «отселѣ» и «доселѣ», — это та истина, выше которой подняться мы не можемъ, но въ ней все наше высшее.

Тѣмъ именно и велика философія, что въ ней заключается это высшее. Она — та область, которая отмежевывается для насъ нашимъ разумомъ, высшей способностью, объединяющей въ себѣ всѣ остальные. Поэтому, въ широкомъ смыслѣ слова, философія и есть всегда рационализмъ: хотя обыкновенно подъ этимъ понятіемъ мыслятъ нѣчто болѣе узкое, именно міровоззрѣніе, которое на первомъ планѣ ставитъ мышленіе, разумъ, внутренній опытъ, въ противоположность эмпиризму или направленію, исходнымъ пунктомъ котораго являются внѣшнія чувства, внѣшній опытъ.

Въ нашей умственной жизни мы слѣдуемъ одному изъ двухъ путей: или мы идемъ эмпирическою дорогою, т.-е. придаемъ больше значенія опыту внѣшнему, тому, что видимъ, слышимъ, наблюдаемъ внѣ насъ, — именно начинаемъ снизу, или же, напротивъ, ставимъ на первый планъ наше размышленіе, умозрѣніе, спекуляцію, идемъ дорогою умозрительною, — начинаемъ сверху. Speculare, въ буквальномъ смыслѣ слова, значитъ обозрѣвать сверху, а этотъ верхъ — наше интуитивное мышленіе, въ противоположность опыту или міру внѣ насъ.

Но я хотѣла сказать вообще о философіи только то, что всякая система тѣмъ выше, чѣмъ болѣе въ ней сознается ограниченность человѣческаго ума, т.-е. чѣмъ болѣе въ этой системѣ критицизма и чѣмъ менѣе догматизма, чѣмъ болѣе она изслѣдуетъ и чѣмъ менѣе принимаетъ на вѣру. Изслѣдовать, а не принимать на вѣру составляетъ характеристическій признакъ критицизма, какъ напротивъ, принимать на вѣру, а не изслѣдовать, отличаетъ собою догматизмъ. Поэтому самому догматизмъ и идетъ въ разрѣзъ съ кореннымъ свойствомъ нашего духа—съ пытливостью, этимъ лучшимъ, что у насъ есть.

Великимъ философомъ былъ въ древнее время Сократъ и въ новое — Кантъ. Оба они только подчеркнули наше незнаніе и признали, слѣдовательно, вѣчность субъективизма, родоначальниками котораго можно считать софистовъ, (хотя его глашатаемъ мы имѣемъ право считать еще Гераклита); понятіе «субъективизмъ», объясняетъ Эйкенъ въ «Исторіи и критикѣ основныхъ понятій», (Leipzig, 1871), употребляется у нихъ въ первый разъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы примѣняемъ это понятіе теперь.

Итакъ, противъ софистовъ выступаетъ Сократъ, будучи самъ субъективистомъ. Но субъективизмъ софистовъ былъ болѣе поверхностнымъ, чѣмъ субъективизмъ Сократа, — то былъ субъективизмъ на почвѣ практической. «Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, существующихъ, поскольку онъ есть, несуществующихъ, поскольку онъ не есть», сказалъ Протагоръ, самый значительный изъ софистовъ, преемникъ другого замѣчательнаго мыслителя—Гераклита, провозгласившаго, что «все течетъ».

Тотъ шагъ, который совершилъ Протагоръ, великъ и важенъ: было понято, что «все течетъ», не только въ природѣ, но и въ человѣческомъ интеллектѣ, были впервые сознаны предѣлы человѣческаго ума. Въ это самое возрѣніе и углубился младшій современникъ старшаго поколѣнія софистовъ—Сократъ, и если онъ въ шутку и называетъ себя ученикомъ одного изъ этихъ старшихъ (Продика), это не только шутка, но въ ней гораздо болѣе правды, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Исходнымъ пунктомъ, откуда начинается разсуждать Сократъ, является человѣкъ, и его, какъ уже и софистовъ, интересуется только человѣкъ, а не внѣшній міръ, не объектъ, а субъектъ. Въ своихъ глубокихъ изслѣдованіяхъ внутренняго міра человѣка Сократъ искренне согласенъ съ софистами въ томъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, по-

скольку человѣкъ высшее существо изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ; но отсюда для Сократа вовсе не слѣдуетъ то, что провозгласили софисты, именно не слѣдуетъ, что каждый имѣетъ право поступать такъ, какъ ему пріятно и удобно, а именно въ эту проповѣдь обратилась въ рукахъ софистовъ та глубокая теоретическая истина, которую они раскрыли, истина субъективизма. Софисты воспользовались этою истиною для своихъ мелкихъ цѣлей, сдѣлали изъ нея золотого тельца,—Сократъ уничтожилъ тельца и оставилъ истину. Онъ окружилъ ее тѣмъ блескомъ, благодаря которому его надо назвать родоначальникомъ совѣмъ новаго направленія и основателемъ этики—ученія о добрѣ, какъ о чемъ-то положительномъ, ученія, которое шло въ разрѣзъ съ софистическимъ ученіемъ о законной безнравственности.

Но величіе Сократа лежитъ глубже, лежитъ въ томъ глубокомъ пониманіи своего незнанія, благодаря которому онъ считалъ, что дельфійскій оракулъ имѣлъ право назвать его самымъ мудрымъ изъ людей. «Различіе между мною и другими людьми заключается въ томъ, — рассказываетъ Сократъ въ Апологіи Платона,—что я не воображаю, что знаю то, чего не знаю, а на это малое я и мудрѣе» (Ар., 6). Вотъ это малое и составляетъ то великое, чѣмъ обусловливается незыблемость субъективизма, то самое, чѣмъ великъ и другой мыслитель, выразившій свое незнаніе въ трехъ Критикахъ, Кантъ. Субъективизмъ Канта носитъ названіе критицизма, и мы переносимъ теперь это столь же простое, какъ и мѣткое опредѣленіе на всѣ направленія, родственныя по духу—воззрѣнію кенигсбергскаго мудреца. Никто до Канта такъ тонко и остроумно не поставилъ вопроса о томъ, что такое разумъ, не могъ опредѣлить его настолько глубоко, какъ сдѣлалъ это Кантъ, возбудивши вопросъ о границахъ самаго разума и поставивъ этимъ колумбово яйцо въ философіи. Но разъ вопросъ о границахъ собственнаго нашего разума является для насъ вопросомъ, и вопросомъ отчасти неразрѣшимымъ, то никто, слѣдовательно, не показалъ столь очевидно той горькой истины, какъ мало знаетъ человѣкъ, и никто не сталъ такъ великъ, какъ Кантъ, освѣтившій этотъ страшный для насъ вопросъ. Высшее знаніе, которое существуетъ, это знаніе нашего незнанія, и Кантъ понялъ это болѣе тонко, остроумно и глубоко, чѣмъ могъ это сдѣлать Сократъ въ IV в. до Р. X. Но

оба они сходятся въ томъ отношеніи, что стоятъ на почвѣ субъективизма, такъ какъ углубляютъ пониманіе того, что такое наше незнаніе.

Слѣдовало бы назвать объективизмомъ всѣ тѣ направленія, въ которыхъ не заключается субъективизма, а между тѣмъ въ философіи нѣтъ обычая употреблять это слово въ указанномъ смыслѣ. Но почему его нѣтъ? Не по той ли причинѣ, что всякое направленіе, какъ бы оно ни называлось, содержитъ въ себѣ всегда долю субъективизма, а потому можно говорить лишь о субъективизмѣ болѣе или менѣе полномъ, познавшемъ себя или не познавшемъ, явномъ или скрытомъ? Полнаго объективизма не существуетъ: въ каждую систему входитъ до извѣстной степени элементъ догматическій, приходится принимать на вѣру извѣстныя положенія. Нельзя провѣрить ихъ лучше, какъ сознавши ихъ субъективность, и потому субъективизмъ и есть направленіе болѣе критическое, такъ какъ критическимъ является уже самое коренное его основаніе. Это его основаніе и составляетъ его сущность, тотъ духъ критики, на которомъ зиждется все лучшее, что создало человѣчество.

Но духъ критики не есть духъ отрицанія.

Отрицаніе можетъ быть также догматично, какъ и утвержденіе, и также идти, слѣдовательно, въ разрѣзъ съ духомъ философіи. Когда изъ отрицанія дѣлаютъ догматъ, то на сцену является скептицизмъ,—направленіе гораздо болѣе узкое и одностороннее, чѣмъ другія родственныя ему по духу. Слабость скептицизма заключается въ томъ, что онъ возводитъ незнаніе въ догматъ и потому и не пробуждаетъ нашей пытливости. Пока люди будутъ рождаться различными, не можетъ существовать твердаго «не знаю»,—оно должно оставаться текучимъ. Именно въ разграниченіи двухъ областей—извѣстнаго отъ неизвѣстнаго—и будетъ всегда заключаться самый большой для насъ интересъ, и въ этомъ разграниченіи и есть наше лучшее.

Субъективизмъ не разрушаетъ себя самъ, какъ дѣлаетъ это скептицизмъ, и онъ стоитъ поэтому на положительной почвѣ—въ немъ сильны задатки созиданія, онъ критикуетъ, чтобы строить. Что же касается скептицизма, то трудно выразиться болѣе мѣтко, чѣмъ сдѣлалъ это Гербартъ, когда онъ сказалъ, что черезъ скептицизмъ надо пройти, но остановиться на немъ никакъ нельзя. А на субъективизмѣ именно должно остановиться. Только

остановившись на немъ, и можно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что его почва тверда.

Быть субъективистомъ—это значитъ сознаться, что человѣкъ никогда не можетъ выйти изъ своего я; это значитъ только подписаться подъ тѣмъ, что мы не знаемъ всего. И это знаніе не ничто, а, напротивъ, нѣчто положительное, это—дорога, шествуя по которой, мы всего болѣе будемъ расширять наше знаніе; это—самый широкій взглядъ, которымъ мы можемъ окинуть вселенную и отдать себѣ отчетъ, что въ ней такое человѣкъ. Онъ только тогда царь творенія, когда сознаетъ себя песчинкою; онъ смѣшонъ, когда воображаетъ себя царемъ.

Такова сущность субъективизма,—того міровоззрѣнія, которое кажется мнѣ болѣе глубокимъ, чѣмъ другія, и въ этой сущности и заключается залогъ его вѣчности.

М. Безобразова.

Факты и теорія „цвѣтнаго слуха“.

Каждое изъ нашихъ воспріятій есть сложное соединеніе различныхъ ощущеній и представленій, ассоціированныхъ по законамъ нашего объективнаго опыта. Если вы слышите имя вашего знакомаго, вы представляете его фигуру, его голосъ, его нравственныя качества, его общественное положеніе; если вы видите передъ собой яблоко, вы различаете его цвѣтъ, ощущаете его запахъ, воображаете его вкусъ и представляете его названіе. Но есть люди, у которыхъ элементы разнородныхъ ощущеній и представленій являются въ сочетаніяхъ, повидимому противорѣчащихъ всѣмъ обычнымъ законамъ перцепціи и ассоціаціи. Вещи, не имѣющія ни цвѣта, ни пространственныхъ свойствъ, представляются ими въ опредѣленныхъ краскахъ и въ извѣстной пространственной формѣ; явленія, недоступныя слуху, производятъ на нихъ звуковое или музыкальное впечатлѣніе; воспріятія, не имѣющія ничего общаго съ обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ, вызываютъ у нихъ ощущеніе запаха, вкуса, плотности, упругости, гладкости, шероховатости и проч. Среди такихъ своеобразныхъ сочетаній всего чаще встрѣчается феноменъ перваго рода,—представленіе цвѣта или пространственной формы въ связи съ безцвѣтными и безформенными объектами. Лицо, повидимому совершенно нормальное, заявляетъ вамъ, что каждая гласная имѣетъ для него свой опредѣленный цвѣтъ, наприм., *a* кажется бѣлымъ, *e*—оранжевымъ, *и*—сиреневымъ, *o*—желтымъ, *y*—синимъ и т. д. Другое лицо, столь же нормальное, утверждаетъ, что *Петръ* есть зеленое имя, *Николай*—красное, *Василій*—коричневое, *Анна*—желтое, *Марія*—бѣлое, и проч. Третій субъектъ находитъ, что тонъ *do* производитъ на него впечатлѣніе желтаго цвѣта, *re*—чернаго, *mi*—розоваго, *fa*—коричневаго, *sol*—голубого,

la—лиловаго, *si*—фіолетоваго. Одному лицу *басъ* представляется темно-синимъ, *теноръ*—краснымъ, *альтъ*—свѣтло-коричневымъ, *дискантъ*—желтымъ, блестящимъ. Другимъ кажется, что музыка *Бетховена* имѣетъ синій цвѣтъ, *Мендельсона*—нѣжно-розовый, *Шумана*—зеленый, *Чайковскаго*—голубой, и проч. Одинъ субъектъ сообщаетъ вамъ, что когда онъ думаетъ объ *истинѣ*, онъ представляетъ ее въ формѣ прочно утвержденной тумбы, а когда размышляетъ о *добрѣ*, то воображаетъ его въ видѣ шара. Другой выражаетъ убѣжденіе, что *недѣлю* невозможно представить иначе, какъ въ видѣ семи смежныхъ квадратовъ, а *годъ* можно мыслить только въ видѣ эллипсиса, что *февраль* имѣетъ форму треугольника, а *іюнь*—форму полукруга. Третій находитъ, что *понедѣльникъ* напоминаетъ мужчину въ синемъ костюмѣ, а цифра 4—скромную женщину, занятую своими домашними дѣлами...

Эти странныя явленія крайне индивидуальны и безконечно разнообразны; но что, можетъ быть, всего удивительнѣе, они вовсе не представляютъ собой какого-нибудь рѣдкаго исключенія, а встрѣчаются у очень многихъ людей. Несмотря на то, что научное изслѣдованіе ихъ начато сравнительно недавно и статистическія данныя, собранныя относительно нихъ, очень неполны, извѣстно уже нѣсколько сотъ лицъ, обладающихъ такими особенностями воспріятія и представленія. Врачи и психологи, изслѣдовавшіе эти феномены, до сихъ поръ не дали имъ удовлетворительнаго и сколько-нибудь согласнаго объясненія. Одни приписываютъ имъ физиологическое происхожденіе, другіе—психологическое; одни видятъ въ нихъ родъ аберраціи ощущеній, другіе—только своеобразный результатъ ассоціаціи представленій; одни считаютъ ихъ патологическими явленіями, другіе—нормальными, хотя и своеобразными. Зато изслѣдователи надѣли ихъ многочисленными названіями, изобрѣтеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, доставило этимъ авторамъ невинное удовольствіе, но произношеніе которыхъ иногда сопряжено съ серьезною опасностью переломить языкъ. «Ложныя вторичныя ощущенія», «синэстезія», «псевдэстезія», «псевдофотэстезія», «псевдо-акуэстезія», «псевдосфрезэстезія», «псевдо-гуэстезія», «псевдо-апсіэстезія», «псевдохромэстезія», «гиперхроматопсія», «фонопсія», «цвѣтной слухъ», «хроматизмы», «фотизмы», «фонизмы», «ольфактизмы», «сапизмы», «осмизмы», «густизмы»,—вотъ милые термины, придуманные разными лицами для обозначенія всѣхъ этихъ явленій въ ихъ цѣ-

ломъ и въ ихъ многочисленныхъ разновидностяхъ. *Trahit sua quietque voluptas..*

Еслибы нужно было избрать изъ этихъ выраженій названіе для всей совокупности рассматриваемыхъ ассоціацій, то терминъ *синэстезія*, безъ сомнѣнія, былъ бы самымъ удачнымъ. Что касается той категоріи ихъ, о которой у насъ будетъ исключительно рѣчь, т.-е. ассоціацій цвѣта и пространственныхъ формъ съ безцвѣтными и непространственными воспріятіями, то онѣ всего болѣе извѣстны подъ названіемъ *цветного слуха* (*audition colorée*, *Farbenhören*, *colour-hearing*). Нетрудно видѣть, что это названіе мало соотвѣтствуетъ обозначаемымъ имъ феноменамъ. Оно внушено примѣрами сочетанія цвѣта съ звукомъ, но факты показываютъ, что такое сочетаніе есть лишь частный случай этого вида синэстезіи. Во-первыхъ, цвѣтъ можетъ ассоціироваться не только съ звукомъ, но и съ ощущеніями другихъ чувствъ, наприм., съ вкусами и запахами, а также съ отвлеченными представленіями и идеями, каковы представленія цифры, дня, недѣли, мѣсяца, года, историческаго періода, литературнаго произведенія; во-вторыхъ, со всѣми этими элементами можетъ ассоціироваться не только представленіе цвѣта, но также представленіе безцвѣтной геометрической фигуры, конкретнаго предмета или лица. Поэтому было бы удачнѣе назвать такія ассоціаціи просто *зрительной синэстезіей* или *синопсіей*, какъ предлагаетъ женевскій психологъ Флурнуа. Но, несмотря на свою неточность, выраженіе «цвѣтной слухъ» имѣетъ свои права: оно уже вошло во всеобщее употребленіе и остается для непосвященнаго въ тайны лексикологіи читателя болѣе понятнымъ и удобнымъ для произношенія, чѣмъ другіе перечисленные выше термины.

Впрочемъ, дѣло въ дѣлѣ, а не въ названіи. Какъ бы мы ни называли рассматриваемыя явленія, они во всякомъ случаѣ имѣютъ большой психологическій интересъ и заслуживаютъ внимательнаго изученія. Прежде всего эти явленія сами по себѣ настолько своеобразны и загадочны, что ихъ разъясненіе становится необходимой научной задачей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понять эти странныя сочетанія разнородныхъ психическихъ элементовъ? Въ чемъ ихъ смыслъ и гдѣ ихъ причины? Должны ли мы видѣть въ нихъ дѣйствительно «ложныя вторичныя ощущенія», или мы вправѣ рассматривать ихъ лишь какъ своеобразный эпизодъ въ жизни представленій? Должны-ли мы признать ихъ нор-

мальными фактами, или считать патологическими явлениями? Если это аберрація ощущений, то отчего она происходит и почему она простирается даже на область такихъ явленій, которыя имѣютъ мало общаго съ ощущениями, на область сложныхъ представлений и абстрактныхъ идей? Если-же это—своеобразныя сочетанія представлений, то изъ какихъ психологическихъ законовъ возможно ихъ объяснить? Если это патологическія явленія, то къ какой категоріи сумасшедшихъ должны причислить мы тѣхъ многочисленныхъ представителей рода человѣческаго, у которыхъ они наблюдаются, и какія мѣры нужно принять для излѣченія этихъ больныхъ? Если-же это нормальные феномены, то почему же они свойственны однимъ лицамъ и совершенно чужды большинству другихъ? Разрѣшить такъ или иначе эти вопросы значитъ разгадать одно изъ очень любопытныхъ психологическихъ явленій. Далѣе, помимо ихъ интереса самихъ по себѣ, явленія цвѣтного слуха могутъ имѣть значеніе для анализа общихъ всѣмъ людямъ душевныхъ процессовъ. При всей ихъ своеобразности, эти явленія, конечно, обусловливаются тѣми же самыми психологическими законами, которымъ подчиняется вся наша душевная жизнь, и въ этихъ именно общечеловѣческихъ законахъ мы должны искать ихъ объясненія. Но въ нашемъ познаніи всегда бываетъ такъ, что сложныя и своеобразныя явленія, находя свое объясненіе въ простыхъ и всѣмъ извѣстныхъ фактахъ, въ свою очередь проливаютъ свѣтъ на эти факты, раскрываютъ такія стороны въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія, выдвигаютъ такія проблемы, которыя при иныхъ условіяхъ не возбуждаютъ интереса. То же самое нужно сказать и о цвѣтномъ слухѣ: взаимодѣйствіе ощущений и представлений, законы ассоціаціи и дѣятельность воображенія, роль символическаго элемента въ нашемъ познаніи и вліяніе чувства на складъ нашихъ идей,—вотъ общіе психологическіе вопросы, для изученія которыхъ этотъ своеобразный феноменъ можетъ дать не мало новаго и интереснаго матеріала. Одинъ румынскій изслѣдователь фактовъ цвѣтного слуха, г. Груберъ, хочетъ видѣть въ нихъ даже новое средство психологическаго эксперимента, которому онъ отдаетъ предпочтеніе предъ гипнотизмомъ. «Эти факты,—говоритъ онъ,—очень важны; они касаются почти всѣхъ проблемъ современной психологіи. Кромѣ того, они открываютъ новый путь въ неизвѣстныя области

душевнаго міра, давая намъ превосходное средство анализа. Въ самомъ дѣлѣ, совокупность этихъ фактовъ есть въ извѣстномъ смыслѣ средство психологической вивисекціи, имѣющее превосходство предъ гипнотизмомъ. Въ гипнотическомъ состояніи субъектъ не имѣетъ сознанія тѣхъ процессовъ, которые въ немъ происходятъ; только одинъ экспериментаторъ можетъ наблюдать ихъ. Въ состояніи цвѣтнаго слуха экспериментаторъ можетъ контролировать субъекта, провѣрять его, дѣлать опыты надъ нимъ,—но тѣ-же самыя операціи могутъ быть въ то-же время производимы и самимъ субъектомъ. Послѣдній можетъ быть заразъ и наблюдаемымъ и наблюдателемъ, что не имѣетъ мѣста въ гипнотизмѣ. Конечно, поле гипнотическаго эксперимента шире, просторнѣй, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ ниже (?); поле эксперимента въ цвѣтномъ слухѣ болѣе узко,—можно экспериментировать только надъ ощущеніями (?),—но оно выше (?). Этими фактами и этими методами много расширяется область психической экспериментации въ собственномъ смыслѣ слова*)). Такой взглядъ, конечно, уже страдаетъ преувеличеніемъ. Какимъ образомъ явленія цвѣтнаго слуха могутъ быть средствомъ психологическаго эксперимента «въ собственномъ смыслѣ слова»,—это едва-ли ясно представляетъ себѣ и самъ г. Груберъ. Цвѣтной слухъ вовсе не даетъ вамъ возможности по произволу измѣнять обычный ходъ душевныхъ функцій, выдѣлять ихъ изъ цѣлаго и ставить въ новыя соотношенія, какъ это позволяетъ гипнотизмъ и какъ этого требуетъ идея научнаго эксперимента. Да еслибы подобная возможность и существовала въ принципѣ, то все-таки было бы преждевременно возлагать такія преувеличенныя надежды на явленія, изученіе которыхъ недавно начато и смыслъ которыхъ не совсѣмъ ясенъ для самихъ психологовъ. Но кто утверждаетъ слишкомъ много, всегда имѣетъ право утверждать что-нибудь: не будучи средствомъ психологическаго эксперимента, явленія цвѣтнаго слуха сами по себѣ представляютъ любопытный экспериментъ природы, не менѣе цѣнный, чѣмъ многіе искусственные эксперименты. Здѣсь, въ силу естественныхъ условій, психическіе элементы поставлены въ такія сочетанія, которыхъ

*) *Edouard Gruber, L'audition colorée et les phénomènes similaires, International Congress of experimental Psychology, 2-nd Session. London 1892, p. 17. (Тотъ же докладъ напечатанъ въ Revue scientifique 1893, 1-er semestre № 13).*

не въ состояніи создать никакое искусство экспериментатора и которыя могутъ пролить новый свѣтъ на законы ихъ нормальной связи.

Какъ замѣчено выше, изученіе явленій цвѣтного слуха началось сравнительно недавно, — около двадцати лѣтъ тому назадъ. Правда, первыя наблюденія надъ ними относятся еще къ концу прошлаго и началу настоящаго столѣтія, но до середины семидесятихъ годовъ такія наблюденія были рѣдки, случайны и не возбуждали интереса. Отъ времени до времени публиковались только отдѣльные случаи въ качествѣ непонятныхъ психологическихъ курьезовъ или странныхъ фізіологическихъ аномалій. Прежде всѣхъ обратилъ на нихъ серьезное вниманіе Фехнеръ, который первый примѣнилъ къ ихъ изслѣдованію статистическій методъ. Самъ, повидимому, одаренный въ слабой степени цвѣтнымъ слухомъ, Фехнеръ въ особенности заинтересовался этимъ явленіемъ въ связи съ вопросомъ объ эстетическомъ дѣйствіи звуковъ и цвѣтовъ. Изучая этотъ общій вопросъ, онъ собралъ нѣсколько десятковъ случаевъ ассоціаціи цвѣта съ звукомъ и сообщилъ ихъ въ своей «*Vorschule der Aesthetik*» (1876 *). Нѣсколько позднѣе, въ 1881 г., два цюрихскихъ студента, Блейлеръ и Леманъ, издали брошюру съ страннымъ заглавіемъ: «*Zwangsmässige Lichtempfindungen durch Schall und verwandte Erscheinungen auf dem Gebiete der andern Sinnesempfindungen*». Въ этой брошюрѣ они описали 76 случаевъ цвѣтного слуха, собранныхъ ими среди своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Одинъ изъ авторовъ, Блейлеръ, самъ обладалъ синэстезіей и его личный опытъ послужилъ основой для этой коллективной работы. Несмотря на свой небольшой объемъ, книжка Блейлера и Лемана полна интересныхъ наблюденій и до сихъ поръ остается одной изъ наиболѣе цѣнныхъ работъ по разсматриваемому вопросу. Почти въ то же время познакомился съ явленіями цвѣтного слуха Гальтонъ, описавшій рядъ любопытныхъ случаевъ въ своихъ «*Inquiries into human Faculty and its Development*» (1883). Наблюденія Гальтона тѣмъ болѣе важны, что они стоятъ въ связи съ его знаменитымъ изслѣдованіемъ зрительнаго воображенія. Наконецъ, значительно содѣйствовалъ научной разработкѣ вопроса упомянутый румын-

*) Въ 1879 г. Фехнеръ предпринялъ новое статистическое изслѣдованіе цвѣтного слуха, но смерть помѣшала ему закончить эту работу.

скій психологъ Груберъ, заинтересовавшій ученый міръ своими докладами на Парижскомъ и Лондонскомъ психологическихъ конгрессахъ объ одномъ крайне любопытномъ случаѣ цвѣтного слуха. Въ настоящее время явленіе изучается очень усердно и ему посвящена уже довольно обширная литература, состоящая изъ нѣсколькихъ статистическихъ работъ и значительнаго числа мелкихъ сообщений *). Среди этой новѣйшей литературы наибольшаго вниманія заслуживаютъ книга Суареца де Мендозы «*L'audition colorée, étude sur les fausses sensations secondaires physiologiques et particulièrement sur les pseudo-sensations de couleurs, associées aux perceptions objectives des sons*» (Paris 1890), и книга Флурнуа «*Des phénomènes de synopsie (audition colorée). Photismes—schèmes visuels—personifications*» (Paris-Genève 1893). Первая, къ сожалѣнію, написана врачомъ, мало знакомымъ съ психологіей, и даетъ лишь сырой матеріалъ почти безъ всякой теоретической обработки. Но она содержитъ много очень интересныхъ фактовъ и особенно цѣнна въ томъ отношеніи, что на-ряду съ личными наблюденіями автора воспроизводитъ рядъ случаевъ, описанныхъ другими изслѣдователями и въ настоящее время отчасти уже позабытыхъ. Что касается книги Флурнуа, то по богатству фактовъ и тщательности ихъ анализа это, безъ сомнѣнія, лучшая изъ существующихъ работъ о цвѣтномъ слухѣ. Кромѣ результатовъ собственныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Флурнуа имѣлъ въ своемъ распоряженіи статистическія свѣдѣнія о 371 случаѣ цвѣтного слуха, собранныя посредствомъ enquête въ 1892 году женевскимъ студентомъ медицины Эдуардомъ Клапаредомъ. Но всего важнѣе то, что книга Флурнуа представляетъ первый серьезный опытъ научнаго объясненія синопсіи. Если автору, быть можетъ, и не удалось вполнѣ разрѣшить проблему цвѣтного слуха, то тѣмъ не менѣе представленная имъ теорія этого своеобразнаго феномена превосходитъ всѣ сдѣланныя до сихъ поръ подобныя попытки.

Пользуясь существующей литературой и опираясь на нѣкоторыя личныя наблюденія, я попытаюсь познакомить читателей съ фактами цвѣтного слуха и дать ихъ психологическое объясненіе.

*) Съ нѣкоторыми изъ нихъ читатели „Вопросовъ философіи и психологіи“ знакомы по замѣткѣ В. Н. Ивановскаго „*Ложныя вторичныя сущенія*“, напечатанной въ 20 книжкѣ этого журнала.

I.

Всѣ до сихъ поръ извѣстныя явленія цвѣтного слуха можно раздѣлить по ихъ природѣ на три общихъ класса: 1) *хроматизмы*, т.-е. цвѣтовые впечатлѣнія, часто безъ опредѣленной формы, возникающія въ связи съ безцвѣтными воспріятіями и представленіями; 2) *зрительныя схемы*, т. е. безцвѣтныя пространственныя представленія въ формѣ линий, геометрическихъ фигуръ или чиселъ, ассоціирующіяся съ непространственными воспріятіями и идеями; 3) *символы и персонификаціи*, т.-е. образы конкретныхъ вещей, существъ и лицъ, своеобразно иллюстрирующихъ абстрактные факты и отношенія. Я опишу эти три класса явленій въ сейчасъ указанномъ порядкѣ.

Хроматизмы *) очень различны какъ по своимъ свойствамъ, такъ и по своему происхожденію. Въ большинствѣ случаевъ это совершенно безформенныя впечатлѣнія всевозможныхъ красокъ, которыя то мыслятся въ видѣ неясной идеи, то ощущаются съ живостью галлюцинаціи. Иногда эти субъективныя краски получаютъ болѣе или менѣе опредѣленную форму, и въ такомъ случаѣ прихотливое воображеніе придаетъ имъ самыя разнообразныя очертанія. Повидимому, нѣтъ ни одного безцвѣтнаго объекта или воспріятія, которые у людей, одаренныхъ цвѣтнымъ слухомъ, не могли бы вызвать подобнаго хроматическаго впечатлѣнія. Буквы, слова, имена, цифры, часы, дни, недѣли, мѣсяцы, годы, возрасты, человѣческія индивидуальности, литературныя произведенія, музыкальныя пьесы, звуки, вкусы, запахи, ощущенія осязанія, температуры и боли—все это можетъ сопровождаться представленіями цвѣта. До сихъ поръ, кажется, еще не наблюдали случая, чтобы у одного человѣка соединились всѣ возможные виды хроматическихъ ассоціаций; но нѣкоторыя лица обладаютъ такимъ множествомъ ихъ, что почти приближаются къ этому идеалу. Такое разнообразіе свойствъ и причинъ хро-

*) Этотъ терминъ (отъ греческ. слова *χρῶμα*, цвѣтъ, краска), впервые введенный, если не ошибаюсь, Груберомъ, я предпочитаю другому, болѣе употребительному названію *фотизмы*, изобрѣтенному Блейлеромъ и Леманомъ и принятому Флурнуа и нѣкоторыми другими изслѣдователями. Дѣло идетъ о хроматическихъ ассоціацияхъ, о субъективныхъ представленіяхъ *цвѣта*, а слово «фотизмы», если слѣдовать его буквальному смыслу (отъ *φῶς*, свѣтъ), могло бы означать лишь свѣтовые, ахроматическія впечатлѣнія.

матизмовъ крайне затрудняетъ ихъ классификацію. Но тамъ, гдѣ классификація необходима, она всегда возможна, и я попытаюсь классифицировать эти своеобразныя и прихотливыя явленія. Всего удобнѣе, по моему мнѣнію, подраздѣлить ихъ по ихъ происхожденію на слѣдующія три группы: а) хроматизмы *элементовъ рѣчи*, б) хроматизмы *ощущеній и воспріятій* и с) хроматизмы *представленій и идей*.

Хроматизмы элементовъ рѣчи образуютъ самую многочисленную и, можетъ быть, самую своеобразную группу хроматическихъ ассоціацій. Это—представленія цвѣта гласныхъ, согласныхъ, двугласныхъ, словъ, именъ, разговора или разказа, а также различныхъ языковъ.

Хроматизмы гласныхъ—одна изъ наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе извѣстныхъ формъ цвѣтного слуха. Они встрѣчаются у большинства лицъ, обладающихъ хроматическими ассоціаціями, и у многихъ изъ такихъ лицъ наблюдается только этотъ видъ хроматизмовъ. По статистикѣ Клапареда изъ 296 субъектовъ, имѣющихъ хроматизмы, 247, т.-е. 5/6, имѣютъ хроматизмы гласныхъ *). Обыкновенно каждой гласной усвоается свой особый цвѣтъ, который представляется разными лицами крайне различно; но иногда хроматизируются только нѣкоторыя привилегированныя гласныя или даже какая-нибудь одна изъ нихъ. Привилегированныя гласныя встрѣчаются и въ томъ случаѣ, когда остальные имѣютъ цвѣтъ: хроматизмы такихъ гласныхъ выдѣляются своей яркостью или имѣютъ особенную форму. Въ большинствѣ случаевъ это гласныя, отличающіяся какими-нибудь орфографическими особенностями, какъ, наприм., буква ѣ въ русскомъ алфавитѣ. Цвѣта и оттѣнки гласныхъ у разныхъ лицъ такъ разнообразны, что приходится изумляться необыкновенному знакомству этихъ субъектовъ съ міромъ красокъ и ихъ богатой хроматической памяти. Чтобы составить себѣ точное представленіе о хроматизмахъ извѣстныхъ мнѣ лицъ, я предлагалъ имъ указывать цвѣта гласныхъ по *Répertoire chromatique* Лакутюра; и несмотря на то, что въ этомъ атласѣ собрано около тысячи цвѣтовъ, ихъ тоновъ и нюансовъ, искомый цвѣтъ здѣсь очень часто не находился или встрѣчалось лишь что-нибудь приближительное. Насколько можно судить по статистическимъ изслѣ-

*) *Flournoy, Des phénomènes de synopsie, p. 46.*

дованіямъ, спектральные цвѣта и ихъ оттѣнки встрѣчаются въ хроматизмахъ гласныхъ гораздо чаще, чѣмъ такъ называемые ахроматическіе цвѣта, бѣлый, черный и сѣрый. Напримѣръ, въ спискѣ Клапареда процентъ первыхъ почти вдвое превышаетъ процентъ послѣднихъ (64,5% и 35,5%)*). Форма хроматизмовъ гласныхъ не отличается такимъ разнообразіемъ, какъ ихъ краски, но она также не одинакова. Всего чаще цвѣтъ гласной представляется въ видѣ пятна безъ опредѣленныхъ очертаній и границъ. На вопросъ о формѣ такихъ хроматизмовъ, обладающія ими лица обыкновенно отвѣчаютъ, что они представляютъ «просто цвѣтъ», безъ всякой формы. Рѣже встрѣчаются хроматизмы съ опредѣленными очертаніями, въ видѣ цвѣтной полосы, квадрата, круга или какой-нибудь другой болѣе или менѣе правильной фигуры. Цвѣтъ такихъ хроматическихъ фигуръ иногда бываетъ равномернымъ на всемъ ихъ пространствѣ, иногда же сосредоточивается въ срединѣ и ослабѣваетъ къ краямъ. Наконецъ, у нѣкоторыхъ лицъ хроматизмы гласныхъ имѣютъ форму разноцвѣтныхъ буквъ на бѣломъ, сѣромъ или неопредѣленномъ фонѣ, такъ, какъ еслибы эти буквы были написаны разноцвѣтными чернилами. Любопытно, что окружающій фонъ такихъ цвѣтныхъ буквъ обыкновенно не замѣчается и представляется въ томъ или иномъ, иногда совершенно произвольномъ, цвѣтѣ только тогда, когда субъектъ обращаетъ на эту подробность свое вниманіе. У однихъ лицъ всѣ хроматизмы гласныхъ имѣютъ одинаковую форму, у другихъ въ этомъ отношеніи наблюдается нѣкоторое разнообразіе. Наприм., одинъ извѣстный мнѣ субъектъ, г. Ж. (25 лѣтъ), представляетъ цвѣтъ звуковъ *a, u, y, ы, я* и *ю* въ видѣ квадратныхъ лоскутовъ съ неровными, ломанными краями, величиной приблизительно въ полтора квадратныхъ дюйма. Къ краямъ квадратовъ цвѣтъ слабѣетъ и переходитъ «во что-то другое». Всего опредѣленнѣе представляется хроматизмъ *a*: это—темно-синій квадратъ съ ломанными краями и съ оторваннымъ верхнимъ лѣвымъ угломъ. Хроматизмъ *o* имѣетъ закругленные края, т.-е. уже походитъ болѣе на кругъ, чѣмъ на квадратъ. Наконецъ, гласныя *ъ, е* и *і* представляются въ видѣ цвѣтныхъ силуэтовъ буквъ на неопредѣленномъ фонѣ. Хроматизмы трехъ послѣднихъ гласныхъ отличаются не только своею формой, но и

*) *Flournoy*, p. 67.

своей интенсивностью: они представляются живѣе и отчетливѣе, чѣмъ образы хорошо знакомыхъ субъекту цвѣтныхъ предметовъ. Форма хроматизмовъ не всегда устойчива; у нѣкоторыхъ лицъ она можетъ измѣняться въ зависимости отъ субъективнаго произвола или подъ вліяніемъ случайныхъ впечатлѣній и внушеній. Я знаю одну даму, которая обыкновенно представляетъ хроматизмы гласныхъ въ видѣ безформенныхъ цвѣтныхъ пятенъ, но по желанію можетъ представлять ихъ и въ формѣ цвѣтныхъ буквъ. Разсматривая цвѣтные квадраты въ *Répertoire chromatique* Лакутюра, она пріобрѣтаетъ склонность представлять въ это время и свои хроматизмы въ такой же квадратной формѣ.

У большинства лицъ хроматизмы гласныхъ появляются лишь тогда, когда эти гласныя произносятся предъ ними отдѣльно. Если гласныя хроматизируются въ словахъ, то преимущественно въ такихъ, въ которыхъ онѣ встрѣчаются безъ примѣси другихъ гласныхъ (какъ наприм., въ междометіяхъ и односложныхъ словахъ), преобладаютъ надъ другими, имѣютъ на себѣ удареніе или выдѣляются по какимъ-нибудь инымъ причинамъ. Вообще можно признать правиломъ, что гласныя производятъ хроматическое впечатлѣніе только въ томъ случаѣ, когда субъектъ обращаетъ вниманіе на нихъ и думаетъ о ихъ цвѣтѣ. Если вниманіе субъекта отвлечено въ другую сторону, если его мысль слѣдитъ за смысломъ словъ или поглощена ассоціирующимися съ ними образами и идеями, гласныя для него такъ же безцвѣтны, какъ и для остальныхъ людей. Поэтому хроматизмы нисколько не мѣшаютъ такимъ лицамъ во время чтенія, письма или разговора. Если въ этомъ отношеніи встрѣчаются исключенія, то они крайне рѣдки.

Какъ замѣчено, цвѣтъ и оттѣнокъ однихъ и тѣхъ же гласныхъ представляются разными лицами очень различно. Наприм., изъ 247 лицъ, имѣющихъ по статистическимъ даннымъ Клапареда хроматизмы гласныхъ, Флурнуа нашелъ только двухъ, которыя представляютъ цвѣтъ пяти французскихъ буквъ: *a, e, i, o* и *и* приблизительно одинаково, и эти лица—братъ и сестра. Но, при всѣхъ индивидуальныхъ различіяхъ, нѣтъ ли между извѣстными гласными и извѣстными цвѣтами какого-нибудь постояннаго соотношенія? Этотъ вопросъ занимаетъ почти всѣхъ изслѣдователей цвѣтнаго слуха и сдѣлана уже не одна попытка составить при помощи статистическихъ наблюденій родъ хрома-

тической азбуки. До сихъ поръ такія попытки не имѣли успѣха, да едва-ли и могли его имѣть. Не говоря уже о томъ, что статистическій матеріалъ, которымъ въ настоящее время располагаютъ изслѣдователи, далеко не достаточенъ для какихъ-нибудь твердыхъ заключеній о правильныхъ соотношеніяхъ гласныхъ и цвѣтовъ,—такія соотношенія возможны лишь въ самой общей формѣ. Хроматизмы — это капризы свободной фантазіи, и открыть связь между какой-нибудь буквой и цвѣтомъ, такъ же трудно, какъ найти порядокъ въ грѣзахъ сновидѣній. Если извѣстные хроматизмы могутъ имѣть сродство съ извѣстными гласными, то не по цвѣту, а по своему свѣтовому оттѣнку или тону, — сродство, основанное на общечеловѣческой склонности сближать различные оттѣнки свѣта съ высотой звука. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ хроматическую формулу гласныхъ Флурнуа, опирающуюся на наибольшее количество наблюдений и потому представляющую наибольшій научный интересъ. Сравнивая статистическія данныя Клапареда, Флурнуа находятъ, что *a* всего чаще представляется *бѣлымъ* (25%), *краснымъ* (24%), *чернымъ* (22%), или *голубымъ* (13%); *e* въ большинствѣ случаевъ вызываетъ представленіе *желтаго* (20%), *голубого* (19%), *бѣлаго* (16%) и *сѣраго* (15%); *i* — обыкновенно *красное* (25%), *бѣлое* (22%) или *желтое* (14%); *o* — по преимуществу *желтое* (24%), *красное* (21%) или *черное* (15%); французское *u* — *зеленое* (30%) и *ou* — *коричневое* (26%). Фиолетовый цвѣтъ ассоціируется съ двумя послѣдними гласными гораздо чаще, чѣмъ съ другими. Флурнуа называетъ такое преимущественное сочетаніе гласныхъ и цвѣтовъ *закономъ предпочтенія* (loi de préférence). Нетрудно видѣть, что этотъ «законъ» совсѣмъ не отличается опредѣленностью и уже поэтому едва-ли можетъ называться закономъ. Кромѣ того, онъ не вполне подтверждается результатами другихъ изслѣдователей, которые въ свою очередь противорѣчатъ другъ другу. Наприм., по статистикѣ Фехнера *i* всего чаще желтое (44%), а по наблюдениямъ Блейлера и Лемана оно въ громадномъ большинствѣ случаевъ бѣлое (почти 70%). Нѣмецкое *u* по Фехнеру преимущественно черное (40%), а по Блейнеру и Леману красное (22%). Къ гораздо болѣе опредѣленному и вѣроятному выводу приходитъ Флурнуа, сравнивая хроматизмы гласныхъ не по ихъ цвѣту, а по ихъ свѣтовой интенсивности или тону. Съ этой точки зрѣнія онъ дѣлитъ всѣ встрѣчаю-

щіеся въ спискѣ Клапареда цвѣта на три категоріи: *свѣтлыя* (бѣлый, желтый, оранжевый и ихъ разновидности, равно какъ и другіе цвѣта съ эпитетами: свѣтлый, блестящій и т. п.); *средніе* (всѣ цвѣта безъ вышеупомянутыхъ эпитетовъ, кромѣ бѣлаго, желтаго, оранжеваго и чернаго) и *темныя* (черный и другіе цвѣта, называемые въ сообщеніяхъ субъектовъ темными). Распредѣляя хроматизмы гласныхъ по этимъ тремъ категоріямъ, Флурнуа получаетъ слѣдующую формулу, которой онъ даетъ названіе закона ясности (*loi de clarté*): 1) *i* и *e* въ большинствѣ случаевъ *свѣтлыя* гласныя, 2) *a* и *o* — *среднія*, 3) *u* и *ou* — *темныя*. Безъ сомнѣнія, и этотъ законъ Флурнуа не свободенъ отъ возраженій: могутъ найти, что классификація цвѣтовъ, на которой онъ основанъ, страдаетъ нѣкоторою искусственностью и произвольностью. Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ болшую вѣроятность, чѣмъ предыдущій. Прежде всего такое соотношеніе гласныхъ по свѣтовому тону хроматизмовъ стоитъ въ согласіи съ статистическими данными Фехнера и Блейлера и Лемана. Затѣмъ, и это всего важнѣе, — оно совпадаетъ съ отношеніемъ гласныхъ по ихъ звуковому тону и вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ обычнымъ аналогіямъ, которыя устанавливаются людьми между высотой звука и тономъ цвѣта. По изслѣдованіямъ Гельмгольца, Кѣнига и Германа, звуки *e* и *i* соотвѣтствуютъ высокимъ тонамъ музыкальной гаммы, *a* и *o* принадлежатъ къ среднимъ тонамъ, а *ou* (и нѣмецкое *u*) есть низкій тонъ; между тѣмъ извѣстно, что всѣ люди гораздо болѣе склонны сближать низкіе звуки съ темными цвѣтами, а высокіе съ свѣтлыми, чѣмъ наоборотъ *).

Воспріятіе гласной, какъ и всякой буквы вообще, есть сложная вещь. Въ него входятъ четыре элемента: звукъ этой гласной, ея графическій знакъ, мускульно-осязательныя ощущенія при ея произношеніи и подобныя же ощущенія при письмѣ. Съ какимъ изъ этихъ элементовъ ассоциируются хроматизмы? Быть можетъ, у тѣхъ или иныхъ лицъ каждый изъ названныхъ элементовъ способенъ служить исходной точкой хроматической ассоціаціи; но любопытно, что въ большинствѣ случаевъ хроматизмы соединяются со всѣми ими вмѣстѣ. Дѣло въ томъ, что звуковой,

*) *Flournoy*, p. 66 слѣд., 83 слѣд. Сравни. *Helmholtz*, *Lehre von den Tonempfindungen*, 4 Aufl. S. 168 слѣд.; *Wundt*, *Grundzüge der physiologischen Psychologie*, 4 Aufl., II Bd., S. 49 слѣд.

зрительный и мускульно-осязательный элементы въ воспріятіи гласной почти неотдѣлимы другъ отъ друга. Когда намъ называютъ какой-нибудь гласный звукъ, мы невольно представляемъ соотвѣтствующую ей букву; а когда мы сами произносимъ или пишемъ ее, къ этому представленію присоединяется извѣстная группа ощущеній, сопровождающихъ движенія голосовыхъ связокъ, губъ, языка и рукъ. Всѣ эти представленія и ощущенія дополняютъ и уясняютъ другъ друга. Изъ нихъ слагается извѣстная совокупность особенностей, отличающихъ эту гласную отъ другихъ буквъ, извѣстное *орфографическое цѣлое*. Вотъ съ этимъ-то орфографическимъ цѣлымъ и ассоціируются хроматизмы. Таковъ именно способъ хроматическихъ представленій въ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ цвѣтного слуха. Субъекты обыкновенно затрудняются сказать, какой именно элементъ гласной производитъ на нихъ цвѣтовое впечатлѣніе; они относятъ цвѣтъ то къ звуку, то къ буквѣ, иногда же прямо даютъ понять, что звукъ и буква въ ихъ хроматическихъ ассоціаціяхъ нераздѣльны. Они хроматизируютъ гласную и тогда, когда слышатъ ея звукъ, и тогда, когда видятъ или представляютъ ея букву, и это показываетъ, что у нихъ хроматизмъ гласной стоитъ въ связи съ тѣмъ и другимъ элементомъ. Эта сложность хроматической ассоціаціи особенно ясна въ тѣхъ случаяхъ, когда хроматизируемая гласная имѣютъ одинаковый звукъ и различныя буквы. Таковы, наприм., русскія гласныя *e* и *ъ*, *i* и *и*. Еслибы хроматизмы такихъ гласныхъ относились только къ звуку, они должны-бы быть одинаковы: еслибы они стояли въ связи только съ буквой, они не могли-бы ассоціироваться со звукомъ. Между тѣмъ, хроматизмы этихъ гласныхъ различны и представляются не только при видѣ буквъ, но и при воспріятіи звука *). Интересно, что иногда хроматизмы такихъ однозвучныхъ гласныхъ являются лишь различными оттѣнками одного и того же цвѣта. Наприм., у Ж. гласная *i* имѣетъ блестящій красно-оранжевый цвѣтъ, а гласная *и*—также красно-оранжевый, но темнѣе и безъ блеска. Очевидно, различныя буквы этихъ гласныхъ обусловили различіе въ оттѣнкахъ хроматизмовъ, а однородность ихъ звука была причиною того, что ихъ основной цвѣтъ остался одинаковъ. Такое

*) Сравни аналогичныя наблюденія *Апри* надъ хроматическимъ представленіемъ русскаго и французскаго алфавита у одной особы. *Note sur un cas d'audition colorée, Revue philosophique, 1893, Mai, p. 554.*

же сложное происхожденіе хроматизмовъ гласныхъ отмѣчаетъ у нѣкоторыхъ лицъ Флурнуа. Вотъ крайне любопытный и своеобразный случай изъ его наблюдений. Одинъ субъектъ (выдающійся лингвистъ) пишетъ этому автору, что его хроматизмы стоятъ въ связи не съ звукомъ гласной, а съ ея ореографическимъ значеніемъ, которое онъ склоненъ субстанціализировать. Звукъ гласной и ея буква образуютъ для него цѣлое или, какъ онъ выражается, *сущность* (*l'être*), и этой-то «сущности» онъ усвояетъ извѣстный цвѣтъ. Наприм., одну и ту же гласную [e] онъ хроматизируетъ четырьмя различными способами, соотвѣтственно тому, какъ она пишется по-французски въ словахъ *terrain*, *plein*, *matin*, *chien*. Когда эта гласная написана *ain*, онъ представляетъ блѣдно-желтый цвѣтъ, напоминающій цвѣтъ плохо обожженного кирпича. Когда она написана *ein*, она производитъ на него впечатлѣніе сѣти фіолетовыхъ жилокъ. Когда она написана *in*, онъ не можетъ опредѣлить своего впечатлѣнія и склоненъ думать, что не представляетъ никакого цвѣта. Наконецъ, если она пишется *en*, (что бываетъ только послѣ предшествовавшего *i*), совокупность буквъ *ien* напоминаетъ ему запутанную связку свѣжихъ пеньковыхъ веревокъ, еще не получившихъ того бѣлова-таго цвѣта, какой онѣ получаютъ послѣ употребленія. Очевидно, онъ хроматизируетъ не звукъ этой гласной, потому что хроматическое впечатлѣніе всякій разъ иное; въ то же время онъ хроматизируетъ и не буквы, потому что въ другихъ сочетаніяхъ буквы *ain*, *ein*, *in* и *ien* получаютъ для него иную окраску. Онъ хроматизируетъ слагающуюся изъ этихъ двухъ элементовъ ореографическую единицу или, по его выраженію, «сущность». Любопытно, что съ этою воображаемой «сущностью» гласной онъ соединяетъ не только цвѣтъ, но также представленіе извѣстной *плотности*, извѣстной *формы* и даже извѣстнаго *запаха*. Цѣлая метафизика и въ добавокъ еще цѣлая физика буквъ! На основаніи своихъ наблюдений Флурнуа полагаетъ, что такая сложность происхожденія хроматизмовъ гласныхъ есть правило, и что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда субъекты относятъ свои хроматизмы исключительно къ звуку, влияніе ореографическихъ особенностей гласной на ея цвѣтъ становится при ближайшемъ анализѣ несомнѣннымъ *).

Хроматизмы согласныхъ встрѣчаются сравнительно рѣдко. На-

*) *Flournoy*, p. 50 слѣд.

прим., въ спискѣ Клапареда они отмѣчены только у 46 лицъ (изъ которыхъ 43 обладаютъ также хроматизмами гласныхъ). Одни изъ этихъ лицъ имѣютъ хроматизмы для всѣхъ согласныхъ, другія только для нѣкоторыхъ; меньшинство окрашиваетъ всѣ согласныя въ одинъ и тотъ же цвѣтъ, большинство (2/3) представляетъ ихъ разноцвѣтными. Распределение хроматическихъ и ахроматическихъ цвѣтовъ между согласными обратно пропорціонально тому, какое мы видѣли въ хроматизмахъ гласныхъ: ахроматическіе цвѣта — бѣлый, черный и ихъ оттѣнки—здѣсь почти вдвое преобладаютъ надъ хроматическими (65% и 35%). По тону всего чаще встрѣчаются средніе (37,4%) и темные (34,8%) цвѣта и нѣсколько рѣже свѣтлые (27,8%). Установить какое-нибудь болѣе определенное соотношеніе между согласными и цвѣтами нѣтъ возможности *). Любопытно, что цвѣтъ согласной иногда измѣняется подъ вліяніемъ тѣхъ гласныхъ, которыя стоятъ въ связи съ нею въ словахъ или находятся въ ея названіи. Роша сообщаетъ объ одномъ субъектѣ, у котораго всѣ согласныя сами по себѣ имѣютъ темно-сѣрый цвѣтъ, но въ словахъ окрашиваются въ цвѣтъ тѣхъ гласныхъ или двугласныхъ, вмѣстѣ съ которыми онѣ образуютъ слоги **). Субъектъ, описанный Груберомъ, представляетъ при воспріятіи согласной двойной цвѣтъ: съ одной стороны, цвѣтъ самой согласной въ видѣ цвѣтной буквы, съ другой — цвѣтъ гласной, входящей въ ея названіе, въ видѣ тонкой полоски вдоль этой буквы. Наприм., когда онъ слышитъ звукъ *f* (*ef*), онъ представляетъ написанную его собственной рукой красную букву *f* съ тонкою оранжевою каймой передъ нею. Если вмѣсто *ef* произнести *fe*, оранжевая полоска появляется съ противоположной стороны буквы. Оранжевый цвѣтъ этой полоски есть не что иное, какъ свѣтло-желтый цвѣтъ гласной *e*, смѣшанный съ краснымъ цвѣтомъ согласной *f* ***). Въ свою очередь, согласныя также вліяютъ на цвѣтъ смежныхъ съ ними гласныхъ, и это вліяніе обнаруживается даже тогда, когда сами по себѣ онѣ безцвѣтны ****) Существо-

*) *Flournoy*, p. 90—93.

**) *Suarez de Mendoza*, *L'audition colorée, étude sur les fausses sensations secondaires physiologiques*, & c., Paris 1890, p. 84.

***) *International Congress of experimental Psychology*, 2-nd Session-London, 1892, p. 12. Сравни отчеты Парижской сессіи конгресса 1890 г., p. 94.

****) *Suarez de Mendoza*, pp. 81, 89, 112, 121.

щія наблюденія даютъ мало свѣдѣній о формѣ хроматизмовъ согласныхъ и о тѣхъ элементахъ послѣднихъ, съ которыми преимущественно ассоциируется цвѣтъ. Но нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы согласныя въ этомъ отношеніи чѣмъ-нибудь отличались отъ гласныхъ. Повидимому, ихъ хроматизмы имѣютъ такую же различную форму, какъ и тамъ, и въ большинствѣ случаевъ стоятъ въ связи не съ звукомъ или буквой ихъ, а съ орфографическимъ синтезомъ этихъ элементовъ.

Хроматизмы двугласныхъ — также довольно рѣдкое явленіе. Флурнуа нашель, что въ спискѣ Клапареда французскія двугласныя, кромѣ *ои*, представляются цвѣтными только у 20 лицъ. Исключеніе составляетъ буква *ои*, которая хроматизируется почему-то очень часто (133 случая). Иногда эти двугласныя имѣютъ свой собственный цвѣтъ, различный отъ цвѣта тѣхъ буквъ, изъ которыхъ онѣ слагаются; но въ большинствѣ случаевъ ихъ хроматизмы образуются изъ хроматизмовъ составныхъ гласныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ наблюдается тройное явленіе. Во-первыхъ, хроматизмы двугласныхъ могутъ быть простымъ *усвоеніемъ* цвѣта какой-нибудь одной изъ составныхъ буквъ: наприм., если *a* имѣетъ бѣлый цвѣтъ, а *i* красный, то двугласная *ai* можетъ представляться бѣлой, и т. п. Во-вторыхъ, эти хроматизмы могутъ быть *соединеніемъ* цвѣта обѣихъ буквъ (или звуковъ), входящихъ въ составъ двугласной. Наприм., у субъекта, который представляетъ *o* желтымъ, а *i* краснымъ, двугласная *oi* имѣетъ двойной цвѣтъ,—желтый и красный; у субъекта, представляющаго *o* бѣлымъ и *a* чернымъ, она имѣетъ бѣлый и черный цвѣтъ. Наконецъ, въ-третьихъ, эти хроматизмы могутъ быть *оптической смѣсью* составныхъ цвѣтовъ. Наприм., лицо, которому *a* кажется краснымъ, а *i* синимъ, окрашиваетъ *ai* въ фіолетовый цвѣтъ; субъектъ, у котораго *a*—черное, а *и*—красное, считаетъ *ai* темно-краснымъ; у лицъ, представляющихъ *o* краснымъ, а *и* желтымъ, двугласная *oi* часто имѣетъ оранжевый цвѣтъ и т. п. *). Послѣднее явленіе крайне любопытно. Какимъ образомъ воображаемыя краски составныхъ буквъ могутъ сливаться въ хроматизмѣ двугласной и образовывать смѣшанный цвѣтъ? Бони и Бинэ, сообщая одинъ аналогичный случай, когда субъектъ изъ двухъ дополнительныхъ цвѣтовъ *a* и *и*—краснаго и зелена-

*) *Flournoy*, p. 85—87.

го, составляет бѣлый хроматизмъ *ai*, объясняютъ это процессомъ бессознательнаго мышленія. Субъектъ знаетъ законы смѣшенія красокъ и, представляя хроматизмы буквъ, входящихъ въ составъ двугласной, бессознательно создаетъ изъ нихъ смѣшанный цвѣтъ *). Флурнуа, отвергающій теорію психическаго бессознательнаго, оспариваетъ такое объясненіе. Его возраженія формулированы недостаточно ясно, но смыслъ ихъ слѣдующій. Еслибы смѣшанные хроматизмы двугласныхъ основывались на знаніи и бессознательномъ примѣненіи теоріи цвѣтовъ, сочетаніе дополнительныхъ красокъ составныхъ буквъ въ ахроматическій цвѣтъ двугласной представлялось бы наиболѣе простымъ, и случаи, подобные описанному Бони и Бинэ, были-бы обычнымъ явленіемъ; между тѣмъ, среди фактовъ, собранныхъ Клапаредомъ, Флурнуа нашель только два подобныхъ примѣра. Съ другой стороны, онъ встрѣчалъ случаи такого сложнаго сочетанія хроматизмовъ, что объяснить ихъ процессомъ бессознательнаго мышленія ему кажется невозможнымъ. Именно, у восьми лицъ хроматизмы двугласныхъ представляютъ собою не смѣсь цвѣтовъ составныхъ буквъ, а скорѣе цвѣтъ, *дополнительный къ этой смѣси*. Наприм., темно-зеленое *o* и сѣро-зеленое *и* должны были-бы составить смѣшанный темно-зеленый цвѣтъ, между тѣмъ хроматизмъ *oi*—красный; оптическая смѣсь желтаго *o* и зеленаго *и*—желто-зеленый цвѣтъ, а хроматизмъ *oi*—фіолетовый; бѣлое *o* и синее *и* образуютъ вмѣсто свѣтло-голубой смѣси желтый цвѣтъ *oi*; желтому *e* и зелено-голубому *и*, смѣшеніе которыхъ должно бы составить зеленый цвѣтъ, соотвѣтствуетъ розовое *ei*, и т. п. Всѣ такія курьезныя совпаденія Флурнуа признаетъ дѣломъ простаго случая, хотя и допускаетъ необходимость ихъ дальнѣйшаго изслѣдованія **). Однако, эти возраженія едва ли убѣдительны. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ доказывать или опровергать факты, на которые ссылается Флурнуа? Мысль, что сліяніе дополнительныхъ красокъ составныхъ буквъ въ ахроматическій цвѣтъ двугласной было-бы самымъ простымъ и обычнымъ случаемъ бессознательнаго смѣшенія хроматизмовъ, совершенно ошибочна. Какъ въ концѣ концовъ признаетъ самъ Флурнуа,

*) *Beauvis et Binet*, Sur deux cas d'audition colorée, *Revue philosophique*, 1892, Avril, p. 449.

**) *Flournoy*, p. 88, слѣд.

знаніе дополнительныхъ цвѣтовъ и ихъ соотношеній далеко не такъ распространено въ публикѣ, какъ общія свѣдѣнія о хроматическихъ сочетаніяхъ красокъ. Дѣло въ томъ, что большинство людей знакомится съ законами смѣшенія цвѣтовъ не теоретически, а практически, на опытѣ; между тѣмъ опытъ гораздо скорѣе можетъ показать, что синій и зеленый цвѣтъ составляютъ зелено-голубой, чѣмъ научить, что смѣшеніе зелено-голубого цвѣта съ краснымъ даетъ въ результатѣ бѣлый. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Флурнуа такъ рѣдко встрѣчалъ въ хроматизмахъ двугласныхъ правильное смѣшеніе дополнительныхъ цвѣтовъ; напротивъ, было бы удивительнымъ обратное. Зато, какъ мы знаемъ, Флурнуа часто встрѣчалъ въ нихъ хроматическое смѣшеніе красокъ, а этотъ фактъ требуетъ же какого-нибудь объясненія. Что касается тѣхъ случаевъ, когда цвѣтъ двугласной является дополнительнымъ къ оптической смѣси составныхъ цвѣтовъ, то они, очевидно, вовсе не опровергаютъ точки зрѣнія Бинэ и Бони, а лишь нѣсколько усложняютъ проблему. Эти случаи, безъ сомнѣнія, сложны, но почему же невозможно объяснить ихъ, какъ произвольный результатъ бессознательнаго контраста? Развѣ въ нашей душевной жизни нельзя указать примѣровъ еще болѣе сложнаго взаимодействія бессознательныхъ или полусознательныхъ элементовъ? Съ другой стороны, развѣ проще и естественнѣе объяснять подобныя явленія случаемъ? Случай, это—*vox insignificans*, и ссылаться на него, значитъ просто отказываться отъ всякаго объясненія. Если смѣшеніе цвѣта составныхъ буквъ въ хроматизмахъ двугласныхъ есть несомнѣнный и притомъ нерѣдкій фактъ, и если для объясненія этого загадочнаго факта намъ даны только двѣ возможности,—случай и бессознательное мышленіе, то уже, конечно, мы должны предпочесть не случай, а процессъ бессознательнаго мышленія.

Хроматизмы словъ совершенно аналогичны хроматизмамъ двугласныхъ. Подобно двугласнымъ, слова иногда имѣютъ свой собственный цвѣтъ, но всего чаще заимствуютъ его у тѣхъ буквъ, которыя входятъ въ ихъ составъ. Заимствованный хроматизмъ слова можетъ быть или простымъ усвоеніемъ цвѣта одной изъ этихъ буквъ, или соединеніемъ красокъ нѣсколькихъ составныхъ буквъ, или оптической смѣсью этихъ красокъ. Въ первомъ случаѣ слово обыкновенно окрашивается въ цвѣтъ его

начальной буквы или одной изъ его гласныхъ, среди которыхъ, по наблюдениямъ Флурнуа, наибольшимъ влияніемъ пользуются *a* и *i*. Во второмъ случаѣ хроматизмъ слова образуетъ послѣдовательную серію различныхъ цвѣтовъ, тѣсно сомкнутыхъ или отдѣленныхъ другъ отъ друга и представляемыхъ въ той формѣ, въ какой они ассоціируются съ отдѣльными буквами. Такъ, Гальтонъ наблюдалъ лица, которымъ слова представлялись въ видѣ своеобразнаго спектра, состоящаго изъ сомкнутыхъ разноцвѣтныхъ полосъ, или казались напечатанными разноцвѣтными буквами *). То же явленіе не разъ наблюдали Блейлеръ и Леманъ **) и Суарезъ де Мендоза ***). Цвѣта согласныхъ рѣдко входятъ въ составъ такихъ хроматизмовъ, и если входятъ, то обыкновенно подвергаются измѣненію подъ влияніемъ сосѣднихъ гласныхъ. Любопытно, что лица, представляющія слова въ видѣ разноцвѣтныхъ полосъ, иногда способны къ обратнымъ ассоціациямъ: разноцвѣтныя полосы—ленты, обои и т. п.—могутъ напоминать имъ слова соответствующаго цвѣта. На таблицѣ IV своей книги Гальтонъ приводитъ образцы обоевъ, присланныхъ ему однимъ лицомъ, представляющимъ слова въ видѣ спектроидовъ: узоры этихъ обоевъ напоминаютъ субъекту слова «ague», «agree», «grind», «grand», «range», «sweet». Въ третьемъ случаѣ хроматизмы словъ также зависятъ почти исключительно отъ гласныхъ. Смѣшеніе составныхъ цвѣтовъ въ нихъ ничѣмъ не отличается отъ того, что мы видѣли въ хроматизмахъ двугласныхъ, и происходитъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ смѣшиваются объективные цвѣта. Слова съ синими и желтыми гласными кажутся зелеными, слова съ синими и бѣлыми гласными представляются свѣтло-голубыми, слова съ красными и желтыми гласными имѣютъ оранжевый цвѣтъ ****). Слѣдуетъ замѣтить, что многія лица, имѣющія хроматизмы буквъ, вовсе не окрашиваютъ словъ; и наоборотъ, есть люди, которые хроматизируютъ слова и не соединяютъ никакого цвѣта съ отдѣльными буквами *****).

*) Galton, Inquiries into human Faculty, p. 149—154. Красивыя изображенія такихъ цвѣтныхъ словъ читатель могъ-бы видѣть у Гальтона на табл. IV, фиг. 68 и 69.

**) Bleuler und Lehmann, Zwangsmässige Lichtempfindungen & c., S. 29—30.

***) Suarez de Mendoza, p. 105, 112, 117, 122. Сравн. 81—82.

****) Bleuler und Lehmann, S. 31.

*****) Flournoy, p. 95.

У нѣкоторыхъ лицъ слова окрашиваются въ цвѣтъ буквъ только тогда, когда эти буквы встрѣчаются нѣсколько разъ. Наприм., г-ну Ж. слова: *золото*, *олово*, *окно*, а въ особенности восклицаніе *ою-ю* кажутся бѣлыми, потому что въ нихъ повторяется нѣсколько разъ бѣлая гласная *о*. Хроматизмы этихъ словъ онъ представляетъ въ видѣ двухъ или трехъ (смотря по числу гласныхъ) бѣлыхъ пятенъ, раздѣленныхъ пустыми промежутками. У другихъ лицъ окрашиваются подобнымъ образомъ лишь слова съ извѣстнымъ значеніемъ. Наприм., Блейлеръ и Леманъ сообщаютъ объ одномъ субъектѣ, который хроматизируетъ исключительно абстрактные термины и названія, соединяя съ ними въ большинствѣ случаевъ цвѣтъ господствующей гласной *). Наконецъ, нужно отмѣтить еще одно своеобразное явленіе: есть лица, которыя переносятъ на слова цвѣтъ обозначаемыхъ ими предметовъ. Такъ, наприм., поступаетъ одна извѣстная мнѣ дама, г-жа А. (73 л.): для нея *золото*—желтое слово, *олово*—сѣрое слово, *сажа*—черное слово и т. п. **) Названія лицъ и отношеній эта особа окрашиваетъ въ произвольные цвѣта, происхожденіе которыхъ она не можетъ объяснить. Наприм., слова *царь* и *царица* ей кажутся свѣтло-коричневыми; этотъ хроматизмъ имѣетъ мало общаго съ цвѣтомъ составныхъ буквъ и вѣроятно основывается на какой-нибудь случайной и позабытой ассоціаціи. Если слово обозначаетъ не конкретный предметъ, а понятіе, то у нѣкоторыхъ лицъ, по наблюденіямъ Флурнуа, на него переносится цвѣтъ тѣхъ явленій, которыя служатъ или могутъ служить символомъ этого понятія. Такимъ субъектамъ слово *иньъ* кажется краснымъ, *зависть*—желто-зеленымъ, *надежда*—зеленымъ, *мечта*—радужнымъ и проч. ***). Любопытно, что такія ассоціаціи не только создаютъ цвѣтъ словъ, но иногда измѣняютъ хроматизмы буквъ, входящихъ въ составъ этихъ словъ. У Ж. гласная *ю* имѣетъ желто-зеленый цвѣтъ, но въ словѣ *югъ* она желто-красная (оранжевая), потому что съ этимъ словомъ онъ ассоціируетъ представленіе выжженной солнцемъ пустыни.

Наиболѣе распространеннымъ видомъ хроматизмовъ словъ являются *цвѣта собственныхъ именъ и географическихъ названій*. Для

*) *Bleuler & Lehmann*, S. 81.

**) Сравни. *Philippe*, Résumé d' une observation d' audition colorée, *Revue philosophique*, 1893, Septembre, p. 332.

***) *Flournoy*, p. 122.

нѣкоторыхъ лицъ эти хроматизмы составляютъ своего рода спеціальность. Наприм., г-жа А. окрашиваетъ массу вещей, но въ большинствѣ слабо, и всего слабѣе гласныя буквы; между тѣмъ каждое имя съ удивительною легкостью вызываетъ у нея хроматическую ассоціацію. Подобно остальнымъ словамъ, имена нерѣдко заимствуютъ свои цвѣта у тѣхъ буквъ, которыя входятъ въ ихъ составъ, и въ этомъ случаѣ ихъ хроматизмы слагаются по извѣстнымъ намъ законамъ усвоенія, соединенія и смѣшенія. Когда Ж. слышитъ имя *Анна*, онъ хроматизируетъ его такъ же, какъ могъ-бы хроматизировать слова «арка» или «арба»: онъ представляетъ два синихъ квадрата съ большимъ пустымъ промежуткомъ между ними. У другихъ лицъ цвѣтъ именъ не имѣетъ ничего общаго съ гласными и возникаетъ подъ вліяніемъ разныхъ побочныхъ ассоціацій. Наконецъ, есть лица, въ хроматическихъ представленіяхъ которыхъ обнаруживается взаимодѣйствіе обоихъ факторовъ. Таковы именно представленія г-жи А. Изъ всѣхъ буквъ только гласная *а* имѣетъ для этой особы вполнѣ опредѣленный цвѣтъ—красный, и эта именно гласная вліяетъ у нея на цвѣтъ именъ. Въ однихъ случаяхъ *а* всецѣло обуславливаетъ цвѣтъ имени: такъ *Николай* и *Александръ* для г-жи А.—красныя имена нѣсколько разныхъ оттѣнковъ. Въ другихъ именахъ цвѣтъ этой гласной комбинируется съ цвѣтомъ остальныхъ буквъ или дополняется какими-то побочными хроматическими ассоціаціями. Наприм., въ имени *Павелъ* первый слогъ красный, второй желто-оранжевый; въ имени *Василій* первый слогъ красный, второй и третій коричневые; въ имени *Анатолій* первые два слога красные, два послѣднихъ оранжевые; въ имени *Иванъ* первый слогъ голубой, второй красно-желтый; въ имени *Анна* первый слогъ красный, второй желтый. Но на-ряду съ этими именами у г-жи А. есть другія, цвѣтъ которыхъ, повидимому, совершенно не зависитъ ни отъ гласной *а*, ни отъ другихъ составныхъ буквъ. Такъ, имя *Андрей* имѣетъ для нея яркій зеленый цвѣтъ, *Михаилъ*—синій, *Марія*—бѣлый, *Екатерина* и *Ольга*—черный, *Клеопатра*—сѣрый, и проч. Эта особа хроматизируетъ также фамиліи. Цвѣтъ именъ и фамилій сопровождается у нея опредѣленнымъ эмоциональнымъ впечатлѣніемъ, или вѣрнѣе—въ значительной мѣрѣ обуславливается имъ. Ей очень не нравится цвѣтъ ея собственнаго имени, отчества и фамиліи: сѣрый, бѣлый, желтый и коричневый. Еще болѣе неприятенъ ей цвѣтъ

имени ея врача, котораго зовутъ Иванъ Онуфріевичъ: цвѣтъ этого имени синевато-желтый и свѣтло-коричневый, «грязный, замазанный».

Хроматизмы географическихъ названій образуются въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ такъ или иначе сложившихся представленій о природѣ извѣстной страны, о постройкахъ извѣстнаго города, о складѣ его жизни, и проч. Иногда же въ нихъ отражается, можетъ-быть, простое воспоминаніе о раскрашенныхъ географическихъ картахъ *).

Довольно рѣдкое явленіе представляютъ *хроматизмы связной рѣчи, разговора или разсказа*. Насколько можно судить по немногимъ извѣстнымъ въ настоящее время случаямъ, эти хроматизмы не отличаются ни разнообразіемъ, ни опредѣленностью: впечатлѣнія рѣчи обыкновенно передаются въ видѣ оттѣнковъ сѣраго цвѣта или въ видѣ смѣны свѣтлаго и темнаго. Въ какой мѣрѣ вліяютъ на колоритъ рѣчи звуки и слова, входящія въ ея составъ, трудно рѣшить. По наблюденіямъ Блейлера и Лемана, только короткія предложенія могутъ окрашиваться въ опредѣленный цвѣтъ какой-нибудь господствующей гласной; въ обыкновенномъ разговорѣ краски гласныхъ и словъ ступшевываются, замѣняясь общимъ представленіемъ сѣраго цвѣта, и можно думать, что этотъ сѣрый цвѣтъ есть въ значительной степени результатъ безсознательнаго смѣшенія ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, при разговорѣ или разсказѣ нѣтъ ни поводовъ, ни времени сосредоточивать вниманіе на отдѣльныхъ элементахъ рѣчи, и если, тѣмъ не менѣе, эти элементы производятъ извѣстное хроматическое впечатлѣніе, то ихъ разнообразные цвѣта должны образовать оптическую смѣсь, подобно тому, какъ мы видѣли это въ хроматизмахъ двугласныхъ и словъ. Какъ бы то ни было, звуки и слова обуславливаютъ цвѣтъ рѣчи только отчасти. Прежде всего этотъ цвѣтъ много зависитъ отъ высоты и тѣмбра голоса говорящаго лица и отъ особенностей его произношенія. Высокіе голоса сообщаютъ рѣчи болѣе свѣтлый колоритъ, чѣмъ низкіе; рѣчь мужчины кажется темнѣе, чѣмъ рѣчь женщины; рѣчь, произносимая гнусавымъ голосомъ, получаетъ равномерный сѣрый оттѣнокъ **). Затѣмъ цвѣтъ рѣчи стоитъ въ извѣстной зависимости отъ ея содержанія: рѣчь можетъ получить ту или иную окраску, смотря

*) *Flournoy*, p. 121.

***) *Bleuler & Lehmann*, S. 35. Сравн. стр. 73 и 86.

потому, какія мысли и чувства она пробуждаетъ. Общее эмоціо-
нальное впечатлѣніе и эмоціональныя аналогіи играютъ въ этомъ
случаѣ главную роль *).

Тѣми же причинами обусловливаются *хроматизмы различныхъ
языковъ*. У нѣкоторыхъ лицъ языки окрашиваются въ цвѣтъ ихъ
преобладающихъ звуковъ. Такъ, субъектъ, описанный Роша,
хроматизируетъ ихъ въ связи съ тѣмъ, какую роль играютъ въ
нихъ согласные звуки, представляющіеся ему темно-сѣрыми. *Нѣ-
мецкій языкъ*, въ которомъ согласныя преобладаютъ, имѣетъ для
этого субъекта сѣрый мышинный цвѣтъ; *французскій*, — кажется ему
сѣрымъ съ переходомъ къ бѣлому, *англійскій* — темно-сѣрымъ, по-
чти чернымъ. Напротивъ, *испанскій* и *итальянскій* языки пред-
ставляются ему окрашенными въ различные цвѣта, преимуще-
ственно въ желтый и алый; въ первомъ эти цвѣта ярки и отли-
ваютъ металлическимъ блескомъ, во второмъ — они болѣе мягки
и болѣе гармоничны **). Другой субъектъ, о которомъ сооб-
щаетъ д-ръ Реймонъ, представляетъ *англійскій языкъ* сѣрымъ,
нѣмецкій чернымъ, *итальянскій* желтымъ, *испанскій* голубымъ.
Каждое слово этихъ языковъ имѣетъ у него свою окраску, зави-
сящую отъ составныхъ гласныхъ, и общій цвѣтъ языка есть ре-
зультатъ преобладающихъ хроматическихъ впечатлѣній ***). У
другихъ лицъ хроматизмы языковъ слагаются подъ влияніемъ осо-
бенностей говора и произношенія. Широкое произношеніе ан-
личанъ, живой и элегантный говоръ французовъ, бьющая клю-
чемъ рѣчь итальянцевъ сообщаютъ языкамъ своеобразный коло-
ритъ, который выражается у такихъ лицъ въ дѣйствительныхъ
представленіяхъ цвѣта ****). Безъ сомнѣнія, главный источникъ хро-
матизмовъ языковъ нужно искать въ эмоціональныхъ аналогіяхъ.
Вліяніе этихъ аналогій особенно ясно сказывается въ томъ, что
красивые и звучные романскіе языки отличаются гораздо боль-
шимъ разнообразіемъ красокъ, чѣмъ германскіе, хроматизмы ко-
торыхъ въ большинствѣ случаевъ исчерпываются простыми от-
тѣнками сѣраго цвѣта.

П. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Сравн. Flournoy, p. 103.

***) Suarez de Mendoza, p. 84.

****) Suarez de Mendoza, p. 93.

*****) Bleuler & Lehmann, S. 35, 74, 80.

П о л е м и к а.

I.

Къ вопросу о воспріятіи пространства.

На мою книгу «Проблема воспріятія пространства. Часть I. Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи» въ № 35 «Вопросовъ Философіи и Психологіи» помѣщены двѣ критическихъ замѣтки. Въ виду бѣдности нашей философской литературы по вопросу о пространствѣ, я считаю себя вправѣ просить вниманія читателя къ моимъ отвѣтамъ, которые, какъ мнѣ кажется, могутъ послужить выясненію этого важнаго вопроса.

Замѣтка проф. Грота (стр. 651—656) начинается указаніемъ нѣкоторыхъ достоинствъ моего труда, а вслѣдъ за тѣмъ идетъ рядъ возраженій. Возраженія эти были приведены и на диспутѣ, и здѣсь мнѣ приходится ограничиться только повтореніемъ того, что было высказано мною тогда.

На стр. 652 проф. Гротъ говоритъ: «Прежде всего нецѣлесообразно было со стороны автора ставить вопросъ о психологическомъ происхожденіи представленія пространства безъ предварительнаго обсужденія вопроса объ отношеніи теоріи познанія и психологіи въ разработкѣ проблемъ воспріятія». Сущность отвѣта на это возраженіе, высказаннаго мною и на диспутѣ,

заключается въ слѣдующемъ. *Философская* проблема пространства должна быть рассмотрѣна совмѣстно съ точекъ зрѣнія психологической и теоретико-познавательной, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы рассмотрѣніе вопроса о воспріятіи пространства съ точки зрѣнія *психологической* необходимо предварялось рассмотрѣніемъ точки зрѣнія теоретико-познавательной. «Теоріей познанія философа опредѣляется всегда и его направленіе въ разработкѣ психологіи», говоритъ проф. Гротъ. Я съ этою мыслью совсѣмъ не согласенъ: теорія познанія англійскихъ философовъ, наприм., Бэна, и теорія познанія Лотце совершенно различны; между тѣмъ въ вопросѣ о воспріятіи пространства они приходятъ къ тождественнымъ выводамъ. Какая теорія познанія у физиологовъ, которые, изслѣдуя этотъ же вопросъ, приходили къ тѣмъ же выводамъ, что и философы? Мнѣ кажется, что разработка эмпирической психологіи до извѣстной степени такъ же независима отъ всякой теоріи познанія, какъ и физика и химія. Разумѣется, я этимъ вовсе не желаю отвергать значенія теоріи познанія, но я отрицаю ея рѣшающее значеніе въ тѣхъ или другихъ спеціальныхъ вопросахъ эмпирической психологіи.

Такъ какъ моя книга представляетъ законченное цѣлое, какъ полное изслѣдованіе проблемы съ точки зрѣнія *психологической* и могла бы имѣть значеніе и въ томъ случаѣ, если бы я вовсе даже и не предполагалъ писать *второй* части, то для меня остается непонятнымъ упрекъ профессора Грота, что я долженъ былъ непременно рассмотрѣть сначала теоретико-познавательную проблему. Я думаю, проф. Гротъ согласится со мною, что хотя я для окончательнаго рѣшенія философскаго вопроса о воспріятіи пространства и считаю необходимымъ совмѣстное рассмотрѣніе его съ двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что я долженъ былъ уже въ первой, *психологической* части дать законченное рѣшеніе философскаго вопроса о пространствѣ. Это я надѣюсь сдѣлать во 2-й части.

Непонятнымъ также для меня является замѣчаніе проф. Грота: «Вотъ почему чрезвычайно странно причисленіе Канта къ категоріи генетистовъ наряду съ Вундтомъ, когда точка зрѣнія Канта чисто гносеологическая, а вовсе не психологическая». Это замѣчаніе кажется мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что я въ своей книгѣ тщательно выдѣлялъ кантовскую точку зрѣнія изъ точки

зрѣнія психологической *) и настойчиво указывалъ, что *еслибы* нужно было *опредѣлить*, какъ относится кантовская теорія къ психологіи, то, вопреки общепринятымъ воззрѣніямъ, что Кантъ является нативистомъ въ смыслѣ психологическомъ, его *скорѣе* можно было бы причислить къ сторонникамъ генетизма **). Стало быть, моя цѣль скорѣе была отрицательная, чѣмъ положительная. Что же касается утвержденія проф. Грота, что «*есть нативизмъ* теоретико-познавательный, главнымъ представителемъ котораго является Кантъ съ его ученіемъ о субъективныхъ формахъ познанія», то это еще подвержено большому сомнѣнію, ибо едва ли возможно назвать *нативизмомъ* признаніе «субъективныхъ формъ познанія», такъ какъ *нативизмъ* есть понятіе психологическое и мнѣ кажется страннымъ, что проф. Гротъ не замѣчаетъ противорѣчія, когда онъ ниже говоритъ, что точка зрѣнія кантовская была чисто теоретико-познавательная ***).

*) См. Предисловіе, стр. I—XII, затѣмъ стр. 94. «Теорію Канта я намѣренъ разсмотрѣть въ другомъ мѣстѣ, потому что она въ строгомъ смыслѣ слова не есть теорія психологическая, а теоретико-познавательная».

***) Въ первой части своей книги я разсматриваю теорію Канта только потому, что „ея весьма часто приводили въ связь съ современными нативистическими гипотезами“ (стр. 94). Задача моя главнымъ образомъ отрицательная: я хочу доказать, что „Кантъ не можетъ быть признанъ нативистомъ“ (стр. 95; ср. стр. 9). Условность подведенія Канта въ группу генетистовъ я признаю самъ и выражаю это нѣсколько разъ: на стр. 95: „если разсматривать его теорію *психологически*“, „если, разумѣется, мы пожелаемъ разсматривать его теорію *психологически*“ (стр. 97 прим.). Принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, я думаю, всякій со мною согласится, что совсѣмъ не странно причисленіе Канта къ теоріи генетистовъ“.

***) Г. Лапшинъ въ примѣчаніи къ Психологіи Джемса (Спб. 1896, стр. 25) по вопросу объ отношеніи кантовской апріорности къ психологической говоритъ: „при чтеніи Канта легко можно обмануться, принявъ его манеру логически расчленять элементы познанія, наприм., ощущенія отъ формы интуиціи пространства и времени, за мысль о возможности *реальнаго отдѣленія* формъ познанія отъ заполняющаго ихъ чувственнаго многообразія ощущеній“. Я не предполагаю здѣсь разбирать этого вопроса; это я надѣюсь сдѣлать во второй части моего труда, а здѣсь ограничусь только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Положимъ, я вмѣстѣ съ Штумфомъ и Джемсомъ могъ „обмануться при чтеніи Канта“, но отчего г. Лапшинъ не упомянулъ, что Файхингеръ который вотъ уже болѣе 20 лѣтъ читаетъ Канта и пишетъ комментаріи на его сочиненія, и Риль и Когенъ, посвятившіе значительную часть своей жизни

Далѣ проф. Гротъ упрекаетъ меня въ томъ, что я отвергаю «необходимость широкаго примѣненія экспериментальнаго метода въ психологіи». Я не знаю, какъ можно было такимъ образомъ истолковать мою мысль о роли эксперимента въ психологіи, изложенную въ предисловіи. Мысль моя, какъ мнѣ кажется, высказанная, вполне ясно, сводится къ слѣдующему. Въ послѣднее время многіе изслѣдователи думаютъ, что въ современной психологіи нѣтъ вопросовъ, которые могли бы разрабатываться безъ помощи *спеціальныхъ* экспериментальныхъ приемовъ. Я же, напротивъ того, утверждаю, что есть масса проблемъ по преимуществу общаго характера, которыя не могутъ быть рѣшаемы непосредственно путемъ *спеціально* эксперимента. Къ числу такихъ проблемъ относится и проблема производности и непроизводности пространства. Мнѣ кажется, что мысль моя очень проста и ясна и является реакціей противъ предрасудка, широко распространеннаго въ настоящее время.

Что не одинъ я утверждаю подобную вещь, я могу доказать ссылками на писателей, которымъ экспериментъ очень многимъ обязанъ *).

Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ проф. Гротъ не выполнилъ самаго простаго требованія, которое предъявляется ко всякому читателю, именно, что всякое сомнѣніе истолковывается въ пользу автора. Неужели, по мнѣнію проф. Грота, авторъ, написавшій книгу почти въ 400 страницъ, посвященную исключительно *экспериментальной* психологіи, былъ на столько простодушенъ, что, незамѣтно для самого себя, на одной страницѣ сталъ бы отрицать значеніе эксперимента въ психологіи?

Проф. Гротъ говоритъ, что еслибы я производилъ эксперименты, то, можетъ-быть, я пришелъ бы къ совсѣмъ другимъ заключеніямъ. Но онъ совсѣмъ не указываетъ, какъ можно было

изученію Канта, также легко обманулись. Надо думать, что здѣсь дѣло идетъ не только о томъ, что легко было обмануться при чтеніи Канта.

*) Наприм., *Wundt* (Phys. Psych. I ч., стр. 8—9): „Selbstverständlich kann auch die experimentelle Psychologie nicht auf jede einzelne Frage experimentelle Methode anwenden... *Ribot* (Psychologie Allemande, Introd.): „Il ne faudrait pas croire, que l'expérience ait été appliquée a toutes les questions de la psychologie, ni même au plus grand nombre. *Baldwin* (Handbook of Psychology 1890. V. I, стр. 29), передаетъ слова Рибо слѣдующимъ образомъ: „In all that concerns these phenomena (т.-е. въ высшихъ духовныхъ процессахъ) *experimental research is useless*“.

бы произвести такой экспериментъ, при помощи котораго можно было бы рѣшить вопросъ о производности или непроизводности протяженности *). Да развѣ Штумфъ, Джемсъ, Липпсъ, Бэнъ, Лотце и др. производили какіе-нибудь эксперименты въ этой области? Отчего проф. Гротъ не упомянулъ объ этомъ обстоятельстве? Конкретно выражаясь, я бы могъ изложить свою мысль слѣдующимъ образомъ. Еслибъ я захотѣлъ и имѣлъ возможность по обстоятельствамъ чисто внѣшняго свойства украсить свою книгу какими-нибудь экспериментами, то эти эксперименты были бы направлены на разрѣшеніе какого-нибудь спеціальнаго вопроса **) и утонули бы въ тысячѣ другихъ такихъ же спеціальныхъ экспериментовъ, изъ обсужденія которыхъ я прихожу къ рѣшенію вопроса о психологической природѣ протяженности. Неужели же эта мысль настолько сложна и непонятна, чтобы было основаніе упрекать меня въ томъ, что «мои собственные экспериментальныя наблюденія были недостаточны»? На стр. 654 проф. Гротъ говоритъ: «странное утвержденіе г. Челпанова объ «абсолютной немыслимости протяженности безъ цвѣта» и о «неразрывной связи другъ съ другомъ по природѣ воспріятій протяженности и цвѣта», находясь въ противорѣчій съ собственнымъ ученіемъ автора о непроизводности элементовъ пространственнаго воспріятія, полученнаго путемъ осязанія и мускульнаго чувства, наприм., у слѣпорожденныхъ, для которыхъ протяженные предметы никакъ не могутъ быть окрашены въ цвѣтъ,— это странное утвержденіе свидѣтельствуетъ о томъ, что собственные экспериментальныя наблюденія автора были недостаточны». Посмотримъ, о чемъ свидѣтельствуетъ это «странное и противорѣчивое» утвержденіе!

На стр. 50 у меня въ примѣчаніи сказано, что по ученію англійской психологіи, *«непротяженный цвѣтъ можетъ быть воспринимаемъ и воображаемъ»*. Это основная мысль всякаго генетизма, и изъ моей книги легко видѣть, что всѣ генетисты утверждали именно это ***).

*) Одинъ опытъ въ вопросѣ о гиперэксцентрической проэкціи, какъ это предлагаетъ проф. Гротъ, отнюдь не можетъ имѣть рѣшающаго значенія.

**) Наприм., о приложимости веберовскаго закона въ области глазомѣра или что-нибудь въ этомъ родѣ.

***) Стр. 49: «По Бэну свѣтотыя ошущенія сами по себѣ первоначально лишены пространственнаго характера». Стр. 79: Липпсъ спрашиваетъ: «Возмож-

Далѣе, на стр. 144 приводятся выдержки и указанія на теоріи такихъ выдающихся физиологовъ, какъ Штриккеръ, Экснеръ, Мейнертъ, у которыхъ очень подробно говорится объ *отдѣлимости ощущенія цвѣтовъ отъ протяженности*.

Теперь спрашивается, если кто-нибудь не согласенъ съ общепринятой теоріей психологовъ и физиологовъ, то какъ онъ долженъ выразить свое несогласіе съ ними? Онъ долженъ взять утвержденія своихъ противниковъ и выразить ихъ въ отрицательной формѣ. Англійскіе психологи говорятъ: «непротяженный цвѣтъ *можетъ* быть воспринимаемъ и воображаемъ». Я утверждаю: «непротяженный цвѣтъ *не можетъ* быть воображаемъ и воспринимаемъ». Физиологи утверждаютъ, что «ощущеніе цвѣтовъ *отдѣлимо* отъ протяженности». Я утверждаю, что «ощущеніе цвѣтовъ *не отдѣлимо* отъ протяженности». Итакъ, по моему мнѣнію, которое я формулирую на стр. 144, цвѣтъ немислимъ безъ протяженности или, что то же, «протяженность (разумѣется *зрительная*) немислима безъ цвѣта». Неужели послѣ того, какъ я на 144 страницахъ говорилъ о томъ, что «*цвѣтъ немислимъ безъ протяженности*», въ формулѣ «протяженность немислима безъ цвѣта» я долженъ былъ прибавить слово «*зрительная*», чтобы не ввести читателя въ заблужденіе и не заставить думать, что я написавши цѣлую книгу о пространствѣ и въ ней болѣе 70 страницъ посвятивъ воспріятію пространства слѣпыми, вдругъ не знаю, что существуетъ еще протяженность безъ цвѣта?

Мысль, которую я доказывалъ, я повторяю четыре раза на стр. 143 и 144, на которыхъ именно и находится формула, разбираемая проф. Гротомъ. (Ст. 143: «*мыслить отдѣльно цвѣтъ отъ протяженности...*» Стр. 144: «Доказать *отдѣлимость цвѣта отъ протяженности*»... «Физиологи высказывались въ пользу возможности психологической *отдѣлимости цвѣта отъ протяженности*». Неужели этого 4-хъ кратнаго повторенія на двухъ страницахъ одной и той же мысли было недостаточно для пониманія того, что рѣчь идетъ о *немислимости зрительной протяженности безъ цвѣта?* *).

но ли какое-либо осязательное или зрительное ощущеніе совершенно безъ всякой пространственности?» и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Стр. 100. «Цвѣтъ неотдѣлимо связанъ съ протяженностью (это основная формула современнаго генетизма)». Ср. съ этимъ стр. 3, 13, 57, 80—1, 95—6, 98, 106, 136 и др.

* По словамъ проф. Грота у меня на стр. 144 говорится «о неразрывной извсѣя другъ съ другомъ по природѣ воспріятій *протяженности и цвѣта*»,

По поводу замѣчаній г. Саводника *) я долженъ сказать, что они по большей части основаны на недоразумѣніяхъ, въ которыхъ я себя отнюдь не считаю повиннымъ: вопросъ о пространствѣ слишкомъ сложный вопросъ для того, чтобы его можно было изложить вполне ясно и удобопонятно. Отъ читателя требуются предварительная значительная подготовка и знакомство съ литературой вопроса.

На стр. 642 г. Саводникъ замѣчаетъ: «Очевидною цѣлью автора было примирить нативистовъ и эмпириковъ». Очень ошибается г. Саводникъ, если думаетъ, что это было моей цѣлью. Я имѣлъ цѣлью изобразить дѣло такъ, какъ оно есть. Формулировать же высказанныя мною воззрѣнія, что я нативистъ въ признаніи непосредственнаго воспріятія плоскостной протяженности и генетистъ въ воспріятіи третьяго измѣренія, можно только въ томъ случаѣ, если принимать отвлеченіе за реальность и проводить рѣзкую грань между плоскостною протяженностью и третьимъ измѣреніемъ. Я указываю (стр. 250), что *психологически* третьяго измѣренія не существуетъ и что оно сводится къ протяженности въ два измѣренія. Я надѣюсь, что г. Саводникъ не предполагаетъ, что я говорю о такой плоскостной протяженности, какъ доска или стѣна. Само собою разумѣется, что плоскостную протяженность я считаю возможнымъ опредѣлять только отрицательно, какъ отсутствіе глубины—какъ она существуетъ въ представленіи развитого сознанія. Я рассматриваю плоскостную протяженность въ *отвлеченіи* отъ глубины только потому, что воспріятіе плоскостной протяженности есть *функция плоскостно расположенія воспринимающихъ элементовъ*, для воспріятія же глубины ничего подобнаго не имѣется. Чтобы сколько-нибудь приблизиться къ конкретному представленію, я счелъ нужнымъ ввести различіе между первоначальною глубиной и глубиной какою представляетъ себѣ развитое сознаніе. Я это считаю необходимымъ *логическимъ* требованіемъ.

Не знаю, въ какой мѣрѣ практиченъ совѣтъ г. Саводника, что нужно держаться одного направленія; не значитъ ли это со-вѣтовать придерживаться какого-либо шаблона, исторически

между тѣмъ какъ у меня нигдѣ такого выраженія нѣтъ, а есть вотъ какое: «*цвѣтъ и протяженность по природѣ своей неразрывно другъ съ другомъ связаны*».

*) «Вопросы Филос. и Псих.», № 35, стр. 641—650.

случайно сложившагося? Если бы г. Саводникъ былъ правъ, то настоящій *эмпиристъ* долженъ былъ бы всячески избѣгать признанія *врожденныхъ* основъ, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ *), а настоящій *нативистъ* долженъ былъ бы совершенно отвергать всякое признаніе *опыта*, чего на самомъ дѣлѣ тоже нѣтъ **). Отчего же г. Саводникъ и Вундта и Геринга кстати не упрекнулъ въ эклектизмѣ?

На стр. 643 авторъ критической замѣтки говоритъ: «является вопросъ, имѣемъ ли мы право расчленять это пространство (*у слѣдпорожденныхъ*) такимъ образомъ, чтобы плоскостная протяженность являлась непосредственнымъ содержаніемъ, а третье измѣненіе продуктомъ психической переработки». Мнѣ кажется это возраженіе страннымъ и непонятнымъ потому, что я нигдѣ рѣшительно не говорю о глубинѣ или третьемъ измѣненіи *осязательной* протяженности, а рѣчь идетъ исключительно о *зрительной* протяженности ***). Смѣшивая эти двѣ вещи и приписывая мнѣ такой взглядъ (который едва ли кто-нибудь изъ психологовъ станетъ защищать), г. Саводникъ дѣлаетъ мнѣ дальше возраженіе, которое въ силу этого тоже является простымъ недоразумѣніемъ. Я говорю о необходимости отыскать фізіологическій коррелятъ для ощущенія третьяго измѣненія, разумѣя очевиднѣйшимъ образомъ *зрительную* протяженность, о которой только и была рѣчь когда-нибудь въ психологической литературѣ. Г. Саводникъ удивляется, что я не вижу, что въ мускульномъ чувствѣ и нужно видѣть тотъ субстратъ, котораго я ищу. Да, если говорить о пространствѣ слѣпного, т.-е. о такомъ пространствѣ, о существованіи субстрата котораго, кажется, никогда не возникало никакого сомнѣнія. Стало быть, возраженіе г. Саводника, что я не вижу этого искомаго субстрата, есть не больше какъ *ignoratio elenchi*.

На стр. 645—6 г. Саводникъ говоритъ: „Возражая противъ

*) Напр., Вундтъ признаетъ врожденные основы.

***) Напр., Герингъ (см. мою книгу стр., 284—5).

***) Этимъ недоразумѣніемъ объясняется замѣчаніе г. Саводника (стр. 643) „мы едва ли имѣемъ право говорить о *глубинѣ* осязательнаго чувства“. По его мнѣнію, нужно было бы говорить о *третьемъ измѣненіи*. Такъ какъ оба эти термина одинаково пригодны для зрительнаго чувства и такъ какъ я говорю только о пространствѣ зрительнаго чувства, то само собою разумѣется, что я эти термины употребляю *permiscue*.

положенія г. Челпапова, мы прежде всего укажемъ на тотъ фактъ, что представленіе глубины *несомнѣнно* существуетъ у дѣтей уже въ очень ранній періодъ ихъ жизни, когда ихъ мускульно-двигательный опытъ болѣе ограниченъ, чѣмъ зрительный. Ребенокъ, котораго кормилица носитъ взадъ и впередъ по комнатамъ, получаетъ цѣлый рядъ зрительныхъ впечатлѣній, которыя безъ всякаго участія съ его стороны могутъ дать ему нѣкоторыя, конечно, очень смутныя представленія о разстояніи, о глубинѣ. Кормилица, напр., двигается отъ окна къ противоположной темной стѣнѣ. По мѣрѣ ея удаленія свѣтлый четырехугольникъ въ глазахъ ребенка все уменьшается, и сила свѣта постепенно ослабѣваетъ. Спрашивается, можетъ ли такая переменна въ зрительной величинѣ, въ *интенсивности свѣтового впечатлѣнія* оставаться безъ всякаго воздѣйствія на чисто зрительное воспріятіе третьяго измѣренія? Я не стану здѣсь говорить о томъ, въ какой мѣрѣ психологія ребенка можетъ служить для насъ достовѣрнымъ матеріаломъ для разрѣшенія вопроса о существованіи третьяго измѣренія*), а обращу вниманіе читателя лишь на толкованіе примѣра, приведеннаго г. Саводникомъ. Это толкованіе не только *сомнительно*, но и просто невѣрно. Неужели г. Саводникъ не видитъ, что въ глазу ребенка будутъ только увеличиваться и уменьшаться изображенія сѣтчатки безъ всякаго отношенія къ глубинѣ? Чтобы представленіе о послѣдней явилось, нужны добавочныя *опыты* **), которые показали бы связь разстоянія съ увеличеніемъ и уменьшеніемъ изображеній. Надо думать, что г. Саводникъ знаетъ разсужденія на этотъ счетъ Беркли, о которомъ онъ говоритъ на стр. 645, а главнымъ образомъ ученіе Милля, Бэна и вообще эмпирической школы.

На стр. 647 авторъ замѣтки говоритъ: «Иногда кажется, будто г. Челпановъ не рѣшается вполне отдѣлиться отъ нативистовъ и дѣлаетъ имъ тѣ или другія уступки. Напр., хотя онъ

*) Какъ же для г. Саводника кажется *несомнѣннымъ* существованіе у ребенка представленія глубины, когда на стр. 648 онъ самъ говоритъ о наблюденіи надъ новорожденными, что «въ виду противорѣчивости наблюденій надъ ними, мы во всякомъ случаѣ не можемъ приписать имъ рѣшающаго значенія въ занимающемъ насъ вопросѣ?»

**) Даже такой нативистъ, какъ Герингъ, опредѣленіе абсолютнаго разстоянія считалъ продуктомъ *опыта* (см. объ этомъ мою книгу, стр. 284—5, 291). Отчего на это обстоятельство не обратилъ вниманія г. Саводникъ?

и приписываетъ рѣшающее значеніе въ процессѣ воспріятія третьяго измѣренія двигательно-осязательному опыту, однако признаетъ за нѣкоторыми явленіями бинокулярнаго зрѣнія значеніе вспомогательныхъ средствъ для этого воспріятія». Оказывается, что авторъ замѣтки не знаетъ въ точности, что такое нативизмъ и что такое генетизмъ. По его мнѣнію, кто въ воспріятіи третьяго измѣренія признаетъ роль мускульно-осязательнаго опыта, тотъ генетистъ; въ противномъ случаѣ,—онъ нативистъ. Очевидно, что авторъ критической замѣтки незнакомъ съ воззрѣніями главнаго представителя современной генетической теоріи, Вундта. Вѣдь послѣдній тоже отрицаетъ роль осязательно-мускульнаго опыта въ томъ смыслѣ, какъ это признавалось въ англійской школѣ, и объ этомъ между прочимъ говорится въ моей книгѣ (стр. 366—7). *) Если такъ, то спрашивается, у кого въ этомъ случаѣ противорѣчіе, у меня или у г. Саводника?

При такомъ пониманіи отношенія между генетизмомъ и нативизмомъ понятно его замѣчаніе относительно меня: «Если сопоставить это замѣчаніе, т.-е. признаніе роли аккомодации и конвергенціи, съ тѣмъ, что говорится нѣсколько выше, гдѣ г. Челпановъ совершенно опредѣленно высказывается въ томъ смыслѣ, что *движеніе вовсе не необходимо для воспріятія глубины*, то получается впечатлѣніе какого-то рокового противорѣчія, тяготящаго надъ авторомъ и не позволяющаго ему ясно и твердо поставить вопросъ». По мнѣнію г. Саводника, стало быть, оказывается противорѣчіемъ то обстоятельство, что я признаю необходимость ряда вспомогательныхъ моментовъ и въ то же время не признаю необходимости *движенія* для воспріятія глубины. Г. Саводникъ находитъ въ этомъ противорѣчіе, но извѣстно ли ему, что Вундтъ, генетистъ, тоже признавалъ, что безъ движенія можетъ происходить воспріятіе пространства? Не тяготеетъ ли и надъ Вундтомъ такое противорѣчіе? (см. его, Физ. псих., стр. 666).

На стр. 650 авторъ замѣтки говоритъ: «намъ кажется, что дѣло идетъ вообще о возможности непосредственнаго воспріятія глубины, а не о степени точности этого воспріятія». Мнѣ кажется, что г. Саводнику должно быть извѣстно изъ литературы, что такое возраженіе весьма часто приводилось нативистами и

*) См. его Vorles. стр. 169., Logik. В. I стр. 455.

главнымъ образомъ Штумфомъ*), въ игнорированіи котораго авторъ едва ли можетъ меня упрекнуть. Когда я говорю, что существуютъ глубина недифференцированная и „глубина развитого сознанія“, то я имѣю въ виду именно эту мысль.

Если же, по мнѣнію г. Саводника, это утвержденіе является голословнымъ утвержденіемъ, ничѣмъ не *иллюстрированнымъ*, то мнѣ это кажется страннымъ послѣ того, что я говорилъ на стр. 142—3. Я не только не думалъ сдѣлать вполне ясною вещь, вообще очень неясную, а прямо указалъ на то, что въ наше время возможны только предположенія, *логически* вытекающія изъ болѣе или менѣе неоспоримыхъ данныхъ. Если бы при теперешнемъ состояніи науки было возможно *иллюстрировать* переходъ отъ недифференцированнаго пространства къ дифференцированному, я попытался бы это сдѣлать, и тогда книгу свою назвалъ бы «*теоріей* воспріятія пространства», а не «*проблемой*», каковой, по моему мнѣнію, она останется еще на очень долгое время.

Г. Саводникъ предлагаетъ мнѣ «объяснить, какъ именно образовалось наше представленіе пространства». Этимъ г. Саводникъ какъ бы хочетъ сказать, что данныя для рѣшенія этого вопроса должны быть и что я только ими не воспользовался; я же думаю, что такихъ данныхъ не существуетъ. Самъ г. Саводникъ говоритъ на стр. 648 относительно психологіи ребенка: «Въ виду противорѣчивости этихъ наблюденій (надъ новорожденными) мы во всякомъ случаѣ не можемъ приписать имъ рѣшающаго значенія» и далѣе, стр. 649: «Что касается до наблюденія надъ оперированными слѣпорожденными, то и здѣсь мы встрѣчаемся съ очень противорѣчивыми показаніями». На основаніи какихъ же данныхъ, по мнѣнію г. Саводника, я могъ бы объяснить и показать, какъ именно образовалось наше представленіе пространства?

Въ заключеніе своего отвѣта г. Саводнику я считаю нужнымъ указать, что такого рода бездоказательныя замѣчанія, какъ «авторъ ограничился только неопредѣленными *фразами*», «въ вопросѣ осталось все-таки много *неяснаго*, а въ томъ разрѣшеніи, какое даетъ г. Челпаповъ много *произвольнаго*», «замѣчается большая *неясность*» и т. д., — могутъ имѣть *raison d'être* только въ

*) См. его Urspr. d. R. V. стр. 200—201.

томъ случаѣ, если они исходятъ изъ очень авторитетнаго источника. Въ противномъ случаѣ я съ такимъ же правомъ могу упрекнуть своего рецензента въ томъ, что причина неясности лежитъ именно въ немъ самомъ. Поэтому, мнѣ кажется, слѣдовало бы избѣгать подобнаго рода замѣчаній, имѣющихъ цѣлью уронить значеніе книги, такъ какъ они автора ни въ чемъ рѣшительно убѣдить не могутъ, а неопытнаго читателя могутъ ввести въ заблужденіе.

Г. Челпановъ.

II.

Въ защиту идеализма.

Отвѣтъ Б. Н. Чичерину.

Многоуважаемый Б. Н. Чичеринъ сдѣлалъ мнѣ честь подвергнуть обстоятельной критикѣ рядъ моихъ статей объ основаніяхъ идеализма, помѣщенныхъ въ кн. 31—35 «Вопросовъ Философіи». Онъ разбираетъ ихъ подробно, положеніе за положеніемъ, чуть ли не предложеніе за предложеніемъ, и не оставляетъ камня на камнѣ во всемъ моемъ построеніи. Признаться, я поставленъ въ крайнее затрудненіе этою критикой, такъ какъ я совершенно не понимаю, какъ опредѣлить, въ чемъ собственно долженъ состоять предметъ моего спора съ Б. Н. Чичеринымъ. Повидимому, у насъ не одинъ и не два предмета спора, а тысяча такихъ предметовъ, такъ что еслибы я хотѣлъ держаться метода Б. Н. Чичерина, мнѣ пришлось бы по меньшей мѣрѣ написать подстрочный комментарий къ моимъ статьямъ, въ нѣсколько разъ превосходящій ихъ по объему.

Я лично крайне признателенъ моему почтенному критику за многія замѣчанія, показавшіяся мнѣ чрезвычайно вѣскими и серьезными. Но если мое пространное разсужденіе состоитъ изъ отрывочныхъ, явно-противорѣчивыхъ и притомъ явно-нелѣпыхъ положеній, какъ оно представляется моему критику, то едва ли оно заслуживало такого обстоятельнаго изслѣдованія или опроверженія. На стр. 225 мой критикъ съ понятнымъ сожалѣніемъ констатируетъ полное помраченіе моихъ умственныхъ способностей, утверждая, что фантастическая логика Шопенгауэра заставляетъ меня «вопреки очевидности видѣть субъекты въ столахъ и подушкахъ». Я не знаю, когда и гдѣ Шопенгауэръ видѣлъ субъекты въ столахъ, подушкахъ или другихъ предметахъ; но полагаю, что еслибы я лич-

но дошелъ до столь плачевныхъ галлюцинацій, меня слѣдовало бы лѣчить, а не опровергать. Если мое разсужденіе представляется моему критику сплошной и въ сущности безсвязной путаницей, то мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что онъ принялъ на себя трудъ его разбирать, тѣмъ болѣе, что мнѣ довольно затруднительно спорить противъ такой оцѣнки.

Мнѣ кажется, что задача всякой критики состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы понять мысль противника, его главную мысль; а въ философскомъ разсужденіи, задуманномъ по опредѣленному плану, прежде чѣмъ обсуждать отдѣльныя положенія, надо также рассмотреть, въ чемъ суть, что собственно хотѣлъ доказать авторъ, выдержалъ ли онъ свой планъ, послѣдовательно ли онъ развилъ свою мысль. Если у него нѣтъ ни общей мысли, ни плана,—повторяю, не стоитъ заниматься его разсужденіемъ; а если у него былъ планъ, если у него проведена мысль, представляющаяся достойной обсуждения, такъ слѣдуетъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризовать, опредѣлить ее, а не приступать съ предвзятыми понятіями къ обсужденію отдѣльныхъ положеній внѣ связи съ цѣлымъ. Иначе мы неизбежно рискуемъ приписать автору гораздо больше противорѣчій, чѣмъ ихъ у него есть въ дѣйствительности, и за мнимыми ошибками проглядѣть его настоящія ошибки. Такъ случилось и съ моимъ критикомъ: я могу охотно допустить, что въ моихъ статьяхъ есть противорѣчія и заблужденія, которыя и онъ и я упустили изъ виду; но я также знаю навѣрное, что въ нихъ нѣтъ многого изъ того, что онъ мнѣ приписываетъ, не пожелавши выяснить, что собственно я хотѣлъ доказать. Можетъ быть, я и самъ тутъ виноватъ, такъ какъ не сумѣлъ быть достаточно яснымъ. Если когда-нибудь мнѣ придется переработать мои статьи, я постараюсь воспользоваться всѣми указаніями уважаемаго Б. Н. Чичерина. Въ настоящемъ же случаѣ, прежде чѣмъ отвѣтить на тѣ пункты его критики, которые представляются мнѣ особенно важными, я постараюсь въ немногихъ словахъ сдѣлать то, чего онъ не сдѣлалъ—опредѣлить основныя положенія моего разсужденія и планъ, которому я слѣдовалъ.

I.

Философія стремится къ системѣ цѣльнаго знанія и потому предметомъ ея являются основныя начала всякаго знанія и основ-

ныя начала сущаго. Основнымъ началомъ всякаго знанія, всякой науки является прежде всего самый разумъ, самая мысль, посредствомъ которой мы познаемъ или понимаемъ вещи. Поэтому основнымъ вопросомъ философіи можетъ служить вопросъ объ отношеніи познающаго разума къ вещамъ или къ сущему, или же, наоборотъ, объ отношеніи самого сущаго къ разуму. При какомъ условіи разумъ можетъ быть дѣйствительнымъ началомъ истиннаго познанія сущаго?

«Если сущее познаваемо, хотя бы только отчасти,—оно сообразно законамъ нашего разума, т.-е. общимъ логическимъ законамъ нашей мысли»; а слѣдовательно, общіе законы и формы нашей логической мысли, общія ея категоріи, которымъ подчиняется нашъ познающій разумъ, «суть въ то же время внутренніе законы, формы, категоріи познаваемаго нами сущаго. Логическій принципъ нашего знанія есть въ то же время и универсальное начало познаваемаго нами сущаго» (Осн. Ид. с. 76).

«А если такъ, то приходится выбирать между послѣдовательнымъ скептицизмомъ—«логическимъ отрицаніемъ логики», которое само приводитъ себя къ абсурду» и между идеализмомъ, какъ ученіемъ, которое въ той или въ другой формѣ признаетъ единство сущаго съ познающимъ духомъ, съ познающею мыслью, т.-е. разумомъ, или видитъ въ этомъ разумѣ начало сущаго.

Но идеализмъ не есть какое-либо одно опредѣленное ученіе. Какъ я полагаю, онъ есть результатъ всей философіи. Единство субъекта и объекта, познающаго и познаваемаго, понимается весьма различно въ различныхъ философскихъ ученіяхъ; самыя воззрѣнія на человѣческой разумъ, т.-е. на совокупность нашихъ познавательныхъ способностей, далеко не одинаковы и противорѣчатъ другъ другу у различныхъ мыслителей. Такъ одни признаютъ чувственный опытъ единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ познанія, другіе видятъ такой источникъ въ чистомъ мышлении, третьи—въ вѣрѣ или мистической интуиціи. Отсюда возникаютъ различныя постановки проблемы познанія. Какъ возможенъ опытъ въ качествѣ источника познанія? Какъ возможно познаніе сущаго при посредствѣ чистой мысли, или при посредствѣ мистической интуиціи? Очевидно, самая концепція сущаго, самое опредѣленіе его измѣняется сообразно тому отвѣту, который получаютъ эти вопросы, и тому рѣшенію проблемы познанія, которое принимается нами. Если источникомъ по-

знанія можетъ быть только опытъ, точнѣе—чувственный опытъ, если мы познаемъ одни явленія, то сущее, составляющее предметъ познанія, опредѣляется какъ *то, что является*; и, съ точки зрѣнія отвлеченнаго эмпиризма, возведеннаго въ философскую теорію, такое опредѣленіе представляется единственно возможнымъ, ибо, согласно предположенію, внѣ явленій мы ничего не знаемъ и не воспринимаемъ. Если истиннымъ источникомъ познанія является чистый разумъ или чистая мысль, то сущее, какъ предметъ такой мысли, опредѣляется какъ *мыслимое* или какъ *идея*,—опредѣленіе, соотвѣтствующее отвлеченному рачіонализму. Наконецъ, сущее, въ качествѣ предмета вѣры или мистической интуиціи, опредѣляется какъ сверхъ-чувственная или духовная реальность.

Что эмпиризмъ, рачіонализмъ, мистицизмъ въ своемъ одностороннемъ развитіи взаимно исключаютъ другъ друга и взаимно другъ другу противорѣчатъ,—едва ли нуждается въ доказательствѣ. И если я съ критическою цѣлью послѣдовательно разсматривалъ эти гносеологическія теоріи, а также и тѣ отвлеченныя опредѣленія сущаго, къ которымъ онѣ насъ приводятъ, то Б. Н. Чичеринъ совершенно напрасно теряетъ время на то, чтобы убѣдить меня во взаимномъ противорѣчій, послѣдовательно обвиняя меня въ томъ, что я раздѣляю всѣ три указанныя теоріи во всей ихъ односторонности. Самъ Б. Н. Чичеринъ выражаетъ свое удивленіе при каждомъ новомъ обвиненіи. Но если бы онъ далъ себѣ трудъ подвергнуть критикѣ основную мысль и планъ моего разсужденія въ его цѣломъ, прежде чѣмъ приступить къ детальному его разбору, то едва ли бы онъ сталъ упрекать меня заразъ въ эмпиризмѣ, рачіонализмѣ и мистицизмѣ.

Ибо, прежде всего, я не только указывалъ неоднократно на ихъ взаимное противорѣчіе, но стремился показать, что, разсматриваемыя сами по себѣ, въ качествѣ гносеологическихъ принциповъ, всѣ три оказываются несостоятельными, разлагаясь во внутреннихъ противорѣчіяхъ. Въ окончательномъ выводѣ, какъ отмѣчаетъ и мой уважаемый критикъ, я стремился выяснитъ нераздѣльную связь всѣхъ трехъ факторовъ чловѣческаго познанія—чувственнаго воспріятія, мысли, непосредственной вѣры. Я пытался показать, что опытъ предполагаетъ дѣятельность разума, а эта послѣдняя, для того чтобы быть логическимъ орга-

номъ познанія сущаго, въ свою очередь предполагаетъ имманентное отношеніе мыслящаго духа къ основнымъ началамъ сущаго, въ которомъ она имѣетъ абсолютное основаніе, въ одно и то же время идеальное и реальное.

Эмпиризмъ, рационализмъ, мистицизмъ имѣли для меня значеніе «экспериментовъ въ области онтологіи и теоріи познанія», причемъ я указывалъ неоднократно, что результаты подобныхъ экспериментовъ суть отвлеченности, которыя не должны быть принимаемы за что-либо конкретное и безусловное.

Если эмпиризмъ, рационализмъ, мистицизмъ развиваютъ односторонне три метода познанія, три способа отношенія нашего разума къ предмету его познанія, то задача философской критики состоитъ въ тщательномъ разсмотрѣннн какъ ихъ основныхъ предположеній, такъ и тѣхъ конечныхъ результатовъ, къ которымъ они приводятъ. Такая критика убѣждаетъ насъ въ несостоятельности и неполнотѣ отвлеченныхъ принциповъ въ области познанія и въ неразрывной живой связи всѣхъ факторовъ или моментовъ познанія. И она убѣждаетъ насъ въ несостоятельности и неполнотѣ тѣхъ отвлеченныхъ опредѣленій сущаго, къ которымъ приводятъ насъ односторонніе способы его познания. Такія опредѣленія въ одно и то же время исключаютъ другъ друга, вслѣдствіе своей отвлеченности, и предполагаютъ другъ друга—въ силу единства нашего познающаго разума, въ силу конкретной связи нашихъ познавательныхъ способностей. Разсматривая эти опредѣленія, мы переходимъ отъ сущаго, какъ являющагося, къ сущему, какъ предмету мысли, отъ чувственного явленія—къ умопостигаемой идеѣ, чтобы отъ нея перейти къ той сверхчувственной реальности, которая обосновываетъ и явленіе и самую идею, и мысль и дѣйствительность, причемъ и здѣсь отъ отвлеченнаго представленія о ней мы стремимся указать путь къ конкретному ея опредѣленію.

Такая критика способовъ познания не можетъ ограничиваться однимъ отрицательнымъ результатомъ. При ея помощи мы выяснимъ себѣ самыя основанія идеализма. Ибо она изслѣдуетъ, какимъ образомъ сущее относится къ нашему познающему духу. Есть ли это сущее нѣчто абсолютно-внѣшнее, чуждое, «трансцендентное» нашему разуму или же, напротивъ того, нѣчто по существу своему сообразное ему, обусловленное духомъ? Познаемъ ли мы одни наши субъективныя представленія, однѣ тѣни

вешей, какъ учить субъективный идеализмъ, или же въ нашихъ понятіяхъ и представленіяхъ мы познаемъ нѣчто подлинно-сущее? И можемъ ли мы познать абсолютное сущее?

Ученіе о «непознаваемомъ», о «вещи въ себѣ», безусловно внѣшней и чуждой нашему духу, не имѣющей безусловно никакого отношенія къ нашему сознанию и тѣмъ не менѣе признаваемой за основу являющагося міра, — міра, открытаго нашему познанию и дѣйствію, — представилось мнѣ явно несостоятельнымъ. Ибо въ такомъ ученіи познаваемое и непознаваемое, явленіе и «вещь въ себѣ», духъ и внѣшняя ему реальность одною рукой безусловно раздѣляются и противоплагаются отвлеченнымъ образомъ, а другою — связываются между собою необходимою связью, какъ обоснованное съ тѣмъ, что его обосновываетъ: такимъ путемъ всѣ логическія категоріи познаваемаго переносятся на «непознаваемое». Въ самомъ бытіи своемъ, въ самомъ началѣ своего бытія все сущее полагается въ соотношеніи къ нашему духу. Если законъ универсальной соотнесенности сущаго есть основная истина всего нашего сознанія, нашей мысли, опыта, вѣры, какъ я это доказывалъ въ моихъ статьяхъ, то нѣтъ ничего трансцендентнаго, нѣтъ ничего безотносительнаго къ нашему духу. И если наша воля, наша мысль, наше чувство имѣютъ существенное отношеніе къ реальному бытію, которое мы отъ себя отличаемъ, то самое это отношеніе обосновывается высшимъ внутреннимъ единствомъ. Въ самомъ отношеніи нашего ограниченнаго духа къ той совокупности сущаго, которую онъ отъ себя отличаетъ, сказывается его имманентная связь, его идеальное единство съ нею. И потому во всякомъ актѣ познанія или воспріятія, во всякомъ отношеніи нашего разума къ сущему заключается непреложное свидѣтельство въ пользу идеализма, признающаго такое единство, стоящее выше кажущагося раздѣленія нашего разумнаго духа съ сущей дѣйствительностью. Но недостаточно отвлеченно признавать его, — нужно его раскрыть, въ чемъ и состоитъ его доказательство; нужно показать, какъ оно должно быть понято, какимъ образомъ оно представляется внутреннимъ требованіемъ и предположеніемъ нашего знанія.

Въ своемъ разсужденіи я пытался доказать, что конкретный идеализмъ составляетъ истину опыта, умозрѣнія и вѣры, и что тѣ ученія, которыя одностороннимъ образомъ принимаютъ исключительно тотъ или другой изъ этихъ факторовъ познанія,

искажаютъ эту истину. Я доказывалъ это пространно и въ цѣломъ моего разсужденія и въ его частяхъ. Б. Н. Чичеринъ упрекаетъ меня въ неясности и неточности изложенія. Разъ такое обвиненіе высказано столь авторитетнымъ критикомъ, отличающимся такою замѣчательною ясностью въ изложеніи собственныхъ мыслей,—приходится съ нимъ согласиться безъ спора. До какой степени изложеніе мое несовершенно, вижу я уже изъ того, до какой степени мой критикъ часто меня не понимаетъ. И потому я буду защищать не мое изложеніе, а только мои мысли. Прежде всего постараюсь уяснить ихъ. Критика Б. Н. Чичерина есть критика отдѣльныхъ частей моего разсужденія. Итакъ, я перехожу къ отдѣльнымъ частямъ.

II.

«Міръ есть явленіе». Это общепризнанное положеніе философіи служитъ точкой отправленія идеализма. «Наивный» или безотчетный реализмъ, свойственный чувственному сознанію до зарожденія философіи и науки, принимаетъ являющийся міръ за нѣчто безусловно-реальное. Но постепенно опытъ и размышленіе убѣждаютъ мыслящее человѣчество въ томъ, что окружающіе насъ предметы такой реальностью не обладаютъ, что она принадлежитъ чему-то другому, постигаемому умомъ, а не чувственной дѣйствительности, которую мы воспринимаемъ. И мало-по-малу то, что кажется или является (τὸ φαίνμενον), противопоставляется тому, что истинно есть (τὸ ὄντως ὄν), которое въ отличіе отъ чувственной видимости опредѣляется какъ нѣчто мыслимое, уопостигаемое (τὸ νοούμενον). Сначала граница между являющимся и уопостигаемымъ проводится безъ достаточной опредѣленности, но вскорѣ, напротивъ того, она дѣлается абсолютной, разрывая на-двое все сущее. Философія стремится познать истинное, идеальное сущее,—«вещь въ себѣ»; міръ явленій представляется призракомъ, тѣнью въ глазахъ древнихъ идеалистовъ. Но если задача философіи, задача всего человѣческаго знанія состоитъ прежде всего въ объясненіи міра, то какъ объяснить міръ явленій изъ уопостигаемой дѣйствительности, отъ него отличной?

Наука открываетъ объективные всеобщіе законы явленій. Являющаяся дѣйствительность, которую она изучаетъ, становится все болѣе и болѣе извѣстной: все наше реальное знаніе есть по

преимуществу познаніе явленій, т.-е. познаніе природы, между тѣмъ какъ область метафизики остается проблематичной. Отсюда послѣ многовѣковаго развитія отвлеченной умозрительной философіи естественно возникла реакція: послѣ первыхъ великихъ успѣховъ новаго естествознанія, расширившихъ сферу явленій, зародилась мысль, что опытное познаніе явленій есть единственное, доступное человѣку. Естествознаніе, давшее первый толчокъ этой мысли, послужило и дальнѣйшему ея развитію. Оно научило насъ тому, что явленія не призраки, что они связаны цѣпью универсальной причинности; оно научило насъ за предѣломъ тѣхъ явленій, которыя намъ извѣстны, искать не вещей въ себѣ, а другія явленія, связанные съ ними; оно дало намъ какъ бы новые органы чувствъ и открыло намъ безконечность явленія; оно показало намъ, что сфера явленій не ограничена тою твердью, которая замыкала ихъ собою въ глазахъ древнихъ, и что она не имѣетъ своего центра на землѣ: эта сфера безконечна, какъ само пространство и какъ само время, въ которыхъ міръ явленій совершаетъ свою эволюцію.

Но какъ же можетъ чувственное явленіе имѣть какую-либо дѣйствительность безъ той чувственности, которая его обуславливаетъ, т.-е. безъ чувствующаго субъекта? Отсюда—антиномія, присущая научному понятію явленія: явленіе, какъ таковое, обусловлено чувствующимъ субъектомъ, а между тѣмъ мы вынуждены признавать міръ, который намъ является, существующимъ до возникновенія въ немъ какихъ бы то ни было чувствующихъ субъектовъ.

Для науки, впрочемъ, такая антиномія можетъ и не существовать. Она просто признаетъ опытную, эмпирическую реальность явленій, которую она изслѣдуетъ. Научный эмпиризмъ, какъ говоритъ Б. Н. Чичеринъ, признаетъ за предѣломъ доступныхъ намъ явленій «цѣлую громадную область непознаваемаго»; если мы познаемъ только явленія, то онъ принимаетъ, что «за ними скрываются внутреннія причины или сущности, ихъ производящія, которыя остаются внѣ области нашего знанія». «Относительно этихъ, скрывающихся за явленіями сущностей, естествоиспытатели восклицаютъ: *ignoramus et semper ignorabimus*» (188).

Но оставимъ въ сторонѣ метафизическія сущности и причины, самое существованіе которыхъ со времени Локка и Юма представляется совершенно проблематичнымъ съ точки зрѣнія послѣ-

довательнаго эмпиризма. Что многіе эмпирики допускали ихъ существованіе вопреки всякимъ теоріямъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Не станемъ разбирать, насколько они имѣютъ на то логическое право. Но кромѣ такихъ метафизическихъ сущностей, имъ приходится допускать за предѣлами видимыхъ явленій реальное существованіе *цѣлыхъ классовъ явленій: таковы всть тѣла и движенія, недоступныя нашему наблюденію*; сюда относятся не только тончайшія молекулы вещества, но и невидимыя нами небесныя тѣла — весь міръ до возникновенія чувствующихъ организмовъ и помимо ихъ воспріятія. Я не сомнѣваюсь въ существованіи этого міра, хотя признаю его явленіемъ; я только задаюсь вопросомъ: при какихъ условіяхъ мы можемъ допустить его реальность? Очень многіе естествоиспытатели, а съ ними, къ удивленію, и нѣкоторые философы впадаютъ при рѣшеніи этого вопроса въ прежній *наивный реализмъ*, т.-е. попросту приписываютъ явленіямъ упомянутыхъ классовъ абсолютную реальность, принимаютъ *тѣла* за метафизическія *сущности*, а нѣкоторыя изъ чувственныхъ свойствъ этихъ тѣлъ, каковы протяженность, непроницаемость, фигура — признаютъ за «первичныя», т.-е. абсолютныя свойства этихъ тѣлъ (*primary qualities* Локка). Другія свойства, какъ, наприм., зрительныя, признаются субъективными.

Трудно выразить эту точку зрѣнія болѣе ярко, чѣмъ это дѣлаетъ Б. Н. Чичеринъ, полемизируя противъ моего положенія, что «всѣ чувственныя формы не существуютъ сами по себѣ», помимо обусловливающаго или воспринимающаго ихъ субъекта. Вотъ его собственныя слова.

«Относительно красокъ и звуковъ это вѣрно: то, что мнѣ представляется краскою, въ дѣйствительности есть колебаніе эѳира; то, что мнѣ представляется звукомъ, есть колебаніе воздуха. Но если форма воспріятія субъективна, то все же этому соотвѣтствуетъ нѣчто реальное. Относительно же того, что въ точномъ смыслѣ называется формой, а равно и относительно массы, субъективное ощущеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Биллиардный шаръ, который я вижу, есть дѣйствительно шаръ, иначе онъ не катался бы свободно по биллиарду. Сопротивляющаяся масса, которую я осязаю, есть дѣйствительно сопротивляющаяся масса, а не только субъективное мое ощущеніе. Наши внѣшнія чувства потому именно суть *внѣшнія*, что они даютъ намъ ощущеніе того, что находится внѣ насъ» (218—219).

Послѣ вѣковыхъ усилій критической теоріи познанія трудно вести далѣе подобный реализмъ: во всякомъ случаѣ ни одинъ матеріалистъ не вель его далѣе, начиная съ древняго Демокрита, котораго еще Аристотель упрекаетъ въ томъ, что, признавая субъективность всѣхъ чувственныхъ воспріятій, онъ дѣлаетъ исключеніе въ пользу одного осязанія.

Признаться, я, подобно многимъ современнымъ философамъ, совершенно не могу понять осязаемыхъ, матеріальныхъ «вещей въ себѣ»; получивъ первоначальное философское крещеніе отъ классиковъ эмпиризма и отъ Канта, я не вижу, чтобы мы выходили за предѣлы явленій, познаваемыхъ опытомъ, тамъ, гдѣ говорится о билліардныхъ шарахъ, о протяженныхъ и непроницаемыхъ тѣлахъ, или о законахъ механики, физики, химіи, астрономіи. Во всякомъ случаѣ, если область «непознаваемого» наполняется «вещами въ себѣ» подобнаго сорта, то я не вижу, чѣмъ собственно она отличается отъ области познаваемого. Это не умопостигаемый міръ Канта или Платона, а нѣчто вродѣ Америки до открытія Колумба; можно подумать, что онъ обратилъ ее въ явленіе изъ вещи въ себѣ—своимъ посѣщеніемъ. Сообразно такой теоріи міръ вещей въ себѣ относится къ міру явленій, какъ нераскрашенная фигура къ раскрашенной, какъ осязаемое къ видимому. Чтобы воспріять вещь въ себѣ съ должной объективностью, нужно зажмурить глаза и закрыть себѣ ротъ, носъ и уши, предоставивъ дѣйствовать осязанію.

Справедливость требуетъ замѣтить, что философскій эмпиризмъ въ столь крайне реалистическихъ взглядахъ неповиненъ. По мѣрѣ его развитія «тьма надъ бездною» непознаваемого сгущается все болѣе и болѣе. Самъ Локкъ, который признаетъ объективную реальность «первичныхъ свойствъ» тѣлъ, объявляетъ самое понятіе субстанціи чисто-субъективнымъ; Юмъ дѣлаетъ то же самое относительно понятія причинности, углубивъ положенія своихъ предшественниковъ, и, наконецъ, Дж.-С. Милль даетъ чистое выраженіе эмпирическому феноменизму. Такимъ образомъ, не будучи эмпирикомъ и вопреки мнѣнію моего критика, я былъ совершенно правъ, утверждая, что съ точки зрѣнія послѣдовательнаго эмпиризма мы не можемъ ничего предположить внѣ явленія. Вѣдь если мы вмѣстѣ съ Юмомъ и Миллемъ будемъ отрицать объективную реальность субстанціи и дѣйствующей причинности, то что же

останется внѣ слѣдованія явленій? Правда, человѣческій умъ не подчиняется никакимъ ложнымъ одностороннимъ теоріямъ, и какъ я указывалъ, всякая такая теорія сама себя убиваетъ въ своемъ развитіи. Поэтому эмпиризмъ такъ часто двоится между абсолютнымъ скептицизмомъ и простымъ матеріализмомъ: за явленіемъ невольно предполагается то сущее, которое является, причѣмъ нерѣдко такое предположеніе принимаетъ форму грубаго, некритическаго реализма, т.-е. за предѣлами міра явленій, окрашеннаго всѣми чувственными свойствами, предполагается какой-то темный матеріальный остовъ, подкладка явленія, обращеннаго къ намъ лицомъ; это какъ бы обратная сторона явленія, которая, подобно самому явленію, находится во времени и пространствѣ и обладаетъ «первичными свойствами» Локка.

Заслуга Канта состоитъ уже въ томъ, что онъ разъ навсегда отнялъ почву у подобнаго представленія своимъ ученіемъ объ идеальности времени и пространства. Какъ извѣстно, онъ не отрекся отъ понятія «вещи въ себѣ» въ его противоположности явленію. Мало того, только у него эта противоположность сдѣлалась абсолютной; только у Канта вещь въ себѣ рѣшительно перестала быть скрытымъ или неиспытаннымъ явленіемъ, матеріальнымъ скелетомъ явленія. Правда, и его собственное ученіе о вещи въ себѣ исполнено противорѣчій и подлежитъ возраженіямъ: разъ она не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствительности, никакой связи съ нею или съ нашимъ сознаніемъ, ее незачѣмъ признавать, такъ какъ все равно она ничего объяснить не можетъ. Но во всякомъ случаѣ Кантъ далъ новое основаніе всей теоріи явленія, безконечно расширивъ его сферу. Она перестала ограничиваться эмпирическимъ воспріятіемъ отдѣльныхъ чувствующихъ организмовъ и сдѣлалась универсальной и безконечной, какъ само время и пространство: она обнимаетъ въ себѣ не только окраску тѣлъ, но и «первичныя свойства» тѣлъ и самая тѣла; она охватываетъ извѣданныя и неизвѣданныя области, полушаріе нашихъ антиподовъ, точно также какъ и то, въ которомъ мы находимся; она содержитъ въ себѣ то, что было во вселенной до возникновенія въ ней организмовъ и самой солнечной системы.

Какъ показываетъ исторія, въ ученіи Канта заключается переходъ отъ эмпирическаго идеализма къ трансцендентальному, отъ субъективнаго идеализма—къ объективному, универсальному

идеализму. Казалось бы, это учение, бесконечно расширяющее сферу явления, должно всего болѣе привлекать симпатіи естествоиспытателя. Но Б. Н. Чичеринъ, подобно нѣкоторымъ другимъ критикамъ Канта, возстаеъ противъ него, ошибочно видя въ немъ нѣчто противорѣчащее даннымъ естествознанія, какъ будто эти данныя не суть явленія! Точно также какъ Гербертъ Спенсеръ, Б. Н. Чичеринъ ссылается противъ ученія объ идеальности времени и пространства на объективность физическихъ законовъ и на тѣ космическіе процессы, которые совершались до появленія челоуѣка и другихъ организмовъ.

Г. Спенсеръ прямо утверждаетъ, что «если идеалистъ правъ, то все учение о развитіи—пустой бредъ» (Осн. Псих. § 387). Но Г. Спенсеръ находится въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Б. Н. Чичеринъ. Во-первыхъ, онъ и не подозреваетъ о различіи субъективнаго эмпирическаго идеализма отъ «трансцендентальнаго». Во-вторыхъ, онъ не имѣетъ никакого понятія о Кантѣ, что явствуетъ какъ изъ его изумительной критики Кантова ученія, такъ и изъ того обстоятельства, что для справокъ съ подлиннымъ твореніемъ нѣмецкаго мыслителя онъ вынужденъ былъ обратиться къ помощи своего уважаемаго друга, мистера Льюиса (ib. § 399), который, какъ извѣстно, также имѣетъ слабое понятіе о Кантѣ. Наконецъ, въ-третьихъ, Г. Спенсеръ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго реализма совершенно отрицаетъ, чтобы время и пространство были формами воспріятія.

Б. Н. Чичеринъ не имѣетъ ни одного изъ этихъ преимуществъ. Онъ долженъ бы знать различіе субъективнаго идеализма отъ трансцендентальнаго; онъ знаетъ Канта; онъ вмѣстѣ со мною признаетъ «безсмертнымъ открытіемъ» его учение о томъ, что время и пространство суть апіорныя формы нашихъ воспріятій (с. 190). Но вмѣстѣ съ тѣмъ и несмотря на все это, онъ находитъ возможнымъ признавать безусловную реальность времени и пространства въ качествѣ атрибутовъ абсолютнаго сущаго, въ качествѣ формъ вещей въ себѣ.

Эти два положенія представляются мнѣ совершенно несовмѣстимыми. По моему тутъ рѣшительная дилемма: если время и пространство суть формы чувственнаго воспріятія, то они никакъ не могутъ быть безусловно реальными формами сущаго, и наоборотъ. Весь вопросъ сводится къ тому, суть ли они формы вос-

пріятія или нѣтъ? Пересматривая мою статью, я нашелъ, что въ этомъ пунктѣ мою аргументацію, дѣйствительно, можно было бы развить нѣсколько подробнѣе. Но противъ этого положенія мой критикъ не возражаетъ, признавая время и пространство «неотъемлемою принадлежностью воспринимающаго субъекта» (190). Какимъ же образомъ онъ находитъ возможность признавать ихъ также въ качествѣ абсолютныхъ формъ бытія, внѣшняго такому субъекту? Мнѣ кажется, что, признавъ идеальность времени и пространства въ качествѣ формъ воспріятія, мы должны прежде всего отречься отъ представленія о какой-то реальности, абсолютно чуждой и внѣшней нашему духу, о «вещи» или «веществѣ въ себѣ», которое ихъ наполняетъ. Приходится допустить *идеальность* дѣйствительнаго міра въ самой его основѣ, въ самомъ его существѣ или «веществѣ», какъ это и было сдѣлано въ развитіи трансцендентальнаго идеализма. Такимъ образомъ, пространство и время, оставаясь идеальными, могутъ быть тѣмъ не менѣе космическими формами объективнаго сущаго, т.-е. формами являющагося міра, независимо отъ эмпирическихъ воспріятій отдѣльныхъ чувствующихъ существъ, населяющихъ міръ.

Но во всякомъ случаѣ время и пространство не могутъ уже разсматриваться какъ абсолютныя формы вещей въ себѣ, независимо отъ обуславливающаго ихъ субъекта. Еще задолго до Канта греческіе діалектики показали, какія противорѣчія вытекаютъ изъ представленія объ абсолютной реальности вещества, времени и пространства. Б. Н. Чичеринъ утѣшается мыслью, что въ дѣйствительности никакіе паралогизмы Зенона Элейскаго не могли помѣшать Ахиллесу догнать черепаху (193). Но съ точки зрѣнія критицизма это доказываетъ именно то, что въ дѣйствительности время и пространство должны быть поняты какъ формы явленія, а не какъ свойства вещей или формы абсолютнаго сущаго,—предположеніе, отъ котораго Зенонъ отпирался, чтобы привести его къ абсурду. Ссылаясь на явленія, нельзя опровергать философіи, которая утверждаетъ, что міръ есть явленіе, и доказываетъ, что явленіе не обладаетъ признаками абсолютнаго бытія. Еще Пупкинъ весьма хорошо отвѣтилъ на этотъ аргументъ:

Движенія нѣтъ,—сказаль мудрецъ брадатый;

Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.

Сильнѣ бы не могъ онъ возразить;
 Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
 Но, господа, забавный случай сей
 Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
 Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
 Однако жъ правъ упрямый Галилей.

Не забудемъ, что и самъ Кантъ сравнивалъ свое открытіе съ открытіемъ Коперника.

III.

Б. Н. Чичеринъ никакъ не хочетъ допустить различіе между субъективнымъ и трансцендентальнымъ идеализмомъ, между трансцендентальной чувственностью и чувственностью эмпирической: иначе онъ, разумѣется, не сталъ бы ссылаться на астрономическія и геологическія явленія, происходившія до появленія чувствующей организациі. Эти ссылки представляются намъ совершенно не идущими къ дѣлу: разъ время и пространство не зависятъ отъ существованія отдѣльныхъ ограниченныхъ чувствующихъ организмовъ и въ то же время, во всей своей безпредѣльности, признаются формами чувственности, то стало бы мы должны предполагать универсальную чувствующій субъектъ, независимый отъ индивидуальныхъ чувствующихъ организаций.

Здѣсь Борисъ Николаевичъ предлагаетъ мнѣ весьма серьезный вопросъ: что слѣдуетъ понимать подъ субъектомъ времени и пространства? Этотъ вопросъ я умышленно оставилъ безъ отвѣта, который завлекъ бы меня далеко за предѣлы моего отвлеченнаго разсужденія. Можетъ быть это и есть ошибка моего плана, во всякомъ случаѣ это весьма существенное умолчаніе. Мой критикъ въ правѣ спросить меня, какъ зовутъ субъекта трансцендентальной чувственности, о которомъ я говорю. Но такой вопросъ заключаетъ въ себѣ проблему, а не возраженіе. Б. Н. справедливо замѣчаетъ, что «ограниченное, единичное существо такой способности (т.-е. всеобъемлющей, универсальной чувственности) имѣть не можетъ, именно потому что оно ограничено; приписать же физическіе органы и чувственныя способности міровому субъекту, то-есть (?) Божеству, было бы совершенно нелѣпо». Отсюда слѣдуетъ лишь то, что не только ограниченное существо, но даже самое Божество не можетъ быть субъектомъ пространства и времени. Послѣднему признанію мы особенно рады, такъ

какъ усматриваемъ въ немъ отреченіе нашего уважаемаго философа отъ того дѣйствительно нѣсколько страннаго взгляда, который онъ развивалъ на страницахъ «Вопросовъ философіи» (въ I (26) кн. 1895 года), въ статьѣ о пространствѣ и времени, гдѣ онъ доказывалъ, что первое есть атрибутъ абсолютнаго Разума, а второе—атрибутъ абсолютнаго Духа. Такое воззрѣніе возбуждало наше недоумѣніе: если мыслители всѣхъ временъ приписывали Божеству сверхвременную вѣчность, то какимъ образомъ дѣлать атрибутъ абсолютнаго Существа изъ того, что вѣчно проходить,—изъ времени, которое въ своемъ непрестанномъ теченіи осуществляетъ непрестанный переходъ между бытіемъ и небытіемъ, свойственный преходящему существованію? Какимъ образомъ возможно обратить безплотную мысль, абсолютный Разумъ въ «вещь протяженную»? Не есть ли это—«преходящая вѣчность» и «протяженная непротяженность», т.-е. явное *contradictio in adjecto*, какъ послѣднее слово крайняго реализма?

Если мы вѣрно поняли нашего критика, теперь онъ не поддерживаетъ болѣе этой теоріи. Мы также ея не защищаемъ. Къ тому же, не становясь на точку зрѣнія пантеизма, я не считаю Божество — «міровымъ субъектомъ». Но если субъектомъ трансцендентальной чувственности не является ни ограниченное чувствующее существо, ни вѣчный Духъ или безплотный Разумъ, то это еще не значить, чтобы такого субъекта не было вовсе. Надо прежде всего рѣшить, есть ли вселенная простой механизмъ, въ которомъ случайно образовались отдѣльные организмы, или она есть живое, одушевленное цѣлое? Есть много аргументовъ въ пользу того и другого предположенія. Я раздѣляю послѣднее, т.-е. признаю міръ одушевленнымъ. И однимъ изъ рѣшительныхъ доказательствъ въ пользу такого предположенія представляется мнѣ открытіе Канта относительно природы времени и пространства, ибо это открытіе, сдѣланное помимо всякихъ космологическихъ или натурфилософскихъ гипотезъ, доказываетъ существованіе универсальной, мірообъемлющей *чувственности*. Если субъектомъ такой чувственности не можетъ быть ни ограниченное индивидуальное существо, ни Существо абсолютное, то остается допустить, что ея субъектомъ можетъ быть только такое психофизическое существо, которое столь же универсально, какъ пространство и вре-

мя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно времени и пространству, не обладаетъ признаками абсолютнаго бытія: это — *космическое Существо* или міръ въ своей психической основѣ, — то, что Платонъ называлъ *Мировою Душою*.

Борисъ Николаевичъ, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе другіе, вѣроятно, признаютъ такую мысль чистой фантазіей. Поэтому-то мнѣ и не хотѣлось о ней распространяться: мнѣ казалось достаточнымъ для моихъ цѣлей — констатировать открытіе Канта, изъ котораго слѣдуетъ, что существуетъ трансцендентальная чувственность, отличная отъ индивидуальной, эмпирической чувственности и не сводимая къ ней; а отсюда уже логически вытекаетъ, что существуетъ и субъектъ такой чувственности, — субъектъ времени и пространства. Я не могу признать фантазіей такой выводъ. Наука учитъ насъ тому, что область явленія безпредѣльна во времени и пространствѣ; она показываетъ намъ, что есть безконечная сфера явленій, которая мы можемъ только предполагать, которая при несовершенствѣ нашихъ чувствъ мы не можемъ наблюдать непосредственно; она убѣждаетъ насъ въ безпредѣльности тѣлеснаго міра и въ безконечной организаци — безконечно-сложномъ строеніи вещества. И вмѣстѣ съ тѣмъ уже элементарная философская рефлексія показываетъ намъ, что всякое чувственное явленіе обусловлено чувственностью; развиваясь, эта рефлексія съ такою же несомнѣнностью доказываетъ намъ, что тѣла суть явленія, и что «первичныя свойства» ихъ суть такія же чувственные свойства, какъ и «вторичныя»; наконецъ, на высшей ступени своего развитія философская рефлексія убѣждаетъ насъ въ идеальности времени и пространства, т.-е. показываетъ намъ, что, какъ формы явленія или чувственнаго бытія, они суть формы чувственности и постольку, по выраженію моего критика, «составляютъ неотъемлемую принадлежность воспринимающаго субъекта». Какъ же согласовать результаты науки и философской мысли въ одной теоріи явленія? Какимъ образомъ понять реальность явленій, реальность тѣлъ, реальность времени и пространства, какъ нѣчто независимое отъ нашего субъективнаго воспріятія, нашей ничтожной чувствующей организаци? Нужно признать универсальный субъектъ являющагося, чувственнаго міра, обосновывающій дѣятельность всѣхъ частныхъ чувствующихъ центровъ, — нужно признать трансцендентальную чувственность. Иначе остается вер-

нуться вспять къ грубо-реалистической вѣрѣ, которая признаетъ реальность чувственныхъ тѣлъ и чувственныхъ формъ независимо отъ какой бы то ни было чувственности. Но подобный реализмъ, противорѣчащій философской рефлексіи, даетъ наукѣ не больше, а меньше, чѣмъ трансцендентальный идеализмъ; онъ предлагаетъ ей взамѣнъ явленій «вещи въ себѣ», съ которыми ей нечего дѣлать, тогда какъ идеалистическая философія не только оставляетъ ей явленія, но ручается ей въ ихъ космической, всемірной дѣйствительности, въ реальности явленія, какъ такого. Она одна даетъ такую теорію явленія, которая безъ внутренняго противорѣчія можетъ признать феноменальный характеръ бесконечно-малыхъ молекулъ вещества и бесконечно-отдаленныхъ небесныхъ тѣлъ, которыя всѣ обнимаются чувственностью одного трансцендентальнаго космическаго субъекта. А слѣдовательно она одна даетъ *философское* оправданіе усилію науки распространять приложеніе *законовъ явленій* на всю необъятную область мірозданія, недоступную нашимъ чувствамъ.

Такимъ образомъ, мой критикъ видитъ, что я поднимаю вопросъ не о дѣйствительности внѣшняго міра, а только объ условіяхъ этой дѣйствительности. Истины естествознанія, на которыя онъ ссылается, очевидно не имѣютъ никакого отношенія къ нашему спору. Мы споримъ о томъ, есть ли матерія явленіе или вещь въ себѣ, а не о томъ, каково ея физическое строеніе; мы споримъ о томъ, можно ли приписывать формамъ или элементамъ матеріи абсолютную субстанціальность, какъ того требуетъ матеріалистическій реализмъ, а не о томъ, признавать ли намъ атомистическую теорію въ химіи. Науки этотъ споръ не касаются. Она не экспериментируетъ съ вещами въ себѣ, и если она знаетъ что-нибудь объ атомахъ, то это не въ качествѣ «вещей въ себѣ», а въ качествѣ элементовъ матеріи, которая извѣстна ей лишь какъ явленіе.

Міръ есть явленіе, матерія есть явленіе. И если такое явленіе познается нами, какъ независимое отъ нашего индивидуальнаго субъекта, то философія, нисколько не нарушая правъ науки, можетъ спрашивать, какимъ же субъектомъ обусловлено это универсальное явленіе?

Гипотеза Міровой Души, какъ извѣстно, существовала задолго до Канта, и самъ Кантъ не только не думалъ о ней при созданіи «Критики чистаго разума», но, по всей вѣроятности, отнесся бы

къ ней отрицательно, такъ какъ путь его философскаго мышленія велъ его въ совершенно иномъ направленіи. Я полагалъ, что такая гипотеза сама по себѣ заслуживаетъ, по своей важности, самаго тщательнаго разсмотрѣнія, которое не входило въ рамки моей задачи, и безъ того весьма сложной. Поэтому я и предпочелъ обойти ее молчаніемъ вмѣсто того, чтобы упоминать мимоходомъ о столь важной идеѣ и вызывать недоразумѣнія замѣчаніями, брошенными вскользь. Если я говорю о ней теперь, то это вина моего критика. Но во всякомъ случаѣ я настаиваю на томъ, что идеалистическое ученіе о времени и пространствѣ основывается не на предвзятомъ представленіи о существованіи Мировой Души, а наоборотъ—это ученіе идеализма даетъ намъ новыя основанія въ пользу такого представленія *).

IV.

Опредѣленіе сущаго, какъ являющагося, оказывается недостаточнымъ и неполнымъ. Явленіе есть отношеніе объекта къ субъекту; явленіе предполагаетъ то, что является, и субъектъ, которому оно является. И мы не можемъ познать или понять явленія, безъ того, чтобы не *мыслить то, что* является въ его необходимыхъ отношеніяхъ. Поэтому, признавши явленіе обусловленнымъ въ его цѣломъ, мы никакъ не можемъ ограничиться опредѣленіемъ сущаго въ его явленіи и переходимъ ко второму опредѣленію сущаго, какъ *мыслимаго*, или, что то же, какъ *идеи*. Это—формальное опредѣленіе всѣхъ опредѣлений сущаго, самое общее и отвлеченное изъ всѣхъ. Оно обнимаетъ всѣхъ ихъ, ибо всѣ общія опредѣленія суть идеи.

Во второй моей статьѣ, посвященной критикѣ этого опредѣленія, я стремился выяснить его значеніе, его всеобщую необходимость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его отвлеченность, которая дѣлаетъ его недостаточнымъ.

Изъ чисто-мысленнаго отношенія нашего разума къ сущему, т.-е. изъ нашей рефлексіи о сущемъ, или изъ понятія, являю-

*) Первое философское обоснованіе этой гипотезы мы находимъ у Платона и платониковъ. Она встрѣчается у мыслителей эпохи Возрожденія, въ новой философіи къ ней приходитъ Шеллингъ, а у насъ читатели „Вопр. Филос.“ встрѣчали ее въ статьяхъ Вл. С. Соловьева, хотя онъ еще не развилъ ея систематически.

щагося результатомъ такой рефлексіи, вытекають всѣ тѣ логическія категоріи, въ которыхъ мы понимаемъ сущее. Имѣють ли эти категоріи лишь субъективно-логическую необходимость для нашего разсудка, или же онѣ имѣють всеобщую и безусловную необходимость для всего сущаго? Б. Н. Чичеринъ совершенно основательно ссылается на результаты отвлеченнаго умозрѣнія и опытнаго познанія природы. Какъ бы далеко ни простиралось наше познаніе явленій, мы не можемъ мыслить ихъ иначе, какъ въ нашихъ логическихъ категоріяхъ: въ непредѣльномъ времени и пространствѣ явленія связаны между собою безусловной необходимостью причиннаго слѣдованія и подчиняются математическимъ законамъ. Во всей области познаваемаго, по справедливому выраженію моего уважаемаго критика, «законы логики суть законы чистой необходимости», или «законы человѣческаго разума суть вмѣстѣ законы внѣшняго міра». Еслибы наше понятіе объ этой необходимости было иллюзіей, «мы не могли бы ни познавать видимый объективный міръ, ни дѣйствовать въ немъ»; мы не могли бы «на основаніи чисто-логическихъ вычисленій предсказывать солнечныя затмѣнія и находить никому невидимыя планеты». Итакъ, область логики столь же универсальна, какъ вселенная. Но этого мало: она обладаетъ универсальностью еще высшаго порядка, ибо и отвлеченно отъ данныхъ чувственнаго опыта, напримѣръ, въ абстракціяхъ высшей математики, логическая мысль является намъ со всѣми признаками своей безусловной и всеобщей необходимости: самая способность отвлеченія указываетъ намъ, что мысль не связана временемъ и пространствомъ, не связана чувственностью, ибо иначе она не могла бы, возвышаясь надъ нею, познавать явленія путемъ логическаго анализа и синтеза ихъ воспріятій. Независимо отъ какихъ бы то ни было психологическихъ теорій относительно происхожденія познанія, логическая идея сущаго, логическая мысль, представляется намъ универсальной сама по себѣ во всѣхъ своихъ категоріяхъ; мы не можемъ мыслить ее иначе, какъ универсальной: иначе, она перестала бы быть логической въ нашихъ собственныхъ глазахъ.

Но вѣрна ли эта идея, то-есть обладаетъ ли она, а съ нею вмѣстѣ и нашъ чистый разумъ абсолютной достовѣрностью? Это, очевидно, далеко не праздный вопросъ. И если мы даже напередъ увѣрены въ утвердительномъ отвѣтѣ, мы не можемъ укло-

ниться отъ изслѣдованія заключающейся въ немъ проблемы познанія, съ рѣшеніемъ которой связано все построеніе метафизики.

Прежде всего надо понять самый смыслъ вопроса: если сущее вполне исчерпывается своей логической идеей, если оно абсолютно тождественно съ нею и покрывается ею, то, разумѣется, вопросъ рѣшается самъ собою: логическая идея сущаго есть, въ такомъ случаѣ, какъ бы абсолютная форма его, которая ничѣмъ не отличается отъ его существа и потому сама въ себѣ имѣетъ основаніе своей безусловной достовѣрности. Поэтому прежде всего слѣдуетъ рассмотреть, довлѣетъ ли себѣ логическая идея сущаго и покрываетъ ли, исчерпываетъ ли она собою полноту этого сущаго? Я думаю—нѣтъ. И потому, какъ я старался показать, мы превращаемъ такую идею въ ложную отвлеченность, когда утверждаемъ ее какъ самодовлѣющую: такая отвлеченность противорѣчитъ и нашему опытному познанію дѣйствительности, и самымъ основнымъ предположеніямъ нашего мышленія, которое предполагаетъ, во-первыхъ, мыслящій разумъ, а во-вторыхъ—нѣчто такое, о чемъ онъ мыслить.

V.

Вторая часть моего разсужденія вызываетъ наибольшее количество возраженій со стороны моего критика. Если въ первой части онъ напалъ на меня во имя реализма, то здѣсь онъ становится на сторону рационализма, хотя готовъ допустить вмѣстѣ со мною, что «идея не покрываетъ сущаго». Я невѣрно понимаю Гегеля, я невѣрно критикую Гегеля, я самъ становлюсь на точку зрѣнія Гегеля, въ явномъ противорѣчій съ собственными положеніями, и въ то же время принимаю точку зрѣнія противниковъ Гегеля, не считаясь съ извѣстными мнѣ возраженіями противъ нихъ, выставленныхъ ранѣе моимъ критикомъ. Постараюсь быть возможно болѣе краткимъ. Читатель видитъ, какъ трудно заразъ отвѣчать на столько обвиненій. Притомъ это только главнѣйшія изъ нихъ, которыми я и ограничусь.

Я невѣрно понимаю Гегеля, потому что признаю его идею сущаго или «абсолютную идею» - абстрактнымъ понятіемъ, гипостазированной отвлеченностью, между тѣмъ какъ у самого Гегеля можно найти протестъ противъ подобнаго обвиненія, такъ какъ въ своей «Идеѣ» онъ признаетъ синтезъ «субъективнаго (отвлеченнаго) понятія» съ «объективнымъ» (198). Но разъ Ге-

гель не признаетъ сущаго внѣ понятія и абсолютно отождествляетъ бытіе съ понятіемъ, то какъ же могъ бы онъ допустить, что такое понятіе, или, если угодно, такая «идея»—есть лишь субъективная отвлеченность? Протестъ Гегеля вовсе для насъ не обязательнъ. Если мы находимъ, что сущее въ своей полнотѣ не покрывается никакою идеей, *что оно въ самомъ тождествѣ съ нею отлично отъ нея*, то мы должны признать ложною отвлеченностью то ученіе, которое принимаетъ идею сущаго за самое абсолютное сущее.

Б. Н. Чичеринъ признаетъ вмѣстѣ со мною, что «кромѣ мыслимаго бытія есть чувственное, отличающееся отъ перваго своею конкретною индивидуальностью». Онъ вполне готовъ допустить, что «реальное существо есть нѣчто большее, чѣмъ простая мыслимая возможность, и настолько оно не покрывается никакимъ понятіемъ, точно также какъ оно не исчерпывается никакимъ представленіемъ» (148). Какимъ же образомъ, думаетъ Б. Н. Чичеринъ, оправдать ученіе, признающее реальный міръ развитіемъ идеи (т. - е. мыслимаго сущаго) и строящее его діалектическимъ путемъ? Онъ предлагаетъ допустить поправку къ философіи Гегеля и признать, что матеріальный міръ не есть *моментъ* въ развитіи идеи, а самостоятельный *элементъ* мірового бытія (200). Но я хотѣлъ бы знать, что останется отъ основной, завѣтной мысли Гегеля при такой «поправкѣ», которая, подобно евангельской заплатѣ изъ небѣленой ткани, раздеретъ все его чисто-діалектическое построеніе? Не является ли такой самостоятельный матеріальный элементъ слишкомъ тяжелымъ тѣломъ для діалектической паутины Гегеля? Правда, Б. Н. Чичеринъ указываетъ, что самостоятельно-существующая матерія служитъ *материаломъ* для осуществленія идеи (201). По его мнѣнію, въ самой логикѣ Гегеля указывается необходимость такого «материала», ибо если идея опредѣляется какъ «жизнь», то «въ развитіи категоріи понятія опредѣленію жизни предшествуютъ опредѣленія механизма и химизма, которыя понимаются какъ выраженія объективнаго понятія». Отсюда Б. Н. дѣлаетъ тотъ выводъ, «что если они предшествуютъ логически, то они должны предшествовать и реально (?). Стало-быть, осуществленіе идеи въ видѣ жизни предполагаетъ реальное существованіе механическихъ и химическихъ силъ, которыя служатъ ей матеріаломъ въ видѣ жизни» (ibid.).

Но если «механизмъ», «химизмъ», «организмъ» суть дѣйствительно чисто-логическія опредѣленія, которыя получаютъ посредствомъ развитія «категоріи понятія», то я рѣшительно не вижу надобности признавать природу въ качествѣ самостоятельнаго «элемента»; она остается *моментомъ* въ развитіи «мыслимаго сущаго», который полагается самою «идеей». А если допустить, что природа есть самостоятельный «элементъ», начало, которое *предполагается* нашими понятіями, а не *полагается* ими, если допустить, что «кромѣ отвлеченныхъ понятій... существуютъ единичныя конкретныя существа и вещи, которыя составляютъ предметъ чувственного воспріятія, но не могутъ быть выведены логически» (198),—то всякую попытку построения природы изъ чистыхъ понятій придется признать діалектическимъ фокусничествомъ: вывода апіорнымъ путемъ изъ «категоріи понятія» опредѣленія химизма, механизма или организма, которыхъ въ ней содержаться не можетъ, діалектикѣ дѣлаетъ именно такой же фокусъ, какой дѣлаютъ профессора натуральной магіи, вынимающіе ленты и платки изъ пустой шляпы. Мой критикъ строго замѣчаетъ мнѣ, что разумъ не шляпа (211); но я говорю не о разумѣ, а о софистическомъ злоупотребленіи діалектикой, которое осуждается разумомъ *).

Если сущее есть абсолютная идея, то надо признать вмѣстѣ съ Гегелемъ, что эта идея (какъ абсолютное бытіе) полагаетъ природу (какъ бытіе относительное): въ такомъ случаѣ природу и слѣдуетъ вмѣстѣ съ Гегелемъ дедуцировать изъ идеи. Если же мы признаемъ вмѣстѣ съ Б. Н. Чичеринымъ, что являющийся міръ хотя и служитъ воплощенію Идеи, но заключаетъ въ себѣ

* Возьмемъ изъ сотни примѣровъ одинъ на удачу—§ 195 „Энциклопедіи“, гдѣ Гегель дедуцируетъ „Механизмъ“ изъ категоріи объекта: „Объектъ въ своей непосредственности есть понятіе лишь о *себѣ*, имѣеть сначала понятіе *внѣ себя*, и всякая опредѣленность существуетъ въ немъ, лишь поскольку она полагается извнѣ (т. е. онъ опредѣляется извнѣ). Какъ единство различающагося, объектъ есть поэтому нѣчто составное: онъ есть агрегатъ, и его дѣйствіе на другое остается внѣшнимъ отношеніемъ,—*формальнымъ механизмомъ*. Объекты остаются въ такомъ отношеніи и такой зависимости одинаково самостоятельными, оказывающими *сопротивленіе* и внѣшними другъ другу“.—Уже тутъ для всякаго ума, привыкшаго къ логическому анализу, очевидна систематическая подстановка конкретныхъ представленій и понятій механики подъ абстрактныя категоріи логики, благодаря чему получается вся видимость дедукціи, которой въ сущности нѣтъ и быть не можетъ. См. особенно слѣдующіе §§.

самостоятельный элемент, который не *полагается* Идеей, но *предполагается* ею (какъ матеріаль);—то мы должны кореннымъ образомъ измѣнить точку зрѣнія Гегеля: Идея уже не является намъ абсолютнымъ бытіемъ, изъ котораго выводится бытіе относительное. Разъ она предполагаетъ элементъ отличный отъ себя,—элементъ, который не сводится къ моменту ея развитія и не выводится изъ нея логически,—надо показать, какимъ образомъ она относится къ этому элементу. Надо признать сверхъ-относительное, абсолютное начало, обосновывающее такое отношеніе, т.-е. такое начало, которое стоитъ выше явленія и выше идеи и обосновываетъ и то и другое.

Отсюда два существенныхъ вывода: во-первыхъ, идея не покрываетъ собою не только относительнаго, являющагося бытія, но и бытія абсолютнаго, сверхъотносительнаго; а во-вторыхъ, самая логическая идея *предполагаетъ* абсолютное сущее, которымъ они обосновываются. Оба эти вывода отвергаются моимъ критикомъ; оба представляются мнѣ совершенно неизбежными. Второй изъ нихъ имѣетъ существенное значеніе для всей теоріи познанія, для философіи логики. Представленіе о «безосновной и безотносительной мысли» — *das reine voraussetzungslose Denken*—оказывается ложной отвлеченностью, которая противорѣчитъ дѣйствительности и сама разлагается во внутреннихъ противорѣчійхъ. Это я и хотѣлъ доказать въ моей критикѣ Гегеля, выясняя внутреннее трансцендентальное предположеніе логической мысли, какъ таковой. Нашъ разумъ непосредственно *предполагаетъ* сущее, и его дѣятельность представляется нелогичной, если мы отрицаемъ это ея внутреннее, трансцендентальное предположеніе.

VI.

Б. Н. Чичеринъ относится безусловно отрицательно къ моей критикѣ чистаго рационализма.

Я утверждаю, что наши понятія вдвойнѣ относительны, будучи обусловлены какъ тѣмъ разумомъ, которой ихъ мыслить, такъ и тѣмъ подлежащимъ, къ которому они относятся. Этой относительностью понятій обусловливается значеніе понятій и самая ихъ логическая связь между собою, напримѣръ, связь родовыхъ понятій съ видовыми понятіями. Поэтому, если мы принимаемъ понятія за нѣчто безотносительное, утверждаемъ ихъ отвлеченно, мы

неизбѣжно вовлекаемся въ сѣть противорѣчій какъ съ логикой, такъ и съ дѣйствительностью, на что указалъ еще Аристотель. Понятія могутъ сказываться о вещахъ, поскольку мы мыслимъ въ такихъ понятіяхъ общія свойства и отношенія сушаго; но мы не должны «гипостазировать предикаты», т.-е. превращать сказуемыя въ подлежащія; и если мы дѣлаемъ это условно, рассматривая нѣкоторыя общія свойства или отношенія вещей сами по себѣ, отвлеченно отъ прочихъ, то мы не должны забывать объ условности такой абстракціи и не обращать отвлеченныя понятія въ какія-то абсолютныя идеи или самобытныя сущности, — ошибка, классическій примѣръ коей даетъ намъ Платонъ.

Я не думалъ отрицать логическаго значенія отвлеченныхъ понятій или сомнѣваться въ возможности ихъ логическаго употребленія: напротивъ, я настаивалъ лишь на томъ, что мы должны помнить ихъ логическій смыслъ и ихъ соотношеніе, чтобы не впасть въ софистическую діалектику. Я могу, напримѣръ, безъ всякаго противорѣчія пользоваться отвлеченнымъ понятіемъ «бытія» или понятіемъ «человѣка», и Б. Н. Чичеринъ совершенно напрасно ссылается на алгебру и геометрію, чтобы убѣдить меня въ возможности логическаго примѣненія понятій «величины» и «треугольника». Гдѣ же я это отрицалъ? Но изъ того, что я долженъ логически связывать мои понятія, еще не слѣдуетъ, чтобы я не могъ дѣлать изъ нихъ употребленія, противнаго логикѣ. Такъ, напримѣръ, въ родовыхъ понятіяхъ мы можемъ мыслить вполне объективно нѣкоторые опредѣленные признаки, общіе многимъ видамъ. Но если мы вмѣстѣ съ Платономъ признаемъ родовыя и видовыя идеи за нѣчто безотносительное, сущее о себѣ, мы не только выйдемъ за предѣлы логическаго употребленія понятій, забывая объ ихъ относительности, но вступимъ въ противорѣчіе какъ съ логикой, такъ и съ дѣйствительностью. Противорѣчіе съ дѣйствительностью состоитъ въ томъ, что общія идеи противопоставляются индивидуальнымъ вещамъ, не покрывая собою ихъ содержанія и постольку исключая его въ своей отвлеченности; противорѣчіе съ логикой состоитъ въ томъ, что родовыя понятія, утверждаемыя безотносительно, исключаютъ логическое отношеніе къ видовымъ понятіямъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ рода безъ видовъ. Съ точки зрѣнія чисто-логической, нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что ро-

довья понятія, будучи лишь обобщеніемъ опредѣленныхъ свойствъ, присущихъ совокупности данныхъ видовъ, не заключаютъ въ себѣ спеціальнаго содержанія этихъ видовъ или конкретныхъ особенностей индивидуальныхъ предметовъ: «человѣкъ», какъ понятіе, не есть никакой дѣйствительный человѣкъ, «треугольникъ», какъ общее понятіе, не есть ни прямоугольный, ни косогольный и т. д. Но если мы гипостазирuemъ эти понятія и приемъ ихъ за абсолютныя самодовлѣющія идеи безъ отношенія къ другимъ понятіямъ, мы невольно разорвемъ ихъ логическую связь, соединяющую общія понятія, съ частными.

Самъ Гегель протестуетъ противъ гипостазирования, отвлеченнаго обособленія отдѣльныхъ понятій, отдѣльныхъ опредѣленій сущаго. Онъ показываетъ, какимъ образомъ всякое такое отвлеченное опредѣленіе, принимаемое безотносительно, разлагается во внутреннихъ противорѣчіяхъ. Онъ справедливо видитъ ошибку всѣхъ философскихъ системъ въ такихъ отвлеченныхъ, одностороннихъ опредѣленіяхъ сущаго, гдѣ отдѣльныя его формы, отдѣльные его аспекты принимаются за самое абсолютное. Но это не помѣшало Гегелю сдѣлать ту же ошибку: онъ гипостазировалъ не отдѣльныя понятія, а понятіе какъ таковое, которое онъ назвалъ идеей. Онъ гипостазировалъ логику, которую онъ смѣшалъ съ онтологіей или метафизикой. Результатомъ явилось противорѣчіе съ дѣйствительностью и съ самою логикой, которая замѣнилась діалектикой, пытавшейся вывести конкретное содержаніе понятій изъ самыхъ понятій. Б. Н. Чичеринъ утверждаетъ, что въ своей «Религіи и Наукѣ» онъ опровергнулъ критику Гегелевой діалектики, данную Тренделенбургомъ; но если даже допустить, что онъ опровергнулъ собственную логическую теорію этого философа, онъ не коснулся его чисто-логическаго анализа всѣхъ отдѣльныхъ софизмовъ, изъ которыхъ построена діалектика Гегеля. Этому анализа опровергнуть нельзя; его можно развѣ лишь пополнить, ибо, безъ всякаго Тренделенбурга, мы можемъ быть убѣждены а priori, что вывести полноту конкретныхъ опредѣленій сущаго изъ его наиболѣе отвлеченныхъ опредѣленій можно лишь путемъ систематической софистики, т. е. путемъ привнесенія конкретныхъ понятій и ихъ подстановки вмѣсто опредѣленій болѣе отвлеченныхъ. Какъ изъ понятія «треугольника» нельзя вывести понятія прямоугольнаго треугольника и всѣхъ теоремъ, къ нему относящихся, какъ изъ понятія «че-

ловѣка» нельзя вывести особенностей той или другой человѣческой расы, или вообще изъ родового понятія нельзя вывести видовъ (не говоря уже объ индивидахъ), такъ и изъ общаго опредѣленія сущаго, какъ «идеи», нельзя вывести многообразныхъ видовъ или формъ бытія. Объемъ понятій обратно пропорціоналенъ ихъ содержанію; это содержаніе можетъ *предполагаться* въ отвлеченныхъ понятіяхъ, какъ, напримѣръ люди предполагаются въ понятіи «человѣка», но оно отнюдь не *полагается* понятіями, какъ это выходитъ у Гегеля.

Но, отрицая такимъ образомъ возможность діалектики чисто рacionales, отрицая возможность безосновной, безотносительной мысли, полагающей отъ себя всѣ опредѣленія сущаго, я допускалъ тѣмъ не менѣе, что всеобщія опредѣленія его, составляющія общее содержаніе нашего мышленія, всеобщія категоріи, составляющія способы нашего пониманія сущаго,—могутъ быть выведены нами а priori изъ основного отношенія мысли къ ея предполагаемому подлежащему, къ ея предмету. Оно и не можетъ быть иначе, поскольку въ отдѣльныхъ, наиболѣе общихъ понятіяхъ или способахъ нашего пониманія сказываются отношенія нашего мыслящаго духа. Въ этомъ смыслѣ и я готовъ допустить возможность «racionales дедукціи категорій». Но подобная дедукція доказываетъ не то, чтобы мысль сама отъ себя полагала сущее во всѣхъ его опредѣленіяхъ, а только то, что она во всѣхъ своихъ категоріяхъ относится къ нему, предполагаетъ его, обосновывается имъ.

Здѣсь заключается новая проблема, или, точнѣе, новая постановка проблемы познанія: въ чемъ состоитъ отношеніе мысли къ сущему, какъ и чѣмъ оно обосновывается?

Б. Н. Чичеринъ, разбирая мое положеніе, что «логическая мысль есть мысль обоснованная», упрекаетъ меня въ томъ, что я не различаю между реальнымъ и логическимъ основаніемъ. Всякій правильный выводъ имѣетъ логическое основаніе въ своихъ посылкахъ, всякая самоочевидная математическая истина имѣетъ логическое основаніе въ законахъ разума; по мнѣнію моего критика, мысль можетъ въ цѣломъ рядѣ своихъ операций довольствоваться однимъ логическимъ основаніемъ, прибѣгая къ реальному основанію лишь въ сферѣ чисто-эмпирической, гдѣ дѣло касается фактовъ опыта. Но какъ мыслить отношеніе логическаго къ реальному?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Для Гегеля вопрос рѣшался просто: чистый Логосъ или абсолютная логическая Идея полагаетъ все сущее, полагаетъ все реальное, и потому съ такой точки зрѣнія, собственно, нельзя говорить ни о какомъ реальномъ основаніи мысли, отличномъ отъ логическаго; съ точки зрѣнія Гегеля самое чувственное бытіе есть моментъ въ развитіи идеи, которой она сама и полагаетъ, и «снимаетъ»:

«то, что разумно, то дѣйствительно,
и то, что дѣйствительно, то разумно»*).

Напротивъ того, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ реалистовъ, логическая мысль въ своемъ самостоятельномъ универсальномъ значеніи отрицается вовсе, превращаясь лишь въ психологическій слѣдъ, проторенный въ сознаніи повтореніемъ нѣкоторыхъ реальныхъ событій. Между этой Сциллою и Харибдой мой уважаемый критикъ занимаетъ среднее положеніе: дѣйствительный міръ принимается имъ въ смыслѣ чистѣйшаго реализма, какъ вполнѣ самобытный элементъ бытія, который не «полагается» идеей, мыслью или какимъ-либо субъектомъ, а только «подводится» подъ апіорныя категоріи мысли—въ сущности чисто-внѣшнимъ образомъ, путемъ какой-то механической каталогизаціи. Но если дѣйствительный міръ есть такой «элементъ», который не полагается мыслью, а познается ею, какъ данный, то слѣдуетъ показать *основанія ихъ отношенія*. Если нашъ разумъ познаетъ и логически, и эмпирически положительную дѣйствительность, то слѣдуетъ указать *общее основаніе всякаго познанія, — какъ логическаго, такъ и эмпирическаго*. Это я и попытался сдѣлать, показавъ, что сама логическая мысль является обоснованной своимъ имманентнымъ отношеніемъ къ сущему,—что объясняетъ намъ универсальную приложимость ея категорій, объективность ея способовъ пониманія.

VII.

Мой уважаемый критикъ совершенно отказывается понять смыслъ моего положенія относительно трансцендентальнаго основанія логическаго мышленія. Онъ упрекаетъ меня въ прямомъ противорѣчьи: въ первой статьѣ я указывалъ, что все являющееся, какъ таковое, обусловлено субъектомъ, во второй—что

*) Philos. d. Rechts (S. W. VIII 17) и Encyklop. § 6.

самая мысль обусловлена своимъ имманентнымъ отношеніемъ къ сущему. Признаться, я не вижу тутъ никакого противорѣчія, тѣмъ болѣе, что, ставя себѣ вопросъ относительно внутренней природы абсолютнаго сущаго, я опредѣляю его въ смыслѣ идеализма, т.-е. какъ субъектъ. Б. Н. говоритъ, что, «увлекаясь своимъ желаніемъ найти для мысли реальное основаніе», я признаю сущимъ «единственно то, что противоположно мысли», причемъ ссылается на стр. 236, 237 и 241 моихъ статей (Методы Идеал. 214). Признаться, столь опредѣленная ссылка повергла меня въ немалое смущеніе: какъ могъ я допустить выраженіе подобной мысли! По счастью, на стр. 237 и 241 я такого выраженія не нашель, а на стр. 236 прочиталь какъ разъ обратное: указавъ, что мысль, отвлеченно противопоставляющаяся сущему, обращается въ «расплывающійся призракъ дѣйствительности», я отмѣтилъ «ошибку тѣхъ критиковъ Гегеля, которые, подобно Шеллингу, отвлеченно противопоставляли идеальное и реальное начало,—идею и реальное бытіе: ибо они такъ же ошибочно от-правлялись отъ абстракціи, принимая отвлеченную идею за нѣчто абсолютное и противопоставляя ей трансцендентное «сущее», какъ «вещь въ себѣ», абсолютно ирраціональную, чуждую и внѣшнюю мысли» (Основ. Ид., 236). Въ заключеніи второй статьи я прямо признаю начало, обосновывающее нашу мысль, «единосущнымъ» съ нею, хотя и отличнымъ отъ нея, самобытнымъ въ своей абсолютности (стр. 262). А въ трехъ слѣдующихъ статьяхъ я пространно говорю о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ абсолютнымъ сущимъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ Б. Н. Чи-черинъ не только невѣрно излагаетъ мою мысль, но даже цитируетъ меня болѣе, чѣмъ неточно,—до такой степени положеніе, занимаемое мною, представляется ему чуждымъ и непонятнымъ!

Онъ недоумѣваетъ, къ чему искать основанія мысли, разъ она имѣетъ въ себѣ самой логическое основаніе, и къ чему искать основанія опытнаго познанія, разъ оно дано намъ въ нашихъ реальныхъ воспріятіяхъ? Къ чему искать новаго фактора познанія, помимо чувствъ и мысли, или новаго опредѣленія сущаго, помимо чувственнаго явленія и мыслимой идеи? Въ своемъ рационалистическомъ реализмѣ мой уважаемый критикъ полагаетъ, что «наши внѣшнія чувства потому именно и суть внѣшнія, что они даютъ намъ ощущеніе того, что находится внѣ насъ» (219), а «внѣшнее бытіе подчиняется логическимъ законамъ просто

потому, что не можетъ быть иначе» (197). Я самъ хорошо знаю, что это необходимо и что иначе быть не можетъ. Но *почему* это необходимо, почему это *должно* быть такъ—въ этомъ весь вопросъ, который Б. Н. Чичеринъ хочетъ игнорировать: «Надобно, чтобы существовало что-нибудь, къ чему бы категоріи могли прилагаться. Такое сущее дается намъ уже самымъ существованіемъ мысли; категоріи суть ея собственныя опредѣленія, а потому вполне къ ней прилагаются. Если, по неизвѣстной намъ причинѣ, требуется и нѣчто сущее внѣ мысли, то оно дается намъ внѣшними чувствами: они раскрываютъ намъ конкретное, чувственное и индивидуальное бытіе, которое чисто-логическимъ началомъ не покрывается. Зачѣмъ же нужно еще что-то третье? И въ особенности зачѣмъ нуженъ еще третій способъ познанія?» (Методы Идеализма, стр. 218).

Да хотя бы зачѣмъ, что явленіе и идея не покрываютъ другъ друга и постольку представляются относительными, обусловленными формами сущаго, предполагающими общее основаніе въ абсолютномъ, сверхъотносительномъ сущемъ. Какъ сверхъотносительное и абсолютное, оно можетъ быть сознаваемо нами лишь въ томъ случаѣ, если оно имманентно нашему духу. Очевидно, оно не покрывается никакимъ чувствомъ и никакою мыслью, будучи основой того и другого и можетъ быть дано намъ лишь въ непосредственномъ отношеніи къ нему нашего духа,—отношеніи, основаніе котораго заключается въ самомъ абсолютномъ. Наша внутренняя связь, наша солидарность съ полнотою сущаго есть нѣчто *до-опытное* и нѣчто *непредумышленное*, т.-е. нѣчто такое, что безусловно предполагается нашимъ опытомъ и нашей мыслью, прежде чѣмъ понимается ею сознательно. Это апріорное данное нашего сознанія и познанія, составляющее предметъ нашей увѣренности, нашего внутренняго безотчетнаго признанія или вѣры: мы вѣримъ въ реальность сущаго, въ безусловную реальность міра дѣйствительныхъ существъ внѣ насъ прежде, чѣмъ мы въ состояніи философски оправдать эту вѣру, опредѣлить ея истинный предметъ или даже сознать ее, какъ вѣру, т.-е. какъ увѣренность въ сущемъ, упреждающую всякую рефлексію разума.

Б. Н. Чичеринъ упрекаетъ меня въ мистицизмъ и въ томъ, что я, отчаявшись въ знаніи, подобно Якоби, ищу спасенія въ философіи вѣры, признавая безотчетную вѣру въ качества источника знанія. При этомъ однако онъ совершенно оставляетъ

безъ вниманія четвертую мою статью, посвященную «Критикѣ мистическаго идеализма». Доказывая, что вѣра въ сущее, его положительное признаніе, заключается въ имманентномъ отношеніи нашего духа къ совокупности сущаго и составляетъ трансцендентальное условіе нашего познанія, я тѣмъ не менѣе стремлюсь показать, что такая вѣра, само по себѣ совершенно несознательная и безотчетная, не только не можетъ служить самодовлѣющимъ источникомъ познанія, но, помимо дѣятельности разума, не въ силахъ опредѣлить свой предметъ, то содержаніе, къ которому она относится; она не въ силахъ сознать или оправдать себя, и въ своемъ одностороннемъ, исключительномъ развитіи, какое мы находимъ у нѣкоторыхъ мистиковъ, приводитъ къ самоотрицанію—къ нирванѣ, въ которой всякое бытіе исчезаетъ. Такимъ образомъ, Б. Н. Чичеринъ никакъ не можетъ сказать, что я слѣдую безотчетной вѣрѣ: и если я пытаюсь выяснить элементъ вѣры въ нашихъ познавательныхъ процессахъ,—это значитъ только, что я стремлюсь сознать ее. На дѣлѣ, если кто изъ насъ безъ философской критики и безъ всякаго сомнѣнія отдается *безотчетной*, то-есть несознательной вѣрѣ, такъ это Б. Н. Чичеринъ, который вѣритъ, что внѣшнія чувства сами собою доставляютъ ему реальное воспріятіе подлиннаго сущаго—вѣритъ настолько, что признаетъ пространство и время атрибутами Абсолютнаго и считаетъ форму биллиарднаго шара безусловной реальностью. Онъ вѣритъ во все это «просто потому, что не можетъ быть иначе», т. - е. игнорируя критическій вопросъ объ основаніи нашей увѣренности и принимая за знаніе то, что въ сущности есть безотчетное предположеніе знанія, иногда совершенно невѣрно нами обобщаемое. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, и состоитъ ошибка реализма, какъ философскаго ученія: она состоитъ не въ признаніи внѣшней, отличной отъ насъ реальности, а въ томъ, что мы не отдаемъ себѣ должнаго отчета въ основаніи, на которомъ мы ее признаемъ, вслѣдствіе чего мы чрезвычайно легко смѣшиваемъ безусловную реальность съ реальностью относительной и невѣрно понимаемъ самую реальность въ ея отношеніи къ нашему духу.

Какъ же мы должны понимать такое отношеніе? Если мы не становимся на почву чистаго эмпиризма, намъ остается выборъ между двумя положеніями: либо мы должны принять вмѣстѣ съ Гегелемъ, что Мысль или Идея, будучи абсолютной, сама отъ

себя полагаетъ все сущее во всѣхъ его опредѣленіяхъ и что она же, слѣдовательно, полагаетъ и всю внѣшнюю реальность, — либо же мы должны допустить, что мысль, не покрывающая такой реальности, сама предполагаетъ абсолютное сущее: будучи обоснована своимъ имманентнымъ къ нему отношеніемъ, она можетъ также объективно понимать въ своихъ категоріяхъ и то относительное сущее, которое обуславливается абсолютнымъ и полагается имъ, какъ его «другое». Б. Н. Чичеринъ не признаетъ ни одной изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, колеблясь между обѣими: пытаясь совмѣстить рационалистическій догматизмъ гегеліанской правой съ матеріалистическимъ реализмомъ гегеліанской лѣвой, онъ допускаетъ возможность чисто-логическаго, апріорнаго построенія сущаго безъ всякихъ предположеній и въ то же время признаетъ матерію за какое-то «вещество въ себѣ», за безусловную реальность безотносительно къ духу. Несмотря на ученіе о «Конечной Причинѣ» (т.-е. въ сущности о той же «Идеѣ»), которое мы находимъ въ другихъ сочиненіяхъ Б. Н. Чичерина, мы не видимъ, чтобы эти два момента его міросозерцанія органически мирились между собою. Реальный міръ чисто внѣшнимъ образомъ подводится подъ логическія схемы, — нерѣдко путемъ компромиссовъ. Но разъ онъ не есть моментъ въ развитіи Идеи, то какъ же его изъ нея строить? А разъ онъ есть независимый отъ нея, самобытный элементъ бытія, то какъ возможно вообще выводить изъ идеи сущаго полноту его опредѣленій путемъ чисто-апріорной логической дедукціи, независимо отъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ, отъ которыхъ отправляется мысль?

VII.

Разсмотримъ, какими аргументами доказывается возможность чистаго рационализма, абсолютно-свободнаго отъ всякихъ предположеній. Отецъ новой философіи, Декартъ первый попытался построить умозрительное ученіе на началахъ чисто-раціональныхъ и найти основаніе всякой разумной достовѣрности. Съ этою цѣлью онъ обратился къ самосознанію: «я думаю, слѣдовательно я существую», *cogito, ergo sum*, — вотъ положеніе абсолютно достовѣрное, неопровержимое никакимъ скептицизмомъ и могущее служить основаніемъ чисто-раціональной философіи. Повидимому, это есть положеніе чисто-логическое, чуждое

какихъ бы то ни было предположеній, и мой уважаемый критикъ ссылается на него въ опроверженіи моего мнѣнія относительно реального обоснованія мышленія. «Я думаю, слѣдовательно я есмь»—вотъ основаніе, на которомъ, по мнѣнію Б. Н. Чичерина, можно воздвигнуть «цѣлый чисто-логическій міръ понятій»; а между тѣмъ это есть положеніе чисто-раціональное: «оно представляетъ совершенно правильное умозаключеніе, которое однако не имѣетъ основанія въ какомъ-либо внѣшнемъ бытіи» (211—212).

Б. Н. ожидаетъ отъ меня возраженія, что «самосознаніе разума невозможно безъ противоположенія ему внѣшняго бытія» (ib.). Но хотя и такое возраженіе вовсе не такъ слабо, какъ это полагаетъ мой уважаемый критикъ, я собирался отвѣчать совершенно иначе. Я хотѣлъ замѣтить прежде всего, что положеніе «я думаю, слѣдовательно я есмь» вовсе не есть умозаключеніе. Чтобы признать его таковымъ, нужно, по замѣчанію Гегеля, «знать о природѣ умозаключенія развѣ то, что въ немъ попадаетъ слово ergo («слѣдовательно»). Но въ такомъ случаѣ, спрашиваетъ философъ, гдѣ же будетъ *средній терминъ* (medius terminus)? А вѣдь для умозаключенія такой терминъ существеннѣе, чѣмъ слово «слѣдовательно.» (Encyklop. § 64). Гегель ссылается при этомъ на самого Декарта, который прямо отрицаетъ, чтобы мы выводили существованіе изъ мышленія посредствомъ умозаключенія. Декартъ признаетъ, что мы сознаемъ себя мыслящими существами не путемъ силлогизма, а посредствомъ «нѣкотораго первичнаго понятія» (primitiva quaedam notio quae ex nullo syllogismo concluditur). Еслибы cogito ergo sum было заключеніемъ силлогизма, то какова была бы его первая посылка? «Все, что мыслить, то существуетъ (illud omne quod cogitat, est sive existit)? Но вѣдь это послѣднее положеніе въ свою очередь выводится изъ перваго «я мыслю, слѣдовательно я существую»*). Гегель прибавляетъ, что Cogito ergo sum нельзя назвать и «непосредственнымъ умозаключеніемъ»; ибо «такая излишняя форма» обозначаетъ лишь «ничѣмъ непосредствованное соединеніе различныхъ опредѣленій».

Итакъ, знаменитое положеніе Декарта не есть умозаключеніе—по справедливому признанію двухъ мыслителей, которыхъ уже

*) Descartes, Respons. ad II Object. de Methodo IV, ep. I, 118. Hegel, Encyklop. § 64.

никакъ нельзя заподозрить въ недостаточно послѣдовательномъ рационализмѣ. Я не думаю выводить отсюда, чтобы это положеніе имѣло основаніе «въ какомъ-нибудь внѣшнемъ бытіи». Изъ того, что наше бытіе не дедуцируется изъ нашего мышленія, еще не слѣдуетъ, чтобъ оно было ему внѣшнимъ: мысль не полагаетъ, а предполагаетъ наше существованіе, которое обосновываетъ наше мышленіе, хотя и не покрывается имъ. Такимъ образомъ, въ самосознаніи я нахожу не отрицательную инстанцію противъ моего взгляда, а, напротивъ, его подтвержденіемъ субъектъ, мое существо не есть мысль или понятіе мысли, точно такъ же, какъ оно не есть простое чувственное состояніе, или простой объектъ чувственного воспріятія. Оно есть нѣчто такое, что предполагается мыслью и чувствомъ и сознается не путемъ логическаго умозаключенія, а путемъ непосредственной увѣренности.

Увѣренность эта можетъ и не быть продумана нами, мы можемъ не сознавать того, что намъ дается ею, и того, насколько существенную роль она играетъ въ нашемъ самосознаніи, въ нашемъ сознаніи. Есть же мыслители, которые нисколько не признаютъ, чтобы изъ факта мышленія логически вытекало существованіе реального субъекта такого мышленія: если Б. Н. Чичеринъ утверждаетъ, что «такъ какъ мышленіе реально, то и субъектъ реаленъ» (220), то они думаютъ съ своей стороны, что такъ какъ мышленіе идеально, то и субъектъ, полагаемый имъ, есть лишь мысль, идея, а не реальность. Я готовъ допустить, что они заблуждаются, но мнѣ кажется, что не совсѣмъ правъ и мой уважаемый критикъ, принимая «реальный субъектъ» мысли за нѣчто такое, что ею логически полагается, что можетъ быть выведено изъ нея посредствомъ умозаключенія, между тѣмъ какъ задача философской критики состоитъ прежде всего въ анализѣ логическаго мышленія, въ анализѣ самосознанія и выясненіи его предположеній. Изъ того, что наша мысль предполагаетъ основаніе, вовсе не слѣдуетъ, чтобы она не была логичной; она не была бы логичной, еслибы въ самомъ основаніи своемъ она не была положительной еслибы она была отношеніемъ безъ относящихся; она не была бы логичной, еслибы она съ абсолютной достовѣрностью не предполагала *сущаго*: въ такомъ случаѣ *co-gito ergo sum* не имѣло бы никакого смысла.

Какъ бы то ни было, мой критикъ не можетъ сказать, чтобы

я противопоставлялъ мышленіе его реальному субъекту, хотя я и признаю, что одно не покрываетъ другого: мышленіе свидѣтельствуеъ мнѣ о томъ, что я есмь, но оно еще не показываетъ мнѣ сразу, что такое я есмь. Внутренняя реальность моего я, обосновывающая всѣ мои душевные процессы, все мое сознаніе, является мнѣ типомъ всякаго реального существованія, первымъ типомъ реального существа: какая же рѣчь можетъ быть о томъ, будто я ищущу обосновать истину самосознанія посредствомъ какого-то «внѣшняго бытія»?

Но я иду значительно далѣе: признавая, что мы не ограничиваемся однимъ самосознаніемъ, однимъ воспріятіемъ нашей внутренней реальности, но сознаемъ точно также и реальность другихъ существъ внѣ насъ, реальность внѣшняго являющагося намъ міра, я пытался показать, что такое сознаніе внѣшней намъ реальности имѣетъ одинаковый *корень* съ нашей увѣренностью въ нашемъ внутреннемъ существѣ. Если наивный реализмъ заключаетъ къ реальности являющагося міра непосредственно изъ его воспріятія, если философскій рационализмъ пытается а priori дедуцировать дѣйствительность изъ чистой Идеи, то, какъ я полагаю, реальное сущее есть нѣчто большее, чѣмъ воспринимаемое и мыслимое нами. Тамъ, гдѣ мы не хотимъ ограничиться одной безотчетной непосредственной увѣренностью, мы все же не спускаемся къ нему посредствомъ выводовъ, мы восходимъ къ нему посредствомъ анализа нашего опыта и нашего мышленія въ ихъ основныхъ предположеніяхъ. Мы не ограничиваемся непосредственнымъ воспріятіемъ явленій; мы подвергаемъ подобныя воспріятія логической переработкѣ, мы сопоставляемъ ихъ съ результатами логически обобщеннаго опыта, мы объективно мыслимъ явленія въ категоріяхъ нашего разума, устанавливая между ними всеобщую и необходимую логическую связь. Но какимъ образомъ, почему въ этомъ объективномъ пониманіи явленій находимъ мы ручательство въ ихъ дѣйствительности? Въ опытной провѣркѣ? Но что такое опытъ и въ чемъ лежитъ безусловное ручательство логической достовѣрности опыта, который самъ есть лишь объективация воспріятій? Пусть основаніе всякой логической достовѣрности лежитъ въ самоочевидности; это еще не упраздняетъ вопроса о томъ, не есть ли такая очевидность простая иллюзія, и если нѣтъ, то какимъ образомъ мы вообще можемъ *видѣть* нашимъ разумомъ, понимать или познавать нѣ-

что реальное? Намъ указываютъ отвѣтъ на эти вопросы—въ нашемъ самосознаніи, во внутреннемъ единствѣ познающаго и познаваемого, безъ котораго немыслимо логическое и положительное познаніе: въ самосознаніи мы видимъ, каково отношеніе мысли къ реальности, и мы убѣждаемся, что мысль, какъ таковая, съ абсолютной достовѣрностью предполагаетъ сущее, предполагаетъ реальность, единосущную съ нею. Другого основанія достовѣрности разума нѣтъ и быть не можетъ.

Реальность другихъ существъ внѣ насъ составляетъ столь же глубокое и достовѣрное убѣжденіе наше, какъ и реальность нашего собственнаго существа, и составляетъ корень нашей увѣренности въ существованіи внѣшняго міра. Реальность этого міра не сводится ни къ нашему чувству, ни къ нашей мысли, поскольку мы признаемъ, что міръ существуетъ для себя, включая насъ въ свою универсальную систему. Какъ же онъ можетъ быть данъ нашей мысли и нашимъ чувствамъ, отъ него отличнымъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно признать трансцендентальную соотносительность сущаго съ нашимъ духомъ, т.-е. признать *имманентное абсолютное всеединство сущаго*, его внутреннюю солидарность съ нашимъ духомъ, упреждающую нашъ личный опытъ и самосознаніе. Анализъ трансцендентальныхъ предположеній нашего логическаго мышленія подготавливаетъ этотъ выводъ, который представляется мнѣ естественнымъ завершеніемъ идеализма.

Но для моего критика и это положеніе является неожиданнымъ. Онъ только-что нападалъ на меня, думая, что я противоположаю мысль и реальное бытіе. Теперь онъ нападаетъ на меня за то, что я не признаю «вещей въ себѣ» или «вещества въ себѣ», абсолютно чуждаго духу, и считаю всякую реальность духовною въ своемъ *абсолютномъ* основаніи или первоисточникѣ. Я утверждаю, что всякая *самобытная реальность* понимается нами по аналогіи съ нашей и что даже психологически понятіе существа, въ неразвитомъ сознаніи, предшествуетъ понятію вещи. Отсюда - то Б. Н. Чичеринъ и вывелъ, что я вижу въ столахъ и подушкахъ реальные субъекты,—обвиненіе, изъ котораго я могъ бы заключить, что мой критикъ видитъ въ нихъ самобытная реальности. Что касается до меня, то я вижу въ нихъ прежде всего *чувственные формы*, объективная дѣйствительность которыхъ слагается изъ дѣйствія очень многихъ причинъ, изъ

совокупности безконечнаго множества матеріальныхъ элементовъ. Я не раздѣляю воззрѣній дикаря или ребенка, которые нерѣдко олицетворяютъ неодушевленные вещи. Я даже не сторонникъ монадологіи Лейбница, который видѣлъ въ каждой монадѣ абсолютный субъектъ. Но подобное ученіе все же представляется мнѣ меньшимъ заблужденіемъ, чѣмъ тотъ реализмъ, который осязаетъ абсолютную форму сушаго въ чувственной формѣ бильярднаго шара.

Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, это отнюдь не значитъ, чтобы я отрицалъ существованіе матеріи или чтобы я сводилъ всѣ явленія къ субъективнымъ представленіямъ или воспріятіямъ моей индивидуальной чувственности. Въ дѣйствительномъ мірѣ, который является намъ во времени и пространствѣ, я вижу *phaenomenon bene fundatum*, т.-е. реально-обоснованное явленіе. Но изъ того, что матерія чувственна и, какъ чувственная форма, существуетъ независимо отъ моей индивидуальной чувственности; изъ того, что явленія матеріальнаго міра, независимо отъ такой индивидуальной чувственности, существуютъ объективно во времени и пространствѣ и обусловливаются логическими законами; изъ того, наконецъ, что реальность, обосновывающая эти явленія, но не исчерпываемая ими, представляется соотносительной нашему внутреннему сознающему существу, нашему субъекту — я заключаю, что она не есть нѣчто ему абсолютно внѣшнее и противоположное, другими словами, — я заключаю, что всякая реальность въ корнѣ своемъ однородна съ реальностью моего субъекта. Поэтому всякая тѣлесная форма, поскольку она обладаетъ самостоятельной индивидуальностью, всякій объектъ, поскольку онъ имѣетъ дѣйствительную реальность, независимую отъ чувственности, — долженъ разсматриваться нами, какъ субъектъ-объектъ. Столы и подушки очевидно могутъ имѣть лишь воображаемую индивидуальность. Но если, напримѣръ, мы приписываемъ метафизическую реальность индивидуальнымъ элементамъ матеріи, изъ которыхъ они состоятъ, мы неизбѣжно должны видѣть въ нихъ не простые объекты, а субъектъ-объекты, т.-е. своего рода относительныя монады или дѣйствительныя индивидуальныя центры, объединенныя въ своемъ взаимодействіи центральнымъ субъектомъ высшаго порядка. Иначе я совершенно не понимаю, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ индивидуальности.

Б. Н. Чичеринъ самъ признаетъ, что вещественный міръ служитъ матеріаломъ для осуществленія Идеи. Но что же посредствуетъ между нею и такимъ матеріаломъ? Вѣдь еще Платонъ, впервые выразившій подобный взглядъ, созналъ, что мертвый матеріалъ самъ собою осуществить Идею не можетъ и что для воспріятія Идеи нужна душа въ такомъ матеріалѣ. Міръ долженъ быть одушевленнымъ существомъ, чтобы безъ скачковъ возвышаться отъ низшихъ формъ матеріальнаго бытія до сознающихъ чувствующихъ организмовъ, до человѣка съ его познающимъ разумомъ. Міръ долженъ быть такимъ существомъ уже для того, чтобы въ немъ могли существовать какія бы то ни было чувственныя формы, какія бы то ни было тѣлесныя формы вообще, ибо самыя тѣла суть чувственныя формы. Поэтому, въ доказательство одушевленности тѣлеснаго міра намъ не зачѣмъ прибѣгать къ частной телеологіи, напримѣръ—къ разсмотрѣнію цѣлесообразнаго устройства организмовъ и къ спору о значеніи этой цѣлесообразности. Мы не должны искать въ организмахъ исключенія изъ физики или видѣть въ нихъ какихъ-то случайныхъ-паразитовъ матеріи. Какъ я утверждалъ въ послѣдней своей статьѣ (Основ. Ид. с. 764), «въ самомъ единообразіи и всеобщей необходимости механическихъ законовъ заключается высшее доказательство универсальности телеологическаго принципа—того логическаго начала, которое обусловливаетъ собою явленія». Сознавъ, путемъ анализа нашего опыта, что міръ есть явленіе, что тѣла суть явленія, а не «вещи въ себѣ», мы видимъ въ самомъ существованіи тѣлъ, въ самой реальности явленія, въ самой универсальности времени и пространства—неоспоримое доказательство въ пользу существованія универсальнаго *субъекта* такого явленія, субъекта, который обосновываетъ какъ всѣ частныя формы являющагося міра, такъ и дѣйствительность всѣхъ относительныхъ субъектъ-объектовъ, которые въ немъ объединяются; онъ обосновываетъ собою всѣ относительные центры всемірной организаціи въ ихъ сложномъ взаимодействіи, соотношеніи и соподчиненіи.

Но такой универсальный субъектъ мірового процесса, субъектъ времени и пространства, все же не представляется намъ абсолютнымъ; въ полнотѣ явленія нашъ разумъ не находитъ полноты бытія. Въ поступательномъ движеніи всемірной эволюціи мы наблюдаемъ постепенное раскрытіе потенцій бытія; въ непре-

станной смѣнѣ явленій, въ потокѣ времени, въ которомъ «все движется и ничто не пребываетъ» и въ безпредѣльной пустынѣ всемірнаго пространства, мы видимъ наглядную форму бытія не полного, дробнаго и преходящаго, осуществляющаго вѣчность лишь въ непрерывной смѣнѣ ѳ безконечность—въ пустомъ протяженіи. Чувственное бытіе, какъ таковое, сознается нами, какъ относительное и обусловленное во всѣхъ своихъ отношеніяхъ и формахъ, во времени и пространствѣ, въ послѣдовательности и сосуществованіи своихъ явленій.

Нашъ разумъ возвышается надъ этими отношеніями, обуславливающими міръ, и мыслить ихъ объективную и всеобщую необходимость. Онъ мыслить совокупность этихъ отношеній въ своихъ универсальныхъ понятіяхъ или идеяхъ, и эти понятія, въ своей идеальной необходимости и всеобщности, являются намъ объективными логическими формами и опредѣленіями сущаго, логическими формами міровой связи,—того всеединства, въ которомъ мы необходимо мыслимъ и понимаемъ вселенную, какъ связанное закономѣрное цѣлое. Это всеединство,—логически мыслимое нами въ отношеніяхъ сущаго, въ общей связи всѣхъ различныхъ категорій, всѣхъ логически возможныхъ способовъ пониманія сущаго, обуславливаетъ познаваемый нами дѣйствительный міръ; оно осуществляется постепенно въ его конкретныхъ формахъ, въ его родахъ и видахъ; и на послѣдней стадіи мірового процесса оно сознается въ разумѣ человѣка, являясь конечною цѣлью міра и его абсолютнымъ началомъ, полнотою бытія, которая обосновываетъ всѣ потенціи бытія относительнаго и обуславливаетъ, объединяетъ и удовлетворяетъ собою человѣческой разумъ, человѣческое чувство и волю.

Это Абсолютное Начало опредѣляется какъ сущее, о себѣ, для себя и для всего другого; заключая въ себѣ потенцію своего другого, оно есть то, что полагаетъ міръ какъ свое другое, обосновывая его внутреннее единство въ его являющемся конкретномъ множествѣ.

Таково, думается намъ, основаніе конкретнаго идеализма въ его наиболѣе общей и отвлеченной формулѣ. Такой идеализмъ не отрицаетъ реальной являющейся намъ дѣйствительности, но даетъ ключъ къ философскому ея объясненію. Эта дѣйствительность не есть субъективное представленіе индивидуальнаго субъекта, поскольку міръ явленій, существующій во времени и

пространствѣ, есть одинъ и тотъ же объективный міръ для всѣхъ существъ, въ немъ находящихся и воспринимающихъ его въ формахъ всеобщей чувственности. Но не будучи представлениемъ эмпирическаго субъекта, явленіе не есть и простая греза универсальнаго субъекта мірового процесса, т. е. міровой души. Всякое явленіе необходимо мыслится нами, какъ отношеніе, и полагается нами въ отношеніи къ своимъ причинамъ, предполагая совокупность того, что соотносится; эта мыслимая совокупность отношеній, это *логическое* единство многообразнаго сущаго и есть то, что заставляетъ насъ понимать вселенную, какъ связанное цѣлое, подчиненное необходимымъ законамъ. *Являющееся сущее* заставляетъ насъ съ безусловною необходимостью предполагать *мыслимое сущее*. Но мы не останавливаемся и на этомъ: если міръ явленій есть послѣдовательное раскрытіе и воплощеніе сущаго, мыслимаго нами въ его идеѣ, то этотъ міръ все же не долженъ разсматриваться, какъ логическое построеніе, какъ результатъ саморазвитія идеи. Выше явленія и выше Идеи стоитъ то всеединое Сущее, которое обосновываетъ и чувственный и идеальный міръ въ ихъ взаимоотношеніи. Какъ абсолютное, оно обусловливаетъ собою и самый субъектъ мірового процесса, который постепенно раскрываетъ въ себѣ потенціи этого сущаго, возвышаясь до его сознанія и все болѣе и болѣе полнаго конкретнаго воплощенія. И оно обосновываетъ совокупность своихъ собственныхъ опредѣленій и отношеній, свою собственную Идею, тотъ Логосъ, которымъ дифференцируется и организуется мірозданіе. Это всеединое Сущее, которое осуществляется во вселенной и мыслится въ нашихъ формальныхъ понятіяхъ, не исчерпываясь ни явленіемъ, ни идеей, но обосновывая собою все, опредѣляется въ ученіи идеализма какъ абсолютный Духъ, заключающій въ себѣ основаніе своего Другого и своего отношенія къ этому Другому.

Такимъ образомъ, конкретный идеализмъ обнимаетъ и обосновываетъ собою всю относительную правду реализма. Истины науки этимъ очевидно не подрываются и подрываться не могутъ, вопреки мнѣнію моего уважаемаго критика. Споры метафизиковъ не касаются ея нисколько, и она не можетъ вмѣшиваться въ нихъ въ качествѣ заинтересованной стороны, пока они не посягаютъ на реальныя явленія, которыя она изучаетъ, и на законы, которые она открываетъ. Съ своей стороны, наука нисколько не тре-

буеть, чтобы въ какой-либо части являющейся дѣйствительности (наприм., въ тѣлахъ) метафизика видѣла «вещи въ себѣ»; мало того, въ области чистой эмпири она исключаетъ подобный взглядъ и тѣмъ свидѣтельствуеть въ пользу идеализма.

Но я не хочу повторять сказаннаго мною. Мой отвѣтъ Б. Н. Чичерину и такъ слишкомъ затянулся. Я сознаю, что далеко не успѣлъ исчерпать всѣхъ возраженій моего уважаемаго критика. Мнѣ хотѣлось прежде всего выяснить основную мысль моего разсужденія, которую онъ понимаетъ не совсѣмъ такъ; какъ бы я этого желалъ. Я хотѣлъ защитить эту мысль отъ его нападеній и остаюсь при томъ убѣжденіи, что я защищалъ идеалистическое ученіе.

Въ моихъ статьяхъ я не сумѣлъ быть достаточно яснымъ; мой критикъ не захотѣлъ быть достаточно объективнымъ, приписывая мнѣ многое, чего я не думалъ утверждать. Весьма сожалею, что по всѣмъ наиболее существеннымъ пунктамъ нашего спора я не могу признать себя поколебленнымъ; часто мнѣ казалось, что разрушительные снаряды моего противника попадаютъ въ чужія укрѣпленія, которыхъ я нисколько не защищалъ. Я предпочелъ бы, чтобы онъ заставилъ меня если не отступить, то сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ.

Сложить оружіе предъ убѣжденіемъ, исправить ошибки согласно указаніямъ глубоко уважаемаго учителя, которымъ справедливо гордится русская наука, я бы счелъ для себя за честь и пріобрѣтеніе и не сталъ бы упорствовать въ заблужденіяхъ, если бы они были для меня очевидны.

Кн. С. Н. Трубецкой.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Oswald Külpe, Prof. an der Universität Würzburg. *Einleitung in die Philosophie*. Leipzig, Hirzel. 1895. 268 S.

«Введеніе въ философію» принадлежитъ перу молодого вюрцбургскаго профессора, ученика Вундта, составившаго себѣ репутацію талантливаго и многообѣщающаго психолога своимъ первымъ сочиненіемъ: *Grundriss der Psychologie auf experimenteller Grundlage dargestellt* (Leipzig, 1893).

Тотъ фактъ, что проф. Кюльпе не только написалъ «Введеніе» въ первый же годъ самостоятельной профессорской дѣятельности, но и опубликовалъ свои основныя философскія воззрѣнія, съ одной стороны, «удивилъ» тѣхъ, кто привыкъ смотрѣть на «Введеніе», какъ на профессорскій итогъ за долгіе годы работы въ отдѣльныхъ философскихъ дисциплинахъ *), а съ другой—заинтересовалъ и обрадовалъ тѣхъ, кому близки были интересы лейпцигскаго психологическаго института и кому ясно было, что между учителемъ Вундтомъ и его ассистентомъ Кюльпе, судя по «Очерку экспериментальной психологіи», должна быть существенная философская и психологическая рознь. Теперь Кюльпе высказался. У него самостоятельный взглядъ на задачи и систему философіи, на объектъ психологіи, на объемъ теоріи познанія, на задачу этики. Его философскія симпатіи, говоря вооб-

*) Проф. Паульсенъ издалъ свое столь популярное „Введеніе“ на 22 году своей профессуры, а лейпц. проф. Л. Штрюмпель—*Einleitung in die Philosophie von Standpunkte der Geschichte der Philosophie* (Leipzig, 1886)—на 41 году.

ше, склоняются болѣе въ сторону молодыхъ германскихъ ученыхъ, прозванныхъ Вундтомъ «чистыми эмпиристами», «эмпирическими реалистами», чѣмъ въ сторону вундтовскаго нео-кантіанства, хотя Кюльпе и говоритъ въ своей монографіи: «Das Ich und die Aussenwelt», что онъ сторонникъ «einer Philosophie ohne Beiname».

Отмѣтимъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, сущность «Введенія», а также тѣ пункты, въ которыхъ авторъ расходится съ своимъ учителемъ Вундтомъ.

Желая дать въ своемъ сочиненіи предварительную, но полную ориентировку въ образованіи и сущности философіи, — что составляетъ задачу всякаго «Введенія», — Кюльпе разсматриваетъ въ 1-й гл. понятіе и распредѣленіе философіи, во 2-й — общія и спеціальныя философскія дисциплины, въ 3-й — метафизическія, теоретико-познавательныя и этическія направленія, въ 4-й — ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ о задачахъ и системѣ философіи. Вторая и третья главы составляютъ главнѣйшее содержаніе книги (стр. 20—258), но центръ тяжести сочиненія, основная его мысль, лежитъ въ небольшой 4-й главѣ. Лишь на основаніи детальнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ и направленій, профессору Кюльпе удается обосновать свое ученіе о задачахъ и сущности философіи. Если оглянуться на прошлое философіи, то мы увидимъ, что всѣ опредѣленія ея понятія говорятъ намъ не столько о томъ, чѣмъ философія была, сколько о томъ, чѣмъ она должна быть, по мнѣнію того или другого мыслителя. Общеизвѣстныя опредѣленія философіи похожи на программы къ опредѣленнымъ философскимъ системамъ: это — удачныя обобщенія намѣреній отдѣльныхъ философовъ, а не попытки представить внѣвременную сущность философіи во всеобъемлющей формулѣ. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ и направленій приводитъ Кюльпе къ убѣжденію, что дать единое, общепризнанное опредѣленіе сущности философіи — невозможно, если считаться съ историческимъ составомъ (Thatbestand) этой науки. Всякое опредѣленіе будетъ или слишкомъ широко, или слишкомъ узко. Затрудненіе кроется не въ установленіи *genus proximum*'а (философія — наука), а въ *differentia specifica*, такъ какъ философія не отличается отъ отдѣльныхъ наукъ ни по предметамъ, ни по методамъ. Къ тому же объемъ философскихъ дисциплинъ переходящъ и измѣнчивъ. На-

до, поэтому. отказаться отъ опредѣленія понятія философіи, и то, что было, есть и, вѣроятно, будетъ въ философіи постояннымъ, слѣдуетъ выразить посредствомъ простаго раздѣлительнаго указанія (*divisive Bestimmung*). Такимъ образомъ, у философіи три различныхъ задачи. Во-первыхъ, она вырабатываетъ всеохватывающее и цѣльное міровоззрѣніе; такова задача метафизики. Во-вторыхъ, она изслѣдуетъ общія условія науки; въ этомъ смыслѣ философія есть наукоученіе (*Wissenschaftslehre*). Въ-третьихъ, она подготавливаетъ возникновеніе новыхъ отдѣльныхъ наукъ и научныхъ направлений. Эту третью задачей объясняется, почему объемъ философскихъ дисциплинъ постоянно мѣнялся и мѣняется.

Если согласиться съ тѣмъ, что философскія дисциплины въ своихъ задачахъ разнородны, а въ объемѣ—неустойчивы, то невольно приходится разъ навсегда отказаться отъ созданія «системы» философіи, т. е. всеохватывающей классификаціи ея основныхъ понятій.

Этотъ взглядъ на философію кореннымъ образомъ расходится съ вундтовскимъ ученіемъ, развитымъ въ «*System der Philosophie*». Но это не единственный пунктъ розни между Вундтомъ и Кюльпе. Говоря о теоріи познанія, Кюльпе переноситъ ученіе объ образованіи знанія въ психологію. Въ области психологіи онъ находитъ нужнымъ допустить и физиологическій субстратъ психическихъ явленій, что и выражаетъ въ опредѣленіи объекта психологіи, считая таковымъ *Erlebnisse*, тогда какъ Вундтъ стоитъ за *Erfahrung*, понятіе чисто-психологическое. Во взглядахъ на матеріализмъ тоже констатируется разница. Въ ученіи о соотношеніи души и тѣла, Вундтъ, какъ извѣстно, стоитъ на монистической точкѣ зрѣнія; Кюльпе—сторонникъ дуализма. Вундтъ создалъ ученіе о психической причинности; Кюльпе—оспариваетъ ея необходимость. Вундтъ отстаиваетъ волюнтаризмъ въ психологіи и развиваетъ теорію актуальности; Кюльпе защищаетъ равноправность интеллектуализма и логическую необходимость духовной субстанции. Кюльпе не отрицаетъ значенія нео-кантіанства, но все же склоняется болѣе на сторону «эмпириковъ».

Взгляды Кюльпе и другихъ «эмпирическихъ реалистовъ» вызвали Вундта къ отстаиванію и развитію его убѣжденій. Въ своихъ полемическихъ статьяхъ «Психическая причинность и психо-

физическій параллелизмъ» (Philos. Studien, В. 10. Н. 1), «Опредѣленіе психологіи» (ibid., В. 12. Н. 1), «О наивномъ и критическомъ реализмѣ» (ibid., В. 12. Н. 4), Вундтъ ярко выставляетъ слабыя стороны своихъ противниковъ и разъясняетъ собственное міровоззрѣніе.

Н. Занцевичъ.

Gustave Le Bon. Psychologie des foules. Paris, 1896.

Ле Бонъ не первый изслѣдователь психологіи толпы. Въ трудахъ Мишле и, особенно, Тэна мы находимъ всѣ данныя для изученія такъ называемой «коллективной психологіи». Не такъ давно французскій психологъ Тардъ и итальянскій ученый Сигеле, по вопросу о преступности толпы, дали намъ двѣ серьезно обработанныя монографіи, гдѣ двойственный характеръ мозговой подчиненности и страстной общительности толпы изслѣдованы съ замѣчательной полнотой. Выводы Ле Бона не особенно отличаются отъ заключеній его коллегъ.

Авторъ раздѣляетъ свою книгу на три части: въ первой онъ изучаетъ душу толпы (*l'âme des foules*); во второй—онъ анализируетъ ея мнѣнія и вѣрованія; въ послѣдней части онъ даетъ классификацію разныхъ родовъ толпы.

Толпа, по мнѣнію Ле Бона, представляетъ собою скопленіе отдѣльных индивидуумовъ, *сознательная личность* которыхъ исчезаетъ, а чувства и идеи направлены на одну опредѣленную точку. Такимъ образомъ, толпа подчиняется *закону мозгового единства*. Индивидуумъ теряетъ въ толпѣ свое «я»; одни изъ его психическихъ особенностей теряются, другія, напротивъ, доходятъ до *ненормальнаго* состоянія; его критическій разумъ замѣняется внѣшнимъ внушеніемъ, причемъ констатируется раздраженіе нервной системы и преувеличенное напряженіе чувствъ. «Индивидуумы, составляющіе толпу, — говоритъ Ле Бонъ, — имѣютъ много общаго съ существами, принадлежащими къ низшимъ формамъ эволюціи, каковы женщины, дѣти и дикари». Въ умственномъ отношеніи толпа ниже изолированнаго индивидуума. *Всѣ* причины этого явленія неуловимы. И это понятно, такъ какъ въ дѣятельности разума безсознательныя явленія играютъ громадную роль. Сознательная жизнь интеллекта гораздо слабѣе безсознательной, которая трудно поддается изслѣдованію и часто остается неуловимой для самаго проникающаго наблюдателя.

Вопросы Философіи, кн. 37.

8

Душа толпы, расы, народа создается главнымъ образомъ изъ этихъ бессознательныхъ, неумовимыхъ элементовъ, и вотъ почему члены известной расы похожи другъ на друга, и только сознательные элементы, какъ плоды воспитанія или смѣшенія расъ, ослабляютъ или уничтожаютъ это сходство. Люди противоположныхъ умственныхъ развитій часто имѣютъ тѣ же инстинкты, тѣ же страсти, тѣ же чувства. И эти-то бессознательныя особенности характеровъ группируются при образованіи толпы, личныя же умственные качества затмѣваются. Гетерогенное исчезаетъ въ омогенномъ, и бессознательное беретъ верхъ надъ сознательнымъ.

Однако, Ле Бонъ указываетъ на три причины, опредѣляющія различіе между толпой и каждой изъ отдѣльныхъ единицъ, составляющихъ ее. Во-первыхъ, индивидуумъ пріобрѣтаетъ въ толпѣ, благодаря окружающему его количеству людей, чувство непреодолимаго могущества, и это чувство позволяетъ ему давать волю своимъ инстинктамъ, въ то время какъ одинъ онъ долженъ былъ бы укрощать ихъ. Онъ не долженъ подавлять ихъ еще и потому, что толпа анонимна,—слѣдовательно, она и онъ не подлежатъ отвѣтственности.

Во-вторыхъ, каждый актъ, каждое чувство толпы до такой степени заразительны, что индивидуумъ часто жертвуетъ своими личными интересами интересамъ коллективнымъ. Третья и самая важная причина, это—внушеніе. Чтобы понять это явленіе, необходимо вспомнить послѣднія открытія въ области физиологіи. Известно, что подъ вліяніемъ внушенія человѣкъ можетъ терять сознание своего «я» и совершать противныя его характеру дѣянія. Индивидуумъ, находившійся нѣкоторое время въ толпѣ, начинаетъ чувствовать то же затмѣніе, въ какомъ пребываетъ медиумъ, котораго гипнотизируютъ. Жизнедѣятельность его мозга парализуется; онъ совершенно теряетъ свою независимость, свою волю; онъ—рабъ толпы, какъ медиумъ—рабъ гипнотизатора.

Таково умственное состояніе толпы. Авторъ анализируетъ затѣмъ ея чувства, нравственность и вѣрованія. Толпа не разсуждаетъ; она трудно проникается идеями; сомнѣніе и неопредѣленность ей неизвѣстны, — ей знакомы только сильныя и крайнія чувства, и ея симпатія быстро превращается въ обожаніе, а антипатія—въ злобу и ненависть. Толпа не любитъ преній,—она все принимаетъ или все отрицаетъ. Раса, традиціи, время, политическія и общественныя учрежденія, образованіе и

воспитаніе служатъ факторами, которые образуютъ вѣрованія толпы. Какъ націоналистъ и эволюционистъ, Ле Бонъ отводитъ первое мѣсто расѣ и времени, причемъ онъ замѣчаетъ, что образованіе способно измѣнить человѣка, повліять въ ту или другую сторону на его характеръ. Но, кромѣ этихъ факторовъ, существуютъ еще и другіе: извѣстныя словесныя формулы, иллюзія, опытъ и воображеніе. Могущество словесныхъ формулъ крѣпко связано съ образами, которые онѣ вызываютъ, наприм., знамя, отечество, общее благо, человѣчество и т. п. Вліяніе иллюзій на толпу всегда было громадно. Религіозныя ли, философскія или соціальныя—иллюзіи всегда процвѣтали на землѣ. Единственное средство уничтожить иллюзіи и ввести, такъ сказать, истину въ душу толпы, это—опытъ, но онъ возможенъ лишь при частомъ повтореніи. Ле Бонъ отрицаетъ вліяніе разума на толпу. Напротивъ, вліяніе воображенія громадно. Всякое явленіе, всякое приключеніе способно вызвать въ воображеніи толпы могущественные образы, подъ воздѣйствіемъ которыхъ она готова на всевозможныя поступки. Могущество побѣдителей и государствъ основаны на воображеніи толпы, на воображеніи народовъ.

Зачинщики или вожди играютъ большую роль въ жизнедѣятельности толпы. Толпа безъ вождя существовать не можетъ. Воля зачинщика служитъ главной основой, управляющей дѣянiями толпы. Зачинщики сами бываютъ гипнотизированы какой-нибудь идеей; они рѣдко бываютъ людьми мысли, но людьми дѣйствiя—всегда. Инстинктъ самосохраненія отсутствуетъ у нихъ; этимъ объясняется то явленіе, что опасности ихъ не страшатъ. Цѣль зачинщиковъ—создать вѣру въ толпѣ, прежде всего вѣру въ нихъ, затѣмъ въ ихъ цѣль, идею, предпріятіе. Личный примѣръ и престижъ зачинщиковъ и вождей очень важны для вліянія ихъ на толпу.

Въ послѣдней части своего труда Ле Бонъ даетъ намъ классификацію толпы. Толпа бываетъ: 1) анонимная (уличная толпа) и 2) не анонимная (судъ присяжныхъ, парламентскія собранія и др.); она раздѣляется также 1) на секты (религіозныя, политическія и др.), 2) касты (военныя, рабочія и др.) и 3) сословія (буржуазное, крестьянское и др.). Авторъ изучаетъ затѣмъ преступность толпы и судъ присяжныхъ. Толпа можетъ быть преступна съ юридической, но не съ психологической точки зрѣнія, такъ какъ всѣ ея дѣйствія безсознательны. Судъ присяжныхъ Ле Бонъ, въ

противоположность Сигеле и, до нѣкоторой степени, Тарду, защищаетъ, но не потѣму, чтобы онъ признавалъ за нимъ нравственную силу, а потому, что видитъ въ немъ продуктъ времени, который время и разрушить—постепенно, безъ рѣзкаго насилія. Рѣшенія присяжныхъ никогда не зависятъ отъ умственного развитія послѣднихъ; составъ присяжныхъ не имѣетъ никакого вліянія на приговоръ. Какъ всѣ толпы, присяжные поддаются скорѣе вліянію чувствъ, чѣмъ разума. Парламентскія собранія, какъ и избирательная толпа, мало чѣмъ отличаются отъ обыкновенной анонимной толпы.

Въ заключеніе Ле Бонъ высказываетъ мысль, что жизненное поприще каждаго народа всегда протекаетъ по опредѣленной колѣѣ: отъ варварства народъ переходитъ къ цивилизаціи, преслѣдуя какой-нибудь идеаль; но лишь только этотъ идеаль теряетъ свою силу, народъ постепенно слабѣетъ и мало-по-малу исчезаетъ съ исторической арены.

Осипъ Лурье.

Raoul Pictet.—Étude critique du matérialisme et du spiritualisme par la physique expérimentale. 1 vol., p. 596. Georg. Genève. 1897.

Въ сентябрѣ 1895 г. химикъ Оствальдъ выступилъ въ качествѣ строгаго критика такъ называемаго научнаго матеріализма. Осенью 1896 г. въ Женевѣ другой видный представитель естествознанія, проф. Raoul Pictet, («холодная лабораторія» котораго пользуется всемірною извѣстностью), высказался въ томъ же направленіи. Передъ нами теперь его книга, являющаяся какъ бы системой натуръ-философіи почтеннаго физика. Имя автора и заманчивое заглавіе способны, конечно, возбудить самый живой интересъ.

Большею частью при построении того или другого міровозрѣнія рѣшающей голосъ принадлежитъ теоріи познанія. Чѣмъ глубже проникается умъ фактомъ зависимости познаваемаго отъ познающаго, тѣмъ несостоятельнѣе кажутся ему всякія попытки вывести субъектъ изъ объекта, и онъ вынужденъ примкнуть къ той или другой разновидности идеалистическаго міропониманія.

Raoul Pictet склоняется въ сторону спиритуализма независимо отъ какихъ бы то ни было гнозеологическихъ соображеній. Какъ физикъ, ему трудно отказаться отъ реальности внѣшняго

міра (пространства и матеріи), и всѣ его доказательства носятъ объективно-научный характеръ. Соответственно этому и въ перечнѣ сочиненій, которыми пользовался авторъ, міровые философы почти совершенно отсутствуютъ. Рубрика А (Études philosophiques) занята исключительно трудами Naville'я, долготѣнее личное знакомство съ которымъ оказало, повидимому, сильное вліяніе на взгляды R. Pictet. Зато въ рубрикахъ В и С (Théories relatives à la constitution de la matière и Théorie mécanique de la chaleur) мы встрѣчаемъ имена Euler'a, Laplace'a, Carnot, Biot, Clausius'a, Helmholtz'a, Herz'a и другихъ физиковъ и математиковъ. Здѣсь же пріютился и Кантъ, но не какъ авторъ «Критики чистаго разума», а какъ творецъ (на-ряду съ Laplace'омъ) знаменитой космологической гипотезы.

Это (думается намъ, совершенно неумышленное) игнорированье философіи и метафизики придаетъ книгѣ особый интересъ; въ виду того, что авторъ строитъ свое міровоззрѣніе на такихъ данныхъ, которыми онъ въ совершенствѣ владѣетъ, читателю дается возможность судить, насколько компетентна экспериментальная физика въ рѣшеніи вопроса: матеріализмъ или спиритуализмъ?

Кромѣ непосредственнаго интереса къ предмету, авторомъ въ его изслѣдованіи руководила и чисто «дидактическая» цѣль (стр. 12). Ему хотѣлось бы разсѣять тотъ безотрадный пессимизмъ, къ которому неизбежно приводитъ механическая теорія въ ея обобщеніи на человѣка и его духовную жизнь. Надо развѣ навсегда рѣшить коренную дилемму: свободенъ ли человѣкъ, или нѣтъ? Зависятъ ли его движенія и дѣйствія исключительно отъ физико-химическихъ условій, или въ самой волѣ человѣка есть особая, сама себя опредѣляющая первичная сила? Вся наша «активная дѣятельность», вся «мораль и психологія» зависятъ отъ рѣшенія этой задачи. Если въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ движущейся матеріи,—вопросъ упраздняется самъ собой. Но дѣйствительно ли міръ таковъ, какимъ рисуетъ его механическая теорія? Nons aimons par instinct à faire de la nature morte (171). Для простоты мы поспѣшили изгнать изъ мірозданія силу и пытаемся все объяснить толчками матеріальныхъ частицъ. Надо остерегаться этой излишней склонности къ простотѣ. Вѣдь ошиблись же древніе, заставивъ планеты вращаться по наиболѣе простымъ орбитамъ—окружностямъ! Конечно, теорія толковъ

(théorie des chocs) или кинетическая теорія проще динамической теоріи, допускающей мало понятную «силу». Но какая изъ двухъ теорій лучше объясняетъ дѣйствительность? Вопросъ этотъ могутъ рѣшить только факты. Итакъ, оставаясь все время на почвѣ опытныхъ наукъ, «не прибѣгая ни къ метафизикѣ, ни къ теологіи», посмотримъ, правда ли, что въ мірозданіи нѣтъ мѣста для силы и оправдывается ли наше «инстинктивное влеченіе къ nature morte?»

Такова программа изслѣдованія, намѣченная женевскимъ ученымъ. Перебрать всевозможныя движенія, какія только существуютъ въ природѣ, и установить ихъ причины значитъ, другими словами, пересмотрѣть и проанализировать основные факты цѣлаго ряда наукъ. Это и дѣлаетъ авторъ, причемъ подъ его широкое опредѣленіе «экспериментальной физики», подходятъ и собственно физика, и химія, и вся біологія.

Приступимъ теперь къ изложенію хода мыслей Pictet.

Прежде, чѣмъ отыскивать причины движенія, необходимо обозначить то, что движется.

Послѣдовательное разсмотрѣніе тѣлъ приводитъ все ихъ разнообразіе къ двумъ видамъ движущагося вещества: вѣсомой матеріи и ээиру. Первая непосредственно доступна нашему воспріятію, благодаря своей осязательной инерціи; инерція ээира слишкомъ незначительна и поэтому не можетъ быть обнаружена нашими органами чувствъ. Допущеніе ээира—научный догматъ (dogme scientifique), основанный на цѣломъ рядѣ наблюденій и силлогизмовъ.

Кромѣ вѣсомой матеріи (состоящей изъ атомовъ) и ээира, анализъ не въ состояніи открыть въ природѣ еще какой-либо реальной сущности (entité réelle).

Теперь очередь за причинами движенія, «раціональными сущностями» (entité logique).

Стремленіе отыскивать ихъ основано на присущемъ уму чловека особомъ «интеллектуальномъ инстинктѣ (155). Внутреннее наблюденіе показываетъ намъ, что всѣ наши дѣйствія имѣютъ причину и цѣль. Этотъ фактъ самосознанія мы переносимъ на внѣшній міръ и устанавливаемъ безусловный законъ причинности. Конечно, это—чистѣйшій антропоморфизмъ; но факты оправдываютъ и узаконяютъ его. «Вѣра въ реальное существованіе причины» ежеминутно подтверждается съ поразительной

очевидностью, а потому необходимо признать, что между нашей духовной организаціей и внѣшнимъ міромъ существуетъ какъ бы единство плана, своего рода параллелизмъ.

«Ну, а цѣли?» — Да, онѣ существуютъ! «Но человекъ знаетъ, что ни одно наблюденіе не въ состояніи дать намъ и намекъ на цѣли, преслѣдуемая природой; мы отказываемся отъ рѣшенія этого вопроса, но въ глубинѣ души остается скрытое неудовлетворенное желаніе». «Наша мысль, обращенная къ небу, исполненная безконечной поэзіи, созерцаетъ тѣ невѣдомыя области, откуда, если вѣрять поэтамъ, слетаютъ къ намъ наши радости, печали, надежды; и разумъ нашъ склоняется передъ черною завѣсью, скрывающей отъ насъ горизонтъ: мы никогда не узнаемъ *смысла вещей*» (157).

Отказавшись такимъ образомъ, хотя и по неволѣ, отъ вопроса «зачѣмъ», обратимся къ движенію въ природѣ и посмотримъ, «какъ», «по какой причинѣ» оно происходитъ.

Всемирное тяготѣніе, тяжесть, сцѣпленіе, химическое сродство—всѣ эти причины сводятся, въ концѣ концовъ, къ притяженію. Последнее, въ зависимости отъ масштаба, и получаетъ тѣ или другое названіе.

«Чистый матеріализмъ», изгнавшій изъ вселенной силу, стремится объяснить притяженіе, это «кажущееся» дѣйствіе на разстояніи, посредствомъ колебаній промежуточной среды. Такова извѣстная гипотеза Lesage'a. Въ великой дилеммѣ: сила или толчокъ — матеріализмъ рѣшительно примыкаетъ ко второму рѣшенію, а силу, дѣйствующую на разстояніи, объявляетъ съ точки зрѣнія точной науки «чудовищной нелѣпостью». Но, по мнѣнію Pictet, всѣ попытки свести притяженіе къ движенію эѳира неминуемо приводятъ къ абсурду. Если допустить гипотезу Lesage'a, то выйдетъ, что вѣсь тѣла зависитъ отъ его формы, а земное притяженіе періодически измѣняется, смотря по тому, въ какой точкѣ орбиты находится земля.

Главы XIII, XIV, XV посвящены подробному разбору этой «картезіанской» гипотезы, которая, въ концѣ концовъ, признается авторомъ совершенно несостоятельною. Всѣ относящіяся къ этому вопросу вычисленія собраны въ видѣ приложенія въ концѣ книги.

Итакъ, Raoul Pictet безъ всякаго колебанія становится на сторону «ньютоніанства», признавая, что притяженіе (каковъ бы ни

быль его масштабъ) есть не «кажущееся», а реальное дѣйствіе на разстояніи. А это и есть *сила*.

Въ современной наукѣ есть къ тому же такое понятіе, которое возвращаетъ *силѣ* полное право гражданства. Безчисленные факты доказываютъ существованіе «потенціала». Когда нѣкоторое количество движенія исчезло изъ данной системы и мы не въ состояніи указать его мѣстопребыванія, мы говоримъ, что оно перешло въ потенциалъ. Потенциаль снова можетъ обратиться въ движеніе. Не будучи движеніемъ, онъ представляетъ собой скрытую *возможность* движенія. Превращеніе потенциала въ «живую силу» есть не что иное, какъ созиданіе нѣкотораго количества движенія. Математически онъ выражается разностью живыхъ силъ, но абсолютная величина его совершенно ускользаетъ отъ наблюденія. Его можно представить себѣ какъ огромный резервуаръ (стр. 179), вмѣстимость котораго намъ совершенно неизвѣстна. Въ общемъ надо сознаться, что на современномъ научномъ языкѣ нѣтъ болѣе страннаго и неяснаго термина (стр. 180).

Итакъ, потенциалъ есть такая причина движенія, которая сама не есть движеніе. Онъ вводитъ насъ въ таинственную область нематеріальныхъ причинъ; сила, первопричина (*primus*), духъ—любое изъ этихъ названій можно дать потенциалу. Его установленіе убиваютъ ту матеріалистическую теорію, которая стремится все объяснить *дѣйствительнымъ* (*mouvement actuel*) движеніемъ вещества. Мы вынуждены признать силу, дѣйствующую на матерію изъ области неизвѣстнаго, —силу, какъ отблескъ иного непознаваемого міра, для опредѣленія котораго у насъ нѣтъ ни понятій, ни словъ (*l'inpommable*) стр. 287.

Покончивъ съ неорганическимъ міромъ и показавъ недостаточность чистаго матеріализма для объясненія движенія мертваго вещества, Raoul Pictet переходитъ къ движенію, наблюдаемому въ живыхъ тканяхъ растений и животныхъ. Онъ счастливъ, что имѣетъ возможность приступить къ великому вопросу о жизни, заручившись предварительно потенциаломъ (стр. 220).

Извѣстно, что свойства органическихъ соединеній измѣняются не только въ зависимости отъ состава, но и отъ взаимнаго расположенія частицъ (явленія изомеріи). Въ живой протоплазмѣ сложность состава идетъ рука объ руку съ крайне сложной организаціей. И вотъ, какъ результатъ особаго геометриче-

скаго расположенія молекулъ, появляется возможность новыхъ движеній, функцій, проявляется новый потенциалъ. R. Pictet называетъ его «функціональнымъ потенциаломъ» (potentiel fonctionnel). Клѣтка, ткань, органъ, индивидуумъ, раса—вотъ та «структура», та организація, въ которой проявляется функціональный потенциалъ. Онъ является причиной физиологическихъ функцій растений и животныхъ. Разсмотрѣніе этихъ функцій и ихъ законовъ приводитъ автора къ установленію слѣдующихъ четырехъ функціональныхъ потенциаловъ (стр. 314): дыханія, пищеваренія, размноженія, наслѣдственности.

Можно ли объяснить съ помощью «функціональнаго потенциала» сознательныя дѣйствія человѣка?

Если—да, то свободы не существуетъ, ибо какая же свобода въ стереометрическомъ расположеніи молекулъ! Но безспорно, что сознание есть фактъ *sui generis*, не сводимый на движеніе матеріи. Для объясненія душевной жизни необходимо допустить существованіе особаго «интеллектуальнаго потенциала» (potentiel intellectuel). Сознание свободы—вотъ характерная черта этого потенциала. Фактъ свободы—безспорное данное внутренняго опыта. Человѣкъ обладаетъ способностью направлять свое вниманіе въ какую угодно сторону. Онъ воленъ изъ громаднаго фактическаго матеріала, собраннаго его памятью, выбрать именно тотъ типъ поступка, который наиболѣе соотвѣтствуетъ его влеченію, логикѣ, сознанію добра и зла. Въ случаѣ борьбы влеченій и нравственныхъ требованій, *отъ него самого* зависитъ та степень внутренняго усилія, которая необходима для подавленія низменнаго мотива и торжества идеальнаго. А если человѣкъ *свободно* располагаетъ своимъ вниманіемъ, то онъ хозяинъ и своей собственной воли (стр. 368).

Нескончаемые споры о свободѣ воли можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что само опредѣленіе свободы было крайне сбивчиво и туманно. По мнѣнію Pictet, подъ свободой слѣдуетъ понимать *глубокое, сильное, ясное сознание, что мы вольны совершить или не совершить даннаго поступка*. Это—единственно вѣрное опредѣленіе свободы съ точки зрѣнія «экспериментальной физики» (375).

Свобода—это сила; она равнозначуща «интеллектуальному потенциалу». Нравственность, человѣческое достоинство, прогрессъ—все это рушится, какъ карточный домикъ, если допу-

стить, вмѣсто живительной свободы, безотрадный детерминизмъ. Будемъ же помнить, что мы свободны, и что хотя «интеллектуальный потенциалъ» самъ не выражается въ килограммометрахъ, но подъ его вліяніемъ «функциональный потенциалъ» воздѣйствуетъ на наши нервы и мускулы и можетъ дать въ результатъ большія количества работы. Величина и направленіе этой работы сильно колеблется; эти колебанія зависятъ отъ «регулятивной» роли интеллектуальнаго потенциала, т.-е. всецѣло зависятъ отъ насъ (стр. 447).

Обзоръ причинъ или силъ, производящихъ движеніе, оконченъ. Въ мірѣ неорганическомъ, въ мірѣ растительномъ и животномъ, наконецъ, въ человѣкѣ—вездѣ найдены силы, «потенциалы»—нематеріальныя причины движенія. Такова натурфилософія Raoul'я Pictet. Исполнилъ ли авторъ свою задачу, спасъ ли мораль и психологію и разсѣялъ ли опасную мглу пессимизма? Замѣтимъ, прежде всего, что едва ли морали угрожаетъ опасность со стороны матеріализма, или какого бы то ни было другого теоретическаго міровоззрѣнія. Хотя человѣкъ и есть *ζῷον μεταφυσικόν*, но не въ такой степени, чтобы отвлеченное построеніе могло оказать существенное вліяніе на его практическую дѣятельность. Нравственный законъ, по остроумному выраженію Паульсена, «не возложенъ на насъ тираннически, подобно тому, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія на народы Европы возложена была континентальная система. Онъ, напротивъ, есть законъ нашей внутренней сущности». Поэтому никакая метафизическая гипотеза, вродѣ матеріализма, не въ состояніи его подорвать. Что же касается опасности для психологіи, то она еще болѣе фиктивна.

Психологія, какъ наука о явленіяхъ (все равно возьмемъ ли мы экспериментальную, или интроспективную психологію), существуетъ и развивается совершенно независимо отъ того, какое философское объясненіе дается міру явленій въ его совокупности. Факты и ихъ взаимная связь нисколько не мѣняются, признаемъ ли какъ основу всего существующаго движущуюся матерію, «потенциалъ», или «единое бытіе» элеатовъ.

Не разрѣшилъ R. Pictet и «коренной дилеммы» о свободѣ воли. Онъ приписалъ человѣку способность произвольно располагать своимъ вниманіемъ и, на основаніи этого факта самосознанія, утверждаетъ свободу воли. Но сама «свобода вниманія» тре-

буетъ еще доказательства. Нѣтъ надобности доказывать, что одного только свидѣтельства внутренняго опыта совершенно недостаточно въ вопросѣ, поставленномъ въ такія условія, какъ вопросъ о свободѣ воли. Вѣдь самъ R. Pictet установилъ и законъ причинности, въ качествѣ безспорнаго факта нашего самосознанія, и твердо вѣритъ въ него. Въ невозможности примирить эти два равноправныхъ факта самонаблюденія и заключается чисто-гносеологическая трудность вопроса о свободѣ воли.

Но для ежедневнаго обихода, для морали и общественной жизни, конечно, совершенно достаточно этого внутренняго сознанія свободы. Отъ него въ значительной степени зависятъ наша энергія, инициатива, чувство отвѣтственности, совѣсть. Особенно сильно упирая на это, Raoul Pictet невольно отбѣняетъ одно допущенное имъ терминологическое недоразумѣніе. «Фатализмъ и детерминизмъ» все время употребляются авторомъ какъ синонимы, а между тѣмъ это, конечно, даеко не такъ. Детерминизмъ не исключаетъ ни личной инициативы, ни психическаго усилія, ни значенія человѣческой личности. Очевидно, вся полемика автора направлена противъ фатализма и квѣтизма съ ихъ формулой: будетъ, что будетъ, самое сильное желаніе ничего не поможетъ, надо сложить руки и отдаться роковому теченію. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мертвящая и вредная теорія не имѣетъ ничего общаго съ детерминизмомъ, который только включаетъ и наше усиліе, и наше желаніе въ разрядъ обусловливающихъ мотивовъ, но нисколько не отрицаетъ ихъ силы.

Вообще надо сознаться, что вторая, чисто-философская часть этой книги, гдѣ авторъ покидаетъ родную ему почву физики въ собственномъ смыслѣ, страдаетъ несомнѣнными ошибками. Обѣщаніе строго придерживаться научнаго метода было нарушено съ того момента, какъ были созданы вышеприведенные «функциональные потенціалы». Не говоря уже объ ихъ полной произвольности, удивляешься, отчего авторъ ограничился только четырьмя. Отчего не допустить столь же чисто словеснаго потенціала кровообращенія, желчеотдѣленія и проч.? Вѣроятно оттого, что движеніе крови можно всецѣло объяснить законами гидродинамики. Но вѣдь и дыханіе сводится на физическіе и химическіе законы, такъ что «функциональный потенціалъ дыханія» является только отвлеченнымъ терминомъ для обозначенія

конкретнаго факта. Невольно вспоминается: *Opium endormit parce qu'il a une vertu soporifique.*

Напрасно авторъ, не «желая вдаваться въ метафизику и теологию», многого не договорилъ о своихъ потенціалахъ. Непонятно, расположеніе ли молекулъ даетъ въ результатъ «функциональный потенціалъ», или послѣдній самъ приводитъ молекулы въ нѣкоторое отношеніе другъ къ другу, чтобы имѣть возможность проявиться? Далѣе, «интеллектуальный потенціалъ», не дающій самъ по себѣ килограмметровъ, можетъ однако воздѣйствовать на функциональный потенціалъ и давать въ результатъ работу; является мысль о нѣкоторой іерархической лѣстницѣ потенціаловъ, гдѣ низшіе потенціалы подчиняются высшему. А тогда возникаетъ мысль о единомъ міровомъ потенціалѣ, проявляющемся въ различной степени, сообразно классу явленій. Такой «энергетизмъ», въ общемъ напоминающій теорію Оствальда, однако отличается отъ послѣдней въ существенномъ пунктѣ. У Оствальда больше критицизма, а слѣдовательно и широты; для него матерія со всѣми ея свойствами—только проявленіе неизвѣстной энергіи, а не *entité réelle* Raoul'я Pictet. Женевскій физикъ стоитъ на точкѣ зрѣнія научнаго атомизма; онъ принимаетъ его догматически, не упоминая даже о новѣйшихъ попыткахъ (Helmholtz'a, Thomson'a) замѣнить его другими гипотезами; его дуалистическая теорія съ инертной матеріей, подвергающейся дѣйствію нематеріальныхъ силъ, представляетъ собою не что иное какъ обыденный реализмъ, переведенный на научный языкъ.

Попадаются въ книгѣ ошибки, производящія очень непріятное впечатлѣніе: «шопенгауэризмъ» отождествляется съ «материализмомъ», знаменитое «*cogito ergo sum*» приписывается Канту (331),—все это заставляетъ пожалѣть, что изъ всѣхъ философовъ одинъ только Ernest Naville пользуется расположеніемъ автора.

Мы не будемъ касаться первой части книги R. Pictet, посвященной почти исключительно астрономіи и физикѣ. Скажемъ только, что многія главы и по содержанію, и по блестящему изложенію (стиль R. Pictet, вообще, прекрасенъ) способны доставить умственное и эстетическое наслажденіе. Это — талантливое, глубоко продуманное *credo* современнаго ньютоніанца.

Скажемъ въ заключеніе, что книга Pictet, а также рѣчь Ост-

вальда—безспорныя знаменія времени. Среди естествоиспытателей все болѣе и болѣе распространяется сознание, что механическая теорія не можетъ объяснить *всей* совокупности вещей. Остается «непріятный остатокъ, сильно мѣшающій теоріи», «міровая загадка» Дю-Буа-Реймона. Потребность включить фактъ сознания въ общую натуръ-философію и побуждала человѣчество создавать во всѣ времена рядомъ съ неизмѣнной *nature morte*—огонь, *υἷς* и то «Слово», которое было въ началѣ.

Ю. Каннабихъ.

Felix Le Dantec. *Théorie nouvelle de la vie.* Paris, 1896, p. 323. (Bibliothèque Scientifique Internationale).

Едва ли можно указать какой-нибудь другой предметъ изъ области естественныхъ наукъ, который въ настоящее время привлекалъ бы къ себѣ большее вниманіе, чѣмъ проблемы общей біологіи. Эти вопросы служатъ предметомъ особеннаго интереса въ Германіи, гдѣ ежегодно выходитъ нѣсколько книгъ, посвященныхъ или анализу разнообразныхъ біологическихъ теорій, или попыткамъ построить свои собственные на развалинахъ старыхъ. Французская біологическая литература въ этомъ отношеніи менѣе счастлива, хотя и тамъ въ послѣднее время появляются выдающіяся произведенія въ этомъ родѣ. Таково, наприм., замѣчательное сочиненіе Деляжа («*La structure du protoplasma et les théories sur l'hérédité et les grands problèmes de la biologie générale.*» Paris, 1895), особенно цѣнное изложеніемъ многочисленныхъ біологическихъ теорій и своими библиографическими указаніями. Къ числу подобныхъ же произведеній принадлежитъ и книга Ле Дантека, хотя авторъ, повидимому, не столько имѣетъ въ виду разборъ существующихъ теорій, сколько дѣлаетъ попытку къ построению своей собственной, смѣло называя ее «новой».

Разбираемая книга состоитъ изъ трехъ частей, которымъ предшествуетъ довольно обширное введеніе. Это послѣднее содержитъ въ себѣ изложеніе существенныхъ взглядовъ автора, чѣмъ и опредѣляется дальнѣйшее расположеніе матеріала.

Авторъ предостерегаетъ отъ ходячаго представленія о жизни и смерти, по которому оба эти понятія, употребляясь безъ различія въ приложеніи къ разнообразнымъ видамъ существъ, суть нѣчто первоначальное, вродѣ понятій пространства, времени

и т. п. Считая такое представленіе несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, авторъ предсказываетъ ему судьбу флогистона, ибо приписывать живымъ тѣламъ спеціальныя свойства жизни и смерти—то же самое, что приписывать всѣмъ горючимъ веществамъ особенное свойство горѣнія. Не соглашаясь съ Кл. Бернаромъ, который считалъ излишнимъ опредѣленіе жизни, какъ и вообще всякое опредѣленіе естественныхъ вещей (*des choses naturelles*), авторъ настаиваетъ на точномъ опредѣленіи понятія жизни, причемъ это опредѣленіе должно измѣняться сообразно съ различіемъ въ сложности строенія разнообразныхъ живыхъ существъ. По мнѣнію автора, при опредѣленіи понятія жизни нужно дѣлать строгое различіе между существами одноклѣточными или, по его терминологіи, монопластидарными (*monoplastidaires*) и существами многоклѣточными или полипластидарными (*polyplastidaires*). Жизнь пластиды и жизнь полипластидарнаго существа—двѣ вещи совершенно различныя. Жизнь полипластидарнаго организма обусловливается не столько отдѣльною жизнью единичной пластиды, сколько «синергическимъ функціонированіемъ пластидъ», «координаціею этихъ элементарныхъ активностей» (11—12). Поэтому, при объясненіи жизни какого-нибудь высшаго организма, нужно обращать вниманіе не столько на отдѣльную жизнь каждой пластиды, сколько на связь всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ пластидъ, которыя входятъ въ составъ этого живого существа. Приписываніе сложной жизненной дѣятельности каждой изъ отдѣльныхъ клѣтокъ въ этомъ случаѣ столь же излишне и незаконно, какъ незаконно въ процессѣ ткацкаго производства приписывать всѣ разнообразныя функціи каждой изъ отдѣльныхъ частей ткацкой машины (10).

Вмѣстѣ съ вопросомъ объ опредѣленіи понятія жизни авторъ затрогиваетъ вопросъ объ отношеніи спеціально біологическаго изслѣдованія къ дѣятельности сознанія, имѣющей мѣсто въ тѣхъ же живыхъ существахъ. Авторъ не согласенъ съ тѣми изслѣдователями, которые расширяютъ понятіе сознанія настолько, что считаютъ возможнымъ приписывать его самымъ низшимъ видамъ живыхъ существъ. Признавая съ своей стороны невозможнымъ точно опредѣлить границы сознанія, авторъ большинство, повидимому, сознательныхъ дѣйствій протистовъ склоненъ объяснять чисто-механическими причинами, безъ всякаго участія психическихъ факторовъ. Но и по отношенію къ высшимъ жи-

вымъ существамъ біологическое изслѣдованіе, по мнѣнію автора, должно оставить въ сторонѣ сознательныя явленія и объяснять біологическіе процессы такимъ образомъ, какъ будто бы сознанія и совѣмъ не было. Само собою понятно, что при такой постановкѣ дѣла біологъ прежде всего долженъ вооружиться самыми основательными свѣдѣніями изъ области физико-химическихъ наукъ.

Первая часть сочиненія посвящена изслѣдованію жизни существъ монопластидарныхъ, которую авторъ называетъ «жизнью элементарной» (*la vie élémentaire*). Эта часть, въ свою очередь, раздѣляется на три главы, въ которыхъ авторъ постепенно восходитъ къ выясненію элементарной жизни путемъ наблюденія жизненныхъ явленій сначала въ короткій промежутокъ времени (*observation de courte durée*), затѣмъ—на протяженіи болѣе длиннаго періода (*de longue durée*) и наконецъ—въ очень продолжительное время (*de très longue durée*). Въ первой главѣ авторъ съ особенною подробностью останавливается на различныхъ видахъ движенія пластидъ, доказываетъ произвольность этихъ движеній, выясняетъ важное значеніе хлорофилла въ явленіяхъ этого рода, много говоритъ о процессѣ усвоенія пластидами постороннихъ веществъ и приходитъ къ заключенію, что «между явленіями, наблюдаемыми въ живой пластидѣ въ одинъ данный моментъ, нѣтъ ни одного, которое не сводилось бы къ физикѣ и химіи мертвыхъ тѣлъ» (83).

Въ слѣдующей главѣ авторъ пытается уяснить существенный характеръ жизни, выражающійся въ «совокупности жизненныхъ явленій, результатомъ чего является устойчивость состава (живого тѣла), сохраненіе всѣхъ свойствъ живого существа, обозначенное терминомъ «ассимиляція» въ этимологическомъ смыслѣ слова» (88). Этотъ характернѣйшій процессъ жизни можетъ имѣть мѣсто только въ присутствіи ядра, въ противоположность ранѣе указаннымъ движеніямъ, которыя могутъ происходить и въ безъядерной протоплазмѣ. До сего времени химія не разъяснила намъ сущности этого явленія, но никто не сомнѣвается, что вполне возможное проникновеніе въ молекулярную структуру пластическихъ веществъ объяснитъ намъ характеръ этого типичнаго процесса жизни (III).

Далѣе авторъ касается вопросовъ о природѣ раздражимости, которую онъ сводитъ къ неустойчивости пластическаго веще-

ства и къ ассимиляціи, маскирующей эту неустойчивость» (140), подчеркивает тѣсную связь между морфологіей и фізіологіей пластидъ, довольно подробно говоритъ объ эволюціи пластиды и, наконецъ, затрогиваетъ вопросъ о смерти и индивидуальности пластидъ. Оба послѣднія понятія, по мнѣнію автора, совсѣмъ не могутъ быть употребляемы по отношенію къ элементарной жизни въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы пользуемся ими въ приложеніи къ многоклеточнымъ организмамъ.

Послѣдняя глава первой части трактуетъ вопросы о филогенетической эволюціи пластидъ, говоритъ о приспособленіи къ средѣ, о жизненной конкуренціи и касается вопроса о происхожденіи жизни. Эта послѣдняя проблема рѣшается авторомъ въ смыслѣ временнаго происхожденія живыхъ существъ, которыя нѣкогда могли явиться подъ формою монеръ и постепенно развиваться путемъ химической эволюціи (194). Итакъ, заключаетъ авторъ, «жизнь элементарная должна быть рассматриваема какъ химическое свойство извѣстныхъ тѣлъ, называемыхъ пластидами» (201).

Вторая часть, по объему почти вдвое меньшая первой, посвящена изслѣдованію жизненныхъ явленій у полипластидарныхъ существъ. Она раздѣляется на двѣ главы, изъ которыхъ первая носить названіе «многоклеточный индивидуумъ», вторая—«воспроизведеніе многоклеточныхъ».

Въ первой главѣ авторъ всюду подчеркиваетъ свою основную мысль о различіи элементарной жизни отъ жизни полипластидарныхъ организмовъ и поэтому старается съ особенною рельефностью показать важность разнообразныхъ комбинацій и взаимодействій элементарныхъ активностей. Онъ очень подробно излагаетъ свою теорію «неполныхъ пластидъ», играющихъ столь большую роль въ образованіи анатомическихъ элементовъ, показываетъ важное значеніе внутренней среды и нервной системы въ біологическихъ процессахъ и особенно долго останавливается на выясненіи закона «функціональной ассимиляціи», гдѣ не мало полемизируетъ съ Кл. Бернаромъ, который въ самомъ процессѣ функціонированія уже видѣлъ явленіе прижизненнаго разрушенія.—Далѣе авторъ затрогиваетъ вопросъ объ индивидуальности многоклеточныхъ организмовъ и приходитъ къ заключенію, что по отношенію къ разнымъ видамъ живыхъ существъ понятія объ индивидуальности очень различны.—Наконецъ, авторъ касается

явленій органическаго равновѣсія, состарѣванія и смѣрти многоклеточныхъ. Причина одряхлѣнія и слѣдующей за нимъ смѣрти заключается, по мнѣнiю автора, не въ клеточной дифференціаціи, уменьшающей способность къ дальнѣйшему дѣленію, какъ думаютъ нѣкоторые, а въ постепенномъ накопленіи въ организмѣ веществъ, препятствующихъ свободному функціонированію анатомическихъ элементовъ.

Въ главѣ «о воспроизведеніи» авторъ очень кратко затрогиваетъ такія важнѣйшія проблемы біологіи, какъ явленіе партеногенезиса, процессъ оплодотворенія и явленія наслѣдственности.

Послѣдняя часть: «Психическая жизнь»—представляется у автора всего семью страничками. Здѣсь авторъ снова отбѣняетъ свою эпифеноменистическую точку зрѣнія въ біологическихъ изслѣдованіяхъ и вмѣстѣ съ этимъ старается дать представленіе о психической индивидуальности, тѣсно обусловливаемой цѣлостью структуры нервной системы.

Въ заключеніе авторъ говоритъ, что главная цѣль, которую онъ преслѣдовалъ при изложеніи своей книги, состоитъ въ томъ, чтобы показать, что «наблюденіе надъ живыми существами не открываетъ намъ ничего такого, что находилось бы внѣ естественныхъ законовъ (физики и химіи)» (320).

Авторъ, быть можетъ, говоритъ слишкомъ много, называя свою теорію «новою». Мы не касаемся частныхъ, но основная мысль книги—провести строгое различіе между жизнью элементарною и жизнью многоклеточныхъ существъ—сама по себѣ, конечно, не нова, и новизна ея въ данномъ случаѣ можетъ заключаться развѣ только въ той настойчивости, съ которою авторъ всюду старается подчеркнуть ее. Но это по слѣднее качество едва ли можно счесть за положительное достоинство, ибо въ такомъ подчеркиваніи указанной мысли нельзя не видѣть нѣкоторой односторонности. На самомъ дѣлѣ, признавая большое различіе между жизнью одноклеточныхъ и многоклеточныхъ организмовъ, нельзя однако не согласиться, что сущность жизни въ біологическомъ смыслѣ заключается главнымъ образомъ въ жизни единичной клетки. Пока основные жизненные процессы пластиды не сведены къ физико-химическимъ причинамъ (а это признаетъ самъ авторъ относительно типичнѣйшаго процесса жизни—ассимиляціи), истолкованіе жизненныхъ явленій и у высшихъ животныхъ не можетъ

быть вполне удовлетворительнымъ. Этимъ обстоятельствомъ, повидимому, объясняется и тотъ фактъ, что громадное большинство новѣйшихъ біологическихъ изслѣдованій посвящено именно жизни клѣтки. Да и самъ авторъ расположеніемъ материала въ своей книгѣ невольно подтверждаетъ этотъ же принципъ, отводя изслѣдованію элементарной жизни почти вдвое больше мѣста, чѣмъ жизненнымъ явленіямъ многоклѣточныхъ существъ. Впрочемъ, нужно вообще сказать, что основныя біологическія явленія многоклѣточныхъ организмовъ трактуются у автора слишкомъ кратко и онъ очень мало мѣста удѣляетъ такимъ важнымъ проблемамъ общей біологіи, какъ процессъ воспроизведенія и явленія наследственности. Этотъ же упрекъ въ краткости можно повторить и въ отношеніи къ изложенію авторомъ психической дѣятельности. Правда, эпифеноменистическая точка зрѣнія, повидимому, освобождала автора отъ болѣе подробнаго трактованія этого предмета, но все-таки какъ-то странно видѣть въ ученомъ сочиненіи громкое заглавіе: «Психическая жизнь» надъ нѣсколькими страничками. Наконецъ, какъ на частный недостатокъ книги, можно указать на отсутствіе точной цитации въ изложеніи автора. Ле Дантекъ очень нерѣдко ссылается на спеціальныя работы разныхъ ученыхъ, называя только имена послѣднихъ и почти совсѣмъ не указывая самыхъ сочиненій. Это тѣмъ болѣе неудобно, что у автора нѣтъ и отдѣльнаго перечня произведеній упоминаемыхъ имъ изслѣдователей.

Но, указывая нѣкоторые недостатки книги, мы совсѣмъ не думаемъ умалять ея выдающихся положительныхъ качествъ. Книга Ле Дантека является строго научнымъ произведеніемъ, авторъ котораго стоитъ вполне на высотѣ требованій, предъявляемыхъ къ современному біологу. Онъ хорошо вооруженъ обширными физико-химическими познаніями, столь необходимыми изслѣдователю жизни, держится истинно-научнаго механическаго метода при объясненіи біологическихъ процессовъ и вполне чуждъ тѣхъ виталистическихъ тенденцій, которыя нерѣдко выплываютъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеніяхъ современной біологической литературы. Усвоенная авторомъ точка зрѣнія эпифеноменизма сознанія въ біологическихъ процессахъ можетъ почитаться вполне правильною, хотя она, конечно, не исключаетъ совсѣмъ незатронутаго авторомъ вопроса объ отношеніи между нѣкоторыми біологическими функціями и психи-

ческими процессами у высшихъ изъ живыхъ существъ. Но, какъ бы то ни было, эта точка зрѣнія въ біологическихъ изслѣдованіяхъ гораздо плодотворнѣе, чѣмъ приписываніе отдѣльной клѣткѣ очень сложной психической дѣятельности, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ неовиталистовъ. Вообще, критическое отношеніе къ разнымъ теоріямъ и полная научность метода выгодно выдѣляютъ эту книгу среди многочисленныхъ біологическихъ изслѣдованій послѣдняго времени, и поэтому можно только порадоваться, что она включена въ каталогъ изданій «Международной научной бібліотеки».

Н. Виноградовъ.

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Этюдъ о творествѣ Тургенева. Харьковъ, 1896.

Трудъ проф. Овсяннико-Куликовскаго представляетъ собой далеко не заурядное явленіе въ нашей критической литературѣ. Это — одна изъ тѣхъ цѣнныхъ книгъ, которыя, если и не исчерпываютъ своего предмета, то все-таки заставляютъ читателя подумать о многомъ, что до сихъ поръ проходило для него незамѣченнымъ, и на многое взглянуть съ новой точки зрѣнія.

Авторъ считаетъ Тургенева однимъ изъ величайшихъ представителей *объективно* творчества, противопоставляя его гр. Л. Н. Толстому, въ творествѣ котораго преобладаетъ *субъективный* элементъ, въ смыслѣ воспроизведенія (преимущественно) такихъ типовъ, характеровъ и умонастроеній, которые являются болѣе или менѣе родственными личности самого художника. Источникъ этого объективизма заключается, по мнѣнію автора, въ нѣкоторомъ психическомъ ритмѣ, въ *ритмъ контрастовъ*, заставляющемъ людей съ соотвѣтственнымъ душевнымъ предрасположеніемъ искать внѣ себя нѣ котораго «дополненія» собственной личности, ради осуществленія гармоніи духа. Лицъ съ подобнымъ предрасположеніемъ «изученіе человѣческой фізіономіи, чужой жизни интересуется больше, чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей» (слова Тургенева въ письмѣ къ г. Кигну), и притомъ «человѣческая фізіономія» тѣмъ болѣе привлекаетъ къ себѣ ихъ вниманіе, чѣмъ менѣе находятъ они соотвѣтственныхъ чертъ въ собственной личности, такъ что люди противоположнаго типа нерѣдко возбуждаютъ въ нихъ настоящую влюбленность, «влеченье — родъ недуга». Если человѣкъ съ

такимъ объективнымъ складомъ ума и характера является въ то же время и художникомъ, то онъ и въ творествѣ своемъ неминүемо будетъ подчиняться вліянію того психическаго ритма, которому онъ подчиняется и въ личной жизни. Становясь на эту точку зрѣнія, авторъ задается цѣлью «прослѣдить, какъ живетъ Тургеневъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ, въ какихъ типахъ ищетъ онъ дополненія себѣ, и гдѣ тотъ специальный душевный ритмъ, котораго осуществленія онъ искалъ въ своемъ творчествѣ» (стр. 7)

Въ числѣ мужскихъ фигуръ у Тургенева есть нѣсколько такихъ, къ которымъ онъ относится съ нескрываемою симпатіей и которыя въ то же время въ большей или меньшей степени по своему складу оказываются противоположными самому Тургеневу. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ Базарову и Соломину. По поводу перваго изъ нихъ г. Овсянико-Куликовскій напоминаетъ слова самого Тургенева, характеризовавшаго въ письмѣ къ Салтыкову творческой процессъ, результатомъ котораго явился образъ Базарова: «я писалъ наивно, словно самъ дивясь тому, что у меня выходило... тутъ былъ какой-то фатумъ, что-то сильнѣе самого автора, что-то независимое отъ него». Пользуясь этимъ признаніемъ художника, авторъ отождествляетъ эту «наивность» и этотъ «фатумъ» съ элементомъ бессознательнаго, свойственнымъ всякому художественному творчеству, и сводитъ ихъ къ ритмическому движенію души, къ стремленію создать дополнительную личность и достичь гармоніи (стр. 21). Болѣе того: создавая образъ Базарова, художникъ самъ становится «образомъ обобщающимъ», типомъ и въ этомъ видѣ ищетъ себѣ дополненія въ томъ, что создаетъ. «Базарова написалъ не индивидуальный Ив. Серг. Тургеневъ, а Тургеневъ—типъ и представитель лучшихъ людей дворянства 40—60 годовъ, западникъ, идеалистъ... Онъ какъ бы собралъ въ себѣ въ эту минуту всю сумму дворянской мягкости, эстетики прекраснодушія, оторванности отъ почвы и т. д. и ощущалъ душевную потребность—увидѣть и полюбить воплощеніе противоположныхъ чертъ, базаровскихъ». Но на ряду съ этими противоположными самому Тургеневу чертами, Базаровъ обладаетъ еще и одной важной особенностью духа, роднящей его съ создавшимъ его художникомъ и дѣлающей возможнымъ ихъ гармоническое сочетаніе: эта особенность заключается въ способности къ внутренней свободѣ, совершенно от-

существующей, напимѣрь, у Павла Кирсанова, для котораго поэтому Базаровъ никоимъ образомъ не можетъ служить «дополнительной личностью». Эта особенность Базарова не позволяетъ смотрѣть на него, какъ на представителя «нигилистовъ» или «мыслящихъ реалистовъ» 60-хъ гг. Къ этому движенію, по мнѣнію г. Овсянико-Куликовскаго, Базаровъ примыкаетъ чисто внѣшнимъ образомъ. Еще менѣе можно назвать его революціонеромъ, какъ это сдѣлалъ самъ Тургеневъ въ одномъ частномъ письмѣ, потому что настоящіе революціонеры большей частью фанатики идеи, слѣдовательно люди внутренно-несвободные и имъ совершенно чужды скептицизмъ, который свойственъ Базарову. Скептицизмъ этотъ естественно вытекаетъ изъ той вѣчной неудовлетворенности, неспособности найти себѣ удовлетвореніе, изъ того отсутствія равновѣсія духа, отъ которыхъ страдаетъ Базаровъ и которыя заставляютъ его, при взглядѣ на человѣческую жизнь и дѣятельность, испытывать «только скуку да злость». Съ этой точки зрѣнія онъ отказывается понимать людей, которые «заняты и не беспокоятся о собственномъ ничтожествѣ, которымъ оно не смердитъ»... (гл. XXI). Эта черта Базарова, эта «самоломанность» его, рѣзко отличаетъ его, по мнѣнію автора, отъ натуръ и умовъ заправски-революціонныхъ, такъ какъ, съ психологической точки зрѣнія, нѣтъ людей болѣе *занятыхъ*, болѣе уравновѣшанныхъ, чуждыхъ скептицизма и сомнѣній, какъ именно революціонеры. Но если Базаровъ не есть ни представитель нигилизма 60-хъ годовъ, ни воспроизведеніе революціоннаго типа, то что же онъ такое?—Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Овсянико-Куликовскій находитъ прежде всего, что образъ Базарова нужно понимать гораздо шире, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно, что въ немъ «апперципированы» нѣкоторыя общечеловѣческія черты и дано конкретное выраженіе извѣстному укладу человѣческаго духа. Базаровъ вовсе не общественный типъ, не представитель даннаго историческаго момента, это—«нѣчто въ родѣ видѣнія художника», и, создавая его образъ, Тургеневъ «стремился удовлетворить какой-то настоящей и очень интимной потребности своего ума и своей души». Въ этомъ стремленіи, думаетъ авторъ, и скрывается субъективная сторона въ созданіи этой столь объективной фигуры. Для выдѣленія этого субъективнаго элемента онъ обращается къ разбору двухъ произведеній Тургенева, хронологически примыкающихъ къ «Отцамъ и Дѣтямъ» и уясня-

ющихъ настроеніе художника въ этотъ періодъ его жизни. Въ «Призракахъ» и въ «Довольно» это настроеніе, признаки котораго уже раньше объективировались въ соответствующихъ чертахъ Базарова, нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе. Душевная усталость, сознание всеобщаго ничтожества, безотрадно-пессимистическій взглядъ на жизнь, на природу и на искусство, — вотъ характерныя черты того тяжелаго состоянія, подъ властью котораго находился Тургеневъ. Но все это только симптомы психической неуравновѣшенности; причину же ея слѣдуетъ искать въ самомъ складѣ его личности, или — точнѣе — въ *характерѣ ея мышленія*. Пессимизмъ «Довольно», «Призраковъ» и соответственныхъ мѣстъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» — *головного* происхожденія и вытекаетъ изъ свойствъ тургеневскаго ума, который авторъ относитъ къ разряду недѣловыхъ, созерцательныхъ, философски-консервативныхъ умовъ «ренановскаго» типа. Для такихъ умовъ идея развитія, трансформизма, является обыкновенно чуждой; она не входитъ интегрирующей частью въ рамки ихъ мышленія, и человѣческая жизнь и исторія представляются имъ одной «безконечной тавтологіей» (по выраженію Потебни). Консервативность пріемовъ ихъ мысли выражается прежде всего въ томъ, что категория субстанции безусловно преобладаетъ въ ихъ мышленіи. Отсюда истекаетъ ихъ склонность гипостазировать такія понятія, какъ *природа, красота, искусство, личность*, которыя для современной мысли являются уже не субстанціями, а процессами (стр. 37 сл.). Понятно, что, рассматривая эти мнимыя субстанции какъ самодовлѣющія начала и видя неустойчивость и случайность ихъ существованія, ихъ «бренность», человѣческая мысль неминуемо должна прійти въ ужасъ передъ беспощадною силой уничтоженія, поглощающей все живое, передъ силой, которая нашла себѣ воплощеніе въ мифологическомъ образѣ *смерти*. «Да, поди, попробуй отрицать смерть, — она меня отрицаетъ и баста!» говоритъ Базаровъ. Но онъ не пасуетъ передъ неумолимымъ рокомъ, онъ бодро смотритъ въ лицо смерти, умираетъ такимъ же, какимъ и жилъ. Конечъ его трагиченъ, — но не потому, что онъ умираетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, еще не успѣвши ничего сдѣлать, а потому, что и жизнь его была трагична. Трагизмъ его положенія заключается въ томъ, что, несмотря на всю желѣзную силу его духа, на смѣлость мысли, на способность внутренней свободы и самоопредѣленія, онъ органически, вслѣд-

ствіе своей «самоломанности», не способенъ приложить къ какому-либо живому дѣлу эту мощную силу ума и воли. Ему «смердить» ничтожество собственной жизни, собственной личности, этой самодовлѣющей субстанции, отъ вѣка обреченной на уничтоженіе. Но и умирая, Базаровъ сохраняетъ гордое сознание своей силы. Смерть Базарова—это апофеозъ его личности, рѣшительная побѣда фантома индивидуальнаго я надъ фантомомъ смерти... «Взятая вмѣстѣ, какъ одно поэтическое цѣлое, «Отцы и Дѣти», «Призраки» и «Довольно» останутся важнымъ документомъ, великимъ памятникомъ эпохи, характерными чертами которой были крайнее развитіе личности въ направленіи эгоистическомъ, отсутствіе гармоніи между ней и обществомъ, борьба противоположныхъ интересовъ,—эпохи, когда на почвѣ одно-сторонняго индивидуализма возвеличеніе личности, ея апофеозъ шли рядомъ и чередовались съ ея крушеніемъ, ея «ничтожествомъ». Какъ выразитель духа эпохи, Тургеневъ далъ въ Базаровѣ, «Призракахъ» и «Довольно» яркое выраженіе этой черты и связанныхъ съ нею думъ и чувствъ, — цѣлаго міросозерданія». (стр. 71).

Мы нарочно остановились подробнѣе на разборѣ образа Базарова, чтобы на конкретномъ примѣрѣ познакомить читателя съ основными точками зрѣнія автора, съ его критическими приѣмами и съ поставленной имъ себѣ задачей. Размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ намъ коснуться остальныхъ главъ книги, изъ которыхъ одна посвящена Соломину, а остальные—женскимъ типамъ Тургенева (Зинаидѣ изъ «Первой любви», Вѣрѣ изъ «Фауста» и Лизѣ, героинѣ «Дворянскаго гнѣзда»). Задача автора по преимуществу психологическая: онъ поставилъ себѣ цѣлью, съ одной стороны, выяснить механизмъ художественнаго творчества, а съ другой—приложить къ анализу литературныхъ типовъ принципы современной научной психологіи. Если даже смотрѣть на послѣднее выраженіе какъ на *singularis euphemisticus*, то и тогда мы не можемъ не быть признательными автору за его попытку поставить дѣло на болѣе или менѣе твердую почву и замѣнить тотъ примитивный суррогатъ психологіи, которымъ до сихъ поръ по большей части довольствовались литературные критики, дѣйствительно научнымъ анализомъ художественныхъ образовъ, основаннымъ на серьезномъ отношеніи къ основнымъ вопросамъ науки о духѣ. Можно во многомъ не соглашаться съ

авторомъ, можно находить невѣрными и преждевременными многія изъ его утвержденій, но все это нисколько не лишаетъ его книги безусловнаго значенія, какъ показателя новаго направленія въ русской литературной критикѣ. Нужно только пожалѣть, что г. Овсяннико-Куликовскій не постарался по возможности объять всей сферы творчества Тургенева и поэтому обошелъ молчаніемъ всю серію «лишнихъ людей», столь важныхъ для характеристики самого художника, — если не считать нѣсколькихъ замѣчаній, посвященныхъ Нежданову, „самому лишнему изъ всѣхъ лишнихъ людей Тургенева“.

В. Саводникъ.

В. Ф. Залѣскій. Власть и право. Философія объективнаго права. Казань. 1897 г.

Сочиненіе это появляется въ высшей степени своевременно, — когда интересъ къ общимъ юридическимъ вопросамъ снова возродился, когда юристы всѣхъ специальностей пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что изслѣдованіе частныхъ вопросовъ тогда только можетъ быть плодотворно, когда при этомъ, болѣе или менѣе отчетливо, сознается понятіе права и его отношеніе къ смежнымъ понятіямъ. Къ сожалѣнію, авторъ отвѣчаетъ этой потребности сознанія лишь отчасти; въ своей книгѣ онъ занимается только понятіемъ объективнаго права, совершенно не касаясь права субъективнаго и лишь вскользь, мимоходомъ, останавливаясь на вопросѣ объ отношеніи права къ государству.

Все сочиненіе раздѣляется на три части. *Въ первой*, вступительной, дается довольно подробный очеркъ міросозерцанія эволюціонизма, *во второй* — предлагается исторія воззрѣній на существо и источникъ права со временъ Савиньи вплоть до нашихъ дней, а *въ третьей*, заключительной, — авторъ излагаетъ свою теорію права. Насколько объ этомъ можно судить по списку трудовъ, помѣщенному на обложкѣ, авторъ не специалистъ въ юридическихъ наукахъ, и нужно думать, что свои воззрѣнія на право онъ выяснялъ аналитически, путемъ изученія исторіи науки; но для того, чтобы оцѣнить его изслѣдованіе, необходимо начать обзоръ его съ конца: несомнѣнно, что собственными теоріями автора опредѣляется точка зрѣнія при оцѣнкѣ другихъ теорій, и даже самый ихъ выборъ. Лишь при чтеніи послѣднихъ страницъ книги начинаешь понимать, для чего нужно было такое

подробное изложене теорій наслѣдственности и дарвинизма, и каково ихъ отношеніе ко всей второй части.

По своимъ философскимъ воззрѣніямъ, г. Залѣскій — убѣжденный позитивистъ: въ его глазахъ имѣютъ значеніе только факты; всякая теорія, выводящая свои понятія изъ философскаго міросозерцанія, есть «метафизика», и этого позорнаго опредѣленія совершенно достаточно, чтобы безповоротно осудить всю теорію (наприм., стр. 139, 192 и др.). Насколько авторъ остается, одна ко, вѣренъ своему позитивизму, мы увидимъ впоследствии. Весь міровой процессъ представляется ему ничѣмъ инымъ, какъ «интеграціей матеріи и разсѣяніемъ движенія» (стр. 287); въ результатѣ этой интеграціи получаютъ тѣла, различныя по сложности строенія, и самыя сложныя изъ нихъ—существа органическія. Всѣ эти существа подлежатъ общему закону борьбы за существованіе,—противодѣйствія тѣмъ внѣшнимъ толчкамъ, которые способны разрушить данную комбинацію матеріи. Этотъ законъ неизбѣженъ и для «общественнаго организма» (стр. 290); но здѣсь индивидуальная борьба постепенно уступаетъ борьбѣ коллективной, борьбѣ за жизнь самого общества. Смѣна индивидуализма социальными наклонностями происходитъ путемъ естественнаго подбора и наслѣдованія пріобрѣтенныхъ качествъ, вслѣдствіе чего въ членахъ общества постепенно *развиваются* полезныя для нихъ «психическія свойства» — правила нравственности, которыя потомъ дифференцируются въ моду, нравы, обычаи, мораль и право. Откуда берутся эти и вообще всякія психическія свойства, авторъ не разъясняетъ,—онъ говоритъ лишь о ихъ развитіи; по всей вѣроятности, онъ представляетъ себѣ ихъ рожденіе *ex nihilo* *). Ибо для г. Залѣскаго. міровой процессъ есть только процессъ матеріальный, а матерія, въ обычномъ словоупотребленіи, характеризуется какъ отсутствіе всякаго психическаго элемента. — Но оставимъ это темное мѣсто и обратимся къ этическимъ воззрѣніямъ автора, который въ этомъ отношеніи исповѣдуетъ утилитаризмъ: нравственно то, что полезно для общества. Я не буду останавливаться на общихъ воззрѣніяхъ противъ утилитаризма, на мой взглядъ, въ корнѣ несостоя-

*) Ср. стр. 289: «...когда въ живыхъ организмахъ загорается первая искра сознанія—борьба за существованіе получаетъ свое внутреннее выраженіе въ *чувствѣ* самосохраненія» (курсивъ мой).

тельнаго, — укажу лишь на то, что самъ авторъ признаетъ (стр. 292) возможность вредныхъ для общества нравственныхъ правилъ, которыя, несмотря на свой вредъ, не теряютъ вѣдь нравственнаго характера. Авторъ, вѣроятно, отвѣчаетъ на это возраженіе тѣмъ, что такія правила постепенно исчезаютъ; но, во-первыхъ, это — плохой отвѣтъ (они исчезаютъ «постепенно», — слѣдовательно, есть періодъ, когда они пользуются уваженіемъ), а во-вторыхъ, можно привести десятки такихъ заповѣдей, которыя требуютъ высшаго нравственнаго подвига, но которыя разрушили бы самую жизнь общества, еслибы только ихъ всѣ исполняли (таково, наприм., абсолютное воздержаніе). — Если нравственность въ широкомъ смыслѣ основывается на принципѣ пользы, то между правомъ и нравственностью въ узкомъ смыслѣ, не можетъ быть различія по существу. И дѣйствительно, г. Залѣскій опредѣляетъ право, какъ этическій минимумъ — и притомъ, какъ норму, снабженную болѣе интенсивной и болѣе организованною санкціей. При этомъ, конечно, разсматриваются главнѣйшія возраженія противъ теоріи этическаго минимума; но отвѣтъ на нихъ дается недостаточно удовлетворительный: вѣдь законъ можетъ устанавливать нормы, *діаметрально* противоположныя господствующей нравственности, — такое законное право нельзя назвать *этическимъ* минимумомъ (ср. стр. 278 и 280). Остается только утверждать, что данное право не есть истинное право, — но это противорѣчило бы общимъ воззрѣніямъ автора, который подъ правомъ разумѣетъ исключительно право положительное. — Далѣе, устанавливая различіе между нравственностью и правомъ, авторъ указываетъ на принудительный характеръ послѣдняго; при этомъ, опровергая противоположное мнѣніе, онъ дѣлаетъ очевидную логическую ошибку: требуется доказать, что всякое право можетъ быть осуществлено принудительно, а онъ только объясняетъ, *почему* нѣкоторыя правовыя нормы не имѣютъ принудительнаго характера (стр. 283 и слѣд.)*). Право, какъ охрана интересовъ (въ этомъ отношеніи г. Залѣскій почти цѣликомъ принимаетъ ученіе Геринга), по своей формѣ раздѣляется на обычное право и законъ. При этомъ, критически разсмотрѣвъ раз-

*) Отмѣтимъ еще одно любопытное мѣсто: на стр. 284 авторъ говоритъ, что нормамъ вродѣ „жена должна любить своего мужа“, санкція можетъ быть въ любой моментъ придана государствомъ.

личныя теоріи обычнаго права, авторъ признаетъ его существенными признаками фактическое примѣненіе и народное правовое убѣжденіе (стр. 243). Но это послѣднее онъ понимаетъ какъ-то по своему. На стр. 242 говорится: «такъ какъ въ сознаниіи народа... нѣтъ нормъ»... «Народъ примѣняетъ нормы обычнаго права безсознательно, практикуя извѣстный порядокъ взаимоотношеній и имѣя *твердое сознание, что такъ поступать надо, что такъ дѣлать хорошо, справедливо*» и т. д. *). Оказывается, народъ не сознаетъ нормъ, но сознаетъ, что такъ поступать надо. Признаюсь, я подъ нормой всегда разумѣлъ выраженіе того, какъ надо поступать, и потому все это мѣсто представляется мнѣ какимъ-то непонятнымъ *lapsus linguae*.

Въ ученіи о законѣ, какъ оно изложено въ этой книгѣ, нѣтъ ничего оригинальнаго: онъ признается высшею формой права, которой обычай постепенно уступаетъ свое первенствующее мѣсто.

Таковы общія воззрѣнія г. Залѣскаго. Какъ я уже говорилъ, они оказали замѣтное вліяніе на изложеніе правовыхъ теорій, на выборъ и критику ихъ; но, въ общемъ, вся историческая часть должна быть признана удовлетворительной. Я укажу, поэтому, лишь на отдѣльныя погрѣшности.—Такъ, на стр. 142, г. Залѣскій говоритъ: «мы не можемъ согласиться съ разсужденіемъ Бирлинга объ исторической школѣ... Если согласиться, что народъ создается правомъ, то придется признать право за нѣчто имманентное, само по себѣ существующее, придется удариться въ теорію естественнаго права...» Повидимому, авторъ недостаточно выяснилъ себѣ критическую работу Бирлинга, и въ этомъ мѣстѣ не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ естественномъ правѣ. Народъ творитъ право; но историческая школа не разъясняетъ, какъ опредѣлить территоріальныя границы дѣйствія этого права, и что слѣдуетъ разумѣть подъ народомъ; старыя теоріи говорили о народѣ въ его цѣломъ, живущемъ въ предѣлахъ государства, — а эти предѣлы создаются самимъ государствомъ при помощи юридическихъ средствъ (установленіе границъ и проч.). Слѣдовательно, созданіе права народомъ предполагаетъ уже существованіе нѣкоторыхъ правовыхъ нормъ. Это только и хотѣлъ сказать Берлингъ. — Говоря о Френцелѣ на стр. 149 и слѣд., авторъ приводитъ его воззрѣніе, что положенія, правила,

*) Ср. стр. 153—154.

нормы не составляютъ сущности права, ибо существуютъ лишь въ познающемъ духѣ, — и опровергаетъ его во-1-хъ, тѣмъ, что это положеніе голословно (?), а, во 2-хъ, и другими соображеніями, именно: г. Залѣскій въ этомъ мѣстѣ опредѣляетъ право, какъ общественный порядокъ, устанавливаемый или самъ собой или закономъ; но *порядокъ*, т.-е. дѣйствія людей, конечно, не заключаетъ въ себѣ нормъ (а лишь подчиняются имъ), и слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, Френцель совершенно правъ. Кромѣ того, я совсѣмъ не могу признать голословнымъ утвержденіе, что отвлеченное понятіе (норма) существуетъ, прежде всего, въ человѣческомъ сознаніи. Критикуя теорію Штинцинга, авторъ (на стр. 183) говоритъ, что данное право есть право не потому, что его хочетъ большинство или государственная власть; но, съ другой стороны, государство можетъ установить любую норму, и всякая установленная имъ норма есть право. Первое, несомнѣнно, противорѣчитъ второму; а между тѣмъ этого противорѣчія можно было бы избѣгнуть, еслибы авторъ принялъ здѣсь ученіе о формальномъ и матеріальномъ опредѣленіи закона.

Подводя итогъ всему сказанному, мы не можемъ, все-таки, не повторить тѣхъ словъ, которыми начинается наша статья. Уже по одной задачѣ своей, книга г. Залѣскаго должна быть принята съ полнымъ сочувствіемъ, а отдѣльныя ошибки и погрѣшности неизбѣжны при изслѣдованіи такого обширнаго вопроса.

В. Вальденбергъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей:

Валерій Брюсовъ. Me eum esse. Новая книга стиховъ. Москва 1897. Стр. 62.

Edward Franklin Buchner. Ph. D. Professor of Descriptive Psychology in New-York University, Instructor in Pedagogy and Philosophy in Yale University. A Study of Kant's Psychology with reference to the critical philosophy. A Thesis accepted by the Philosophical Faculty of Yale University for the Degree of Doctor of Philosophy June 1897. Issued also as Monograph Supplement No 4, to the Psychological Review, January 1897. Lancaster. S. VIII+208.

К. Вагнеръ. Молодое поколѣніе (Jeunesse) удостоено преміи французской академіей. Перевела съ 17 французскаго изданія

С.: Леонтьева. Единственный переводъ, разрѣшенный и одобренный авторомъ, съ его портретомъ и факсимиле. Ц. 1 р. С.-Петербургъ 1897. Стр. 323.

Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. Прерафаелитское движеніе въ Англіи. Д. Г. Росетти. В. Моррисъ. О. Уайльдъ. Д. Мередитъ. Р. Броунингъ. В. Блэкъ. Французскіе поэты-символисты: П. Верлэнъ, К. Ж. Гюисмансъ, Г. Гауптманъ, Г. Ибсенъ. Вліяніе Данте на современность. Францискъ Ассизскій. Боттичелли. С.-Петербургъ 1897. Стр. III+392. Ц. 1 р. 50 к.

П. А. Гейсманъ. Война, ея значеніе въ жизни народа и государства. Изданіе типографіи А. А. Пороховщикова. С.-Петербургъ 1896. Стр. 38. Ц. 50 к.

П. А. Гейсманъ. Графъ Л. Н. Толстой и М. И. Драгомировъ. Изданіе типографіи А. А. Пороховщикова. С.-Петербургъ 1897. Стр. 95. Ц. 75 к.

С. Ф. Годлевскій. Э. Ренанъ, его жизнь и научно-литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ, съ портретомъ Эрнеста Ренана. С.-Петербургъ 1896. Ц. 25 к. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова.

К. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Исслѣдованіе съ приложеніемъ статей: I—Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія. II—Крестьянская женщина. III—«Вы» и «ты». IV—Наказаніе безъ суда. V—Преобразованный волостной судъ. VI—Юридическая безпомощность крестьянъ. Изданіе юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова, комиссіонера государственной типографіи. С.-Петербургъ 1897. Стр. V+386+7.

Земля и люди. Всемирная географія. Сочиненіе Э. Реклю. Бельгія и Голландія. Полный переводъ съ французскаго П. Краснова. Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ и статистическихъ свѣдѣній, относящихся до Бельгіи и Голландіи, составленныхъ Д. Протопоповымъ, съ бібліографическимъ указателемъ. Съ 67 рисунками и 9 чертежами. Изданіе О. Н. Поповой. Вып. II. С.-Петербургъ 1897. Стр. 325. Цѣна 1 руб.

А. Лаландъ. Этюды по философіи наукъ. Переводъ съ французскаго. 2-е изданіе редакціи журнала «Образованіе». С.-Петербургъ 1897. Стр. 186+II.

Фритіофъ Нансенъ. Во мраки ночи и во льдахъ. Изданіе О. Н. Поповой. Вып. II. Ц. 30 к.

Отчетъ о занятіяхъ четвертаго международнаго уголовно-антропологическаго конгресса. Составленъ представителемъ Министерства Юстиціи на означенномъ конгрессѣ, сенаторомъ И. И. За-
крескимъ. Печатается по распоряженію Министерства Юстиціи. С.-Петербургъ 1897. Стр. 32.

Программы чтенія для самообразованія. Изданіе Отдѣла для со-
дѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея
военно-учебныхъ заведеній. Второе переработанное и дополнен-
ное изданіе. С.-Петербургъ 1897. Стр. IV+296. Ц. 40 к.

Справочная книга для опекуновъ и попечителей. Сборникъ за-
коновъ и разъясненій съ приложеніемъ образцовъ опекунскихъ
донесеній и отчетовъ. Составилъ Н. Мартыновъ. Изданіе вто-
рое, исправленное и дополненное. Цѣна 1 руб., въ переплетѣ
1 р. 30 к. С.-Петербургъ 1897. Стр. IV+164.

Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. (Законъ 12 марта 1891 года), съ
разрѣшеніями и образцами бумагъ. Изданіе второе, существенно
измѣненное и дополненное Н. Мартыновымъ. Изданіе неоффи-
ціальное. С.-Петербургъ 1896. Стр. 46.

П. Фленсигъ, проф. Лейпцигскаго университета. Мозгъ и душа.
Переводъ съ нѣмецкаго Н. Березина. Съ хромолитографирован-
ною таблицей. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Цѣна
40 к. С.-Петербургъ 1897. Стр. 22.

Ш. Фрейсинэ. Очерки по философіи математики. Переводъ съ
французскаго В. Обреимова. Изданіе редакціи журнала «Обра-
зованіе». Ц. 60 к. С.-Петербургъ 1897. IV+160+2.

Эдуардъ Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной
Америки (1765—1865 гг.). Переводъ съ англійскаго А. Камен-
скаго. Съ приложеніемъ, и 3-мя картами и русской библіогра-
фіей, составленной А. Каменскимъ. Изданіе О. Н. Поповой.
Культуро-историческая бібліотека. С.-Петербургъ 1897. Цѣна
1 р. 50 к. Стр. XII+382.

Психологическое Общество.

СЛП. Отчетъ о распорядительномъ засѣданіи 22 декабря 1896 г.

Засѣданіе было открыто въ 9 часовъ вечера, въ залѣ правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при товарищѣ секретаря В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, А. С. Бѣлкина, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, А. А. Токарскаго и кн. С. Н. Трубецкаго.

Въ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее:

Н. Я. Гротъ сообщилъ о томъ, что, какъ предсѣдатель Психологическаго Общества, онъ избранъ въ почетные члены комитета по празднованію трехсотлѣтія дня рожденія Декарта, въ Туренѣ, во Франціи.

Н. Я. Гротъ объявилъ о выходѣ въ свѣтъ V выпуска «Изданій Московскаго Психологическаго Общества», состоящаго изъ перевода сочиненія Вундта «Очеркъ психологіи». Члены Общества получаютъ означенное сочиненіе за 1 рубль (вмѣсто 1 р. 40 к.).

Н. Я. Гротъ доложилъ о кончинѣ почетнаго члена Психол. Общества проф. Эмиля Дю-Буа-Реймона. Члены Общества почтили память усопшаго вставаніемъ и постановили отправить письмо въ Берлинскій университетъ съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу постигшей его тяжелой утраты.

Въ дѣйствительные члены Общества предложенъ проф. М. В. Дуквской—Н. Я. Гротомъ и Л. М. Лопатинымъ.

Произведена была баллотировка предложенныхъ на предыду-

шемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Н. Д. Виноградова и генерала С. И. Старынкевича. Оба избраны единогласно.

Н. Я. Гротъ доложилъ, что генераль Старынкевичъ прислалъ чекъ на 800 рублей на печатаніе сочиненія Нигъа. Сумма эта внесена казначеемъ Общества на текущій счетъ въ контору Юнкера.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта Психологическаго Общества 3 ноября 1896 г. По предложенію Н. Я. Грота постановлено выразить глубокую благодарность Общества кн. С. Н. Трубецкому, В. А. Гольцеву и Л. М. Лопатину за ихъ безвозмездное сотрудничество въ «Вопросахъ философіи и психологіи».

Обсуждался вопросъ о печатаніи въ 1897 г. «Записокъ психологической лабораторіи» подъ редакціей А. А. Токарскаго. Постановлено прилагать эти «Записки» къ журналу въ видѣ отдѣльныхъ книгъ.

Засѣданіе было закрыто въ 12 $\frac{1}{2}$ часовъ ночи.

СЛІІІ. Отчетъ о годичномъ распорядительномъ засѣданіи 25 января 1897 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 $\frac{3}{4}$ ч. вечера въ залѣ правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. А. Абрикосова, Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, Ю. П. Бартенева, А. Н. Бернштейна, Н. Д. Виноградова, В. А. Гольцева, о. Н. А. Елеонскаго, Н. А. Иванцова, В. Н. Ивановскаго, П. А. Каленова, М. С. Корелина, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, гр. И. А. Мамуна, В. П. Преображенскаго, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова, кн. С. Н. Трубецкого и Н. И. Шишкина и гг. членовъ-соревнователей—А. В. Дроздова и Т. А. Ясакова.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

Предложены въ дѣйствительные члены Общества: д-ръ В. Г. Дехтеревъ (Н. Я. Гротомъ и Л. М. Лопатинымъ), Г. А. Джаншиевъ (Н. Я. Гротомъ, В. А. Гольцевымъ, В. Н. Ивановскимъ и Л. М. Лопатинымъ) и В. В. Пржевальскій (В. А. Гольцевымъ и В. Н. Ивановскимъ).

Читанъ и утверждень отчетъ секретаря о дѣятельности Общества за 1896 годъ.

Читанъ и утверждень отчетъ казначея Общества за 1896 годъ.

Читанъ и утверждень отчетъ по журналу «Вопросы философіи и психологіи» за 1896 годъ.

Обсуждался вопросъ о возобновленіи передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайства объ измѣненіи Устава Общества. Постановлено: утвердить проектъ измѣненія Устава, какъ онъ былъ выработанъ три года назадъ, съ небольшими поправками, принятыми въ засѣданіи, и поручить Совѣту Общества возобновить ходатайство, сопроводивъ его подробной мотивировкой.

Были произведены выборы членовъ Совѣта Общества на новое трехлѣтіе. Избранными оказались: предсѣдателемъ Общества—*проф. Н. Я. Гротъ* (единогласно), товар. предсѣдателя—*проф. Л. М. Лопатинъ*, кандидатомъ товар. предсѣдателя—*проф. С. С. Корсаковъ*, секретаремъ—*В. Н. Ивановскій*, товар. секретаря—*А. А. Токарскій*, кандидатомъ товар. секретаря—*Ю. И. Айхенвальдъ*; казначеемъ Общества—*Н. А. Абрикосовъ* (единогласно), товарищемъ казначея—*А. А. Абрикосовъ*, кандидатомъ товар. казначея—*кн. С. Н. Трубецкой*; библиотекаремъ—*В. А. Гольцевъ*; редакторомъ «Трудовъ»—*В. П. Преображенскій*. Въ составъ ревизіонной комиссіи по дѣламъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» избраны *В. П. Сербскій*, *А. Г. Петровскій* и *Г. А. Рачинскій*.

Были произведены выборы въ почетные члены Общества. Оказались избранными: *Гербертъ Спенсеръ*, *Альфредъ Фуллье*, *Куно Фишеръ* (единогласно), *Фридрихъ Паульсенъ*, бывший проф. С.-Петербургской Духовной академіи *М. И. Каринскій*, сенаторъ *А. Э. Кони* и проф. *Н. Я. Гротъ* (единогласно).

Передъ баллотировкою означенныхъ лицъ прочитаны были слѣдующія мотивированныя предложенія объ избраніи въ почетные члена Общества:

1) Герберта Спенсера:

«Въ списокѣ почетныхъ членовъ Московскаго Психологическаго Общества, заключающемъ въ себѣ имена наиболѣе видныхъ представителей современной философской мысли, не стоитъ, однако, имени одного изъ самыхъ выдающихся мыслителей XIX столѣтія—Герберта Спенсера. Научные труды и заслуги этого

философа извѣстны всѣмъ, а потому говорить о нихъ сколько-нибудь подробно — совершенно излишне; кому не извѣстна «система синтетической философіи», въ которой Спенсеръ попытался дать рациональное объясненіе явленіямъ жизни во всѣхъ ея формахъ, попытался схватить и представить всю міровую жизнь въ одной цѣльной картинѣ?

Для нашего отечества Г. Спенсеръ имѣетъ особое значеніе. Почти всѣ сочиненія его были переведены на русскій языкъ, всѣ они пользовались чрезвычайно большимъ успѣхомъ въ русскомъ обществѣ и, несомнѣнно, болѣе, нежели сочиненія какого-либо другого философа, способствовали пробужденію у насъ интереса къ философіи вообще.

Въ виду всего этого, нижеподписавшіеся предлагаютъ Московскому Психологическому Обществу выразить знаменитому философу-эволюціонисту благодарность за его научныя заслуги и за ту пользу, которую онъ оказалъ развитію философской мысли въ Россіи, избраніемъ его въ почетные члены Общества».

Слѣдуютъ подписи *Н. Я. Грота, А. С. Бѣлкина, В. Н. Ивановскаго*. Къ этому предложенію присоединилось 14 д. членовъ.

2) Альфреда Фуллье:

«Имѣемъ честь предложить для избранія въ почетные члены Психологическаго Общества Альфреда Фуллье. Заслуги знаменитаго французскаго мыслителя общеизвѣстны. Въ области психологіи имъ съ большимъ талантомъ и энергіей разрабатывается теорія идей-силъ, плодотворное значеніе которой въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи признаютъ даже ея рѣшительные противники. Немногіе, къ сожалѣнію, философскіе труды А. Фуллье, переведенные на русскій языкъ, пользуются почетнымъ успѣхомъ, и имя французскаго философа будетъ однимъ изъ украшеній списка нашихъ членовъ».

Подписали: *В. А. Гольцевъ, Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ*. Присоединилось 7 д. членовъ.

3) Куно Фишера:

«Мы предлагаемъ Психологическому Обществу избрать въ свои почетные члены Гейдельбергскаго проф. Куно Фишера, котораго всѣ русскіе философы могутъ считать своимъ учителемъ исторіи философіи. Его рѣдкій историческій и литературный талантъ, та художественная ясность и объективность, съ кото-

рой онъ воспроизводитъ въ своихъ трудахъ самыя разнообразныя философскія ученія, давая читателю образецъ истинно-философскаго ихъ пониманія и оцѣнки, достаточно извѣстны всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ философскою литературой.

Подписали: *кн. С. Н. Трубецкой, Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ*. Присоединилось 15 д. членовъ.

4) Фридриха Паульсена:

«Имѣемъ честь предложить Психологическому Обществу выбрать въ свои почетные члены проф. философіи Берлинскаго Университета Фридриха Паульсена. Въ ряду современныхъ нѣмецкихъ философовъ Паульсенъ особенно выдается не только своими крупными и чрезвычайно основательными трудами по различнымъ областямъ философской науки, но и оригинальностью и глубиною своей мысли. Примыкая по направленію своему къ новокантіанцамъ, Паульсенъ занимаетъ между ними однако же особое мѣсто по высокой оцѣнкѣ, которую онъ даетъ кантовскому этическому ученію (см. статьи его въ 80-хъ годахъ въ *Vierteljahr. f. wiss. Phil.* подъ заглавіемъ *Was uns Kant sein kann?*). Въ историко-философскомъ трудѣ «Опытъ исторіи развитія кантовской теоріи познанія» (1875) Паульсенъ дѣлаетъ мѣткую характеристику связи ученія Канта съ ученіями его предшественниковъ, и трудъ этотъ является вообще цѣннымъ вкладомъ въ исторію философіи XVIII ст. Въ своей работѣ «О связи философіи Шопенгауэра съ его личностью» (1882) Паульсенъ пытается осуществить интересную психологическую задачу, прослѣдить корни міросозерцанія мыслителя въ его личномъ характерѣ, темпераментѣ и вообще душевномъ строѣ. Большимъ томомъ своей «Исторіи ученаго преподаванія въ школахъ и университетахъ, начиная отъ среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени» (1892), Паульсенъ дѣлаетъ важный вкладъ въ исторію наукъ и особенно педагогики, причемъ мастерская критика современной постановки университетскаго преподаванія надолго останется образцомъ добросовѣстнаго и безпристрастнаго анализа основныхъ педагогическихъ принциповъ. Въ своемъ двухтомномъ сочиненіи «Система этики и очеркъ ученія о государствѣ и обществѣ» Паульсенъ стремится, пользуясь позитивнымъ методомъ, достигнуть такого синтеза важнѣйшихъ началъ нравственнаго поведенія, который бы далъ оправданіе принципамъ кантовской этики долга. Въ извѣстномъ своемъ «Введеніи въ

философію», которое переведено и на русскій языкъ и изда-
но Психологическимъ Обществомъ, Паульсенъ пытается научить
читателя «самостоятельному отношенію къ послѣднимъ великимъ
проблемамъ, которыя задаетъ міръ мыслящему духу человѣка», и
критическимъ пересмотромъ и классификаціей основныхъ проблемъ
метафизики, теоріи знанія, и отчасти этики, онъ безъ сомнѣнія
оказываетъ существенную услугу всѣмъ мыслящимъ людямъ, не
занимающимся специально философійей, помогая имъ установить
свое собственное міросозерцаніе. Успѣхъ этой книги въ Россіи
(она разошлась въ теченіе 2 лѣтъ въ 1.200 экз.) заставилъ Пси-
хологическое Общество сдѣлать постановленіе о вторичномъ ея
изданіи. Упомянемъ также, что Паульсенъ участвовалъ въ из-
даніи извѣстной философской библіотеки Кирхмана и помѣстилъ
въ ней свои переводы діалоговъ Юма о естествознаніи, само-
убійствѣ и безсмертіи души (1877). Находясь въ полномъ раз-
витіи силъ, Паульсенъ считается однимъ изъ самыхъ выдающихся
профессоровъ философій въ Германіи и, безъ сомнѣнія, обо-
гатитъ литературу еще не малымъ количествомъ цѣнныхъ фи-
лософскихъ трудовъ. Для Психологическаго Общества будетъ
честью считать Паульсена своимъ почетнымъ членомъ».

Подписались: *Н. Я. Гротъ, В. П. Преображенскій, Л. М. Ло-
латинъ*. Присоединилось 10 дѣйствительныхъ членовъ.

5) **М. И. Каринскаго:**

«Нижеподписавшіеся имѣютъ честь просить о предложеніи
къ избранію въ почетные члены Московскаго Психологическаго
Общества Михаила Ивановича Каринскаго, хорошо извѣстнаго
всѣмъ занимающимся философійей, такъ что избраніе его въ по-
четные члены Московскаго Психологическаго Общества будетъ
актомъ справедливости. Считаемъ не лишнимъ напомнить здѣсь
вкратцѣ объ ученыхъ работахъ М. И. Каринскаго. Въ теченіе
25-ти лѣтъ М. И. Каринскій состоялъ профессоромъ С.-Петер-
бургской Духовной Академіи; о томъ, насколько дѣятельность его
была плодотворна, свидѣлствуютъ имена его учениковъ, изъ
коихъ назовемъ В. С. Серебренникова. Ученая дѣятельность М.
И. Каринскаго касалась главнымъ образомъ двухъ областей: исто-
рической и области теоріи познанія. Первая работа М. И. Ка-
ринскаго «Объ египетскихъ іудеяхъ» появилась въ 1870 году,
и въ ней замѣтны всѣ тѣ черты, которыя получили блистатель-
ное развитіе въ дальнѣйшихъ его историческихъ работахъ («Кри-

тический обзор послѣдняго періода германской философіи». С.-Пб. 1873; «Безконечное Анаксимандра» С.-Пб. 1890 и др.), а именно, богатая эрудиція, глубокой анализъ и, главное, самостоятельность мысли.

Монографія М. И. Каринскаго по исторіи греческой философіи имѣетъ уже большое значеніе, но гораздо значительнѣе его работы по теоріи познанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что «Классификація выводовъ» (С.-Пб. 1880. 8^о) представляетъ собой крупнѣйшее философское явленіе, и въ западно-европейской литературѣ нѣтъ сочиненія, въ которомъ бы съ равной послѣдовательностью и силой былъ проведенъ одинъ принципъ черезъ всѣ виды умозаключеній и показалъ тожество по принципу всѣхъ этихъ выводовъ. Такою же силой отличается и послѣднее сочиненіе М. И. Каринскаго «Объ истинахъ самоочевидныхъ». С.-Пб. 1893. Есть полное основаніе думать, что глубокой анализъ рационализма и долженствующій появиться анализъ сенсуализма *) подвинетъ впередъ рѣшеніе вопросовъ теоріи познанія. Въ виду изложеннаго, мы имѣемъ честь просить объ избраніи М. И. Каринскаго въ почетные члены Московскаго Психологическаго Общества».

Подписались: Э. Л. Радловъ, Я. Н. Колубовскій, Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ. Присоединились: прот. Н. А. Елеонскій, В. Н. Ивановскій, Н. Д. Виноградовъ, В. П. Преображенскій, Ю. П. Бартенева.

6) А. Θ. Кони.

«Желая предложить сенатора Анатоля Федоровича Кони къ избранію въ почетные члены Московскаго Психологическаго Общества, мы не имѣемъ надобности распространяться о значеніи предлагаемаго лица и его дѣятельности, хорошо извѣстной всѣмъ образованнымъ людямъ въ Россіи и только что удостоившейся самой высокой оцѣнки со стороны главнаго у насъ судилища умственныхъ заслугъ—Императорской Академіи Наукъ, избравшей А. Θ. Кони въ свои почетные члены. Къ этому мы можемъ только прибавить указаніе на тѣ пункты въ дѣятельности предлагаемаго лица, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашему философскому обществу. Прославившись при исполненіи

*) Начало этого анализа появится въ февральской книгѣ „Журн. Мин. Нар. Пров.“

своей профессіи даромъ тонкаго психологическаго наблюденія и анализа, А. О. Кони вмѣстѣ съ тѣмъ во всей своей судебной и писательской дѣятельности твердо и неизмѣнно держался высшихъ этическихъ началъ, такъ что два большіе тома его рѣчей и этюдовъ представляютъ собою настоящіе образцы прикладной этики, а самъ ихъ авторъ какъ бы олицетворяетъ собою тѣсную внутреннюю связь между правомъ и нравственностью. Такое успѣшное оправданіе этой связи, нынѣ съ разныхъ сторонъ отрицаемой, имѣетъ важное значеніе какъ для нормальной общественной жизни, такъ и для философскаго сознанія.

Въ виду всего этого, мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ почетнаго члена Академіи Наукъ и почетнаго доктора правъ Харьковскаго Университета, сенатора Анатоля Федоровича Кони—въ почетные члены Психологическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ».

Подписались: *Владиміръ Соловьевъ, Э. Л. Радловъ, Н. Я. Гротъ, В. А. Гольцевъ.* Присоединились: *Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, Ц. П. Балталонъ, А. П. Басистовъ, А. Н. Бернштейнъ, Н. Д. Виноградовъ, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, С. С. Корсаковъ, Л. М. Лопатинъ, В. П. Преображенскій, В. П. Сербскій.*

7) Н. Я. Грота:

«Въ текущемъ году исполнилось десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Николай Яковлевичъ Гротъ принялъ на себя обязанности предсѣдателя Психологическаго Общества. Его трудамъ, его замѣчательной организаторской энергіи оно, главнымъ образомъ, обязано своимъ процвѣтаніемъ, своей широкой и оживленной дѣятельностью—ученой, издательской и литературной. Его талантъ, его живой умъ, отзывчивый ко всѣмъ нравственнымъ и философскимъ вопросамъ, волнующимъ общество, доставили ему общую и почетную извѣстность. Всѣмъ намъ знакомы заслуги Н. Я. на поприщѣ философской литературы. Но этимъ энергичнымъ литературнымъ трудомъ Николай Яковлевичъ не могъ ограничиться. Какъ философскій писатель, онъ занимаетъ почетное мѣсто въ нашей литературѣ и пользуется извѣстностью не только у насъ, но и за границей. Какъ дѣятель, посвятившій свою жизнь распространенію философіи въ Россіи и возбужденію интереса къ ней въ самыхъ широкихъ кругахъ, онъ не знаетъ соперниковъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ смѣло сказать, что его кипучей, неутомимой дѣятельности, одушевленной одною любовью

къ дѣлу, стоявшей выше всякаго тщеславія и мелкихъ личныхъ интересовъ, — дѣятельности, которая поглощала всѣ его силы, — обязано не только Психологическое Общество, но и все просвѣщенное мыслящее русское общество, въ которомъ онъ будилъ интересъ къ философіи и распространялъ философскія знанія. Какъ профессоръ, редакторъ, издатель, писатель, онъ преслѣдовалъ неизмѣнно одну и ту же цѣль — развитія, пробужденія русской философской мысли. Болѣе, чѣмъ свою собственную философію и свое собственное міросозерцаніе, онъ проповѣдывалъ и распространялъ философію вообще въ ея различныхъ формахъ, ученіяхъ и системахъ. Онъ создалъ литературный органъ для русской философской мысли, онъ знакомилъ нашу читающую публику съ классиками древней и новой философской литературы. Въ Обществѣ и въ журналѣ онъ умѣлъ сплотить людей самыхъ различныхъ партій и направленій, являясь связующимъ звеномъ между ними. Поэтому намъ думается, что всѣ мы безъ различія нашихъ симпатій и тенденцій въ области философіи можемъ сойтись въ признаніи крупныхъ заслугъ Н. Я., — заслугъ передъ литературой, наукой и обществомъ. Поэтому, выражая искреннее пожеланіе, чтобы плодотворная дѣятельность Николая Яковлевича продолжалась много и много лѣтъ, мы предлагаемъ нашему Обществу почтить его избраніемъ въ свои почетные члены».

Подписались: кн. С. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатинъ, В. А. Гольцевъ. Присоединились: А. А. Абрикосовъ, Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, Ц. П. Балталонъ, Ю. П. Бартенева, А. П. Басистовъ, А. Н. Бернштейнъ, А. С. Бѣлкинъ, Н. Д. Виноградовъ, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, П. А. Каленовъ, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, гр. И. А. Мамуна, В. П. Преображенскій, С. А. Сухановъ, А. А. Токарскій, Н. И. Шишкинъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11 часовъ вечера.

СЛІV. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 8 февраля 1897 г.

Засѣданіе было открыто въ залѣ правленія университета, въ 8³/₄ часа вечера, подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балта-

лона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, Н. Д. Виноградова, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, Н. П. Постовскаго, Г. И. Россолимо, Э. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова, А. А. Токарскаго, Н. И. Шишкина, гг. членовъ-соревнователей: С. Г. Шахъ-Назарова, Т. А. Ясакова и сторонней публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

Н. Я. Гротъ доложилъ телеграмму отъ А. Э. Кони и письмо отъ М. И. Каринскаго, въ которыхъ эти лица благодарятъ Психологическое Общество за избраніе ихъ въ его почетные члены.

Н. Я. Гротъ сообщилъ письмо проф. Казанскаго университета А. В. Васильева, извѣщающее, что для русскихъ и для славянъ вообще подписка на новое полное собраніе сочиненій Декарта продолжена долѣе 25 января текушаго года, когда она была прекращена для Западной Европы.

Н. Я. Гротъ доложилъ письмо С. И. Старынкевича, который благодаритъ за редактированіе издаваемого на его средства сочиненія Hign'a и прилагаетъ чекъ на 300 рублей, въ дополненіе къ присланной раньше суммѣ на изданіе.

Н. Я. Гротъ сообщилъ письмо В. Вундта, который благодаритъ за присылку 10 экземпляровъ русскаго перевода его сочиненія «Очеркъ психологіи».

Произведена была баллотировка лицъ, предложенныхъ въ предыдущемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества. Оказались избранными: В. Г. Дехтеревъ, Г. А. Джаншиевъ (единогласно), М. В. Духовской, В. В. Пржевальскій.

Предложенъ въ дѣйствительные члены Общества К. П. Занцевичъ (Н. Я. Гротомъ, Ю. И. Айхенвальдомъ, В. Н. Ивановскимъ и А. П. Басистовымъ), психіатръ В. И. Яковенко (А. Н. Бернштейномъ, Н. П. Постовскимъ, Г. И. Россолимо, Э. А. Савей-Могилевичемъ, В. П. Сербскимъ и А. А. Токарскимъ) и проф. Казанскаго университета А. В. Васильевъ (Н. Я. Гротомъ, Л. М. Лопатинымъ и В. Н. Ивановскимъ).

А. Н. Бернштейнъ прочелъ рефератъ: «О воспріятіи постоянныхъ и переменныхъ раздраженій». Въ преніяхъ, по этому реферату, кромѣ докладчика, приняли участіе А. А. Токарскій, Н. Я. Гротъ и Л. М. Лопатинъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11 часовъ вечера.

CLV. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 1 марта 1897 г.

Засѣданіе было открыто въ залѣ правленія университета, въ 8 часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при товарищѣ секретаря А. А. Токарскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, Н. В. Бугаева, В. Р. Буцке, Н. Д. Виноградова, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, В. В. Пржевальскаго, Г. А. Рачинскаго, Э. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова, гг. членовъ-соревнователей: С. Г. Шахъ-Назарова и Т. А. Ясакова, сторонняго посѣтителя П. К. Энгельмейера и публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

Сторонній посѣтитель П. К. Энгельмейеръ прочелъ рефератъ «Теорія познанія Эрнеста Маха».

Н. Я. Гротъ выразилъ отъ имени Общества благодарность г. Энгельмейеру за интересное сообщеніе.

Членъ-соревнователь С. Г. Шахъ-Назаровъ прочелъ рефератъ «Ученіе Вундта объ апперцепціи».

Было постановлено послать поздравительную телеграмму Куно Фишеру по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія его профессорской дѣятельности.

Засѣданіе было закрыто въ 11 часовъ вечера.

Пренія по реферату А. Н. Бернштейна „О воспріятіи постоянныхъ и переменныхъ раздраженій“.

А. А. Токарскій. Вашъ рефератъ, Александръ Николаевичъ, не достаточно выяснилъ для меня тотъ критерій, которымъ Вы пользуетесь при классификаціи раздраженій на постоянныя и переменныя. Вы измѣряете переменныя раздраженія по тѣмъ отношеніямъ, въ которыя они вступаютъ къ постояннымъ; по Вашему мнѣнію, для того, чтобы воспринять изолированное раздраженіе, необходимо существованіе постояннаго,—но почему это такъ, для меня непонятно. Въ Вашемъ анализѣ вы обратили вниманіе на физиологію органовъ чувствъ и упустили изъ виду психологическій моментъ: гдѣ у Васъ образъ воспоминанія?

А. Н. Бернштейнъ. Я нисколько не настаиваю на необходимости

постояннаго раздраженія для воспріятія переменныхъ раздраженій первой категоріи, а лишь констатирую фактъ его существованія Термина «образъ воспоминанія» я умысленно избѣгалъ, хотя онъ все время подразумѣвался въ изложеніи, какъ память отношенія между постояннымъ и переменнымъ ощущеніемъ въ первой категоріи и отношенія между одновременными или послѣдовательными иннервациями—во второй.

А. А. Токарскій. Да; но существуютъ отношенія постоянныхъ раздраженій между собою, а не отношенія переменныхъ къ постояннымъ. Вѣдь нѣкоторыя постоянныя раздраженія исчезаютъ, а Вы между тѣмъ пытаетесь дѣлать опредѣляющимъ критеріемъ то, что у насъ исчезаетъ. Въ Вашемъ примѣрѣ съ языкомъ Вы ошибочно приняли вкусовой моментъ за физиологическій, а не за психологическій фактъ. Наконецъ, по Вашей теоріи нельзя объяснить подражательныхъ воспроизведеній.

А. Н. Бернштейнъ. О подражательномъ воспроизведеніи звуковыхъ объектовъ я подробно говорилъ въ своей предыдущей работѣ. Объ аналогичномъ фактѣ въ остальныхъ областяхъ я предполагаю подробно высказаться впоследствии.

Н. Я. Гротъ. Я присоединяюсь къ возраженіямъ А. А. Токарскаго. Кромѣ того, я нахожу неясной Вашу, Александръ Николаевичъ, терминологию. Вы подъ ощущеніемъ понимаете то, что для психологовъ есть лишь раздраженіе мозговыхъ клѣтокъ. Вы говорите объ ощущеніяхъ, которыя не воспринимаются,—съ точки зрѣнія психологіи, это—nonsens. Терминъ *воспріятіе* тоже, значить, употребляется Вами не въ обычномъ смыслѣ.

А. Н. Бернштейнъ. Я подъ ощущеніемъ понимаю физиологическій субстратъ раздраженія, а подъ воспріятіемъ—квалифицированное ощущение, дошедшее до сознанія и опредѣлившееся.

Н. Я. Гротъ. Безсознательныя ощущенія на языкѣ психологіи—это тѣ, на которыхъ вниманіе не останавливается.

А. Н. Бернштейнъ. Я имѣю въ виду субъективную сторону ощущенія, хотя бы и въ физиологическомъ, а не психологическомъ смыслѣ. Если для воспріятія необходимъ психическій моментъ, то это не исключаетъ возможности того, чтобы подспорьемъ для точной квалификаціи служилъ протекающій ниже уровня сознанія физиологическій актъ.

Н. Я. Гротъ. Съ Вашей точки зрѣнія Вы можете говорить лишь о субъективныхъ ощущеніяхъ клѣтокъ, а не о нашихъ

ощущеніяхъ. Далѣе, Вы высказываетесь о тождествѣ раздраженій и ощущеній, между тѣмъ какъ вы имѣете право говорить только о нѣкоторомъ соотвѣтствіи.

Л. М. Лопатинъ. Въ своемъ рефератѣ, А. Н., Вы затрогиваете очень важный вопросъ—о роли человѣческаго познанія, о возможности постигать или не постигать вещи такъ, какъ онѣ существуютъ, и пытаетесь рѣшить эту великую проблему на физиологической почвѣ; Вы стараетесь показать полное внутреннее соотвѣтствіе между нашими ощущеніями и процессами окружающаго насъ дѣйствительнаго міра. Но исторія философіи говоритъ намъ, что гносеологическій вопросъ никогда такъ не ставился; напротивъ, лишь только онъ всталъ предъ человѣческимъ умомъ, явилось убѣжденіе, что ощущенія — плохой источникъ для знакомства съ дѣйствительностью. И вотъ, чтобы оправдать Вашъ взглядъ, Вы вынуждены отождествить ощущеніе съ раздраженіемъ, на что справедливо указалъ Николай Яковлевичъ; между тѣмъ ощущенія и отвѣчающія имъ физиологическія раздраженія въ нашихъ чувствующихъ органахъ, очевидно, представляютъ факты, различные между собою. Поэтому Вы не достигли своей цѣли и не установили соотвѣтствія между субъективнымъ ощущеніемъ и объективнымъ міромъ, который воздѣйствуетъ на насъ. Далѣе, Вы раздѣляете ощущенія на двѣ категоріи и къ первой относите слуховыя, зрительныя и мышечныя, а ко второй—вкусовыя, обонятельныя и общія; Вы утверждаете, что для первыхъ нуженъ извѣстный фонъ, по отношенію къ которому мы и сравниваемъ всякое измѣненіе нашей ощущающей способности. Едва ли однако можно говорить о сравненіи того, что сознается, съ тѣмъ, что не сознается. Я вообще думаю, что въ такомъ фонѣ вовсе нѣтъ абсолютной необходимости; по моему, темноту мы ощущаемъ, хотя для нея нѣтъ фона, и если въ замкнутой и лишенной всякихъ запаховъ комнатѣ намъ поднесутъ духи, мы ихъ все-таки почувствуемъ.

А. А. Токарскій. Это объясняется внутреннимъ раздраженіемъ самихъ органовъ.

А. Н. Бернштейнъ. Случаи ощущеній первой категоріи, гдѣ бы совершенно отсутствовалъ постоянный фонъ, едва ли осуществимы. Темнота не есть зрительное ощущеніе: черный цвѣтъ есть явленіе интенсивности, а не качества; темнота же есть отсутствіе ощущенія: при закрытыхъ глазахъ мы видимъ не темноту, а не видимъ ничего.

Л. М. Лопатинъ. Наконецъ, я не могу считать правильнымъ и самый критерій для оцѣнки ощущеній, который Вы, А. Н., предлагаете, т.-е. критерій мускульный. Неужели человекъ, у котораго парализована глотка, не воспринимаетъ звуковъ?

А. Н. Бернштейнъ. Да, въ извѣстномъ смыслѣ не воспринимаетъ: онъ не различаетъ мелодіи *).

Л. М. Лопатинъ. Это слѣдовало бы доказать положительными фактами, — иначе Ваше предположеніе представляется произвольнымъ. Вообще, мнѣ кажется, Вашъ методъ можно упрекнуть въ томъ, что Вы слишкомъ много мѣста отводите безсознательному при объясненіи фактовъ сознанія.

А. Н. Бернштейнъ. Я стараюсь приурочить образъ воспоминанія (терминъ) къ памяти иннервацій (физиологическому факту); если послѣднія не могутъ служить психологическимъ матеріаломъ, то онѣ являются несомнѣнными физиологическими актами, неизмѣнно присущими организму. Можно ли обойтись безъ центробѣжныхъ иннервацій для опредѣленія эссенціально-перемѣнныхъ ощущеній — представляется вопросомъ, мало доступнымъ разрѣшенію, тѣмъ болѣе, что, какъ я пытаюсь показать, наша психика обычно пользуется именно этимъ способомъ.

Т Е З И С Ы

къ сообщенію Н. Я. Грота „О значеніи понятія психической энергіи“:

1. *Взаимодѣйствіе* между психической и физической средой есть несомнѣнный фактъ. Это взаимодѣйствіе сказывается не только въ дѣйстви физической среды на сознаніе, но и въ дѣйстви сознанія (идей, чувствъ, хотѣній) на эту среду, а также въ дѣйстви однихъ сознаній на другія, чрезъ посредство физической среды, и въ постоянномъ взаимодѣйстви между сознаніемъ и нервно-физиологическимъ механизмомъ (или — между психическимъ субъектомъ и нервнымъ аппаратомъ).

2. При метафизическомъ предположеніи двухъ субстанцій — духовной и матеріальной, равно какъ и одной субстанціи, про-

*) Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ напомнить, что рѣчь идетъ о врожденномъ параличѣ фонаціи. (См. мою статью «Міръ звуковъ и т. д.». *Вопр. Фил.* 1896 г. Мартъ. Стр. 127). *А. Б.*

являющейся въ двоякаго рода явленіяхъ, упомянутое взаимодействіе справедливо признается необъяснимымъ, такъ какъ ни разнородныя субстанціи, ни разнородныя явленія, составляющія только *два стороны* одного и того же процесса, не могутъ «дѣйствовать» другъ на друга.

3. Для признанія и уразумѣнія взаимодействія между психическимъ и физическимъ міромъ нужно найти одно общее понятіе, которое бы обнимало собой *всѣ дѣйствія* въ той и другой области и служило соединяющимъ звеномъ между фактами того и другого порядка, не противорѣча однако идеѣ о ихъ самостоятельности и своеобразности.

4. Такимъ общимъ понятіемъ, при современномъ состояніи научныхъ знаній, можетъ быть признано только понятіе *энергіи*, какъ *способности производить работу*, т.-е. движеніе, преодолевающее препятствія. О психической энергіи, какъ *особой энергіи* природы, можно говорить съ такимъ же правомъ, какъ объ энергіяхъ свѣта, теплоты, электричества и проч.

5. Превращеніе психической энергіи въ энергіи движенія, теплоты и другія физическія энергіи, какъ и обратное превращеніе физическихъ энергій въ психическія есть фактъ опыта, внутренняго и внѣшняго, подтверждаемый всѣми данными взаимодействія психической и физической среды.

6. Психическая энергія, какъ способность психической работы, подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и всякая энергія въ природѣ: она возрастаетъ и ослабѣваетъ, т.-е. имѣетъ *количественныя мѣры*, *передается* изъ одного тѣла въ другое, проявляется въ формахъ *кинетической* и *потенціальной*, возобновляется процессами питанія, т.-е. представляетъ собою особое превращеніе физическихъ энергій организма, и при этихъ условіяхъ входитъ, какъ количественно видоизмѣняющееся слагаемое, въ *сумму энергій* организма и даже среды и всей природы.

7. Есть *предѣлы* для увеличенія и уменьшенія психической энергіи въ каждомъ живомъ существѣ, и въ этихъ предѣлахъ есть постоянное и опредѣленное соотношеніе между «потенціальными» психическими энергіями, такъ назыв. скрытыми душевными «способностями» производить работу, и «кинетическими» психическими энергіями (проявленіями душевныхъ способностей въ дѣйствіи). Поэтому можно съ полною увѣренностью говорить о приложимости *закона сохраненія энергіи* къ области психиче-

скихъ энергій въ томъ смыслѣ, что всякое уменьшеніе кинетической психической энергій данной системы (психического существа) есть перенесеніе ея въ другую систему (въ другія существа), или переходъ въ какую-либо форму физической энергій данной системы (организма), или же переходъ въ свою собственную эквивалентную «потенціальную» форму (явленія сна, памяти и т. под.)

8. Понятіе *психической энергій* можетъ привести къ разсмотрѣнію всѣхъ формъ собственно *психической дѣятельности*, какъ различныхъ формъ превращенія психической энергій, въ ея цѣломъ, другъ въ друга. Въ психической области можно, какъ и въ физической, признать существованіе *разныхъ формъ* энергій, какъ-то: энергій мышленія, чувствованія, хотѣнія, и частнѣе, воображенія, памятованія, творчества и т. д., которыя превратимы другъ въ друга, равно какъ и въ различныя формы физической энергій, въ предѣлахъ организма и внѣ его.

9. Явленія *чувствованія, психическихъ иллюзій* и вообще *психофизическія отношенія* всего лучше объясняются съ точки зрѣнія теоріи энергій и закона сохраненія энергій.

10. Теорія психической энергій можетъ облегчить разрѣшеніе и нѣкоторыхъ задачъ чисто *біологическихъ*, ибо она неволью побуждаетъ къ разработкѣ понятія «жизненной или физиологической энергій», какъ особаго рода энергій природы, и къ рациональной постановкѣ задачъ «органической физики».

11. Теорія энергій вообще должна имѣть лишь чисто *эмпирическое значеніе*, въ качествѣ удобной *рабочей гипотезы* для объединенія всѣхъ знаній о явленіяхъ неорганическихъ, органическихъ и надорганическихъ. Эта теорія (*энергетика*) не имѣетъ права придавать понятію энергій значеніе единственнаго понятія, обнимающаго *все реальное*.

12. Понятіе *матеріи*, какъ субстрата энергій или среды ихъ проявленія, должно остаться въ силѣ, пока наука не имѣетъ возможности свести всю матерію къ одной только совокупности энергій, а механическое и физическое ученіе о перенесеніи энергій изъ одного тѣла въ другое приводитъ *логически* къ понятію «матеріи», какъ равноправному кореллату понятія «энергій».

13. Вопросъ о соотношеніи матеріи и энергій остается тѣмъ основнымъ *метафизическимъ* вопросомъ, который не разрѣшимъ

для современнаго знанія. Если энергія (способность движенія) переносится изъ одного тѣла (какъ части системы) въ другое, то она „отдѣлима отъ матеріи“, но тогда остается въ силѣ вопросъ: *что ее отдѣляетъ, почему и какъ она отдѣляется.*

14. Ученіе о единствѣ энергій въ природѣ (такъ называемыхъ «физическихъ» и «психическихъ») и о ихъ взаимномъ превращеніи очевидно не предрѣшаетъ спора между *монизмомъ и дуализмомъ.* Энергетическій монизмъ можетъ быть совмѣстимъ съ трансцендентальнымъ дуализмомъ (матеріи и силы или матеріи и духа и т. п.).

15. Равнымъ образомъ изъ ученія о единствѣ энергій и о приложимости закона сохраненія энергій въ психической области нельзя вывести никакихъ заключеній противъ *свободы воли и безсмертія* личнаго сознанія. Если всякая энергія можетъ переноситься изъ одной системы въ другую, сохраняя всѣ свои особенности, то и психическая энергія—энергія личнаго сознанія—вѣроятно можетъ отдѣлиться отъ организма и перенестись въ другую среду и систему. Вмѣстѣ съ тѣмъ психическую энергію можно разсматривать, какъ ту форму энергіи, которая свидѣтельствуешь, что энергія, какъ способность производить работу, не исключаетъ существованія дѣятеля, который является реальнымъ источникомъ этой способности (*ἀρχὴ τῆς κινήσεως* въ Платоновскомъ и Аристотелевскомъ смыслѣ).

Краткій отчетъ о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за 1896 г.

Составъ Общества. Въ теченіе 1896 г. въ составѣ Общества произошли слѣдующія измѣненія: 1) скончались почетные члены *Н. Н. Страховъ* и *Э. Дю-Буа-Реймонъ* и дѣйств. членъ *А. Г. Стольцовъ*; 2) были избраны въ дѣйствительные члены: *П. В. Тихомировъ*, *Ц. П. Балалонъ*, *В. Анри*, *Н. Д. Виноградовъ* и *С. И. Старынкевичъ* и въ члены-соревнователи—*И. Н. Сахаровъ* и *В. В. Шенинъ*. Такимъ образомъ, къ 25 января 1897 г. Общество состоитъ изъ 15 почетныхъ членовъ, 11 членовъ-учредителей, 146 дѣйствительныхъ членовъ, 45 членовъ-соревнователей и 7 членовъ-корреспондентовъ, а всего изъ 224 человекъ.

Советъ Общества оставался въ прежнемъ составѣ.

Ревизионная комиссия по хозяйственным деламъ журнала „Вопросы фил. и псих.“ Членами комиссіи состояли избранные 27 января 1896 г. М. С. Корелинъ, В. П. Сербскій и А. А. Токарскій и кандидатомъ къ нимъ А. С. Бьлжинъ.

Засѣданія. Въ истекшемъ году Общество имѣло 12 засѣданій, изъ которыхъ было 1 годовичное распорядительное, 1 закрытое, 8 очередныхъ открытыхъ и 2 публичныхъ.

Въ очередныхъ открытыхъ засѣданіяхъ были доложены и подвергнуты обсужденію слѣдующія сообщенія:

А. Н. Бернштейна. Миръ звуковъ, какъ объектъ воспріятія и мысли.

Ц. П. Балталона. Чувство сходства, какъ источникъ эстетической эмоціи и красоты.

С. А. Суханова. Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій.

Л. М. Лопатина. Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта.

В. П. Сербскаго. Отчетъ о четвертомъ конгрессѣ криминальной антропологіи.

А. А. Токарскаго. О сообщеніяхъ, которыя были прочтены на трехъ общихъ собраніяхъ на 3-мъ Мюнхенскомъ психологическомъ конгрессѣ въ іюль и августъ 1896 г.

В. А. Гольцева. О книгѣ Е. В. Де-Роберти «Le bien et le mal».

В. Н. Ивановскаго. Къ исторіи ученія объ апперцепціи въ психологіи.

Одно изъ очередныхъ засѣданій было посвящено памяти скончавшагося почетнаго члена Общества—*Н. Н. Страхова*. На этомъ засѣданіи были сдѣланы два сообщенія—*Н. Я. Гротомъ*: «Памяти Н. Н. Страхова (къ характеристикѣ его философскаго міровоззрѣнія)» и *В. А. Гольцевымъ*: «Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ».

12 октября состоялось въ физической аудиторіи университета публичное засѣданіе въ память трехсотлѣтія со дня рожденія Декарта. Засѣданіе началось вступительнымъ словомъ, произнесеннымъ *Н. Я. Гротомъ*—«О жизни и личности Декарта»; затѣмъ *Л. М. Лопатинъ* прочелъ рѣчь подъ заглавіемъ: «Декартъ какъ основатель новаго философскаго научнаго міровоззрѣнія» и *Н. А. Умовъ*—рѣчь подъ заглавіемъ: «Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ». Во время перерыва засѣданія между

рѣчами былъ показанъ на экранѣ портретъ Декарта. Въ виду того, что аудиторія не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на засѣданіи, Психологическое Общество повторило засѣданіе въ память Декарта 19 октября въ актовомъ залѣ университета для студентовъ, любезно предложившихъ на первомъ засѣданіи уступить свои мѣста посторонней публикѣ, а также для лицъ, не попавшихъ на него. Психологическое Общество, въ виду такого успѣха чествованія памяти Декарта, отправило во французскую Académie des sciences morales et politiques телеграмму съ выраженіемъ сочувствія комитету по изданію полного собранія сочиненій Декарта. На телеграмму былъ полученъ благодарственный отвѣтъ отъ министра народнаго просвѣщенія Франціи г. Rambaud.

Журналъ „Вопросы философіи и психологіи“. Въ истекшемъ году Психол. Общество продолжало издавать журналъ подъ редакціей Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго при дѣятельномъ участіи прежняго его редактора Н. Я. Грота. Съ 3-й книги при журналѣ печатаются «Записки Психологической лабораторіи Психиатрической клиники Императорскаго Московскаго университета» подъ редакціей А. А. Токарскаго. 22 декабря 1896 г. Общество постановило выразить глубокую благодарность кн. С. Н. Трубецкому, В. А. Гольцеву и Л. М. Лопатину за безвозмездное сотрудничество въ журналѣ.

Редакціонный комитетъ журнала оставался въ прежнемъ составѣ.

„Труды“ и „Изданія“ Общества. Окончено изданіе перевода сочиненія Вундта «Очеркъ психологіи» Д. В. Викторова подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота. Печатается—подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкого переводъ сочиненія Кэрда—«Философія Гегеля» и сочиненіе Гирна «Analyse élémentaire de l'Univers» въ переводѣ и на средства С. И. Старынкевича. Приготовляется къ печати второе изданіе «Введенія въ философію» П. ульсена.

Отчетъ казначея Психологическаго Общества за 1896 годъ.

Приходъ Психологическаго Общества.

Остатокъ отъ 1895 г. 46 р. 03 к.

Членскихъ взносов. 290 » — »

Пособіе университета. 400 » — »

736 р. 03 к.*Расходъ* Психологическаго Общества.

Засѣданія Общества. 127 р 20 к.

Типографія 13 » — »

Публикація. 4 » 56 »

Библіотека 92 » 10 »

Канц., почт., разъѣздн.

и пр. 71 » 34 »

308 » 20 »

Оставалось изъ суммъ Псих. О-ва. 427 » 83 »

Полученъ по вкладному билету Моск.

Учет. Банка за № 35345 хранившійся капиталъ Псих. О-ва 2.500 » — »

а также и причитавшіеся на эту сумму % за годъ. 106 » 87 »

По счету изданій Общества получено изъ конторы журнала «Русская Мысль». 600 » — »

Продано книгъ 5 » 50 »

Остатокъ отъ суммъ, предназначавшихся авторамъ похищенныхъ книгъ. 83 » 39 »

% по тек. сч. И. В. Юнкеръ и К⁰. 13 » 07 »

Отъ С. И. Старынкевича изъ Варшавы на изданіе перевода книги Гирна. 800 » — »

Съ текущ. счета И. В. Юнкеръ и К⁰. 3.010 » 51 »

7.547 р. 17 к.*Выдано:*

По счетамъ Общества писчебумажныхъ фабрикъ Г. И. Паллизенъ за 1895 годъ 2.183 р. 24 к.

По счетамъ типографіи Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰ 900 » 51 »

М. С. Аксенову за похищенные книги	100 » — »
По счетамъ изданій Общества:	
В. П. Преображенскому . . .	100 » — »
Н. Г. Титовскому	100 » — »
Въ контору редакціи журнала «Во- просы философіи и психологіи» . .	660 » 65 »
На текущ. сч. И. В. Юнкеръ и К ^о .	3.419 » 94 »
	<hr/>
	7.464 » 34 »
Остатокъ на 1897 г. у казначея	82 » 83 »

*Состояніе капиталовъ Психологическаго Общества на 1-е января
1897 года.*

У казначея Общества	82 р. 83 к.
На тек. сч. И. В. Юнкеръ и К ^о :	
суммъ Общества	197 р. 08 к.
г. Старынкевича	800 » — »
	<hr/>
	997 » 08 »
Капиталь Д. А. Столыпина на вклады въ Моск. Учетн. Банкѣ съ $\frac{0}{100}$ по 23 января 1897 г.	1.179 » 21 »
	<hr/>
	2.259 » 12 »

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго
при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 15-е марта
1897 года.**

Почетные члены:

1. Гротъ, Николай Яковлевичъ.
2. Наринскій, Михаилъ Ивановичъ.
3. Кожевниковъ, Алексѣй Яковлевичъ (членъ-учредитель).
4. Козловъ, Алексѣй Александровичъ.
5. Кони, Анатолій Ѳедоровичъ.
6. Легонинъ, Викторъ Алексѣевичъ (членъ-учредитель).
7. Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ.
8. Стѣченовъ, Иванъ Михайловичъ.
9. Толстой, гр. Левъ Николаевичъ.
10. Троицкій, Матвѣй Михайловичъ (членъ-учредитель).
11. Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ.

12. Бэнъ, Александръ (Англія).
13. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
14. Гартманъ, Эдуардъ (Германія).
15. Паульсенъ, Фридрихъ (Германія).
16. Рибо, Томасъ (Франція).
17. Рише, Шарль (Франція).
18. Сэдживинъ, Генри (Англія).
19. Спенсеръ, Гербертъ (Англія).
20. Фишеръ, Куно (Германія).
21. Фуллье, Альфредъ (Франція).
22. Целлеръ, Эдуардъ (Германія).

Члены-учредители:

23. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.	}	Профессора Московскаго Университета.
24. Бугаевъ, Николай Васильевичъ.		
25. Звѣревъ, Николай Андреевичъ.		
26. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ.	}	Профессора Моск. Универс.
27. Колоколовъ, Георгій Евграфовичъ.		
28. Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ.		
29. Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ.	}	Профессора Московскаго Университета.
30. Стороженко, Николай Ильичъ.		
31. Фортунатовъ, Филиппъ Ѳедоровичъ.		
32. Чупровъ, Александръ Ивановичъ.		

Дѣйствительные члены:

33. Абрикосовъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
34. Абрикосовъ, Николай Алексѣевичъ.
35. Адольфъ, Андрей Викентьевичъ, преподаватель гимназіи.
36. Айхенвальдъ, Юлій Исаевичъ.
37. Анри, Викторъ.
38. Баженовъ, Николай Николаевичъ, психіатръ.
39. Балталонъ, Цезарь Павловичъ, преподаватель гимназіи.
40. Бартеневъ, Юрій Петровичъ.
41. Басистовъ, Алексѣй Павловичъ, преподаватель гимназіи.
42. Безобразова, Марья Владиміровна, д-ръ филос. Бернскаго Универс.
43. Безобразовъ, Павелъ Владиміровичъ.
44. Бернштейнъ, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
45. Боборыкинъ, Петръ Дмитріевичъ, писатель.

46. **Бобровъ**, Евгений Александровичъ, проф. Казан. Унив.
47. **Боголѣповъ**, Николай Павловичъ, попеч. Моск. учебн. окр.
48. **Боткинъ**, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
49. **Брунъ**, Михаилъ Исакіевичъ, прис. повѣр.
50. **Брюхатовъ**, Левъ Дмитріевичъ.
51. **Буцке**, Викторъ Романовичъ, психіатръ.
52. **Быновскій**, Константинъ Михайловичъ, академикъ архитек.
53. **Бѣлнинъ**, Алексѣй Сергѣевичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
54. **Вагнеръ**, Владиміръ Александровичъ, магистръ зоологіи.
55. **Васильевъ**, А. В. проф. Казанскаго Унив.
56. **Введенскій**, Александръ Ивановичъ, проф. С.-Пб. Унив.
57. **Введенскій**, Алексѣй Ивановичъ, доц. Моск. Дух. Акад.
58. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
59. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
60. **Викторскій**, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Московскаго Унив.
61. **Виноградовъ**, Николай Дмитріевичъ.
62. **Виноградовъ**, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. Унив.
63. **Вульфѣртъ**, Антонъ Карловичъ, проф. Демидовскаго лицея.
64. **Вырубовъ**, Григорій Николаевичъ, писатель.
65. **Гамбаровъ**, Юрій Степановичъ, проф. Моск. Унив.
66. **Герасимовъ**, Осипъ Петровичъ, препод. гимназіи.
67. **Герье**, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. Унив.
68. **Гиацинтовъ**, Владиміръ Егоровичъ, препод. гимназіи.
69. **Гиляровъ**, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевскаго Унив.
70. **Голицынъ**, кн. Борисъ Борисовичъ, адъютантъ Акад. Наукъ.
71. **Гольцевъ**, Викторъ Александровичъ, писатель.
72. **Горбовъ**, Николай Михайловичъ.
73. **Горская**, Зинаида Степановна, психіатръ.
74. **Данилевскій**, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. Унив.
75. **Де-Роберти**, Евгений Валентиновичъ, писатель.
76. **Дерюжинскій**, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. Унив.
77. **Дехтеревъ**, Владиміръ Гавриловичъ, психіатръ.
78. **Джаншіевъ**, Григорій Аветовичъ, писатель.
79. **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ, д-ръ уголовного права.
80. **Дурдифи**, Григорій Николаевичъ, докт. мед.
81. **Духовской**, Михаилъ Васильевичъ, проф. Моск. Унив.
82. **Елеонскій**, Николай Александровичъ, свящ., проф. Моск. Ун.
83. **Ефименко**, Александра Яковлевна, писательница.
84. **Жуковскій**, Николай Егоровичъ, проф. Моск. Унив.

85. Занцевичъ, Константинъ Петровичъ, присяж. повѣрен.
86. Зеленогорскій, Ѳедоръ Александровичъ, проф. Харьк. Унив.
87. Зерновъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
88. Зографъ, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. Унив.
89. Ивановскій, Владиміръ Николаевичъ.
90. Иванцовъ, Николай Александровичъ, пр.-доц. Моск. Унив.
91. Иванюковъ, Иванъ Ивановичъ, писатель.
92. Казанскій, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. Унив.
93. Каленовъ, Петръ Александровичъ, препод. гимназіи.
94. Камаровскій, гр. Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. Унив.
95. Капнистъ, гр. Павелъ Алексѣевичъ.
96. Карѣевъ, Николай Ивановичъ, проф. С.-Петербур. Универс.
97. Ключевскій, Василій Осиповичъ, проф. Моск. Унив.
98. Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ, проф. Новорос. Унив.
99. Колубовскій, Яковъ Николаевичъ.
100. Конисси, Даніилъ Павловичъ.
101. Корелинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, проф. Моск. Унив.
102. Корниловъ, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
103. Коробкинъ, Ѳедоръ Семеновичъ, преподав. гимназіи.
104. Корсаковъ, Сергѣй Сергѣевичъ, проф. Моск. Унив.
105. Коршъ, Ѳедоръ Евгениевичъ, проф. Моск. Унив.
106. Ланге, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. Унив.
107. Ланнъ, Фердинандъ, преподав. гимназіи.
108. Лесевичъ, Владиміръ Викторовичъ, писатель.
109. Лопатинъ, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. Унив.
110. Лютославскій, Вик. Францовичъ.
111. Мальшинъ, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
112. Мамуна, гр. Иванъ Андреевичъ, врачъ.
113. Масарикъ, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго Ун. въ Прагѣ.
114. Мензбиръ, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. Унив.
115. Милюковъ, Павелъ Николаевичъ.
116. Минцловъ, Рудольфъ Рудольфовичъ.
117. Митрофановъ, Павелъ Ильичъ.
118. Михайловскій, Николай Константиновичъ, писатель.
119. Михайловскій, Викторъ Михайловичъ, пр.-доц. Моск. Унив.
120. Млодзѣевскій, Болеславъ Корнелиевичъ, проф. Моск. Унив.
121. Моніевскій, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
122. Мороховецъ, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. Унив.

123. Некрасовъ, Павелъ Алексѣевичъ, рект. Моск. Унив.
124. Немировичъ-Данченко, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
125. Оболенскій, Леонидъ Егоровичъ, писатель.
126. Огневъ, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. Унив.
127. Охоровичъ, Юліанъ, д-ръ.
128. Павловъ, Алексѣй Степановичъ, проф. Моск. Унив.
129. Петровскій, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
130. Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ, прис. пов.
131. Поливановъ, Левъ Ивановичъ.
132. Поспѣховъ, Дмитрій Васильевичъ, проф. Кіевск. Дух. Акад.
133. Постовскій, Николай Павловичъ, психіатръ.
134. Преображенскій, Василій Петровичъ.
135. Преображенскій, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
136. Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ.
137. Радловъ, Эрнестъ Львовичъ.
138. Рачинскій, Григорій Алексѣевичъ.
139. Ржондковскій, Николай Ивановичъ.
140. Россолимо, Григорій Ивановичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
141. Ротъ, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. Унив.
142. Рузскій, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
143. Рутковскій, Л. В., прив. доц. С.-Петербур. Универс.
144. Савей-Могилевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, психіатръ.
145. Сербскій, Владиміръ Петровичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
146. Серджи, Джіованни, проф. антропологии въ Римѣ.
147. Сикорскій, И. А., проф. Кіев. Унив.
148. Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. Казан. Унив.
149. Смирновъ, Ѳедоръ Александровичъ, препод. гимназіи.
150. Соболевскій, Василій Михайловичъ.
151. Соколовъ, Павелъ Петровичъ, проф. Моск. Дух. Акад.
152. Старынкевичъ, Сократъ Ивановичъ.
153. Струве, Генрихъ Егоровичъ, проф. Варш. Унив.
154. Сухановъ, Сергѣй Алексѣевичъ, психіатръ.
155. Танѣевъ, Владиміръ Ивановичъ, присяж. повѣр.
156. Тимирязевъ, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. Унив.
157. Тимковскій, Николай Ивановичъ, писатель.
158. Тихомировъ, Павелъ Васильевичъ, доц. Моск. Дух. Акад.
159. Токарскій, Ардаліонъ Ардаліоновичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
160. Трубецкой, кн. Евгений Николаевичъ, проф. Кіев. Унив.
161. Трубецкой, кн. Сергѣй Николаевичъ, прив.-доц. Моск. Унив.

162. Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
163. Успенскій, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
164. Умовъ, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. Унив.
165. Фаворскій, Андрей Евграфовичъ, присяж. повѣр.
166. Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф. Юрьевск. Унив.
167. Фонъ-Тешъ, Павелъ Павловичъ, докт. медиц.
168. Фонъ-Штейнъ, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Моск. Универс.
169. Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, проф. Моск. Унив.
170. Цертелевъ, кн. Дмитрій Николаевичъ, писатель.
171. Цингеръ, Василій Яковлевичъ, проф. Моск. Унив.
172. Челпановъ, Георгій Ивановичъ, прив.-доц. Кіев. Унив.
173. Чижъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьев. Унив.
174. Шварцъ, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
175. Шервинскій, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. Унив.
176. Шишкинъ, Николай Ивановичъ, преподав. гимназіи.
177. Шмидтъ, Евгений Александровичъ.
178. Штейнъ, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
179. Эртель, Александръ Ивановичъ, писатель.
180. Якоби, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
181. Яковенко, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.
182. Ярковскій, Иванъ Осиповичъ, инженеръ-технологъ.

Члены-соревнователи:

183. Абрикосова, Марья Филипповна.
184. Абрикосова, Глафира Алексѣевна.
185. Абрикосовъ, Александръ Алексѣевичъ.
186. Алябьевъ, Александръ Александровичъ.
187. Андреева, Александра Алексѣевна.
188. Бобровъ, А. Н.
189. Брюхатовъ, А. Дмитріевичъ.
190. Ганненфельдъ, Александръ Павловичъ.
191. Глики, Юлія Ивановна.
192. Гольденвейзеръ, Моисей Соломоновичъ.
193. Гончарова, Анна Сергѣевна.
194. Долгинцевъ, Василій Ѳедоровичъ.
195. Дроздовъ, Александръ Васильевичъ.
196. Кандауровъ, Дмитрій Петровичъ.

197. Колобашкинъ, Николай Николаевичъ.
198. Лазаревъ, Иванъ Ѳедоровичъ.
199. Любенкова, Юлія Львовна.
200. Львовъ, кн. Д. П.
201. Мазаровичъ, Николай Ивановичъ.
202. Маклакова, Лидія Филипповна.
203. Малининъ, Александръ Александровичъ.
204. Мальковская, Софья Александровна.
205. Мамонтовъ, Михаилъ Анатоліевичъ.
206. Мамонтовъ, Анатолій Ивановичъ.
207. Новожиловъ, Иванъ Михайловичъ.
208. Павловъ, Александръ Владиміровичъ.
209. Петрункевичъ, А. С.
210. Погожева, Анна Васильевна.
211. Панафидинъ, С. В.
212. Рачинскій, Николай Петровичъ.
213. Ремезовъ, Иванъ Дмитріевичъ.
214. Ржаницынъ, Алексѣй Руфовичъ.
215. Ржевскій, Владиміръ Алексѣевичъ.
216. Сахаровъ, Иванъ Николаевичъ.
217. Свентицкая, Марья Хрисанфовна.
218. Селивачевъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
219. Столповскій, Петръ Адамовичъ.
220. Сѣриковъ, Сергѣй Владиміровичъ.
221. Угримова, Марья Павловна.
222. Угримовъ, Иванъ Александровичъ.
223. Фаминскій, Василій Неофитовичъ.
224. Ходолей, Н. Ю.
225. Шахъ-Назаровъ, Семень Григорьевичъ, врачъ.
226. Шеншинъ, Владиміръ Васильевичъ.
227. Ясановъ, Тимоѳей Архиповичъ.

Члены-корреспонденты:

228. Гелеръ фонъ Равенсбургъ, предс. Берлин. Психол. Общ.
229. Манкъ Дессуаръ, секретарь того же Общества.
230. А. Байерсдёрферъ, предс. Мюнхен. Психол. Общества.
231. Шренкъ фонъ Нотцингъ, секретарь того же Общества.
232. Левицкій, И. Н.

233. Демковъ, М. И.

234. Гартвигъ, Андрей Ѳедоровичъ.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», на имя казначея Общества Николая Алексѣевича Абрикосова. Взносъ для дѣйств. чл. 5 р., а для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г. на

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакаціонныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакцію проф. В. Н. Латкина.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля „Цѣлесообразна ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры“; проф. В. Ивановскаго—„Общая начала въ устройствѣ губернскихъ властей“; В. Каткова—„Чекъ“; М. Левитскаго—„Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наследства“; проф. А. Александренка—„Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.“; И. Кашкарова—„Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ н.ч. судебныхъ должностей“; П. Коробки—„Замѣтки мирового судьи“; проф. А. Гольмстена—„Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права“; А. Левенстима—„Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части“; О. Пергаментъ—„Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ“; Н. Водовозова—„Католическая школа въ политической экономіи“; И. Баралевскаго—„О судопроизводствѣ въ Приамурскомъ краѣ“; Я. Городыскаго—„Практика судебно-административныхъ учреждений“; Е. Васьяковскаго—„Недостатки устава гражданскаго судопроизводства“; проф. В. Даневскаго—„О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ“; проф. В. Лебедева—„Национализація земли и поземельная реформа“; А. Тимоеева—„Условное освобожденіе“; Н. Максимова—„О реформѣ судебныхъ учреждений въ степныхъ областяхъ“; А. Лонгинова—„Слабая стороны проекта уголовного уложенія“; А. Вашиха—„Право представленія и поколѣнное преемство“; И. Озерова—„Сравнительная преступность половъ“; А. Дукмасова—„О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности“; Г. Вольтке—„Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга“; К. Дворжицкаго—„Бродяги и законъ“; В. Волжина—„Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ“; Н. Дружинина—„Крестьяне и общее гражданское право“; проф. Загоровскаго—„Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебного права“; Н. Поletaева—„Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ“; Ф. Клингберга—„Къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія“; В. Волжина—„Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ“; М. Левитскаго—„По поводу 6-й статьи устава о цензурѣ“; проф. Н. Суворова—„Монастыри и церкви, какъ юридическія лица“; А. Лонгинова—„Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями“; М. Левитскаго—„О судебной карьерѣ“; Б. Боуффала—„О пропинаціонномъ правѣ“; М. Мыша—„О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ“; С. Саблера—„Къ ученію о суверенитетѣ въ государствахъ“; В. Ефимова—„О послѣднемъ проектѣ межевого устава“; К. Чихачева—„Объ юридической силѣ кассационныхъ рѣшеній“ и мн. друг.

Цѣна за годовое изданіе: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—8 руб. Съ доставкой—8 руб. 50 к. Съ пересылкою въ другіе города—9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того „Рѣшенія кассационныхъ департаментовъ Сената“, платятъ за журналъ и за „Рѣшенія“ съ доставкой и съ пересылкою—13 р. Подписка на „Рѣшенія“ отдѣльно, безъ журнала стоитъ 4 руб. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т.-е. 4 руб. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассационными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (С.-Петербургъ, Ново-исаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. В. Н. Латкинъ.

Издание О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

н а

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НОВОЕ СЛОВО“

2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, „НОВОЕ СЛОВО“ поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній, по вѣсьмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще „письма изъ провинціи“. Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Кабдуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Макинъ-Сибирякъ, Г. А. Маттеъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—сынъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавицъ, Н. А. Рубанинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, проф. К. Тимирязевъ, Ант П. Чеховъ, Щепотьевъ (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкій, А. И. Эргель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовою періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Въ дѣствіе этого годовая подписка на „НОВОЕ СЛОВО“ принимается съ 1-го октября 1896 г. по 1-е октября 1897 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., безъ пересылки на годъ 9 руб.; съ перес. за границу на годъ 12 р. Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со вѣсьхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ. Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1. Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, „Библиотека Черкесова“. Москва: отдѣленіе конторы журнала „НОВОЕ СЛОВО“, книжный магазинъ „ТРУДЪ“.

Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовою подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія. Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя. Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается бесплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ

литературный и научно-популярный журн. для самообразования

МІРЪ БОЖІЙ

(Ежемесячно 25 печ. листовъ).

VI-й г. изд.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «Міръ Божій»—дать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и приобретать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ. Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причѣмъ для напечатанія предполагается, между прочимъ слѣдующее: **БЕЛЛЕТРИСТИКА:** „Живая жизнь“, общественно-бытовой романъ въ трехъ частяхъ П. Потапенко; „Школяры“, очеркъ В. Дмитриевой; „Въ тюремномъ карцерѣ“, психологическій этюдъ Н. Ифаватьева; очерки и рассказы постоянныхъ сотрудниковъ: Ю. Безродной, Е. Чирикова, Сѣрошевскаго, Савихина и пр. „Переломъ“, социальный романъ изъ жизни современной Англии; „Записки философа“, Роберта Гранта, бытовой романъ изъ американской жизни; рассказы Вильденбруха, Жеромскаго, Б. Прусса, Э. Ожешко, Киплинга и пр. **НАУЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ** и **СТАТЬИ:** „Дыханіе и жизнь“, проф. И. П. Бородина; „Отравленіе и организациа“, проф. Брандта; „Низкія температуры и ихъ значеніе въ наукѣ и техникѣ“, В. Агафонова; „Общество, государство, культура въ XVI в. на Западѣ“, проф. Вишпера; „Нашъ вѣкъ“, культурно-историческіе очерки Ив. Иванова. „Шекспиръ и Бѣлинскій“, проф. Стороженко; „Основные гарантіи правосудія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II“, Г. Джаншіева; „Глѣбъ Успенскій“, крит. этюдъ П. Иванова; „Хвоцинская (В. Крестовскій псевд.)“, по неизданнымъ матеріаламъ и личнымъ воспоминаніямъ М. Цебриковой; „Факторы общественнаго развитія“ (по анализу экономическаго матеріализма), соціолог. очерки Людв. Крживицкаго, „Прогрессъ и бѣдность“, Б. Эфрусси. „Развитіе представительныхъ учреждений“ по Каутскому Л. Давыдовой; „Къ ученію матеріализма“, (отвѣтъ моимъ оппонентамъ), прив.-доц. Г. Челпанова; „Объ измѣреніи психическихъ явленій“, проф. Оршанскаго; „Новая женщина въ современной литературѣ“, Л. Гижицкой; „Ист. скандинавской жизни“, М. Лучицкой; „Новый типъ американскихъ университетовъ“, Тверскаго; „Отношеніе французскаго общества къ политикѣ“, Н. В. Водовозова; „Естествознаніе въ очеркахъ и картинахъ“, д-ра Давемана въ перев. прив.-доц. слб. университета М. Ю. Гольдштейна и пр. **ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ:** 1. Критическія замѣтки, А. Б. 2. На родинѣ. 3. За границей. 4. Научная хроника. 5. Библиографія. 6. Изъ западной культуры. 7. Новости иностранной литературы.

Подписная цѣна: съ дост. и перес. 7 р.; безъ дост. 6 р.; за границу 10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербурѣ: въ главный конторъ редакціи Литовка, 25, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. столичныхъ и провинціальн. магаз. Черезъ магазины подписка съ разсрочкой не принимается. Магазины могутъ удерживать въ свою пользу 50% съ подписной суммы. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р. и остальные 3 р. къ 1-му июля. Полу-годовой подписки нѣтъ. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣляется.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ В. Остргорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА
ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ
„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.
(ГОДЪ ИЗДАНИЯ XI).

Въ 1896 году въ „Съверномъ Вѣстникѣ“ было, между прочимъ, напечатано: „Карьера Струкова“. Пов. А. Эртеля.—„О развитіи русскаго народнаго хозяйства“. Проф. А. Исаева.—„Трильби“. Ром. Ж.-дю-Морье.—„Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго“.—„Любовь и ревность у дѣтей“. Д-ра В. Якубовича.—„Въ дудкѣ“. Пов. Вас. Немировича-Данченка.—„О направленіяхъ современной эстетики“. Э. Радлова.—„Quo vadis?“ Ром. Ген. Сенкевича.—„Воспоминанія о А. И. Герцѣнѣ“. Н. Тучковой-Огаревой.—„Любовь“ Ром. О. Шалирь.—„Наслѣдственность пола“. Е. Чижова.—„Въ калканѣ“. Пов. П. Боборыкина.—„Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго“. М. Чайковскаго. Двѣ новеллы: а) „Наука любви“ и б) „Любовь сильнѣе смерти“. Д. Мережковскаго.—„Новѣйшая испанская литература“. Проф. А. Шепелевича.—„Зеркала“. Пов. З. Гиппиусъ.—„Съверный полюсъ“ и „Путешествіе Нансена“. М. Венюкова.—„Фридрихъ Ницше“. Отч. Л. А. Саломѣ —„Жилищная нужда рабочихъ классовъ“. Д. Герценштейна.—„Гоголь и А. О. Смирнова въ 1843—44 гг.“ В. Шенрока.—„Новая французская школа въ музыкѣ“ и „Ново-Германская музыка“. А. Коптяева.—„Александръ Дюма“ и „Новыя теченія во французскомъ романѣ“. З. Венгеровой.—„Новая побѣда науки“. А. Гершуна.—„Богъ театра“. Разск. Я. Крюковскаго.—„Идея Шляды“. Н. Минскаго.—„Таможенное разоруженіе“. В. Бирюковича.—„Исторія одного идеянаго преступленія“. Проф. И. Оршанскаго.—„Письма къ М-те Виардо и Г. Флоберу“ И. С. Тургенева.—„Москва и Римъ“. Проф. А. Бринкера.—„Польскій публицистъ-художникъ“. К. Льдова.—„Тургеневъ и Толстой“. Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго.—„Новая женщина“ и „Разводъ“. П. Тверскаго.—„Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина“. Проф. Ѳ. Ватиошкова.—„Сельскохозяйственные отхожіе промыслы“. В. Бирюковича.—„Плоскогорье“ Ром. Л. Гуревичъ.—„Нѣмецкій студентъ конца вѣка“. Проф. А. Трачевскаго.—„Атомизмъ и энергетизмъ“. Проф. А. Введенскаго.—„На конкурсѣ“. Разск. А. Стерна и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. „Вопросы самообразованія“ II. „Областной отдѣлъ“. III. „Земскій отдѣлъ“ IV. „Провинциальная печать“ Л. Горева. V. „Внутреннее обозрѣніе“. VI. „За предѣлами Европейской Россіи“ (статьи: „Въ Сибири“. „Кому просвѣщать Сибирь?“, „Земство въ Сибири“, „Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири“, „Земская школа въ Сибири“ и др. Н. Арефьева, „Кавказъ“ М. П., „Прибалтійскій край“ П. К., „Привислянскій край“ М. П., „Финляндскія дѣла“ П. Кузнецова). VII. „Корреспонденціи изъ-за границы“. VIII. „Изъ жизни и литературы“. IX. „Критика“. X. „Библиографія“. XI. „Литературныя замѣтки“ А. Волынскаго. (Статьи: „Власть тьмы“, „Современная русская беллетристика“, „Философскія теченія въ русской поэзіи“, „Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ“, „Два послѣднихъ романа Золя“, „Польскій романтистъ Сенкевичъ“ и др.).

Подписная цѣна понижена (безъ измѣненія объема и состава книжекъ). Разсрочка для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ. Условія подписки: для иногороднихъ на годъ 12 р., 6 мѣс.—6 р., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс. 1 р. Для городскихъ (съ дост.: на годъ 11 руб., 6 мѣс.—5 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р. 75 к., 1 мѣс.—90 к. Для заграничныхъ: на годъ 14 р., 6 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—4 р.

Подписка принимается въ главн. конторѣ—Спб., Троицкая, 9; въ Московскомъ отдѣленіи при книжн. маг. Н. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ книжн. маг. Карбасникова, „Новаго Времени“, Печковской, и др.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897-Й ГОДЪ (ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1896 года въ „Русской Школѣ“ были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы (Замѣтки и наблюденія начального учителя) Н. Чернецкаго; 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы, К—ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слободянина; 6) Историческій очеркъ учреждений для воспитанія дѣтей до школьнаго возраста. П. Ф. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англии и Бельгии (По личнымъ наблюденіямъ). М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемирной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. А. С. Вириніуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ среднего женскаго образованія. Кл. Фармановской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Аванасьева; 19) Замѣтки по поводу статьи Даневскаго о „единой школѣ“. Графа Павла Капниста; 20) Возможно ли и нужно ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ф. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства. Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Сналона; 25) Чему мы можемъ поучиться у америганцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармановскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, окончивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловича; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьяхъ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балалона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Сокозонтаева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. И. П. Бѣлоноснаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣ десяти печатныхъ листовъ каждая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Петербургѣ съ доставкою 6 руб. 50 коп., для иногороднихъ—**СЕМЬ руб.**, за границу—**ДЕВЯТЬ руб.** Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣ 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Литовка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Пимются экземпляры и за предыдущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-вздателъ Я. Г. Гуревичъ.

Открыта подписка на 1897 годъ на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“ для родителей и учителей.

Въ 1897 году „Дѣтское Чтеніе“ вступаетъ въ 29-й годъ своего существованія. „Дѣтское Чтеніе“ допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для сельскихъ библиотекъ; одобрено Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній. Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ помѣщаются: а) повѣсти, рассказы, легенды и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по блду свѣту, изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки, игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарады и проч. При журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ издается „Педагогическій Листокъ“, выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 4 до 6 листовъ. Большая часть статей „Педагогическаго Листка“ посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и вопросамъ по народной школѣ. Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ помѣщается періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей. Въ 1896 году въ „Дѣтское Чтеніе“ среди многихъ другихъ рассказовъ были напечатаны рассказы Д. Н. Мамина, К. М. Станюковича, Г. А. Мачета, П. В. Засодимскаго, С. Т. Семенова, К. В. Лукашевичъ и др., большія повѣсти М. Н. Альбова, И. Н. Потапенка, историческіе рассказы Д. А. Мордочева, Ив. Ив. Иванова, А. К. Сзовой и др., комедія для дѣтей П. М. Невѣжина и много научныхъ статей. Объемъ журнала былъ значительно увеличенъ: книжки выходили въ 12 и 14 листовъ и въ общемъ дано сверхъ обѣщаннаго до тридцати печатныхъ листовъ, что составитъ за годъ цѣлыхъ двѣ лишніе книжки.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ въ 1897 году примутъ участіе: Альбовъ М. Н., Баранцевичъ К. С., Борисовъ Н. А., Вагнеръ Н. П., Вагнеръ Ю. Н., Велічко В. Л., Глинскій Б. Б., Гольцевъ В. А., Ермиловъ В. Е., Засодимскій П. В., Зенченко С. В., Каразинъ Н. Н., Коропцевскій Д. А., Корелинъ М. С., Лавровъ В. М., Ладыженскій В. Н., Лукашевичъ К. В., Маминъ-Сибирякъ Д. Н., Мачета Г. А., Михаловскій Д. Л., Михѣевъ В. М., Монастырскій А., Невѣжинъ П. М., Немировичъ-Данченко Вас. Ив., Немировичъ-Данченко Вл. Ив., Острогорскій В. П., Потапенко И. Н., Рубакинъ Н. А., Семеновъ С. Т., Сергѣенко П. А., Сизова А. К., Скабичевскій А. М., Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А., Станюковичъ К. М., Чеховъ Ан. П. и др. Въ художественномъ и музыкальномъ отдѣлахъ: Андреевъ В. И., Гуганова И. Г., Литвиненко П., Кашкинъ Н. Д., Корещенко А., Чичаговъ К. Н. На 1897 годъ редакція „Дѣтскаго Чтенія“ имѣетъ уже для печатанія двѣ большія повѣсти: „Поднебесный аулъ“ Вас. Ив. Немировича-Данченко, съ рисунками К. Н. Чичагова, „Два таланта“ И. Н. Потапенка, рассказы К. М. Станюковича, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. А. Мачета, В. М. Михѣева и др.

Январская книжка 1897 г. выйдетъ до праздника Рождества.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ: безъ доставки въ Москвѣ 5 р.; съ доставк. и перес. во всеъ города Россіи 6 р.; за границу 8 р.; на полгода 3 р.; на четверть года 1 р. 50 к. Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская ул., д. Гиришмана, кв. 40—Дм. Ив. Тихомирова и во всехъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (уступка книгопродавцамъ 30 коп. съ годового экземпляра). При редакціи книжный складъ „Библиотека Дѣтскаго Чтенія“, каталогъ высылается бесплатно.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. Н. Тихомировъ.

Годъ 3-й.

въ 1897 году

Годъ 3-й.

„ЖУРНАЛЬ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будеть выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1897 года.

Программа журнала заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1) Узаконенія и распоряженія правительства. 2) Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи. 3) Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи. 4) Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше учрежденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части. 5) Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи, преимущественно въ области судоустройства, уголовного права и судопроизводства, гражданского права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу. 6) Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго сената. 7) Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библиографическій указатель юридической литературы русской и иностранной. 8) Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ. 9) Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Подписная плата 8 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложений по 1 р., съ приложениями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разрочкой до 1 руб. въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ главной конторѣ, пользуются разрочкою до 2 р. въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяц. каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: книжный складъ М. М. Стасюлевича, С. Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ главной конторѣ съ платой по расчету 30 к. за строчку и 8 р. за страницу.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатеринской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ф. Дерюжинскій.

Издание К. Л. РИККЕРА, въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

(Второй годъ изданія.)

„Обозрѣнiе психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. В. М. БЕХТЕРЕВА

Директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ С.-Петербургѣ

Начиная изданіе нашего журнала въ январѣ 1896 г., мы были твердо убѣждены въ необходимости для русской врачебной публики ежемѣсячнаго реферировающаго органа по психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи. Опытъ прошлаго года показалъ, что издаваемое нами „Обозрѣнiе“ было встрѣчено весьма сочувственно врачебною публикой и въ этомъ сочувствіи мы видимъ доказательство справедливости нашихъ предположеній. Дѣйствительно, не только врачамъ специалистамъ, но также земскимъ, военнымъ и вообще всѣмъ практическимъ врачамъ почти ежедневно приходится встрѣчаться съ вопросами вышеуказанной спеціальности; каждый врачъ не разъ чувствовалъ потребность въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ болѣзнями нервной системы, играющими такую выдающуюся роль въ жизни современнаго общества. Само собой понятно, что практическіе врачи, знакомые съ современнымъ состояніемъ ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, могутъ оказать весьма цѣнныя услуги въ дѣлѣ профилактики и лѣченія нервныхъ и душевныхъ разстройствъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ своевременное ознакомленіе съ новѣйшими успѣхами экспериментальной психологіи можетъ облегчить врачамъ и другимъ близко стоящимъ къ школьному дѣлу лицамъ болѣе правильную въ отношеніи умственной гигиены постановку школьнаго образованія. Неоспоримо также и особо важное практическое значеніе криминальной антропологіи и ученія о гипнотизмѣ, какъ въ отношеніи выясненія общихъ психологическихъ вопросовъ, такъ и въ отношеніи практически важныхъ вопросовъ судебно-психіатрической экспертизы.

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

I. Оригинальныя статьи по психіатріи, невропатологіи, неврологіи, психологіи, гипнотизму, криминальной антропологіи и по вопросамъ, связаннымъ съ ними. II. Обзоры и рефераты по указаннымъ предметамъ. III. Отчеты, письма и корреспонденціи. IV. Критическія статьи, отзывы, рецензіи и библиографія. V. Хроника, новости и смѣсь. VI. Биографіи и некрологи. VII. Объявленія и извѣщенія.

Статьи (въ заказныхъ бандероляхъ) покорнѣйше просятъ адресовать на имя редактора журнала—директора клиники, проф. В. М. Бехтерева (С.-Петербургъ, Выборгская сторона, клиника душевныхъ болѣзней).

Письма, касающіяся благоустройства неврологическихъ и психіатрическихъ учреждений и корреспонденціи бытового характера, какъ матеріалъ для хроники, покорнѣйше просятъ адресовать на имя секретаря редакціи, д-ра П. А. Останкова, (С.-Петербургъ, Выборгская, сторона, Клиника душевныхъ болезней).

Подписка принимается въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера, (Невскій, 14) и въ другихъ городахъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ—9 руб.; за полгода—4 руб. 50 коп.; за 3 мѣсяца—2 руб. 25 коп.

Ограниченное число экземпляровъ „Обозрѣнiя“, оставшееся за 1896 годъ, можно приобрести у издателя по 9 рублей за годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1897 годъ на
Юридическую Газету

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената и Собранія узаконеній и распоряженій Правительства.

Выходитъ ДВА РАЗА въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Годовая подписная цѣна съ доставкой и пересылкою семь рублей.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля остальные 3 рубля.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кк. № 1.

Подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условий: § 1. Сообщение въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“, справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписнаго года, дѣляется бесплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы. § 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи. § 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассационныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстныхъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи. § 4. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бавдероль, за которую получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и къ кому поданы прошеніе и жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отпралены въ Севать или другое правительственное учрежденіе. § 5. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія, указанные въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда и послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія. § 7. Контора редакціи „Юридической Газеты“, также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

REVUE DES REVUES

ET

Revue d'Europe et d'Amerique.

Au prix de 14 fr. en France et de 18 fr. à l'étranger (ou en envoyant par lettre 7 roubles, 9 florins, 15 mark ou 20 lire), on a un abonnement d'un an pour la „Revue des Revues“, richement illustrée.

„Avec elle, on sait tout, tout de suite“ (Al. Dumas fils), car la Revue des Revues est extrêmement bien faite et constitue une des lectures des plus intéressantes, des plus passionnantes et les plus amusantes“ (Francisque Sarcey); „rien n'est plus utile que ce résumé de l'esprit humain“ (E. Zola); „elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes Revues françaises et étrangères“ (Les Débats), etc.

La „Revue“ paraît le 1-er et le 15 de chaque mois, publie des articles inédits signés par les plus grands noms français et étrangers, les meilleurs articles des Revues du monde entier, etc., etc.

La collection annuelle de la Revue forme une vraie encyclopédie de 4 gros volumes, ornés d'environ 1500 gravures et contenant plus de 400 articles, études, nouvelles, romans etc.

La Revue offre de **NOMBREUSES PRIMES** à ses abonnés.

On s'abonne sans frais dans tous les bureaux de poste de la France et de l'étranger, chez tous les principaux libraires du monde entier et dans les bureaux de la Revue.

Rédaction et Administration: 32, rue de Verneuil, Paris.

1897

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

1897

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на издающуюся въ г. Ставрополѣ - Кавказскомъ обществ.-литературн. газету

СѢВЕРНЫЙ Кавказъ.

Выходящую два раза въ недѣлю — по четвергамъ и воскресеньямъ — и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носить.

Въ 1897 году „СѢВЕРНЫЙ Кавказъ“ будетъ выходить по слѣдующей программѣ: 1. Дѣйствія и распоряженія правительства. — 2. Иностранное обозрѣніе. — 3. Руководящія статьи. — 4. Отголоски печати. — 5. Хроники: общая, городская, областная и по Кавказу. — 6. По Россіи — выдающіяся происшествія. — 7. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ СѢВЕРНАГО Кавказа, а также изъ другихъ мѣстъ Россіи. — 8. Фельетоны: научные, беллетристическіе и проч. — 9. Библиографическій отдѣлъ. — 10. Театръ и музыка. — 11. Судебная хроника. — 12. Смѣсь. — 13. Справочный листокъ. — 14. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки и пересылки на годъ 4 р. 50 к., за полгода 2 р. 50 к., за 3 мѣс. 1 р. 50 к. Съ доставкой и перес. на годъ: 5 р. 50 к., на полг. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к.

За перемѣну адреса взимается 28 коп. Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками

Подписка принимается: въ г. Ставрополѣ, въ конторѣ редакціи, Театральная ул., д. насл. Попова; въ конторѣ типографіи В. В. Беркъ „СѢв. Кавк.“, Вельяминовская ул., д. Стасенковой.

Разсрочка платежа допускается по соглашенію съ конторой редакціи.

Подписка принимается съ 1-го числа cadaго мѣсяца, а годовая только съ 1-го января.

Открыта подписка на 1897 г.

(IV. ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ ОБЩЕ-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Научное Обозрѣніе.

52 №№ и шесть приложений

Въ 1897 году „Научное Обозрѣніе“ будетъ выходить по прежней программѣ, включающей отдѣлы наукъ физико-химическихъ, естественныхъ, антропологій, географіи и этнографіи, а также отдѣлы библиографіи, научной хроники, научныхъ новостей, изобрѣженій и открытій, біографій научныхъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки. Журналъ имѣетъ сотрудниковъ и корреспондентовъ въ русскихъ университетскихъ городахъ, а также въ Парижѣ, Женевѣ, Неаполѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ и др. научныхъ центрахъ.

Въ 1894—96 гг. помѣстили статьи слѣдующіе авторы: проф. А. Н. Бекетовъ, академикъ князь Б. Б. Голицынъ, магистръ В. А. Вагнеръ, проф. М. Ганинъ, проф. С. П. Глазенапъ, доцентъ М. Ю. Гольштейнъ, д-ръ химіи М. Гинзбургъ, д-ръ геологій В. Дингельштедтъ, доцентъ А. Н. Карножицкій, Г. А. Кожевниковъ, магистръ А. Красновъ, проф. Н. И. Кузнецовъ, В. В. Лесевичъ, проф. Н. А. Любимовъ, проф. Ир. Скворцовъ, проф. А. С. Трачевскій, проф. К. А. Холодковский, проф. П. А. Шиффъ, П. Ю. Шмидтъ и мног. др. Въ 1895 и 1896 гг. въ числѣ „Приложеній“ были даны капитальныя научныя сочиненія, между прочимъ въ 1895 г. томъ I сочиненій Дарвина и въ 1896 г. томы III и IV и „Измѣненіе животныхъ и растений въ домашнемъ состояніи“, были также даны сочиненія Рибо, проф. Гейера, Гельмгольца, Годри и др.

Въ 1897 году въ приложеніяхъ будутъ также даны капитальныя научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью имѣющія важное историческое значеніе.

Въ редакціи итѣются комплекты за 1895 г. (цѣна 5 руб. съ пер.) и за 1896 годъ (цѣна 6 р. съ пер.). Редакція высылаетъ также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ), въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ, съ рисунками подлинника, цѣна три рубля (Т. I. Происхожденіе видовъ, т. II. Происхожденіе человѣка, т. III. Путешествіе на кор. Бигль и Автобіографія, т. IV. Выраженіе душевныхъ волненій. Всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подписка на сочиненіе М. Филиппова. Философія дѣйствительности (Исторія и критика научно-философскихъ міровоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Большой томъ (800 стр. большого Формата) съ табл. рис. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть руб. Первая половина высылается немедленно. Изданіе это закончатся въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обозрѣніе“ 52 №№ и 6 Приложеній. (Приложенія выходятъ книжками или альбомами, смотря по содержанію; сроковъ опредѣленныхъ нѣтъ). На годъ 7 р. съ перес., за границу 10 р., на полгода—4 р., на четверть года—2 руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Еятерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-изд. д-ръ философій М. Филипповъ.

Съ 1-го октября 1896 года будетъ издаваться въ г. Омскѣ.
политическо-общественная и литературная газета

С И В И Р Ъ,

посвященная интересамъ Сибири и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностей.

П Р О Г Р А М М А:

1) Телеграммы Россійскаго Агентства; 2) Передовыя статьи; 3) Хроника мѣстной жизни; 4) Корреспонденціи; 5) Статьи по различнымъ вопросамъ, относящимся до тѣхъ мѣстностей, которымъ посвящена газета; 6) Сообщенія по дѣламъ общественныхъ управленій; 7) Переселенческое дѣло; 8) Школьное дѣло; 9) Извѣстія о дѣятельности ученыхъ и благотворительныхъ обществъ; 10) Судебная хроника, безъ обсуждения рѣшеній; 11) Торгово-промышленный отдѣлъ. Извѣстія и справочныя свѣдѣнія по всемъ родамъ торговли и промышленности. Рыночныя цѣны. Биржевыя биллютени. 12) Внутреннее обозрѣніе. 13) Заграничное обозрѣніе; 14) Фельетонъ; 15) Разныя извѣстія. Мелочи. 16) Объявленія.

Срокъ выхода ТРИ раза въ недѣлю.

Телеграммы Россійскаго Агентства ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна: на годъ **семь** рублей, на полгода **четыре** рубля и на три мѣсяца **два** рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ г. Омскѣ въ конторѣ редакціи и въ общественной библіотекѣ.

Редакторъ-издатель К. П. МИХАЙЛОВЪ.

Первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Х-ый
годъ изданія.

СЪВЕРЪ

Х-ый
годъ изданія.

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ.

Въ 1897 г. подписчики получатъ: **52 №№** журнала на веленовой бумагѣ, изъ которыхъ съ цвѣтными и тоновыми рисунками **12 №№**. Въ 1897 г. въ журналѣ будетъ данъ новый историческій романъ гр. Е. А. Саліаса „Вторая Салтычиха“. **12 №№** моднаго журнала „Парижскія моды“, со множествомъ рисунковъ. **12 №№** выкроекъ, узоровъ, рукодѣлій и монограмъ на отдѣльныхъ листахъ. **12 №№** ежемѣсячнаго журнала „Хозяйство и домоводство“. **12 томовъ „Библіотеки Сѣвера“**, въ которыхъ будетъ дано собраніе романовъ **ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА**: 1) „Огнемъ и мечомъ“, историч. ром. въ 4 ч.; 2) „Потопокъ“, истор. ром. въ 6 ч.; 3) „Панъ Володыевскій“, истор. ром. въ 3 ч.

БЕЗПЛАТНО: **12** художественныхъ премій—**картинъ въ краскахъ**. **КРОМѢ ТОГО**, подписавшіеся до 1-го января 1897 г. непосредственно въ Главной Конторѣ журнала „СЪВЕРЪ“ и уплатившіе подписную сумму сполна, получаютъ **бесплатно** 1 изъ слѣдующихъ премій: 1) Картину (олеографія) худ. В. А. Сурикова „Покореніе Сибири“, или 2) **альбомъ** изъ **12** цвѣтныхъ гравюръ—иллюстрацій къ русскимъ сказкамъ и портретъ (хромо-литографія) о. Іоанна Сергіева Кронштадтскаго.

Подписная цѣна со всеми приложеніями и преміями:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6** р., съ доставкою и пересылкою **7** р. За границу **11** р. Разсрочка допускается **4** р. при подпискѣ, **3** р. къ 1-му іюня.

Адресъ главной конторы журнала „СЪВЕРЪ“: Спб., Екатерининск., 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

на литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе книгъ 1897 г. будетъ отличаться обычнымъ богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній и т. п.), приобрѣтены, между прочимъ, неизданныя объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Острогскомъ воспоминанія его секретаря, воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кохановской, А. П. Герцена, Н. П. Огарева и др.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 р., на полгода—7 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к. За границу съ пересылкой—18 р. Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 р., 6 мѣс.—6 р., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя бібліотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеларіи.

НВ. Годовые подписчики „Русскаго Обозрѣнія“, подписавшіеся одновременно и на газету „Русское Слово“ (изданія годъ 3-й), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20 руб.) въ годъ.

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. „Русское Обозрѣніе“ (уг. Тверской и М. Гряздниковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. „Русское Слово“ (Страстной бульварь, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Редакторъ-издатель Анатолій Александровъ.

Принимается подписка
на журналъ
Врачебныя Записки
НА 1897 ГОДЪ.
(Годъ изданія четвертый).

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, за исключеніемъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ объемѣ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ. Въ журналъ помѣщаются, главнымъ образомъ, оригинальныя статьи, касающія больничныхъ наблюденій по различнымъ отдѣламъ медицины. Помимо этого, въ предстоящемъ году редакція имѣетъ въ виду, по мѣрѣ возможности, помѣщать рефераты по текущей иностранной и отечественной литературѣ и краткіе отчеты о поступающихъ въ редакцію монографіяхъ, диссертацияхъ и отдѣльныхъ оттискахъ. Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой 3 руб. 50 коп. въ годъ. Подписка принимается: 1) у редакторовъ-издателей—Москва, Старо-Екатерининская больница, 3-я Мѣщанская улица; 2) въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова (Москва, Моховая ул., прот. университета) и Карцева (Москва, Фуркасовскій пер.), 3) въ конторѣ объявленій Печковской (Москва, Петровскія линіи).

Редакторы-издатели *П. Шталовъ.*
Ө. Гетье.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ЖУРНАЛЪ
ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

издаваемый при Главномъ Управленіи Военно-Учебныхъ заведеній.

Программа и сотрудники остаются прежніе.

Въ неофициальной части 1896 г. были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Русская педагогика XVIII вѣка. М. И. Демкова.—Къ вопросу о чистотѣ русскаго языка. К. Житомірскаго.—„Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, проф. А. А. Потехина. В. Яковлева.—Современныя направленія въ методѣ иностран. языковъ. П. Книпера.—Изъ области высшей ариеметики. Е. Ф. Литвиновой.—Въ чемъ сущность алгебры, проф. В. Ермакова.—Учебный цвѣтникъ. А. Князева.—Къ вопросу о классномъ черченіи графическихъ куртъ. А. П. Михневича.—Замѣтка объ умноженіи и дѣленіи дробей. И. П. Долбня.—Къ вопросу о курсахъ для заикающихся. Д-ра Н. В. Берлинскаго.—Описание приспособленій для электр. освѣщенія въ классахъ Александровскаго кадетскаго корпуса. Д-ра А. Смирнова.—Обзоръ дѣтскихъ книгъ. М. В. Соболева.—Рефераты, критика и библиографія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно.

Подписная цѣна за годъ съ доставкой и пересылкой—5 р. За границу 6 р. 50 к. Иногородніе адресуютъ: Въ редакцію Пед. Сб., Спб., уголъ Фурштадтной и Друскенинскаго пер., д. 12/4, кв. 9.

Редакторъ *Алексій Острогорскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Тридцать пятый въ 1897 году годъ изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкою въ Саратовъ: на годъ 7 р., 11 м.—6 р. 50 к., 10 м.—6 р., 9 м.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р., 7 м.—4 р. 50 к., 6 м.—4 р., 5 м.—3 р. 50 к., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р. 50 к., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р. Съ пересылкою въ другіе города: въ годъ 8 р., 11 м.—7 р., 10 м.—6 р. 50 к., 9 м.—6 р., 8 м.—5 р. 50 к., 7 м.—5 р., 6 м.—4 р. 50 к., 5 м.—4 р., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р. 40 к., 1 м.—1 р. 20 к.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція допускаетъ расрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ; первые вносятъ: при подпискѣ 3 р., 1-го марта—2 р. и 1-го мая—2 р.; иногородные: при подпискѣ 4 р. и 1-го мая—4 р.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца годъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезоре, а также въ Вольскѣ у Ивана Ѳедоровича Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-ой страницѣ 20 к. за строку петита; на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя объявленія пользуются особою уступкою. Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжскихъ губерній, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ домѣ Сытова. Для этихъ объявленій такса: на 1 страницѣ 20 к. и послѣ текста—10 к. за строку петита. Розничная продажа газеты по 5 к. за экземпляръ.

Открыта подписка на 1897 годъ на
ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

газету научно-литературную и политическую.

Пятнадцатый годъ изданія.

„Восточное Обозрѣніе“ издается ТРИ раза въ недѣлю. Въ остальные дни пускаются бюллетени Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

ПРОГРАММА.

1) Тетаграммы, помѣщенные въ текстъ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ официальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокъ и за границей. 4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европейской Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатскихъ государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литературное обозрѣніе—критика и библиографія, особенно сочиненій объ Азій. Извлеченія и переводы. 9) Язычная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаютъ въ видѣ приложеній періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

Цѣна газеты: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяць—1 р.; за границу: за годъ—11 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣс.—3 р. 75 к. на одинъ мѣсяць—1 р. 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., за границу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 р. Объявленія по 10 к. за строчку петита на 4-й стр. и 20 на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, редакція газеты „Восточное Обозрѣніе“.

Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ.*

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1897 году.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1897 г. по прежней программѣ. Журналь, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналь выходитъ отдѣльными книжками два раза въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т.-е. годичное издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р. и за границу 12 р. съ пересылкою.

Разерочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія Линіи, конторѣ В. Гилларовскаго, Столѣшниковъ пер., д. Карзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 г. и по 9 р. за 1891, 1892, 1893 и 1894 гг.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 65р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ редакціи продаются слѣдующія книги.

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвящ. Амвросія. Ц. 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные соборы“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.
3. „Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ перес.
4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковью“. Докторское сочиненіе о. Владиміра Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Открыта подписка на 1897 г. (22-й годъ изданія) на Оренбургскій Листокъ.

Вступаая въ XXII (22-й) годъ изданія, „Оренбургскій Листокъ“ по-прежнему будетъ придерживаться характера мѣстной лѣтописи, или мѣстной хроники, такъ какъ редакція, съ самаго основанія газеты (съ 1876 года) поставила себя въ залачей вести „Оренбургскій Листокъ“ такъ, чтобъ онъ былъ „мѣстнымъ“ органомъ печати не по названію только, а дѣйствительно „Оренбургскимъ“— по своему содержанию.

ВЪ ПРОГРАММУ ГАЗЕТЫ ВХОДЯТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ.

I. Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края. II. Общія политическія извѣстія изъ официальныхъ газетъ и изъ телеграммъ телеграфныхъ агентствъ. III. Хроника или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и Оренбургскаго края. IV. Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ съ рецензіями о нихъ. V. Фельетонъ; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются очерки мѣстныхъ нравовъ и друг. мелкія беллетристическія статьи. VI. Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзнодорожной, театральнаго репертуаръ, почтовой и календарныя свѣдѣнія, метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII. Безплатное приложеніе къ „Оренбургскому Листку“—

ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Газета „Оренбургскій Листокъ“ выходитъ по воскресеньямъ, а „Листокъ Объявленій“— въ будни, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна на годъ 5 руб. съ доставкою, а съ пересылкою 5 р. 20 к. Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ ред. „Оренбургскій Листокъ, Перовская ул., д. № 40.

Редакторъ-издатель *И. И. Евфимовскій-Мировицкій.*

ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Годъ XVI.

РЕБУСЪ,

знакомящій читателей съ современною научною разработкою вопросовъ психической области, какъ-то: медиумизма (спиритизма), животнаго магнетизма, гипнотизма, ясновидѣнія, двойнаго зрѣнія, мысленнаго внушенія, видѣнія призраковъ: прижизненныхъ, присмертныхъ, посмертныхъ и т. п. На страницахъ журнала помѣщаются описанія сеансовъ извѣстныхъ медиумовъ въ Россіи и за границею. Статьи по астрологіи, знакомящія съ этой наукою, и теоретически и практически: составленіе гороскоповъ. Статьи по оккультизму, заключающія въ себѣ ученіе древнихъ и новѣйшихъ оккультистовъ.

Беллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти и рассказы.

Подписная цѣна на 1897 годъ:

Безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкою на годъ 5 руб., на полгода 3 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., затѣмъ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 1 руб.

Адресъ: Царское Село (Петербургской губ.), редакція журнала „РЕБУСЪ“.

Открыта подписка на 1897 г. на издающуюся въ г. Казани большую ежедневную общественную, литературную, политическую и торгово-промышленную газету

КАМСКО-ВОЛЖСКІЙ КРАЙ.

Самая подробная разработка текущихъ вопросовъ общественной жизни мѣстнаго края и возможно полное отраженіе его дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ ставятся основной задачей изданія. Для достиженія намѣченной цѣли „Камско-Волжскій Край“ будетъ неуклонно стремиться къ изученію жизни Поволжья и Востока Россіи въ историческомъ, культурномъ, экономическомъ, бытовомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, озабочившись привлеченіемъ для этого сотрудниковъ изъ среды лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ областной прессы. Имѣются собственные корреспонденты во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ края.

Въ поясненіе нѣкоторыхъ статей и событій общественной жизни будутъ помѣщаться время отъ времени иллюстраціи въ текстѣ газеты.

Годовая подписная плата: для городскихъ подписчиковъ безъ доставки: на годъ 6 р., на полг.—3 р. на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к. Съ доставкой: на годъ 7 р., полгода—4 р., 3 мѣс.—2 р. 25 к., 1 мѣс.—75 к. Для иногороднихъ подписчиковъ на годъ: 9 р. полгода—5 р., 3 мѣс.—3 р. 75 к., 1 мѣс.—1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Казань, Воскресенская, Пассажъ № 22. Телефонъ редакціи № 366).

Иногородніе адресуютъ: Казань, редакція „Камско-Волжскаго края“.

За редактора профессоръ Н. П. Загоскинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

Русское Богатство

издаваемый Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. На годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—Бассейная ул., 10. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе допускается разсрочка для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р. Другихъ условій разсрочки не допускается. Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ cadaго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики „Русскаго Богатства“ пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книгкѣ журнала на первыхъ страницахъ.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Годъ XVII. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 г. Годъ XVII.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ.

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго просвѣщенія для средне-учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы Марїи—допущенъ въ четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

Въ теченіе 1896 г. въ журналѣ принимали участіе: проф. П. Г. Виноградовъ, А. В. Догановичъ, П. В. Засодимскій, А. В. Кругловъ, К. В. Лукашевичъ, Д. Н. Мамивъ-Сибирякъ, Сергѣй Орловскій, И. Н. Потапенко, П. А. Сергѣенко, А. В. Стернь, В. М. Сысоевъ и мног. др. Въ художественномъ отдѣлѣ помѣщены были картины и рисунки А. М. Васнецова, В. М. Васнецова, М. А. Врубелъ, К. С. Высотскаго, С. А. Коровина, В. Е. Маковского, И. М. Пранишниковъ, А. С. Степанова, В. И. Сурикова, В. А. Сѣрова, П. М. Шмелкова, а также снимки съ классическихъ произведеній древняго и новаго искусства.

Благодаря любезному согласію большинства прежнихъ сотрудниковъ и надѣясь привлечь новыхъ къ участію въ журналѣ, редакція „ДѢтскаго Отдыха“ намѣрена предложить читателямъ рядъ повѣстей, разсказовъ, очерковъ, стихотвореній въ литературномъ отдѣлѣ. Желая познакомить читателей съ бытомъ сельскаго и рабочаго люда, редакція предполагаетъ помѣстить нѣсколько иллюстрацій и очерковъ по разнымъ отраслямъ русской промышленности.

Дополненіемъ къ нимъ должны послужить 12 рисунк. (въ краск.) А. М. Васнецова, А. С. Степанова и В. А. Сѣрова. Выѣстъ съ тѣмъ же рисунки эти представлять какъ бы одну картину родной природы и быта.

Кромѣ снимковъ съ художественныхъ произведеній русскихъ, иностранныхъ и древнихъ классиковъ, редакція будетъ помѣщать въ каждомъ номерѣ портреты русскихъ писателей, ученыхъ и художниковъ. Въ отдѣлѣ игръ и забавъ будутъ введены описанія дѣтскихъ праздниковъ и школьныхъ прогулокъ на открытомъ воздухѣ.

Въ концѣ каждаго номера родители и воспитатели найдутъ краткія свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ для дѣтскаго чтенія.

Подписчики 1897 года получаютъ бесплатное приложеніе

СКАЗКИ РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Иллюстрированный сборникъ *В. Н. Харузиной.*

Условія подписки на 1897 годъ: съ дост. и перес. во всѣ города Россїи на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к. Безъ дост. въ Москвѣ 5 р. 50 к. За границу—8 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., д. Мамонтова, магазинъ „Дѣтское Воспитаніе“ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ.

Редакторъ **Я. Л. Барсковъ.**

Издатель **А. И. Мамонтовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
на издающуюся въ Ростовѣ на Дону
ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

VII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ „Приазовскомъ Краѣ“ помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи: Съ доставкой и пересылкой городс. и виногор. подписч. На годъ 9 р., 11 м. 8 р. 50 к., 10 м., 8 р., 9 м. 7 р., 25 к., 8 м. 6 р. 50 к., 7 м. 5 р. 75 к., 6 м. 5 р., 5 м. 4 р. 25 к., 4 м. 3 р. 50 к., 3 м. 2 р. 75 к., 2 м. 2 р., 1 м. 1 р. Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: На годъ 8 р., 11 м. 7 р. 50 к., 10 м. 7 р., 9 м. 6 р. 50 к., 8 м. 6 р., 7 м. 5 р. 25 к., 6 м. 4 р. 50 к., 5 м. 3 р. 75 к., 4 м. 3 р., 3 м. 2 р. 25 к., 2 м. 1 р. 50 к., 1 мѣс. 80 к.

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны 60 к. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 к.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа въ Ростовѣ-на-Дону — въ главной конторѣ газеты „Приазовскій Край“. Въ отдѣленіяхъ конторы: въ Таганрогѣ — у А. В. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянск. пер., № 19; въ Новочеркасскѣ — у Н. В. Туркина, Комитетская ул., въ Екатеринодарѣ — въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжиданца, въ Мариуполѣ — у П. Н. Фалькевича, въ Ейскѣ — у О. С. Кудева, въ Новороссійскѣ — у Э. А. Маринаки, въ Азовѣ — у В. П. Золотарева, въ Луганскѣ — у П. Е. Кочетова, въ Александровскѣ-Грушевскомъ — у Б. М. Файвишевича, типографія, въ Пятигорскѣ — у А. М. Мануилова, типографія; въ Грозномъ — у Е. П. Садовникова; въ Вахмутѣ — И. Р. Грилехесъ; въ Армавирѣ — у Р. Ф. Уманцевой; въ ст. Каменской — у В. И. Волокитина, типографія; въ ст. Константиновской Обл. В. Д. — у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Харутюновъ.

РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

въ предстоящемъ 1897 году вступаетъ въ 28-ой годъ своего существованія. „Рижскій Вѣстникъ“, газета русскаго интереса въ Прибалтійскомъ краѣ, будетъ выходить въ прежнемъ направленіи, рассматривая явленія мѣстной жизни съ государственной точки зрѣнія и содѣйствуя всестороннему объединенію Балтійской окраины съ Имперією. Редакція постоянно стремится къ возможному расширенію и улучшенію содержанія газеты. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Подписная цѣна: Безъ пересылки и доставки: На годъ 6 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ: На годъ 8 р., на полгода 4 р., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣс. 1 р. Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкой на годъ пять руб. и на полгода три руб. На другіе сроки условія подписки общія для всѣхъ. За границу: на годъ 14 р., на полгода 7 р., 3 мѣс. 3 р. 50 к., 1 мѣс. 1 р. 75 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на углу Больш. и Малой Грѣшной ул., д. Лифшица № 27/2. Тамъ же принимаются объявленія по 10 коп. со строчки.

Редакторъ Л. Н. Витвицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ

Литературный, Научный и Политическій

ЖИЗНЬ.

Журналь будетъ выходить съ 1-го января 1897 года въ С.-Петербургѣ ТРИ РАЗА въ мѣсяцъ (1, 11 и 21) книгами большого формата in 8° въ 10—12 печ. листовъ (160—200 стр. каждая).

Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы: I. Романы, повѣсти, рассказы (преимущественно русскихъ авторовъ), стихотворенія и пр. II. Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія и искусствъ, въ популярномъ изложеніи. III. Статьи по общественнымъ вопросамъ. IV. Критика и библиографія. V. Русская жизнь. VI. Заграничная жизнь. VII. Театръ, музыка, живопись. VIII Смѣсь.

Подписная цѣна за годовое изданіе „ЖИЗНИ“, состоящее изъ тридцати шести книгъ, 7 руб. съ доставкой и пересылкою. За границу—7 р. золотомъ.

При обращеніи непосредственно въ контору „ЖИЗНИ“ (С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30), допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1 апрѣля—2 р. и къ 1 июля остальныя. По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ (отъ 1 р. ежемѣс.).

Контора редакціи: С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30.

Редакторъ-издатель С. В. Воейковъ.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную литературн., общественно-экономич. и политическ. газету

Самарскій Вѣстникъ.

НА 1897 ГОДЪ.

Выходитъ ежедневно кромѣ послѣпраздничныхъ дней.

Основная задача газеты—разработка общихъ, областныхъ и мѣстныхъ вопросовъ, съ освѣщеніемъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ сторонъ русской общественной жизни и представительство нуждъ края.

Для этого редакція имѣетъ корреспондентовъ, кромѣ главныхъ пунктовъ Поволжья, во вѣхъ уѣздныхъ городахъ и торговыхъ селеніяхъ Самарской губерніи, во всѣхъ значительныхъ пунктахъ по линиямъ Самаро-Златоустовской, Оренбургской и Западно-Сибирской жел. дор., а именно: Оренбургъ, Уфѣ, Златоустъ, Миассъ, Челябинскъ, Троицкъ, Кочкаръ, Курганъ, У: альскихъ горныхъ заводахъ. Газета издается при ближайшемъ участіи Н. Гарина (Н. Г. Михайловскаго). Составъ редакціи увеличенъ новыми сотрудниками.

Подписная цѣна на „Самарскій Вѣстникъ“ остается прежняя.

Для Самары и Самарскаго уѣзда (земск. почт.) на годъ 5 р., на 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 50 к., 4 м.—2 р., 3 м.—1 р. 50 к., 2 м.—1 р. 1 м.—50 к.

Для виногородныхъ на годъ 6 р., на 6 м.—3 р. 50 к., 5 м.—3 р., 4 м.—2 р. 40 к., 3 м.—1 р. 80 к., 2 м.—1 р. 20 к., 1 м.—60 к.

Редакторъ-издатель Н. К. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
на новую большую ежедневную газету Калужско-Тульского края
Калужскій Вѣстникъ.

Въ наступающемъ новомъ 1897 году газета „Калужскій Вѣстникъ“, не пѣнная принятаго ею направленія, значительно расширить нѣкоторые отдѣлы своей программы—научной, общественной жизни, желѣзно-дорожный, сельскохозяйственный и литературный.

Стоя вѣд всѣхъ партій, личныхъ счетовъ и интересовъ, „Калужскій Вѣстникъ“, насколько въ этомъ убѣдились наши читатели, бодро идетъ впередъ дорогою правды и культуры. Редакція сознаетъ, что только этимъ путемъ она можетъ достигнуть намѣченныхъ ею цѣлей: только говоря правду, не замалчивая неприятныхъ вещей, освѣщая отрицательныя явленія нашей жизни, и можно сослужить службу родному краю. Девизъ нашъ: „Царю правда—лучшій слуга“ попрежнему будетъ нашею путеводною звѣздой.

На сколько показало короткое время существованія „Калужскаго Вѣстника“, читатель оцѣнилъ наши скромные труды по изданію газеты: послѣдняя, начиная съ половины октября, уже начала печататься въ 1200 экземплярахъ.

Такой успѣхъ „Калужскаго Вѣстника“ даетъ намъ возможность съ 1 ноября увеличить составъ редакціонныхъ сотрудниковъ и поднять техническую сторону газеты. Редакція ставитъ себя цѣлью, чтобы „Калужскій Вѣстникъ“ былъ дѣйствительно провинціальною газетой, съ серьезнымъ направленіемъ и чистымъ литературнымъ матеріаломъ.

Программа «Калужскаго Вѣстника» состоитъ изъ слѣдующихъ 20-ти отдѣловъ:

1) Официальный отдѣлъ, 2) передовыя статьи по вопросамъ мѣстной жизни, 3) телеграммы, 4) мѣстная хроника, 5) статьи и корреспонденціи, 6) родноивѣдніе: свѣдѣнія и матеріалы географическіе, топографическіе, статистическіе, этнографическіе и пр., 7) сельскохозяйственный отдѣлъ, 8) изъ прошлаго, 9) наши сектанты, 10) статьи по желѣзнодорожнымъ вопросамъ, тарифъ, 11) фельетонъ: научный, общественной жизни и литературный. Повѣсти, рассказы, очерки, репетиціи, сцены, наброски, замѣтки и стихотворенія, 12) внутреннія извѣстія, 13) что дѣлается за границей, 14) спортъ и охота, 15) театр и музыка, 16) судебная хроника, 17) биржевой отдѣлъ, 18) смѣсь, 19) справочный отдѣлъ, 20) казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Въ газетѣ общаши принять участіе проф. **И. И. Иванюковъ** и **Н. И. Теодоровичъ**.

Условія подписки на „Калужскій Вѣстникъ“:

Съ доставкой и пересылкой на годъ 6 р., 11 м.—5 р. 75 к., 10 м.—5 р. 50 к., 9 м.—5 р. 25 к., 8 м.—5 р., 7 м.—4 р. 50 к., 6 м.—4 р., 5 м.—3 р. 50 к., 4 м.—3 р., 2 м.—2 р. и 1 м.—1 р. Безъ доставки и пересылки: на годъ 5 р., на 11 м.—4 р. 75 к., 10 м.—4 р. 50 к., 9 м.—4 р. 25 к., 8 м.—4 р., 7 м.—3 р. 50 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 75 к., 4 м.—2 р. 50 к., 3 м.—2 р., 2 м.—1 р. 50 к. и 1 м.—75 к.

Гд. новые годовые подписчики, подписавшіеся въ ноябрѣ мѣсяцъ и внесшіе всю подписную сумму, будутъ получать „Калужскій Вѣстникъ“ въ теченіе декабря 1896 года бесплатно.

Подписка принимается: въ г. Калугѣ, въ главной конторѣ редакціи, Никольская ул., д. Халютиной. Въ г. Москвѣ: въ конторѣ объявленій Печковской, Петровскія Линіи, въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова. Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Большая Морская, 11. Въ г. Тулѣ въ книжныхъ магазинахъ Бѣлгородовой и Пузырева, а также и въ конторѣ „Тульского Листка Объявленій“.

Издательница **М. Н. Лашманова**.

ОТКРЫТА въ г. Одессѣ ПОДПИСКА на 1897 годъ на еже-
дневную газету

„Южное Обозрѣніе“.

Редакт. и издат. проф. Н. Е. Чижовъ.

Нѣсколько словъ отъ редакци.

Приступая во второй половинѣ декабря этого года къ изданію ежедневной политической, научно-литературной, торгово-промышленной и финансовой газеты подъ названіемъ „Южное Обозрѣніе“, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ читающей публикѣ.

На ряду съ издающимися въ Одессѣ газетами найдется, безъ сомнѣнія мѣсто и для предпринимаемаго нами изданія. Мы поставили себѣ цѣлью создать органъ, не дорогой по своей цѣнѣ, общедоступный по своему литературному изложенію и отзывчивый на нужды и интересы родины и въ частности — нашего разноплеменнаго юга. Съ распространеніемъ у насъ просвѣщенія образовался значительный классъ населенія, чувствующій потребность въ такомъ именно изданіи. Газета, доступная для большого круга читателей, является могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ умственного и нравственного воздѣйствія на массу и проводникомъ здравыхъ понятій и знаній въ общество.

Участіе въ „Южномъ Обозрѣніи“ профессоровъ университета, художниковъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ силъ, хорошо знакомыхъ читающей публикѣ, избавитъ послѣднюю отъ легкомысленныхъ обобщеній и скороспѣлыхъ выводовъ при обозрѣніи тѣхъ или другихъ событій дня. Всѣ явленія современной жизни будутъ освѣщаемы въ нашей газетѣ вполне объективно, безъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей.

Не прибѣгая къ широковыщательнымъ рекламамъ и обѣщаніямъ, замѣтимъ только, что редакція „Южнаго Обозрѣнія“ предполагаетъ, между прочимъ, дать цѣлую серію статей научнаго содержанія по разнымъ отраслямъ знанія въ общедоступномъ изложеніи и съ иллюстраціями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ перес. въ другіе города: на одинъ годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 3 руб., на одинъ мѣсяць 1 руб.; съ доставкою въ Одессѣ: на одинъ годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп., на три мѣс. 2 руб. 10 коп., на одинъ мѣсяць 80 коп.

Подписывающіеся на газету съ 1 января 1897 года получаютъ всѣ нумера за декабрь 1896 г.

Отдѣльные №№ по 3 коп. въ Одессѣ и по 5 коп. въ другихъ городахъ.

Объявленія и подписка на «Южное Обозрѣніе» принимаются въ главной конторѣ въ г. Одессѣ, при типографіи Исаковича (уг. Гаванной и Дерибасовской ул., соб. домъ) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Е. П. Распопова.

Издатель и редакторъ проф. Н. Е. Чижовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящую въ г. Казани ежедневно.

(Съ 1-го января газета будетъ выходить и по понедѣльникамъ.)

15-й годъ изданія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Камско-Волжскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: проф. Д. В. Айналовъ, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Е. Ф. Бекетова, П. Берлинъ, М. Е. Бландова, Н. Н. Блиновъ, В. Ф. Бородичъ, М. П. Бородинъ, проф. Е. Ф. Будде, проф. А. В. Васильевъ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Геркенъ, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, А. В. Грейманъ, П. И. Добротворскій, Е. О. Дубровина, С. С. Дѣвѣ, Дилетантъ (псевдонимъ), П. В. Засодимскій, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П. Ивановъ, проф. М. Я. Капустинъ, С. М. Капустина, А. Корнгольдъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, П. С. Кукурановъ, проф. Н. М. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лапо, И. А. Лемановъ, А. Г. Любарскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, В. К. Магницкій, А. И. Матовъ, проф. Н. А. Миславскій, Н. Н. Морозовъ, А. Д. Мысовская, В. Н. Назаревъ, К. П. Назарьева, Б. Н. Нелидовъ, В. К. Никольскій, Б. П. Онгирскій (Б. Ленскій), Н. А. Островская, П. А. Пономаревъ, В. В. Португаловъ, И. С. Покровскій, С. Д. Протопоповъ, П. С. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, П. А. Рождественскій, А. Д. Рузскій, П. М. Сивковъ, проф. Н. П. Слугиновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. Н. Соловьевъ, И. И. Степановъ, Н. А. Смирновъ, С. М. Смирновъ, В. С. Сѣрова, О. Н. Траубенбергъ—А. Н. Хардинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, Д. П. Шостаковъ, Е. К. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ф. Юшковъ, А. М. Фёдоровъ и друг.

Подписная цѣна: для городскихъ подписчиковъ съ доставкой: на годъ—7 руб., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки: на годъ—6 р. 25 к., на полгода—3 р. 25 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к. Для иногородныхъ подписчиковъ: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 юля 3 р., для городскихъ—2 руб., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 июня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1897 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1897 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Волжскаго Вѣстника“—въ Казани, на Покровской ул., домъ Цермяковой.

Редакторъ *Н. Реймардтъ.*

Издательница *Л. Реймардтъ.*

ОТРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ТЕАТРАЛЪ

(Съ приложеніемъ „Справочнаго листка для сценическихъ дѣятелей“). Выходитъ 50 разъ въ годъ.

Въ каждой книжкѣ помѣщается одна пьеса, преимущественно современнаго репертуара, одновременно съ ея постановкой на столичной сценѣ. Въ каждой книжкѣ прилагаются портреты артистовъ или драматурговъ и писателей, исполненные фототипіей и автотипіей. Гг. подписчики въ теченіе года получаютъ 50 драматическихъ произведеній и 50 портретовъ артистовъ, драматурговъ и композиторовъ. Сверхъ того, въ программу журнала входятъ: а) Статьи по общимъ вопросамъ театра; б) Режиссерскій отдѣлъ: статьи по гриму, костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч.; в) Очерки и рассказы, преимущественно изъ театральнаго быта; г) Современное обозрѣніе — критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы; д) Корреспонденція; е) Хроника и ж) Библиографія; з) Ноты, антрактовая музыка. Музыкальный отдѣлъ значительно расширенъ.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ—7 р., на полгода—3 р. 50 к., на 4 мѣсяца—2 р. 50 к.; съ пересылкой на годъ—8 р., на полгода—4 р., на 4 мѣсяца—2 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., затѣмъ послѣ каждыхъ четырехъ книжекъ по 1 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные нумера „Театрала“ 50 коп.

Книги прежнихъ лѣтъ продаются только отдѣльными книгами или томами. № 1-й весь проданъ.

Издательница *О. К. Куманина*.

За редактора *А. С. Сергѣевъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

**Театральная
Библиотека.**

Журналъ выходитъ по-прежнему ежемѣсячно и по прежней программѣ и подписной цѣнѣ, какъ въ то время, когда „Театральная Библиотека“ составляла особое приложеніе къ „Артисту“.

Въ „Театральной Библиотекѣ“ будутъ помѣщаться какъ новыя пьесы, какъ и тѣ изъ старыхъ, которыя продолжаютъ входить въ современный репертуаръ. Подписная цѣна: безъ доставки на годъ—3 р., на полгода—2 р., на 4 мѣсяца—1 р. 50 к.; съ пересылкой на годъ—4 р., на полгода—3 р., на 4 мѣсяца—2 руб.

Подписка на „Театральную Библиотеку“ принимается только отъ подписчиковъ на „Театраль“. Отдѣльные №№ по 1 руб. №№ 1—4 всѣ распроданы.

Редакція и ко втора журнала „Театраль“ въ Москвѣ, на Страстномъ бульв., д. Адельгеймъ.

Издательница *О. К. Куманина*.

За редактора *А. С. Сергѣевъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1897 г.

НА ЖУРНАЛЪ

ЧИТАТЕЛЬ.

Годовое изданіе журнала „Читатель“ состоитъ изъ 50 томовъ отъ 128 до 200 страницъ каждый формата $\frac{1}{16}$ л. л.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ 5 руб. || Съ пересылкой. . . . 6 руб.

Въ журналѣ помѣщаются произведенія гг. проф. Н. И. Стороженка, проф. И. И. Иванова, А. В. Амфитеатрова, К. С. Баранцевича, В. Л. Величко, кн. М. Н. Волконскаго, П. П. Гвѣдича, Е. П. Гославскаго, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. М. Михеева, Вл. И. Немирсвича-Данченко, П. М. Невѣжина, И. А. Салова, В. Я. Свѣтлова, Н. С. Северина, С. И. Смирновой, К. М. Станюковича, М. К. Сѣверной, проф. К. А. Тимирязева, В. А. Тихонова, Ант. П. Чехова, проф. А. И. Чупрова, О. Н. Чюминой, В. М. Шулятникова, И. Л. Щеглова, В. Р. Щигрова, академика И. И. Янжула и др.

Цѣль журнала — доставить небогатой интеллигенціи, особенно живущей въ глухой провинціи, возможность составить за крайнее дешевую цѣну **собственную библіотеку.**

Программа журнала: 1) Беллетристика (произведенія оригинальныя и переводныя); 2) Критика и библіографія; 3) Популярно-научныя статьи: а) по исторіи, б) по исторіи литературы русской и иностранной, в) по вопросамъ экономическимъ, естественно-научнымъ и философскимъ.

Въ особомъ отдѣлѣ, подъ названіемъ „Смѣсь“, журналъ будетъ давать обзоръ наиболѣе важныхъ явленій текущей русской общественной жизни. Къ книжкамъ время отъ времени будутъ прилагаться

портреты авторовъ

исполненные автотипией.

Контора редакціи—въ Москвѣ, Страстной бульв., д. Адельгейма.

Допускается разсрочка: при подпискѣ безъ доставки уплачивается 2 руб., съ пересылкой 3 р. и затѣтъ къ 1 февр., къ 1 марта и къ 1 апрѣля по 1 р.

Отдѣльные №№ по 30 коп.

Издательница О. К. Нуманина.
За редактора А. С. Сергѣевъ.

Открыта подписка на 1897 г. на духовно-академическіе журналы

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

Ж Р Х Р И С Т І А Н С К І Е Ч Т Е Н І Я

1) „Церковный Вѣстникъ“—еженедѣльный журналъ, служашій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.
2) „Христіанское Чтеніе“—ежемесячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи. *Примѣч.* Съ будущаго 1897 г. оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемесячно, книжками отъ 10 до 12 печатн. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 руб. въ годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ „Церковнымъ Вѣстникомъ“ за 2 руб., приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ 1 руб. Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца. Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по 2 руб. за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 к.

Условія подписки: а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 р. 50 к.; за „Христіанское Чтеніе“—5 руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—6 р. 50 к. б) За оба журнала—8 руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 руб. съ пересылкой. **Цѣна за границей:** За оба журнала 10 руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—11 руб. 50 к., за каждый отдѣльно—7 р., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 руб. За взявшыи англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

Открыта подписка на 1897 годъ на дѣтскій иллюстрированный журналъ

И Г Р У Ш Е Ч К А

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

(Годъ изданія 18-й).

Въ теченіе долгихъ лѣтъ „Игрушечка“ завоевала себѣ вниманіе маленькихъ читателей, изъ которыхъ многіе уже настолько выросли, что рекомендуютъ ее своимъ дѣтямъ. Въ каждой книжкѣ даются французскіе и нѣмецкіе рассказы съ подсрочнымъ переводомъ и указатель, приспособленный къ практическому самообученію этимъ языкамъ. Въ 1897 г., въ видѣ дарового приложенія къ „Игрушечкѣ“, будутъ разосланы шесть иллюстрированныхъ миниатюрныхъ томиковъ, посвященныхъ популярнымъ бесѣдамъ по природовѣдѣнію. При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ особый отдѣлъ „Для малютокъ“ (до 8-ми лѣтняго возраста). Статьи этого отдѣла, печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками. Особой подписки на отдѣлъ „Для малютокъ“ нѣтъ. Подписчики „Игрушечки“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, кромѣ шести книжечекъ, получаютъ особое приложеніе, приволенное къ этому возрасту. **Годовая подписная цѣна:** съ доставкой и пересылкой въ Россію: „Игрушечка“—3 руб., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“—5 руб., „Игрушечка“ съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“—5 руб. „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, приложеніями и съ изданіемъ „На помощь матерямъ“—7 руб. За границей: „Игрушечка“—5 руб., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“—7 руб., „Игрушечка“ съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“—7 руб., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, приложеніями и съ изданіемъ „На помощь матерямъ“—9 руб. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская улица, д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просить исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. Н. Пышкова-Толмачева.

Открыта подписка на 1897 г., на политическо-общественную и литературную газету

„Е Н И С Е Й“

Выходить въ Красноярскѣ три раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Телеграммы. II. Отдѣлъ официальный. III. Передовыя статьи. IV. Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири. V. Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка. VI. Политическія извѣстія. VII. Корреспонденціи. VIII. Научный отдѣлъ. IX. Литературное обозрѣніе. X. Фельетонъ. XI. Судебная хроника. XII. Смѣсь. XIII. Справочный отдѣлъ. XIV. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 к., на одинъ мѣсяць 1 руб.

Подписка принимается въ Красноярскѣ, въ конторѣ редакціи „Енисей“, собственннй домъ, Воскресенская ул.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897-й годъ

(17-й годъ изданія).

Ю Ж Н Ы Й К Р А Й

Газета обществен., политическ. и литературная. Выходить ежедневно.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенія къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и др. XXI. Сторовнія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи. Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичеки. имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ. Съ конца текущаго 1896 года „Южный Край“ будетъ печататься новымъ, болѣе убористымъ шрифтомъ, что даетъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1897 г.: съ пер. иног.: на 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к., 8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.; съ дост. въ Харьковъ: на 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к., 8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к., 4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ, въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

1895. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** 1897.
 Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Два самостоятельныхъ литературныхъ изданія.

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52

иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3 хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками.

52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается: I. 52 номера—„Хроника событій за недѣлю“.— II. 12 номеровъ „Парижскихъ новѣйшихъ модъ“ съ рисунками. — III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).— IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.— V. 12 выкроекъ въ натуральную величину. — VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.— VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).— VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ежемесячно будетъ выданъ одинъ номеръ 'журнала съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками (по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій).

2) Ежемесячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ,

въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, рассказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Подписная годовая цѣна прежняя

на годъ съ доставкой и по имперіи—8 р., на полгода—4 р., на три мѣсяца—2 р. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ на годъ—7 р. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. За границу—16 р.

Разсрочка взносов на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

Главная контора журнала: Сиб. Невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВУЮ БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВ-
НУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ ГАЗЕТУ

Міровые Отголоски,

1897 года,

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую и экономическую, **безъ предварительной цензуры.**

Условія подписки на „Міровые Отголоски“.

„Міровые Отголоски“ съ 1-го января 1897 года будутъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ: первое изданіе будетъ выходить одновременно со всѣми другими петербургскими газетами въ 6 час. утра, а второе, составляющее повтореніе перваго,—въ 10 часовъ утра того же дня.

Второе изданіе будетъ заключать въ себѣ всѣ извѣстія, доставленные въ редакцію ночью и утромъ, которыя должны были бы войти въ слѣдующій номеръ. Благодаря этому, иногородные подписчики, жительствующие по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ Москвѣ и за Москвой, по трактамъ: Казанскому, Курскому, Нижегородскому и друг., будутъ получать всѣ новыя извѣстія сутками раньше. Важныя правительственные сообщенія и новости, опубликованныя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, „Русскомъ Инвалидѣ“ и въ издаваемыхъ министерствомъ финансовъ: „Вѣстникѣ Финансовъ“ и „Торгово-промышленной Газетѣ“, будутъ появляться во второмъ изданіи въ самый день ихъ опубликованія.

Второе изданіе предназначается: 1) для тѣхъ городскихъ подписчиковъ, которые не пожелаютъ получать болѣе раннее первое изданіе и 2) для отправленія иногороднымъ подписчикамъ въ мѣстности по Николаевской желѣзной дорогѣ и за нею, съ почтовымъ поѣздомъ въ 3 часа дня. Городскимъ подписчикамъ второе изданіе будетъ доставляться по городской почтѣ послѣ 1 часа дня.

Въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій и телеграммъ, выпускаются для городскихъ подписчиковъ особыя прибавленія къ газетѣ.

Подписная цѣна въ Россіи безъ доставки на годъ 14 руб., на 6 мѣсяцевъ—8 руб., съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс.—9 р. Съ пересылкой иногородн.: на годъ 17 руб., на 6 мѣс.—10 руб. **За границей:** на годъ—26 руб.

Допускается *разрочка платежа* подписныхъ денегъ: для служащихъ—по соглашенію съ конторою чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 6 р. въ концѣ марта и 4 р. въ концѣ августа для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ, 7 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ августа для иногородныхъ подписчиковъ.

Гг. иногородные, желающіе подписаться *на условія разрочки платежа* подписныхъ денегъ, благоволятъ точно указывать это при подпискѣ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи „Міровыхъ Отголосковъ“, Фонтанка (уголь Лештукова переулка), домъ № 80, а также въ книжныхъ магазинахъ: Фену и К^о, Невскій пр., 40, М. М. Ледерле, Невскій пр., 42, и Н. П. Карбасникова, Литейная ул., 46; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Бюха; и въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.

Редакторъ-издатель Н. В. Трубиновъ.

Годъ изд. 3-й

Открыта подписка.

1897.

Дешевое ежемѣсячное литературное изданіе

выходить въ форматѣ и объемѣ большихъ дорогихъ литературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

Домашняя Библиотека

Въ составъ книжекъ входятъ: новыя романы, повѣсти и рассказы (историческіе и современныя) русскихъ и иностранныхъ писателей.

Журналъ выходитъ подъ редакцію извѣстнаго писателя А. Михайлова (А. К. Шеллеръ).

Для книгъ „Домашней Библиотеки“ приобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикой русскихъ писателей: Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ), „Лѣтъ дремачій“, большой романъ.—Соловьевъ, Всеv. Серг. (авторъ романовъ „Сергій Горбатовъ“ и друг.), „Угасшая звѣзда“, романъ.—Полевой, П. Н., „Странный анекдотъ“, большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. (Максимъ Бѣлинскій), „Ясное утро“, больш. ром.—Случевскій, К. К., „Мой дядя“, рассказъ.—Чеховъ, А. П., „Контрабандисты“, больш. ром.—Голыцинъ, Д. П. (князь Муравлинъ), „Рѣзвановы“, ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдочъ, П. П., „Разгромъ“, комедія.—Волконскій, М. Н., князь (бывшій редакторъ „Нивы“), „Уэль“, повѣсть.—Станюковичъ, К. М., рассказъ.—Баранцевичъ, К. С., большой рассказъ.—Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ „Свѣта“), „Нехорошее дѣло“, романъ.—Щеголовъ-Лозинцевъ, И. Л., „Исудача“, повѣсть.—Сивидицкій (А. Е. Головачева), „Любимица“, повѣсть.—Велличко, В. Л., „Принципы“, рассказы.—Балянъ, Н. Ф., „Часть“, повѣсть.—Мережковский, Д. С., „влятой городъ“, повѣсть.—Назарьева, К. В., „Болотные огоньки“, большой ром.—Рышковъ, В. А., „Старыя дѣвы“, пов.—Тангьева, Е. А., княг., „Чужая тайна“, бол. ром.—Лоб девъ, В. П., Стрелецъ царя Алексѣя Михайловича, историч. пов.—Леманъ, А. И., „Подвигъ“, бол. ром.—Федоровъ, А. М., „Въ степи“, бол. ром.—Яковлева, З. Ю., „Кто виноватъ?“, ром.—Чюмина, О. Н., „Злыя чары“, повѣсть.—Красновъ, П. Н., „Между двухъ огней“, ром.—Максимовъ, А. К., „Такъ суждено“, больш. ром.—Свѣтловъ, В. А., „Черный призракъ“, пов.—Заринъ, А. Е., „Призваніе“, бол. ром.—Вудишевъ, А. Н., „Рѣка Калхаксъ“, повѣсть.—Ежовъ, М. Н., „Случайные гости“, пов.—Меньшиковъ, Н., „Игра судьбы“, ром.—Уманецъ, Е. О., „За что?“, пов.—Гербановскій, Т. М., „Солнышко пригрѣло“, раз.—Якунинъ-Захаринъ, И. Н., „Сноха“, раз.—Леонтьевъ, П. В., „Бродяжка“, раз.—Гишгусъ, З. Н., „Неуловимая“, раз.—Майковъ, М., „Друзья-соперники“, разск.—Измайловъ (Смоленскій), А. А., „На зарѣ жизни“.—Иловаскій, П. І., „Дочь ростовщика“, романъ.—Сѣверцовъ, Г. Т., „Нравственный калѣбъ“, пов.—Казибекъ, Юрій, рассказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аванасьевъ, И. И., „Позорное наследство“, романъ. и проч.

Въ приложеніяхъ журнала „Домашняя Библиотка“ будетъ между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ Жюли Верна

Подписная цѣна на „Домашнюю Библиотеку“ (съ доставкою по Имперіи): на годъ (за 12 книгъ) — 4 руб., на полгода (за 6 книгъ) — 2 руб. 50 коп. Допускается разсрочка взносовъ по одному рублю, но впередъ за два мѣсяца.

За границу (на годъ) — 8 руб.

Съ подпиской просятъ обращаться въ главную контору: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ). Издат. С. Добродѣевъ.

Годъ изданія 85-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА Годъ изданія 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (безъ предварительной цензуры) 1897.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

печтается ежедневно въ двухъ изданіяхъ. Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата съ еженедѣльными иллюстрированными приложениями.

На годъ съ доставкою	3 р.	На годъ съ доставкою
-------------------------	-------------	-------------------------

Вполнѣ замѣняетъ дорогое ежедневное изданіе.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ: 1) 52 нумера воскресныхъ приложений, печатаемыхъ на веленовой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и болѣе 200 художественныхъ рисунковъ. 2) Двѣнадцать номеровъ „Моды и рукодѣлія“, замѣняющіе „Модный журналъ“. 3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе при первомъ номерѣ газеты.

Въ числѣ 52-хъ бесплатныхъ приложений всѣ годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“ (первое изданіе), въ 1897 г., получаютъ: А. Михайлова — „Грѣхи прошлаго“. Большой романъ, не вошедшій въ „Полное собраніе сочиненій“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ доставкою): на годъ—8 руб., на полгода—4 р., на три мѣс.—2 р., на одинъ мѣс.—1 руб.

Разрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

Второе изданіе газеты „Сынъ Отечества“.

На три мѣс. съ доставкою	1 р.	На три мѣс. съ доставкою
-----------------------------	-------------	-----------------------------

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): на годъ—4 руб., на полгода—2 р., на три мѣс.—1 р.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются бесплатно.

Открыта подписка на 1897 г. на ежедневную газету въ Ростовѣ-на-Дону

ЮЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ

изданія годъ второй.

Подписная цѣна: на годъ 4 р., за 3 мѣсяца 1 р. Такса за объявленія: за строку пята или занимаемое ею мѣсто: впереди текста по 10 коп., послѣ текста по 5 к. за каждый разъ. За приложенія при газетѣ 6 руб. съ 1000 экземпляровъ. Объявленія и подписка адресуются въ Ростовъ-на-Дону, въ контору газеты „Южный Телеграфъ“.

Редакторъ-издатель **И. Я. Александровъ.**

1897 г. Открыта подписка годъ 2.

НА ЖУРНАЛЬ

Вопросы Нервно-Психической Медицины,

издаваемый подъ редакціей профессора унив. св. Владиміра
И. А. Сикорскаго, въ Кіевѣ.

Журналъ, какъ показываетъ отчасти и самое названіе его, имѣетъ своею задачей—помимо специальныхъ изслѣдованій по психіатріи и нервной патологіи—содѣйствовать разрѣшенію вопросовъ, общихъ для всѣхъ отдѣловъ медицины, насколько эти вопросы могутъ быть освѣщены съ точки зрѣнія психіатріи и нервной патологіи. Журналъ ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—сближеніе различныхъ медицинскихъ специальностей на почвѣ общихъ вопросовъ и научныхъ обобщеній, достигнутыхъ неврологіей.

Объединеніе медицины на почвѣ неврологіи представляется желательнымъ и плодотворнымъ. Объединяющую силу содержать въ себѣ вопросы этиологіи и патологіи болѣзней; этимъ вопросамъ и будетъ отведено надлежащее мѣсто. Вниманіе журнала будетъ посвящено также терапіи нервныхъ болѣзней и нервно-психической гігіенѣ, такъ какъ та и другая содержатъ рядъ данныхъ, всего болѣе объединяющихъ медицину.

Журналъ предполагаетъ слѣдить за выдающимися вопросами и фактами въ различныхъ областяхъ медицины и будетъ стараться своевременно дѣлать рефераты и обзоры по содержанію этихъ вопросовъ. Но, независимо отъ того, для успѣшнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли, въ январской книжкѣ каждаго года будетъ помѣщаемъ отчетъ объ успѣхахъ нервно-психической медицины и сосредѣленныхъ знаній за истекшій годъ. Отчетъ этотъ—въ критико-библиографической формѣ—будетъ содержать систематическое обзорнѣе новыхъ и важнѣйшихъ научныхъ направленій съ изложеніемъ результатовъ, достигнутыхъ наукою и ея примѣненіями на дѣлѣ.

Журналъ выходитъ книжкамъ каждые три мѣсяца по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологіи, а также по вопросамъ анатоміи, физиологіи, гігіены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ.

2) Критика и библиографія по тѣмъ же вопросамъ.

3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній для идиотовъ и исправительныхъ заведеній.

4) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предыдущихъ отдѣловъ.

Статьи для журнала присылаютъ редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б.-Подвальная, 15).

Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 руб. за печатный листъ.

Авторы статей получаютъ по 25 экз. отд. оттиск. О присланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна

съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 р.; лица подписывающіяся на 1-й и 2-й годъ журнала вмѣстѣ платятъ 10 р. за оба года.

Подписка принимается: въ редакціи журнала (Кіевъ, Б.-Подвальная, 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглобина и Югансона въ Кіевѣ, а также въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ Спб. (Невскій, 14).

1896 г. ТОМЪ I (ГОДЪ I-Й).

1896 г.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Отъ редакціи. Отд. I. Оригинальныя статьи. 2) Проф. И. А. Сикорскій. Самоубійство среди русскихъ врачей. 3) В. В. Селецкій. Лѣченіе *tabes dorsalis*. 4) Проф. И. А. Сикорскій. Физиогномика и психич. состояніе пьяницъ. 5) М. Н. Лалинскій къ вопросу о строеніи капилляровъ мозговой коры. 6) А. Кульженко. Случай *Naematomyeliae centralis*. 7) Д-ръ Эм. Ивановъ. Два случая сотрясенія мозга. 8) Д-ръ М. Ф. Колесниковъ. Случай *Pseudogabies hysterica*. 9) Проф. И. А. Сикорскій. Курсъ общей симптоматологии и терапіи нервныхъ болѣзней. 10) П. Петровскій. О заболѣваніи нервной системы при подагрѣ (*neuritis toxica*). 11) Д-ръ М. Игнатьевъ. Вопросы отчетности психіатрическихъ заведеній. 12) Прив. доц. П. Нечай. Алкоголизмъ въ его отношеніи къ душевнымъ заболѣваніямъ и нѣкоторыя мѣры борьбы съ нимъ. 13) И. К. Хмѣлевскій. Три случая психозовъ съ симптомами *delirii acuti*. 14) Д-ръ М. Лалинскій. Случай межцентральной афазіи (алексіи), съ потерей двухъ иностранныхъ языковъ. 15) А. Кульженко. Описание и опытное изслѣдованіе случая *ergastionis nervosae*. 16) М. Лалинскій. Причинное вліяніе страданій периферическихъ нервовъ на возникновеніе заболѣванія сосудистой стѣнки и обратно: страданіе сосудовъ, какъ причинный дѣятель въ возникновеніи страданія питаемыхъ ими периферическихъ нервовъ. 17) Я. П. Горшковъ. Значеніе болѣзненной наследственности въ этиологию прогрессивнаго паралича. 18) П. В. Никольскій. Трофовевритическія язвы кожи при пораженіи *saivae equinae*. Отд. II. Судебная и общественная психология, психическая гигиена и проч. 1) Отъ редакціи. 2) Алкогольныя убійства. 3) Проф. И. А. Сикорскій. Психическое состояніе предъ самоубійствомъ. Отд. III. Психіатрическая хрестоматія. 1) Отъ редакціи. 2) Записки больныхъ. 3) Проф. И. А. Сикорскій. Дневникъ больного, злоупотреблявшаго гипнотизмомъ и морфіемъ. Отд. IV. Критика и библиографія. Вопросы психіатріи и нервной патологии на VI-мъ Сѣздѣ русскихъ врачей въ память Пирогова въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ 1896 года. Отд. V. Хроника и мелкія извѣстія. Томъ I содержитъ 19 фототипическихъ таблицъ.

НОВАЯ КНИГА:

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета.

Подъ редакціей В. А. Гольцева.

Содержаніе: М. Ковалевскій: „Соціология и соціологи“. Н. Карѣевъ „Нищие о чрезмѣрности исторіи“. М. Корелинъ „Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи“. Н. Иванцовъ „Понятіе организма“. Жеромскій (пер. В. Лаврова) „Сильная“. В. Ладыженскій „Стихотвореніе“. Головановъ „Эдена изъ „Фауста“. М. Духовской „Замѣтки о гласномъ судѣ“ Н. Бѣлоголовый „Поѣздка на Уралъ“. Г. Джаншиевъ „Памяти А. М. Фальковского“. Д. Маминъ „Въ девятомъ часу“. В. Вахтеровъ „Изъ дневника“. К. Бальмонтъ „Стихотвореніе“. И. Ивановъ „Идея прогресса“. Ожешкова „Звенья“. Тетмайеръ „Лавреатъ“.

Цѣна 1 рубль.

Склады: 1) книжный магазинъ „Русской Мысли“ (Большая Никитская, д. 2—24). 2) Никола-Ямская ул., д. Шатерникова, у А. Н. Шатерникова. 3) Горюховская ул., д. бывшей учительской семинаріи, кв. Каринскаго. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ магазинъ „Русской Мысли“. Выписывающимъ изъ склада болѣе 25 экз.—скидка 25%.

REVUE MENSUELLE
de l'École d'Anthropologie de Paris.

Publiée par les professeurs.

SEPTIEME ANNÉE, 1897.

La Revue mensuelle de l'École d'Anthropologie de Paris paraît le 15 de chaque mois. Chaque livraison forme un cahier de deux feuilles in-8° raisin (32 pages) contenant:

- 1) Une leçon d'un des professeurs de l'école. Cette leçon, qui forme un tout par elle-même, est accompagnée de gravures, s'il y a lieu;
- 2) Des analyses et comptes rendus des faits, des livres et des revues périodiques, concernant l'anthropologie, de façon à tenir les lecteurs au courant des travaux des Sociétés d'anthropologie françaises et étrangères, ainsi que des publications nouvelles;
- 3) Sous le titre Variétés sont rassemblés des notes et des documents pouvant être utiles aux personnes qui s'intéressent aux sciences anthropologiques.

Prix d'abonnement: un an (à partir du 15 janvier) pour tous pays, 10 francs; la livraison, 1 fr.

On s'abonne sans frais: chez Félix Alcan, éditeur, 108, boulevard Saint-Germain, à Paris; chez tous les libraires de la France et de l'étranger, et dans tous les bureaux de poste de France et de l'Union postale.

REVUE PHILOSOPHIQUE
DE LA FRANCE ET DE L'ÉTRANGER

Dirigée par Th. BIROT,

Professeur au Collège de France. (22 année, 1897).

La Revue philosophique paraît tous les mois, par livraisons de 7 feuilles grand in-8, et forme ainsi à la fin de chaque année deux forts volumes d'environ 680 pages chacun.

Chaque numéro de la Revue contient: 1) Plusieurs articles de fond; 2) des analyses et comptes rendus des nouveaux ouvrages philosophiques français et étrangers; 3) un compte rendu aussi complet que possible des publications périodiques de l'étranger pour tout ce qui concerne la philosophie; 4) des notes, documents, observations, pouvant servir de matériaux ou donner lieu à des vues nouvelles.

Prix d'abonnement: Un an, pour Paris, 30 fr.—Pour les départements et l'étranger, 33 fr.—La livraison 3 fr.

Les années écoulées se vendent séparément 30 francs, et par livraisons de 3 francs.

Table générale des matières contenues dans les 12 premières années (1876—1887), par M. Bégou. 1 vol. in-8, 3 fr.

Table générale des matières contenues dans les années (1888 à 1895) par M-r J. Claviere, 1 vol. in-8, 3 fr.

On s'abonne sans frais: chez Félix Alcan, éditeur, 108, boulevard Saint-Germain, à Paris; chez tous les libraires de la France et de l'étranger, et dans tous les bureaux de poste de France et de l'Union postale.

The Psychological Review.

Edited by J. Mark Baldwin and J. Mck. Cattell.

The regular numbers of The Psychological Review are issued bimonthly on the first days of January, May, July, September and November, and contain about 112 large octavo pages. The space is about equally divided between research work and critical articles, and reviews and discussion of psychological literature.

**The Annual Subscription is \$4.00 (16 s. 6 d);
Single Numbers, 75 cents (3 s.).**

As part of The Review there is published annually.

The Psychological Index

a bibliography prepared by Dr. Livingston Farrand, of Columbia College, and Mr. H. C. Warren, of Princeton College. The Index for the year 1895 (containing 1394 titles) is now ready. It is sent without charge to subscribers to The Review, and may be purchased separately for 75 cts.

As part of The Review there is also published a series of

Monograph Supplements

consisting of longer researches or treatises which it is important to publish promptly and as units.

The Monographs are as follows:

- I. On Sensations from Pressure and Impact: Harold Griffing. Pp. II + 88. 75 cents.
- II. Association: Mary Whiton Calkins. Pp. VII + 56. 50 cents.
- III. Mental Development of a Child: Kathleen Moore. Pp. IV + 150. S. 1.00.
- IV. A. Study of Kant's Psychology: Edward Franklin Buchner. In press.

Subscriptions may be forwarded and single numbers purchased through the German Agents, Mayer & Müller, Markgrafen Str., 51, Berlin (M. 16.50); or through the French Agents, H. Welter, Rue Bonaparte, 59, Paris (Fr. 21).

The Macmillan Company.

66. Fifth Avenue, New York and London.

Е Ж Е Г О Д Н И К Ъ

по

Геологіи и Минералогіи Россіи,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. КРИШТАФОВИЧА.

(2-й годъ изданія).

П Р О Г Р А М М А :

I. Оригинальныя статьи и замѣтки.—II. Обзоры и рефераты литературы за 1896 и 1897 гг.—III. Указатель литературы за 1896 и текущій 1897 гг.—IV. Извѣстія объ экспедиціяхъ, экскурсіяхъ, командировкахъ и пр.—V. Свѣдѣнія, касающіяся личнаго состава отечественныхъ специалистовъ и изслѣдователей. — VI. Свѣдѣнія о состояніи и обогащеніяхъ отечественныхъ музеевъ и кабинетовъ.—VII. Публикаціи о продажѣ и обмѣнѣ коллекцій и отдѣльных дублетовъ.

Въ программу „Ежегодника“ входятъ:

1. Минералогія и кристаллографія.—2. Петрографія.—3. Палеонтологія.—4. Гео-ботаника и гео-зоологія.—5. Физическая геологія.—6. Гидрологія.—7. Историческая Геологія.—8. Доисторическая археологія (каменный вѣкъ).—9. Прикладная геологія и полезныя ископаемыя.—10. Почвовѣдѣніе.—11. Техника изолѣдованій.—12. Популяризація и учебныя пособія.

„Ежегодникъ“ печатается на русскомъ и параллельно на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

Въ 1897 г. „Ежегодникъ“ будетъ выходить ежемѣсячно, исключая трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (9 выпусковъ въ годъ).

Подписка на 1897 г. открыта и принимается въ редакціи: пос. Ново-Александрія, Люблинской губ., Институтъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, у издателя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкой и доставкой по почтѣ — 6 рублей въ Россіи, за границу—15 марокъ=20 франковъ.

Допускается разсрочка платежа по соглашенію съ редакціей.

Подписка на 1896 годъ продолжается (въ 1896 году „Ежегодникъ“ состоитъ изъ 4-хъ книгъ, объемомъ до 70 печатныхъ листовъ, при подписной цѣнѣ 4 р. за годъ съ пересылкой). По выходѣ въ свѣтъ 4-й книги, „Ежегодникъ“ за 1896 г. будетъ продаваться въ книжныхъ магазинахъ по 5 руб. 50 к. за экземпляръ.

Редакторъ-издатель Н. И. Криштафовичъ.

Съ 1-го декабря 1896 года

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЫХОДИТЬ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

НАРОДЪ.

Редакція газеты понимаетъ слово „Народъ“ не въ узкомъ обозначеніи этимъ именемъ крестьянскаго сословія, а въ широкомъ смыслѣ всего русскаго народа, въ полномъ его составѣ, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни государственной, общественной, умственной, религіозно-нравственной, художественной, экономической. Каждая нужда русскаго народа, какъ единого цѣлаго, каждое его движеніе впередъ по пути историческаго развитія на твердыхъ основахъ русской государственности и общественности найдутъ въ газетѣ и фактическое изложеніе, и безпристрастную оцѣнку. Воздерживаясь отъ широковѣщательныхъ обещаній, нерѣдко вступѣ остающихся не по винѣ редакціи, скажемъ только, что газета „Народъ“ употребитъ всѣ свои силы и средства на то, чтобы достойно носить принятое ею наименованіе.

Подписка на газету „Народъ“ и объявленія принимаются: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ газеты (Б. Морская, 56) и въ помѣщеніи торговаго дома Л. и Э. Метцель и К^о (Б. Морская, 11); въ Москвѣ тѣмъ же торговымъ домомъ (Мясницкая, д. Сытова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія Линіи). Годовая подписка съ разсрочкой платежа принимается исключительно въ главной конторѣ газеты.

Годовые и полугодовые подписчики на 1897 годъ получаютъ безплатно всѣ предшествующіе декабрьскіе номера газеты, если подпшутся до 1-го декабря текущаго 1896 года.

Подписная цѣна:

Въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на домъ, на годъ 12 руб., на полгода 7 р., на три мѣсяца 4 р., на одинъ мѣсяць 1 р. 50 к.; для иногородныхъ съ пересылкою, на годъ 14 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 5 р., на одинъ мѣсяць 2 р.; за границу, на годъ 22 р., на полгода 12 р., на три мѣсяца 7 р., на одинъ мѣсяць 3 р.

Разсрочка взносовъ для годовыхъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: первый взносъ (при подпискѣ) 5 р., второй взносъ (въ мартѣ) 4 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р., для иногородныхъ подписчиковъ: первый взносъ (при подпискѣ) 6 р., второй взносъ (въ мартѣ) 5 р., третій взносъ (въ августѣ) 3 р.

Редакторъ *Н. Я. Стечкинъ.*

Издатель *А. П. Маммилинскій.*

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

на 1897 г.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на единственную во всей Средней Азии съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями

Е Ж Е Д Н Е В Н У Ю

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ И
ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

Закаспійское Обозрѣніе.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе Закаспійскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

„Закаспійское Обозрѣніе“ въ 1897 году будетъ издаваться въ томъ же духѣ и видѣ, какъ и въ 1896 году: правдивость, возможная полнота и разнообразіе мѣстныхъ и общихъ извѣстій; отклики на событія дня; живое обозрѣніе областной и городской жизни и фельетонъ для легкаго чтенія будутъ стоять на первомъ планѣ.

Кромѣ того будутъ выдаваться Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О при газетѣ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ отъ одного до четырехъ печатныхъ листовъ, причѣмъ текстъ приложеній будетъ иллюстрироваться лучшими русскими и иностранными художниками.

Въ этихъ приложеніяхъ, между прочимъ, будутъ помѣщаться портреты выдающихся общественныхъ дѣятелей, а также виды и типы городовъ и народовъ Средней Азии вообще и Закаспійской области въ особенности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ, А ИМЕННО:

На годъ—8 руб.; на полгода—5 руб.; на три мѣсяца—3 р. 50 к.

ЗА ГРАНИЦУ—12 РУБ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи газеты «Закаспійское Обозрѣніе» (Асхабадъ, Анненковская улица, домъ К. М. Федорова.

Редакторъ-издатель К. М. Федоровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г. на ЗВѢЗДУ

Издается двѣнадцатый годъ.

Издатель **Н. Н. Животовъ** (Розовое Домино).

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 №№ больш. газетн. формата, 12 книгъ романовъ, въ томъ числѣ:

Романы Н. Н. Животова:

„Макарка Душегубъ“, „Цыганъ Яшка“, „Лѣшій баринъ“, „Дочь трактирщика“, „Петербургскіе профили“ и пр. и пр.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкой и доставкой 6 руб., на полгода 3 руб., на 1 мѣсяць 50 коп. Главная контора и редакция: С.-Петербургъ, Кабинетная улица, домъ № 22.

Православный Собесѣдникъ

въ 1897 году

будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналь „Православный Собесѣдникъ“ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 г., № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всеми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во все мѣста Имперіи—**СЕМЬ РУБЛЕЙ**.

При журналь **Православный Собесѣдникъ** издаются

Извѣстія по Казанской епархіи,

выходяція два раза въ мѣсяць, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта. Причты Казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣсть и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ за оба изданія вмѣстѣ съ пересылкою—**ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**.

Подписка принимается въ редакціи „Православнаго Собесѣдника“, при Духовной Академіи въ Казани.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1897-Й ГОДЪ

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ

Журналъ Международнаго и Государственнаго Права.

Журналъ выходитъ каждыя два мѣсяца въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры подъ редакціей приватъ-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго университета Э. К. Симсонъ. Въ журналъ принимаютъ участіе почти всѣ выдающіеся ученые русскіе и иностранные, специалисты по международному и государственному праву.

Программа журнала: 1) Распоряженія правительства, касающіяся вѣдомства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 2) Статьи по вопросамъ международнаго права; 3) Статьи по вопросамъ государственнаго права; 4) Статьи по другимъ частямъ юриспруденціи, соприкасающимся съ вопросами международнаго и государственнаго права; 5) Научно-критическое разсмотрѣніе постановленій какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ судебныхъ мѣстъ по двламъ, имѣющимъ отношеніе къ вопросамъ международнаго или государственнаго права; 6) Хроника текущихъ событій международныхъ отношеній государствами; 7) Текстъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ государствами; 8) Заграничныя корреспонденціи касательно событій и вопросовъ международнаго значенія; 9) Библиографія. Болѣе подробныя свѣдѣнія о журналѣ высылаются редакціей по первому требованію безплатно.

Подписная цѣна въ годъ: съ доставкою въ С.-Петербургѣ—8 р., съ пересылкою въ предѣлахъ Россіи—8 р. 50 к., за границу—9 р. 50 к., для студентовъ 6 р. и 6 р. 50 к. Допускается разсрочка въ четыре срока. Отдѣльные номера журнала продаются по 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и въ книжномъ магазинѣ Г. Шмицдорфъ (Невскій, 6); подписка въ разсрочку и гг. студентовъ принимается только въ конторѣ редакціи (Стремянная, 8). Гг. иногородные подписчики благоволятъ прислать подписныя деньги на имя издателя Эвальда Карловича Симсонъ. С.-Петербургъ, Стремянная ул., д. 8. Для удобства публики контора редакціи, по полученіи извѣщенія открытымъ письмомъ, присылаетъ артельщика на домъ для принятія подписки. Редакція открыта отъ 1—4 ч. и помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Стремянной ул., д. 8.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„Курскія Губерн. Вѣдомости“
НА 1897 ГОДЪ.

Согласно предначертаніямъ его сіятельства, господина курскаго губернатора, графа А. Д. Милютина, съ 15 декабря 1894 года неофициальная часть „Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ издается новою редакціей и по новой программѣ, главная задача которой состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать „Губернскія Вѣдомости“ органомъ мѣстной жизни, мѣстныхъ дѣлъ, потребностей и отраженій.

Согласно съ этою цѣлью, „Неофициальная часть Губернскихъ Вѣдомостей“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Современная лѣтопись. II. Юридическій отдѣлъ. III. Учено-литературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII, Справочный отдѣлъ. IX. Объявленія.

Выходитъ газета ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздникоу. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленія къ №№ «Вѣдомостей», даются телеграммы, получаемыя отъ «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

Годовая цѣна на ежедневную неофициальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ официальной частью и приложеніями 6 р. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ.

Обязательные подписчики, уплативше за официальную часть 3 р., — за неофициальную приплачиваютъ только 3 р. съ перес. и доставк. за годъ.

Лица, желающія получать одну только неофициальную часть, уплачиваютъ съ доставкою и пересылкою: за годъ 4 р., за полгода—2 р. 50 к., за три мѣс.—1 р. 50 к.

Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи, при губернскомъ правленіи, а равно въ книжныхъ магазинахъ: К. И. Ивановой, А. В. Переплетенка, Г. В. Гаврилова (Кашкина) и С. А. Третьякова. Въ редакціи принимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ, цѣны на которыя понижены.

Редакторъ Т. I. Вержбицкій.

ОТРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА
Южно-Русскую Медицинскую Газету

(органъ и изданіе общества одесскихъ врачей).

Газета будетъ выходить въ 1897 г. ежедневно въ 1^{1/2}—2 листа по прежней программѣ. Правительственныя распоряженія и циркуляры, особенно важныя въ медицинскомъ отношеніи, оригинальныя статьи по всѣмъ отраслямъ медицины, рефераты изъ важнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ медицины и прикладныхъ къ медицинѣ наукамъ, библиографія и критическія обзоренія, отчеты о засѣданіяхъ преимущественно южно-русскихъ медицинскихъ обществъ, врачебная корреспонденція, практическія замѣтки только по медицинѣ, біографіи и некрологи врачей, мелкія извѣстія и объявленія. При постоянномъ сотрудничествѣ гг. профессоровъ: А. А. Вериго, Б. Ф. Вериго (Одесса), Kisch (Прага, — Мариенбадъ), П. И. Ковалевскаго (Варшава), А. Х. Кузнецова, Н. К. Кульчицкаго, М. М. Ломиковскаго, И. Н. Оболенскаго (Харьковъ), И. И. Мечникова (Парижъ), В. П. Образцова (Кіевъ), Oser (Вѣна), А. Д. Павловскаго (Кіевъ), Ad. Politzger (Вѣна), Г. Е. Рейна (Кіевъ), И. Р. Скворцова (Харьковъ), Н. И. Мухина (Варшава), доцента И. В. Троицкаго (Кіевъ). Подписка принимается въ Одессѣ: 1) въ конторѣ редакціи (Херсонская № 27). 2) въ книжномъ магазинѣ А. С. Суворина, Дерибасовская, № 11 (также въ С.-ПБ., Москвѣ и Харьковѣ). 3) въ конторѣ типографіи Исаковича, Гаванная, № 10. И черезъ всѣ почтовые конторы въ Россіи наложеннымъ платежомъ, но за послѣдній нужно платить 26 коп. особо. Подписная цѣна на годъ 6 руб. съ доставкой и пересылкой. Можно подписываться на годъ и на полгода. Цѣна отдѣльнаго № 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

С.-Петербургскія Вѣдомости

ВЪ 1897 Г.

Подписная цѣна:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казен. приб.		
	на годъ.	6 м.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ.	6 м.
Съ доставкой по гор. почтѣ	16 р.	9 р.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.	10 р.
Съ пересылк. иногород.	17 „	10 „	5 „ 50 „	2 „ — „	19 „	11 „
За границу.	26 „	14 „	8 „ — „	3 „ — „	28 „	16 „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія Ляны, № 61.

Иногородніе адресуютъ: Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь Э. Э. Угтомскій.

ОТКРИТА ПОДПИСКА ЗА ПРЪЗЪ 1897 ГОДИНА
НА НАУЧНО-РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОТО СПИСАНИЕ

ВЪРА и РАЗУМЪ

(Трета годишнина).

Отъ 1-й Януарий 1897 година „ВЪРА и РАЗУМЪ“ встъпва въ третата си годишнина отъ существованието си. Читателитѣ ни, вѣрвамъ, ся оцѣнили съравнѣрниятъ съ силитѣ ни трудець въ този немалко - значителенъ периодъ, и които съ своето си съчувствие и материална поддръжка ни дадоха възможность да продължаваме смѣло и непрекъснато за осъществяване задачата и усъвършенствуванието му, както въ външката, тъй и въ вътрѣшната страна. Като имъ принасяме за това нашата искрена благодарность, не можемъ отъ да не искажемъ признателността си и къмъ тѣзи правителствени учреждения, които милбють за народа ни и за неговото нравствено възпитание и религиозно просвѣщение, особенно за учащата се младежь, като одобриху нашето издание и абонираху подвѣдомственитѣ си библиотеки

Само по себе си се разбира, че всичко това ни задлъжава и за въ будуще по възможности да продължаваме изданието си, като запазимъ постигнатата му висота. Общаваме се на читателитѣ си, че ще употрѣбимъ всевъзможни старания за да стане „ВЪРА и РАЗУМЪ“ въпрво по религиозно-нравствено и научно съдържание, — да заеме първо мѣсто между подобни издания. Въ будуще първата и най-главната ни длъжность е да помѣстваме статии: сериозни, занимателни и разнообразни по всичкитѣ прѣдмѣти, открития и наиздания.

Онѣзи благоговѣйни священници, благочестиви християни и нр., които не ся запознати съ нашето издание, считаме за необходимо да имъ пояснимъ, че то ще съдържа:

- 1) **БОГОСЛОВСКИ СТАТИИ:** разяснение догмитѣ на вѣрата ни, правилата на християнската нравственость, изяснения на църковнитѣ правила и Богослужение;
- 2) **СТАТИИ по ФИЛОСОФИЯТА:** изяснения по психологията, метафизиката, историята на философията, тъй сушо и биографически свѣдѣния за забѣлжителни мислители за старий и новий свѣтъ, особенно творенията на язическитѣ философи, които се силятъ да доказватъ, че християнското учение било близко до човѣческата природа и пр. и пр.;
- 3) Бесѣди, поучения, слова и рѣчи отъ извѣстни проповѣдници;
- 4) Изъ дневника на Отца Иоанна Кронщадтски, съврѣмененъ русски чудотворецъ;
- 5) Разяснения въпроси изъ църковната практика;
- 6) Очерки и разкази изъ вътрѣшниятъ и иностранниятъ животъ на православи и неправослави — на Истокъ и Западъ;
- 7) Извѣстия и забѣлжки и
- 8) Книжвина и обявления.

Съ такова съдържание „ВЪРА и РАЗУМЪ“ е доступно за всички читатели, които почитатъ религиозно-нравственното си възпитание и просвѣщение; — за всѣка християнска куца, за учащето се поколение и отъ двата пола, за съжителци, казарми, сиротопиталища, болници, затвори и пр. и пр.

„ВЪРА и РАЗУМЪ“ ще се издава прѣзъ наступающата 1897 год по обикновенний си форматъ и ще състои отъ ДВАНАДЕСЕТЪ отдѣлни книжки или №, всѣкоя книжка по ДВѢ коли и съ особна на край годината ПРЕМИЯ.

Годишната цѣна въ България 4 лева (за ученици и войници 3 лева), 5 лева въ странство. Половинъ годишни абонаменти не се приематъ.

Адресъ: Редакция „ВЪРА и РАЗУМЪ“ — Пловдивъ.

Редакторъ-издатель: Свящ. М. Г. МИНКОВЪ.

1897.

XV Г. АГБЮРЪ, XV Г. | VIII Г. ТАРАЗЪ, VIII Г.

Ежемесячный иллюстрированный
дѣтскій журналъ съ педагогиче-
скимъ отдѣломъ.

еженедѣльный иллюстрированный
журналъ для семейнаго чте-
нія.

Во всей Имперіи единственныя иллюстрированныя періодическія
изданія на армянскомъ языкѣ.

П Р О Г Р А М М А :

Романы, повѣсти, рассказы, сказки. Поэмы, стихотворенія. Статьи, касающіяся воспитанія и обученія дѣтей. Путешествія. Біографіи. Критика и бібліографія. Наука и искусство. Фельетонъ. Театръ и музыка. Педагогическія и научныя совѣты, проекты, отвѣты. Домашнее хозяйство. Парижскія моды, рукодѣлія, шитье, кройка. Разныя извѣстія. Смѣсь. Забавы, шахматныя и другія игры, ребусы, анекдоты. Пѣсни съ нотами. Почтовый ящикъ. Объявленія. Годовые подписчики журналовъ „Агбюръ-Таразъ“ получаютъ преміи: 1) Портретъ Михаила Налбандяна, фотогравюра; 2) Въ спальнѣ мамы, олеографія; 3) Дочь гарема, изящная хромо; 4) Ежемесячно Парижскія моды.

Подписчики журналовъ „Агбюръ-Таразъ“ за пересылку преміи должны при-
платить 1 руб. Годовая плата „Агбюръ“ 3 руб. (за границу 4 р.), „Таразъ“
6 руб. (за границу 10 р.)

Адресъ: Тифлисъ, редакция журналовъ „Агбюръ“ или „Таразъ“ (Tiflis, Cau-
case, Rédaction du journal „Agbur“ ou „Taraz“.

Редакторъ-издатель *Т. Я. Назарьянъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на ежедневную политическую, литературную и общественной жизни газету

ВОЛЫНЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На одинъ годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 60 к.,
на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ, служащихъ въ казенныхъ и обще-
ственныхъ учрежденіяхъ, допускается слѣдующая разсрочка: въ
1-му января—2 р., къ 1-му іюня—2 р. и къ 1-му октября—2 р.,
для всѣхъ остальныхъ—полугодовая съ платой 3 р. при под-
пискѣ и 3 р. къ 1-му іюня.

Съ новаго года мѣстный отдѣлъ „Волыни“ будетъ значительно
расширенъ, для чего приглашены спеціальныя корреспонденты
изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Юго-Западнаго края.

Издатель *А. М. Когенъ*.
Редакторъ *Е. А. Фидлеръ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

на литературный, научный и политический еженедельный журналъ

ЖИЗНЬ ЮГА

съ книжками приложеній.

„Жизнь Юга“ будетъ выходить въ Одессѣ по воскресеньямъ, начиная съ 12 января. Въ теченіе года будетъ дано 6 книжекъ приложеній, объемомъ отъ 10 до 12 листовъ каждая.

Программа „Жизнь Юга“: 1) Дѣйствія и распоряженія правительства; 2) Статьи по вопросамъ обще-русской, мѣстной и провинціальной жизни; 3) Телеграммы; 4) Обзоръ внутренней и иностранной жизни; 5) Литературное обзоръ; 6) Разказы, повѣсти, стихотворенія—оригинальные и переводные; 7) Статьи популярно-научнаго содержания; 8) Критика и библиографія; 9) Провинціальное обзоръ; 10) Корреспонденціи; 11) Судебная хроника; 12) Фельетонъ; 13) Театръ и искусство; 14) Торговый, промышленный и биржевой отдѣлъ; 15) Смѣсь; 16) Объявленія.

Въ „Жизни Юга“ будутъ участвовать слѣдующія лица: С. М. Абрамовичъ, И. К. Брусиловскій, М. Горькій, В. А. Гольцевъ, В. І. Дмитріева, С. М. Дубновъ, Л. С. Закъ, А. М. Евреинова, проф. И. И. Иванюковъ, Г. Б. Толлосъ, М. И. Кулишеръ, В. В. Лесевичъ, А. А. Мануиловъ, Г. А. Мачтетъ, проф. П. Н. Милюковъ, М. Г. Моргулисъ, Ф. Д. Нефедовъ, пров. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, М. А. Плотниковъ, А. А. Русовъ, Я. Л. Сакеръ, В. И. Семевскій, К. М. Станюковичъ, А. Н. Ульяновъ, Р. М. Хинъ, И. А. Хмѣльницкій, А. П. Чеховъ, С. Л. Чудновскій, А. И. Эртель и др.

„Жизнь Юга“ будетъ посвящать особое вниманіе вопросамъ и нуждамъ Юга, не упуская изъ виду и интересовъ остальнаго міра.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Одессѣ на 1 годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 коп. На города: на 1 годъ—7 руб., на 6 мѣс.—3 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—1 руб. 75 коп., на 1 мѣс.—60 коп.

Цѣна отдѣльному номеру 10 коп.

Объявленія принимаются по слѣдующей таксѣ: за строку петита на 1-ой страницѣ 30 коп., на послѣдней 10 коп. Редакція помѣщается на Елисаветинской ул., д. № 1. Контора—на Гаванной ул., при типографіи Исаковича.

Издатель *Я. В. Бѣловодскій.*
За редактора *Я. В. Бѣловодскій.*

СКОРО ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ.

L'ANNÉE PSYCHOLOGIQUE.

Recueil de mémoires originaux

Et compte-rendu annuel des travaux parus en France et à l'Étranger sur la psychologie et les sciences annexes

publié par

H. Beaunis & A. Binet.

Secrétaire de Rédaction: V. Henri. Avec la collaboration de M. Ribot etc.

3-e Année 1897. 1 vol. in 8°, 800 pages, Mémoires originaux:

Th. Ribot.—L'abstraction dans les émotions. A. Binet et J. Courtier.—Le pouls capillaire aux différentes heures de la journée. A. Binet et J. Courtier.—L'influence du travail intellectuel et de l'exercice physique sur le cœur, la respiration et la circulation capillaire. A. Binet et J. Courtier.—L'influence des émotions (plaisir, douleur, peur, émotions diverses, émotions esthétiques, musique), sur le cœur, la respiration et la circulation capillaire. A. Binet et N. Vaschide.—Les processus psychiques qui modifient la pression du sang. V. et C. Henri.—Enquête sur les premiers souvenirs de l'enfance. V. Henri.—L'expérience d'Aristote. V. Henri.—Revue générale sur le sens musculaire. V. Henri.—Revue générale sur le travail psychique et physique. N. Vaschide.—La localisation des souvenirs. A. Binet.—Le paradoxe de Diderot. Flournoy.—Expériences sur la mémoire des chiffres.

CONDITIONS D'ABONNEMENT.

Pour s'abonner, il suffit d'en faire la demande par simple carte postale.

à M. BINET, Sorbonne, PARIS.

L'administration de l'Année Psychologique se charge de faire recouvrer par la poste à ses frais le montant de l'abonnement.

Le prix de l'abonnement est:

Avant l'apparition du volume	}	Paris	10 fr. 50 franco
		Province	11 fr. — „
		Etranger	12 fr. — „
Après l'apparition du Volume:		<i>Pour tous pays</i>	15 fr. franco.

Le Volume paraît annuellement, dans les premiers mois de l'année.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Системы Логики

Дж. Ст. Милля.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей и съ необходимыми пояснительными примѣчаніями

В. Н. Ивановскаго.

Каждая изъ 6-ти книгъ сочиненія составитъ выпускъ. Все сочиненіе (около 1.000 страницъ большого формата и убористой печати) выйдетъ въ теченіе 1897 года.

Подписная цѣна три рубля безъ пересылки и четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ съ пересылкой заказною бандеролью.

1-я книга выйдетъ около 1-го марта 1897 года.

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 1 руб.; при выходѣ 2-й и 4-й кн. по 1 руб.; 5-я и 6-я кн. выдаются бесплатно. Желаящимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ магазинъ „КНИЖНОЕ ДѢЛО, Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, откуда можно выписывать и другія изданія магазина:

1) Шерръ, I. Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (20—25 выпуск.) со множествомъ гравюръ, картинъ, автографовъ, факсимиле и друг. приложений. Болѣе 1.000 стр. текста. Цѣна по подпискѣ безъ доставки 6 р., съ дост. и пер. 8 р.

2) Фюстель-де-Нуланжъ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 руб.

3) Данте-Алигieri. Божественная комедія. Ч. I. Адъ. Перенодъ Н. Н. Годованова, подъ ред. проф. Ѳ. Буслаева, Ц. 1 р. 50 к.

4) Дрейфусъ, К. Міровая и социальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.

5) „На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поетовъ. Ц. 1 р. 25 к.

6) Теннисонъ, А. Магдалина. Перев.

въ стихахъ А. М. Ѳедорова, со ст. И. И. Иванова: „Теннисонъ и его поэзія“, и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.

7) Фульье, А. Темпераментъ и характеръ. Цѣна 1 руб.

8) Милль, Д. С. Огюсть Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта.

9) Милль, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.

10) Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.

11) Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.

12) Ланге. Эмоціи (психо-физиологическій очеркъ). Ц. 30 к.

13) Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Цѣна 75 к.

14) Legrain. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1897 г. на

Г А З Е Т У

Кубанскія Областныя Вѣдомости.

Выходитъ ежеднѣвно.

Поставивъ главной своей задачей служить всестороннему изученію обширной Кубанской области, выясненію ея разныхъ потребностей и указанію, по возможности, болѣе вѣрныхъ средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей, редакція неофициальной части „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей“ даетъ мѣсто въ газетѣ разнороднымъ статьямъ и сообщеніямъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ, задавшихъ благою цѣлью послужить на пользу нашего края. Съ этою же цѣлью въ этой части газеты разрабатываются мѣстные матеріалы: этнографическіе, статистическіе, историческіе, географическіе, топографическіе, археологическіе и др.; затѣмъ помѣщаются разнородныя, полезныя для мѣстнаго населенія свѣдѣнія, извѣстія о дѣятельности городскихъ, станичныхъ и сельскихъ общественныхъ управленій, судебныя извѣстія и свѣдѣнія о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ области, а также о явленіяхъ метеорологическихъ; на-ряду съ этимъ печатаются статьи и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, объ урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, судоходствѣ, о движеніи поѣздовъ Владикавказской жел. дор., о рыночныхъ справочныхъ цѣнахъ, о торговыхъ и другихъ обществахъ, о выданныхъ привилегіяхъ на изобрѣтенія, отзывы о книгахъ, некрологи извѣстныхъ въ области лицъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р. 60 к.; на 1/2 года 3 р. За перемѣну адреса взимается 40 к. Отдѣльно на неофициальную часть подписка не принимается. Подписка на газету принимается исключительно въ г. Екатеринодарѣ, въ конторѣ типографіи Кубанскаго Областнаго Правленія.

На основаніи разрѣшенія Кубанскаго Областнаго Правленія (№ 62 „Куб. Обл. Вѣд.“ за 1895 г.), подписныя деньги можно высылать, въ интересахъ скорѣйшаго полученія газеты, не чрезъ казначейство, а на имя завѣдывающаго типографіей—Эдуарда Александровича Нейберга.

Редакторъ неофициальной части. В. Скиданъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНИЯ:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

Издания годъ XV-й.

Ежедневная газета съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкою на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣс.—1 р.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 3 р. Вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ литературнымъ приложеніемъ „Семья“ на годъ 4 рубля.

III.

Еженедѣльное иллюстрированное литературное приложеніе

С Е М Ъ Я

выходитъ по слѣдующей программѣ: изящная литература (романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обзорѣнія, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографіи; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и преміи.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

Подписная цѣна на всѣ три изданія 12 руб.

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты „Новости Дня“; 2) ежемѣсячный журналъ „Новости Иностранной Литературы“; 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе „Семья“.

„Новости Дня“ и „Новости Иностранной Литературы“ въ годъ—11 р. „Новости Дня“ и „Семья“—10 р.

Адресъ: Москва, „Новости Дня“.

Въ главной конторѣ газеты „Новости Дня“ продается альбомъ
„КОРОНАЦИОННЫЯ ТОРЖЕСТВА“.

(Изданіе „Новостей дня“ и „Семьи“).

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключенъ въ изящную обложку, украшенную акварельнымъ рисункомъ Л. О. Пастернака. Текстъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронационныхъ торжествъ въ маѣ 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 90 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СТРАННИКЪ

и на издаваемые при немъ „Памятники древне-русской церковно-учительной литературы“ на 1897 годъ.

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года, издается новою редакціей, по утвержденной Св Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ, по слѣдующей программѣ:

1. Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общецерковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православно-восточной и русской жизни.
2. Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи.
3. Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ.
4. Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской жизни.
5. Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни.
6. Очерки, рассказы, описанія, знакомящіе съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью папства и преимущественно у славянъ.
7. Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа.
8. Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни.
9. Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокъ и Западъ, особенно у славянъ.
10. Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.
11. Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала.
12. Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы.
13. Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія: краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.
14. Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
15. Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи, объявленія.

При „Странникѣ“ начато изданіе „Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы“. Въ первомъ выпускѣ его помѣщены: Поученія Луки Жидята, преп. Феодосія печерскаго, митр. Иллариона и Кирилла туровскаго, съ примѣчаніями и объяснительными статьями; во второмъ выпускѣ: „Славяно-русскій церковно-учительный прологъ“, съ примѣчаніями и объяснительной статьей проф. А. И. Пономарева; въ третьемъ выпускѣ на 1896 г.: „Древне-русскія поученія о разныхъ истанахъ вѣры и жизни по церковно-учительнымъ сборникамъ XI—XVI в.“ со статьями и примѣчаніями профессоровъ П. В. Владимірова, А. И. Пономарева, Е. В. Пѣтухова Въ 1897 году выйдетъ четвертый выпускъ „Памятниковъ“, въ который войдетъ вторая часть „Славяно-русскаго пролога“ за мѣсяцы январь—апрѣль, со статьей и примѣчаніями профессора А. И. Пономарева.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Подписная плата на журналъ въ 1897 году, съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ 6 руб., съ приложеніемъ же „Памятниковъ“—7 руб. (Цѣна перваго, втораго и третьяго выпусковъ „Памятниковъ“ для подписчиковъ „Странника“ по 1 руб., для не подписчиковъ—по 2 руб. за экземпляръ); съ пересылкою за границу—8 руб. и съ приложеніемъ „Памятниковъ“—9 руб. Адресоваться въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 173).

Редакторъ-издатель профессоръ А. Пономаревъ.

Открыта подписка на 1897 годъ на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВОКРУГЪ СВѢТА

(13-й годъ изданія).

Въ теченіе года подписчики получаютъ 50 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ №№, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленныя рисунки.

Безплатно 12 томовъ, иллюстрированныхъ знамен. художн.: Эмилемъ Байяромъ, Невилемъ Риу и другими, и содержащихъ въ себѣ собраніе сочиненій Жюль Верна. Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большого формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній: 1) „80,000 верстъ подъ водою“ 2 т. 2) „Дѣти капитана Гранта“ 2 тома. 3) „Тайственный островъ“ 3 тома. 4) „Воздушный корабль“. 5) „Зеленый лучъ“. 6) „Вокругъ свѣта въ 80 дней“. 7) „Вверхъ дномъ“. 8) „Путешествіе къ центру земли“. Кромѣ того, подписчики, при доплатѣ 1 руб., получаютъ 2 роскошныя преміи, состоящія изъ 2-хъ художествен. картинъ (олеографій). Картины, размѣромъ 20¹/₄ вер. въ длину и 13¹/₂ вер. въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ съ оригиналовъ художника Кондратенко. 1) „Южный берегъ Крыма“ съ видомъ Ялты. 2) „Видъ Днѣпра у Киева“. Оригиналы этихъ картинъ специально заказаны для преміи 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя. На годъ **4 руб.** въ собраніемъ соч. Жюль Верна съ доставкой и пересылкою

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 руб. За премію—при послѣднемъ взносѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержденнымъ Т-мъ И. Д. Сытина.

Открыта подписка на 1897 г. на ежедневную политическую, общественную, литературную и торговую газету

Орловскій Вѣстникъ

Условія подписки: съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересыл. въ друг. города на годъ—7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., ¹/₂ мѣс.—50 к.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 числа мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлаются уступка отъ 10⁰/₁₀ до 40⁰/₁₀. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50⁰/₁₀.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

Открыта подписка на 1897 годъ на педагогическій и научно-популярный журналъ

ОБРАЗОВАНИЕ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ устраненію. Кромѣ статей научно-популярныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 100 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы: Библиографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе: даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обсервіе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). — Письма изъ провинціи. — На Западѣ (новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей). — Изъ области знаній (научныя бесѣды). — Хроника. — Статистика образованія. Въ 1897 году предполагается значительно расширить отдѣлы хроники и ввести новые отдѣлы: Новости литературы и науки за границей и Обзоръ иностранныхъ журналовъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 15 печальныхъ листовъ.

Къ журналу въ 1896 году были даны два приложенія: *Исторія первобытнаго человѣчества*. М. Гернеса, пер. съ нѣм. съ примѣч. и предисл. Н. Березина. Съ 45 рис. *Исторія человѣческой культуры*. I. Гонеггера, пер. съ нѣм. М. Чепинской.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Васковъ пер., 22.

Редакт.-издатель *Александръ Острогорскій*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

Народное Образование

ИЗДАВАЕМЫЙ

по слѣдующей программѣ:

1) Отдѣлъ официальный. Правительственныя распоряженія. 2) Статья общаго характера по вопросамъ воспитанія, обученія и устройству школъ. 3) Исторія школъ. Замѣчательные дѣятели по народному образованію въ Россіи и за границей. 4) Современное положеніе начальныхъ школъ въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ. 5) Очерки и рассказы изъ школьной жизни. 6) Критика и библиографія. 7) Хроника приходской жизни. 8) Замѣтки, Извѣстія. Полезныя свѣдѣнія для сельской жизни. Отвѣты редакціи на запросы. 9) Приложенія: книги, рисунки и музыкальныя изданія. Объявленія.

Журналъ „Народное Образование“ выходитъ безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками, въ размѣрѣ отъ 5 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на журналъ за годъ полагается 5 руб.; но для законоучителей и учителей начальныхъ школъ она понижена до 3 руб. въ годъ.

Подписка адресуется: въ С.-Петербургъ, въ Издательскую Комиссію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Статьи и письма по дѣламъ журнала адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Народное Образование“, зданія Святѣйшаго Синода.

Открыта подписка на 1897 годъ на педагогическое
изданіе

НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ,

посвященное вопросамъ воспитанія.

(годъ изданія 4-й).

Цѣль изданія — прийти на помощь русской женщинѣ въ самой святой ея обязанности — воспитаніи дѣтей. Начало этой трудной обязанности и выполнение ея существенной части лежитъ въ семьѣ, составляя призваніе интеллигентной матери. Изданіе „На Помощь Матерямъ“ имѣетъ задачей помочь своимъ читательницамъ указаніями, основанными на научномъ опытѣ, извлеченномъ изъ всѣхъ областей знанія. Гигіена тѣла и здоровье духа, образованіе хорошихъ привычекъ для жизни дѣятельной, разумной и достойной — вотъ цѣль изданія. Въ программу его входятъ указанія по уходу за дѣтми, воспитанію и обученію ихъ, обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ и проч., обзоръ выдающихся книгъ по воспитанію и чтенію, отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтск. садовъ и проч. Текстъ снабжается рисунками, чертежами и т. п.

Редакція пользуется сотрудничествомъ извѣстныхъ лицъ изъ ученаго, педагогическаго и литературнаго міра. Особенно дорожа совѣтами, замѣчаніями и сообщеніями самихъ матерей и лицъ, стоящихъ близко къ дѣтской жизни, редакція даетъ широкое мѣсто живому обмѣну мыслей между нею и самими читательницами.

Изданіе „На Помощь Матерямъ“ выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2½ до 3 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на педагогическое изданіе „На Помощь Матерямъ“: на годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи — 3 руб. За границу — 5 руб.

Подписчики дѣтскаго иллюстрированнаго журнала „Игрушечка“ платятъ вмѣсто 3 руб. 2 руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просить исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1897 году подъ тою же редакціею и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.).

Открыта подписка на 1897 годъ
НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

Минскій Листокъ

съ бесплатнымъ приложеніемъ для годовыхъ подписчиковъ

НЕОБХОДИМАГО КАЛЕНДАРЯ НА 1897 ГОДЪ,

изданнаго редакціей газеты.

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ выходитъ по вторникамъ и пятницамъ. Въ 1897 году вступаетъ въ XII годъ изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою на годъ 4 р., 9 мѣс.—3 р. 6 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки и пересылки: на годъ 3 р., 9 мѣс.—2 р. 50 к., 6 мѣс.—2 р., 3 мѣс.—1 р., 1 мѣс.—50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ—въ гор. Минскѣ.

Открыта подписка на 1897 годъ (XVI годъ изданія) на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

РОДНИКЪ

и педагогическій листокъ

ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ.

„Родникъ“ въ 1897 году будетъ издаваться подъ тою же редакціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 15 лѣтъ. „Родникъ“ выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками. Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе“, посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія. „Родникъ“ рекомендованъ, одобренъ и допущенъ учеными и учебными комитетами: Свят. Синода Собств. Его Императорскаго Величества канцел. по учрежденіямъ Императрицы Маріи, главн. управл. военно-учебныхъ заведеній и Мин. Народн. Пров. Признавъ необходимымъ для выписки въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ и учительскія бібліотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія, т.-е. съ 1882 г. (см. Журналъ Мин. Нар. Пров., августъ 1895 г.).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1897 годъ прежнія: съ доставкой и пересылкой на одинъ „Родникъ“ на годъ 5 р.; на 6 мѣс. 2 р. 50 к.; на 3 мѣс. 1 р. 25 к. На Родникъ и педагогическій листокъ Воспитаніе и Обученіе на годъ 6 р.; на 6 мѣс. 3 р.; на 3 мѣс. 1 р. 50 к. Заграницу на годъ 8 р.; на 6 мѣс. 4 р.; на 3 мѣс. 2 р. Отдѣльно на педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ 2 р.; на 6 мѣс. 1 р.; на 3 мѣс. 50 к. Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при кн. маг. Н.Н. Морева.

За издателя Н. Моревъ.

Редакторъ А. Альмедингенъ.

ВЫШЕЛЪ и ПРОДАЕТСЯ ВЫП. V.

ИЗДАНІЙ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГИИ

Вильгельма Вундта

пер. Д. Викторова,

подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями
проф. **Н. Я. ГРОТА.**

Въ качествѣ введенія статья Н. Я. Грота

Основанія экспериментальной психологіи.

Всего ок. 450 стр. (LXVI+384).

Цѣна 1 р. 40 к. Подписчикамъ журнала и студентамъ университетовъ 1 руб. Плата за пересылку по разстоянію. Книгопродавцамъ на комиссію 40 коп. уступки, при покупкѣ 60 коп. съ экз.

НОВАЯ КНИГА:

ПЕРЕПИСКА

Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.

Вышелъ III-й (последній) томъ подъ редакц. проф. К. Я. Грота, Спб. 1896, цѣна 3 руб. Всѣ три тома (I-ый съ портретами Грота и Плетнева) 9 руб. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ И. Глазунова.

Продается также у **Стасюлевича, Суворина**, въ книжномъ маг. **Русской Мысли** и др.

Отъ редактора газеты

Русскій Трудъ

Двадцатилѣтней литературной дѣятельности достаточно, чтобы дать имени писателя вполне определенное значеніе. Поэтому бывшему сотруднику И. С. Аксакова и редактору „Русскаго Дѣла“ вѣтъ нужды выступать съ политической исповѣдью или рекомендовать себя публикѣ.

Послѣ невольнаго восьмилѣтняго молчанія, или блужданія по разнымъ чужимъ органамъ, мы вновь получили право слова, и съ 15 января основываемъ въ Петербургѣ еженедѣльную безъ предварительной цензуры газету „Русскій Трудъ“, съ программой достаточно обширной.

Наши друзья, сотрудники и постоянные читатели „Русскаго Дѣла“, поймаютъ и раздѣлять нашу радость новой съ ними встрѣчи, а для новыхъ читателей, думается намъ, будетъ достаточно перваго нумера, чтобы оцѣнить наше направленіе, литературные приемы и задачи. Номеръ этотъ выпускается въ значительномъ числѣ экземпляровъ и будетъ высланъ бесплатно каждому желающему.

Открываемъ подписку и, съ чистой совѣстью оглядываясь на пройденный путь, считаемъ себя въ правѣ ждать отъ русскихъ людей той же искренней и теплой поддержки и того же довѣрія, какія имѣлъ и нашъ первый органъ.

Подписная цѣна: въ годъ съ доставкой и перес. 8 руб., полгода 4 руб., три мѣсяца 2 руб. Разрочка по соглашенію. Редакція и контора въ С.-Петербурѣ, Эртелевъ пер., 18.

Редакторъ-издатель Сергій Шарановъ.

Продолжается подписка на 1897 г. на газету

ВЯТСКІЙ КРАЙ.

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Правительственныя распоряженія.
- 2) Телеграммы.
- 3) Обзорніе газетъ и журналовъ.
- 4) Послѣднія извѣстія.
- 5) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ, общимъ и мѣстнымъ.
- 6) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театр.
- 7) Вѣсти изъ Вятско-Камскаго края (телеграммы и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ).
- 8) Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи и извѣстія газетъ).
- 9) Свѣдѣнія о заграничной жизни.
- 10) Фельетонъ—научный, литературный, беллетристическій, театралный и музыкальный.
- 11) Критика и библиографія.
- 12) Смѣсь (замѣтки по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній).
- 13) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній.
- 14) Почтовый ящикъ.
- 15) Справочный отдѣлъ (курсъ рубля, мѣстные цѣны на продукты и проч.).
- 16) Оъявленія.

Газета посвящается изученію нуждъ Вятско-Камскаго края, указанію мѣръ къ поднятію его благосостоянія и возможно полному освѣщенію тѣхъ общихъ вопросовъ, правильная постановка и разрѣшеніе которыхъ тѣсно связаны съ интересами мѣстной общественной и народной жизни.

Цѣна за годъ (только съ января по январь) съ доставкой и пересылкой 5 руб., за полгода—3 р., за три мѣсяца—1 р. 50 к., за два мѣсяца—1 р., за одинъ мѣсяць—75 коп.

Подписка на газету принимается въ редакціи „Вятскаго Края“, въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Тихонова въ г. Вяткѣ и Н. З. Платунова въ г. Слободскомъ; оъявленія принимаются въ редакціи „Вятскаго Края“.

Редакторъ А. П. Лашкевичъ.

Издатель Я. И. Поскребышевъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1897 годъ.

Въ „Ученыхъ Запискахъ“ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, библиографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе аучое значеніе и еще не обнародованные.

„Ученыя Записки“ выходятъ ежемѣсячно книжками въ разиѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою — 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ правленіи университета.

Редакторъ **В. Мищенко.**

НОВАЯ КНИГА

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНІЕ О ПОЗНАНІИ

И

ДОСТОВѢРНОСТИ ПОЗНАВАЕМАГО.

Н. Н. Страхова.

Изданіе 2-е, цѣна 50 коп.

Складъ изданія въ магазинахъ „Новаго Времени“.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ

Общества Взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія.

Общество вспомошествованія лицамъ педагогическаго званія въ Москвѣ, на ряду съ организацией въ интересахъ педагогическаго сословія „Вспомогательной Кассы“, между прочимъ много лѣтъ тому назадъ поставило себѣ задачей притти на помощь вдовамъ и сиротамъ педагоговъ и, при участіи своихъ содѣйствіи просвѣщенныхъ благотворителей, составило уже особый капиталъ, изъ процентовъ съ котораго такимъ вдовамъ и сиротамъ оказываются вспомошествованія. Изъ капитала „вдовъ и сиротъ“ не могутъ быть выдаваемы пособія тѣмъ изъ педагоговъ, которые случайно впали въ нужду; однако потребность въ такихъ пособіяхъ существуетъ и верѣдко создается тѣми или другими условіями жизни.

Поэтому и явилась мысль образовать фондъ съ новымъ назначеніемъ—капиталъ для вспомошествованія пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ педагогамъ.

Но средства общества такъ незначительны, свѣдѣнія о нуждахъ его, видимо, такъ мало распространены, что въ кассу общества на упомянутый фондъ за пѣлый годъ едва иной разъ поступаетъ нѣсколько десятковъ, рѣдко сотни рублей, и вотъ бѣдняку въ теченіе года можно удѣлить не болѣе 50—60 р. на самыя насущныя безотлагательныя нужды.

Москва является центральнымъ пунктомъ, куда стекаются со всѣхъ сторонъ люди, ищущіе себѣ помощи.

Поэтому осуществленіе вспомогательнаго фонда для всей Россіи именно въ Москвѣ кажется намъ особенно желательнымъ, на подобіе того, какъ здѣсь уже положено прочное основаніе такому всероссійскому фонду, для вспомошествованія вдовамъ и сиротамъ лицъ педагогическаго званія.

Мы обращаемся первымъ дѣломъ ко всѣмъ педагогамъ Россійской имперіи съ просьбою—удѣлять на означенное дѣло хотя бы самыя скромныя денежныя приношенія, и можемъ указать на тотъ фактъ, что даже пятикопеечные взносы, поступающіе, къ сожалѣнію, далеко еще не отовсюду, положили начало, существующему въ настоящее время въ размѣрѣ свыше 16,000 р. капиталу вдовъ и сиротъ.

Правленіе общества покорнѣе проситъ всѣхъ служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ организовать у себя періодическіе сборы для образованія и увеличенія фонда для помощи педагогамъ, впадшимъ въ нужду.

Желательно, чтобы въ каждомъ учебномъ заведеніи нашлось одно лицо, которое взяло бы на себя трудъ собирать такого рода взносы своихъ сослуживцевъ и въ опредѣленное время отсылало бы ихъ въ кассу „Общества Взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія“ по слѣдующему адресу: Москва, Донская ул., зданіе училища глухонѣмыхъ, казначею общества Д. К. Органову.

Кромѣ того, какъ означенные взносы, такъ и всякія пожертвованія для благотворительныхъ цѣлей общества могутъ быть передаваемы слѣдующимъ его представителямъ:

Товарищу предсѣдателя К. А. Казначееву (Москва, Долгоруковская ул., свой домъ).

Членамъ правленія:

К. Р. Вернадеръ (Москва, Маросейка, Петропавловское училище).

А. К. Викторову (Москва, Калужская ул., въ контору бр. Бромлей).

И. И. Фидлеру (Москва, Мясницкая ул., реальное училище, д. Промышленнаго музея).

К. И. Тихомирову (Москва, Кузнецкій Мостъ, книжный магазинъ).

Примѣчаніе. Желающимъ ознакомиться съ уставомъ общества, послѣдній будетъ высланъ немедленно, по первому заявленію.

Принимается подписка на 1897 г. (девятый годъ) на газету

МЕДИЦИНА.

Подъ редакціей профессора Юрьевского университета Степ. Мих. Васильева.

Издание, посвященное всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены, выходитъ въ объемѣ 2-хъ листовъ (лѣтомъ 1-го листа) четыре раза въ мѣсяцъ по прежней программѣ: 1) Самостоятельныя статьи, лекціи и предварительныя сообщенія русскихъ авторовъ и переводныя статьи и лекціи иностранныхъ авторовъ по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, по всѣмъ отдѣламъ общественной и частной гигиены, эпидемиологии, судебной медицины и гидрологии, а также по общей патологій, фармакологій, анатоміи, физиологій и патологической анатоміи. Въ отдѣлѣ оригинальныхъ статей будутъ между прочимъ печататься: Лѣченіе болѣзней сердца—проф. С. М. Васильева. Лѣченіе болѣзней желудка и въшоекъ—проф. С. М. Васильева. Недостатки современнаго питанія—проф. С. М. Васильева. Въ отдѣлѣ переводныхъ редакціей намѣченъ уже цѣлый рядъ сочиненій, которыя будутъ печататься съ начала 1897 года: Prof. Dr. O. Rosenbach—Терапія болѣзней сердца. Prof. Dr. Leyden—Болѣзни органовъ кровообращенія. Dr. I. Voas—Діагностика и терапія болѣзней желудка (пер. съ 3-го вновь исправленнаго изданія съ многоч. рисунками). Prof. Dr. Kraepelin—Гигіена труда. Dr. Klempner—Подагра и мочевые камни. Prof. Dr. Limbeck и Graetz—Клиническая патологія крови; Клиническая лекція извѣстнѣйшихъ французскихъ терапевтовъ: проф. Potain'a, Grasset'a, Grancher'a и Laboud'a. Лѣченіе болѣзней почекъ, проф. Ziemssen'a. 2) Общіе обзоры по различнымъ медицинскимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи медицины. 4) Новости медицины изъ русской и иностранной литературы. 5) Статьи и замѣтки по народной, особенно русской, медицинѣ. 6) Критика и библиографія медицинскихъ книгъ, статей, больничныхъ отчетовъ и изданій, могущихъ чѣмъ-либо интересовать врачей. 7) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и о защитѣ диссертаций. 8) Терапевтический отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ въ 1897 г. будетъ печататься G. Wothe—терапевтический путеводитель, значительно пополненный и исправленный по новѣйшимъ работамъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ (со включеніемъ ученія о минеральныхъ водахъ, грязяхъ, морскихъ купаньяхъ, лиманахъ, климатическихъ станціяхъ, молокѣ, кефирѣ и кумысѣ, анализа мочи и клиническаго метода изслѣдованія больныхъ проф. Г. А. Захарьина). 9) Научныя корреспонденціи, хроника и мелкія извѣстія объ ученыхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, слухи и выдержки изъ газетъ, имѣющіе исключительно научный интересъ, а также правительственныя распоряженія, могущія чѣмъ-либо интересовать врачей. 10) Частныя объявленія и публікаціи, за исключеніемъ рекламъ, о вновь вышедшихъ медицинскихъ книгахъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: пр.-доц. Г. М. Герценштейнъ, проф. Н. Э. Голубовъ, проф. А. П. Губаревъ, проф. Г. А. Захарьинъ, проф. Ковалевскій, проф. Курчинскій, проф. Мухинъ, проф. Патенко, проф. Подрезъ, проф. Поспѣловъ, прив.-доц. Д. Д. Поповъ, проф. П. М. Поповъ, д-ръ Рудневъ, проф. Скворцовъ, проф. Снегиревъ, проф. Тарновскій, прив.-доц. Э. К. Трапезниковъ, проф. Шилтовъ, проф. Ясинскій, прив. А. В. Яковсонъ, д-ръ С. С. Яковлевъ, проф. В. В. Чирковъ и друг.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ. Редакція: Гороховая, д. № 40.

Подписная цѣна за годовое изданіе 5 руб. съ доставкой и перес. Для студентовъ—3 р. съ перес. Статьи высылаются въ редакцію газеты „Медицина“: С.-Петербургъ, Гороховая, д. № 40. Оставшіеся экземпляры за 1895 и 1896 гг. продаются въ редакціи по 5 руб., а за 1893 и 1894 гг.—по 4 руб. съ перес.

Труды, печатаемые въ нашемъ періодическомъ изданіи, по окончаніи ихъ, поступаютъ въ продажу отдѣльными книгами; при чемъ подписчики на „Медицину“ получаютъ всѣ изданія редакція съ уступкой (50%) при своевременномъ заявленіи объ этомъ при подпискѣ, вслѣдствіе ограниченнаго количества печатаемыхъ экземпляровъ.

Вышла февральская книжка педагогического журнала

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Оригинальныя и переводныя статьи. Естествознание и школа (по Колльбаху). (Статья вторая). Л. Д. С.—Чѣмъ отличается американская школа отъ русской? (Статья четвертая). Е. Янжуль. — О преподаваніи этики во французскихъ начальныхъ школахъ. Ф. Эвеллена (пер. съ французскаго).—Примѣненіе гипнотическихъ внушеній къ исправленію порочныхъ дѣтей. Я. Боткина.—Школа обществознаія. Е. Л. — Къ вопросу о грамматизмѣ. Г. Париса (пер. съ французскаго).—Московскія городскія начальные училища.—Признаки времени. Н. Скворцова.—Вліяніе школы и тѣры на развитіе природнаго таланта. Д. Д. Семенова.—2) Критика и библиографія. Наши педагогическіе журналы за вторую половину 1896 г. (Русская Школа).— Мужество, какъ идеаль дѣятельной жизни. К. Вагнера. — Разказы для дѣтей старшаго возраста. Е. Григоровой.— Счастье, повѣсть для юношества. А. Круглова.—Среди моряковъ, разказы К. Станюковича.—Приключенія одного скитальца (Сибжукъ и Картошка), повѣсть М. Альбова.— Дѣвочки. Воспоминанія изъ институтской жизни. Н. Лухмановой.—Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни. С. Бобровскаго.— Не слишкомъ ли много мы дѣлимъ нашихъ дѣтей? Е. Дрентельнъ.—Какъ узнать характеръ человѣка? Г. Ф-та.—3) Рефераты и мелкія сообщенія. Педагогическія положенія Адольфа Дистервега.—Изъ вступительной лекціи Ф. Бюиссова, профессора педагогій въ Сорбоннѣ.—Опросный листъ для собранія свѣдѣній о дѣтскомъ чтеніи.—Новый типъ американскаго университета.—Къ вопросу о порядкѣ открытія земскихъ школъ.—Циркуляр вятскаго губернатора о надзорѣ за народными и училищными библиотеками.—Что можно преподавать въ воскресныхъ школахъ?—Промышленныя училища имени Ф. В. Чижова.—Изъ отчета экспертной комиссіи при второмъ сѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію.—Значеніе памяти. А. В.—Английское общество для защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.—Подвижныя игры въ ряду физическихъ упражненій.—Какія усилія употребляютъ дѣти при обученіи фортепьянной игрѣ.—Первоначальное воспитаніе глухонѣмыхъ дѣтей въ семьѣ и въ школѣ.—Мѣры къ охраненію зубовъ у учащихся. — Повальное распространеніе икоты среди ученицъ народной школы. 4) Хроника. Школа, литература и жизнь. Народное образованіе въ городахъ; недостаточность точныхъ данныхъ о положеніи народнаго образованія въ городахъ; отсталость городовъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и ея причины; развитіе городскихъ школъ за послѣднюю четверть вѣка; уѣздныя и городскія по положенію 1872 г. училища; учрежденія для внѣ-школьнаго образованія народа.—По поводу 25-лѣтія педагогической дѣятельности В. П. Вахтерова. С. Р. В.—Къ юбилею народнаго учителя В. Я. Аврамова, В. Вахтерова. 5) Объявленія.

Открыта подписка на 1897 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пров. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., за границу на годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер. д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

За редактора д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

За издателя наследники Е. А. Покровскаго.

Вышла мартовская (3-я) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Освобожденный Прометей. Лирическая драма въ четырехъ актахъ. Перси Биши Шелли. Переводъ съ англійскаго. К. Д. Бальмонта. Продолженіе. II Уголокъ Колхиды. Продолженіе. В. Я. Свѣтлова. III. Александръ Николаевичъ Островскій. (По моимъ воспоминаніямъ). Продолженіе. С. В. Максимова. IV. Крестоносцы. Историч. ром. Генрина Сенневича. Перев. съ польск. В. М. Л. Продолженіе. V. Старшій рабочий. Очеркъ. Дмитрія Абельдяева. VI. На ясномъ берегу. Повѣсть Генр. Сенневича. Перев. съ польск. В. М. Л. Продолженіе. VII. Звѣрь въ человѣкѣ (Дюре Рейль) (Изъ семейной хроники). Романъ. Ионаса Ли. Перев. съ датскаго. А. и П. Ганзенъ. Продолженіе. VIII. Стихотвореніе: Мих. Гербановскаго. IX. Гражданское уложеніе для Германской имперіи въ связи съ научными и общественными теченіями въ современной Германіи. Окончаніе. М. И. Бруна. X. Среди новоселовъ (Отъ Барнаула до Костина Лога). Н. X. XI. Кредитныя учрежденія на Кавказѣ въ 1894 г. А. Н. Сазонова. XII. Анамская община. М. И. Венюкова. XIII. Соціологія и право. И. Г. XIV. Изъ исторіи грузинской литературы (кн. Р. Д. Эрнстовъ). А. С. Хаханова. XV. Организация труда какъ видъ благотворительности въ Парижѣ. Маргариты Сабашниновой. XVI. Нама нефтяная промышленность. Н. И. Тумскаго. XVII. Король Ричардъ III (бенефисъ г. Южина). Ив. Иванова. XVIII. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова. XIX. Письмо въ редакцію. В. П. Ваутерова. XX. Внутреннее обозрѣніе. XXI. Иностранное обозрѣніе. В. А. Г. XXII. Современное искусство: музыкальная хроника. Александра Барсова. XXIII. Картинки современныхъ нравовъ. К. М. Станюковича. XXIV. Библиографическій отдѣлъ. XXV. Объявленія.

Продолжается подписка на 1897 г. восемнадцатый годъ изданія.

Цѣна съ дѣст. и перес. во всѣ города Россіи: на годъ 12 р., на 9 м. 9 р., на 6 м. 6 р., на 3 м. 3 р., на 1 м. 1 р.; за границу: на годъ 14 р., на 9 м. 10 р. 50 к., на 6 м. 7 р., на 3 м. 3 р. 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ журнала: Уголь Леонтьевскаго пер. и Никитской ул., домъ № 2—24. Въ Петербургѣ - въ книжн. магазинѣ Фену и К^о, Невскій. Въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Л. Издиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ приемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библиотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библиотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

МИРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Подписка на девять мѣсяцевъ съ 1-го апрѣля по 31-е декабря 1897 года.

Подписная цѣна за 9 мѣсяцевъ съ доставкой на домъ 12 р., съ пересыл. иногороднимъ—13 р. 50 к. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ glavной конторѣ газеты „Мировые Отголоски“: Фонтанка, домъ 80, и въ отдѣленіи конторы: Невскій проспектъ, домъ 40, при книжн. магазинѣ Фену и К^о.

Вышла третья мартовская книжка иллюстрированного журнала

Дѣтское Чтеніе.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ: 1. Картинка. Весна идет! Стихотвореніе В. А. Рисунокъ художника Н. Н. Ольшанскаго. (На отдѣльномъ листѣ). 2. Пѣсня о книгѣ. Л. М. Медвѣдева. Съ рисункомъ художника В. И. Андреева. 3. Скверный день Василя Иваныча. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисункомъ художника П. Е. Литвиненка. 4. Подвѣснѣный ауль. Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. Гл. VIII—XI. (Продолженіе). Вас. Ив. Немировича-Данченко. Съ двумя рисунками художника К. Н. Чичагова. 5. Полярное море. Стих. В. А. Гиляровскаго. Съ тремя рисунками. 6. Уи и Уилли Уинки. Разсказъ Редярда Киплинга. Съ англійскаго А. Р. 7. На экзамены. Миниатора. Виктора Лицкина. 8. Памяти матери. На мотивъ Петефи. Стих. И. А. Бѣлоусова. 9. Зайкина невѣста. Сказка. А. А. Оедорова-Давыдова. Съ тремя рисунками. 10. О чемъ разговаривали книги. Сказка Н. Введенскаго. 11. Комедианты. Разсказъ. Передѣлано съ французскаго Е. Н. Красногорской. 12. Авдюшкина копейка. Весенніе мотивы. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. 13. Безпечное дѣтство, счастливые годы... Стих. Е. Нецаева. 14. Парскія дѣти и ихъ наставники. I. Петръ I и жители „Нѣмецкой слободы“. Гл. VI—X. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго. Съ шестью рисунками. 15. Сынъ оружейника. (Тридцатый годъ по Р. X.). О. Стоддарда. Гл. I—IV. Съ англійскаго А. Н. Рождественской. Съ четырьмя рисунками. 16. Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. Гл. IV—VII. (Продолженіе). Ив. Ив. Иванова. 17. Таинственные города. Географическіе очерки. I. Торговый городъ великой пустыни. Д. А. Корочевского. Съ пятнадцатью рисунками. 18. Исторія доскута бумаги. W. 19. По бѣлу свѣту. Поморы. Добрый обычай съверянъ. Гостеприимство инородцевъ. А. Т. 20. Ребусы, шарady и загадки. 21. Рѣшенія. 22. Содержаніе первыхъ трехъ книжекъ „Дѣтскаго Чтенія“. 23. Объявленія.

Подписка принимается: Москва, Тверская ул., д. Гиршманъ, кв. № 40.

Цѣна на годъ съ пересылкою 6 р., 5 руб. безъ доставки, 3 руб. на полгода, 1 р. 50 к. на четверть года.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Новыя книги изданія „Библиотечка Дѣтскаго Чтенія“.

Альбовъ, М. Н., „Исторія одного скитальца“ (Снѣжокъ и Картошка), ц. 1 руб. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н., „Аленушкины сказки“, ц. 75 к. Его же „Заграницы“, ц. 75 к. Его же разсказы и сказки. Первый сборникъ для младшаго возраста. Второе дополненное изданіе. 1897 г., ц. 75 к. Сталюковичъ, К. М., „Среди моряковъ“, ц. 60 к. Мордовцевъ, Д. Л., „Погибель Иерусалима“, ц. 10 к. Поспѣловъ, М., „Дѣдушка посоль“, ц. 6 к. Тихомировъ, Дм. Ив., „Записки о педагогическихъ курсахъ въ Твери“, ц. 1 руб. Его же „Вѣшніе всходы“, книга для классаго чтенія, бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и дома, годъ первый, третье изд., ц. 30 к.; годъ второй, третье изд., ц. 40 к. Обѣ книги допущены Уч. Ком. Мян. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ школахъ. Третья книга „Вѣшніе всходы“, ц. 60 к. Руководство для учителя, ц. 30 к. Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учительскія бібліотеки. Печатаются и въ мартѣ выйдутъ: Какъ надо жить. Леббока. Съ англійскаго Д. А. Корочевского, ц. 80 к. Съ Поводья. Родныя картинки. Разсказы Н. А. Соловьева-Несмѣлова, ц. 60 к.

Открыта полугодовая (съ 1-го апрѣля по 1-е октября) подписка

на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

Новое Слово.

Вышла шестая, мартовская, книжка

СОДЕРЖАНИЕ: Къ подписчикамъ. О. Н. Поповой. 1. Коноваловъ. Очеркъ. М. Горькаго. 2. Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина. (Ихъ переписка). 3. * *. Стихотвореніе. Ѳ. Кочерова. 4. Витализмъ. Статья проф. Макса Ферворнъ. (Переводъ съ рукописи). 5: Въ чужомъ гнѣвѣ. Романъ ХХІІІ—ХХІХ. К. Ельцовой. 6. По кочевьямъ забайкальскихъ бурятъ. II—III. М. Кроля. 7. Задатокъ жениха. Повѣсть Эдуарда Вильда. (Съ эстонскаго). 8. Обѣтованная земля. Романъ. Кн. III. Генриха Понтюпидана. (Съ датскаго). 9. На разныя темы. I. Наши утописты. Novus. 10. Финляндскій сеймъ. Письмо изъ Гельсингфорса. Р-на. 11. Иванъ Франко. (Галицкій писатель). Евгенія Дегена. 12. Новая книга. 13. Къ вопросу о вліяніи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ. М. Туганъ-Барановскаго. 14. Обзорѣніе внутренней жизни. I. Школы и бібліотеки въ тюрьмахъ. Гр. Дубовенко. II. Свѣздъ представителей обществъ взаимопомощи. Д. Д. Провинціальная печать. Периодическая печать на Кавказѣ. Письма изъ провинціи. Изъ Кириллова (Новгородской губ.). А. Клм. — Изъ Новочеркасска. (Жизнь современнаго казачества). Икса. — Тверь. (Страничка настоящаго). С. Ан. Ч—го. — Изъ Тульской губерніи. (Зимній наемъ на полевая работы). 15. Обзоръ заграничной жизни. В. П. 16. Текущіе вопросы внутренней жизни. П. В. 17. Отъ Импер. военнаго-медицинской академіи. 18. Новая книга, присланная въ редакцію въ февралѣ. 19. Объявленія. 20. Приложение: Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Соч. Ж. Жюссера.

Годовая подписка на „Новое Слово“ (отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ) принимается съ 1-го октября 1896 г. по 1-е октября 1897 г.

Подписная цѣна: съ пересылкой на годъ 10 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к.; безъ пересылки на годъ 9 р., за границу на годъ 12 р.; за ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 октября 1895 г. по 1 октября 1896 года.

Контора редакцій: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1. Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, „Библіотека Черкесова“.

Въ Москвѣ: Отдѣленіе конторы журнала „Новое Слово“, книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, д. Спиридонова.

Подписка на полгода и на 3 мѣсяца допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія. Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Лица, выписывающія изданія О. П. Поповой чрезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ С.-Петербургѣ за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Редакторъ А. Н. Поповъ.

Издатель М. Н. Семеновъ.